Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
КУБАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ПРИЧЕРНОМОРЬЕ В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ: ИСТОРИЯ, ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА

Материалы
Международной научно-практической конференции

Севастополь, 24–26 октября 2019 г.

Краснодар
2019

УДК 94:32:008(470+571)(062.552)
ББК 63.3:66:71(2Рос)я43
П 776

Редакционная коллегия:
А.В. Баранов (отв. ред.), В.В. Касьянов (отв. ред.),
Л.Н. Гарас, Е.Ф. Кринко, Т.В. Лохова

П 776 Причерноморье в контексте российской цивилизации: история, политика, культура: материалы Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. А.В. Баранов, В.В. Касьянов. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2019. – 589 с.
ISBN 978-5-8209-1668-7

В издании представлены доклады ведущих специалистов по истории и современному развитию Причерноморья, представителей высших учебных заведений России, Белоруссии, Сербии, Болгарии, ДНР и ЛНР. Проведен анализ исторических, политических и социокультурных аспектов роли Причерноморья в развитии российской цивилизации.

Адресуется историкам, социологам, политологам, конфликтологам, экспертам-аналитикам в сфере международных отношений и регионоведения.

УДК 94:32:008(470+571)(062.552)
ББК 63.3:66:71(2Рос)я43

ISBN 978-5-8209-1668-7

© Кубанский государственный университет, 2019

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

В.В. Касьянов

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ КАК РЕСУРС НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

В статье исследуется феномен исторической памяти, механизмы и агенты его конструирования. Отмечается, что историческая память сопряжена с постоянными спорами и даже конфликтами, выходящими и на политический уровень. Поэтому уместно говорить о том, что историческая память связана с поддержанием национальной безопасности, понятой в широком смысле обеспечения благополучия нации, невозможного в ситуации острых идейных конфликтов. Однако в ситуации мировоззренческого плюрализма и отсутствия монополии на «производство памяти» достижение согласия по поводу исторического прошлого возможно лишь на путь общественной дискуссии, которая едва ли когда-нибудь найти окончательное завершение. Но весьма значимую роль в этих дискуссиях играет историческая политика, осуществляемая государством.

Ключевые слова: историческая память, историческая политика, коллективная память, культурная память, идеология.

V.V. Kasyanov

HISTORICAL MEMORY AS A RESOURCE NATIONAL SECURITY

The article explores the phenomenon of historical memory, the mechanisms and agents of its construction. It is noted that historical memory is associated with constant disputes and even conflicts that go to the political level. Therefore, it is appropriate to say that historical memory is associated with maintaining national security, understood in the broad sense of ensuring the well-being of the nation, which is impossible in a situation of acute ideological conflicts. However, in a situation of worldview pluralism and the absence of a monopoly on the “production of memory”, reaching an agreement on the historical past is possible only along the path of public discussion, which will hardly ever find a final conclusion. But a very significant role in these discussions is played by the historical policy pursued by the state.

Key words: historical memory, historical politics, collective memory, cultural memory, ideology.

Понятие исторической памяти восходит к более ранним исследованиям социальной и культурной памяти. Исходными следует считать исследования М. Хальбвакса, посвященные феномену коллективной памяти. Находясь в русле дюркгемианской социологической традиции, Хальбвакс рассматривал память отдельного индивида как результат множества социальных влияний, то есть индивидуальная память имеет социальную природу. Хальбвакс вводит понятие коллективной памяти, причем рассматривает её как социальный конструкт, создаваемый и поддерживаемый социальными группами [1].

Большой вклад в развитие исследований коллективной памяти внес Я. Ассман, который разработал концепцию культурной памяти, он же обозначил необходимость такого направления исследований как «история памяти». Культурную память он отличает от коммуникативной [1]. Коммуникативная память – это живая память, существующая в процессе непосредственного взаимодействия индивидов [3]. Культурная память существует в символических репрезентациях, она выходит за рамки индивидуальной памяти и воплощается в мемориальных объектах, текстах, ритуалах.

Культурная память сохраняет только наиболее значимые события, как правило, мифического характера, эти события важны для сохранения единства группы и нормативной регуляции. В исследования коллективной памяти большой вклад внесли также П. Рикёр [4], П. Нора [5], Д. Лоуэнталь [6] и целый ряд других авторов. В современных исследованиях понятия «коллективная память», «культурная память», «социальная память», «историческая память» не всегда имеют одинаковые значения.

Приобретшее популярность с 90-х гг. XX века понятие «историческая память» не имеет однозначного определения. Но чаще всего под исторической памятью понимается своеобразная символическая репрезентация истории в массовом и индивидуальном сознании. Историческая память включает образы, символы, события, мифологемы, которые по каким-либо причинам приобрели особое значение. Историческая память –

часть культурной памяти, связанная, однако, с осмыслением исторических событий, а также зачастую с их идеологизацией или мифологизацией. Историческая память не формируется абсолютно стихийно, она связана и с исторической наукой, и с политической деятельностью [7].

Историческая память представляет собой канал трансляции знаний о прошлом, она также составляет фундамент коллективной идентичности и идентичности индивидов, она не только определяет отношение к прошлому, но и задает ориентиры поведения в настоящем. Историческая память позволят индивиду ощутить себя частью превосходящей его общности, стать звеном в цепи поколений, что придает смысл отдельному человеческому существованию. Благодаря исторической памяти индивидуальное «Я» оказывается способным к своеобразному трансцендированию во времени.

Историческая память может становиться причиной политических и социальных конфликтов, вплоть до войн. Сохраняющиеся в исторической памяти обиды «взывают к мести» через много поколений, интересно, что взрывной эффект могут оказывать и воспоминания почти исчезнувшие, но становящиеся вдруг актуальными в какой-то момент. Разное отношение к тем или иным историческим событиям, сохраненным исторической памятью, способно раскалывать общество, потому достижение согласия по поводу основных исторических событий, важных для общества, представляет собой весьма актуальную задачу.

В отношении национальной культуры историческая память выступает как один из весьма значимых элементов. Собственно, выстраивание определенных исторических нарративов и означало формирование национальных культур и национального самосознания, то есть формирование национальных культур и формирование исторической памяти наций – это неразрывные переплетающиеся процессы. Поскольку нации – это политические сообщества, базирующиеся на общности национальной культуры и общем прошлом [8], выработка нарратива об этом прошлом является не только историко-научной, но и политической задачей, потому всё больше

внимания уделяется сегодня политике памяти, исторической политике, культурной политике и т.д.

Значимость всех этих видов политики, нацеленной на формирование и укрепление коллективных идентичностей, возросла на исходе XX века, чему были определенные причины. Постмодернистская критика «метанарративов», как и политические процессы, связанные с распадом «социалистического лагеря» и идеологической гомогенизацией мира в результате универсального распространения либерализма уже не просто как политической идеологии, а как идейной и экономической парадигмы глобализации, вызвали к жизни кризис коллективных идентичностей практически во всех уголках мира, включая и западные общества, которые также находятся под воздействием глобализационных процессов – от экономических до миграционных [9], ставящих под вопрос и национальные границы, и национальные культуры и национальные политические ценности.

Неопределенность мировоззренческих ориентиров, ослабление прежних политических идеологий, и в то же время – стремление отстоять культурную специфику, превратили историю в один из немногих оставшихся источников ориентации, но при этом переосмысливаются унаследованные от «жесткого модерна» исторические нарративы. Само понятие исторической памяти является, в какой-то степени, следствием этого переосмысления. Ведь историческая память не тождественна историческому знанию, хотя и ориентируется на него. Это гораздо менее объективное знание, знание, включающее в себе эмоциональную и мифологическую составляющую, знание, которое обладает значением не просто факта, а переживаемого опыта, часто травматичного. Неслучайно проблема исторической памяти в современных дискуссиях нередко обсуждается наряду с понятием «травмы», как коллективной, так и индивидуальной [10]. Однако историческая память несет в себе и образы событий, вызывающих гордость и радость.

В российском обществе, как и на всем постсоветском пространстве, происходят глубокие и противоречивые процессы формирования новой модели исторической памяти, причем эти

процессы отчасти являются стихийными, отчасти – управляются различными политическими субъектами: от, собственно, государства до различных политических деятелей и группировок, вплоть до маргинальных. На институциональном уровне формирование исторической памяти связано, в первую очередь, с образованием, именно школа формирует матрицу восприятия исторического прошлого, расставляет вехи, выделяет значимых персонажей и поворотные события истории того или иного государства.

Важной структурой, формирующей историческую память, являются музеи, которые в условиях современного общества всё более переходят от принципа «информирования» посетителя о тех или иных событиях или эпохах, к созданию особой атмосферы, способствующей переживанию посетителями определенного эмоционально окрашенного опыта. Наряду с музеями, большое значение имеют памятные места, являющиеся объектами интереса и даже коммерческого освоения.

Значительная роль в формировании исторической памяти принадлежит искусству и литературе, кинематографу, причем как в массовом, так и в элитарном варианте. И, наконец, в современных обществах, вся символическая сфера пронизана воздействием СМИ, которые также являются важнейшим фактором, воздействующим на историческую память. Именно СМИ сегодня делают доступными для массовой аудитории символические репрезентации прошлого, которые потом и составляют представление о ней обычного человека [11]. Список литературыи тем более научные публикации, несмотря на их значимость, уступают по охвату аудитории СМИ, кроме того, СМИ часто выступают посредниками между специализированным знанием и массовыми представлениями, в том числе и об истории.

Появление Интернета радикальным образом изменило ситуацию с распространением информации, в том числе, исторического (или псевдоисторического) характера, что, в свою очередь, повлияло на механизмы формирования исторической памяти – прежде всего, беспрецедентно расширился круг участников этого процесса, и теперь он охватывает не только

специалистов, но и всех, интересующихся историей – как в научном ее варианте, так и в лженаучном. Кроме того, Интернет предоставляет новые возможности для обсуждения тех или иных тем всеми, кто желает участвовать в таком обсуждении.

В российском сегменте мировой сети существует множество сетевых сообществ [12], посвященных истории, их участники делятся не только информацией, но и постоянно обсуждают те или иные исторические вопросы. Сами эти дискуссии становятся механизмом формирования исторической памяти. Конечно, следует отметить и такой очевидный эффект Интернета как доступность огромного массива исторических материалов, которые индивид может использовать, руководствуясь собственными убеждениями и целями.

Итак, в формировании исторической памяти принимают участие политические деятели, ученые, интеллектуалы, журналисты и творческие деятели самого разного плана. Но в формировании исторической памяти участвуют и обычные граждане, заинтересованные в истории своей семьи, предков, истории края, «малой родины». На основе инициативы таких граждан могут возникать различные общественные организации и общественные инициативы, связанные с увековечиванием каких-то дат, мест, событий, памяти отдельных людей

В формировании исторической памяти участвуют и религиозные организации – от доминирующих традиционных конфессий до разнообразных «новых религий».

Интересно отметить, что новые религии особого толка – прежде всего, неоязыческие, - пытаются конструировать собственные варианты истории – и соответственно исторической памяти, возрождают или создают собственные памятные места, легенды, сказания, родословные. Их конструкции очень далеко отстоят от научного знания, тем не менее, такие попытки представляют собой интересный пример нынешнего многообразия подходов к видению прошлого и попытки изменить это прошлое – «изменить» в смысле создания собственного мифоисторического нарратива, иной версии исторической памяти.

Доминирующие религиозные организации также вносят вклад в формирование исторической памяти, многие исторические памятники, достопримечательности, знаковые исторические персонажи связаны с религией, история религиозных организаций тесно переплетена с историей общества. В условиях современной десекуляризации религиозные сообщества всё активнее заявляют о своем присутствии в публичном пространстве, и их отношение к истории общества тоже становится частью исторической памяти.

Если обратиться к российскому опыту, то такие события, как расстрел царской семьи или разрушение Храма Христа-Спасителя уже стали элементами исторической памяти постсоветского российского общества, однако интерпретируются по-разному различными группами верующих, а также верующими и неверующими россиянами.

Многообразие участников процесса формирования и поддержания исторической памяти создает парадоксальную ситуацию, когда у общества нет единого представления о своей истории, что отличается от еще относительно недавнего прошлого, когда различные нации имели о нем более или менее общее представление, и профессиональные дискуссии историков не очень влияли на массовые установки.

Сегодня историческая память сопряжена с постоянными спорами и даже конфликтами, выходящими и на политический уровень. Именно поэтому уместно говорить о том, что историческая память связана с поддержанием национальной безопасности, понятой в широком смысле обеспечения благополучия нации, невозможного в ситуации острых идейных конфликтов. Однако в ситуации мировоззренческого плюрализма и отсутствия монополии на «производство памяти» достижение согласия по поводу исторического прошлого возможно лишь на путь общественной дискуссии, которая едва ли когда-нибудь найти окончательное завершение, что соответствует подвижной природе исторической памяти и историчности как базовой характеристике человеческого существования в мире.

В постсоветской России отношение к истории и определенным историческим событиям и персонажам едва ли не

замещает собственно идеологические различия, которые с трудом прослеживаются в современной российской политической культуре, где сложно обнаружить левых, либералов и консерваторов в западном значении терминов, да и в западных обществах эти идеологии давно утратили четкость и определенность, распавшись на множество течений и потеряв связь с какими-то определенными социальными группами.

Российское общество, точнее различные представители этого общества, идейно самоопределяется на основе отношения к прошлому, то есть на основе разных версий исторической памяти, разном отношении к событиям прошлого. Несмотря на многообразие взглядов на исторический путь страны и множество субъектов, вовлеченных в дискуссии по этому вопросу, основную роль в формировании видения истории, по крайней мере, в России, играет государство, которое заинтересовано и в обеспечении интеграции общества, и в поддержании собственной легитимности. Прошлое выступает в качестве важного ресурса не только для легитимации сложившейся системы в целом, но и для отдельных политических решений.

Обращаясь к прошлому для обоснования своих действий и решений, политики, так или иначе, занимаются его конструированием. При этом отбираются не все события, а лишь те, которые относительно хорошо известны населению, имеют особую эмоциональную значимость, причем как позитивную, так и негативную. В зависимости от целей политической деятельности можно апеллировать к событиям, являющим «величие нации», а можно, - напротив, к тем, которые ассоциируются с поражением, чтобы стимулировать определенного рода массовый отклик.

Российская власть в постсоветский период также столкнулась с необходимостью выработки определенной исторической политики, потребность в этом определялась исчезновением СССР и ослаблением влияния того исторического нарратива, который был выстроен в советскую эпоху. С той же проблемой столкнулись все бывшие республики СССР. Необходимо было переосмыслить и по-новому структурировать имеющийся

исторический опыт, причем это переосмысление нередко превращалось в радикальный пересмотр, события, представляемые ранее исключительно в позитивном ключе, меняли своё значение на противоположное. Тут хорошим примером может быть отношение к октябрьской революции 1917 года, бывшей важнейшей вехой исторической памяти в советские годы.

В 90-е гг. историческая политика российской власти строилась, главным образом, на критике прошлого опыта, то есть имела негативный характер. Критиковался, в первую очередь, советский период истории, поскольку именно его недостатки привели к необходимости радикальных политических и экономических реформ. Важной темой была критика тоталитаризма, необходимость разрушения которого оправдывала травматичные реформы. Радикальным образом менялась государственная символика, при этом возникала проблема выработки новых символов и новых ключевых исторических событий.

Однако тотально критичное отношение к советскому прошлому на фоне реального ухудшения качества жизни большинства россиян вызывало отторжение, и среди интеллектуалов, настроенных оппозиционно по отношению к правящему режиму, стал формироваться апологетический дискурс, оправдывающий советский период даже в наиболее негативных его проявлениях. Отношение к Сталину и репрессиям 30-х гг. XX в. до сих пор разделяет российское общество.

Осознание того факта, что только лишь отрицание советского опыта, особенно в проблемной ситуации социально-экономического транзита привело к попыткам выстроить компромиссную модель, в которой большую роль играла Великая Отечественная война. В начале 90-х гг. предпринимались попытки изменить сложившиеся практики празднования, но к середине 90-х вернулись к привычному варианту, а Красное Знамя победы было специальным указом президента закреплено в качестве элемента государственной символики. Были предприняты попытки смягчить отторжение революционных событий, в 1996 г. 7 ноября было переименовано в День

примирения и согласия. Тем не менее, общий настрой исторической политики эпохи Б.Н. Ельцина был отмечен критицизмом по отношению к российскому прошлому, но отсутствием внятной и популярной новой символики, которые могли бы компенсировать утрату прежней модели прошлого, закрепившейся в исторической памяти с советских времен.

Эта проблема не решена до сих пор. В период, последовавший после прихода на пост президента В.В. Путина, отмеченный большим вниманием к исторической политике, происходит заметный поворот к реабилитации советского прошлого, в какой-то степени это можно рассматривать, как результат неспособности выработать какие-то альтернативные символические модели репрезентации исторического опыта.

С другой стороны, частичная реабилитация советского прошлого сопровождалась стремлением вернуть целостность российской истории, сделав ее центром развитие российской государственности, потому советский период превращался в часть это «тысячелетней» (В. Путин) истории, как и нынешний этап развития российского общества. Таким образом, в исторической политике акцент был сделан на ценность государства. В этот период продолжает усиливаться значимость Великой Отечественной войны как события коллективной памяти и повод для национальной гордости.

Опросы свидетельствует, что для россиян 9-е Мая является одним из самых значимых праздников. Меняется праздничная символика, возрастает значение личного участия в праздничных мероприятиях, появляются новые практики выражения причастности к прошлому («Бессмертный полк»).

Но при этом большинство «знаковых» событий советского периода: революция, коллективизация, индустриализация, национальная политика не имеют однозначной оценки, и общей модели исторической памяти в российском обществе до сих пор не существует. Зато можно констатировать несомненный рост интереса к истории – семейной, региональной, общенациональной и мировой, и это характерно не только для России. Само распространение понятия исторической памяти говорит о фиксации исследователями нового ощущения истории

– как чего-то экзистенциально необходимого современному человеку, испытывающему кризис индивидуальной и коллективной идентичности.

Список литературы

1. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М., 2007.
2. Kasyanov V.V., Chapurko T.M., Ibrahim M.S., Klimenko T.M., Merzakanov S.A., Samygin S.I. Subjects of a civil dialogue in the resolution of inter-ethnic conflicts in societies with ethno-cultural diversity. Dilemas contemporáneos: Educación, Política y Valores. 2019. Т. 6. № S6. С. 144.
3. Рикёр П. Память, история, забвение. М., 2004.
4. Нора П. Всемирное торжество памяти // Память о войне 60 лет спустя. Россия, Германия, Европа. М., 2005.
5. Лоуэнталь Д. Прошлое – чужая страна. СПб., 2004.
6. Shakhbanova M.M., Kasyanov V.V., Gafiatulina N.Kh., Gluzman I.V., Polivina M.A., Gnatyuk M.A., Ramazanov R.O. (2019). The Role of Trust in the Formation of Ethnic Tolerance and Social Health in the Modern Russian Society. Revista Inclusiones. 2019. Vol. 6. No 2. Pp. 296-305.
7. Shchukina E.L., Vorobyeva E.V., Lubsky A.V., Kasyanov V.V., Solodovnik L.V. Culture as an element of "soft power" in the conditions of geopolitical competition. Man in India. 2016. Т. 96. № 10. С. 3817-3829.
8. Vladimir Gryshai, Natalya Gafiatulina, Valery Kasyanov, Irina Velikodnaya, Sergei Kosinov, Nikolay Lyubetsky, Sergey Samygin Social health of youth in the context of migration processes in Russia: assessment of the threat to national security (2018) // Herald National Academy of Managerial staff of culture and arts. №2. P. 141-145. http://heraldnamsca.in.ua/index.php/hnamsca/article/view/310.
9. Щербакова Л.И., Гафиатулина Н.Х., Самыгин С.И. Социальное здоровье российской молодежи в свете теории социокультурной травмы // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 6-7. С. 90-96.
10. Касьянов В.В. Виртуальное пространство как новый - "старый" социокультурный феномен: Реклама, маркетинг, PR: теоретические и прикладные аспекты интегрированных коммуникаций Материалы I Международной научно-практической конференции. 2018. С. 6-12.
11. Касьянов В.В., Ковалев В.В., Самыгин С.И. Крым и Россия: единство и борьба противоположностей // Национальное здоровье. 2018. № 3. С. 147-152.
12. Касьянов В.В., Эгильский Е.Э., Самыгин С.И. Новые религиозные движения в западных странах: возникновение и рост в 60-х - 80-х годах XX века // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 11. С. 40-45.

А.В. Баранов

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В КРЫМУ И СЕВАСТОПОЛЕ (НА МАТЕРИАЛАХ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ОПРОСОВ)[1]

В статье определена направленность этнополитических процессов в современном Крыму и Севастополе. Выявлены стереотипы и установки межэтнических и межконфессиональных восприятий на основе итогов социологических опросов. Раскрыты возможности конструирования российской национально-государственной идентичности в основных этнических группах регионального сообщества.

Ключевые слова: этнополитические процессы, Крым, Севастополь, социологические опросы.

A.V. Baranov

ETHNOPOLITICAL PROCESSES IN CRIMEA AND SEVASTOPOL (ON THE MATERIALS OF SOCIOLOGICAL SURVEYS)

The article defines the direction of ethno-political processes in contemporary Crimea and Sevastopol. The stereotypes and attitudes of interethnic and interfaith perceptions based on the results of sociological surveys are revealed. The possibilities of constructing the Russian national-state identity in the main ethnic groups of the regional community are revealed.

Key words: ethno-political processes, Crimea, Sevastopol, opinion polls.

Актуальность темы доклада состоит в том, что этнополитические процессы в Республике Крым и г. Севастополе на протяжении воссоединения с Россией (2014–2019 гг.) динамично изменяются. Для обеспечения национальной безопасности, преодоления этнического и религиозного экстремизма крайне важно вести научно обоснованный мониторинг межэтнических и межконфессиональных отношений, выявить потенциал конструирования российской национально-государственной идентичности в крымском сообществе.

[1] Исследование выполнено в рамках проекта Российского фонда фундаментальных исследований № 17-03-00802 «Конфликтогенные и интеграционные факторы развития человеческого потенциала Юга России в условиях новых геополитических вызовов».

Цель статьи – определить направленность и основные индикаторы этнополитических процессов в Республике Крым и г. Севастополе на основе анализа результатов социологических опросов 2017–2019 гг. Достижение цели потребует выявить стереотипы и установки межэтнических и межконфессиональных восприятий, раскрыть возможности конструирования российской национально-государственной идентичности в основных этнических группах регионального сообщества. Необходимо также сравнить в синхронном ракурсе ориентации и установки населения Республики Крым и г. Севастополь, установив их сходства и различия.

Тема исследована недостаточно и фрагментарно. Наибольшее внимание специалистов вызывает оценка крымчанами политических преобразований [1], межэтнических и межрелигиозных взаимоотношений [2; 3]. Реже проводятся исследования уровня осведомлённости [4] и мотиваций политического поведения [5], особенностей общественного мнения основных этнических групп [6]. Преобладают исследования на основе глубинного интервью [7] и наблюдения [8]. Быстро меняющиеся условия интеграции требуют проводить опросы часто и регулярно, по единой программе, что не всегда соблюдается.

Теоретический инструментарий нашего доклада включает в себя неоинституциональную трактовку этнополитических процессов и конструктивизм в осмыслении этничности. На прикладном уровне интерпретированы результаты анкетных опросов, в том числе – проведённых с участием автора в 2017–2019 гг. (коллектив в составе И.В. Юрченко, М.В. Донцовой, Н.Н. Юрченко, Л.Н. Гарас, В.А. Чигрина).

Этнополитический процесс понимается нами как закономерная совокупность действий и взаимодействий субъектов политики, а также результаты их деятельности, проявляющиеся в этнической сфере общества и влияющие на распределение ресурсов власти, идеологемы и маркеры групповых идентичностей. Данный процесс отличается от иных политических тем, что властные отношения и статусные позиции маркированы этнически.

Эмпирическая основа статьи – результаты пилотажного анкетного опроса (лето 2017 г.) и двух волн массового анкетного опроса в Республике Крым (РК) и г. Севастополе (август – сентябрь 2018 и май – июнь 2019 гг.). Опросы проведены по пропорциональной этнической и гендерной выборке, в населённых пунктах различного размера (административные центры двух регионов, города среднего и малого размера, сельская местность). Выборка массовых опросов – 630 чел. (380 в Республике Крым (РК) и 250 в г. Севастополе), возраст 16–35 лет; работает и совмещает работу с учёбой 39,8%, только учится 57,9% респондентов, остальные ведут домашнее хозяйство либо безработные). На Крымском полуострове основными по численности этническими группами являются русские, украинцы и крымские татары, а конфессиональными сообществами – православные и мусульмане. Поэтому итоги опросов излагаются применительно к данным народам.

Межэтнические отношения оцениваются по таким индикаторам, как частота межэтнических коммуникаций, существующие у этнических групп взаимные стереотипы восприятия, уровень межгрупповой конфликтности / согласия, дистанции. Частота межэтнических контактов оценивается как «постоянная» 38,7% респондентами в РК и 19,2% в Севастополе; «регулярная и частая» – 25,1 и 17,6%. Считают, что почти не общаются с другими народами, 5,9% в РК и 9,6% в Севастополе; «стараются избегать контактов» – 2,4 и 4,8%. Частота межрелигиозных контактов несколько ниже.

Интерес представляет степень значимости этнических и конфессиональных вопросов как таковых для крымской молодёжи. Установлена близость размеров двух подгрупп респондентов: которые ориентированы на традиционализм и этноконфессиональную «интравертность», а также открытых к межгрупповым контактам и обмену ценностями. Так, ответ «Я живу по традициям, моральным нормам, ценностям, которые приняты у моего народа» набрал в выборке РК и Севастополя 1,58 балла из максимальных 3; «Я намерен(а) воспитывать своих детей в традициях своего народа / своей веры» – соответственно, 1,69 и 1,55; «Я – верующий человек и живу по традициям своей

веры, исповедую мораль и ценности своей веры» – 1,23 и 1,08 балла. «Экстравертная» подгруппа характеризуется ответами: «Я стремлюсь понимать и изучать культуру и традиции других народов, кроме своей собственной» – 1,30 балла в РК и 1,25 в Севастополе; «Я стремлюсь понимать и изучать различные религии, кроме своей собственной» – соответственно, 1,00 и 0,68 балла.

Выявлен достаточно весомый потенциал межэтнической терпимости молодёжи. Среди опрошенных (лето 2018 и весна 2019 гг.) в РК 41,3% полагают, что крымские татары не конфликтуют с другими народами, 59,7% – что они знают и уважают законы, 66,5% – уважают языки, традиции и культуру других народов, 59,5% выражают доверие к татарам. В отношении русских и украинцев уровень интеграции в сообщество оценивается выше. 76,5% респондентов в РК ответили, что не конфликтуют с другими народами русские, а 60,6% – что не конфликтуют украинцы. Уровень доверия молодёжи в РК к русским – 89,3%, к украинцам – 76,7%.

Большинство опрошенных положительно оценивает состояние межэтнических и конфессиональных отношений. В то же время, лично переживали оскорбления / конфликты на почве национальной, религиозной нетерпимости 30,6% в РК и 24,1% – в Севастополе. Испытывали дискриминацию по половому, возрастному, религиозному или национальному признаку 24,2% респондентов в РК и 19,5% в Севастополе. Проверочный вопрос: «В какой мере национальность может стать реальным препятствиям при достижении личных, профессиональных, творческих, деловых целей, раскрытию Вашего потенциала» дал гораздо более позитивные ответы: лишь 6,1% в РК и 4,0% в Севастополе считают препятствием свою национальность, а, соответственно, 4,0% и 3,2% – свою религию.

Межэтническая и межконфессиональная дистанция выявляет уровень доверия между этническими группами, степень интеграции общества. Уровень межэтнической дистанции по шкале Э. Богардуса в отношении русских в РК – 2,17 балла из возможных 9; украинцев – 2,61; крымских татар – 3,38; армян – 3,78. В г. Севастополе дистанции увеличенные: по отношению к

русским – 2,43 балла, украинцам – 2,91, крымским татарам – 4,26, армянам – 4,19. Уровень межконфессиональных дистанций в отношении христиан всех конфессий – 2,92 балла в РК и 3,38 в Севастополе, а мусульман – 3,54 в РК и 4,16 в Севастополе.

Частота встречаемости установки абсолютной близости («Готов принять как члена семьи») составила: 56,9% в отношении русских, 46,2% – украинцев, 26,2% – крымских татар, 16,9% – армян. В отношении христиан установка абсолютной близости – 34,6%, а мусульман – 24,6%. Выявлен достаточно значительный потенциал межэтнической и межконфессиональной терпимости молодёжи. Частота встречаемости установки абсолютной неприемлемости («Я не хотел бы видеть их в стране» в отношении украинцев – 0,8%, русских – 1,5%, армян – 6,2%, крымских татар – 7,7%. В отношении конфессий установка абсолютной неприемлемости – 3,8% для христиан и 8,5% для мусульман. «Точки риска» – экономически депрессивный приграничный Джанкойский район, г. Симферополь и пригороды (подтверждается более ранним исследованием В.И. Мукомеля и С.Р. Хайкина) [9, с. 51–68].

Важна иерархия идентичностей, позволяющая судить о степени социокультурной интегрированности молодых крымчан в российское общество. Респонденты ощущают себя, в первую очередь, «представителем человечества» – 31,8%, в РК и 34,9% в Севастополе, жителем полуострова – 23,2 в РК и 12,9% в городе, россиянином – 18,2 в РК и 20,1% в Севастополе, жителем города или села – 7,6% в РК и 14,1% в городе, «человеком своей национальности» – 7,4 в РК и 5,6% – в городе, жителем Юга России – 2,6 в РК и 4,4% – в городе, «человеком определённой веры» – 3,2% в РК и 1,6% – в Севастополе. Удельный вес отдающих первенство российской идентичности среди молодых респондентов полуострова ниже, чем в Краснодарском крае (18,9 и 32,1%).

Это достаточно неожиданные результаты связаны с высоким процентом учащейся молодёжи в выборке («глобальная» идентичность – скорее, виртуальная фронда). Они напрямую связаны с отношением опрошенных к воссоединению Крыма с Россией. Поддержали воссоединение (с разной степенью

категоричности) 66,2% респондентов в РК и 80,0% в Севастополе; не поддержали (в разной мере) – соответственно, 16,2 и 8,0%.

В наибольшей мере российская идентичность значима для русской молодёжи, в средней – для украинской и в меньшей – для крымскотатарской. Привести более детальные соотношения по нашему исследованию мы не можем, данные ещё обрабатываются. Но можно привести результаты массового опроса, проведённого АНО «Социологическая мастерская Задорина» (Исследовательская группа ЦИРКОН) (пропорциональная по полу, возрасту, месту проживания, образованию выборка всех возрастов старше 18 лет, 1000 чел., РК и г. Севастополь, 2017 г.). Гражданами России ощущали себя, в первую очередь, 41% опрошенных крымчан, жителями своего субъекта федерации – 35%, жителем города либо района – 16%, гражданином мира и жителем СНГ – по 3%, европейцем – 1%. В числе русских, в первую очередь, гражданами России считали себя 47%, среди украинцев – 35%, среди крымских татар – 12%. Локальная (36%) и региональная (43%) идентичности назывались крымскими татарами значительно чаще, чем государственная. И.В. Задорин установил повышенный уровень признания российской идентичности в подвыборках респондентов с высокими и средними доходами [10. с. 109].

Таким образом, крымчане среднего и пожилого возраста в гораздо большей степени чувствуют себя россиянами, чем молодёжь. Это ставит перед органами государственной власти и местного самоуправления, политическими партиями, СМИ вопрос о необходимости кардинально повысить эффективность политики идентичности в отношении молодёжи.

Значимым аспектом межэтнических отношений становится и восприятие миграции, поскольку приток в Крым инвестиций и рабочей силы из «материковой» части России неизбежно усиливает этническую мозаичность и создаёт новую повестку дня взаимодействий народов. В нашем опросе молодёжи 2018 и 2019 гг. Особенно показательно сравнение с соседним Краснодарским краем, где экономический рост привёл к повышению уровня мигрантофобии. Но молодёжь Крымского полуострова чаще

всего затрудняется ответить, есть ли в их регионе проблема трудовой конкуренции между местными жителями и переселенцами (42,5% ответов в РК и 42,0% в Севастополе). Считают, что проблема существует, 26,5% респондентов в республике и 32,8% – в городе. При ответе на вопрос, способствует или препятствует приток мигрантов развитию Крыма, уже наметился небольшой перевес негативных ответов: 20,9 против 19,6% позитивных в РК и 23,7 против 16,9% в Севастополе, чего не было 2 года назад, при пилотажном опросе.

Среди молодёжи, опрошенной в РК, ответили, что лучше привлечение рабочей силы, чем ограничение её притока, 47,1% (желают ограничить приток 52,9%). Однако в г. Севастополе отношение более негативное: за привлечение мигрантов 38,1%, против – 61,9%. В целом по Крымскому полуострову предлагают ужесточить миграционное законодательство в 3,5 раза чаще, чем ослабить.

Подведём итоги. За 2017–2019 гг. восприятие межэтнических и конфессиональных отношений крымской молодёжью стало менее конфликтогенным, относительное большинство респондентов оценивает положение умеренно-позитивно. Оценки ситуации русской и украинской молодёжью близки по модальности, так как украинское сообщество в Крыму слабо сплочено и склонно к ассимиляции. Крымскотатарская молодёжь наиболее интегрирована внутри этнической группы и дистанцирована от славянского большинства и в религиозном, и в языковом, и в политическом аспектах. «Группы риска» – работающая молодёжь, особенно в Симферополе и его пригородах, в сельских районах с повышенным удельным весом мусульман, лица с низкими доходами.

В самосознании севастопольцев отчётливо преобладает российская национальная идентичность, она сочетается с ярко выраженным регионализмом и локальным патриотизмом. Это позволяет счесть севастопольскую идентичность сложносоставной, а данное сообщество – более отчётливо выраженным в сравнении с крымским.

Необходимо уделить внимание исследованиям идентичности, межэтнических и межконфессиональных отношений в Крыму не

только на материалах молодёжи, но и других социальных и демографических групп; основные усилия политики конструирования российской идентичности полезно сосредоточить в социальных сетях и иных интернет-ресурсах.

Список литературы

1. Киселёва Н.В. Этнополитические процессы в Крыму: исторический опыт, современные проблемы и перспективы их решения / Н.В. Киселёва, А.В. Мальгин, В.П. Петров, А.А. Форманчук. Симферополь, 2015.
2. Сенюшкина Т.А., Степанов В.В., Старченко Р.А. Межэтнические отношения и религиозная ситуация в Крыму. Экспертный доклад за первое полугодие 2018 года. М.; Симферополь 2018.
3. Гарас Л.Н. Религиозный фактор в социально-политических процессах: крымское измерение // Политическая экспертиза. СПб., 2014. № 2. С. 199–214.
4. Этническая и этнополитическая карта Крыма. Организация мониторинга и раннего предупреждения этнических и религиозных конфликтов / ред. В.Ю. Зорин, Р.А. Старченко, В.В. Степанов. М., 2017.
5. Масеев С.В., Чигрин В.А. Роль и место политической социализации молодежи в формировании ее электоральной культуры // Ученые записки Крым. федерал. ун-та им. В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. Симферополь, 2018. Т. 4 (70). № 2. С. 54–63.
6. Ладилова Е. 61% крымских татар поддерживают Владимира Путина. URL: https://iz.ru/news/669021 (дата обращения: 12.07.2019); Макарова Г.И., Габдрахманова Г.Ф. Этнокультурная общность в дискурсе крымскотатарской молодежи и экспертов // Этнографическое обозрение. 2017. № 3. С. 138–153.
7. Рожков А.Ю., Сабля А.А. Молодёжь о социокультурной интеграции Крыма и Севастополя в состав Российской Федерации: оценки, мнения, перспективы // Учёные записки Крым. федерал. ун-та им. В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. Симферополь, 2018. Т. 4 (70). Спецвып. № 2. С. 174–179.
8. Кабицкий М.Е., Чубукова Д.Г. В Севастополе и Крыму. Год 2016 // Новые российские гуманитарные исследования. 2016. № 11. URL: http://www.nrgumis.ru/articles/1995/ (дата обращения: 12.07.2019).
9. Мукомель В.И., Хайкин С.Р. Крымские татары после «крымской весны»: трансформация идентичностей // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2016. № 3. С. 51–68.
10. Задорин И.В. Регионы «рубежа»: территориальная идентичность и восприятие «особости» // Полития. 2018. № 2. С. 102–136.

В.Н. Конышев

ВОССОЕДИНЕНИЕ КРЫМА И ГИБРИДНАЯ ВОЙНА

Термин «гибридная война» вошел в политический оборот сравнительно недавно. Многие государства считают угрозу гибридной войны долгосрочной и серьезной угрозой национальной безопасности. В статье рассматривается проблема определения гибридной войны на уровне военных доктрин и на уровне политического дискурса. В свете концепции гибридной войны анализируется Крымская операция 2014 г. по воссоединению с Россией.

Ключевые слова: угроза безопасности, гибридная война, военные доктрины, Крым.

V.N. Konyshev

REUNION OF CRIMEA AND HYBRID WAR

The term “hybrid war” was introduced in political lexicon not long ago. Today many states consider hybrid war as the long-term and significant threat to their national security. The paper examines the problem of hybrid war definition in military doctrines and political discourse. In the light of hybrid war concept the Crimean operation of 2014 is analyzed.

Key words: security threat, hybrid war, military doctrines, Crimea.

Термин «гибридная война», введенный Ф. Хоффманом [1], изначально обозначал вооруженные конфликты, которые не могут быть отнесены ни к традиционным, ни к иррегулярным. Всплеск внимания к гибридным войнам произошел после Второй ливанской войны 2006 г., когда этот термин стали широко использовать журналисты, политики и военные. Еще более широкое употребление термин получил после воссоединение Крыма с Россией в 2014 г.

Именно этим термином все чаще пользуются на Западе в условиях общего ухудшения отношений с Россией. Более того, термин “гибридная война” применяется не только к конкретным эпизодам, таким как “цветные революции”, но и для характеристики внешней политики государств. Например, политику России в отношении Украины или стран Балтии все чаще приравнивают к гибридной войне.

В свою очередь, страны Балтии, Украина заявляют, что Россия ведет гибридную войну против них. Во многих других странах Европы и в США заговорили о гибридной угрозе как долгосрочной и весьма серьезной проблеме безопасности. В итоге на саммите НАТО в 2016 г. было объявлено о планах создания особой “стратегии по противодействию гибридной войне”. Такое внимание объясняется тем, что с правовой точки зрения гибридные действия происходят в «серой зоне», т.е. трудно доказать, есть агрессия или нет.

Отсюда возникают вопросы, что такое гибридная война, в чем ее отличительные свойства среди множества современных конфликтов, насколько соответствует Крымская операция 2014 г. признакам гибридной войны?

Американские эксперты, которые ввели в оборот этот термин, подчеркивают что с гибридными войнами связано наступление качественно нового этапа в эволюции войн. Новизна состоит в том, что конфликты этого типа имеют смешанный характер с точки зрения участников и использования традиционных и иррегулярных методов ведения войны. Другими словами, спектр участников, методов и средств ведения гибридной войны потенциально ничем не ограничен.

Если подытожить варианты толкования гибридной войны на основе публикаций, то можно выделить следующие ее свойства:

- участие в военных действиях государств и негосударственных акторов;
- комбинация различных целей: политических военных, экономических;
- использование военных и невоенных инструментов борьбы;
- применение терроризма, повстанцев, кибератак, прокси-сил, информационных технологий.

При сравнении с близкими по значению терминами оказывается, что выделить отличительные черты гибридной войны не так просто. В частности, речь идет о таких концепциях как: иррегулярная война, нетрадиционная война, операции полного спектра, операции иные, чем война. Например, свойства, которые приписываются гибридной войне, можно обнаружить в концепции операций полного спектра, которая легла в основу

военных реформ под руководством д. Рамсфелда в начале 2000-х гг. Принципиальной разницы между гибридной войной и операцией полного спектра нет. Таким образом, слишком широкое толкование гибридной войны, которое сегодня широко используется, может быть приложено для любых действий и в этом смысле термин оказывается бесполезным.

Поскольку термин гибридная война плохо определен, не удивительно, что многие эксперты критикуют это понятие. Дело в том, что использование нечетко определенного термина затрудняет военно-политический анализ, военное планирование и особенно изучение опыта прошлых войн. В любой войне можно найти принцип гибридности, начиная с истории Троянского коня. Утверждение, что гибридная война является новым типом войн, не соответствует истории войн.

Многие свойства, приписываемые гибридной войне, были описаны в трудах русского военного мыслителя Е.Э. Месснера [2] задолго до Ф. Хоффмана, и многие западные аналитики считают, что российская интерпретация гибридных действий весьма отличается от западной. То же касается китайской политической мысли, имеющей длительную историю. На Западе с гибридной войной связывают действия России, в России гибридными войнами называют «цветные революции», инспирированные Западом, а в Китае – принципом «неограниченной войны».

Сегодня яркими примерами гибридных войн России на Западе считают события в Крыму и на Донбассе. В частности, согласно оценкам американских военных, «гибридность» действий России в Крыму в 2014 г. проявилась в следующих особенностях:

- быстрое развертывание российских войск;
- масштабные информационные операции, направленные на русских и украинцев;
- кибератаки на украинские инфраструктуры;
- скрытные действия сил специального назначения;
- комбинированные действия регулярных сил и местных повстанцев [3].

Однако подобные оценки применительно к крымским событиям по крайней мере уязвимы для критики.

«Быстрое развертывание». На самом деле в Крыму уже были дислоцированы российские военнослужащие, согласно Приложению 2 к соглашению о разделе Черноморского флота от 28 мая 1997 г. Их количество не превышало 25 тыс., а дополнительные переброшенные туда силы также не нарушали количественные лимиты [4]. По оценкам российских экспертов, которые не были опровергнуты за рубежом с отсылкой к данным объективного контроля, дополнительно было переброшено не более 1700 чел.

«Масштабные информационные операции». Активной пропаганды, направленной на массовое сознание, накануне кампании по воссоединению как на территории Крыма, так и в России, не велось. В этом аспекте действия российских военных оказались неожиданными. Кремль, скорее, замалчивал суть происходящих событий и конечные цели «вежливых людей». Всё, что было сделано – скрытые опросы населения в Крыму и России по отношению к лозунгу «Крым – русская земля». Он показал подавляющую поддержку населения в России и Крыму.

Что касается украинских военных как цели для российских информационных операциях, то 70% военнослужащих были родом из Крыма, поэтому они сразу согласились перейти на службу в Россию и не оказывали сопротивления. Так что российские и украинские военные обоюдно избегали столкновения, и здесь не было каких-то особых ухищрений.

«Кибероперации». Военная инфраструктура Украины в Крыму не имела значительной информационной составляющей в плане разведки, наблюдения, управления и командования войсками, поэтому о киберпространстве в Крыму как поле противостояния между Украиной и РФ едва ли можно говорить серьезно. Есть лишь сведения о блокировании связи при захвате военных объектов, но украинское руководство сохраняло спецсвязь с базами и воинскими частями в Крыму. Об этом официально заявил заместитель начальника управления информационных технологий министерства обороны Украины С. Галушко. Он сказал, что проблема вовсе не в связи, а в том,

что киевским руководством так и не был введен правовой режим состояния войны. Приказа на применение оружия украинским военным не поступало [5].

Что касается действий сил специальных операций и комбинированнных действий, то они практикуются давно многими странами мира, и здесь нет ничего принципиально нового.

Учитывая приведенные аргументы, можно сделать вывод, что в случае крымских событий гибридная война России – это скорее политический миф, который помогает замаскировать истинный смысл событий, упростив их до агрессивных и односторонних действий России против Украины. Миф гибридной войны служит для того, чтобы с помощью плохо определенного понятия преувеличить внешний фактор в лице России и преуменьшить внутренние проблемы Украины, которые привели к потере Крыма, а именно: русофобская политика, раскол общества, развалом государственных институтов, коррупция, растерянность киевского режима, незаконно пришедшего к власти в 2014 г.

В то же время, было бы неправильным видеть в концепции гибридной войны только инструмент политической полемики или дипломатической борьбы. Гибридная война существует не только как конструкт для достижения политических целей. В современных военных конфликтах выросла роль нетрадиционных методов борьбы, на что обратили внимание военные эксперты многих стран. Поэтому феномен гибридной войны сегодня существует в двух ипостасях: и как политический конструкт для дискредитации политического оппонента, и как нарождающийся вид войны. Во всяком случае, феномен гибридной войны заслуживает дальнейшего изучения.

Список литературы

1. Hoffman F. Conflict in the 21th Century: the Rise of Hybrid Wars. URL: http://www.projectwhitehorse.com/pdfs/HybridWar_0108.pdf
2. Месснер Е.Э. Хочешь мира, победи мятежевойну! М., 2005.
3. Counter-Unconventional Warfare. White paper. URL: https://info.publicintelligence.net/USASOC-CounterUnconventionalWarfare.pdf

4. Соглашение между Российской Федерацией и Украиной о параметрах раздела Черноморского флота от 28 мая 1997 г. URL: http://docs.cntd.ru/document/1902222

5. Как России удалось взять Крым без боя? URL: https://www.bbc.com/russian/russia/2015/03/150320_crimea_film_battle

В.А. Чигрин, Е.Г. Городецкая

ВОССОЕДИНЕНИЕ КРЫМА С РОССИЕЙ: ПЯТЬ ЛЕТ ВМЕСТЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ МОНИТОРИНГА)

В статье на материалах социологического мониторинга, проводившегося Крымским филиалом Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН в 2018–2019 гг., анализируются особенности отношения к «Крымской весне» населения полуострова по истечении пяти лет после воссоединения с Россией, характеризуются мнения крымчан относительно будущего республики и ее регионов.

Ключевые слова: Крымская весна, социально-экономическая и социально-политическая ситуация, прогностические модели развития, социологический мониторинг.

E.G. Gorodetskaya, V.A. Chigrin

REUNION OF CRIMEA WITH RUSSIA: FIVE YEARS TOGETHER (ACCORDING TO MONITORING MATERIALS)

In the article on materials of the sociological monitoring, conducted by the Crimean branch of the Federal research sociological center of WOUNDS in 2018-2019, the features of attitude toward the «Crimean spring» of population of peninsula are analysed after expiration of five years after a reunion with Russia, opinions of Crimean are characterized in relation to the future of republic and her regions.

Key words: the Crimean spring, socio-economic and socio-political situation, прогностические models of development, sociological monitoring.

Одним из основных показателей эффективности процесса социально-политического и социально-экономического развития страны или ее региона является удовлетворенность населения актуальной ситуацией в этих сферах жизни общества. Именно тестирование этих показателей в исследованиях, осуществляющихся в условиях предвыборной ситуации, играет

большую роль, потому что от степени и характера удовлетворенности населения социально-политической и социально-экономической ситуацией зависят, в значительной степени, его электоральное поведение, а также особенности восприятия информации, особенно экономического и политического характера.

Мы неоднократно сталкивались с тем, что недостаточный уровень политической социализации населения порождает такие девиации как социальный конформизм, с одной стороны, и немотивированную протестность – с другой.

Политические действия, процессы характеризуются и обусловливаются политическим поведением их субъектов, активностью такого поведения. Стабильное, конструктивное политическое поведение личности, как правило, наблюдается в стабильных обществах. Однако стабильное политическое поведение личности еще не значит, что она активна. Часто гражданам не хватает потребности активно участвовать в деятельности общественных объединений, движений, политических партий, поскольку в их жизни есть много других проблем, как правило, не политических. А ведь, как отмечал Ф. Ильясов, «политическое участие позволяет обнаружить конкретную роль гражданина, отдельных социальных групп и слоев общества в политике. Человек не должен быть вне политики, тем более что все политические партии, блоки и их лидеры, особенно в период избирательных кампаний, разных опросов, референдумов, рассчитывают на каждую личность, рассматривая ее, в первую очередь, как потенциального избирателя» [1, с. 28].

Мотивы политического участия довольно сложны и, подчас, противоречивы, поскольку, с одной стороны, политическое участие обеспечивает поддержку власти, а с другой, может выражать и протестные настроения.

Относительно Крыма до сих пор ломают бумажные копья политологи, журналисты, блогеры, а также политики, действующие «по разные стороны баррикад».

Однако для социологов гораздо важнее оценка ситуации самим населением, поскольку именно его политическое участие

может определить будущее Крыма. Коротко заметим, что в основу приводимых данных легли материалы двух исследований 2018 г. (по 1260 респондентов) и цикла исследований 2019 г., в которых совокупно было опрошено около четырех тысяч респондентов по всем регионам Крыма, за исключением Севастополя.

Начнем с общей оценки ситуации в Крыму, которую мы приводим по данным 2019 г.

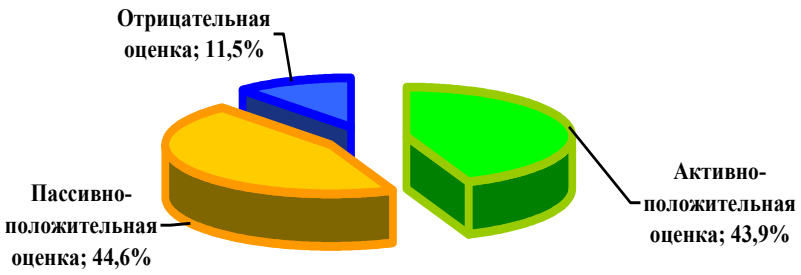

Рис. 1. Оценка населением ситуации в Крыму
(в среднем по Республике Крым)

Как следует из рисунка, почти 90 процентов крымчан положительно оценивают сложившуюся ситуацию. Эффект защищенности и более высокой стабильности и через пять лет после воссоединения Крыма с Россией продолжает работать в сознании крымчан и предохраняет их от привычных в годы Украины активных протестных действий, хотя и медленно идет на убыль. Ведь «к хорошему привыкают быстро».

Вот как оценивают крымчане изменения в социально-экономической и политической ситуации в Крыму после его воссоединения с Россией.

В среднем по Крыму мы наблюдаем ощутимое превышение положительных последствий воссоединения Крыма с Россией, хотя горожане (что и не удивительно) более критичны в оценке динамики положительных и отрицательных процессов, чем жители сел.

На гистограмме (рис. 2) этот процесс отражен достаточно наглядно, хотя третий столбик свидетельствует о том, что определенная и пока еще немалая часть крымчан еще не адаптировалась к экономическим, правовым, политическим условиям, характерным для России.

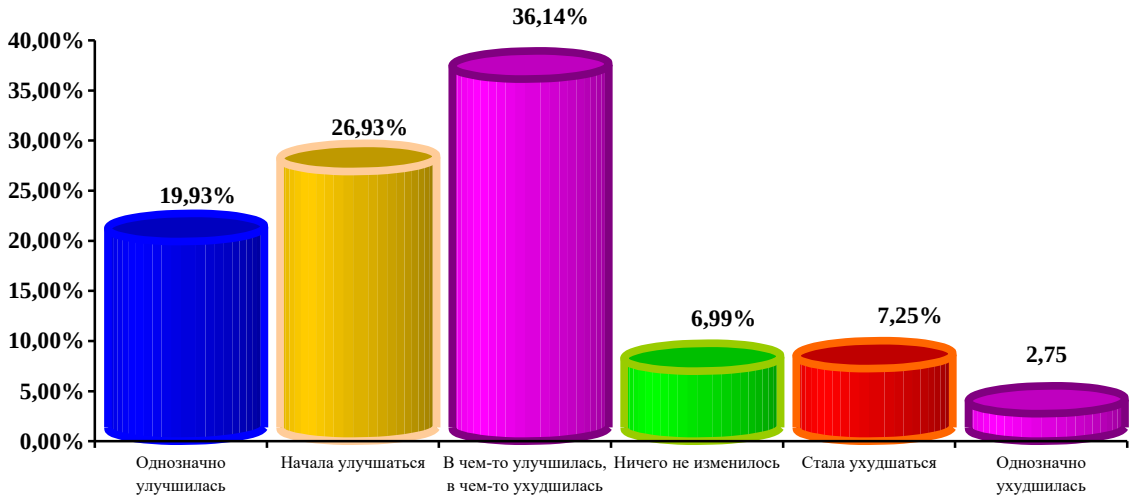

Рис. 2. Как, по-вашему, изменилась социально-экономическая и политическая ситуация в Крыму после его воссоединения с Россией?

Однако в процессе исследований мы обратили внимание на «главный козырь», который дала крымчанам «Весна-2014» – безопасность и стабильность.

Таблица 1

Насколько безопасна обстановка в Вашем городе, поселке, селе?

Суждения респондентов (исследования 2018 года)	Процент ответов
Абсолютно безопасна	19,5
В целом, безопасна	60,6
Затрудняюсь ответить	13,3
В целом, опасна	5,0
Очень опасна	1,6

Свыше 80% респондентов оценивают обстановку как безопасную, что является главным для людей, их семей, а также молодежи, особенно студентов, которые могут нормально учиться, жить, а в будущем получить работу, хорошо оплачиваемую и престижную. Безусловно, здесь есть некоторые

объективные различия суждений по этому вопросу. Так, жители приграничных с Украиной районов более сдержанны в оценке безопасного бытия. Зато резко снизился общий уровень опасений относительно межэтнических коллизий, который, по нашим данным 2005–2013 гг., был достаточно высок у всех народов Крыма.

Что еще объединяет крымчан? Обычно недоверчивые к обещаниям власти, они в своей массе до сего дня поражены объемом работ, развернутых на полуострове в условиях новой социальной реальности. Более 60% респондентов в 2019 г. отмечали, что таких масштабов они не видели «за весь украинский период».

Безусловно, наши земляки отмечают и проблемы, которые, по их мнению, необходимо решать. В первую тройку этих проблем входят: завышенные цены, которые не сдержал Крымский мост, проблемы здравоохранения, которыми в годы Украины не занимались вообще, последствия санкций. Последние нужно рассматривать не только в политическом плане. Разве перекрытие Северо-крымского канала не ударило по целому ряду хозяйств – фермерских, крестьянских? Разве различного рода эмбарго, введенные Украиной и Европой на лекарства, не осложнили ситуацию для двухсот тысяч крымчан – инвалидов?

Но радует то, что крымчане довольно активно думают о будущем полуострова, хотя видят его по-разному:

Таблица 2

Какой вариант развития Республики Крым кажется Вам наиболее подходящим для региона? Какой должна быть стратегия его развития?*

Суждения респондентов (2018–2019) совокупно	**Процент ответов**
Регион должен развиваться как передовой форпост на рубежах России	5,3
Регион должен развиваться как “свободный порт”, “окно”, торговые “ворота” из России во внешний мир, и из внешнего мира в Россию	21,4
Регион должен стать большим “технопарком”, территорией	8,5

развития и внедрения передовых технологий	
Регион должен развиваться как комплекс здравниц, туристическая зона, производитель экологически чистых сельхозпродуктов, как экологический заповедник	49,3
у региона не должно быть одной доминирующей стратегии развития, надо пробовать развивать разные направления, сочетая их с возможностями местных трудовых ресурсов	25,3
затрудняюсь ответить	8,0

* Можно было выбрать несколько вариантов ответов, поэтому сумма процентов составляет более 100.

Подводя итоги, приведем мнения обучающейся молодежи Крыма, которая «вошла в Россию» по сути дела, с чистого листа, о решении проблем, доставшихся Крыму от Украины, поскольку старшие возрастные группы более субъективны в своих оценках.

Таблица 3

Можно ли утверждать, что все проблемы, доставшиеся Крыму от Украины, решены полностью?

Суждения респондентов исследования	**Процент ответов**
Согласен, от этих проблем мы избавились полностью	19,5
Скорее, избавились, но не совсем	41,4
Скорее, не избавились, а получили новые проблемы	13,1
Совершенно не избавились, многие руководители просто “перекрасились”	10,4
Затрудняюсь ответить	15,2
Не ответили	0,4

Предвыборная кампания 2019 г., результаты выборов, а также жесткие меры, предпринимаемые Главой Крыма по отношению к решению этих проблем, включая наказание «перекрасившихся», подтверждают наши выводы. На их основе целесообразно формировать прогностические модели развития Крыма в семье народов России.

Список литературы

1. Ильясов Ф.Н. Политический маркетинг. Искусство побеждать на выборах. М., 2000.

А.В. Ващенко

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВВ.: ЮЖНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ (РОССИЯ, УКРАИНА, ГРУЗИЯ)

Рассматриваются геополитические аспекты региональной безопасности России на южном направлении. В качестве примера выбраны Украина и Грузия. Много внимания автор уделяет региональной политике Польши, которая выступает «локомотивом» западной ориентации на постсоветском пространстве. Интеграция Украины и Грузии в западные структуры, прежде всего – в НАТО, противоречит национальным интересам РФ. Более того, такая перспектива серьёзно ухудшает позиции РФ в области безопасности и развития такого сценария Россия допустить не может. В отношении России страны Запада придерживаются традиционных геополитических подходов, не модифицируя их. Их реализация чревата для государств «лимитрофного пояса» внутренним расколом, гражданской войной и территориальными потерями. Выход из ситуации лежит в реальном нейтралитете данных государств, роспуске НАТО.

Ключевые слова: геополитика, региональная безопасность, Южное направление.

A.V. Vashchenko

GEOPOLITICAL ASPECTS OF REGIONAL SECURITY OF RUSSIA AT THE END OF XX - BEGINNING OF THE XXI CENTURY: SOUTHERN DIRECTION (RUSSIA, UKRAINE, GEORGIA)

The article deals with the geopolitical aspects of Russia’s regional security in the southern direction. Ukraine and Georgia are chosen as an example. The author pays a lot of attention to the regional policy of Poland, which is the “locomotive” of Western orientation in the post-Soviet space. The author comes to the conclusion. That the integration of Ukraine and Georgia into Western structures, primarily NATO, is contrary to the national interests of the Russian Federation. Moreover, such a prospect seriously worsens Russia’s position in the field of security and the development of such a scenario, Russia

can not allow. The author comes to the conclusion that Western countries adhere to traditional geopolitical approaches to Russia, practically without modifying them. Their implementation is fraught with internal division, civil war and territorial losses for the States of the “limitrophic belt”. The way out of this situation lies in the real neutrality of these States, the dissolution of NATO.

Key words: geopolitics, regional security, South.

После распада Советского Союза геополитическое положение Российской Федерации значительно ухудшилось. На севере с потерей Прибалтийских Республик наша страна, в геополитическом измерении оказалась отброшенной к началу XVIII в. Существенно сократилась контролируемая береговая линия Балтийского побережья. А Калининградская область была отрезана от основной территории Российской Федерации. На юге Россия оказалась в ситуации, сложившейся после поражения в Крымской войне 1853–1856 гг. Севастополь оказался отрезанным от территории РФ, Черноморский флот разделён, береговая линия сократилась. Началась борьба за влияние на постсоветском пространстве. Цель данной статьи показать динамику геополитических изменений на Южном направлении, а конкретно – в Большом Черноморском регионе.

Концептуальные основы западных геополитических подходов в отношении РФ в постбиполярный период (1992–2013 гг.).

1. Российская Федерация представляется на Западе страной, которая проиграла холодную войну. Она ни в политическом, ни в экономическом, ни в культурном плане не является европейской, и может быть интегрирована в мировую глобальную систему, как сырьевая периферия Европы.

2. При условии «демократизации» России она сможет играть роль младшего партнёра, «смотрящего» за ситуацией в Евразии. Однако если имперская мощь России начнёт возрождаться, то процесс её дробления должен продолжиться. При этом будут расконсервированы управляемые конфликты по границам и внутри её территории с целью ослабления российских возможностей на международной арене.

3. Для ослабления возможностей России проецировать своё влияние даже на территории, которые традиционно входили в её «ближний круг» необходимо создать «пояс безопасности» из

государств лимитрофов и постепенно расширять его, ограничивая российские возможности. Государства данного пояса постепенно должны быть интегрированы в западные военно-политические и экономические структуры.

Вывод: Концептуально Запад остался на позициях геополитики начала XX в. В основу современных стратегических разработок положены идеи Х. Маккиндера, Р. Челлена, К. Хаусхофера, которые были модернизированы в части современных методик исполнения. Безусловно, что нынешние аналитики должны учитывать реалии сегодняшнего дня. Это, прежде всего, ядерный статус РФ, её ресурсные и интеллектуальные возможности.

Глобальный, региональный и межгосударственный уровень реализации геополитических стратегий: Южное направление.

Основными глобальными акторами, влияющими на геополитическую ситуацию юга РФ являются США, ЕС и НАТО. Стратегия этих акторов реализуется в рамках двух проектов. Это ГУУАМ и «Большой Черноморский регион». Суть проектов: найти региональных акторов – агентов влияния, привести к власти прозападные правительства и через них продвигать интересы глобальных игроков. ГУУАМ – самый продвинутый геополитический проект, который прошёл путь от концепции до функционирующей организации. В октябре 1997 г. на саммите в Страсбурге руководители Грузии, Украины, Азербайджана и Молдовы подписали Декларацию о сотрудничестве. На юбилейном Вашингтонском саммите НАТО в 1999 г. в организацию вступил Узбекистан, лидер которого И. Каримов в 2002 г. приостановил членство в организации, а в 2005 г. объявил о выходе из неё. Главная причина состояла в том, что ГУАМ стал проводником «цветных революций» (ноябрь 2003 г. – «революция роз» в Грузии, ноябрь 2004 г. – «оранжевая революция» на Украине). Концепция «Большого Черноморского региона», выдвинутая в 2004 г. исполнительным директором фонда Маршалла Р. Асмусом, была развитием идеологии ГУАМ. Она предполагала создание гомогенного «демократического» пространства, используя опыт, победивших «цветных революций», расширяя зону их влияния. Реализация этих

проектов на региональном и межгосударственном уровне шла по линиям: США – НАТО – ЕС – Польша, НАТО – ЕС – Украина, НАТО – Грузия, НАТО – Турция – Азербайджан.

Польская Республика, находящаяся, казалось бы, в отдалении от Чёрного моря, играла и играет, ключевую роль в данных стратегических комбинациях. Польское видение проблем Большого Черноморского региона имеет глубокие исторические корни, связанные в XX в. с идеологией «прометеизма». Журнал «Прометей», от которого произошло название данного идеологического направления, объединяло сторонников Ю. Пилсудского. По сути, основой этой концепции являлось создание конфедерации «независимых» государств, отторгнутых от территории Советской России и входивших в лимитрофный пояс. Стержнем этого образования должны были быть Польша, Украина и Грузия. Уже в 1920-е гг. Польша заключила ряд соглашений с петлюровской Украиной, которые носили неравноправный характер для Украины. Польша первая признала Грузинскую Республику в 1920 г. В настоящее время эта концепция получила второе дыхание. Польша опять стоит на пути России в Европу. Исторический опыт показывает, что это всегда плохо заканчивалось для польского государства.

Россия и новая геополитическая ситуация.

Ситуация, при которой территория России сокращается, а потом возвращается к своим прежним границам, исторически не нова. В геополитическом плане Россия всё время живёт и развивается в таком режиме пульсаций. Особенность нынешнего этапа заключается в том, что в геополитическую игру включились глобальные акторы. Но насколько они кардинально меняют ситуацию. Безусловно, то, что усиливается информационное и финансовое воздействие. Что же касается применения силы, этот фактор имеет серьёзные ограничения. Россия с начала XXI в. начала борьбу за возрождение своего влияния на постсоветском пространстве, предложив проекты СНГ, ОДКБ, ЕВРОЗЕС. Данные проекты сравниваются с ЕС и критикуются за их аморфность, малобюджетность и даже неэффективность. Но так ли они плохи. И возможны ли альтернативы? Стремление независимых государств бывшего

СССР (мы говорим, прежде всего, о Грузии и Украине) интегрироваться в западные структуры объективно приводит к расширению НАТО на Восток и возникновению реальных угроз безопасности России. Россия не может допустить вхождения этих стран в НАТО. Это «красная черта», за которую отступать нельзя. Это жизненно важный интерес, за который лучше воевать, чем не суметь его отстоять. Пятидневная война в августе 2008 г. это показала. После государственного переворота 2014 г. Украина взяла курс на интеграцию в Западные структуры – ЕС и НАТО. Это привело к расколу и гражданской войне. Республика Крым в марте 2014 г. провела референдум. Свыше 90% населения Республики Крым высказались за вхождение в состав Российской Федерации. Разгорелся кровопролитный гражданский конфликт в Донбассе, который до сих пор не урегулирован.

Сегодня оба государства находятся в ситуации выбора пути. На лицо конфликт внутри этих стран между прозападной политической элитой и представителями бизнеса для которых Россия является основным экономическим партнёром. В условиях честной политической конкуренции на региональном уровне решался бы достаточно просто. Но, к сожалению, в игру вступают глобальные игроки, действующие исходя из своих геоэкономических и геополитических интересов. Казалось бы, путь интеграции в западные структуры: ЕС и НАТО более выигрышный. Но если отбросить условные возможности западных инвестиций, которые в условиях кризиса весьма проблематичны. Отбросить пустые гарантии военной помощи. Август 2008 г. показал, что эти гарантии ничего не значат. Что же остаётся в реальности после попыток интегрироваться в Западные структуры. Территориальные потери. Грузия навсегда утратила Абхазию и Южную Осетию. Украина по решению Международного суда в Гааге в 2009 г. (при прозападном президенте В. Ющенко) уступила часть своей территории Румынии. Потеряла Крым и Донбасс. Развал экономики. Ухудшение жизни населения по всем параметрам. Интеграция в Европу для этих стран будет означать превращение в периферию Европы. Периферию, которая поставляет сырьё и дешёвую рабочую силу. Это будет означать дальнейшие территориальные

потери, в частности, для Украины и дальнейший распад Грузии. Интеграция с РФ, когда в том или ином виде буде воссоздаваться единая структура имеет ряд преимуществ. И то, что предлагаемые проекты не так жёстки, как требования ЕС имеет свои плюсы для вхождения в систему государств с различным уровнем экономического развития. Российский проект, и это показывает исторический опыт Советского Союза, позволил Украине и Грузии динамично развиваться в экономическом и политическом плане.

А.В. Броварь

ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ДОНБАССА И КРЫМА КАК ФРОНТИР РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ В XVII–XIX ВЕКАХ

В статье рассматривается исключительная важность Крыма и Донбасса, как форпоста русского государства на южных границах в XVII–XIX веках. Вхождение данных территорий в состав Российской Империи принесло культурно-экономическое развитие и социально-политическую стабильность в регионе. Общий цивилизационный проект для Крыма и Донбасса помог им стать частью русского культурного кода. Подтверждение которого произошло в 2014 г. во время противостояния агрессии после переворота в Киеве.

Ключевые слова: Крым, Донбасс, форпост, русское Причерноморье и Приазовье, экономическое развитие, взаимосвязь регионов Причерноморья и Приазовья.

A.V. Brovar

HISTORICAL SIGNIFICANCE OF DONBASS AND CRIMEA AS A FRONT OF RUSSIAN CIVILIZATION IN THE XVII – XIX CENTURIES

The article considers the critical importance of Crimea and Donbass as an outpost of the Russian state on the southern borders in the XVII–XIX centuries. The entry of these territories into the Russian Empire brought cultural and economic development and socio-political stability in the region. A common civilization project for Crimea and Donbass helped them become part of the Russian cultural code. The confirmation of which occurred in 2014 during the confrontation of aggression after the coup in Kiev.

Key words: Crimea, Donbass, outpost, Russian Black Sea and Azov regions, economic development, interconnection of the regions of the Black Sea and Azov regions.

Донбасс и Крым на протяжении длительного времени являются пограничьем государства Российского, противостоящее засилью чуждых культур и экономической экспансии в цивилизационном пространстве российского Причерноморья.

Освоение Россией земель на ее Южных и Юго-Западных границах в XVII – XIX вв., привело к стабилизации политической ситуации и началу экономического развития края, что в целом устранило риски для России, связанные с влиянием Османской империей в регионе и ежегодными опустошительными набегами с Крыма.

Данная тема является хорошо исследованной, и освещена в многочисленных научных трудах Мизиса Ю.А., Кащенко С.Г. [1], Любавского М.К. [2], Тихомирова М.Н. [3], Водарского Я.Е. [4], Загоровского В.П. [5], Баранова А.В. [6] и др.

Но время выдвигает новые исторические условия развития, сопровождающиеся определенными вызовами, истоки которых берут начало со времен освоения данных территорий, и реализация которых требует новых решений. Работы отечественных ученых задают правильный вектор в исследовании современных исторических реалий, для получения точного анализа настоящей ситуации и правильной корректировки возможного события в перспективе.

Цель статьи – определение векторов во внутренней политике, направленных на предотвращение влияния из вне и использования исторического опыта в современных реалиях в Причерноморье и Приазовье.

Важность Причерноморья для России сравнимо с Балканами для Европы. Равно как и Россия для Причерноморья – ослабление влияния России в регионе неизбежно ведет к политическим и экономическим кризисам, приводящим, в свою очередь, к многочисленным конфликтам, заинтересованность в которых очень часто совпадает с интересами третьих сторон, для которых

стабильность российского Причерноморья – угроза собственным глобальным интересам.

Роль Донбасса в освоении и укреплении позиций России в Причерноморском регионе тяжело переоценить. Донбасс является промышленным и научно-интеллектуальным центром, развитие которого повлияло на русское продвижение и освоение южных и юго-западных земель к России. Как примеры можно привести основание солеварения в Донбассе по указу Петра I, во избежание зависимости от поставок данного минерала с Крыма, и с целью освоения края, в 1715 г. были основаны Бахмутский (Артёмовский) и Торский (Славянский) солеваренные заводы**.** В 1885 г. соляные шахты Бахмута давали 70% общерусской добычи соли [7].

В XVIII в. земли Донбасса интенсивно осваиваются. В 1746 г. Елизавета I установила границу земель Войска Донского и Запорожской Сечи по р. Кальмиус [8].

В 1764 г. в землях Славяносербии и Заднепровья, по приказу Екатерины II, для защиты от нападений татар создана Новороссийская губерния. Центром губернии стал г. Кременчуг. В 1775 г. упразднена Запорожская Сечь. Запорожские казаки принимали активное участие в крестьянских восстаниях, а также в восстании Пугачева, которое носило антигосударственный характер и имело целью фактическое разрушение Русского государства, а их постоянные набеги на население, подконтрольное Турции, дестабилизировали русско-турецкие отношения. Кроме того, существовала необходимость централизации и унификации управления государством [9].

Православным Крыма, которые подвергались преследованию, было предложно переселиться на свободные земли Северного Приазовья Российской Империи в 1778 г. С помощью митрополита Игнатия и под защитой А.В. Суворова удалось переселить 31908 греков, армян, осетин, молдаван [10].

На русском берегу Азовского моря, где остановились переселенцы, по благословению митрополита Игнатия был заложен город Мариуполь, названный в честь Царицы Небесной, Покровительницы христиан в пути и в дальнейшей жизни на новом месте. За проявленные подвиг и мужество императрица

Екатерина II наградила митрополита бриллиантовой панагией, а 11 июня 1997 г. Священный Синод Украинской Православной Церкви, заслушав рапорт Преосвященного Иллариона, архиепископа Донецкого и Мариупольского, принял решение о причислении святителя Игнатия (Гозадини), митрополита Готфейского и Кафайского к лику святых. Торжественный чин прославления митрополита Игнатия совершен 15 ноября 1998 г. в Свято-Николаевском кафедральном соборе г. Мариуполя [11].

Несколько ранее, в 1751 г. началось образование Славяносербии – области военно-земледельческих поселений сербов на южном берегу Северского Донца. На побережье Северского Донца между Бахмутом и Луганью переселились два сербских гусарских полка под командованием Ивана Шевича и Райко Прерадовича (Де-Прерадовича), поселённые на Южном берегу Северского Донца между р. Бахмутом (Бахмуткой) и Луганью и образовавшие особую автономную область. Для организации поселений, комплектования и содержания гусарских полков Военной коллегией в 1753 г. была учреждена Славяносербская комиссия. Она располагалась в г. Бахмуте [12].

Почти вся территория современных Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики к середине XVIII в. оказалась под влиянием переселенцев из южных регионов России, Балкан, Крыма, а также запорожского и донского казачества. Заселение края способствовало развитию промышленному, сельскому хозяйству и освоению региона, значение которого для России в целом было ключевым.

Новоприсоединённые территории Донбасса открывали новые промышленные перспективы для Империи. Так, в соответствии с Указом Екатерины II от 14 ноября 1795 г., в комплексе с Луганским литейным заводом в урочище Лисичья балка (ныне – Лисичанск) была основана первая шахта на Донбассе. Именно Лисичанский рудник заложил основы разработки каменного угля в Донбассе и стал прародителем угольной промышленности всего края. Этот рудник был необходим для обеспечения каменным углём потребностей Луганского литейного завода, а также для нужд промышленности и населения Юга страны в топливе [13].

Появление первых сталелитейных, оружейных заводов и каменноугольных рудников на Донбассе, явилось одним из ключевых составляющих защиты Отечества в Крымской войне 1853–1855 гг., пушки Луганского литейного завода принимали участие в обороне Севастополя, а каменный угль шел на нужды Черноморского флота.

Крым, как и Донбасс, занимает одно из ведущих мест в освоении Юга России и, в частности, Таманского полуострова и Северо-Западного Кавказа, с Крыма началось освоение Кавказа [6].

Общий вектор в развитии двух регионов помог отстоять ключевую позицию в геополитическом развитии Российской Империи/ СССР/ России в Причерноморье.

Краткий исторический анализ, приведенный выше, показал взаимозависимость в развитии Крыма и Донбасса и их общее значение для обеспечения безопасности государства в целом. События сегодняшнего дня являются наглядным подтверждением тандема, начиная от общего политического вектора, базирующемся на едином культурном наследии, которое берет своё начало в Православии и продолжается в формировании полноценного государства, которое претерпело разрушения в 1917 и 1991 гг.

Современные цивилизационные процессы, проходящие в Причерноморье, показывают позитивную динамику в развитии взаимоотношений и сотрудничества как региональных участников, так и мировых акторов, несмотря на определенное противостояние развитию конкретных международных сил.

Лидерство Российской Федерации в Черноморском регионе как гаранта мира и стабильности бесспорно. Особенно ярко выражена ее роль как одного из ведущих международных центров мира, в условиях Европейского политического кризиса – Brexit, иммиграционных процессов, вносящих разногласия в ряды ЕС, торговое противостояние между ЕС и США, и др. Поэтому создание международной организации на общей платформе безопасности и в которую входили бы все страны региона, жизненная необходимость.

Очень важна интеграция всех районов Российского Причерноморья и Приазовья, как региона с православной историко-культурной, конфессиональной доминантой в политико-экономическое и социокультурное пространство Российской Федерации на основе укрепления национальной идентичности и равноправного диалога этнических и конфессиональных сообществ, воссоздавая в обновленном виде исторические и геополитические реалии, существовавшие с 1783 по 1991 гг. [6].

Развитие государства зависит от векторов и целей, на которые направлена его политика, как внутренняя, так и внешняя. Важнейшей внутренней целью Российской империи в рассматриваемый исторический период являлось построение сплоченной нации по принципу «единство во множестве».

Государство Российское при освоении Причерноморья и Приазовья проводило взаимовыгодную политику не только для народов их заселявших, но и для православных с Балкан, и для немецких колонистов, также для греков, армян, евреев, молдаван и других. Все это привело к формированию единства с русской нацией на основе общего культурного кода, при использовании политики согласования этнических и конфессиональных интересов подданных Российской империи.

Это универсальное построение государства, располагающегося на 1/6 части суши, является безапелляционным подтверждением уникальности выбранных форм и методов государственного строительства, которое разрушилось влиянием извне, и в первую очередь влиянием Запада.

Эту цикличность истории необходимо упреждать методом недопустимости вмешательства извне и сохранения принципа «единства во множестве». Данному направлению в политике, науке, образовательном процессе, культурном воспитании должна соответствовать государственная стратегия.

Как пример духовного единства в действия, несмотря на десятилетия разделения единого народа, это реакция на переворот в 2014 г. в Киеве – осознание катастрофической опасности направленной на ликвидацию русского культурного

кода, объединило население Крыма и Донбасса в противостоянии распространения идеологии войны и фашизма.

Донбасс в данный момент является главным форпостом Русского мира, по которому проходит цивилизационный и культурный водораздел с Западом.

Список литературы

1. Мизис Ю.А., Кащенко С.Г. Проблема формированию русского фронтира на Юге России в XVI – первой половине XVIII в. в отечественной историографии // Вестник С.-Петербург. ун-та. Сер. 2: История. 2011. № 1. С. 9–16.
2. Любавский М.К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века. М., 1996. С. 252.
3. Тихомиров М.Н. Россия в XVI столетии. М., 1962. С. 17.
4. Водарский Я.Е. Население России за 400 лет (XVI – начало XX в.). М., 1973. С. 22–23.
5. Загоровский В.П. Некоторые особенности колонизационного процесса южной окраины России в XVII веке и его периодизация // Из истории Воронежского края. Вып. 3. Труды Воронеж. ун-та. Воронеж, 1969. Т. 87. С. 86.
6. Баранов А.В. Этнические процессы на Юге и Востоке Малороссии и их регулирование в Российской империи (XIX– начало XX вв.) // Научная мысль Кавказа. Ростов н/Д, 2016. № 4 (88). С. 87–95.
7. История Артемовска. https://art-roerich.org.ua/?q=arthistory/history.html
8. Указ «О назначении пограничной межи между землями Запорожцев и Донских казаков». Закон № 9282 от 30.04.1746 г. // Полное собрание законов Российской Империи. Т. 12 (1744–1748). С. 544. URL: http://nlr.ru/e-res/law_r/search.php
9. Указ «Об именовании Новосербского селения в Новороссийскую губернию» // Полное собрание законов Российской Империи. Т. 16 (1762–1764). С. 657. URL: http://nlr.ru/e-res/law_r/search.php
10. Иеродиакон Тихон (Васильев). Святитель Игнатий Мариупольский и переселение крымских греков в Приазовье. URL: https://pravoslavie.ru/4387.html
11. Святитель Игнатий Мариупольский — святой покровитель Донбасса. URL: http://infodon.org.ua/pedia/788
12. Указ «О принятии в подданство Сербов, желающих поселиться в России и служить особым полком, о назначении на границе со стороны Турции выгодных мест к поселению; об определении жалования по окладу Гусарских полков конным, а пешим оклада полков пехотных, и о

подчинении оных полков Военной Коллегии». Закон № 9919 от 24.12. 1751 г. // Полное собрание законов Российской Империи. Т. 13 (1749–1753). С. 552–558. URL: http://nlr.ru/e-res/law_r/search.php

13. Указ «Об устроении литейного завода в Донецком уезде». Закон № 17.408 от 14.11.1795 года // Полное собрание законов Российской Империи. Т. 23 (1789 – 31 октября 1796). С. 815. URL: http://nlr.ru/e-res/law_r/search.php

Н.А. Съедин

КРЫМСКАЯ ВОЙНА И «КРЫМСКАЯ ВЕСНА»: НЕКОТОРЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

В статье предпринята попытка сравнения двух событий, происходивших на крымском полуострове в середине XIX и начале XXI вв., вошедших в историю как Крымская война и «Крымская весна». Несмотря на то, что временная разница между ними составляет свыше полутора столетий, прослеживаются множество совпадающих моментов. Вместе с тем в статье отмечаются объективные и субъективные обстоятельства, обусловившие принципиальные отличия в последствиях этих событий для политических процессов в мире и России.

Ключевые слова: Крымская война, «Крымская весна», система международных отношений, Черноморский регион, многополярный мир, информационные войны, санкции, патриотизм.

N.A. Sedin

CRIMEAN WAR AND “CRIMEAN SPRING”: SOME HISTORICAL PARALLELS

The article attempts to compare two events, occurring on the Crimean peninsula in the mid-XIX and early XXI centuries, the Crimean War and the “Crimean Spring”. Despite the fact that the difference between them is more than half a century, can be traced many coinciding points. However, the article points out the objective and subjective circumstances giving rise to fundamental differences in the effects of these developments on the political processes in the world and Russia.

Key words: the Crimean War, the “Crimean Spring”, system of international relations, the Black Sea region, multipolar world, information wars, sanctions, patriotism.

На протяжении всей своей истории Крым не раз привлекал к себе внимание мирового сообщества. На полуострове проходили

встречи и принимались решения, имевшие огромное значение. Достаточно вспомнить лишь Ялтинскую конференцию 1945 г. Но, по крайней мере, дважды Крым не просто был вовлечен в политические процессы, а оказывался в эпицентре мировой политики, становился символом глубоких изменений в системе международных отношений. Впервые это связано с Восточной войной 1853–1856 гг., традиционно именуемой у нас Крымской. Второй раз это вызвано событиями 2014 г., получившими название «Крымская весна». Между этими датами – более полутора столетий. За это время изменился до неузнаваемости мир, над планетой пронесся вихрь нескольких социальных, технологических революций, человечество оказалось дважды вовлеченным в трагедию мировых войн. Однако, несмотря на столь огромную разницу во времени, между этими событиями остается очень много общего, позволяющего провести целый ряд исторических параллелей. Главной из них является то, что оба эти события связаны с кардинальным изменением расстановки сил на мировой арене. Если в первом случае речь шла о вытеснении России, уменьшении ее огромного влияния на мировую, и прежде всего, европейскую политику, обусловленным победами в войнах с наполеоновской Францией, то во втором – о сдерживании России и стремлении противодействовать восстановлению ее влияния, существенно ослабевшего после окончания холодной войны и распада социалистической системы.

Прослеживается немало общего и в том, как осуществлялись эти близкие по сути стратегии. И в одном, и в другом случае Россия столкнулась с попытками создания глобальной коалиции ведущих держав западного мира. Противодействие России оказывалось во всех сферах – военной, экономической, дипломатической. Как и в середине XIX в., попытки давления на Россию в той или иной форме предпринимались по всему периметру ее границ – в Прибалтике, на Кавказе, в Средней Азии, хотя кульминация противостояния ведущих держав вызвана именно событиями на Крымском полуострове. В обоих случаях давление на Россию сопровождалось масштабными информационными войнами. Причем есть все основания

полагать, что они начались задолго до активной фазы противостояния. Есть множество подтверждений тому, что антироссийские настроения в XIX в. формировались в Западной Европе гораздо раньше, чем начались военные действия в Крыму. В своих воспоминаниях многие очевидцы тех событий, говоря об атмосфере, царившей в европейских столицах, отмечали однозначно ее русофобский характер. Показательны в этом общественные настроения во Франции – страны, связанной с Россией тесными духовными и культурными связями. Об угрозах, которые якобы несет Россия западной цивилизации, говорилось на всех уровнях. Об этом считали своим долгом говорить весьма авторитетные представители французской культуры XIX в. Среди них – Виктор Гюго, предупреждавший французов о том, что им грозит «нашествие русских», Проспер Мериме, как бы в шутку описывающий перспективу того, что французский журнал в середине XIX в. «будет проходить цензуру какого-нибудь калмыка», Стендаль, сожалевший, что Европу не отделяет от Азии широкая река, способная помешать казакам «угрожать цивилизации». Полная картина состояния французского общества накануне Крымской войны, напичканного антироссийскими фобиями, описана в работе крымских ученых, исследовавших архивные материалы, прессу, дневники и письма тех лет [1]. Подобные настроения царили в Австрийской империи, сохранившейся во многом благодаря поддержке России в 1848 г. Что уж говорить о Великобритании, рукоплескавшей победам России в наполеоновских войнах, но верно следующей правилу не иметь постоянных друзей, когда речь заходит о собственных интересах. Подобная позиция ведущих государств формировала отношение к России и в других странах. Эти настроения возникли не сразу и не в связи с какими-то отдельными шагами России. Они появлялись тогда, когда Россия начинала проводить самостоятельную внешнюю политику, а не обслуживать чьи-то интересы. На это обстоятельство обращали внимание многие публицисты XIX в. [2].

Всё происходившее удивительно напоминает культивируемые в современном европейском обществе идеи о

мнимой угрозе России западным ценностям. Сходство прослеживается и в том, что изменение позиции Запада в отношении России в XXI в. происходит тогда, когда Россия перестает бездумно обслуживать интересы западных партнеров, начинает проводить самостоятельную политику в защиту собственных национальных интересов, адекватно реагировать на угрозы, затрагивающие безопасность страны и ее ближайших союзников. Изменение тональности в разговоре, охлаждение в отношениях, отлучение ее от «клуба избранных» преследовали без сомнения воспитательный момент с целью «укрощения строптивой России» как в середине XIX, так и в начале XXI в. Стремление же России защитить собственные интересы в Черноморском регионе, обеспечить безопасность соотечественников вызвало уже не раздражение, а настоящий шквал мер экономического, информационного и дипломатического характера. И, если в первом случае дело все же дошло до прямого конфликта, в котором Россия вынуждена была уступить и согласиться на унизительные для себя условия, то во втором России не только удалось избежать прямого столкновения, но и усилить свои позиции в регионе и влияние в мире.

Это обусловлено рядом обстоятельств как внутреннего, так и внешнего порядка. Прежде всего, к началу третьего тысячелетия ситуация в мире существенно отличалась от той, которая сложилась полтора столетия назад. Несмотря на доминирование Запада, и, прежде всего США, в мире сформировались новые центры влияния, способные если не в открытую противостоять, то, во всяком случае, проводить относительно самостоятельную политику. В середине XIX в. подобная самостоятельность легко подавлялась даже одной из мировых держав, не говоря о «коллективном Западе». Достаточно вспомнить предшествовавшие Восточной войне Опиумные войны против Китая, призванные поучительно наказать великую державу и отбросившие ее развитие на десятилетия. Пожалуй, лишь США в этот период могли играть собственную роль, продиктованную желанием защитить американский континент от экономической и военной экспансии европейских государств, прежде всего,

Британии и Франции. В середине XIX в. эти страны также предпринимали попытки ослабить позиции США, вплоть до их расчленения на несколько государств. Однако США избежали прямого конфликта с ними и заняли политику нейтралитета в Крымской войне. Эта политика действительно принесла США бонусы, в виде быстрого развития экономических связей с Россией в послевоенный период, и даже, в определенной мере, способствовала приобретению Штатами русской Аляски. Но на экономическом положении России в ходе Крымской войны это практически не отразилось, поскольку США в этот период не играли заметной роли в экономических связях России с зарубежным миром. К середине XIX в. товарооборот с США составлял лишь 3–4% экспорта России, а импорт американских товаров – менее 2% в структуре ввозимой в страну продукции [3, с. 289].

В XXI в. сложилась принципиально иная ситуация, вызванная формированием многополярного мира, в котором новые зарождавшиеся мировые или региональные центры влияния не заинтересованы в сохранении доминирования Запада. Объективно их интересы во многом совпадают в этом плане с позицией России. И хотя открыто это не декларировалось, но эти страны уже были достаточно сильны, чтобы не идти полностью в фарватере западной политики. Кроме того, их экономические связи с Россией приобрели существенные масштабы. Только страны БРИКС в 2014 г. занимали около 20% в структуре российского импорта, причем из этих стран поступало около трети ввозимых в Россию машин и оборудования [4 с. 156]. В этих условиях введение всеобъемлющих санкций в отношении России западными странами не могло достичь своих целей, более того, ослабило позиции инициаторов их введения и существенно усилило позиции стран, сохранивших и развивающих свои связи с Россией. Тем самым коллективный Запад в определенной мере способствовал формированию многополярного мира, стимулируя развитие экономических, и, как следствие, гуманитарных, политических и даже военных связей между странами, не разделявшими их политику.

Есть еще одно обстоятельство объективного порядка, коренным образом отличавшее ситуации середины XIX и начала XXI вв. Это информатизация, которая исключила возможность стран Запада беспрепятственно формировать из России образ врага, как в собственной среде, так и в других странах. Несмотря на беспрецедентную информационную обработку своих граждан и граждан других государств, перекрыть все каналы поступления информации в XXI в. просто невозможно. Это оставляло возможность для России доносить свою позицию, а для граждан других стран получать объективную информацию и формировать альтернативное мнение относительно происходящих событий. И хотя антироссийские настроения, прежде всего, в общественном мнении европейских стран и США все же явно преобладали, они не стали всеобъемлющими. В Европе это проявилось, в том числе, в росте влияния оппозиционных партий, многие из которых, заявив о несогласии с политикой своих правительств в отношении России, существенно расширили электоральную базу.

Кроме обстоятельств объективного порядка, отличающих ситуацию в сравниваемых событиях, есть и факторы субъективного порядка, связанные с политикой России. К их числу следует отнести то, что Россия встретила подобный поворот в мировой политике в XXI в. более подготовленной как в техническом, так и в военном отношении. За предшествующее крымским событиям десятилетие она сумела существенно модернизировать свою армию. Более активная внешняя политика и внешнеполитические усилия не позволили странам Запада в полной мере реализовать планы по созданию антироссийской коалиции. Особое значение имело в этом плане то, что в происходящие события не была активно вовлечена Турция, как важнейший игрок в Черноморском регионе. Достаточно профессионально работали на зарубежные страны российские СМИ, что и вызвало столь неадекватную и совершенно не отвечающую либеральным ценностям реакцию на их вполне законную деятельность западноевропейских и североамериканских правительств. К числу субъективных факторов следует отнести опережающие действия России. В отличие от XIX, в XXI в. высшее политическое руководство

страны не стало дожидаться появления реального военного присутствия армий других стран на полуострове, а предприняло превентивные меры, исключившие такую возможность и позволившие провести референдум, определивший волю большинства крымчан относительно статуса Крыма.

И, наконец, хотя оба события вызвали небывалую волну подъема патриотизма и консолидировали нацию, но природа этих настроений все же имеет некоторые отличия. В XIX в. они опирались в основном на патриотические чувства, вызванные прошлыми успехами России – её победами в Отечественной войне 1812 г., войнах с Турцией и влиянием на события в Европе.

В начале XXI в. эти настроения уже были вызваны главным образом ожиданиями возрождения Отечества, надеждами на будущие успехи. Следовательно, то, как они будут развиваться в дальнейшем, будет зависеть уже не столько от «Крымской весны» (она в значительной степени сыграла свою мобилизующую и консолидирующую роль), а от того, как будет меняться Россия, как будут осуществлены масштабные проекты модернизации российского общества.

Литература

1. Орехов Л.А., Орехов В.В., Первых Д. Орехов Д.В. Крымская Илиада. Крымская (Восточная) война 1853–1856 годов глазами современников: литература, архивы, пресса. Симферополь, 2010.

2. Кузнецов О.В. Крымская война как «момент истины» для России // Военная история России: Проблемы, поиски, решения. Материалы III Междунар. науч. конф., посвященной 160-летию окончания Крымской войны 1853–1856 гг., г. Волгоград, 23–24 сент. 2016 г.: в 2 ч. Волгоград, 2016. Ч. 1. С. 154–166.

3. Степанов В.Л.Крымская война и экономика России // The Crimean War 1853–1856. Colonial Skirmish or Rehearsal for World War? Empires, Nations, and Individuals / ed. J.W. Boreysza. Warshawa, 2011.

4. Шарова Е.А. Взаимная торговля стран БРИКС на современном этапе // Проблемы национальной стратегии. 2016. № 2 (35). С. 150–174.

О.А. Дибас

ОБРАЗ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПОСЛЕ ПРИСОЕДИНЕНИЯ КРЫМА В РАМКАХ ИССЛЕДОВАНИЙ ЦЕНТРА ПО ИЗУЧЕНИЮ РОССИИ (CRF)

Целью статьи является изучение наработок части экспертного дискурса Украины в рамках разработки политики противодействия Российской Федерации. Проанализированы выработанные Центром изучения России, возглавляемым Владимиром Огрызко предложения к представителям стран ЕС и США относительно угроз и коллективных мер защиты от «нарастающей угрозы Российской Федерации».

Ключевые слова: Крым, Российская Федерация, Украина, Центр изучения России, методы противодействия, коллективная безопасность.

O.A. Dibas

THE IMAGE OF THE RUSSIAN FEDERATION AFTER THE ACCESSION OF CRIMEA WITHIN THE RESEARCHES OF THE CENTER FOR THE STUDY OF RUSSIA (CRF)

The purpose of the article is to study the developments of part of the expert discourse of Ukraine in the framework of developing a policy to counter the Russian Federation. The proposals developed by the Center for the Study of Russia headed by Vladimir Ogryzko to the representatives of the EU and the USA regarding threats and collective protective measures against the “growing threat of the Russian Federation” are analyzed.

Key words: Crimea, Russian Federation, Ukraine, Center for the Study of Russia, countermeasures, collective security.

В марте 2014 г. произошло знаменательное событие для граждан Российской Федерации и жителей Крыма – воссоединение Крыма с Россией, которое значительной частью международного сообщества интерпретируется и позиционируется в качестве аннексии.

Данные трансформации отразились не только на активизации крайне радикально настроенных представителей националистических кругов, но и в дискурсе представителей политической элиты Украины.

Одной из ярких фигур украинского политикума является Владимир Огрызко, министр иностранных дел Украины (2007–2009 гг.), который наибольшего карьерного роста достиг при

президентстве В. Ющенко. Ещё при назначении его на должность министра иностранных дел Украины известный российский политолог С. Марков охарактеризовал данное кадровое решение как продолжение антироссийской политики, обращая внимание, на то что: «Владимир Огрызко ненавидит Россию и русских, и таких в МИД большинство» [1].

После событий «Крымской весны» В. Огрызко, выступая в рамках международной научно-практической конференции «Реструктуризация глобального пространства: исторические императивы и вызовы», проводимой Дипломатической академией Украины при Министерстве иностранных дел, заявлял о том, что после февральско-мартовских событий в Крыму произошел окончательный крах мировой системы безопасности и что международное сообщество «обязано сплотиться для противостояния угрозе исходящей от Российской Федерации» [2].

Именно по инициативе В. Огрызко создан Центр по изучению России. Официально главной целью деятельности данного центра обозначено «изучение процессов, происходящих в Российской Федерации», формирование понимания происходящих в РФ процессов и способов взаимодействия с международным сообществом, а также выработка стратегии взаимодействия Украины и международного сообщества с РФ [3].

Пониманию специфики предлагаемых Центром решений способствует изучение состава созданной неправительственной организации. Так, в состав CRF кроме Владимира Огрызко, вошли Денис Богуш, Александр Баглай, которые принимали активное участие в организованной аналитическим центром Статкома НАТО конференции «Российская дезинформационная активность против Украины: борьба нарративов», которая проходила в Вильнюсе в ноябре 2016 г. [4]. Также в состав Центра изучения России вошел Е. Марчук – первый глава СБУ Украины (1991–1994 гг.), премьер-министр Украины (2003–2004 гг.) [5].

Задачу по разработке обоснования активизации антироссийских настроений взял на себя директор института

внешней политики Дипломатической академии при МИД Украины Г. Перепелица. Он обозначал, что сохранение установившихся в 2014–2015 гг. договоренностей между РФ и странами ЕС относительно частичного замораживания ситуации по Крыму и Донбассу является одним из наименее приемлемых для Украины сценариев. При нём Украина теряет свою территориальную целостность, суверенитет над территорией Крыма и Донбасса, значительную часть промышленно-экономического потенциала (около 20%), 12% территории и 7 млн. чел. населения. Она теряет более 400 км государственной границы по суше, не считая уже морскую границу, и вместо этого получает внутреннюю нестабильность и постоянную внешнюю угрозу. Такая ситуация, по мнению автора, заставит Украину остаться в «серой зоне» и в сфере российского доминирования и постоянной военной угрозы со стороны России. В дальнейшем такая ситуация может привести к фактическому разрушению украинской государственности [6].

Аналитики Центра изучения России выделяют главные задачи политики России в рамках, по их мнению, «активной фазы агрессии России в гибридной войне», а именно: пересмотр итогов «холодной войны». По мнению авторов, в перечень главных задач Российской Федерации входит пересмотр границ в Европе; отказ от Беловежского соглашения, что должно будет привести к фактическому отказу от признания государственных суверенитетов постсоветских стран; просмотр правомерности объединения Германии; борьба с неправомерность расширения НАТО и ЕС; отказ от принципов Хельсинского заключительного акта и Парижской Хартии ОБСЕ; разрушение режима контроля над вооружениями в Европе; дискредитация НАТО с помощью демонстрации его неготовности вступить в конфликт с Россией; инспирация радикальных пророссийских партий и движений в Центральной и Западной Европе; нейтрализация Вышеградской четверки путем образования в ней пророссийской группы стран [6].

В рамках своей деятельности члены Центра по изучению России выработали ряд предложений, которые, по их мнению, должны способствовать восстановлению статуса Украины на

международной арене и ограничить внешнеполитические и геополитические возможности Российской Федерации. Работая в категориально-понятийном аппарате гибридной войны члены ЦПР предлагали пересмотреть статус конфликта на Донбассе и вместо АТО признать, что Украина является жертвой российской агрессии и находится в состоянии войны.

Аналитики Центра по изучению России считают, что на международной арене главной задачей Украины должна быть организация международной антипутинской коалиции, целью которой являлась бы капитуляция России в этой войне не только перед Украиной, но и перед Европой и США. И только на этих условиях должен быть заключен новый Договор о европейской безопасности [6].

Необходимо отметить, что консолидаторская риторика аналитиков Центра по изучению России в хронологическом измерении представлена в основном в 2015–2017 гг., начиная с 2018 г. изменилась направленность публикаций центра, которые стали в большей степени отражать попытки Украины наказать Российскую Федерацию за действия в Крыму при помощи механизмов юридического давления. Украина обратилась с исками против Российской Федерации в Международный уголовный суд, Международный суд ООН и Европейский суд по правам человека [7], но однозначный ответ, на который рассчитывали украинские власти, получен так и не был.

Таким образом, на основании анализа представленных в системе интернет материалов Центра по изучению России, можно сделать вывод о том, что главной задачей Центра является не всестороннее изучение России в системе международных отношений и российско-украинских отношений после событий Крымской весны, а тиражирование образа об агрессивной деятельности Российской Федерации. Деятельность Центра заключается в распространении дезинформации о попытках РФ дестабилизировать ситуацию, как на территории постсоветского пространства, так и Западной Европы в целом. Программой максимум можно считать создание широкой антироссийской коалиции, которая не только будет способствовать возвращению Крыма и Республик Донбасса под юрисдикцию Украины,

Абхазии и Северной Осетии под юрисдикцию Грузии, но и ограничение Российской Федерации в международном правовом и экономическом пространстве.

С учетом вышеизложенного, приоритетной задачей российского политикума и общественности является активизация контрмер против Центра по изучению России и схожих по функциональному назначению структур, разработка и внедрение как механизмов мягкой силы, направленных на улучшение имиджа РФ на международной арене, так и жесткое обозначение неизменности соблюдением РФ взятых на себя обязательств по обеспечению безопасности как собственных граждан, так и относящих себя к «Русскому миру».

Список литературы

1. Правительство Украины назначило и.о. главы МИД Владимира Огрызко, «ненавидящего Россию». URL: https://www.newsru.com/world/31jan2007/ogryzok.html (дата обращения: 16.08.2019).

2. Огризко В. Після краху світової системи безпеки: що далі? // Матеріали III Міжнародної науково-практичної конференції «Реструктуризація глобального простору: історичні імперативи і виклики» 24.04.2014. Київ, 2014. С. 20–28.

3. В Україні відкрили центр для дослідження Росії. URL: http://www.theinsider.ua/politics/55098bd0c3d8d/ (дата обращения: 12.08.2019).

4. NATO StratCom COE. URL: http://www.stratcomcoe.org/russias-dis-information-activities-against-ukraine-battle-narratives (дата обращения: 04.08.2019).

5. Є. Марчук про основну мету діяльності центру дослідження Росії URL: http://www.r-studies.org/cms/index.php?action=news/view_details&news_id=5301&lang=ukr (дата обращения: 22.08.2019).

6. Г. Перепелиця. Політика Росії – це крах міжнародної безпеки: причини та наслідки. URL: http://www.r-studies.org/cms/index.php?action=news/view_details&news_id=19827&lang=ukr (дата обращения: 17.08.2019).

7. В'ячеслав Коновал. Судові перспективи позовів України до Російської Федерації у зв'язку з анексією Криму і воєнними діями на сході України. URL:http://r-studies.org/cms/index.php?action=news/ view_details &news_id=78657&lang=ukr (дата обращения: 20.08.2019).

M. Stojadinović

GEOPOLITICAL CHALLENGES FOR THE BALKAN COUNTRIES: THE PROSPECTS FOR ESTABLISHING GOOD INTERNATIONAL RELATIONS[1]

The main goal of this research is comprehensive analysis of the contemporary geopolitical and economic challenges that the Balkan countries have to face in the 21st century. The main focus of this analysis is on prospects for improving cooperation between the Balkan countries and finding reasons why this cooperation could be prosperous for all sides. For purpose of accomplishing this objective the author combined various methods in his research. Methodologically this research builds on geopolitics as a general approach in the understanding of international relations. More specifically the research applies historical and comparative political analysis building on primary and secondary sources, economic, statistical and other official data.

Key words: the Balkans, geopolitics, economy, international relations, Republic of Serbia.

М. Стоядинович

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ ВЫБОР БАЛКАНСКИХ СТРАН: ПЕРСПЕКТИВЫ УСТАНОВЛЕНИЯ ХОРОШИХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Основная цель исследования – всесторонний анализ современных геополитических и экономических проблем, с которыми сталкиваются балканские страны в XXI в. Основное внимание уделяется перспективам улучшения сотрудничества между балканскими странами и выяснению причин, по которым это сотрудничество может быть успешным для всех сторон. Для достижения этой цели автор объединил различные методы в своем исследовании. Методологически данное исследование основывается на геополитике как общем подходе к пониманию международных отношений. В исследовании используется исторический и сравнительный политический анализ, основанный на первичных и вторичных источниках, экономических, статистических и других официальных данных.

[1] Предавање са међународне конференције «Причерноморье в контексте российской цивилизации: история, политика, культура“ објављено у целости настало је као резултат рада на пројекту 179009, а који је финансиран од стране Министарства просвете, науке и технолошког развоја Републике Србије.

Ключевые слова: Балканы, геополитика, экономика, международные отношения, Республика Сербия.

A famous Serbian polyglot novelist, essayist and art critic Isidora Sekulić in her political essay Balkan (the Balkans) in 1940 wrote that the Balkan peninsula is an autonomous world on its own and she rose one crucial question regarding it: "Balkan states and peoples, as if they all embarked on the same ship, must have one general political problem and political ideal, regardless of how different they might be among themselves… Will the Balkans once and for all open its sleepy eyes and see its own enormous cultural capacity if it moves forward together as one?" [5, p. 259]. The capacity of Balkan states is quite astonishing, but despite it such capacity was also misused in the context of interests of great powers in this region. There have been too many pointless wars going on in this region and too many lives have been lost. The complexity of the Balkans is obvious even in the problem of determination of its borders.

In this sense a political scientist Milomir Stepić underlines a fact that we should make a distinction between the Balkan Peninsula as a term in physical geography and the Balkans as a term in political geography. The Balkan Peninsula as the term in physical geography is defined by the Danube-Sava rivers border and includes entirely "Albania, Bosnia and Herzegovina, Bulgaria, Montenegro and FYR Macedonia (the source is from 2013, in the meanwhile this country change its name and now it is officially the Republic of North Macedonia), and partially Croatia, Greece, Italy, Romania, Serbia, Slovenia and Turkey with the total surface of approximately 520.000 square kilometres ... The Balkans as the term in political geography includes Greece, Albania, Bulgaria, Romania, Serbia, Croatia, Bosnia and Herzegovina, Montenegro, North Macedonia, Slovenia and European Turkey and covers the total surface area of approximately 788.800 square kilometres" [10].

The Balkan Peninsula lies at the crossroads of Europe, Asia and Africa. In the context of "The Belt and Road Initiative" the Balkans represents a significant bridge between China, Central Asia and Europe. In the beginning of the 20th century a geographer and ethnologist Jovan Cvijić, one of most famous Serbian scientists, wrote

that the complex history of the Balkan peoples is the result of the fact that, metaphorically speaking, "they have built their home right in the middle of the road" [5, p. 25]. Perhaps such statement could be considered a very simplified perspective of various problems that the Balkan states have faced in the contemporary age, but it still succeeds to explain geopolitical and geostrategic aspirations of great world powers toward the Balkan Peninsula.

But lately there has also appeared one more term which is often associated with the Balkans, and that is the term "Western Balkans". This term was coined by international community to define the specific region that includes former states of the Socialist Federal Republic of Yugoslavia without the Republic of Slovenia and with the Republic of Albania added to it. It was coined to differentiate between countries which would be accepted into the EU from the rest of the Balkan countries which were considered not ready to commence and successfully accomplish accession negotiations. This term is not only geopolitical, geostrategic and geographic creation, [13, p. 41] but it is also economic and political one. The total surface area of the Western Balkans is considered to encompass around 264.000 square kilometres, but even this fact, too, is a problematic fact. The Republic of Croatia has been the main opponent to being characterized as the part of the region in question, and such political view of Croatia became even stronger following the end of Croatian integrations into the European Union. The end of the EU integrations for the Republic of Croatia implied that officially Croatia could not be considered the part of this political construction anymore. Such outcome has triggered some additional questions and certainly one of these questions is whether the Western Balkan states could still be considered the part of this construction once their EU integrations are finished or not. This is relevant for understanding complexity of positioning the Balkan countries in the international relations.

The importance of the Balkans for the entire world is understood from theories of two important geopolitical thinkers Halford Mackinder and Nicholas Spykman. The Balkans can be comprehend in the light of both Mackinder's "Heartland" theory and Spykeman's "Rimland" concept. Halford Mackinder's syllogism underlines that "one who rules East Europe commands the Heartland; the one who

rules the Heartland commands the World-Island; and finally the one who rules the World Island commands the world" [6]. In the response to such syllogism Nicholas Spykman created a counter-syllogism which presents a different perspective: "One who controls the Rimland rules Eurasia; and the one who rules Eurasia controls the destinies of the entire world" [8]. These two opposed syllogisms perfectly describe the complexity of geopolitical position of the Balkans.

It is necessary to explain in geopolitical terms why the Balkans has always attracted attention of great world powers. The Balkans is certainly one of the main parts of Eurasia. As the political scientist Milomir Stepić explained: "This region can be a bridge, but also an obstacle (…) In primordial confrontation between the "power of the land" (tellurocracy) embodied in Russia as Eurasian Heartland, and the "power of the sea" (thalassocracy), which is now represented by the United States, the main point of confrontation is the Rimland – the edge of the Eurasian mega continent" [9] This fact explains why throughout Balkan history the Balkan peoples could hardly make decisions by themselves and in many periods they had to submit or accommodate their own interests to the interests of great world powers. "In contemporary age the Balkan people have undergone the process of geopolitical transition from the region of the East (succumbed to Soviet influence until the year 1989) towards integration into Euroatlantic organizations. When it comes to economy, their elites/pseudo-elites uncritically follow a neoliberal model of dependent modernization, whereas in the political sphere they strive for a liberal democratic multiparty parliamentary representative system. In the sphere of culture, they follow the spirit of Anglo-Saxon modernization and dependent culture" [7, p. 101].

This region is characterized by multinationalism, multiculturalism and multiconfessionalism. These characteristics has often been misused as the source of numerous social, political and interstate conflicts in different historical periods and so caused the lack of capacity for establishment of the culture of peace in the Balkans. "Throughout history, the Balkan states, that is, Albania, Bulgaria, Greece, Romania, Turkey and former Yugoslavia, have been largely influenced by ethnic, economic, religious, cultural and political

elements (…) From the ancient times Hellenes (or Greeks), Romans, Byzantines and Ottomans, and currently the world powers such as the European Union, Russian Federation, Arab states and the United States of America exercise a strong influence on the Balkan states, which might hinder developmental processes in Europe and perhaps in the whole world as well" [4, p. XI].

Great powers have not shown benevolence in this region. Milomir Stepić noted that after the disintegration of the USSR and the breakdown of Warsaw Bloc, the Yugoslav conflict came as an opportunity for US and NATO to consolidate themselves in Europe as a bridge for their further claims towards the East [12, p. 137]. In the Balkans the great powers have often forced their roles of protectors upon local population, not out of their altruistic motives, but because of their urge to exercise their influence, which could be a crucial factor for establishment of their geopolitical and geostrategic position in the region. As an economist Nicholas V. Gianaris described it: "Frequently, great powers have found fertile ground for their influence and conflicts, but as the saying goes. When elephants quarrel, the grass is destroyed. The term Balkanization is used for similar conflicts around the world, whereas the Balkan Peninsula is known as the powder keg of Europe" [4, p. XI].

Due to this reason, development of culture of dialogue and tolerance should be a priority in the agenda of local peoples in the Balkan region. Indeed the issue of the lack of dialogue and mutual cooperation among the Balkan nations has been one of the most analysed topics regarding entire history of the Balkan region. The common ground of all these analyses from different scientific perspectives could be summarized in the next statement: While the need for the dialogue and cooperation among the Balkan states constantly increases, in reality the praxis of dialogue and cooperation decreases. "Balkan nationalisms have been crucial for nation- and state building processes in the region and yet they also have long been perceived as posing serious difficulties in the Balkans and creating obstructions for the region's development and wellbeing. The post-Cold war developments only further justified that perception and because of the uncurbed Balkan nationalisms the region has been once again tagged as "the Europe's powder keg" – a place of raging

conflicts and seemingly irrational clashes among peoples. Particularly powerful contribution to that image provided the explosive dissolution of Yugoslavia where Balkan nationalisms have again been constituted as the major culprits" [1, p. 214]. The consequence of such states of affairs has been the culture of war which had shed too much blood in numerous conflicts in the region, instead of establishment of the culture of peace.

The culture of peace can only be established through dialogue and tolerance which should be main elements of the process of communication. We should underline that culture cannot be defined beyond the process of communication and that it is a dynamic phenomenon which constantly undergoes the process of change and reshaping. This is why we must reject any kind of idea of its hermetic nature. "All cultures should be understood as the communication through space (current cultural reality) and time (living history and cultural tradition)." [2, p. 14] The culture of all nations gets enriched as the result of cultural contacts and in the process this leads to development of cultural similarities and differences. Cultural differences do not necessarily lead to social conflicts. They can also be the source for mutual cooperation and this is something worth striving for. A sociologist Božo Milošević points out that a huge number of academics often search for socio-cultural perspectives of integrations within a country of the Balkan states in their history, while forgetting that in the past these perspectives have been and still are the source of numerous examples of disintegrations [11, p. 35]. There is a discouraging fact that cultural diversities in the Balkans have often led to different forms of social conflicts. In the words of a sociologist Ljubiša R. Mitrović: "The culture of peace, coupled with social democratic strategy of sustainable and human development, can contribute to globalization of understanding and solidarity among nations. It could restore the faith of Balkan nations in themselves, in their neighbours and in democratic future of the Balkans. It would also reaffirm the principles of equality of all citizens and nations, a respect for the dialogue of different cultures and the partnership of civilizations, all of which is a strategic common interest of all Balkan nations, if this region is to become a geo-space of peace, development

and stability, rather than a "powder keg" in geostrategic games of the major powers" [11, p. 101].

This is also the main reason why the main course for the Balkan nations in future should be development of the culture of peace and mutual cooperation as the main alternative to history of conflicts of this region. This can only been achieved if both international and domestic politics tend to modernize their national and democratic capacities. "And that requires a thorough change of the system of values, world views and cultural orientations of the Balkan nations, which, of course, has implications for the process of self-identification and for a radical overhaul of the cultural core of the Balkan nations. This implies the change from one layered closed identity towards an open pluralistic identity and the change from the identity of the veils and burqas towards an open transnational identity which is able to communicate with the others, and represents a unity of local, national and universal values" [11, p. 101].

Beside the obstacles caused by outside factors (the most important one is different geopolitical position of great powers regarding its farther path of development), the main reason why the integration and cooperation among the Balkan states is not satisfying is hidden in their internal contradictions. In the words of lawyers Duško Lopandić, Jasminka Kronja these contradictions are "the lack of tradition of multilateral cooperation; underdeveloped economies and limited resources (financial and human) for cooperation; the peripheral position of the region as compared to the European centres of integration, coupled with an overriding tendency of most states in the region for political and economic cooperation and integration with developed Western states (EU, EFTA, etc.); longstanding and unresolved regional disputes and conflicts, including disputes over borders or national minorities; political and economic incoherence; and differences in national, political and economic interests." [5, p. 25]. Overcoming these contradictions is the only way for the Balkan states to establish successful political and economic cooperation in this region.

Literature

1. Bakalova M. “Balkan Nationalism and the Europeanization of the Balkans: the Taming of the Shrew (Im)Possible” // Western Balkans and the European Union. Lessons from Past Enlargements, Challenges to Further Integrations / eds. V. Mintchev, N. Nenovsky and X. Richet. Sofia, 2015.
2. Božilović N. Kultura i identiteti na Balkanu. Niš, 2007.
3. Cvijić J. Balkansko poluostrvo i južnoslovenske zemlje. Beograd, 1922.
4. Gianaris N.Geopolitical and Economic Changes in the Balkan Countries. Westport; London, 1996.
5. Lopandić D., Kronja J. Regional Initiatives and Multilateral Cooperation in the Balkans, European Movement. Belgrade, 2011.
6. Mackinder J.H. Democratic Ideals and Reality. Washington, 1942.
7. Mitrović L. The Geopolitics of the Balkans in the 19th and 20th Centuries – Between National Emancipation Movements and Geostrategic Games of the Great Powers // Facta Universitatis. Niš, 2011. № 2.
8. Spykman N. The Geography of the Peace. Archon Books, 1969.
9. Stepić M. Neokenianizam i srpski činilac na postmodernom Balkanu // Geopolitika. URL: http://www.geopolitika.rs/index.php/sr/intervju/258-srbija-strategija-opstanka-putevi-izlaska-iz-krize (accessed 05.06.2019).
10. Stepić M. Zapadni Balkan ili primer geopolitičkog manipulisanja // CEPOM. URL: http://www.ceopom-istina.rs/globalizam/politicki-procesi/zapadni-balkan-ili-primer-geopolitichkog-manipulisan/?lang=lat (accessed 05.06.2019).
11. Stojadinović M., Milošević K. Komunikacijski kontekst kulture i multikulturnog društva // Nauka, Časopis Slobomir P Univerziteta za društvene i humanističke nauke. Slobomir, Bijeljina, 2010. No 2–3.
12. Subotić M. Srpsko pitanje danas, Institut za političke studije. Beograd, 2008.
13. Vuletić D. NATO i Zapadni Balkan // Vojno delo. Beograd, 2018. No 7.

СЕКЦИЯ 1. ПРИЧЕРНОМОРЬЕ И РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ: ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ ИНТЕГРАЦИИ

Е.П. Быковский, Е.А. Шкрибитько

ЗАСЕЛЕНИЕ И ХОЗЯЙСТВЕННОЕ ОСВОЕНИЕ ЮГО-ЗАПАДНОЙ РОССИИ В XVI – XVIII ВВ.: СОВЕТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ

В статье рассматривается степень изученности проблемы заселения и освоения Юго-Западной России в XVI – XVIII вв. в трудах исследователей советского периода 1920–1980-х гг. Акцентируется внимание на колонизационных процессах, видах и формах земельной собственности, административно-территориальных преобразованиях второй половины XVIII в.

Ключевые слова: Донбасс, Московское государство, Святогорский монастырь, монахи, степной регион, колонизация.

E.P. Bykovsky, E.A. Shkribitko

SETTLEMENT AND ECONOMIC DEVELOPMENT OF SOUTH-WEST RUSSIA IN THE XVI – XVIII CENTURIES: SOVIET HISTORIOGRAPHY

The article discusses the knowledge degree of settlement problem and development of the southwestern Russia in the XVI – XVIII centuries in the works of researches of Soviet period of 1920–1980. Attention is focused on government and popular colonization, types and forms of land ownership, including possessions of the Svyatogorsk monastery, administrative and territorial transformations of the second half of the XVIII century.

Key words: Soviet period, Donbass, Muscovy, Svyatogorsk monastery, monkery, steppe region, colonization, land ownership, lines of defence.

Изучение региональной истории является важным вектором общеисторического процесса на современном этапе. На сегодняшний день существуют еще «белые пятна», связанные с заселением юго-западной России, основанием тут населенных пунктов, хозяйственным освоением этого региона. Еще в советский период эти вопросы изучались отечественными историками. В связи с этим целью статьи является критический

анализ работ советских историков 1920–1980-х гг., изучавших указанные вопросы.

Исследователями отмечалось, что процесс заселения Донецкого края активизировался во второй половине XVI в. В этот период Московское государство реорганизовало сторожевую и станичную службу на южных рубежах в ответ на опустошительный набег крымских и ногайских татар на Москву в мае 1571 г. С целью предотвращения подобных набегов Москва разработала целую систему мероприятий по укреплению южного порубежья, среди которых – создание в 1571 г. постоянной сторожевой (на левом берегу Северского Донца было зафиксировано 73 сторожи) и станичной службы. В это же время на правом берегу Донца фиксируется Святогорский монастырь, как один из колонизационных и наблюдательных пунктов Московского государства, получавший за свою службу царское жалование (деньгами, воском, зерном, тканями).

Известным историком еще дореволюционного, а потом и советского периодов был Д.И. Багалей. В 1918 г. он опубликовал монографию «Історія Слобідської України», которая была кратким изложением его докторской диссертации, опубликованной в 1887 г. Автор рассмотрел проблему заселения и хозяйственного освоения степного региона, а также участие святогорских монахов в освоении этих территорий в XVII – XVIII вв. [1, с. 37, 160]. На сегодняшний день это единственная комплексная работа по истории Слобожанщины, охватывающая период от первых поселенцев на территории этого региона до начала XX в.

В 1920 г. Д. Багалей дополнил и переиздал на украинском языке работу, опубликованную в 1889 г. Автор охарактеризовал природные особенности Донецкого региона, описал виды, формы, размеры и направления колонизационных потоков. Приоритет в заселении края Д. Багалей отвел народной колонизации (украинской и русской). Считал, что первыми в степной регион проникли запорожские казаки, которые позже, вместе с донскими казаками, совершали отсюда военные походы [2, с.63, 69]. Охарактеризованы хозяйственная жизнь в зимовниках и торговля запорожцев в период существования

последней – Новой Сечи (1734–1775 гг.). Историк акцентировал внимание на том, что весь Юг России, в том числе, Новороссия, заселялся преимущественно за счет православных беженцев с западно-украинских земель, не принявших Брестскую церковную унию. Роль Московского государства он видел в охране границ, строительстве городов, распространении помещичьей колонизации.

В 1922–1923 гг. М. Слабченко издал работу «Организация хозяйства Украины от Хмельниччины до мировой войны». В третьей части данного исследования автор рассмотрел процесс колонизации южного степного региона украинцами, русским и иностранцами, которые сформировали на освоенных землях свою материальную и духовную культуру. Отмечалось, что степь пересекали сухопутные пути. Водный путь проходил по Днепру, через речки Молочную, Самару – на Дон, но он не был так популярен, как сухопутные пути. Ценными являются сведения про организацию новых паланок запорожцев на территории степного региона. В связи с этим автор писал, что заселению территории южнорусских степей мешала отдаленность этих территорий от северного побережья Черного и Азовского морей, и только с конца XVIII в. ситуация изменилась в связи с перемещением торговых путей в Северное Причерноморье [3, с. 62–65].

Интерес представляет монография В. Юркевича. Хотя основное внимание в этой работе уделено исследованию истории Слобожанщины, автор акцентировал внимание на заселении и хозяйственном освоении среднего течения Донца в конце XVI – середины XVII вв. Систематизированный исследователем материал характеризует пути формирования, виды и местонахождение земельных владений Святогорского монастыря и механизмы управления этой собственностью в первой половине XVII в. [4, с. 42, 164].

Во второй половине 1940-х гг. выходит ряд работ по истории русско-турецких и русско-крымских отношений. Следует выделить монографию А. Новосельского. В данном исследовании использованы документы Посольского приказа первой половины XVII в. Автор рассмотрел вопросы, связанные с возведением

Московским государством оборонных сооружений на порубежных землях в XVII – XVIII вв., среди которых выделено Святогорский монастырь на правом берегу Северского Донца, организацией сторожевой и станичной службы, под прикрытием которой население осваивало степные территории, в том числе и район Подонцовья [5, с. 104]. В работе перечислены набеги орд крымских ханов на южные порубежные земли России, приводятся размеры нанесенных кочевниками убытков. В приложениях размещены карты татарских набегов на южнорусские земли 30–40-х гг. XVII в.

Отдельно следует выделить работы историка В. Голобуцкого, изучившего роль запорожского казачества в заселении и освоении степного региона. В монографии «Запорожское казачество» историк смог последовательно проанализировать процесс колонизации и хозяйственного освоения южных степей в XVI – XVIII вв. запорожским казачеством [6, с. 360–361]. В монографии «Запорізька Січ в останні часи свого існування» В. Голобуцкий изучил проблему, связанную с религией казачества, проанализировал документы о поземельных конфликтах запорожцев с духовенством Самарского и Нехворощанского монастырей [7, с. 362–363]. Также представлен материал о развитии хлебопашества, садоводства, промыслов, ремесел и торговли на Запорожье. Автор дал оценку российской колонизационной политике в Причерноморье. Подобная тематика была изложена и в работе «Черноморское казачество» [8, с. 75–77].

Постепенное вхождение территории Южной Украины в состав Российской империи детально рассматривается в монографии Е. Дружининой «Северное Причерноморье в 1775–1800 гг.». Представлена история формирования Новороссийской губернии в конце XVIII в. Автором отмечено, что население постепенно продвигалось по указанной территории и к середине XVIII в. оказалось в непосредственной близости к Крымскому ханству. Характеризуются особенности колонизации и хозяйственного освоения степного региона. Акцентируется внимание на государственной колонизации. Для изучения проблемы были использованы не только работы

предшественников, но и богатый документальный материал, как архивный, так и опубликованный. Впервые были проанализированы картографические материалы конца XVIII в. Приведенные А. Скальковским в его работе «Опыт статистического описания Новороссийского края» данные о количественном, социальном и национальном составе населения Новороссийской губернии Е. Дружинина считает более обоснованными и точными [9, с. 69]. Анализируя процесс заселения и хозяйственного освоения края, автор рассмотрел вопросы основания городов и сел, развития промыслов и торговли. Фактически после работ А. Скальковского, это было первое исследование, в котором последовательно характеризовалась вся территория Новороссии (Екатеринославская, Херсонская и Таврическая губернии в границах после 1802 г.).

Социально-экономическая и политическая история Слободской Украины XVII – XVIII вв. представлена в работе А.Г. Слюсарского. Автором перечислены причины и ход заселения региона, основные места расселения переселенцев и виды хозяйственной деятельности. В работе упоминается об основании и хозяйственной деятельности Святогорского монастыря, о возведении Украинской укрепленной линии и процессе солеварения на Торе и Бахмуте. Исследователь считал, что именно святогорские монахи первыми начали добывать соль на Торских озерах и использовать ее в хозяйстве. Автор отмечал, что святогорцы во второй половине XVII – XVIII вв. расширяли свои земельные угодья за счет частных пожертвований, а также развивали перерабатывающую промышленность (гуральничество) [10, с. 312–313, 166, 295].

Более ранний период (XVI – XVII вв.) народной колонизации Южной Украины рассмотрел В. Загоровский. Ценными являются сведения о казацких поселениях по Северскому Донцу в конце XVI в. [11, с. 37–39; С.203–205].

Большой вклад в исследование заселения и хозяйственного освоения Северного Приазовья в XVI – XVIII вв. внес донецкий историк В.А. Пирко. На основании архивных документов он описал соляные промыслы на реках Тор и Бахмут, остановился на

вопросе основания Святогорского монастыря и охарактеризовал его хозяйственную деятельность [12, с. 42–44, 68]. Ученый пришел к выводу, что в конце XVIII в. в основных чертах сформировалась земледельческая культура региона. В научной статье «Географія збуту донецької солі у XVII – XVIII ст.» В. Пирко утверждает, что среди первых солеваров на Торских озерах были святогорские монахи, которые владели на Донце рыбными угодьями [13, с. 73, 75]. В работах В. Пирко содержится обширный статистический и картографический материал.

Таким образом, анализируя советскую историографию по указанной проблеме, следует отметить, что специальных исследований вплоть до середины 1950-х гг. не было. Только в 1950–60-х гг. стали появляться отдельные работы авторы которых затрагивали проблему заселения и хозяйственного освоения юго-западной России в XVI – XVIII вв. Однако эти исследования охватывали преимущественно конец XVII – XVIII вв. С середины 1980-х гг. заметно активизировался интерес к изучению региональной истории. Работы В.А. Пирко – это первая попытка систематического и комплексного изучения процессов заселения и освоения региона в XVI – XVIII вв., включая и монастырскую колонизацию. Однако ряд вопросов остался перспективным для дальнейшего изучения уже в постсоветский период.

Список литературы

1. Багалій Д.І. Історія Слобідської України. Харків, 1990.
2. Багалій Д.І. Заселення Південної України (Запоріжжя й Новоросійського краю) і перші початки її культурного розвитку. Харків, 1920.
3. Слабченко М.Е. Организация хозяйства Украины от Хмельниччины до мировой войны: в 5 ч. Одесса, 1922. Ч. 3.
4. Юркевич В. Еміграція на схід і залюднення Слобожанщини за Б. Хмельницького. Київ, 1932.
5. Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.; Л., 1948.
6. Голобуцкий В.А. Запорожское казачество. Киев, 1957.
7. Голобуцький В.О. Запорізька Січ в останні часи свого існування (1734–1775). Київ, 1961.
8. Голобуцкий В.А. Черноморское казачество. Киев, 1956.

9. Дружинина Е.И. Северное Причерноморье в 1775–1800 гг. М., 1959.

10. Слюсарский А.Г. Социально-экономическое развитие Слобожанщины. XVII – XVIII вв. Харьков, 1964.

11. Загоровский В.П. Некоторые вопросы ранней народной колонизации полевой окраины России // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы (далее – ЕАИВЕ), 1968. Л., 1972. С. 37–40; он же: Земледельческое население в придонских уездах на Белгородской черте в середине XVII века и возникновение первых сел «за чертой» // ЕАИВЕ. 1964. Кишинев, 1966. С.199–207.

12. Пирко В.А. Северное Приазовье в XVI – XVIII вв. Киев, 1988.

13. Географія збуту донецької солі у XVII–XVIII ст. // Історико-географічне вивчення природних та соціально-економічних процесів на Україні: Зб. статей. Київ, 1988. С. 73–78.

И.В. Рыбак

КРЫМ В ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ПЛАНАХ РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII В.

Статья посвящена обоснованию необходимости интеграции Крыма в зону геополитических интересов Российской империи, которые были решены посредством русско-турецких войн XVIII в. Автор обосновывает ход исторического развития региона, который подтвердил цивилизационное доминирование России на Черном море на протяжении столетий.

Ключевые слова: Крым, Причерноморье, интеграция, Севастополь, война.

I.V. Rybak

CRIMEA IN RUSSIA'S GEOPOLITICAL PLANS IN THE SECOND HALF OF XVIII CENTURY

This article is devoted to substantiation of the necessity of integration of the Crimea in the zone of geopolitical interests of the Russian Empire, which was resolved via the Russian-Turkish wars of the XVIII century the Author examines the historical development of the region, who confirmed the civilization dominance on the Black sea for centuries.

Key words: Crimea, black sea region, integration, Sevastopol, war.

Северное Причерноморье и Крым на протяжении многих веков были ареной острых территориальных, военно-политических, экономических, этнических и противоречий между многими государствами этого региона. Во второй половине XVIII в. европейские державы боялись усиления влияния России в Восточной и Центральной Европе. Чтобы не допустить влияния Российской империи в Европе они решили навязать России войну с Турцией. Такая позиция европейских стран была связана с их стремлением отвлечь Россию от польских дел. Турция всегда поддерживала Польшу и была противником раздела польских земель и ликвидации польской государственности.

Вначале у Екатерины Великой не было планов присоединения Крыма к России. Она хотела обезопасить южные границы империи от нападения турок и татар и вывести татар из-под влияния Оттоманской Порты.

Турция, подстрекаемая Англией и Францией, стремилась сохранить контроль над этими землями, чтобы в дальнейшем использовать их в своих экономических, политических и религиозных целях. Борьба за эти земли между двумя государствами велась с XVII в. Одиннадцать русско-турецких войн происходили в течение 240 лет, начиная с первой русско-турецкой войны (1676–1681 гг.) при царе Федоре Алексеевиче, в результате которой был заключен Бахчисарайский мирный договор. Последняя русско-турецкая война 1914–1918 гг. как составная часть глобального мирового конфликта, результатом которого стала гибель Австро-Венгерской, Германской, Османской и Российской империй.

Екатерина Великая провела две победоносные русско-турецкие войны: 1768–1774 и 1787–1791 гг. Если проанализировать причины и ход первой из войн, видим, что к объявлению в 1768 г. Турцией войны России привели взаимные противоречия. Несмотря на объявления войны в 1768 г. активных боевых действий не было. В 1769 г военные действия начал хан Крым Гирей. Его всадники перешли русскую границу и опустошили Елизаветградскую губернию. Он собирался получить помощь от поляков. Но захватить Елизаветград он не

смог из-за сопротивления русских войск. Хан разделил свое войско на мелкие отряды, которые грабили земли, убивали и захватывали в плен русских женщин и детей. Ограбив русские земли и захватив пленников, они отправились за Днестр. Хан отправился к турецкому султану [1, с. 145].

Основные военные действия с 1769 г. происходили на территории Молдавии, Валахии, Причерноморья, на Таманском полуострове и на Азовском побережье. Захват Тамани и Керчи позволил бы Турции закрыть для России выход в Азовское море контролировать местные народы, и остальные владения на Кубани.

Татарскому войску удалось взять крепость Копыл на р. Кубань. В июле 1769 г. отряд турецкого военачальника Медема нанес «сплошное поражение непризнанным народам на Кубани» [1, с. 149]. Победителю досталось около 30 тысяч голов скота. Для кочевников эффективность победы измерялась не количеством захваченных пленных, или орудий, а количеством захваченного скота. Именно скот играл немаловажную роль в их многочисленных военных походах. Понимая, что собственными силами татар не победить, большинство кабардинцев в августе 1769 г. присягнули на верность Российской империи.

В русско-турецкой войне 1768–1774 г. прославился знаменитый русский полководец П. Румянцев. Он одержал славные победы на р. Ларге и Кагул (1770 г). Русские войска под его командованием вышли к Дунаю. Успешно развивались военные действия для русской армии на Северном Кавказе, находящемся под контролем Оттоманской Порты. Там боевые действия начались в 1769 г. нападением кубанских татар на калмыков. Кубанцы и кабардинцы в это время считались подданными Османской империи. Их героическая борьба с татарами была примером мужества и героизма в борьбе за независимость от татар и турок. Калмыкам и кабардинцам удалось отбить нападение кубанских татар. Против калмыков и кабардинцев выступило татарское войско, к которому присоединилась часть конных калмыков.

Успешными были действия русской эскадры на море в 1770 г., которая под руководством главнокомандующего

А.Г. Орлова, адмиралов Г.А. Спиридова и С.К. Грейга нанесла поражение турецкому флоту в Чесменской бухте (у берегов Малой Азии).

Успехи русской армии на суше и море в начале русско-турецкой войны 1768–1774 гг. заставили Императорский Совет при Высочайшем дворе в 1770 г. перейти к разработке плана по захвату ключевых позиций в Причерноморье. Однако затягивание переговоров со стороны хана Селим Гирея заставили русское командование продолжить военную кампанию. На крымском театре военных действий в 1771 г. российская армия достигла больших успехов. Поход русской армии в Крым возглавил князь В.М. Долгорукий. Перекоп турки считали хорошо укрепленой крепостью с гарнизоном около 50 тыс. татар и 7 тыс. турок под командованием крымского хана Селим Гирея. Штурм Перекопа продолжался с 13 по 15 июня 1771 г. К 15 июня в результате правильно избранной тактики Долгорукий одержал полную победу над турками и татарами и гарнизон крепости капитулировал. 17 июня 1771 г. Сивашский отряд князя Ф. Щербатова овладел крепостью Арабат.

После разгрома основных сил противника крымский хан Селим Гирей оставил Крым, поручив его защиту Ибрагим-паше, который рассчитывал на помощь турок. Последним оплотом турецких войск стала хорошо укрепленная Кафа (Феодосия). Однако после нескольких удачных бомбардировок со стороны русской армии, гарнизон крепости сдался. Под Кафой турки, потеряв около 3500 чел., оставили г. Керчь и ушли в Стамбул.

Русские войска под командованием князя Ф. Щербатова заняли Керчь и Еникале и стали полностью контролировать Керченский пролив. На рейде Тамани и Еникале стали дежурить русские корабли, охраняя гарнизоны и коммуникации. После взятия Тамани русскими войсками в 1771 г. крепость решили укрепить от внезапного нападения турок: усилен личный состав гарнизона, укреплены крепостные стены и доставлены артиллерийские орудия. Несмотря на враждебность местных жителей к русским войскам. Необходимо было обеспечить выход к Черному морю для империи, дать возможность русскому флоту свободно проходить по черноморским проливам Босфору и

Дарданеллам. Однако русские не имели достаточных дипломатических оснований оставаться в Тамани, официально бывшей территорией Крымского ханства. Поэтому используя начавшуюся эпидемию, русские войска направились в Крым.

В XVIII в. население Крыма было немногочисленным, это было связано с постоянными набегами татар и турок. К 22 июня 1771 г. русские войска заняли восточный и южный берега Крыма. От татар были освобождены Судак, Ялта, Балаклава и Ахтиар. Русские войска овладели Крымом за 16 дней, что было связано с нежеланием крымских татар сражаться с русскими войсками, устаревшими крепостями и разногласиями среди самих татар. Татары разделились на две группы. Первая группа татар объединяла сторонников союза с Россией. К ней можно отнести едисанцев, бубжаков и джамбулуков, кочевавших по Северному Причерноморью. Их пророссийские взгляды обусловлены были подкупом Екатериной II, которая заплатила им 14 тыс. руб. Это согласно ее объяснению была компенсация за обиды, которые нанесли татарам запорожские казаки во время их походов на Крым [1, с. 178].

Другая часть крымских татар после бегства Селим-Гирея не могла избрать нового хана, и в создавшихся условиях, боясь полного уничтожения, согласилась на перемирие с Российской империей.

Крымские татары отказались от протекции Турции и вступили в вечный союз с Россией. После избрания нового хана Сагиба Гирея В. Долгорукий сообщил новому крымскому, что с целью защиты Крыма от турок в крымских крепостях останутся русские гарнизоны. Татары должны их обеспечивать топливом. Но хан отказался от такого предложения В. Долгорукого и сообщил, что получив независимость от Османской империи, Крым сможет самостоятельно себя защитить. Русские солдаты были размещены в христианских домах.

Накануне разработки плана подготовки вхождения земель Крыма и Причерноморья в состав России русским поверенным по крымским делам был назначен статский советник П.П. Веселицкий, занимавший должность посла России в Крымском ханстве. Перед ним стояло две задачи:

- потребовать от крымского хана подписания акта о вольности и независимости Крымской области. Крым в нем именовался сокровищем. В этом акте указывалось: «сокровище получено единственно от человеколюбия и милосердия ее императорского Величества Великой Екатерины» [1, с.180]. Далее указывалось, что Крымская область вступила в вечную дружбу и неразрывный союз с Российской империей под покровительством самодержицы. Хан обязывался не поддерживать отношений с Оттоманской Портой. Но во время подписания этого документа татарский мурза был против того, чтобы в трех главных городах Керчи, Еникале и Кафе находились русские гарнизоны. Он боялся угнетения татар со стороны России. Вопрос по поводу пребывания русских военных гарнизонов в этих городах в 1771 г. решен не был. После успешных боевых действий эти три города находились под контролем России;

- потребовать от крымских татар просительного письма к императрице [1, с. 180].

1 ноября 1772 г. между Российской империей и Крымским ханством был подписан Карасубазарский трактат «О вечном союзе и дружбе». Согласно этому документу Российская империя гарантировала независимость Крыма, но под своим контролем оставляла крепости Кинбурн, Керчь и Еникале, что позволяло контролировать Керченский пролив. Русские получили право рыбного промысла в Азовском море и Керченском проливе. В трактате указывалось, что кандидатуру нового хана не должна утверждать Османская империя, кандидатуру нового хана после его выбора должен утверждать Петербург. За ханом оставалась территория на Кубани и за Перекопом. Там проживали ногайцы, подданные крымского хана. Они занимались скотоводством. Там им разрешалось выпасать свой скот, хозяйственная деятельность на этой территории запрещалась. Указывалось, что Российская империя и Крымское ханство не должны оказывать помощь государству, которое против одного из них ведет военные действия. Россия указывала на необходимость пребывания в Крыму российского посла, что вызвало возмущение у нового крымского хана. Он считал, что такое решение российского

правительства приведет к возмущению со стороны населения Крыма, что может привести в дальнейшем к разложению государства.

В результате русско-турецких войн XVI – XVII вв. между русскими царями и Крымскими ханами подписывались межличностные соглашения, которые теряли свою силу после смерти одного из правителей. Поэтому их надо было подписывать снова. Карасубазарский трактат (1772 г.) был первым межгосударственным соглашением, подписанным между Российской империей и исламским государством с соблюдением европейских светских правил. 29 января 1773 г. Трактат ратифицировала императрица Екатерина II [2, с. 45]. Его российская ориентация вызвала возмущение и у татар, и у коренных жителей Крыма. Чтобы предотвратить волнения населения, в 1782 г. на полуостров были введены русские войска. 14 апреля 1783 г. Шахин Гирей отрекся от престола, закончив историю Крымского ханства.

Императрица Екатерина II, учтя внутриполитическую обстановку в Крыму и оценив экономическое, стратегическое, культурно-этническое значение южного региона, приняла решение присоединить крымские земли к Российской империи. Основой при разработке «Манифеста о присоединении полуострова Крымского, острова Тамани и всей Кубанской стороны под державу Российскую» (8 апреля 1783 г.) стали положения Трактата от 29 января 1773 г. [2, с. 45].

В ходе русско-турецких войн 1768–1774 и 1787–1791 гг. русский флот включил в свои боевые задачи функции многоцелевых и линейных кораблей. Позднее флотилия А.Н. Сенявина защитила Крым, выиграв 5 столкновений с турецкими линейными кораблями. Таким образом, Россия в русско-турецких войнах получила практический опыт отражения атак турецких кораблей от берегов Крыма [3, с. 4–5].

Таким образом, Россия и Турция были врагами в течение пяти веков. Все это время если не шли открытые военные действия, то шла подготовка к очередной войне с потенциальным противником (крымских татар, турок, народов Кавказа и др.). Пассивная оборона на юге России в XVI – XVII вв. не давала

желаемых результатов, а в XVIII – XX вв. приоритет отдали активной обороне, включавшей в себя превентивные меры. Европа хотела не раз изменить геополитическую карту России, используя другие государства, чтобы решить проблему контроля над Проливами и судоходства в Средиземноморско-Черноморском бассейне для торговых и военных судов.

Список литературы

1. Широкорад А.Б. Русско-турецкие войны 1676–1918 гг. / под общ. ред. А.Е. Тараса. М.; Минск, 2000.

2. Крым – Севастополь – Россия: История. Геополитика. Будущее / И.С. Шершнев и др. М., 2006.

3. Лебедев А.А. Фрегаты против кораблей. Неизбежный и неоцененный эпизод Русско-турецкой войны 1787–1791 гг. СПб., 2011.

В.В. Разумный

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РОССИЙСКОГО ДИПЛОМАТА А.М. ОБРЕСКОВА В ГОДЫ РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ 1768–1774 ГГ.

В годы русско-турецких войн в XVIII в. проходило не только военное противостояние, но и дипломатическое. В отдельных случаях успехи дипломатов могли обеспечить благоприятный исход всей военной кампании. Автор рассматривает деятельность А.М. Обрескова в деле укрепления позиции Российской империи в Причерноморском регионе.

Ключевые слова: дипломатия, русско-турецкие войны, Причерноморье, Российская империя, мирный договор.

V.V. Razumnyij

ACTIVITY OF THE RUSSIAN DIPLOMAT A.M. OBRESKOV IN THE YEARS OF THE RUSSIAN-TURKISH WAR 1768–1774

This article is devoted to the study diplomat's contribution Alexey Obreskov to strengthening Russia's position in the Black Sea Region. During the Russian-Turkish wars in the 18-th century, not only military confrontation took place, but also diplomatic. In some cases, the successes of diplomats could ensure a favorable outcome for the entire military campaign. The author considers the activities of Alexey Obreskov in strengthening the position of Russian Empire in the Black Sea region.

Key words: diplomacy, Russian-Turkish wars, Black Sea Region, Russian Empire, peace treaty.

Причерноморье в XVIII в. стало ареной многолетнего противостояния между Россией и Османской империей. Данный регион имел стратегическое значение для двух государств. Для России интересы в Черноморском бассейне определялись экономическими причинами и необходимостью избавиться от угрозы нападений на свои южные рубежи. Османская империя стремилась превратить Черное море в «турецкое озеро». Отношения между двумя государствами в XVIII в. осложнялись значительными военными конфликтами. Четыре войны и несколько мелких конфликтов очень выразительно характеризовали сложность русско-турецких отношений в XVIII в. Военные кампании сопровождались острой дипломатической борьбой. Поэтому важно уделить внимание деятельности русских дипломатов, которые способствовали укреплению позиций Российской империи в Причерноморском регионе. Значительный вклад в этот процесс внес Алексей Михайлович Обресков, который в начальный период русско-турецкой войны 1768–1774 гг. был послом России в Константинополе.

В российской историографии деятельность дипломата А.М. Обрескова нашла отражение в работе Е.И. Дружининой [1], где изучалась его роль в заключении Кючук-Кайнарджийского мирного договора. В 2009 г. была опубликована работа доктора исторических наук, российского дипломата П.В. Стегния [2], в которой более глубоко исследовалась роль А.М. Обрескова в русско-турецкой войне 1768–1774 гг. Отдельные вопросы дипломатической деятельности А.М. Обрескова нашли отражение в статьях В.Н. Виноградова [3] и П.П. Черкасова [4]. Этот вопрос также был рассмотрен в работе А.Б. Широкорада [5].

Во второй половине XVIII в. Российская империя была вынуждена продолжить военное противостояние с Османской Турцией. После русско-турецкой войны 1735–1739 гг. был сделан объективный вывод о необходимости обеспечения благоприятного дипломатического фона и нейтрализации негативного влияние Франции и Австрии на русско-турецкие отношения. Все военные успехи русской императорской армии в военных кампаниях 1736 и 1737 гг. были фактически нейтрализованы усилиями французского дипломата де Вильнёва,

который оказывал поддержку турецкой делегации на переговорах в Белграде в 1739 г.

В 1751 г. А.М. Обресков стал главой русской дипломатической службы в Константинополе. В конце 1760-х гг. обострился польский вопрос, который привел к обострению русско-турецких противоречий. Поэтому перед послом России в Константинополе встала трудная задача дипломатическими усилиями обеспечить благоприятный результат для России в случае начала войны с Турцией. Понимая сложность ситуации, которая обострялась негативным влиянием французских дипломатов, А.М. Обресков сумел передать в Петербург информацию о готовящихся планах турецкого руководства начать войну с Россией. Воспользовавшись инцидентом у селения Балта на русско-турецкой границе, в сентябре 1768 г. турецкий султан Мустафа III объявил войну Российской империи.

Согласно законов Османской империи, с началом войны русский посол и все представители дипломатической миссии были арестованы и отправлены в Семибашенный замок Едикуле. Так, в сентябре 1768 г. началось заточение русского дипломата. Однако даже в вынужденном плену он сохранил хладнокровие и бесстрашие. Более того, ему с помощью подкупов удавалось получить информацию о состоянии османской армии. Обресков пользовался авторитетом и уважением среди европейских дипломатов, аккредитованных в Константинополе. Они оказывали поддержку А.М. Обрескову и стремились облегчить его трудное положение. Османские чиновники также с уважением относились к русскому дипломату. Бывший визирь Ахмет-эфенди, свергнутый благодаря интригам за свои пророссийские взгляды, даже тайно навестил Обрескова в Едикуле.

С началом активных военных действий на Дунае в 1769 г. турецкий султан приказал вызвать русского дипломата и его сотрудников в свою ставку. Султан Мустафа III приказал, чтобы русское посольство, оставаясь под усиленной охраной янычар, сопровождало наступающую турецкую армию. Россиянам предоставили старых и больных лошадей, к тому же оседланных

без стремян. Все эти унижения делались для того, чтобы сломить волю и дух русских пленников. Но, даже находясь под стражей, А.М. Обресков находил возможность собрать и передать в Петербург информацию о состоянии османской армии. В своих тайных посланиях он также давал объективную оценку ситуации в ближайшем окружении турецкого султана.

Вместе с турецким войском русское посольство совершило трудный переход через болгарские и румынские земли до города Бендеры. Поздней осенью 1769 г., когда войска стали располагаться на зимние квартиры, султан распорядился отправить русских обратно в Константинополь. Немало физических и моральных страданий довелось испытать русскому дипломату на этом пути. Обресков с достоинством переносил выпавшие на его долю тяготы, оскорбления и унижения, всегда выражал перед турецким командованием свою уверенность в могуществе России, веру в победу русского оружия.

После ряда крупных поражений турецкой армии и разгрома османского флота русской эскадрой в Чесменском сражении в 1770 г. султан Мустафа III дал распоряжение начать переговоры с Россией о перемирии. Для начала переговоров турецкая сторона должна была выполнить ряд условий, среди которых было и освобождение дипломата А.М. Обрескова. Он освобожден вместе со всем посольством 17 мая 1771 г. и вскоре вернулся в Петербург. Императрица Екатерина II наградила Алексея Михайловича орденом Святого Александра Невского и дала денежную премию в размере 200 тыс. руб.

В 1772 г. А.М. Обресков принял участие в мирных переговорах, где последовательно отстаивал два основных условия России – о независимости Крыма от Османской Турции и свободе черноморского судоходства. Его опыт работы в Константинополе, а также знание турецкого языка и дипломатических приемов османских чиновников очень пригодились в ходе мирных переговоров.

Новые военные успехи русской армии под руководством фельдмаршала П.А. Румянцева способствовали успешному ведению переговоров. В 1774 г. война с Османской империй закончилась выгодным для России договором, который был

подписан в болгарском селении Кючук-Кайнарджи, Подписание этого соглашение в значительной степени было обусловлено деятельностью А.М. Обрескова. Дополнительные статьи, в том числе регулирующие отношения Османской Турции с подвластными ей православными народами, были включены в окончательный текст договора по инициативе и стараниями русского дипломата.

По предложению А.М. Обрескова в договор 1774 г. были включены статьи о строительстве в Константинополе православного храма, предоставлении российским дипломатами права выступать в защиту православных подданных турецкого султана, а также о принятии на себя турецким правительством обязательства содействовать ведению торговли российскими купцами в Трипольском, Тунисском и Алжирском эйялетах Османской империи, признании Турцией равенства титулов турецких и российских монархов.

В своих сообщениях императрице Екатерине II дипломат А.М. Обресков настаивал на установлении свободного мореплавания для российских торговых судов. Он способствовал восстановлению политической автономии Молдавского и Валашского княжеств в составе Османской империи.

Таким образом, деятельность А.М. Обрескова в качестве посла Российской империи в Константинополе способствовала успехам русской армии в ходе военных кампаний в 1769 и 1770 гг. Его высокий профессионализм и личная храбрость вызывали уважение европейских дипломатов и даже у османских чиновников. Его дипломатическая деятельность способствовала укреплению позиций России в Причерноморье в ходе русско-турецкой войны 1768–1774 гг.

Список литературы

1. Дружинина Е.И. Русский дипломат А.М. Обресков // Исторические записки. М., 1952. Т. 40. С. 152.

2. Стегний П.В. Посол III класса: хроники «времён Очаковских и покоренья Крыма». М., 2009.

3. Виноградов В.Н. Дипломатия Екатерины Великой // Новая и новейшая история. 2001. № 3. С. 131–150.

4. Черкасов П.П. Франция и русско-турецкая война 1768–1774 гг. // Новая и новейшая история. 1996. № 1. С. 50–76.

5. Широкорад А.Б. Русско-турецкие войны 1676–1918 годы. Минск, 2000.

Х.С. Вартанян

К ОЦЕНКЕ НЕКОТОРЫХ ТРАКТОВОК Н.Ф. ГРАБОВСКИМ И В.Н. КУДАШЕВЫМ ОСОБЕННОСТЕЙ РОССИЙСКО-КАБАРДИНСКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ПОСЛЕ ЛИКВИДАЦИИ КРЫМСКОГО ХАНСТВА

В статье анализируются трактовки Н.Ф. Грабовскими и В.Н. Кудашевым особенностей российско-кабардинских взаимоотношений в контексте усиления позиций России на Северном Кавказе в результате ликвидации в 1783 г. Крымского ханства.

Ключевые слова: Крымское ханство, Северо-Восточное Причерноморье, Северо-Западный Кавказ, российско-кабардинские взаимоотношения, кавказоведческая историография.

H.S. Vartanyan

TO THE ASSESSMENT OF SOME TRACKS BY N.F. GRABOVSKY AND V.N. KUDASHEV THE PECULARITIES OF THE RUSSIAN-KABARDIN RELATIONS AFTER THE ELIMINATION OF THE CRIMEAN KHANAT

The article analyzer the interpretations of the features of the Russian-Kabardian relation by N.F. Grabovsky and V.N. Kudashev in the context of the strengthening of Russia's position in the North Caucasus as a result of the dissolution of the Crimean Khanate in 1783.

Key words: the Crimean Khanate, the North-Eastern Black Sea Region, the North-Western Caucasus, the Russian-Kabardian relations, historiographical study of the Caucasus.

Характер и особенности включения северокавказских народов в состав Российского государства получили довольно разноречивое освещение в отечественной историографии на разных этапах ее развития. Причем, как свидетельствуют и источники, и собственно историографические оценки разных лет, сам этот процесс по части своих возможностей и проблем напрямую зависел на протяжении многих десятилетий от

динамики этнополитической ситуации в Северо-Восточном Причерноморье. Располагавшееся в Северном и Северо-Восточном Причерноморье Крымское ханство, будучи еще со второй половины XV в. зависимым от Османской империи, выступало на Северном Кавказе своеобразным проводником экспансионистской политики последней. Таким образом, можно констатировать, что в рамках начавшегося в середине XVI в. длительного противоборства за Кавказ между Россией, Турцией и Ираном оно являлось пусть и не полностью самостоятельным, но весьма значимым «игроком». Представляются вполне обоснованными широко используемые в историографии наречения османской активности на Северном Кавказе «турецко-крымской» или «крымско-турецкой» политикой.

Историографическое освещение российско-горского взаимодействия в широком хронологическом диапазоне включало и включает те сюжеты, которые прямо или косвенно обуславливались «крымским фактором» как в военно-политической, так и в этноконфессиональных сферах. Последовавшие в результате побед русского оружия и дипломатии сначала «нейтрализация» Крымского ханства (1774 г.), а затем и его ликвидация (1783 г.) предопределили (наряду с Георгиевским трактатом о протекторате над Восточной Грузией) решающее усиление Российской империи в борьбе за Кавказ с Восточными державами, равно как и немалое изменение этнополитической ситуации и своеобразных «векторов притяжения» на Северном Кавказе.

Здесь важно заметить, что Северо-Западный Кавказ как составная часть северокавказского региона географически и исторически относится и к Северо-Восточному Причерноморью. Таким образом, и этой точки зрения интегрирование в состав Российского государства Причерноморья и Северного Кавказа следует анализировать в неразрывной взаимосвязи. Достаточно известно, что собственно крымская экспансия распространялась по-преимуществу на народы Центрального Кавказа, находившиеся в непосредственной близости от владений крымских Гиреев на Кубани. Та же Кабарда, чьи владельцы впервые присягнули России еще при Иване IV, на протяжении

почти двух столетий была зоной оспаривания политического влияния между, с одной стороны, Россией, а с другой – Крымским ханством и Османской империей. Масштабные внешнеполитические обстоятельства второй половины XVIII в. в значительной мере изменили данный расклад, что, впрочем, не привело к политической стабильности в самой Кабарде, которую российские власти, начиная с 1774 г., рассматривали как находившуюся в российском подданстве.

В новых внешнеполитических и региональных обстоятельствах взаимоотношения кабардинской знати, фактически не признававшей свое российское подданство с российскими властями стали поступательно и долговременно обостряться. Естественно, данный фактор нашел историографическое отражение, в том числе – в ряде трудов дореволюционных кавказоведов, чьи оценки стали воспроизводиться в позднейшей историографической традиции.

В рамках данной публикации мы не ставим целью объемный анализ всего фактографически насыщенного и в ряде случаев имеющего «источниковое значение» наследия дореволюционных авторов применительно к российско-кабардинским взаимоотношениям во второй половине XVIII в. Однако представляется важным остановиться на тех историографических оценках, которые видятся весьма дискуссионными в контексте исследования широкого спектра проблем российско-горского взаимодействия.

Так, весьма дискуссионно, если не сказать – неубедительно выглядит утверждение Н.Ф. Грабовского о том, что кабардинцы из простого дружелюбия, совершенно добровольно помогали русским, когда Россия еще не имела сил для поддержания в регионе собственного владычества, и не требовали за это никакого возмездия [1, с. 118]. Любопытно, что данный, никак не подкрепленный источниками и пониманием региональных этнополитических реалий, постулат воспроизводится в некоторых вполне современных исторических трудах, авторы которых претендуют на обобщение характера российско-кабардинских взаимоотношений на протяжении середины XVI – середины XVIII вв. [2, с. 136]. Между тем, можно утверждать, что

декларируемое Н.Ф. Грабовским «безвозмездное дружелюбие» кабардинцев в случае действительного отсутствия поддержки с российской стороны навлекло бы на Кабарду вполне предсказуемые и жесткие действия со стороны Крыма и Турции. К тому же известно, что в Кабарде кроме пророссийской практически всегда существовала «прокрымско-турецкая» группировка, что делает выкладки Н.Ф. Грабовского ещё более неубедительными. Автор в весьма широком контексте, концептуально, возлагает ответственность за конфликтные ситуации в российско-кабардинских взаимоотношениях на местные российские власти, что проходит «красной нитью» через всю его работу.

По своим воззрениям на характер российско-кабардинских взаимоотношений во второй половине XVIII в. к Н.Ф. Грабовскому был весьма близок В.Н. Кудашев, издавший к 300-летию дома Романовых свой труд «Исторические сведения о кабардинском народе». Так, он трактовал характер российской колонизации на Кавказской линии в качестве не мирной, не культурной, а боевой, военной колонизации [3, с. 71]. Попутно он вменял российским властям недостаточное знание обычаев и традиций горцев [3, с. 85], что тоже стало довольно распространенным суждением в ряде более поздних кавказоведческих изысканий. Между тем, обращает на себя внимание, что российская колонизация в конкретных внешнеполитических обстоятельствах и региональных социокультурных реалиях не могла обладать в чистом виде теми качествами, которые В.Н. Кудашев подает как приоритетные. Признаваемая самим автором воинственность кабардинцев (что фактически выражалось в набегах в российские пределы и собственно усобицах кабардинской знати) не оставляла шансов для мирной колонизации, вне тенденции к возведению укрепленных линий, а возможности «культурной колонизации», хоть и осознавались российскими властями, но весьма затруднялись существовавшей в горской среде значительной невоприимчивостью к любым «внешним» социокультурным конструкциям. Что же до недостаточного знания горских традиций, отметим, что горцы о российской стороне закономерно

знали еще меньше, а российские власти со временем все меньше имели возможностей и желания подстраиваться под все проявления горской традиционности, включавшей в себя набеговую экспансию, работорговлю и весьма ограниченную политическую договороспособность.

Высочайшим рескриптом от 26 августа 1786 г. предполагалось учреждение войска из горских народов, что подразумевало использование кабардинских, осетинских и ингушских ополчений в деле охраны Кавказской линии [4, с. 198–199]. Замышляемая мера призвана была придать российскому подданству данных народов конкретные, но адаптированные к местным реалиям, черты служения всероссийскому престолу, что было важно для русских властей в условиях, сложившихся в регионе после ликвидации Крымского ханства. Однако кабардинская знать была не заинтересована в охране отведенных дистанций Кавказской линии, а ее «контрпредложения» российской стороне [1, с. 167] носили для последней неприемлемые черты [5, с. 146]. Оценивая перипетии данных событий, В.Н. Кудашев утверждал, что на кабардинцев таким образом была наложена «новая, тяжкая повинность» [3, с. 76]. Автора при этом не смущало, что за участие в «милиции» предусматривалось немалое денежное вознаграждение [4, с. 198], что по логике не вполне подпадает под понятие «повинность». Обращает на себя внимание и другое: найти какие-либо в сколь-нибудь классическом смысле «повинности», наложенные российскими властями на кабардинцев до 1786 г., не представляется возможным.

Для В.Н. Кудашева в принципе характерно почти «записное» критическое отношение к мерам российской администрации в регионе, в том числе – к мерам по пресечению горских набегов. Так, практика взятия русскими властями «баранты» за похищенное в ходе набега он именовал «тяжелой и несправедливой мерой» [3, 78], хотя эта мера закреплена в горских же адатах как средство возмещения убытков от взаимных нападений [5, с. 155].

Представляется не менее показательной в широком контексте российско-горских взаимоотношений трактовка часто

повторяющихся верноподданнических присяг кабардинцев Н.Ф. Грабовским, который отмечал утрату ими практического значения и превращение в «приятную русским формальность» [1, с. 170–171]. Между тем, принятие горцами, в том числе – кабардинцами, повторных подданнических присяг было обусловлено конкретными конфликтными обстоятельствами их взаимоотношений с российскими властями, и зачастую формальное отношение к ним горцев являлось продуктом их собственной «политической игры», а не недальновидностью российской стороны [5, с. 172].

Из приведенных оценок Н.Ф. Грабовским и В.Н. Кудашевым российско-кабардинских и в целом российско-горских взаимоотношений можно сделать вывод, что данные авторы не относились к «охранительному» направлению в российской кавказоведческой историографии. Вместе с тем, их «либеральность» вовсе не выступала в качестве гаранта объективности этих же оценок, неоднократно и некритично воспроизводимых в позднейших исследованиях.

Так или иначе, из этого следует необходимость взвешенного подхода к трактовкам особенностей российско-горского взаимодействия в контексте фактора усиления России в регионе после ликвидации Крымского ханства.

Список литературы

1. Грабовский Н.Ф. Присоединение к России Кабарды и борьба её за независимость // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1876. Вып. 9. С. 112–212.

2. История многовекового содружества. К 450-летию союза и единения народов Кабардино-Балкарии с Россией. Нальчик, 2007.

3. Кудашев В.Н. Исторические сведения о кабардинском народе. Киев, 1913.

4. Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в. М., 1988.

5. Виноградов Б.В. Специфика российской политики на Северном Кавказе в 1783–1816 гг. Славянск-на-Кубани, 2005.

В.Г. Тур

СОЗДАНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ВОЕННЫХ ФОРМИРОВАНИЙ ПОСЛЕ ПРИСОЕДИНЕНИЯ КРЫМА К РОССИИ (XVIII в.)

Статья посвящена вопросам интеграции населения Крыма в состав Российской империи и создания по инициативе кн. Г.А. Потемкина добровольных национальных воинских подразделений.

Ключевые слова: Крыма, Екатерина II, греки, татары, воинские подразделения.

V.G. Tur

CREATION OF NATIONAL MILITARY FORMATIONS AFTER ACCESSION OF CRIMEA TO RUSSIA (XVIII CENTURY)

The issue is devoted to the integration of the population of Crimea into the Russian Empire and voluntary national military units creation by the initiative of prince G. Potyomkin.

Key words: Crimea, Catherine the Second, greeks, tatars, military units.

Вопрос об интеграции населения Крыма в структуру Российского государства после его присоединения в 1783 г., по прежнему представляет актуальность в силу сложившихся противоречивых оценок исследователей в научной литературе и средствах массовой информации. Так, в 90-х гг. XX в. публикуются различные материалы формирующие представления о якобы имевших место массовых притеснениях малых народов Крыма со стороны российских властей и переселенцев. Впрочем, в своем большинстве они являются пересказом монографии В.Е. Возгрина [1, с. 286, 287, 289 и др.]. Однако, ни в источниках, ни в одном научном исследовании, как прошлых лет, так и современности, мы не находим подтверждения данной точке зрения.

Бесспорно, Крымский полуостров к 1783 году, после потерь во время русско-турецких войн, эпидемии чумы, внутренних беспорядков в Крымском ханстве 1777–1778 гг. и 1782 г., находился в запустении. Население полуострова едва насчитывало 50–55 тыс. человек мужского пола (т.е. в среднем не

более 150–200 тыс. обоего пола включая детей) [2, с. 18–19]. В. Зуев, посетивший Крымское ханство еще в 1782 г. писал: «... жители разных национальностей (в том числе и татары) массами разбегались. Одни переселялись в Россию или Турцию, другие искали безопасности за Кубанью – среди абазинцев и черкесов.... Последние крымские замешательства довели до того, что он потерял от своих жителей и селений более двух третей, и ныне, куда не поедешь, везде встречаются одни только развалины бывших слобод и пустыри бывших деревень» [3, с. 131]. Говоря о запустении полуострова, прежде всего, на численность населения повлиял исход более 31 тыс. христиан в 1778 г. [4, с.19–20] Что же до мусульманских семей, по подсчетам барона О.А. Игельстрома полуостров покинуло не более тысячи мусульманских семей. В своем труде он отмечает их лояльное отношение к российским властям и пишет: «Мне приметно сие, что народ здешний весьма не забывает прежние свои бедствия и кажется утомлен быть оными, ищет потому больше спокойствия...» [5, с. 99].

Исполняя волю Екатерины II, «… обещаем свято и непоколебимо за Себя и Приемников Престола Нашего, содержать их наравне с природными Нашими подданными, охранять и защищать их лица, имущество, храмы и природную веру…», изложенную в Манифесте от 8 апреля 1783 г. [6], князь Г.А.Потемкин издает ряд ордеров, требующих от подчиненных лояльного отношения к местному населению. В частности, в ордере генерал-поручику графу А.Б. Дебальмену от 4 мая 1783 г. он пишет: «Воля ее императорского величества есть, чтобы все войска, прибывающие в Крымском полуострове, обращались с жителями дружелюбно, не чиня отнюдь обид, чему подавать пример имеют начальники и полковые командиры» [7, с. 277]. В итоге Таврическое областное правление было в основном сформировано из представителей крымской знати, правители округов (каймаканы) оставались на своих местах, как и кадии, не смотря на то, что духовенство враждебно относилось к новой власти и было ориентировано на султана Османской империи, формального главу мусульманской уммы [5, с. 96]. Сохранялись органы самоуправления этно-религиозных общин с широкими

функциями. Наравне с мусульманами аналогичные права (за исключением еврейского населения) были предоставлены и иным местным этническим группам в Крыму. Кроме того, мусульманское население, которое составляло 76,3% от общего числа жителей, было освобождено от налогов, податей, рекрутской повинности, за исключением поставок дров для обогрева воинских частей [8, л. 1–5, 70]. Тем самым на полуострове были созданы все условия для мирного развития края и его интеграции в состав России.

Столь нехарактерная для Европы XVIII в. гибкая национальная политика Российского правительства, зафиксированная юридическими актами, при умелом сочетании централизованной власти с многочисленными привилегиями по отношению к регионам и национальным меньшинствам в конце XVIII – XIX вв., позволила сохранять межэтнический и межконфессиональный мир и целостность границ на огромной территории, населенной многочисленными этническими группами, с различными традициями, обычаями, религией [9, с. 120–218; 10, с. 98–103, 11; 26; 12]. В ряде предшествующих публикаций мы обращались к вопросу урегулирования государственно-конфессиональных отношений, судебной системы, административного управления с учетом интересов народов Крыма и их элиты. В данной статье коснемся еще одной грани – создания добровольных национальных воинских подразделений на территории полуострова.

Следует отметить, что рядовой состав вооруженных сил Российской империи, со времен реформ Петра I пополнялся рекрутами из числа русских. Население национальных окраин, которое в своем большинстве не имело крепостной зависимости, как правило к воинской службе не привлекалось вплоть до буржуазных реформ XIX в. Немногочисленные национальные добровольческие подразделения создавались только на территориях государств, с которыми Россия вела войну. Так в составе Лефортовского полка была желдацкая рота, участвовавшая в русско-польской войне 1654–1667 гг., в боях за Чигирин с Турцией и в походах на Азов, наемные отряды

калмыков во время Азовской компании, волохов, мультян и сербов во время борьбы с Турцией [13, с. 75–90].

В отношении населения Крыма, в Именном Указе Императрицы князю Г.А.Потемкину 28 июля 1783 г., кроме наставлений в части толерантной политики в отношении крымских татар и льгот в налоговой сфере, говорится: «В службу воинскую сих новых Наших подданных никого без собственной его доброй воли и желания не брать и не принуждать…» [14]. Надо подчеркнуть, что данный Указ не только исключал рекрутскую повинность и обязательную дворянскую службу, но и налоговые сборы на содержание рекрутов.

В то же время, А.В.Крючков в своей монографии отмечает, что интеграция Крыма в общеимперское пространство России началось еще до его присоединения и осуществлялась в виде кооптации крымско-татарской знати путем принятия на службу с назначением им содержания из русской казны. [15, с. 110].

Крым, как стратегически важный в военном и политическом отношении регион, требовал не только восстановления старых оборонительных сооружений, но и создания новой военно-оборонительной инфраструктуры, включающей морские, крепостные и подвижные подразделения, позволяющие контролировать узловые стратегические точки, перебрасывать подкрепления и ликвидировать возможные внутренние беспорядки. По данным 1783 г. на полуострове насчитывалось всего 37 тыс. военнослужащих всех чинов, включая нестроевых, а в 1784 – 26 тыс. [5, с. 132]. Для организации обороны южных рубежей во время постоянной угрозы реванша со стороны Османской империи, а также постоянной угрозы со стороны Швеции и ее западно-европейских союзников, князь Г.И.Потемкин был вынужден пополнить российские вооруженные силы создавая воинские национальные подразделения на юге России.

С этой целью российские гарнизоны в крепостях Керчь и Ени-Кале, игравшие важнейшую стратегическую роль, еще согласно рескрипту Екатерины II от 28 марта 1775 г., были укреплены размещенным здесь на постоянное жительство национальным греческим (албанским) войском, сформированным

из числа островных греков, сражавшихся против Турции в составе Российских войск и вынужденных оставить родину после заключенного мира с Оттоманской Портой 1774 г. [16]. В 1783 г. был сформирован полк по охране упомянутых крепостей [17], получивший название «Таврический». 10 февраля 1784 г. Екатерина II издает Указ «О устройстве новых укреплений по границам Екатеринославской Губернии», предписывающий в связи «с распространением границ Империи Всероссийской» построить или модернизировать в Крыму новые крепости: Перекоп, Евпаторию, Севастополь, Балаклаву («содержа стражу ее поселенными тут Греческими войсками»), Феодосию и вместо Керчи и Еникале, «сильную крепость под именем Боспор» [18].

В последующем из албанское войско было вновь переформировано и создан греческий батальон, размещенный в Балаклаве [19, с. 20–41; 20, с. 205–238]. Касаясь национальных военных формирований созданных по инициативе князя Г.А. Потёмкина, нельзя не упомянуть Амазонскую конную роту, которая состояла из имеющих благородное происхождение жен и дочерей упомянутого греческого войска в числе 100 чел. Встреча в 1787 г. императрицы Екатерины II и Австрийского императора Иосифа II с «амазонками» состоялась в деревне Кадыковка и произвела яркое впечатление. Командир роты капитан Е.И. Сарандова и ее подчиненные получили награды [21, с. 71–75; 22, с. 83–86].

Балаклавский греческий батальон нес пограничную и караульную службу вдоль побережья Крыма. Во время русско-турецкой войны 1787–1791 гг. они сражались в составе гребного флота, разгромившего турецкую эскадру в Днепровском лимане (1787), участвовали в сражении у Кинбурнской косы (1787) и взятии Очакова (1788). Во время русско-турецкой войны 1787–1791 гг. в 1789 г. участвовали в военной экспедиции к берегам Анатолии, а в 1790 г. в морских сражениях у Еникальского пролива и возле о. Тендера. Последний героический бой батальон принял уже во время Крымской войны в 1854 г.

Не осталось без участия в создании военной структуры и мусульманское население Крыма. 1 ноября 1783 г. было объявлено о праве крымских татар добровольно поступать на

военную службу и претендовать на офицерские чины. Так по Указу Екатерины II князь Потемкин Г.А. мог награждать их чинами обер-офицерскими и штаб-офицерскими до уровня премьер-майора, а выше – с повеления Императрицы [23]. Уже 22 февраля 1784 г. Именным Указом Сенату «О позволении Князьям и Мурзам Татарским пользоваться всеми преимуществами Российского дворянства» Екатерина II уравняла в правах высшее сословие из крымско-татарской среды, отказав им только в праве иметь крепостными крестьян христианского вероисповедания [24]. Сами же крымские татары, не зависимо от происхождения, не могли быть определены в крепостную зависимость. Тем самым, мусульманское население Крыма, в сфере свобод, получило значительно более широкие права, нежели «природные» подданные.

1 марта 1784 г. Г.А. Потемкину было позволено сформировать на добровольной основе национальные крымско-татарские подразделения [25]. В Указе Екатерины II отмечается, что «В следствие соизволения Нашего, вам предварительно в рескрипте нашем от 9 февраля объявленного, о составлении войска из новых Наших подданных в Таврической Области обитающих, повелеваем учредить оное в пяти дивизионах, полагая им все содержание денежное, из которого должны они иметь платье, вооружение, пропитание и лошадей с амуницией и продовольствием их, исключая то время, когда они употреблены будут вне упомянутой Области: ибо тогда долженствуют они получать провиант и фураж в натуре», а «содержание его заимствовать из доходов, в Области Таврической собираемых». Создаваемый корпус относился к разряду легких войск и использовать его предполагалось, прежде всего, в Крыму. Штат каждого из пяти Таврических дивизионов конного войска насчитывал 7 офицеров (майор, два ротмистра, два поручика и два прапорщика) и 200 нижних чинов (10 наказных и 190 рядовых). Сумма жалования на каждый дивизион составляла 8290 руб. Таким образом, штат корпуса из пяти дивизионов составлял 1035 человек, а общая сумма на его содержание составляла 41450 руб. Первоначально было сформировано только три дивизиона. Офицерами назначались мурзы из влиятельных

родов Крыма. Как следует из отчетов, первым командиром 1-го дивизиона стал ротмистр Мустафа Мурза Киятов, 2-го дивизиона – майор Абдулла Велич и 3-го дивизиона майор Батыр ага Тамагул Крымтайский [26, с. 3].

Упоминания о крымско-татарских дивизионах на российской службе, мы впервые встречаем в трудах принца К.-Г. Нассау-Зигена [27, с. 293–294], французского посла Л.-Ф. Сегюра [28, с. 456] и графа де Людольфа [29, с. 163] в связи с описанием путешествия Императрицы Екатерины II в Крым (1787 г.).

Все три дивизиона, в соответствии с предписанием князя Г.А.Потемкина, участвовали в торжественном шествии императрицы по полуострову. В своем Ордере правителю Таврической области М.В. Каховскому, он писал: «Касательно встреч, приметить вам нахожу, что дивизионы татарские должны быть все вместе и встретить за один марш к Бахчисараю, на половине же сей последней станции перед Бахчисараем предстанут одетые Господином полковником Горичем татарские благородные…» [30, с. 7]. Двумя месяцами ранее М.В. Каховскому предписывалось из местных доходов отпустить полковнику И.П. Горичу, откомандированному в Крым для обучения нового военного формирования, на обмундирование каждого крымско-татарского дивизиона тысячу рублей [31, с. 29]. Всадники были одеты в чекмени и шаровары из черного сукна, снабжены новой амуницией. Первый дивизион 19 мая 1787 г. встретил императорский кортеж в Перекопе, и конвоировал его до ст. Айбары. На следующий день к кортежу присоединились крымские беи и мурзы, а перед въездом в г. Бахчисарай были выстроены второй и третий крымско-татарские дивизионы.

В своем письме барону Ф.М. Гримму Екатерина II писала: «Всю дорогу нас конвоировали татары, а в нескольких верстах отсюда мы нашли все, что есть лучшего в Крыму, на коне. Картина была великолепная: предшествуемые, окруженные и сопровождаемые таким образом, в открытой коляске, в которой сидело восемь персон, мы въехали в Бахчисарай» [32, с. 124 прим.]. Вероятно не меньший эффект произвели конные татары и на свиту Екатерины II. Принц К.-Г. Нассау-Зиген так описывает свои впечатления: «Мы встретили отряд татар, которые должны

были конвоировать и охранять императрицу. Я никогда не видел лучших верховых лошадей. За нею следовал также великолепный полк татар. И это те самые татары, которые недавно возмущались, когда из них хотели образовать правильные полки и подчинить их дисциплине! Теперь им вверяют охрану императрицы и ее окружают тысячи татар, готовых стать на ее защиту!» [27, с. 293]. Французский посол Л.-Ф. Сегюр в записках отмечает: «Монархиня, с мыслями всегда возвышенными и смелыми, пожелала, чтобы во время ее пребывания в Крыму ее охраняли татары, презиравшие женский пол, враги христиан и недавно лишь покоренные ее власти. Этот неожиданный опыт доверчивости удался, как всякий отважный подвиг [28, с. 456]. Не меньший эффект произвели татарские дивизионы и на австрийского императора Иосифа II, сопровождавшего императрицу в путешествии по новым землям. В Севастополе: «Император был поражен, увидев полк татар в боевом порядке, а позади его прекрасные военные суда, созданные как бы по волшебству» [27, с. 294].

Таким образом, Г.А. Потёмкину удалось в кратчайшие сроки не только получить поддержку со стороны родовой верхушки и наиболее богатой части татарского населения Крыма, но сформировав первые национальные военные формирования на полуострове, подчеркнуть стабильность в крае и верность новых подданных России перед иностранными послами.

К концу 1787 г. дивизионы были переформированы. Из лучших было создано два дивизиона, а третий – временно распущен по домам. Во главе первого дивизиона был назначен майор Магметша бей Кантакузин, второго – майор Батыр ага Крымтаев. До 1790 г. оба дивизиона фактически выполняли обязанности внутренних войск в Крыму: охраняли государственные учреждения, леса, соляные озера, сопровождали почту, преследовали разбойников [26, с. 4].

Начало новой русско-турецкой войны 1787–1792 гг. подтолкнуло польский сейм к разрыву с Россией. Сконцентрировав военные усилия на борьбе с Турцией, Россия перебросила часть вооруженных сил на западную границу с Польшей. В числе войск, поступивших в распоряжение генерал-

аншефа М.Н. Кречетникова, были и крымско-татарские дивизионы. Кроме действующих двух, было сформировано еще четыре дивизиона легкой конницы под общим управлением упомянутого уже полковника князя Магметша бея Кантакузина. После поражения в войне Турции, наступила очередь Польши, нарушившей условия договора с Россией. После разгрома Литовской и казачьей армий, установления полного контроля над регионом, отпала необходимость содержания крымско-татарских дивизионов. Четыре дивизиона были расформированы в 1792 г., а два продолжали службу в Таврической губернии вплоть до 1796г.

Последующая история крымско-татарских полков и эскадронов, отличившихся в войне с Наполеоном, русско-турецких и Крымской войне начнется с 1807 г. С 1906 г. полк получил название «Крымский конный Ее Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны». Принимал участие в Первой мировой войне, завершив свою историю 11 января 1918 г. с установлением советской власти на полуострове. Но данный новый этап истории национального татарского войска на службе России, требует отдельной публикации.

Таким образом, проведение Российской империей гибкой национальной политики на присоединенной территории Крыма, предоставление местным народам равного участия в гражданском управлении и воинской службе на добровольной основе, позволило не только избежать активного противостояния местного населения новым властям, но через национальное дворянство и духовенство, обеспечить эффективное управление регионом, безопасность южных границ и даже вооруженную поддержку в борьбе с Османской империей и ее союзниками в конце XVIII – начале XIX вв.

Список литературы

1. Возгрин В.Е. Исторические судьбы крымских татар. М., 1992.

2. Скальковский А. Занятие Крыма в 1783 году. Материалы по истории Новороссийского края // Журнал министерства народного просвещения. Ч. XXX. Отд. II. СПб., 1841. С. 8–44.

3. Зуев В.Ф. Выписка из путешественных записок Василья Зуева, касающихся до полуострова Крыма. 1782 года // Месяцеслов исторический и географический на 1783 год. СПб., 1782. С. 122–169.

4. Ливанов Ф.В. Путеводитель по Крыму с историческим описанием достопримечательностей Крыма. М., 1875.

5. Дружинина Е.И. Северное Причерноморье в 1775–1800 гг. М., 1959.

6. Манифест Екатерины II «О принятии полуострова Крымского, острова Тамана и всей Кубанской стороны, под Российскую Державу» // ПСЗРИ. 1783. Т. XXI, № 15.708 от 08.04.1703 г.

7. Распоряжения светлейшего князя Григория Александровича Потемкина Таврического касательно устроения Таврической Области в 1778 по 1786-й год // ЗООИД, 1881. Т. XII.

8. Государственный архив Республики Крым (ГАРК). Ф. 26. Канцелярия Таврического Губернатора. 1821 г. Оп.1. Дело № 5376 «О прибытии Гражданского Губернатора в Одессу, для представления Императору мнения по случаю обложения татар податями и о смерти его Губернатора постигшей на пути в Армянском базаре».

9. Ислам в Крыму: Очерки истории функционирования мусульманских институтов / Бойцова Е.В., Ганкевич В.Ю., Муратова Э.С., Хайрединова З.З. Симферополь, 2009.

10. Тихонов А.К. Католики, мусульмане и иудеи Российской империи в последней четверти XVIII – начале XX в. СПб., 2008.

11. Тур В.Г. Привилегии мусульман Таврической губернии (по архивным материалам XIX в.) МАИЭТ. Симферополь, 2007. № XIII. С. 502–522.

12. Тур В.Г. Опыт регулирования государственно-конфессиональных отношений в Российской империи XIX в. на примере деятельности судов кадията Таврической губернии // Культурно-цивилизационный диалог и пути гармонизации межэтничных и межконфессиональных отношений в Крыму. Сб. науч. работ. Симферополь, 2008. С. 124–134.

13. Подпрятов Н.В. Национальные вооруженные формирования народов России и СССР в XVIII – первой половине XX вв.: дис. ... д-ра ист. наук. Ижевск, 2012.

14. Именной Указ Новороссийскому генерал-губернатору князю Г.А. Потемкину «О принятии Крымских жителей и прочих Таврских народов в Российское подданство» // ПСЗРИ. Т. XXI. № 15.798 от 28 июля 1783 г.

15. Крючков А.В. Присоединение Крыма к России: последняя треть XVIII – начало XIX в. Саратов, 2009.

16. Именной Указ генералу графу А.Г. Орлову «О дозволении служившим во флоте под предводительством его грекам поселиться в городах Керчи и Еникале с предоставлением им особых выгод» // ПСЗРИ, Т. XX. № 14.284 от 28 марта 1775 г.

17. Именной Указ генерал-аншефу князю Г.А. Потемкину «О наименовании составленного для охранения крепостей Еникале и Керчи

пехотного полка Таврическим» // ПСЗРИ Т. XXI. № 15.758 от 12 июня 1783 г.

18. Именной Указ Екатеринославскому и Таврическому генерал-губернатору князю Г.А.Потемкину «О устройстве новых укреплений по границам Екатеринославской губернии» // ПСЗРИ. Т. XXII. № 15.929 от 10 февраля 1784 г.

19. Пряхин Ю.Д. Греки в истории России XVIII – XIX веков: Исторические очерки. СПб., 2008.

20. Сафонов С. В. Остатки греческих легионов в России или нынешнее население Балаклавы // ЗООИД. Одесса, 1844. Т. 1.

21. Есипов Г.В. Амазонская рота при Екатерине II // Исторический вестник. СПб., 1886. Т. 23. № 1. С. 71–75.

22. Лашков Ф.Ф. Могила капитана амазонской роты Елены Ивановны Шидянской (Сарандовой) в Симферополе. // ИТУАК. Симферополь, 1895. № 7. С. 83–86.

23. Именной Указ генерал-фельдмаршалу князю Г.А. Потемкину «О принимании в военную службу Татарских мурз и чиновных людей, и о награждении их чинами не выше Премьер-Майора» // ПСЗРИ. Т. XXI. № 15.861 от 01 ноября 1783 г.

24. Именной Указ Сенату «О позволении Князьям и Мурзам Татарским пользоваться всеми преимуществами Российского дворянства» // ПСЗРИ. Т. XXIШ. № 15.936 от 22 февраля 1784 г.

25. Именной Указ данный президенту Военной коллегии князю Г.А. Потемкину. «О составлении войска из подданных, в Таврической области обитающих. С приложением штата оного» // ПСЗРИ. Т. XXII. № 15.945 от 1 марта 1784 г.

26. Муфтийзаде И.М. Очерк военной службы крымских татар с 1783 по 1889 год // ИТУАК. Симферополь, 1899. № 30. С. 1–24.

27. Нассау-Зиген К.-Г. Императрица Екатерина II в Крыму.1787 г. Отрывки из дневника и переписка // Русская старина. СПб., 1893. Т. 80. № 11. С. 293–294.

28. Сегюр Л.Ф. Записки о пребывании в России в царствование Екатерины II // Россия XVIII в. глазами иностранцев. Л., 1989.

29. Людольф де. Письма о Крыме // Русское обозрение. М., 1892. Т. 2. Март. С. 155–201.

30. Ордер Правителю области Таврической господину действительному статскому советнику и кавалеру Каховскому. № 968 от 1 мая 1787 г. / Г. Киренко. Ордера князя Потемкина. 1787 г. (продолжение) // ИТУАК. Симферополь, 1888. № 7. С. 3–24.

31. Ордер Правителю Области Таврической Господину Действительному Статскому Советнику и кавалеру Каховскому. № 590.

16 марта 1787 г. / Г. Киренко. Ордера князя Потемкина. 1787 г. // ИТУАК. Симферополь, 1888. № 6. С. 3–35.

32. Маркевич А.И. Материалы архива канцелярии Таврического губернатора, относящиеся к путешествию Императрицы Екатерины в Крым в 1787 году. // ИТУАК. Симферополь, 1891. № 11. С. 76–143.

Л.Г. Степанова

ЗЕМЕЛЬНЫЙ ВОПРОС И ГЕНЕРАЛЬНОЕ МЕЖЕВАНИЕ НА КРЫМСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XIX в.[1]

В статье рассматриваются особенности землепользования на Крымском полуострове после вхождения в состав Российской империи и трудности, возникшие в ходе Генерального межевания Крыма в конце XVIII – начале XIX в. На основании исторических источников выявляются проблемы, которые привели к его приостановке.

Ключевые слова: земельный вопрос, Генеральное межевание, Крым, Таврическая область, полевые записки землемеров.

L.G. Stepanova

LAND QUESTION AND GENERAL INTERGENDING ON THE CRIMEAN PENINSULA AT THE END OF THE XVIII – THE BEGINNING OF THE XIX CENTURY

The article discusses the features of land use on the Crimean peninsula after becoming part of the Russian Empire and the difficulties encountered during the general land surveying of Crimea in the late XVIII – early XIX centuries. Based on historical sources, problems are identified that led to its suspension.

Key words: Land issue, General land surveying, Crimea, Tauride region, field notes of surveyors.

Хозяйственное освоение Крыма после его вхождения в состав Российской империи в конце XVIII в. требовало наведения порядка в поземельных отношениях. Земельный вопрос в это

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта проведения научных исследований «Генеральное межевание и освоение южных территорий Российской империи в конце XVIII – первой половине XIX века», проект № 19–09–00236.

время остро стоял на всей территории страны. Для его разрешения Екатерина II в 1765 г. издала специальный манифест и начала проводить Генеральное межевание земель. В отличие от своих предшественников ей удалось найти компромиссное решение для запутанных земельных споров, возникавших между владельцами. Суть этого решения было выражено кратким изречением «Каждый при своем», ставшим девизом начавшихся на территории России межевых работ. На практике это означало, что государство признает за землевладельцами право фактического владения землей по состоянию на 1765 г. и не проверяет основания этого права, возникшие ранее. Однако в случае имеющихся споров землевладельцам необходимо было предоставить подтверждающие документы, в том числе и выписки из писцовых книг.

Крымский полуостров с землею от Перекопа до границ Екатеринославского наместничества и Таманью вошел в образованную 2 февраля 1784 г. Таврическую область [1, с. 18]. Указом Екатерины II от 22 февраля 1784 г. татарские беи и мурзы получили возможность пользоваться всеми вольностями, выгодами и преимуществами, которые имелись у российского дворянства, за исключением права приобретать и иметь крепостных и подданных христианского вероисповедания [2, с. 51]. Закрепив за высшим сословием Крыма почти все льготы и привилегии российского дворянства правительство в дальнейшем оказалось в весьма сложном положении при решении земельного вопроса. Землепользование в Крыму сильно отличалось от традиционного землепользования в Российском государстве. На территории Крыма имелись не только государственные и частые земли, но и земли вакуфные и общественные. За первые десятилетия освоения новой территории в результате пожалований за верную службу у части земель появились новые владельцы, и не только российские помещики, но и проявившие верность Российскому государству татарские мурзы.

Территория Крымского полуострова в конце XVIII в. была малонаселенной. На численности населения сказались как военные действия, так и массовое переселение крымских татар на территорию Османской империи. Крым осваивался

переселенцами и колонистами, поэтому появились земли, принадлежащие новым помещикам и состоящие во владении людей разных наций и разного звания, не являющихся дворянами, выявлялись также участки земель внутри казенных и помещичьих дач, принадлежащие крымским татарам [3, с. 8–9]. Екатерина II сначала подтвердила право владения землей только мурзам, все другие земли попали в фонд для раздачи новым помещикам. В 1794 г. право отстаивать свои интересы в судебном порядке получили остальные местные землевладельцы [4, с. 586].

В 1798 г. началось межевание Крымского полуострова. Материалы Полевых записок землемеров, сохранившиеся в межевом отделе РГАДА, свидетельствуют, что землемеры соблюдали весь порядок межевого производства, закрепленный в законодательстве и инструкциях [5]. В соответствии с требованиями владельцы должны были предоставить землемерам, выезжавшим на полевые работы, отводную сказку, на основании которой рассылались повестки владельцам смежных земель для явки к месту межевания. В назначенный день землемер должен был получить от явившихся лиц сказки о смежных землях, числе дворов и душ, сведения о церковной земле и сведения экономические, доверенности от поверенных, полюбовные сказки, спорные объявления и другие документы [6, с. 131–132]. На место межевания вызывались понятые из соседних населенных пунктов. Если никаких споров не возникало, землемер приступал к межеванию. Межевание велось от заметных на местности ориентиров, все свои действия землемер записывал в полевом дневнике, на основании которых составлялись планы дач и межевые книги [7, с. 111]. При этом подлинность документов подтверждалось рукоприкладством лиц, присутствующих при межевании.

Однако провести Генеральное межевание земли в Крыму по аналогии с другими территориями Российского государства в конце XVIII в. не удалось. В первую очередь, старые местные землевладельцы во многих случаях не могли предоставить письменных документов, подтверждающих их право владения землей. Вместо документов они давали слово или произносили

клятву, поэтому проверить законность этого права не представлялось возможным. Тем не менее, клятва, написанная на татарском языке, с переводом на русский язык фиксировалась в межевом деле и заверялась понятыми [5, № 4, л. 8]. Большие сложности возникли также из-за незнания местных мер измерения и татарского языка. Переводчиками при межевых работах выступали люди самого разного социального статуса. Среди них оказывались все, кто мог изъясняться на другом языке, в том числе местные мурзы и муллы, купцы и отставные военные [5, № 3, 12, 59, 118]. Возникали и спорные ситуации, связанные с наложением новой земельной собственности на старую, а также случаи, когда новые владельцы не желали жить на выделенной им земле. Так, «по причине всегдашнего неурожая хлеба» согласны выехать в российское отечество или переселиться в Днепровский уезд поселяне слободы Петербургский мазанок [5, № 118, л. 6 об].

В экономических сведениях, собиравшихся землемерами в ходе межевых работ для составления Экономических примечаний к планам Генерального межевания, фиксировались особенности природной среды и имевшиеся природные ресурсы территории. В них нередко отмечалось, что «степь способна для хлебопашества и скотоводства» [5, № 10, л. 12 об; № 19, л. 10]. Однако в некоторых местностях упоминались и имевшиеся неблагоприятные условия для хозяйствования, в том числе нездоровая или пересыхающая вода в речках [5, № 19, л. 10; № 59, л. 8], неудобный для хлебопашества грунт [5, № 47, л. 12]. Составленные по итогам межевания планы дач показывали большие степные просторы, невозделанную землю и неосвоенность территории [8].

Нерешенный земельный вопрос в условиях хозяйственного освоения нового региона стал препятствием для проведения дальнейшего межевания на Крымском полуострове. В начале XIX в. оно было приостановлено и возобновлено только в 1830 г. после того, когда были выработаны специальные правила, учитывающие специфику местного землепользования и особенности освоения этого региона после вхождения в состав

Российской империи, подобраны переводчики и решены основные вопросы по организации межевых работ.

Список литературы

1. Об учреждении Таврической области // ПСЗ. Собр. 1. Т. XXII. С. 17–18.

2. О позволении Князьям и Мурзам татарским пользоваться всеми преимуществами Российского дворянства // ПСЗ. Собр. 1. Т. XXII. С. 51–52.

3. РГИА. Ф. 1251. Бумаги графа Сперанского. Оп. 1. Ч. 1. Д. 23. Правила для генерального межевания земель Таврической губернии, составленные в Пр. Сенате. 1820 г.

4. Об оставлении владельцев Таврической области в свободном распоряжении их поместьями, вотчинами и тому подобными дворянскими имениями с распространением права сего и на их наследников // ПСЗ. Собр. 1. Т. XXIII. С. 586.

5. РГАДА. Ф. 1339. Оп. 1. Материалы Генерального и Специального межевания. Межевой канцелярии и местных межевых учреждений по Таврической губернии. № 1–314.

6. О государственном межевании в России. Полный обзор узаконений, правил и всех прочих сведений. М., 1854.

7. Смирнов С.С. Организация Генерального межевания в России // Социум и власть. Челябинск, 2008. № 1 (21). С. 104–110.

8. РГАДА. Ф. 1354. Планы дач Генерального и специального межевания. Оп. 473–480. Таврическая губерния.

П.В. Манаков

К ПРОБЛЕМЕ ВЛИЯНИЯ ИНТЕГРАЦИИ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ В СОСТАВ РОССИИ НА СИТУАЦИЮ НА СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ И ЦЕНТРАЛЬНОМ КАВКАЗЕ В ПЕРИОД КОМАНДОВАНИЯ ГЕНЕРАЛА П.Д. ЦИЦИАНОВА (1802–1806 ГГ.)

В статье утверждается о наличии взаимосвязи интеграции Северо-Восточного Причерноморья в состав России с возможностями, перспективами и проблемами складывания российского Северного Кавказа, обозначившимися в конце XVIII в. и имевшими конкретные проявления в период командования на Кавказе П.Д. Цицианова.

Ключевые слова: Северо-Восточное Причерноморье, Северо-Западный Кавказ, складывание Российского Северного Кавказа, горские набеги, шариатское движение.

P.V. Manakov

TO THE PROBLEM OF INFLUENCE OF INTEGRATION OF THE NORTH-EAST BLACK SEA IN THE COMPOSITION OF RUSSIA ON THE SITUATION IN THE NORTH-WEST AND THE CENTRAL CAUCASUS DURING THE GENERAL P.D. TSITSIANOV'S COMMAND (1802–1806)

The article argues that there is a connection between the integration of the North-Eastern Black Sea Region into Russia with the opportunities, prospects and problems of forming the Russian North Caucasus, which were observed at the end of the 18th century and had specific manifestations during the command of P.D. Tsitsianov in the Caucasus.

Key words: the North-Eastern Black Sea Region, the North-Western Caucasus, the formation of the Russian North Caucasus, Gortsy raids, sharia movement.

Причерноморье является обширным регионом, долгое время бывшим «на острие» противостояния России и Османской империи. Данная констатация особенно применима к Северному и Северо-Восточному Причерноморью, где существовавшее на протяжении более трех веков Крымское ханство (довольно быстро попавшее в зависимость от османов) представляло из себя и своеобразный форпост турецкой политики в довольно широких географических рамках, и постоянным фактором опасности для российских пределов, куда регулярно следовали грабительские вторжения крымцев. Представляется важным для понимания, что территория Северо-Восточного Причерноморья частично входила и входит в географические и историко-культурные рамки Северо-Западного Кавказа, что относится к Правобережью Кубани, по крайней мере, в нижнем и отчасти среднем ее течении.

Как известно, Крымское ханство включало в себя не только собственно Крымский полуостров и широкий ареал земель к северу от него, но и, как минимум, кубанское правобережье (на предмет Левобережья Кубани давать оценки сложнее), заселенное ногайскими ордами. Это позволяло османским властям и собственно крымским Гиреям осуществлять экспансионистскую политику на Северном Кавказе, за обладание

которым (как и Кавказом в целом) с середины XVI в. развернулось затяжное противоборство России, Османской империи и Ирана. В этом военно-политическом соперничестве только во второй половине XVIII в. Российская империя получила доминирующие позиции.

Своеобразным «промежуточным итогом» российско-османской борьбы за Кавказ стали сначала «нейтрализация» Крымского ханства (1774 г.), а затем и его ликвидация в 1783 г. с разделом владений Гиреев между Россией и Турцией. Именно эти события обусловили обретение Россией доминирования в противостоянии за Кавказ [1, с. 842–844]. Между тем, данное усиление России в регионе оказалось сопряжено с изменением его «этнической карты» вследствие осуществленного в 1783 г. переселения кубанских ногайцев [2, с. 457, 468–470] и последующей колонизацией Прикубанья казачеством. Таким образом, в весьма широком контексте произошли немалые изменения в ранее существовавшей в регионе системе «этнополитических противовесов» [1, с. 845]. Вновь определившаяся ситуация, включавшая в себя фактор новой границы империи по Кубани, обусловил для российской стороны как новые возможности, так и новые специфические проблемы во взаимоотношениях с горскими сообществами, избавленными теперь от побуждавшей их ранее к поиску российской протекции экспансии со стороны Крымского ханства, в том числе – и со стороны кубанской его части.

Одной их таких проблем стали постоянные набеги западных адыгов, формально находившихся под османским владычеством, в российские владения на кубанском правобережье, которые стали рассматриваться ими в качестве притягательного объекта для соответствующих «предприятий». Подобное положение вещей из конца XVIII в. перейдет в XIX в., доставляя региональным российским военным властям, равно как и казачьему населению Прикубанья массу трудноразрешимых проблем, определяемых не только собственно местной и обстановкой, но и внешнеполитическим контекстом интеграции Северо-Восточного Причерноморья в имперскую государственную систему. Грабительские набеги весьма

затрудняли хозяйственно-экономическое освоение Прикубанья, как и других территорий формировавшегося Российского Северного Кавказа, куда происходили набеги прочих горских этносоциальных сообществ.

Подобная ситуация имела место и в годы командования на Кавказе ген. П.Д. Цицианова (1802–1806 гг.). Причем нападения, следовавшие из Закубанья (кубанского левобережья) нередко были связаны с фактором характера взаимоотношений в это время российских военных властей с социальными верхами Кабарды, которая надолго стала зоной соответствующей нестабильности, в том числе – в контексте шариатского движения, направленного на ликвидацию учрежденных там в 1793 г. элементов российской судебной системы [3, с. 46–47].

Так, летом 1804 г. после осуществленных командующим на Кавказской линии ген.-лейт Г.И. Глазенапом военных экспедиций в Кабарду, вследствие сговора кабардинской знати и части «закубанцев» произошло масштабное нападение последних на Кавказскую линию. Г.И. Глазенап информировал атамана Черноморского казачьего войска Бурсака: «весь народ закубанский против границ Кавказской линии сверх ожидания собрался в великом полчище, водимый бежавшим из Кабарды владельцем князем Ростланбеком Мисостовым, ворвался в российские пределы, угнали знатную часть народа Абазинского … доселе обитавшего в совершенном подданстве России, причинив немалый вред держащим кордон войскам» [4, л. 17].

Приведенные обстоятельства свидетельствуют о немалой эффективности антироссийской пропаганды адептов шариатского движения в среде западных адыгов, тем более, что у последних наличествовал опыт антироссийских выступлений под религиозными лозунгами во время деятельности в Закубанье шейха Мансура в период османо-российской войны 1787–1791 гг.

Необходима отметить, что сама идея введения судопроизводства по шариату была в то время (как и в последующие десятилетия) была глубоко чуждой западным адыгам, степень исламизации которых была отнюдь не окончательной в контексте сохранявшегося «сегмента»

политеистических представлений и даже христианских пережитков [5, с. 106, 108, 110–112]. Кабардинская знать, как ранее – шейх Мансур, нагнетала у западных адыгов опиравшиеся на набеговую экспансию антироссийские настроения общего характера, в которых весьма еще поверхностный ислам последних выступал в качестве дополнительного побудительного мотива к набегам в российские пределы. При этом укоренялось характерное и для других горских народов довольно своеобразное восприятие следовавших со стороны России ответных мер за совершаемые набеги, основанное на незыблемости представлений о собственной правоте в контексте следования социокультурным традициям, изменение которых не считалось возможным.

В данном контексте не представляется корректным имеющее хождение у части представителей современной кавказоведческой историографии суждение о том, что нападения западных адыгов на Кавказскую линию имели характер какой-то превентивной освободительной борьбы. Ведь примерно с тем же успехом можно выдать долговременно существовавшие грабительские вторжения крымских татар в российские пределы их «гениальным предвидением» ликвидации Крымского ханства в 1783 г. Скорее следует отметить, что горские сообщества при условии доминирования у них маскулинных ценностей весьма напряженно воспринимали появление близ своей среды обитания носителей чуждого социокультурного уклада, воспринимая это в качестве своеобразного вызова, и, одновременно, побудительного мотива к набегам.

Г.И. Глазенап рекомендовал атаману Бурсаку осуществить со стороны Черноморской кордонной линии «диверсию» против закубанцев [4, л. 17], но тот выбрал более позитивную модель дальнейших взаимоотношений с западноадыгскими этническими сообществами, непосредственно соседствовавшими с казаками-черноморцами [6, с. 269–271]. Заметим, что данный подход казачьего атамана был обусловлен обстоятельствами конкретного времени, и был не в состоянии снять с повестки дня фактор набегов закубанцев в принципе. Здесь следует понимать, что «договороспособность» горских сообществ, находившихся на до-

или полугосударственной ступени развития была весьма низкой, что, в частности предопределяло невыполнение условий присяг теми, кто принимал российское подданство [7, с. 30, 31]. Данная, вполне уже сформировавшаяся тенденция проявлялась и ходе переговорного процесса П.Д. Цицианова и его подчиненных с кабардинской знатью, которая использовала переговоры в тактических целях, при условии стабильного невыполнения даваемых в их ходе обещаний и обязательств.

Таким образом, интеграция Северо-Восточного Причерноморья в состав российского государства была довольно тесно связана с перипетиями складывания Российского Северного Кавказа, при том условии, что последний процесс в конце XVIII – начале XIX в. приобрел новые черты, содержавшие в себе для империи как новые возможности, так и новые проблемы во взаимоотношениях с горскими этносоциальными сообществами.

Список литературы

1. Виноградов Б.В. Присоединение Крымского ханства (1783 г.): влияние на перспективы и проблемы складывания российского Северного Кавказа // Былые годы. Сочи, 2015. № 38. Ч. 4. С. 842–848.

2. Кидирниязов Д.С. Ногайцы в XV – XVIII вв. (проблемы политических, экономических и культурных взаимоотношений с сопредельными странами и народами). Махачкала, 2000.

3. Манаков П.В. Динамика деятельности в Кабарде генерала П.Д. Цицианова в контексте тенденций и противоречий в российско-кабардинских взаимоотношениях конца XVIII – начала XIX в. // Манускрипт. Тамбов, 2018. № 4 (90). С. 45–49.

4. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 249. Оп. 1. Д. 482.

5. Дударев Д.С., Дударев С.Л. Северный Кавказ глазами представителей российского общества первой половины – середины XIX века. Армавир; Ставрополь, 2017.

6. Виноградов Б.В. Специфика российской политики на Северном Кавказе в 1783–1816 гг. Славянск-на-Кубани, 2005.

7. Виноградов Б.В., Манаков П.В. Характер и проблемы подданства горских народов к моменту назначения главнокомандующим на Кавказе П.Д. Цицианова // Исторические, философские и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2017. № 11 (85). С. 29–33.

О.Б. Клочков

Л.М. СЕРЕБРЯКОВ: ЕЩЕ РАЗ О СПОРНЫХ МОМЕНТАХ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОСЛАВЛЕННОГО АДМИРАЛА

В статье приводится извлечение из дореволюционного «Общем морском сборнике», посвященное службе адмирала Серебрякова. Данную статью можно считать одним из источников, которые должны лечь в основу подлинно научной биографии выдающегося деятеля российского Причерноморья.

Ключевые слова: Серебряков, военная служба, исторический источник, Причерноморье, биография, критика, фальсификация истории.

O.B. Klochkov

L.M. SEREBRYAKOV: ONCE AGAIN ABOUT THE DISPUTED MOMENTS OF LIFE AND ACTIVITY OF THE GLORIFIED ADMIRAL

The article provides an extract from the pre-revolutionary «General marine collection» on the service of Admiral Serebryakov. This article can be considered one of the sources that should form the basis of a truly scientific biography of the outstanding figure of the Russian Black Sea region.

Key words: Serebryakov, military service, historical source, Black Sea region, biography, criticism, falsification of history.

Одной из наиболее примечательных личностей, связанных с освоением Россией Черноморского побережья Кавказа, без сомнения, является личность адмирала Л.М. Серебрякова. Строитель укреплений, порта и города Новороссийска, командующий одним из отделений, а затем – и всей Черноморской береговой линией, организатор отпора нападений на порты и укрепления Черноморского побережья Кавказа англо-франко-турецких войск в годы Крымской войны – чем не пример для подражаний, восхвалений, пиетета?!

Однако за этой «парадной вывеской» скрывается немалое множество преувеличений, нестыковок, откровенной лжи в отношении его жизни и деятельности. Происходит это, на наш взгляд, по причине обращения большинства авторов отнюдь не к первоисточникам, а к последующим исследованиям. Так, в

Новороссийске, в ознаменование 180-летия со дня основания города, вышло большое, красочное издание «Персоны Новороссийска: большой иллюстрированный биографический словарь» [1]. В качестве источников к статье, посвященной личности Л.М. Серебрякова, приведен список из 10-ти биографических изданий, по большей части – советского и постсоветского периода, авторами которых были армяне [1, с. 450]. Составителями «Словаря» оказались неизвестными такие дореволюционные издания, как 14-томный «Общий морской список», составлявшийся на рубеже XIX – XX вв. группой авторитетных и квалифицированных флотских историков, который включал в себя служебные биографии всех офицеров Русского императорского флота с петровских времен до времени царствования Александра II. Среди них в части VIII есть и упоминание о Л.М. Серебрякове [2, с. 208]. Что же представляла собой служба прославленного адмирала согласно этому «Сборнику»?

В июне 1810 г. Л.М. Серебряков поступает волонтером на Черноморский флот. В августе 1814 г. пожалован в гардемарины. В течение 1814–1815 гг. участвовал в плаваниях по Черному морю, и в июне 1815 г. был произведен в мичманы. Затем в течение 3,5 лет продолжил плавания по Черному морю, а затем в течение трех лет нес брандвахтенную службу на канонерской лодке № 4 и корвете «Або» на феодосийском рейде. Именно в течение несения брандвахты, в феврале 1820 г. был произведен в лейтенанты.

После окончания брандвахтенной службы ходил на транспорте «Херсон» по Азовскому и Черному морям. Затем, в 1822–1823 гг. участвовал в крейсерстве по Черному морю на кораблях «Париж» и «Император Франц», а также вновь нес брандвахтенную службу на канонерской лодке № 4 на рейде Феодосии. Не совсем ясно, как будущий адмирал провел 1824 год: о нем в «Сборнике» нет упоминаний. Последующие два года Л.М. Серебряков нес брандвахтенную службу на корвете «Або» на феодосийском рейде. Такую карьеру «стремительной», как называют ее некоторые исследователи, никак не назовешь.

В 1826 г. Л.М. Серебряков назначается адъютантом к вице-адмиралу Т.Ф.Ф. Мессеру, в то время – командиру 2-й бригадой кораблей Черноморского флота и командиру Севастопольского порта. Вместе со своим «шефом» в течение 1826–1827 гг. на корабле «Император Франц» крейсировал по Черному морю.

Годы русско-турецкой войны 1828–1829 гг. оказались для Л.М. Серебрякова насыщенными событиями. В 1828 г. он был назначен адъютантом к начальнику Главного морского штаба, однако в Петербург не уехал, а в апреле на флагманском корабле командующего Черноморским флотом «Париж» отправился к Анапе. Участвовал в ее взятии, за что в июне был произведен в капитан-лейтенанты. Уже через неделю был назначен «по особым поручениям к начальнику главного морского штаба» [2, с. 209]. В этом же году был награжден орденом Св. Владимира IV степени с бантом за отличие при взятии Варны.

В 1829 г. на люгере «Глубокий» был послан парламентером к крепости Карабурну (может быть, Каварна, близ Варны. – прим. Авт). Кроме того, ему предписывалось произвести разведку местности около этой крепости. Далее в «Списке» следует странная запись: «…на обратном пути, сентября 20 вырезал с 2-мя гребными судами турецкое судно в бухте Эрмендел…» (нам до сих пор не удалось выяснить, что это было и даже где это событие произошло. – прим. авт). После этого на корабле «Пантелеймон» участвовал при взятии городов «…Мессемврии, Мидии и Инады…» [2, с. 209]. Затем через Севастополь вернулся в Петербург. Был награжден орденом Св. Анны IV степени.

После окончания войны продолжал состоять по особым поручениям при начальнике Главного морского штаба; под его флагом участвовал в крейсерстве на кораблях «Кульм», «Император Александр» и люгере «Ораниенбаум» в Финском заливе. В конце октября 1830 г. был переведен в Гвардейский экипаж при оставлении в прежней должности. Направлялся в командировки «…на Мариинскую систему до Рыбинска для устройства карантинов, по случаю холеры, и в дунайские и черноморские порты для обревизования судов и учреждений морского ведомства» [2, с. 209].

В 1831 г. был награжден орденом Св. Анны III степени. В следующем году на пароходе «Ижора» сопровождал английского посланника на его пути из Петербурга в Штеттин. В начале ноября был назначен состоять по особым поручениям при генерал-лейтенанте Муравьеве, направленному по Величайшему повелению к турецкому султану и египетскому паше. С этой целью на фрегате «Штандарт» перешел из Севастополя в Константинополь, а затем по Средиземному морю – до Александрии. В 1833 г., еще находясь в Константинополе, в лагере русских войск, был назначен исполняющим должность коменданта и обер-гевальдигера (по содержанию экстраординарной суммы и подарочных драгоценных вещей). После начала эпидемии чумы Л.М. Серебряков командовал карантинным кордоном, учрежденным вокруг лагеря для предупреждения распространения инфекции. В октябре 1833 г. был произведен в капитаны 2 ранга, а также был награжден турецкой медалью.

1834 год начался для Л.М. Серебрякова вновь на палубе парохода «Ижора», на котором он ходил в Мемель за Его Королевским Высочеством кронпринцем Фридрихом Вильгельмом. Затем в качестве командира корабля «Полтава», осуществлял крейсерство по Балтийскому морю. В 1835 г. был награжден орденом Св. Станислава III степени.

1836 год для Л.М. Серебрякова начался участием – в качестве флагмана отряда из 4-х фрегатов, на корабле «Полтава» – в операции по перевозке финских стрелковых батальонов из Свеаборга в Кронштадт и обратно. В этом же году он участвовал, находясь на кронштадтском рейде, в торжественной церемонии шествия ботика Петра Великого. Это, кстати, был последний раз, когда знаменитый ботик показывался перед строем боевых кораблей.

В январе 1837 г. был откомандирован в распоряжение командующего войсками на Кавказской линии генерал-лейтенанта А.А. Вельяминова в качестве дежурного штаб-офицера по движению и действию морских отрядов против горцев на восточном берегу Черного моря. В апреле этого же года, за отличие, был произведен в капитаны I ранга. Чуть позже

за выслугу 25 лет в офицерском звании он был награжден орденом Св. Георгия IV степени.

В 1838 г. за действия против горцев «…при занятии урочищ Соча, Туапсе и Шапсухо…» [2, с. 211] был награжден золотой саблей с надписью «За храбрость». Кроме того, за «отличие против горцев» Л.М. Серебряков был награжден орденом Св. Владимира III степени. В октябре этого же года был произведен в контр-адмиралы с назначением в Свиту Его Императорского Величества.

В 1839 г. Л.М. Серебряков был назначен начальником Новороссийского порта и 1-го отделения Черноморской береговой линии. В октябре 1840 г. был награжден орденом Св. Станислава I степени; в ноябре 1842 г. награждается орденом Св. Анны I степени. В 1848 г. награждается орденом Св. Владимира II степени и производится в вице-адмиралы. В ноябре 1850 г. награжден орденом Белого Орла. В апреле 1851 года назначается начальником всей Черноморской береговой линии. В ноябре 1852 г. награжден орденом Св. Александра Невского.

С началом Крымской войны, в 1854 г., организовал снятие гарнизонов с Новотроицкого, Навагинского, Тенгинского, Вельяминовского и Головинского укреплений Черноморской береговой линии. В апреле 1855 г. награжден золотой табакеркой, украшенной бриллиантами, с портретов Его императорского Величества. В середине 1856 г. назначен членом Адмиралтейств-Совета; в августе того же года, за отличие, произведен в адмиралы. Удостоен мечей над орденами Св. Александра Невского, белого Орла, Св. Владимира II степени и Св. Анны I степени. В 1859 г. было пожалована аренда в 3000 рублей на 12 лет. 28 февраля 1862 г. адмирал Л.М. Серебряков скончался.

Конечно, данная статья из «Общего морского сборника» отнюдь не претендует на положение основного и единственного источника по изучению жизни и деятельности Л.М. Серебрякова. Напротив: данные этой статьи требуют перепроверки и уточнения, которые возможны лишь при серьезном научном подходе к написанию биографии знаменитого адмирала. Но даже в таком виде этот источник позволяет показать, что наибольшим «выдумкам» и даже фальсификациям подвергся первый период

жизни Л.М. Серебрякова – до его появления собственно на Черноморском побережье Кавказа, на Черноморской береговой линии. Это объясняется, по все видимости, тем, что до этого момента жизнь и служба будущего адмирала никак не претендовали на статус «выдающихся» и «примечательных»; в некоторых случаях можно даже применять термин «заурядных». Это обстоятельство некоторыми исследователями, особенно национальными, заставляет приукрашивать, героизировать биографию русского адмирала армянского происхождения. Это и есть «историческая фальсификация», с проявлениями которого должно бороться профессиональное историческое сообщество.

Список литературы

1. Персоны Новороссийска: Большой иллюстрированный биографический словарь / под ред. С.Г. Новикова. Новороссийск, 2017.

2. Общий морской сборник. Часть VIII. Царствование Александра I. П – Ф. СПб., 1894.

О.В. Бершадская

ЭТАПЫ ИСТОРИИ ЧЕРНОМОРСКОЙ ГУБЕРНИИ (ОКРУГА)

В настоящей работе поэтапно рассмотрена история Черноморской губернии (округа) как отдельной административно-территориальной единицы. Критериями для выделения этапов стали административные изменения и особенности социально-экономического развития.

Ключевые слова: Черноморская губерния, Черноморский округ, административно-территориальная единица.

O.V. Bershadskaya

STAGES OF THE HISTORY OF THE BLACK SEA PROVINCE (DISTRICT)

In the real work the history of the Black Sea province (district) as separate administrative and territorial unit is step by step considered. Administrative changes and features of social and economic development became criteria for allocation of stages.

Keywords: Black Sea province, Black Sea district, administrative and territorial unit.

Северо-восточное Черноморье от Анапы до грузинской границы было присоединено к России в 1829 г. по условиям Адрианопольского мирного договора, заключенного после победы над Турцией. В настоящее время данный регион является частью Краснодарского края. Однако в период с 1866 г. по 1937 г. эта территория была отдельной административной единицей в составе российского государства. Целью нашей работы является поэтапное рассмотрение истории Черноморской губернии (округа).

Первый этап мы датируем 1829–1864 гг. – периодом военной колонизации Черноморья. В годы Кавказской войны на побережье шло строительство укреплений-фортов. В это сложное время российское правительство подходило к вопросу о заселении опасной территории с точки зрения добровольности. Переселенцы освобождались от всех податей и повинностей, у них не требовали паспорта. 10 мая 1862 г. было утверждено Положение «О заселении предгорной западной части Кавказского хребта» на пространстве от Геленджика до Туапсе». Здесь в 1863–1864 гг. были основаны 12 станиц кубанских казаков Шапсугского пешего берегового батальона. Казаки переселялись добровольно или по жребию «в силу военной повинности» [1, с. 12].

Второй этап – с 1866 г. по 1896 гг. – связан с заселением региона мирными жителями и первыми попытками его хозяйственного освоения. Край, покинутый коренным населением, пришел в запустение. Для его возрождения требовались поселенцы с навыками хозяйствования в горной местности или высокой агрикультурой. В соответствии с Положением «О заселении Черноморского округа и управлении оным» от 10 марта 1866 г. были установлены категории населения, которые могли стать членами сельских обществ: лица всех сословий Российской империи и иностранцы христианского вероисповедания [1, с. 33]. В течение первых 20 лет после издания Положения был образован 51 населенный пункт вместе со станицами Шапсугского батальона, переведенных в гражданское состояние, а также города Новороссийск и Анапа, посады Туапсе и Сочи. Национальный состав жителей округа был

весьма пестрым: греки, армяне, русские, чехи, молдаване, греки, немцы, черкесы, грузины и т.д. Очередной миграционный поток пришелся на 90-е гг. XIX в. и был связан со строительством Новороссийско-Сухумского шоссе. Большинство переселенцев были славянами – выходцами из Украины, России и Белоруссии [2, с. 180]. Продолжалось и внешнее переселенчество – иммиграция представителей христианских народов Османской империи и Австро-Венгрии. В этот же период начинают формироваться основные секторы экономики округа: сельское хозяйство, транспортная сфера, цементное производство, лесоперерабатывающая промышленность.

На третьем этапе – с 1896 г. по 1917 г. изучаемый регион имел статус губернии. Черноморская губерния, образованная 23 мая 1896 г., была самой молодой и маленькой в Российской империи. По переписи 1897 г. в губернии насчитывалось 270 населенных пунктов, из них три городских поселения: Новороссийск – губернский центр, Туапсе и Сочи. Национальный состав населения выглядел следующим образом: русские – 42,9%, украинцы – 16,1%, армяне – 10,9%, греки – 10,4%, чехи и словаки – 2,2%, эстонцы – 1,38% и др. [3]. Основой экономики Черноморской губернии был аграрный сектор. На отраслевую структуру сельскохозяйственного производства оказала влияние не только природная среда, но и традиции хозяйственной деятельности представителей различных народностей. Доминирующими отраслями стали: табаководство, садоводство, виноградарство, производство зерновых культур. Строительство цементных заводов в Новороссийске и его окрестностях имело огромное значение для губернии и страны в целом. В первом десятилетии XX в. Черноморская губерния являлась центром крупнейшего в России производства цемента. Начало XX столетия также ознаменовалось становлением курортной отрасли в Сочи, которая развивалась в основном за счѐт частного капитала [4, с. 157].

Четвертый этап – с 1917 г. по 1922 г. – период военных и социальных катаклизмов. После октябрьских событий в Петрограде, 25 ноября 1917 г. была провозглашена Черноморская советская республика. С 30 мая по 6 июля 1918 существовала

Кубано-Черноморская советская республика, образованная из Кубанской и Черноморской советских республик. Летом 1918 г. Советы пали под натиском Добровольческой армии, и Черноморье погрузилось в хаос Гражданской войны. Военные действия на основной территории были завершены к маю 1920 г., однако, в Сочи вплоть до 1921 г. обстановка была неспокойной. Военные действия несли страдания и убытки мирным жителям. Сократилась площадь посевов, а значительная часть садов, виноградников и табачных плантаций пришла в запустение.

Пятый этап – с 1923 по 1930 гг. связан с попытками восстановления и дальнейшего развития народного хозяйства. В этот период произошел ряд административно-территориальных изменений, в результате которых Черноморский округ, образованный на месте Черноморской губернии, входил в состав Кубано-Черноморской области (1920–1924), Юго-Восточной области (1924 г.), Северо-Кавказского края (1924–1930). По экономической специализации округ относился к аграрным регионам страны, однако со второй половины 1920-х гг. стало уделяться внимание курортной сфере. Основной задачей сельского хозяйства стало создание продовольственной базы для санаториев и пансионатов. С целью повышения производительности местных крестьянских хозяйств проводились землеустроительные мероприятия, развивалось кооперирование, предпринималась попытка колонизации неосвоенных предгорных и горных районов. Преобразования носили ярко выраженный классовый подход и осуществлялись по общероссийским стандартам, без учета специфики уникального региона. Одним из последствий непродуманной политики стало почти полное исчезновение табаководства [5, л. 9].

Последний, шестой этап в истории Черноморского округа как отдельной административной единицы, охватывает период с 1930 по 1937 г. В начале 1930-х годов основным направлением в развитии Черноморья становится реконструкция курортной отрасли и создание соответствующей инфраструктуры. Этот период совпал с проведением сплошной коллективизации, поэтому в качестве продовольственной базы для курортных учреждений стали рассматриваться исключительно колхозы и

совхозы. В 1934 г. Черноморский округ вошел в состав вновь образованного Азово-Черноморского края. 13 сентября 1937 г. Черноморский округ, утратив административную самостоятельность, стал частью созданного Краснодарского края.

Список литературы

1. Тверитинов И.А. Социально-экономическое развитие Сочинского округа во второй половине Х1Х – начале ХХ вв. Сочи, 2000.

2. Козлов Л. Краткий очерк переселенческих участков. Тифлис, 1906. Приложение № 2.

3. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / под ред. Н.А. Тройницкого. СПб., 1903. LXX. Черноморская губерния. Тетрадь 3. С. V. Режим доступа: http://www.blacksearcher.ru (дата обращения: 18.05.2016).

4. Черноморское побережье Кавказа: справочная книга / сост. Ф.П. Доброхотов; под ред. Н.И. Воробьева. Краснодар, 2009.

5. Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО). Ф. 7. Оп. 1. Д. 285.

В.С. Назарова

БРИТАНСКИЙ ГЕРМАНСКИЙ ЛЕГИОН В КРЫМСКОЙ ВОЙНЕ

Статья посвящена анализу участия британского германского легиона (BGL) в Крымской (Восточной) войне. Особое внимание уделяется процессу формирования BGL, а также особой роли Карла Шутерхейма как непосредственного организатора и активного участника этого процесса. Показывается, что в Крымской войне коренившийся в феодальных политических практиках опыт наемничества уже не могобеспечить нужды стран – участников вооруженных конфликтов и существенно повлиять на них.

Ключевые слова: Крымская (Восточная) война, наемничество и национальные армии, Британский германский легион, К. Шутерхейм, Британская империя, военно-правовой статус наемничества.

V.S. Nazarova

BRITISH GERMAN LEGION IN THE CRIMEAN WAR

The article examines the participation of the British German Legion (DGL) in the Crimean (Eastern) War. Specific attention is given to the process of BGL' formation as well as to the peculiar role of K. Sutterheim as organizer and

active participant of that process. It's obviously depicted that mercenarily, deeply rooted in feudal military practice, could not provide the military necessities of great powers, and, up to the outbreak of the Crimean war – could not influence it in any scale.

Key words: Crimean (Eastern) War, mercenaries and national armies, British German Legion (task forces), K. Sutterheim, British Empire, military and legal status of mercenaries.

История британского германского легиона (BGL), принимавшего участие в Крымской (Восточной) войне, описана в историографии довольно отрывочно. Впервые о нем упоминается на страницах шеститомного труда 1883 г. сэра Дж. Кори «Подъем Южной Африки» (The Rise of South Africa). В 1954 г. издается диссертация Е.Г. Шнелля «Люди должны работать» (For Men Must Work). Она охватывает тот же период, что и фундаментальный труд Дж. Кори, но более детально рассматривает факты, связанные с историей BGL. В 1960-гг. выходят еще несколько статьей, в которых акцент исследования смещен в сторону причин создания и роспуска BGL (например, см.: J. Rutherford, Sir George Grey K. C.B. 1812–1898: A Study in Colonial Government. London, 1961).

В последнее время интереск изучению наемничества заметно снизился. Однако сегодня существует не только историографическая, но ипрактическая необходимость висследовании такого рода практик, уходящих корнями в феодальнуюэпоху. События на Украине и в Сирии вновь показывают, что иностранные инструкторы и наёмнические группировки оказывают значительное внимание на ситуацию в этих странах. С другой стороны, непродолжительная, хотя и богатая событиями история BGL и его последующего расформирования, позволяет пролить свет и на ряд субъективных причин, обусловивших постепенную смену военных приоритетов в пользу национальных армий.

После Наполеоновских войн значение наемничества значительно упало. Привлечение наемных сил в эпоху формирования национальных армийне только становилось неэффективным, но истало считатьсяаморальным. Поэтому в большинстве европейских государств наемничество было

сведено к минимуму, а в некоторых запрещено вовсе. Уже в 1830 г. французский король уволил свою швейцарскую гвардию, а в Англии доля иностранцев в армии составляла всего 2%. С другой стороны, с 1848 г. Швейцария отменила торговлю солдатами, а с 1853 г. такое решение было принято и в ряде германских государств.

Однако в период крымского противостояния Англия, сухопутные силы которой были традиционно невелики, была вынуждена вновь прибегнуть к традиционным наемническим практикам ввиду упорного сопротивления русской армии зимой 1854 г. В парламенте разгорелась острая дискуссия по поводу целесообразности привлечения иностранных легионеров в борьбе с Россией. Традиционно взоры английского правительства оказались обращены в сторону Ганновера и других германских государств, однако в ходе парламентских дебатов оппозиция сомневалась, что «арендаторы, мясники и убийцы» из самых глубоких немецких трущоб могут обладать необходимой самоотверженностью для благородного дела [1, p. 85–123].

Следует отметить, что процедура принятия иностранцев на королевскую службу была урегулирована парламентским актом 1837 г. Этот акт действовал во время военных действий, а также год после их прекращения. Предполагалось набирать наёмников в отдельные полки. Эти полки запрещалось использовать на территории Британии (за исключением военной подготовки). Количество наемников было ограничено 10.000 и их не разрешалось размещать в частных домах [2, p. 388].

С началом Крымской войныоппозиционные парламентарии справедливо отмечали, что с февраля 1853 г. некоторые члены Немецкого союза (в частности, Гамбург и Любек) запретили наемничество на своей территории. К тому же в Декларации Немецкого союза, обнародованной в г. Бамберг 23 мая 1854 г. было прямо сказано, что союз держит нейтралитет в Крымской войне [3, p. 44–45].

Все это означало, что британский кабинет министров столкнется со значительными трудностями в наборе наемников. Однако сэр Дж. Маллет (британский посол при Немецком союзе) убедил кабинет Дж. Абердина в том, что некоторые немецкие

княжества не будут против передачи наемников для британской армии. Исходя из этого военный министр поручил барону Карлу Шутерхейму (1815–1871), который обладал военным опытом и харизмой, начать формирование BGL.

Личность этого «солдата удачи» напрямую связана с историей BGL. Он начал успешную карьеру в прусской армии, которая оказалась прерванной после того, как К. Шутерхейм застрелил одного из коллег-офицеров на дуэли. После этого он отправился в Англию и в составе британской армии участвовал в событиях Карлистского мятежа в Испании (Carlistenkreig). Затем он возглавлял Шлезвиг-Гольштинский свободный корпус. После его роспуска К. Шутерхейм был нанят как легионер в составе войск, оказавших поддержку мятежнику – самопровозглашенному президенту Мексики Санта Анно. Когда последний был свергнут своими конкурентами, К. Шутерхейм узнал о формировании иностранного легиона в Англии. Он поспешил в Лондон с уже готовым планом вербовки, в результате чего получил должность полковника британской армии [3].

Его стараниями 30 декабря 1854 г. началось формирование BGL. Пользуясь авторитетом среди своих бывших товарищей, К. Шутерхейм смог предложить английскому правительству даже больше наемников, чем первоначально согласованные 5 тыс. чел. За каждого человека он получал хорошую комиссию. Поскольку во многих немецких государствах наемничество было запрещено, К. Шутерхейму приходилось встречаться с потенциальными рекрутами в пабах, и проводить агитацию втайне от полиции. Многие из привлекаемых им солдат имели хороший боевой опыт, а уровень образования «арендаторов и мясников» также был более высоким по сравнению с их английскими коллегами.

25 января 1855 г., на волне военных неудач первой крымской зимы, правительство Дж. Абердина подало в отставку. Новое правительство лорда Пальмерстона было сформировано 8 февраля 1855 г., а уже 10 марта военный министр санкционировал постройку временных бараков для 2 тыс. рекрутов на о-ве Гельголанд у северо-западной побережья Голландии. Он же 28 апреля 1855 г. анонсировал специальные «Статьи…» о формировании BGL, фактически определявшие его

военно-правовой статус. В подготовке этого документа также активно участвовал барон К. Шутерхейм [4].

Согласно ст. 1 этого регламента, наемники набирались на время военных действий, и в соответствии со ст. 15 могли быть демобилизованы в любое время. Ст. 7 определяла, что солдат получает 6 фунтов на первоначальные нужды, а офицер – разовое пособие в размере трехмесячного оклада английского офицера. С апреля 1855 г. началось рекрутирование, причем за каждые сто человек вербовщик получал 975 фунтов. Вскоре было набрано 5 тыс. чел., однако те из них, кому не исполнилось 18 лет (примерно половина), были отправлены обратно.

Рекрутирование в Германии происходило противоречиво. После провала революции 1848 г. и последовавшей политической реакции, в северогерманских городах набралось большое количество эмигрантов, собиравшихся отплыть в Америку. К. Шутерхейм полагал, что правительство Британии сможет открыть дополнительные рекрутские центры на территории США, где ветераны станут обучать военному делу новобранцев. Однако «Акт о нейтралитете» 1818 г. запрещал набирать рекрутов из местного населения страны, поэтому оттуда удалосьпривлечь всего лишь 16 человек. Это не очень расстроило предприимчивого немца, поскольку ему удалось привлечь в BGL коллег-ветеранов из Шлезвиг-Гольштинского княжества.

Первый контингент, сформированный на о. Гельголанд был готов к отправке, и с мая 1855 г. находился в порту Дувра. Отсюда он отправился в тренировочный лагерь Шорнклифф (графство Кент), где наемники были снаряжены и одеты в британскую униформу. Они были сгруппированы в два полка легкой кавалерии, каждый из которых состоял из 4-х эскадронов, и 6 батальонов легкой пехоты. Кроме того, было сформировано 3 батальона егерей, каждый из 10 рот. Во главе подразделений были назначены британские полковники.

Первый егерский полк BGL достиг Константинополя в самом конце декабря 1855 г., при этом многие из его солдат пострадали от эпидемии холеры. Второй и третий полки прибыли в Константинополь только к январю 1856 г. когда война уже

фактически закончилась. Около 200 чел. из состава BGL умерли от болезней, так и не достигнув берегов Крыма [5, p. 103–104].

Хотя Крымская война закончилась, британское правительство было обязано содержать иностранных легионеров еще в течение года, до марта 1857 г. Чтобы избежать лишних расходов, военный министр предложил Совету директоров Ост-Индийской компании использовать иностранных легионеров для защиты британских колоний в Индии. К тому же правительства Пруссии, Баварии и Гамбурга не могли обещать солдатам удачи иммунитета, а княжество Вюртемберг вообще отказалось принимать вооруженных людей на своей территории, 19 апреля 1856 г. военный министр был вынужден опубликовать петицию, в которой всем легионерам BGL предлагалось выдать полугодовалую разовую плату, а сам легион распустить. Тех же, кто отказывался покинуть британскую службу на столь невыгодных условиях, предполагалось отправить для несения службы в колониях.

Дальнейшая судьба BGL связана с подавлением восстаний на окраинах британской империи в Кафрарии (Южная Африка, где остатки BGLвоевали с местными племенами хосу) и в Индии. На территории Кафрарии К. Шутерхейм попытался разбить немецкие поселения (по образцу военных поселений в России, опыт создания которых он внимательно изучал), однакона постоянное жительство там осталось не более 1 тыс. поселенцев, включая женщин и детей [6].

Таким образом, несмотря на все старания британского правительства и организационные усилия К. Шутерхейма (не говоря уже о потраченных средствах), BGL не оказал никакого влияния на исход Крымской войны. Итоги последнейбыли показательны в том отношении, что Россия ведущие европейские державы стали ориентироваться на новое вооружение и принципы комплектования своих армий, учитывая экономический потенциал и внутренние ресурсы страны, а также ее национальные приоритеты. Практика наемничества постепенно уходила в прошлое. Показательно, что отношение к солдатам удачи было негативным даже в тех странах, которые допускали вербовку. В целом же было очевидно, что

коренившийся в феодальных политических практиках опыт наемничества уже не мог ни обеспечить нужды стран – участников вооруженных конфликтов, ни даже сколь-нибудь существенно повлиять на них.

Список литературы

1. Laband J. Soldiers and Settlers in Africa, 1850–1918: From Mercenaries to Military Settlers. The British-German Legion, 1854–1861. Brill, 2009.
2. British Parliamentary Papers.1837. Vol. VI (10.06.1837).
3. Bayley C.C. Mercenaries for the Crimea: The German, Swiss and Italian Legions in British Service, 1854–1856. Montreal; London, 1977.
4. Spiers E.M. Army and Society. The Attestation Papers for the British German Legion can be Found in WO. London, 1980.
5. Westenfelder F. Kanonenfutter für die Krim Großbritanniens Fremdenlegionen. http://kriegsreisende.de/imperialismus/krimkrieg.htm (дата обращения: 12.06.2019).
6. French J.H. The South African Military History Society Die Suid-Afrikaanicshe Krygshistoriese // Vereniging Military History Journal. 1975. Vol. 3.

В.В. Клочков

САРДИНСКИЙ ЭКСПЕДИЦИОННЫЙ КОРПУС В КРЫМСКОЙ ВОЙНЕ

Анализируются причины и следствия участия Сардинского экспедиционного корпуса в Крымской войне. Показано, что вовлечение сардинского королевства в крупный европейский конфликт было обусловлено комплексом внутренних и внешних факторов. Также исследуются историографические аспекты проблемы.

Ключевые слова: Крымская (Восточная) война, Сардинское королевство, европейская дипломатия середины XIX в., сардинский экспедиционный корпус, внешняя политика Сардинского королевства, К. Кавур, объединение Италии.

V.V. Klochkov

SARDINIAN EXPEDITION HOUSING IN THE CRIMEAN WAR

Basic reasons and consequences of the involvement of Sardinian task forces in Crimean War are particularly observed. It's obviously depicted that these involvement of Kingdom of Sardinia in a vast European conflict has been

determined with a complex of factors, as well innate and external. Contemporary statement of historiography of that problem is also examined.

Key words: Crimean (Eastern) War, Kingdom of Sardinia, European diplomacy in the middle of the XIX century, Sardinian task forces in Crimea, Kingdom of Sardinia' foreign policy, C. Cavour, unification of Italy.

Неподалеку от Севастополя, на горе Гасфорт, с которой открывается прекрасный вид Балаклавской и Инкерманской долин, находится воздвигнутый в 1886 г. небольшой увенчанный католическим крестом памятник-обелиск сардинцам, погибшим в годы Крымской войны. Первоначально мемориал представлял собой временный памятник с надписью: «В честь погибших пьемонтцев 3-го пехотного полка установили этот памятник 17 апреля 1856 г. товарищи по оружию, доверив его вчерашним врагам, сегодняшним друзьям – солдатам России». [1, с. 122].

За этим памятником-символом сокрыта цепь интереснейших событий, происходивших в Европе накануне Крымской войны. Факт участия Сардинского королевства в Крымской войне общеизвестен, и достаточно исследован историками. Однако и сегодня существуют ощутимые пробелы в ответе на вопрос о том, что именно привело сардинские войска на берега Тавриды, в Россию, с которой у этого итальянского государства никогда не было никаких спорных вопросов. Чтобы ответить на него, необходимо обратиться к ситуации, сложившейся на Апеннинском полуострове ко времени начала крымской кампании.

В этот период независимые итальянские государства переживали глубокий кризис. Понятие «Италия», «итальянское государство» было не больше чем фигурой речи. После подавления революции 1848–1849 гг. во всех итальянских государствах, за исключением Сардинского королевства, были отменены конституции, а иностранное владычество ещё больше усилилось. В Ломбардо-Венецианской области, в части Папского государства и в Тоскане были размещены австрийские войска, а в Риме находился французский легион.

Однако одно значительное явление свидетельствовало о том, что процесс объединения и освобождения Италии вышел на новый этап. Это было непреклонное и уверенное усиление

Сардинского королевства на фоне других государств Италии. Оно имело ряд черт, ставивших его в исключительное положение на всем Апеннинском полуострове. Во-первых, Пьемонт – политический центр королевства – являлся одним из наиболее развитых промышленных районов с интенсивно формировавшимся капиталистическим укладом и широким предпринимательским слоем. Только в Пьемонте была сохранена конституция и в парламенте допускалась открытая политическая борьба, развивалась либеральная мысль. Во-вторых, сардинская монархия в лице Виктора Эммануила II, представителя Савойской династии, была единственной «чисто итальянской» монархической династией. Ей традиционно было присуще стремление к территориальному расширению, к покровительству над своими «меньшими братьями» – соседними герцогствами и областями. В-третьих, Пьемонтская армия была единственной реальной военной силой Италии. Перед Крымской войной она насчитывала 80 тыс. чел., а также 38 тыс. чел. резерва, была хорошо вооружена и подготовлена. На содержание армии и флота тратилось до ¾ бюджета, что делало их военную мощь солидной силой не только среди апеннинских государств, но и в масштабах всей Европы [2, p. 24].

В итальянской официальной историографии утверждалось, что участие Сардинии в Крымской войне явилось «гениальным актом» пьемонтского министра К. Кавура, общепризнанного лидера умеренных либералов, активно выступавшего за объединение Италии «сверху», под эгидой Савойской династии [3, с. 107] Действительно, К. Кавур понимал всю косвенную пользу, которую можно было бы извлечь из этого почти авантюрного предприятия. Прежде всего, это сам факт участия в передовой международной политике. Это была прекрасная возможность для Сардинского королевства заявить о себе на мировой арене и приблизится к статусу полноценного европейского государства. Затем, представлялся повод приобрести союзников в лице Франции и Англии в борьбе против Австрии. Наконец, участие в войне давало Пьемонту право присутствовать на конгрессе по окончании кампании и поднять на нем итальянский вопрос. К этому добавлялись планы Виктора

Эммануила II по расширению Сардинского королевства за счет присоединения Ломбардии и Венеции. Наполеон III дал обещание изгнать Австрию из этих территорий французскими силами и присоединить эти две провинции к Пьемонту [4, с. 454] Это, в свою очередь, способствовало бы дальнейшему росту гегемонии савойской монархии на Апеннинском полуострове. Однако это обещание напоминало скорее «неопределенный посул», чем союзническое обязательство [5, с. 315].

В целом, по утверждению официальной итальянской историографии, участием в крымской кампании Сардинское королевство обязано «прозорливости и гениальной активной политической и дипломатической деятельности великого патриота К. Кавура, усмотревшего в посылке пьемонтских войск на Восток возможность поднять и утвердить политический престиж Сардинского королевства не только на Апеннинском полуострове, но и в Европе» [6, с. 230].

Однако нам представляется, что на решение К. Кавура также значительно повлиял внешний фактор, прежде всего давление Англии и Франции. Известно, что к осени 1854 г. войска англо-франко-турецкой коалиции в Крыму оказались в сложном положении. Наступала зима, сократившаяся наполовину британская армия почти не имела резервов. Английский двор осознал всю бедственность положения, и принц Альберт предложил принять экстренные меры, в том числе и создание иностранного легиона. Однако многие потенциальные наемники просто не желали добровольно, хоть и за деньги, воевать и погибать в далекой Тавриде. Англия начала активные поиски в Европе нового потенциального союзника [7, с. 13].

Взоры Англии были обращены к армии самого сильного из всех итальянских государств. Известно даже, что Англия активно добивалась вступления Сардинского королевства в войну, прибегая к зондажу и сильному давлению [8, p. 36]. Франции также было необходимо участие Пьемонта в войне для того, чтобы столкнуть двух заклятых врагов – Сардинское королевство и Австрию, а затем изгнать Австрию из Италии. Приглашая Виктора-Эммануила II к участию в войне, Наполеон III прекрасно понимал, насколько важен для Пьемонта вопрос о союзниках, и

поэтому позволил себе выставить довольно категоричные требования: Сардиния должна или разоружиться, или разрешить австрийцам поставить в Италии свой очередной гарнизон, или же послать войско в Крым. Здесь также наблюдается давление со стороны сильной европейской державы [9, p. 48].

Наконец, внутри самой правящей элиты Сардинского королевства не было единства взглядов по крымскому вопросу. Общественное мнение и парламентское большинство были против участия Сардинии в Крымской войне. Далеко не все понимали, на что рассчитывал К. Кавур. Высадка пьемонтского контингента в Крыму против сильной державы, с которой нечего делить, в такое неспокойное время, когда необходимо беречь силы на случай войны с Австрией – стоило ли идти на такой шаг и какого выигрыша следовало бы ожидать? Все же, после долгих колебаний, 10 января 1855 г. было подписано соглашение о присоединении Сардинии к антироссийскому союзу [10, с. 216].

Однако следует помнить, что это присоединение случилось не совсем на тех основаниях, какие предполагала Англия. К. Кавур старался обратить ситуацию в свою пользу, утверждая всеми возможными способами мысль о том, что Сардиния вступала в коалицию не в качестве простого «помощника» главных союзников, но как равноправный партнер. К тому же Сардиния согласилась принять предоставленную Англией субсидию не иначе, как в качестве займа [11, с. 30]. Таким образом, Пьемонт старался заявить о себе как о полноценном европейском государстве, а не второсортной наемной силе. К. Кавур настолько старался ради своей цели, что в мае 1855 г. перебросил в Крым не 15-тысячный экспедиционный корпус, как значилось по заключенной конвенции, а более чем 20-тысячный контингент, что составляло ¼ пьемонтской армии и более половины королевского флота [12, с. 150].

В целом, содействие Сардинского экспедиционного корпуса было незначительным. Что касается потерь, то в сражении на Черной речке сардинцы потеряли около 200 чел. убитыми и ранеными, но боевые потери на порядок превышались потерями от сильной эпидемии тифа, холеры и цинги, составившими более 2300 чел. [13, с. 217].

Каковы же были результаты участия в войне для Сардинии? Прежде всего, ожидания К. Кавура, что в качестве компенсации за участие Сардинского королевства в войне будет рассмотрен итальянский вопрос, провалились. В мирном договоре об итальянских государствах не говорилось ни слова, несмотря даже на хлопоты и закулисные переговоры К. Кавура с союзниками уже на самом конгрессе. Единственным шагом с их стороны навстречу пьемонтскому министру было осуждение ситуации в Папской области и Королевстве обеих Сицилий, где находились австрийские и французские войска. Что касается обещания Наполеона III об изгнании австрийских войск из итальянских Ломбардии и Венеции, то с большими оговорками можно сказать, что оно было выполнено, но частично, спустя несколько лет, и притом с большим ущербом для Италии. В целом, Сардинское королевство не получило ничего из данных ей обещаний.

Однако существует и противоположная точка зрения в оценке значения участия Пьемонта в Восточной войне. Согласно ей, именно Сардинское королевство после Крымской войны оказалось в большем политическом выигрыше по сравнению с другими европейскими державами. Участие Пьемонта в Парижском мирном конгрессе повысило его политический вес и статус до уровня полноценного европейского государства. Укрепилась вера в Сардинское королевство как в объединителя Италии. Таким образом, Сардинское королевство вышло из Крымской войны обманутым союзником, использовавшимся Англией и Францией, однако, союзником, на которого впервые обратили должное внимание, и бесспорным лидером объединения Италии [14, p. 124].

В современной Италии участию Сардинского войска в Крымской войне придается большое значение. Это красноречиво выражает название выставки Национального исторического музея артиллерии, состоявшейся в Турине в 1997 г. и посвященной 150-летию Крымской войны. Название ее было таково: «Севастополь. Крымская война: Пьемонт – равный среди европейских держав» [15, с. 14].

Список литературы

1. Матвеев В.Д. Сардинское королевство и его экспедиционный корпус в Крымской войне 1855–1856 гг. // Вопросы истории. 2004. № 8.
2. Mack Smith D. Il Risorgimento Italiano. Roma; Bari, 1999.
3. Берти Дж. Сардиния и Россия в период Парижского конгресса. Объединение Италии. Сб. статей. М., 1963.
4. История дипломатии / под ред. В.А. Зорина. М., 1959.
5. Тарле Е.В. Крымская война. М.; Л., 1941–1944. Т. II.
6. Низова Е.А. Британская пресса о политике правительства в отношении Неаполитанского королевства в 1856 г. // Известия Южн. федерал. ун-та. Ростов н/Д, 2013. № 6.
7. Пантюхина Т.В. Позиция правящих кругов Великобритании по вопросу об объединении Италии в 50–60-е гг. XIX в. Автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 1985.
8. Hearder H. Italy in the Age of Risorgimento: 1790–1870. London, 1980.
9. Beales D. The Risorgimento and the Unification of Italy. 2nd ed. London, 2002.
10. Тарле Е.В. История Италии в новое время. СПб., 1901.
11. Виноградов К.Б., Суртаев П.Б. Королева Виктория, принц-супруг Альберт и Крымская война // Новая и новейшая история. 2004. № 2.
12. История XIX века / под ред. Лависса и Рамбо. М., 1937.
13. История Италии. М., 1970.
14. Cavicchioli S., Serato S., Montaldo S. Fare l'Italia: Dieci Anni che Preparano l'unificazione. Roma, 2002.
15. Низова Е.А. Великобритания и итальянский вопрос 1848–1861 гг. Автореф. дис… канд. ист. наук. Ростов н/Д, 2013.

Автор выражает признательность доценту Донского государственного технического университета (г. Ростов-на-Дону) Е.А. Горшковой за италоязычные материалы, использованные в данной работе.

А.Ю. Гуменюк

ПРОПАГАНДИСТСКАЯ ПОЛИТИКА ВОЙСК ПРОТИВНИКА В КРЫМУ ВО ВРЕМЯ ВОСТОЧНОЙ ВОЙНЫ (1853–1856 ГОДОВ)

Данная статья посвящена пропагандистским действиям, систематически проводившимся войсками Англии, Франции и Османской империи среди гражданского населения и русских войск, находящихся на территории Крымского полуострова в первый период боевых действий во время Крымской войны 1853–1856 гг.

Ключевые слова: пропаганда, эмиссар, местное население, агитационная литература.

A.Yu. Gumenyuk

PROPAGANDA POLICY OF THE ENEMY TROOPS IN CRIMEA DURING THE EASTERN WAR (1853–1856)

This article concerns advocacy actions systematically taken by the troops of England, France and the Ottoman Empire among the civilian population and Russian armed groups placed on the territory of the Crimean peninsula in the first period of the military actions during the Crimean War of 1853–1856.

Key words: advocacy, emissary, local population, propaganda literature.

История Российской империи второй половины XIX в. была отмечена рядом реформ в управленческой, военной и иных сферах. Катализатором для них во многом послужило поражение в Восточной (Крымской) войне 1853–1856 гг. Данному военному конфликту посвящено множество исследований, которые освещают его военную, экономическую, политическую и другие стороны.

Одним из наиболее важных элементов любого военного конфликта является политика вражеской администрации и войск по отношению к коренным жителям оккупированных городов и населенных пунктов и солдатам армии противника. Поскольку общие мероприятия по привлечению местных жителей и солдат русской армии на свою сторону во многом облегчали пребывание оккупационного корпуса на подконтрольной территории.

Коренное население Крымского полуострова в основном составляли татары. После начала боевых действий российских войск против Османской империи среди коренного населения началось «брожение умов», наиболее ярко проявившееся зимой 1853–1854 гг. Командование англичан и французов считало, что будет возможным настроить татар против русского правительства. В том числе, поэтому, союзники при планировании высадки на берег Евпатории не рассчитывали брать с собой перевозочных средств, надеясь достать их на месте [1, с. 41–42]. Их расчеты во многом оказались правильными, поскольку при высадке в Евпатории англичане наняли татар –

погонщиков с 300 арбами и воловьими упряжками для транспортного обоза [2, с. 193].

После высадки войск противника на берег, парламентеры обнародовали позыв, в котором предлагалось сдать Евпаторию, что и было сделано [3, с. 189]. Параллельно с этим среди местного населения начали проводить пропагандистскую работу. Для этого через своего представителя Токарского союзники начали агитировать местное татарское население перейти на их сторону. Из города по всему краю были разосланы лазутчики с целью убедить татар содействовать врагу доставкой хлеба, скота и перевозочных средств [1, с. 82–85]. Помимо позыва, среди населения распространялась запрещенная в Российской империи литература. Так становой пристав второго стана Евпаторийского уезда местечка Акмечеть, находившийся в Евпатории, в день занятия города противником и выпущенный из города 20 сентября 1855 г. в Одесский порт на французском пароходе, получил для ознакомления от переводчика Токарского запрещенную книгу «Катехизис русского народа» [4, л. 1, 5].

На следующий день после занятия города в Евпаторию прибыл турецкий паша, который занял пост губернатора и выдавал себя за потомков крымских Гиреев. Он призывал жителей окрестных деревень переходить в город вместе со своими семьями, скотом и зерном, угрожая в противном случае лишить их имущества.

Подобного рода пропагандистская работа была довольно эффективна, поскольку жители большинства ближайших к Евпатории аулов перешли в город вместе со своими семьями и движимым имуществом, в том числе и скотом, которого насчитывалось до 200 тыс. голов. В стан противника было привезено до 20 тыс. четвертей хлеба. Впоследствии из числа перешедших на сторону врага была набрана милиция [5, с. 602]. Но такие действия были не всегда успешными, поскольку местный князь Мехмет бей Балуков, несмотря на опасность ответных действий со стороны оккупационной администрации, вел контрпропаганду в пользу русских властей. В результате его действий в ряде деревень Евпаторийской округи муллы, которые склоняли местных жителей к коллаборационизму, просто боялись

появляться [6, с. 242]. Подобные данные встречаются и в воспоминаниях одного из жителей Евпатории В.С. Ракова: «Во время Крымской войны он [князь Мехмет бей Балуков] оказал нам, русским большую услугу; с уверенностью можно сказать, что сильному влиянию, которым он пользовался среди татар, мы обязаны сохранением многих русских деревень» [7, с. 10].

Пропаганда систематически велась и в солдатской среде Русской императорской армии. К примеру: за несколько лет до начала войны, начиная с 1849 г., поляки образовали в Лондоне польское демократическое общество. К нему впоследствии примкнули русские эмигранты: Герцен, известный под именем Искандера, Головин и др. Через своих агентов русской армии и поляков они массово рассылали по всей стране воззвания, с целью деморализовать войска и пошатнуть дисциплину. К зиме 1853–1854 гг. подобная деятельность еще более усилилась – такие воззвания попадали на территорию Российской империи преимущественно через западную границу с Царством Польским. Такие же воззвания были привезены и в Крым англо-французами и активно раздавались местным татарам, которые не всегда понимали содержание подобной прокламации. Эти брошюры, в свою очередь, можно разделить на две части: первая была подписана Герценом, Гловиным, Сазоновым и другими эмигрантами. Вторая подписывалась поляками Зенкевичем, Забицким и Ворцелем.

В них русские эмигранты призывали солдат русской императорской армии не сражаться против поляков в случае если те восстанут против правительства. Сами же прокламации, изданные в Лондоне, были призваны объять все слои населения. К примеру, кроме уже упомянутой брошюры «Катехизис русского народа», на польских солдат и офицеров, сражавшихся в рядах армии Николая I, были ориентированы следующие издания: «Поляки прощают нас», «Русским солдатам в Польше», «Второе видение святого отца Кондратия» и др. Эти брошюры были призваны склонить поляков к бегству из рядов русской армии, бегству в Турцию и вступлению в особый польский легион, предназначенный для совместных действий с англо-французами [3, с. 202–203].

Отчасти подобная пропагандистская деятельность давала свои плоды, поскольку Шарль Боше, один из воевавших в Крыму французских офицеров, указывает в своих письмах из Крыма, что 24 марта 1855 г. на их сторону перешел «…вражеский офицер,… это – поляк. Он нам сообщил о скором прибытии подкреплений для осажденных [защитников Севастополя] и о приходе сильной гвардейской дивизии» [8, с. 264].

Еще один корпус подобной литературы был адресован русскому дворянству и крестьянам. В него входили брошюры под такими названиями как: «Юрьев день! Юрьев день!», «Емельян Пугачев» и др. Хотя подобная прокламация не имела воздействия на русских солдат и офицеров, ей поддавалось офицерство польского происхождения [3, с. 203–204].

В завершении необходимо отметить, что пропагандистская политика войск противника, проводившаяся на территории Крымского полуострова на начальном этапе боевых действий, была направлена на разобщение народов населяющих Российскую империю, развитие ксенофобии и разобщенности среди местного населения и ориентирована абсолютно на все социальные слои Российской империи.

Несмотря на привлечение широкого спектра методов, реализации пропаганды, начиная от распространения агитационных брошюр, заканчивая агитацией, проводимой мусульманским духовенством и польскими эмиссарами, её эффективность не всегда была высокой, в том числе в среде коренного населения Крымского полуострова. Во многом такое положение дел было обусловлено контрпропагандой, которая велась отдельными мусульманскими беями.

Список литературы

1. Дубровин, Н.Ф. Восточная война 1853–1856 годов. Обзор событий по поводу М.И. Богдановича. СПб., 1878.

2. Еремин С.П. Английская армия в Восточной войне 1853–1856 гг.: дис. … канд. ист. наук. М., 2004.

3. Дубровин Н.Ф. История Крымской войны и обороны Севастополя: В 3-х т. СПб., 1900. Т. I (с планами и картами).

4. Государственное казенное учреждение Республики Крым «Государственный архив Республики Крым (ГКУ РК ГАРК). Ф. 26. Оп. 4.

Д. 1573 «О выпущенном из плена бывшем статском приставе Евпаторийского уезда Решитилове» на 31 листе.

5. Тотлебен Э.И. Описание обороны г. Севастополя: В 2-х ч. СПб., 1863. Ч. I.

6. Ченнык С.В. Крымская компания (1854–1856 гг.) Восточной войны: В 5-ти частях. Севастополь, 2010–2014. Ч. 1. Вторжение. 2011.

7. Раков В.С. Мои воспоминания о Евпатории в период Крымской войны 1853–1856 гг. // Известия Таврической учетной архивной комиссии. Симферополь, 1904. № 36. С. 1–36.

8. Крымская Илиада. Крымская (Восточная) война 1853–1856 годов глазами современников: литература, архивы, пресса / Орехова Л.А. и др. 2-е изд., перераб. и доп. Симферополь, 2010.

С.Н. Шаповалов

ПОДГОТОВКА К СНЯТИЮ УКРЕПЛЕНИЙ ОТДЕЛЕНИЙ ЧЕРНОМОРСКОЙ БЕРЕГОВОЙ ЛИНИИ В ПЕРИОД КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ

Статья посвящена исследованию проблемы подготовки к снятию укреплений отделений Черноморской береговой линии в период Крымской войны. На основании изучения архивных материалов автор демонстрирует всю сложность процесса принятия решения об оставлении русских позиций в восточной части Черного моря, а также проекты эвакуации гарнизонов линии.

Ключевые слова: Крымская война, Османская империя, Причерноморье, Севастополь, укрепления, Черное море, Черноморская береговая линия.

S.N. Shapovalov

PREPARATION FOR REMOVING THE STRENGTHENING OF THE OFFICES OF THE BLACK SEA COAST LINE DURING THE CRIMEAN WAR

The article is devoted to the study of the problem of preparation for the removal of the fortifications of the branch of the Black Sea coastline during the Crimean War. Based on the study of archival materials, the author demonstrates the complexity of the decision-making process on the abandonment of Russian positions in the eastern part of the Black Sea, as well as the evacuation projects of line garrisons.

Key words: Crimean War, Ottoman Empire, Black Sea, Sevastopol, fortifications, Black Sea, Black Sea coastline.

Крымская война относится к числу многогранных и неоднозначных явлений в нашей истории. Она до сих пор приковывает к себе внимание исследователей, представляющих разные исторические школы, научные подходы и методологии [1]. Не являясь слишком продолжительной по времени, Крымская война поражает своим масштабом. Не случайно работа специалиста по военной истории С.П. Куличкина получила многообещающее название «Крымская война 1853–1856. От Балтики и Дуная до Кавказа и Камчатки. Театрами ее действий были обширнейшие территории в Европе и Азии, а также акватории Атлантического и Тихого океанов, но ключевые события, несомненно, происходили в Причерноморье, где сосредоточили военно-морские и сухопутные силы Османская империя и её союзники в лице Великобритании и Франции.

В дореволюционной и советской историографии крымский театр Восточной войны был достаточно детально изучен. Об этом свидетельствуют десятки публикаций самого разнообразного уровня от полновесных монографий и сборников документов до отдельных статей и научных тезисов. Однако, на наш взгляд, события, происходившие в восточной части Причерноморья, где располагались укрепления Черноморской береговой линии изучены весьма поверхностно и однобоко. Такое положение сложилось, в том числе, и потому, что значительный массив архивных документов по этой проблематике все еще не доступен широкой массе исследователей.

В рамках представленного доклада мы не можем осветить все вопросы, касающиеся существования Черноморской береговой линии, а остановим внимание лишь на одном из ее эпизодов, который связан с историей Причерноморья. К моменту начала Крымской войны на восточном берегу Черного моря располагалась сеть русских крепостей, взаимосвязанных друг с другом морскими или сухопутными коммуникациями. Существование гарнизонов укреплений сильно зависело от регулярных морских перевозок, которые обеспечивались силами Кавказских пароходов. Для этого требовалось постоянное доминирование русского флота в Черном море. Однако после вступления в войну на стороне Османской империи

Великобритании и Франции расстановка сил в регионе изменилась не в пользу Российской империи. Положение гарнизонов Черноморской береговой линии стало вызывать серьезные опасения со стороны наместников и командующих сухопутными и морскими силами.

В своих прежних публикациях мы уже рассматривали состояние отделений укреплений линии в начале Крымской войны и планы русского командования в отношении их гарнизонов в первые месяцы военных действий [2]. Поэтому можем сосредоточить внимание на одном из центральных событий в истории Черноморской береговой линии, а именно на подготовке к снятию части гарнизонов и уничтожении укреплений. Это событие привело к разрыву в коммуникациях и постепенному запустению всей линии. В конечном счете, утрата укреплений на восточном берегу Черного моря ослабила и позиции Российской империи в Причерноморье.

Вопрос о судьбе части гарнизонов линии фактически дискутировался в придворных и военных кругах еще до начала русско-турецкой войны. После Синопской виктории он на время был отложен, но не снят с повестки дня. В конце 1853 г. вице-адмирал Л.М. Серебряков, который был начальником всей Черноморской береговой линии, рапортовал главнокомандующему отдельным Кавказским корпусом генерал-адъютанту светлейшему князю М.С. Воронцову об опасностях, которые будут угрожать линии после появления англо-французского и турецкого флотов в Черном море. Он также обращал внимание на сложности, которые возникнут при осуществлении снабжения гарнизонов линии провиантом [3, с. 145].

Не довольствуясь этим, вице-адмирал Л.М. Серебряков лично побывал на приеме у начальника Главного морского штаба генерал-адъютанта князя А.С. Меншикова в Севастополе, а потом отправил еще один рапорт светлейшему князю М.С. Воронцову от 9 января 1854 г. В нем он обстоятельно изложил все проблемы, которые ожидают гарнизоны Черноморской береговой линии после разрыва дипломатических отношений Российской империи с Великобританией и Францией, а также предложил оставить

часть укреплений: «…Вполне сознаю, что интересы России по охранению Черноморской береговой линии стоят несравненно ниже тех, которые тесно связаны с целостью морских сил наших, но интересы эти все же существуют… в случае неизбежности войны с Англией и Францией, необходимо до объявления её заблаговременно снять укрепления средней части береговой линии…» [4, л. 53–53об].

Во время аудиенции у генерал-адъютанта князя А.С. Меншикова вице-адмирал Л.М. Серебряков выяснил, что ему не выделят дополнительные суда, необходимые для погрузки гарнизонов, артиллерийских орудий и имущества. Он мог рассчитывать только на свой немногочисленный флот. Подобный замысел командования в Крыму вызвал у начальника линии множество возражений, которыми он поделился со светлейшим князем М.С. Воронцовым: «…Господин генерал-адъютант князь Меншиков объявил мне, что для спасения укрепления не могут быть назначены никакие из военных судов сверх состоящих в крейсирующей эскадре, но однако этих судов с присоединением к ним кавказских пароходов и транспортов недостаточно для выполнения столько важного и столь трудного предприятия, особливо в зимнее время. Снимая укрепления по одиночке, мы бы подверглись опасности понести большие потери от горцев в последних укреплениях, а если снимать их по нескольку вдруг, то надобно для того и более судов. Сверх того, в зимнее время немного бывает дней удобных для амбаркации войск… к этим причинам надобно прибавить еще и ту, что снятие укреплений должно быть исполнено под прикрытием достаточных сил, чтобы неприятель не перехватил судов наших с войсками и грузами...» [5].

Беспокойство начальника Черноморской береговой линии за судьбу ее гарнизонов и ухудшение международной обстановки заставили русское командование на Кавказе озаботиться проблемой защиты прибрежных укреплений и их возможной эвакуацией. 31 января 1854 г. вице-адмиралу Л.М. Серебрякову было направлено секретное послание, в котором предлагалось изложить план снятия части гарнизонов линии: «Покорнейше прошу... представить мне, сколь можно поспешнее, соображения

Ваши какие полагали бы Вы принять меры, если…, нужно будет приступить к спасению гарнизонов тех укреплений вверенной Вам линии, которые, по мнению Вашему, не могут держаться против неприятеля и которые имея сухопутное сообщение могли бы быть выведены оттуда этим путем…» [6].

Одновременно между Севастополем и Тифлисом начался обмен корреспонденцией. Главным предметом обсуждения была судьба гарнизонов 2-го отделения линии. В секретном письме от 10 февраля 1854 г. к Главнокомандующему отдельным Кавказским корпусом генерал-адъютант князь А.С. Меншиков сообщал, что в нынешней политической обстановке он не может ослаблять имеющийся в его распоряжении флот даже для спасения гарнизонов линии и просил отдать ему кавказские суда, если они не будут задействованы в снятии солдат из укреплений: «…вопрос об упразднении средних укреплений Черноморской береговой линии по настоящее время остается не решенным… я решительно не могу оказать Вице-Адмиралу Серебрякову… деятельной помощи флотом… ежели Вы не намерены снять гарнизоны с меньших укреплений береговой линии, то и присутствие двух фрегатов и двух корветов в Сухуме делается теперь бесполезным, а потому не изволите ли принять за лучшее отправить их в Севастополь...» [7]. Князь все же предложил снять часть гарнизонов линии, воспользовавшись для этого судами, которые стояли в Сухуми: «Суда эти при следовании… могли бы забрать некоторые из гарнизонов не имеющих сухопутных сообщений, и доставить их в Геленджик или Новороссийск…» [8].

Не трудно заметить, что такой план снятия части гарнизонов линии был крайне не приемлем. Он узаконивал оставления части солдат без всякой помощи и надежды на нее перед лицом появления мощного союзного флота. Не имея возможности для спасения, гарнизонные части обрекались на постепенное пленение со стороны войск противника или горцев.

Дискуссии между военными прекращены после вмешательства императора. Он направил рескрипт в Севастополь генерал-адъютанту князю А.С. Меншикову. Государь поручил последнему войти в контакт с вице-адмиралом

Л.М. Серебряковым, чтобы выяснить, какие из фортов береговой линии можно оставить с наименьшими потерями. Император предписывал спасти только людей: «…заклепав или бросив в море орудия, ежели их увезти нельзя, а лафеты, снаряды и прочее, что спасти нельзя, сжечь и подорвать. Людей же перевозить куда легче и ближе в Сухум ли или Новороссийск…» [9].

19 февраля 1854 г. военный министр князь В.А. Долгоруков обратился к начальнику Черноморской береговой линии вице-адмиралу Л.М. Серебрякову с конкретными проектами относительно судьбы укреплений линии: «…Обращаясь к укреплениям 2-го Отделения береговой линии, не имеющим сухопутного сообщения, государь император изволил мне предоставить генерал-адъютанту князю Меншикову войти в прямое сношение с Вами для определения пунктов, которые, к крайнему сожалению, должны быть упразднены…».

Кроме составления списка пунктов, подлежащих к снятию, в отношении были наметки относительно плана спасательной операции: «…По мнению Его Величества, это может быть исполнено только теми судами, которые состоят в распоряжении Вашем… с тем, чтобы снять гарнизоны, орудия же заклепать и бросить в море, а лафеты, снаряды и проч. снять и подорвать, буде окажется невозможным взять их на суда. Перевозка людей в Сухум и Новороссийск зависит от ближайшего рассмотрения Вашего… Что же до Абхазии и 3-го отделения береговой линии, то, по смежности этого края с Мингрелией и Гурией, а также с Имеретией, защита оного входит в общую систему военных действий…» [10].

После получения разрешения на снятие части гарнизонов линии вице-адмирал Л.М. Серебряков составил необходимые проекты и отправил их в Тифлис и Севастополь для согласования и выработки общей позиции. Уже 23 февраля 1854 г. генерал-адъютант князь А.С. Меншиков отреагировал на рапорт вице-адмирала Л.М. Серебрякова, сделав ряд уточнений и предложений относительно плана снятия гарнизонов 2-го отделения.

В частности, он предлагал увеличить крейсирующий флот контр-адмирала П.М. Вукотича за счет судов, которые находились в распоряжении начальника береговой линии. Снятие укреплений 2-го отделения должно было начаться со Св. Духа и вплоть до гарнизона Вельяминовского. Спасенные части направлялись судами в Геленджик, так как он был ближе чем Новороссийск и отсюда можно было добраться до других войск линии. Разгрузив суда, необходимо было вернуться за гарнизонами Тенгинского и Новотроицкого укреплений. Генерал-адъютант князь А.С. Меншиков полагал, что если бы их не удалось почему-либо снять теперь, то для этого всегда можно было бы избрать удобный случай в последствии и совершить эту перевозку кавказскими средствами. Лишние части в Геленджике должны были быть отправлены в Новороссийск сухим путем [11].

В эвакуационных мероприятиях планировали задействовать и азовские баркасы, которые считались полезными при перевозке гарнизонов Тенгинского и Новотроицкого укреплений. Подробно были расписаны и пароходы, которые назначались для проведения спасательной операции. Эта миссия возлагалась на кавказские суда в числе трех пароходов за исключением «Колхиды» и паровую шхуну «Аргонавт». Гарнизон укрепления Гагры должен был отступать сухопутным путем, рассчитывая на помощь из Пицунды. Она была особенно актуальна в случае нападения горцев. Женщины и дети избавлялись от всех опасностей сухопутного передвижения и должны были перевозиться в Пицунду на азовских баркасах вдоль берега [12].

На основании замечаний и предложений генерала-адъютанта князя А.С. Меншикова в конце февраля 1854 г. были разработаны план и инструкции по снятию укреплений Черноморской береговой линии, которые с соблюдением полной секретности были направлены воинским начальникам укреплений, для того чтобы они осуществили все необходимые подготовительные меры. При этом они должны были соблюдать меры строжайшей предосторожности, чтобы об их замыслах не прознали горцы.

Таким образом, к концу февраля 1854 г. подготовка к снятию укреплений линии была завершена. В течение нескольких месяцев этот вопрос был предметом острых дискуссий между Тифлисом, Севастополем и Санкт-Петербургом. Однако стороны нашли приемлемое решение.

Список литературы

1. Зеленев Е.И. Крымская война как хронокультурный вызов. URL: http://magazines.russ.ru/nz/2016/3/krymskaya-vojna-kak-hronokulturnyj-vyzov.html (дата обращения: 12.05.2019); Осиповский С.Н. Вооруженные силы Османской империи в Крымской войне: оценки в прошлом и настоящем // Вестник Волгогр. гос. ун-та. Сер. 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2016. № 6. С. 7–11; Kagarlitsky B., Clarke R. The Crimean War and the World System // Kagarlitsky B., Clarke R. Empire of the Periphery: Russia and the World System. L.; Ann Arbor, 2008. P. 192–199. http://doi.org/10.2307/j.ctt18fs32g.13.

2. Шаповалов С.Н. Состояние I отделения Черноморской береговой линии накануне Крымской (Восточной) войны // Общество: философия, история, культура. Краснодар, 2018. № 8; Планы русского командования в отношении гарнизонов укреплений Черноморской береговой линии в начале Крымской войны // Общество: философия, история, культура. Краснодар, 2019. № 9.

3. Богданович М.И. Восточная война 1853–1856 годов: в 4 т. СПб., 1876. Т. 2.

4. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 260. Оп. 1. Д. 1832.

5. Там же. Л. 54–54об.

6. Там же. Л. 137.

7. Там же. Л. 152об.

8. Там же. Л. 154.

9. Там же. Л. 175.

10. Там же. Л. 248–250.

11. Там же. Л. 206об.

12. Там же. Л. 233–234.

А.П. Скорик, И.М. Федина

СОЦИАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ КАПЕРСТВА АЗОВСКИХ КАЗАКОВ В ПРИЧЕРНОМОРЬЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1860-Х ГОДОВ

В статье рассматриваются вопросы переселенческой политики Российской империи и государственной поддержки каперства азовских казаков на Черноморском побережье Кавказа. Анализируются причины, цели и задачи, этапы осуществления переселения азовских казаков.

Ключевые слова: Азовское казачье войско, земельные угодья, казаки, кочермы, переселение, станицы, укрепления, Черноморское побережье.

A.P. Skorik, I.M. Fedina

SOCIAL PROJECT OF THE PRIVATEERING OF AZOV COSSACKS IN THE BLACK SEA IN THE FIRST HALF OF THE 1860s

The article discusses the issues of the resettlement policy of the Russian Empire and state support for the privateering of the Azov Cossacks on the Black Sea coast of the Caucasus. The reasons, goals and objectives, the stages of the resettlement of the Azov Cossacks are analyzed.

Key words: Azov Cossack army, land, Cossacks, kochermas, resettlement, villages, fortifications, Black Sea coast.

В истории Российской империи известен ряд примечательных сюжетов, связанных с образованием казачьих войск по государственной воле, и такие, по сути, реестровые проекты имели разные исторические результаты. Одним из них стало переселение Азовского казачьего войска в район Анапы и Закубанской области в первой половине 1860-х гг. Азовское казачье войско состояло из бывших запорожских казаков, происходивших из Задунайской Сечи. Они перешли из турецкого подданства под крыло Российской империи, и в 1832 г. правительство сформировало из их числа Азовское казачье войско, территориально расположившееся на Азовском побережье между Бердянском и Мариуполем. Костяк войска составили две станицы Никольская и Покровская, к которым добавился ряд других поселений (станицы Новоспасовская,

Петровская, Стародубовская), в том числе образованные за счёт переселенцев из Черниговской губернии. Главным занятием для азовских казаков являлось каперство, когда они на военных баркасах курсировали вдоль восточных берегов Чёрного моря и отлавливали турецких контрабандистов, пытавшихся переправить партии товаров в обход российских таможенных постов.

Известный кубанский историк Ф.А. Щербина считал, что «азовские казаки представляли собой типичную военную казачью дружину. Они имели жалованную грамоту на знамя за «храбрость и усердие, оказанные при переправе через Дунай 27 мая 1828 года» [1]. Такой военный символ требовал от казаков доброй службы. И правительство им нашло её на Черноморском побережье.

Азовское казачье войско находилось под начальством Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора и управлялось наказным атаманом и войсковой канцелярией. Для внешней государственной службы из казаков сформировали «26 крейсерных команд, находящихся при морских станциях восточного берега Чёрного моря» [2]. По существу, речь идёт о военно-морских базах с активными охранно-разведывательными и таможенными функциями и каперстве азовских казаков. Внутренняя служба азовских казаков включала в себя три элемента: часть казаков из числа служащих (чиновников) привлекалась для нужд внутреннего управления, другая часть казаков входила в учебную команду, и третья часть казаков составляла внутреннюю команду. На военную службу азовские казаки призывались по строгой очередности, и ориентировались в этом деле на правила «Положения об управлении Донского Войска» 1835 г., изложенные в главе шестой «О порядке очередей» (§ 277 – § 304) [3].

В 1850 г. появился проект переселения казаков Азовского казачьего войска на Черноморское побережье Кавказа. Власти предполагали поселить на окружающих Анапу богатых равнинах воинственное народонаселение и «тем удостоить твёрдую опору как правому флангу Кавказской линии, так Черноморской береговой, последствия которой неисчислимы вообще для

прочных успехов наших в этом краю». Причиной выбора азовцев стала особенность их военной службы, накопленный практический опыт морской лоции и знание языка неприятеля: «Азовские казаки привлечены к морю и знакомы с восточным берегом. Многие из них знают турецкий язык» [4]. Азовские морские команды представляли серьёзную угрозу для турецких контрабандистов, а также для мореплавания турецких судов в годы Крымской войны 1853–1856 гг., хотя плавали они на небольших лодках и не имели мощного вооружения на борту [5].

Задачи социального проекта по переселению азовских казаков заключались в осуществлении колонизации закубанских земель, в организации каботажного судоходства, в развитии торговли на новых землях и в обеспечении безопасности прибрежных территорий. Реализовать обозначенные задачи власти полагали возможным в результате переселения казаков в окрестности Анапы, увеличения численности Азовского казачьего войска и продолжения военной каперской службы азовских казаков в районе восточных берегов Чёрного моря. Конечной целью выступало ограничение проникновения небольших парусных турецких судов (кочерм) на новые присоединённые российские земли, ибо кочермы служили не только для транспортных каботажных перевозок, но и для высадки компактного десанта, а такое неприятельское сторожевое око следовало отодвинуть от российской государственной границы.

Проект переселения Азовского казачьего войска получил одобрение императора Николая I, который повелел: «Спросить азовских казаков, не пожелают ли они переселиться в окрестности Анапы, и в случае согласия послать депутатов от Азовского казачьего войска для подробного обзора местности, которая может быть отведена казакам под поселение» [6]. Когда азовским казакам объявили весть о переселении, из них только 664 мужчин изъявили желание и готовность перебраться к Анапе. Тем не менее, распоряжение об отправке депутатов для осмотра мест под переселение выполнили, и под прикрытием небольшого отряда начальник 1-го отделения Черноморской береговой линии, свиты Его Величества контр-адмирал Л.М. Серебряков

(Арцатагорцян) водил депутатов Азовского войска по всему внутреннему пространству земель.

После осмотра мест будущего устройства станиц депутаты от азовских казаков признали хорошее качество новых земель, оценили большие выгоды при их обработке переселенцами, согласились с преимуществами новых земель по сравнению со своим старым местом жительства. Но депутатов не устроил размер территории, отведённой под переселение всего Азовского казачьего войска, поскольку для привычного азовским казакам скотоводства требовались широкие степные просторы. Тем не менее, в итоге депутаты решили, если не хватит земельного пространства для скотоводства, то можно жить хлебопашеством на хороших землях, да и новые занятия не помешает освоить. Выгоды может принести рыбная ловля в лиманах и рукавах Кубани, развитие каботажного судоходства и торговли. Глава экспедиции Л.М. Серебряков предложил оборудовать укрепление на господствующей высоте Султановского кургана, обустроить рядом небольшое поселение, что позволило бы переселенцам не только контролировать окрестности, но и вести наблюдение за дорогой на Анапу.

Вскоре затею с переселением Азовского казачьего войска признали нецелесообразной, и император Николай I отложил возможное решение вопроса. Более того, в качестве переселенцев даже рассматривались другие социальные группы: «Было бы чрезвычайно полезно вызвать и поселить в этих местах особенно по берегу Чёрного моря между Анапой и Новороссийском черноморцев, или албанских греков христианской веры» [7]. Однако под предлогом сложностей с поиском новых охотников для переселения и неоправданного выделения средств решили повременить с осуществлением проекта.

Новый виток в обсуждении проекта по переселению азовских казаков инициировал князь А.И. Барятинский. Как отмечалось в отзыве главнокомандующего Кавказской армией военному министру, генерал-адъютанту Н.О. Сухозанету от 29 декабря 1860 г., «Азовское казачье войско давно уже предполагалось сполна переселить на Кавказ и это можно с особенной пользой

сделать для занятия станицами восточного берега Черного моря при устье главных рек» [8].

В начале 1861 г. азовским казакам определялись места в районе Кавказских предгорий, где территории для переселения примыкают с востока к предгорьям долины реки Шугу, реки Псебес(а) и вершин Госту(а)гая, с южной стороны подходит горное пространство, состоящее из глубоких, но богатых долин Сукко, Дорси, Озерек, Месха. С одобрения императора Александра II и по предложению генерал-фельдмаршала, князя А.И. Барятинского переселение планировалось начать в мае 1861 г., и постепенно в течение 5–6 лет завершить его с учётом военных обстоятельств и с применением двух вариантов: вызова казаков-охотников для переселения и направления казаков по жребию [9].

При обсуждении проекта «Положения об управлении Азовского казачьего войска» в феврале 1862 г. и предложений главнокомандующего Кавказской армией Г.Д. Джамбакуриан-Орбелиани о переселении азовских казаков на Кавказ, Военное министерство пришло к положительному заключению. Переселение необходимо, по мнению Военного министерства, «как в видах общей пользы государственной для окончательного умиротворения Кавказа, так и улучшения быта азовских казаков» [10]. Предложения главнокомандующего Кавказской армией генерал-адъютанта Г.Д. Джамбакуриан-Орбелиани очерчивали масштабы возможного переселения в течение трёх лет. По его мнению, с весны 1862 г. требовалось поселить 100 семей азовских казаков в районе Анапы и 100 семей близ Константиновского укрепления. В 1863 г. водворить ещё 400 семейств по станицам в долинах реки Сукко и реки Озерейка, на месте бывшего Кабардинского укрепления и даже в окрестностях Геленджика. В 1864 г. расселить не менее 200 семейств по морскому берегу южнее Геленджикской бухты. А, если же Азовское войско найдёт возможность выслать для переселения 800 семейств, то без замедления можно нужно принять меры к переселению, не откладывая начатое дело до весны 1864 г. Более того, Военное министерство во главе генерал-адъютантом с Д.А. Милютиным «не находило никаких препятствий к

удовлетворению служивым азовским казакам, изъявившим добровольное желание переселиться на Кавказ, и брать с собой всех без исключения, целыми станичными обществами» [11].

Предполагаемый район для расселения на необустроенном Черноморском побережье воспринимался казаками не очень удобным для проживания из-за природных условий, ведь они ранее там бывали неоднократно [12], как говорится, по долгу своей морской службы. Чтобы заинтересовать азовских казаков в переселении и не вызывать возможных конфликтов на этой почве, Военное министерство решило предоставить большие материальные льготы. Для добровольцев из числа служивших офицерских и казачьих семейств предлагалось выделение земельных участков «в частную собственность, вечную и потомственную, в таком размере, который по местным условиям окажется возможным» (то есть по нраву вольной заимки). Потомственным дворянам и отставным казакам за безупречную двухлетнюю службу в Азовском войске сулили наделение правом на приобретение по установленной цене свободных земель Кубанского казачьего войска в полную собственность в размере соответственно 200 и 30 десятин. Казачий земельный надел-пай по общему правилу Азовского казачьего войска получали: малолетние казаки, достигшие совершеннолетнего возраста; старики, выслужившие срок; казаки, получившие увечья; вдовы с малолетними детьми. Кроме того, каждому семейству из государственной казны на хозяйственное обзаведение отпускались денежные средства: офицерам в размере 285 руб. 71 ½ коп. и казакам по 107 руб. 14 ½ коп. Азовские казаки освобождались на трёхлетний период от несения земских повинностей, получали путевое довольствие и провиант на новом месте (то есть продовольственное снабжение для них осуществлялось за государственный счёт). Причём, в течение нескольких лет предполагалась раздача провианта всем членам семейств, исходя из нормы порционного довольствия по 1-й категории в размере 8 руб. 16 коп на одного человека. Казакам обещали освобождение от любой иной службы, кроме защиты своих станиц, а офицерам гарантировали выплату жалования по чину из усиленного оклада (то есть с надбавкой за сложность и

напряжённость военной службы). Простым обывателям станиц Азовского казачьего войска также предлагалось добровольно переселиться на Кавказ и Черноморское побережье. Разработанный комплекс льготных условий для переселенцев, по мнению военного министерства, подталкивал к тому, что всё население Азовского казачьего войска охотно «примется за устройство своё на Кавказе» [13].

В Государственном архиве Краснодарского края нами обнаружена любопытная переписка Военного министерства с Кавказским начальством о том, каким путём будут следовать азовские казаки на места поселений. Предлагался сухопутный маршрут до города Ставрополя, но всё же более целесообразным сочли морскую переправу на пароходах. С этой целью Новороссийский и Бессарабский генерал-губернатор, граф А.Г. Строганов предписал начальнику Константиновской морской станции (г. Керчь), капитану 1-го ранга А.И. Заводовскому прибыть в город Бердянск к 1 апрелю 1862 г. с тремя паровыми шхунами и корветом для осуществления перевозки азовских казаков со всем их имуществом на Кавказский берег. Чтобы не лишать станичников десятилетиями нажитого «живого имущества», скот решили перегонять сухопутным путём, для чего избрать из среды казаков 20–30 чел. надёжных и семейных людей.

Император Александр II придавал большое значение переселенческой политике на Кавказе, поэтому он повелел Кавказскому начальству обращать внимание на выбор мест для поселения азовских казаков: «Его Величеству будет крайне прискорбно, если они будут водворены на местах совершенно не выгодных для казачьего быта» [14]. Ответственность за расселение азовских казаков на новых местах возложили на генерал-адъютанта, графа Н.И. Евдокимова, занимавшегося тогда покорением территории Западного Кавказа и поддерживавшего проект переселения азовских казаков [15].

Переселяемые азовские казаки имели на вооружении и хорошо владели холодным оружием, и могли приобрести огнестрельное оружие, для чего из специально предоставляемых средств государственной казны выделялись денежные средства в

размере 15 руб. на человека. Нарезные ружья Азовскому казачьему войску отпускались со складов Тульского оружейного завода [16].

В 1862 г. началось переселение азовских казаков, и в приморские станицы Натухайского округа (центр – Константиновское укрепление, будущий город Новороссийск) прибыло 100 семейств. Они поселились при Суджукской бухте, около Константиновского укрепления. На месте бывшей станицы Николаевской, около укрепления Анапы расположились ещё 50 семейств, и в районе станицы Благовещенской (примерно в 25 километрах северо-западнее Анапы), на берегах Кизилташского лимана разместились также 50 семей. Среди переселенцев преобладали казаки станицы Покровской и станицы Никольской Азовского казачьего войска. В том же, 1862 г. два офицерских семейства прибыли в приморские станицы Константиновскую и Анапскую (формально считавшуюся городом уже с 1846 г.). Новые места поселения азовских казаков изобиловали разными угодьями, множеством покосов, хорошими пастбищами, пахотными землями и питьевой водой. Возводимые станицы азовских казаков прикрывались от неприятеля передовыми казачьими станицами, что позволило переселенцам безопасно устраивать свой быт. В станицах Анапской и Константиновской подразделения Адагумского полка уже возвели круговую ограду. В районе станицы Анапской вблизи моря находилось множество разрушенных в результате Крымской войны зданий, поэтому сооружение новых жилищ происходило быстрыми темпами [17]. Переселенцы в станицу Благовещенскую получили широкие пространства для хозяйственного обустройства («по примеру русской деревни»), но от них ожидали добросовестного несения береговой службы, то есть выполнения функций каперства в стычках с турецкими подданными.

На основании представления командующего войсками Одесского военного округа, генерала от инфантерии, графа П.Е. Коцебу в отношении переселяемых на Кавказ и остающихся на прежних местах жительства азовских казаков, император Александр II 6 февраля 1863 г. разрешил переселенцам продавать свои усадьбы вместе с земельными участками в частную

собственность посторонним лицам (не принадлежащим к Азовскому казачьему войску) с правом пользования общими пастбищами. Продажу прочей казачьей земли решили отложить до Высочайшего утверждения указа «Об упразднении Азовского войска», но ликвидацию войска наметили производить постепенно по мере переселения азовских казаков на Кавказ [18].

Решение об упразднении Азовского казачьего войска последовало 11 октября 1865 г. При этом часть азовских казаков осталась жить на прежнем месте, на положении гражданских лиц (поселян) у Азовского моря, а другую часть расселили в кубанских станицах. Процесс ликвидации войскового образования завершился в августе 1866 г. закрытием войсковой канцелярии. Согласно приказу наказного атамана Кубанского казачьего войска, генерал-лейтенанта М.П. Бабича от 6 сентября 1911 г., станицами, образованными казаками бывшего Азовского казачьего войска, считались: Абинская, Азовская, Анапская, Благовещенская, Дербентская, Ильская, Северская, Убинская и Холмская [19].

Таким образом, Азовское казачье войско внесло большой вклад в обеспечение безопасности Черноморского побережья Кавказа, в освоение и заселение территории Кубани. Несмотря на запрет каперства Парижской морской декларацией 1856 г., азовские казаки продолжали им заниматься, а переселение на Черноморское побережье даже поощряло привычную для них военную службу.

Список литературы

1 Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. Екатеринодар, 1913. Т. 2. С. 351.

2. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 252. Д. 617. Т. 1. Л. 55.

3. Положение об управлении Донского войска. Ч. 1, 2 и 3 с прил. к наказу гражданскому управлению штатами и общ. прил. СПб., 1835. С. 92–102.

4. ГАКК. Ф. 260. Оп. 2. Д. 80. Л. 28об.

5. Павлов К.А., Клочков О.Б. Азовские казаки на охране Черноморского побережья Кавказа 1853–1865 гг. // Историческая и социально-образовательная мысль. Краснодар, 2017. Т. 9. № 1–1. С. 75–78.

6. ГАКК. Ф. 260. Оп. 2. Д. 80. Л. 29.

7. ГАКК. Ф. 260. Оп. 2. Д. 80. Л. 34.
8. ГАКК. Ф. 252. Оп. 2. Д. 1. Л. 15 об.
9. ГАКК. Ф. 252. Оп. 2. Д. 617. Т. 1. Л. 1об.
10. ГАКК. Ф. 252. Оп. 2. Д. 617. Т. 1. Л. 1.
11. ГАКК. Ф. 252. Оп. 2. Д. 617. Т. 2. Л. 407.
12. Дукмасов И. О заселении Черноморского побережья Кавказа казачьим войском. М., 1887. С. 29.
13. ГАКК. Ф. 252. Оп. 2. Д. 617. Т. 1. Л. 4об.
14. ГАКК. Ф. 252. Оп. 2. Д. 617. Т. 2. Л. 408.
15. Клычников Ю.Ю. Солдат империи Николай Иванович Евдокимов. Пятигорск, 2019. С. 177–178.
16. ГАКК. Ф. 252. Оп. 2. Д. 617. Т. 2. Л. 408об.
17. ГАКК. Ф. 252. Оп. 2. Д. 617. Т. 1. Л. 167.
18. ГАКК. Ф. 252. Оп. 2. Д. 1278. Л. 145.
19. Фролов Б.Е. Казачество Кубани. Военно-энциклопедический словарь. Краснодар, 2014. С. 10.

С.П. Шендрикова

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ СЕВАСТОПОЛЯ ПОСЛЕ ПРИСОЕДИНЕНИЯ КРЫМА К РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

В данной научной публикации дана ретроспектива реформации социокультурной жизни Севастополя после присоединения полуострова к Российской империи. Основными аспектами выступают вопросы восстановления города после Крымской войны, развития морского порта и дорожно-транспортной системы в целом, а также фрагменты культурной жизни севастопольцев.

Ключевые слова: Крым, Севастополь, присоединение, освоение, развитие, строительство, экономика, культура.

S.P. Shendrikova

SOCIO-CULTURAL ASPECTS IN THE DAILY LIFE OF SEVASTOPOL AFTER JOINING CRIMEA TO THE RUSSIAN EMPIRE

This scientific publication presents a retrospective of the reformation of the socio-cultural life of Sevastopol after the annexation of the peninsula to the Russian Empire. The main aspects are the issues of restoring the city after the Crimean War, the development of the seaport and the road and transport system in general, as well as fragments of the cultural life of Sevastopol.

Key words: Crimea, Sevastopol, accession, development, development, construction, economy, culture.

Значительный прогресс промышленной и социальной сферы Российской империи в пореформенный период сказался на экономическом развитии южных регионов. На тот момент активно осваивался потенциал Крыма, причем одной из важнейших задач в этом вопросе была модернизация инфраструктуры крымских портов. И здесь в первую очередь, на наш взгляд, следует говорить о Севастополе. Одновременно с военным возрождался и коммерческий порт города, занимавший западный берег южной бухты. Если в 1866 г. товарооборот Севастополя и Феодосии исчислялся 2 млн. 799 тыс. 940 руб., то уже в 1880-е гг. среднегодовой товарооборот этих портов вырос до 18 млн. 700 тыс. руб., а к концу XIX в. среднегодовой товарооборот исчислялся более, чем 24 млн. руб. [1, с. 156]. В этой связи грузооборот внутреннего судоходства в денежном выражении увеличился от 6,2 млн. руб. до 21 млн. руб. [2, с. 120]. Кроме того, 1875 г. для Таврической губернии был ознаменован пуском в эксплуатацию первой железной дороги, которая обеспечивала сообщение от станции Лозовая (современная Харьковская область в Украине) в Севастополь. Это открывало широкие перспективы для развития российской военно-морской базы и всего южного побережья.

В рамках изменений в административной вертикали власти в 1873 г. было создано севастопольское градоначальство. 17 января 1881 г. на имя Таврического губернатора направилось распоряжение главы департамента полиции барона И. Велио, в котором согласно выше утвержденного 12 октября 1874 г. «Устава военных сборов» предписывалось следующее: «На устройство маскарадов и драматических представлений Военные Собрания обязаны испросить разрешение местного полицейского начальника, причем на сцене дозволяется только постановка пьес, разрешенных цензорами драматических сочинений при Главном Управлении по делам печати и без всяких отступлений от дозволенных цензурой оригиналов». Кроме того, при исполнении на музыкальных вечерах или концертах музыкальных пьес, не

опубликованных в прессе, необходимо было получить разрешение местного цензурного учреждения. Кроме этого на каждый спектакль для представителя полиции необходимо было в зрительном зале устанавливать кресло [3, л. 215].

Бурное развитие экономики страны в целом, и Крыма в частности, проникновение на территорию полуострова идей русской культуры и образованности, распространение научных знаний и модных веяний в жизни общества того времени превратили полуостров в один из центров культурной жизни юга России. Становление Крыма как курорта относится именно ко второй половине XIX в. Одновременно с этим имело место и развитие театра, особенно в приморских городах Таврической губернии. Сюда в этот период на гастроли хотели попасть многие профессиональные театральные труппы.

Вторая половина XIX в. для Севастополя ознаменовалась не только восстановлением города после разрушительных последствий обороны во время Крымской войны. Благодаря усилиям А. Бертье-Делагарда был оборудован первый водопровод в Севастополе, спланированы Приморский и Военный бульвары, восстановлено после Крымской войны Адмиралтейство. Прогрессивные тенденции экономического развития Российской империи, которые имели место под влиянием реформ 1860–1870 гг., для Крыма в первую очередь отразились на развитии железнодорожного и водного транспорта. Привлекательность Севастополя как курорта, повышенное внимание к нему представителей столичной верхушки и интеллигенции привели к сближению периферии с центрами культурной жизни государства. Это стало результатом популяризации Севастополя среди высокопрофессиональных трупп из крупных городов России.

В начале XX в. Севастополь был одним из крупнейших и развитых городов Таврической губернии как в промышленно-экономическом, так и в культурном аспектах. Если после Крымской войны население города составляло 5 тыс. чел., то через 19 лет – 11 тыс., через 30 лет – 25,3 тыс.; в 1895 г. количество жителей достигло довоенного уровня. В 1900 г. в нём проживало уже около 60 тыс. чел. [4, с. 11]. Развитие торгово-

промышленного комплекса обусловило внушительный подъем торговли. Севастополь стал крупным экономическим центром Юга России.

Подводя итоги, следует сказать, что урбанистические процессы в городах Крыма происходили в тесной зависимости от важнейших социально-экономических и политических преобразований после присоединения полуострова к Российской империи. Ярким проявлением этого стала реорганизация административного устройства края, проведенная в XVIII – начале XIX вв. Возрастающий интерес на рубеже XVIII – XIX вв. со стороны российских властей и общества к полуострову, объяснялся природным потенциалом Крыма в контексте туристской отрасли. Активное развитие Севастополя в середине XIX в. было вызвано особым статусом города в лице ведущей военно-морской базы. Всё это привело к тому, что государственные и частные инвестиции вкладывались в развитие городов Крыма и края в целом.

Список литературы

1. Надинский П.Н. Очерки по истории Крыма. Симферополь, 1951. Ч. 1.

2. История городов и сел УССР: в 26 т. Т. 26. Крымская обл. / пред. редкол. Л.Д. Солодовник. Киев, 1974.

3. Государственный архив Республики Крым. Ф. 197. Оп. 1. Д. 412 Симферопольского полицмейстера бумаги по разным предметам: прошения, рапорты, объявления, заявления. О разрешении к постановке украинских пьес за 1881 г. на 952 листах.

4. Иванов В.Б. Севастополь. Историческая летопись, 1783–2008 гг. Севастополь, 2008.

Г.А. Нагаева

МЕСТНЫЕ ОРГАНЫ ВЛАСТИ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ГОРОДА (НА ПРИМЕРЕ Г. НОВОРОССИЙСКА ПЕРИОДА 1867–1920 ГГ.)

В предлагаемой статье предпринята попытка анализа работы Новороссийской полиции и городской Управы в 1867–1920 гг. Статья написана на основе архивного материала, который позволяет дать объективную оценку уровню развития местного самоуправления в Новороссийске в рассматриваемый период.

Ключевые слова: право, полиция, местное самоуправление, управа.

G.A. Nagaeva

LOCAL AUTHORITIES OF THE PROVINCIAL CITIES (ON THE EXAMPLE OF THE CITY OF NOVOROSSIYSK PERIOD 1867–1920)

The proposed article attempts to analyze the work of the Novorossiysk police and town council in 1867–1920. The article written on the basis of archival material, which allows us to give an objective assessment of the level of development of local self-government in Novorossiysk in the period under review.

Key words: law, police, local self-government, town council.

Летопись современного города Новороссийска началась 180 лет назад, высадкой 12 сентября 1838 г. в Цемесской бухте десанта под командованием генерала Н.Н. Раевского. Город был упразднен в 1860 г. вследствие поражения России в Крымской войне.

10 марта 1866 г. император Александр II утвердил «Положение о заселении Черноморского округа и управления оным», согласно которому на северо-восточном берегу Черного моря учреждались портовые города Анапа и Новороссийск. Сельские поселения в данном районе получали наименование Черноморских прибрежных поселений. Города и поселения временно до образования местных органов власти подчинялись начальнику Кубанской области, а в административном отношении образовывали Черноморский округ, входящий в состав земель Кавказского края [1].

25 января 1867 г. исполняющим делами начальника Черноморского округа был назначен полковник Дмитрий Васильевич Пиленко. Окружным центром новой административной единицы стал г. Новороссийск [2].

15 февраля 1867 г. по распоряжению Главного управления наместника Кавказского была создана Новороссийская городская полиция, которая, совместно с двумя избранными депутатами, ведала делами внутренней жизни до образования городских Управы и Думы.

Выборы депутатов впервые в Новороссийске были проведены в 1868 г. [3]. Для проведения выборов составлялся именной список всех городских обывателей, имеющих право участвовать в выборах. А такое право имели те горожане, имущество которых оценивалось комиссией из полиции не менее одной тысячи рублей [4].

Первыми в списке значились женатые, имеющие детей, затем женатые бездетные, а потом вдовцы и неженатые [5].

Распорядительная часть городской полиции сосредотачивалась в лице полицмейстера. Полицейская канцелярия вначале состояла из одного секретаря.

В связи с пребыванием населения в г. Новороссийск по указу Главного управления наместника Кавказского в 1867 г. сначала была утверждена должность пристава [6].

Впоследствии в связи с тем, что полицмейстер в силу своих обязанностей не имел достаточно времени для деятельного участия в полицейской канцелярии, которая состояла из одного секретаря, была введена еще должность делопроизводителя [7].

По мере развития города увеличивался и штат городской полиции. К концу 1876 г. аппарат полицейского управления стал состоять из: полицмейстера, пристава, секретаря полиции, помощника секретаря, помощника пристава. По вольному найму набирали до 4 писцов [8].

Непосредственную службу в городе осуществляла полицейская команда из 2 унтер-офицеров и 8 рядовых [9]. Впоследствии команда из низших чинов увеличилась до 20 чел. [10]. Также в городской полиции помимо вольнонаемных писцов были и вольнонаемные служащие [11].

Полицейское управление городом возглавлялось полицмейстером, ему подчинялись все полицейские чины и учреждения города. Основными задачами городской полиции были проведение в жизнь политики правительства, исполнение распоряжений высших властей, судебных приговоров, организация охраны и порядка в городе, осуществление развития городского хозяйства и культуры.

Чины городской полиции снабжались зимней и летней формой [12]. За выслугу лет им полагалось прибавочное

жалованье в размере одного штатного оклада [13]. Жалованье выплачивалось и городским депутатам [14].

Помещение для городской полиции, его команды и арестантов брали в наем по контракту [15].

После образования в 1896 г. Черноморской губернии на базе существовавшего Черноморского округа Кубанской области г. Новороссийск стал центром губернии [16, с. 13].

С введением нового Городового Положения 1 января 1896 г. в г. Новороссийске была учреждена Городская Дума, исполнительным органом которой стала городская Управа, являвшаяся распорядительным органом по отношению к подчиненным ей лицам и учреждения [17].

Основными задачами городской Управы были: организация внутренней жизни города и городского хозяйства, проведение в жизнь политики правительства, обеспечение жителей города необходимыми продуктами и коммунально-бытовыми услугами, поддержание общественного порядка.

Все дела по хозяйственной части города перешли из городской полиции в ведение Управы [18]. В ее компетенцию входило решение следующих вопросов: об устройстве фабрик и заводов, коммерческой пристани, железной дороги, вокзала, скотобойни, городского сада, летнего театра, благотворительной лотереи; об открытии больницы, организации пожарного обоза; о расширении границ города; об учреждении и содержании училищ, прогимназий, школ, банка, библиотеки; о выдаче паспортов и свидетельств на вступление в законные браки; о причислении к купеческому сословию; об отводе земельных участков под виноградные и фруктовые сады, под постройку жилых домов; об отдаче городской земли в арендное содержание, о ведении торговли и др. [19].

В своей деятельности Управа руководствовалась городовым положением, утвержденном в 1872 г. и «Временными правилами Новороссийской городской Управы», утвержденными городской Думой в 1902 г. В 1906 г. «Временными правила» были заменены «Инструкцией Новороссийской городской Управы».

Во главе Управы стоял городской голова, избираемый, как и члены Управы, из числа гласных на заседании городской Думы на определенный срок [3, с. 155–158].

Для руководства различными отраслями городского хозяйства были образованы отделы, каждый из которых возглавлялся членом Управы. Распорядительный отдел ведал выборами в общественные учреждения [20]. Финансовый отдел занимался составлением смет доходов и расходов, хранением всех денежных документов, инвентаризацией городского имущества, денежными средствами, принадлежащими городу, занимался сбором податей и размещением займов.

Торгово-хозяйственный отдел отвечал за устройство и содержание базаров, обеспечение продовольствия, извозный промысел, озеленение улиц, содержание городских питомников, соблюдение правил торговли и цен на продукты, занимался отводом земельных участков.

Техническо-строительный отдел ведал надзором за постройками, ремонтом городских зданий, составлением проектов и смет на постройку зданий, прокладкой телеграфной и телефонной связи, строительством дорог, площадей, мостов и другими техническими вопросами.

Воинско-паспортный отдел выдавал паспорта и составлял поименные и призывные списки, курировал городские богоугодные и благотворительные заведения, городские больницы и другие лечебные учреждения. После 1906 г. функциональные отделы стали называться исполнительными комиссиями.

В последующие годы были образованы новые комиссии: в 1914 г. – врачебно-санитарная, земельная, по городскому благоустройству, в 1916 г. созданы продовольственная комиссия, жилищно-примирительная камера, комиссия по заготовке топлива. В апреле 1917 г. комиссия продовольственная и по заготовке топлива были объединены в комиссию по продовольствию и топливу. В аппарате городской Управы также находились канцелярия, счетоводство, архив.

После свержения Николая II, в период с марта по ноябрь 1917 г. в состав городской Управы входили, помимо членов

Управы, избранных из числа гласных Думы, также по 5 представителей от комитета общественной безопасности и от Совета рабочих и солдатских депутатов.

В это время городской Управе подчинялось и вновь созданная народная милиция; сама городская Управа подчинялась Главному управлению местного хозяйства МВД Временного правительства.

В связи с тем, что в декабре 1917 г. в Новороссийске была установлена Советская власть, в марте 1918 г. городская Управа известила исполком Новороссийского Совета рабочих и солдатских депутатов о сложении своих полномочий. Ее функции перешли к отделу городского хозяйства при Новороссийском окружном исполкоме Совета рабочих и солдатских депутатов.

В августе 1918 г., после занятия Новороссийска Добровольческой армии А.И. Деникина, органы советской власти были упразднены, и городская Управа возобновила свою деятельность.

С этого времени до конца марта 1920 г. Управа подчинялась отделу местного самоуправления Черноморского губернского управления.

После изгнания белогвардейцев из Новороссийска городская Управа была ликвидирована без восстановления. В Новороссийске начал действовать окружной революционный комитет, образованный на основании приказа по Кавказскому фронту [21].

Таким образом, в компетенцию Новороссийской городской полиции до образования городской Думы и Управы входило не только решение судебно-полицейских вопросов, но и контроль всех сфер жизни губернского города. Затем данные функции перешли городской Думе. В результате анализа архивных документов, можно сделать вывод, что органы городского самоуправления и полиция действовали организованно и слаженно. Это не означает, что все решения данных органов власти имели положительный результат, и у Новороссийска не было внутренних проблем.

Список литературы

1. Черкасов А.А. Положение о заселении Черноморского округа и управления оным // Вестник Сочинского отделения РОИА «Время и документы». Вып. 1. URL: http://edemkavkaza.ru/historycat/469-pozcho.html (дата обращения: 09.12.2018).
2. Персоны Новороссийска: большой иллюстрированный биографический словарь / под ред. С.Г. Новикова. Новороссийск, 2017. С. 392.
3. Нагаева Г.А., Вишневецкая В.В. Деятельность Новороссийской Городской думы в дореволюционный период // Международный научно-исследовательский журнал. Екатеринбург, 2016. № 8–1 (50). С. 155–158.
4. Управление архива муниципального образования г. Новороссийск (далее УАМОН). Ф. 4. Оп. 1. Д. 1. Л. 56.
5. Там же. Д. 6. Л. 9; Д. 8. Л. 8.
6. Там же. Ф. 4. Оп. 1. Предисловие к описи. Л. 1.
7. Там же. Д. 3. Л. 30.
8. Там же. Ф. 4. Оп. 1. Предисловие к описи. Л. 1.
9. Там же. Д. 146. Л. 10-11,14,17; Д. 187. Л. 91–92.
10. Там же. Д. 33. Л. 65,185,199.
11. Там же. Д. 185. Л. 10.
12. Там же. Д. 179. Л. 46–47.
13. Там же. Д. 136. Л. 52 об.
14. Там же. Д. 185. Л. 10.
15. Там же. Д. 21. Л. 10; Д. 136. Л. 57 об.
16. Нагаева Г.А. Женщины в социокультурном пространстве Черноморской губернии: конец XIX – начало XX вв. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Астрахань, 2008.
17. УАМОН. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.
18. Там же. Д. 192. Л. 277; Д. 527. Л. 356.
19. Там же. Ф. 2. Оп. 1. Предисловие к описи. Л. 3.
20. Там же. Л. 1.
21. Там же. Л. 2.

Е.А. Марков

Н.В. ВЕРЕЩАГИН: ОН НАУЧИЛ РОССИЮ ДЕЛАТЬ СЫР И МАСЛО…

Имя Николая Васильевича Верещагина было широко известно в дореволюционной России. Он заслужил признание, как основоположник российской молочной промышленности, создатель новой отрасли народного хозяйства – «масло- и сыроделие», инициатор кооперативного движения в сельском хозяйстве. В советское время о его заслугах

предпочиталось не вспоминать. Но в современной России имя Н.В. Верещагина вновь обрело заслуженное признание, в его честь был назван старейший в нашей стране Вологодский молочный институт (ныне Вологодская государственная молочно-хозяйственная академия им. Н.В. Верещагина).

Ключевые слова: Николай Васильевич Верещагин, Череповец, молочное производство, сыроварение.

E.A. Markov

N.V. VERESCHAGIN: HE TAUGHT RUSSIA MAKE CHEESE AND OIL...

The name of Nikolai V. Vereshchagin was widely known in pre-revolutionary Russia. He earned recognition as the creator of a new branch of the national economy – “butter and cheese making”, the initiator of the cooperative movement in agriculture in Russia. In Soviet Union, his merits were preferred not to be remembered. But in modern Russia, the name of Nikolai V. Vereshchagin regained its well-deserved recognition, the oldest in our country Vologda Dairy Institute (now the Vologda State Dairy and Economics Academy named after N.V. Vereshchagin) was named in his honor.

Key words: Nikolai V. Vereshchagin, Cherepovets, butter and cheese making.

Семья провинциальных дворян Верещагиных из уездного города Череповца, что находился в свое время в Новгородской губернии, дала России двух личностей, получивших известность и признание не только в своей стране, но и в мире. Это были два брата Верещагины – Николай Васильевич и Василий Васильевич. Василий Верещагин стал всесветно известным художником – баталистом, показавшим в своих живописных работах трагическую изнанку любой войны с ее трагедиями. Николай Верещагин получил всероссийское признание как «отец русского сыроделия и маслоделия», а также как инициатор массового кооперативного движения в России, что способствовало ее экономическому развитию.

О великом художнике-баталисте Василии Васильевиче Верещагине написано много книг и статей. Еще при жизни он стал знаменитым живописцем, его выставки с ошеломляющим успехом проходили в разных странах мира. Николай Васильевич

был не настолько известен, как именитый брат, но дело, которым он занимался всю свою жизнь, предопределило путь развития сельскохозяйственного производства в России, что положительно отразилось на судьбе русского крестьянства.

Жизненный путь двух братьев был трудным и извилистым. Детство у братьев было коротким. По настоянию отца, предводителя уездного дворянства, написавшего соответствующее прошение на имя государя, оба они еще в подростковом возрасте (Коле было 10, а Васе – всего 7 лет) были зачислены в Морской кадетский корпус в г. Санкт-Петербурге. Отец не мыслил для своих сыновей иной карьеры, нежели как военной. Поступление в привилегированное учебное заведение открывало для братьев блестящие перспективы на военно-морском поприще. Но, как вскоре выяснилось, у начинающих военных были совсем другие устремления. Николая больше интересовали естественные науки и сельское хозяйство, а Василия – художественное творчество.

Тем не менее, братья успешно осваивали морское дело и не числились в отстающих. В мае 1854 г. шестнадцатилетним юношей Николай закончил обучение в корпусе и стал гардемарином, а уже в сентябре того же года – унтер-офицером. Молодой военный моряк даже успел поучаствовать в морском сражении. В 1856 г. Верещагин отличился в боевых действиях на Восточном рейде у Толбухина маяка, за что был награжден медалью «В память Восточной (Крымской) войны 1853–1856 гг.» на Андреевской ленте.

В том же году ему был пожалован первый офицерский чин мичмана. Одним словом, военная карьера начиналась удачно, но молодой морской офицер выбирает другую сферу деятельности.

Получив разрешение командования, он посещает в качестве вольнослушателя курсы на естественном факультете Санкт-Петербургского университета. Находясь под воздействием прослушанных лекций, он решает посвятить свою жизнь развитию сельского хозяйства, а именно – такой его отрасли, как скотоводство, потому что именно в улучшении дел в этой отрасли он видел рецепт повышения благосостояния крестьянства северных губерний.

Средством, которое может улучшить положение дел в крестьянских хозяйствах, он считал сыроварение. Начав реализовывать свои идеи, он не представлял, сколько трудностей встретит на этом пути. В России сыроварение было развито мало. В основном, в этой отрасли правили бал иностранцы, которые не хотели делиться с русскими своими секретами. Николай Верещагин отправляется обучаться тонкостям дела за границу, в Швейцарию, и знакомится там с организацией молочного дела и сыроварения, которые действуют на артельных началах. То есть, крестьяне сдают молоко в артельную сыроварню, а затем получают от проданной готовой продукции свою долю прибыли. Эта идея настолько увлекла Верещагина, что он решил привить ее и на родной русской почве.

В короткой статье трудно перечислить все трудности, которые пришлось преодолеть Николаю Васильевичу на пути вовлечения русского крестьянства в производство сыра и сливочного масла на кооперативных началах. Но ценой огромного труда, который можно, без преувеличения, назвать подвижничеством, ему это все же удалось. Николай Верещагин, при поддержке Вольного экономического общества (членом которого был и Дмитрий Менделеев, с которым он близко познакомился и получил от него живую поддержку) создал целую сеть сыроварен и маслоделен в Тверской губернии. Хорошо понимая, что для развития отрасли нужны специалисты, он открывает в с. Едимоново (Тверская область) первую в России школу по подготовке мастеров и организаторов молочного дела. Идея открытия этой школы, хотя и не сразу, но была поддержана правительством. За время своего существования в течение 30 лет, в школе было подготовлено 1200 специалистов молочного дела, благодаря которым эта отрасль получила эффективное развитие. Русский сыр и изобретенное Верещагиным особое сливочное масло, производившееся из свежих кипяченых сливок, стали популярными и привычными в качестве продуктов питания не только на внутреннем российском рынке, но и за границей. Как писал сам Николай Васильевич: «В России сыр начинают есть за завтраком и за обедом даже небогатые люди» [1].

Заслуги Николая Верещагина в развитии молочного дела трудно переоценить. Вот лишь перечисление того, к чему он приложил свои усилия:

- благодаря своей популяризаторской деятельности (сотни статей в периодических изданиях) и энтузиазму своих учеников, молочные заводы открываются в Ярославской, Костромской, Новгородской, Вологодской, Вятской областях. Затем артельное движение распространяется на Сибирь и Северный Кавказ. Юг России и, в особенности, Северный Кавказ, становятся важнейшими центрами по производству швейцарского сыра. В особенности, производство твердых сортов сыра стало быстро развиваться на Северном Кавказе, поскольку климатические условия на Кавказе и в Швейцарии похожи и долго созревающие (твердые) сыры получались там отменного качества. Развитие сыроделия и маслоделия в южных районах России способствовало развитию в целом сельского хозяйства в этом регионе;

- добивается производства на железоделательных заводах специальной, изобретенной им лично, молочной посуды;

- при поддержке правительства решает вопросы использования железнодорожного и морского транспорта с целью быстрой доставки готовой продукции в различные районы России и в зарубежные страны;

- работал над выявлением высокопродуктивных пород молочного скота местных пород;

- выдвинул идею создания в России высших учебных заведений по подготовке специалистов молочного дела.

«До начала деятельности Верещагина Россия практически не вывозила в Европу сливочного масла. В 1897 году его экспорт составил более 500 тыс. пуд. на сумму 5,5 млн руб., а в 1905 г. – уже 2,5 млн пуд. на сумму 30 млн руб. … ежегодный экспорт масла давал государственной казне в 1900-е гг. столько же прибыли, сколько все золотые прииски России» [1].

Деятельность Николая Васильевича получила еще при жизни заслуженное признание. Продукция русского молочного производства демонстрировалась на многих выставках. Первую золотую медаль за высокое качество продукции Верещагин

получил на Тверской выставке в 1867 г., а вторую – на выставке в Петербурге в 1870 г. На Лондонской выставке в 1880 г. русский сыр был отмечен экспертами как самый лучший. По этому случаю Верещагин получил золотую и три серебряных медали. К 1895 г. образцы продукции артельного хозяйства Н. Верещагина получили 19 золотых и серебряных медалей [2]. Продукция русского молочного производства демонстрировалась на Всероссийской и международной выставках в Петербурге в 1899 г., на Всемирной выставке в Париже в 1900 г., а также в Вене и снова в Лондоне. И везде она получала высокие оценки.

Нельзя не отметить и такую черту личности Николая Верещагина, как полное отсутствие желания заработать деньги на своих проектах, хотя, безусловно, такие возможности у него были. Он вкладывал свои личные деньги в деятельность школы молочного хозяйства в с. Едимоново, посылал за границу за свои личные средства обучаться учеников, оплачивал производственные расходы артельных молочных заводов. В результате Николай Васильевич скончался, отягощенный долгами, отдав все свои силы делу развития молочного хозяйства в России. Вот что написал в некрологе по поводу кончины своего учителя профессор А.А. Калантар[1]: «Верещагин за почти полстолетие деятельности, давшей богатство стране, сам умер в нищете, не оставив семье ни родного угла, ни средств к жизни, то как велико должно быть наше благоговение перед памятью того, который родил новое детище русского народного хозяйства...» [3].

Список литературы

1. Подвижник молочного дела Н.В. Верещагин. URL: https://www.booksite.ru/lichnosty/index/ (дата обращения: 02.09.2019).

2. История российского предпринимательства. М., 2015.

3. Известные вологжане. Верещагин Н.В. URL: https://www.vologda-oblast.ru/o_regione/izvestnye_vologzhane/291959/

[1] Ученик Н.В. Верещагина, закончивший Московскую сельскохозяйственную академию и ставший впоследствии профессором первого в России высшего учебного заведения молочно-хозяйственного профиля (сегодня это Вологодская государственная молочно-хозяйственная академия им. Н.В. Верещагина).

Т.П. Назарова, О.Ю. Редькина

ВКЛАД МЕННОНИТОВ В РАЗВИТИЕ КООПЕРАЦИИ В ТАВРИЧЕСКОЙ ГУБЕРНИИ: НА МАТЕРИАЛАХ СПАТСКОГО ОБЩЕСТВА ВЗАИМНОГО КРЕДИТА (1912–1916 ГГ.)[1]

В статье рассматривается работа общества взаимного кредита с. Спат (Таврическая губерния, Крым), которое являлось центром общины братских меннонитов. Кооператив был основан меннонитами с. Спат, но не являлся замкнутым в национальном плане. Членами кооператива были немцы, украинцы, евреи, русские, болгары, татары. Доказана успешность деятельности Спатского кредитного кооператива на протяжении 1912–1916 гг.

Ключевые слова: меннониты, Крым, Спат, кооперация, общества взаимного кредита.

T.P. Nazarova, O.Yu. Redkina

CONTRIBUTIONOFMENNONITESTO THE DEVELOPMENT OF COOPERATION: ON MATERIALS OF THE SPATIAN SOCIETY OF MUTUAL CREDIT (1912–1916)

The article discusses the work of a mutual credit society with. Spat (Tauric province, Crimea), which was the center of the community of Brotherhood Mennonites. The cooperative was founded by Mennonites. Spat, but was not closed nationally. The cooperative members were Germans, Ukrainians, Jews, Russians, Bulgarians, Tatars. The success of the Spat credit Cooperative during the years 1912–1916 was proved.

Key words: Mennonites, Crimea, Spat, cooperation, mutual credit societies.

Меннониты составляли одну из зажиточных протестантских общин Таврической губернии в начале XX в. Вклад данной этноконфессиональной группы в развитие сельского хозяйства, промышленного производства, связанного с производством сельскохозяйственных машин, мукомольным производством и другими отраслями пищевой промышленности неоднократно отмечался в трудах отечественных и зарубежных историков [1].

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-09-00574.

Однако участие меннонитов в развитии кооперативного движения в Причерноморье, создание смешанных в национальном и религиозном планах обществ взаимного кредита в научной литературе до настоящего времени оставалось определенной лакуной.

По мнению Т.В. Лоховой, на Юге Российской империи, ранее других регионов, стали образовываться финансовые учреждения взаимного кредита; создана полная трехуровневая система функционирования мелкого кредита, состоящая из ссудо-сберегательных и кредитных товариществ, земских и губернских касс, их объединений в форме Союзов, на базе которых далее мог образоваться собственный Банк учреждений мелкого кредита [2, с. 113]. В Таврической губернии в 1914 г. действовали 25 Обществ взаимного кредита [2, с. 114]. Ялтинское Общество взаимного кредита (основано в 1872 г.) в 1906 г. имело складочный капитал в 123727 руб., запасный – 52073 руб., прибыль за 1905 г. – 24429, 03 руб. [2, с. 116].

В фонде Департамента окладных сборов Министерства Финансов Российского государственного исторического архива (Ф. 573) сохранились отчеты Спатского Общества взаимного кредита за период апреля 1912 г. – января 1916 г. В начале XX в. Спат (в наст. время пгт. Гвардейское Симферопольского района, Республика Крым) был поселением, где проживали меннониты, относящиеся к братской общине. Согласно отчетам, Общество взаимного кредита открыло свои действия 10 апреля 1912 г. В состав администрации общества входили Совет, Правление, Ревизионная комиссия. Председателем Совета был избран Гиберт Иоганн Мартынович, членами Совета стали: Таганский Иса мурза, Эйзенбраун Адам Яковлевич, Мойсеенко Иван Евтихиевич, Младенов Иван Федорович, Борер Христиан Венделинович, кандидат – Валл Николай Корнелиусович. Председателем Правления стал Шнейдер Георгий Иванович, членами: Эдигер Давид Петрович, Безлер Роберт Христианович; членами Ревизионной комиссии: Янцен Корнелиус Даниилович, Яблонский Родилон Евстафиевич, Иванов Абрам Демьянович, кандидат – Леткеман Яков Яковлевич. В Приемный комитет вошли: Тайганский Али Мурза, Лангеман Яков Иоганнович,

Гиберт Иоганн Яковлевич, Тайганский Зекирья Мурза, Младенов Григорий Федорович, Кравченко Иосиф Васильевич, Унрау Петр Давидович, Мойсеенко Евтихий Демьянович, Мюльбах Людвиг Христианович, Файст Венделин Николаевич, Шлее Николай Фердинандович, Бородин Петр Васильевич, Валл Петр Корнелиусович, Кравченко Лаврентий Васильевич, Шнейдер Гейнрих Иванович [3, л. 113 об]. Анализ фамилий членов Совета, Правления, Ревизионной комиссии, приемного комитета показывает, что в руководящие органы входили лица различной национальной принадлежности – меннониты, русские, украинцы, татары, болгары, евреи. Однако подавляющее большинство составляют фамилии меннонитов. Такой многонациональный состав членов сохранялся в Спатском обществе до 1916 г.

Общий оборот по всем операциям Спатского общества взаимного кредита за 1912 г. составил 2268518 руб. 14 коп. К 10 апреля 1912 г. в нем состояло 128 членов-учредителей (капитал обеспечения – 240600 руб.) В течение года в число членов общества вступило 114 (капитал обеспечения – 87850 руб.) Всего – 328450 руб. В течение года выбыл из числа членов – 1 человек (1000 руб.). На 1 января 1913 г. состояло 241 член (352350 руб.). Ответственность членов обеспечивалась личною благонадежностью. Члены общества по роду их занятия подразделялись на землевладельцев – сельских хозяев (199 чел. с суммой открытого кредита в 274950 руб.), торговцев и промышленников (29 чел. с кредитом 65200 руб.), состоящих на государственной и общественной и частной службе (8 чел. с кредитом в 7700 руб.), лиц свободных профессий и пр. (5 чел. с кредитом в 4500 руб.). Всего 241 член с кредитом в 352350 руб. Членские взносы составляли 500 руб. Выдавались ссуды в течение года на сумму в 30196,25 руб. [3, л. 114–114 об]. Таким образом, подавляющее большинство членов общества составляли зажиточные землевладельцы, каковыми и были меннониты в Таврической губернии.

Текущие расходы в 1912 г. производились по утвержденной смете, включали жалование председателю и 2 членам правления – 1649,99 руб., служащим – 1800 руб., сторожу – 133,28 руб. Расходы 1913 г. были сокращены: включали только жалование

председателю и 2 членам правления – 550 руб. Больше никому не платили. Баланс на 1-е января 1913 г. подписал бухгалтер В.П. Пизелли. Ревизионная комиссия пришла к заключению, что счетные книги велись правильно и аккуратно, убыток за 1912 г. в сумме 1393,61 руб. был закономерен. Отмечая в общем хорошее ведение дела, комиссия предлагала Общему собранию выразить благодарность Дирекции и служащим [3, л. 115–116, 120]. В течение 1913 г. депутаты имели 12 заседаний, рассматривали ежемесячные и годовую отчетности правления, обсуждали дела и вопросы, касающиеся деятельности общества, проверяли размеры открытых кредитов, ревизовали наличность кассы и вексельные портфели [5, л. 124].

Пост председателя Совета в 1913 г. занял Шлее Николай Фердинандович, членами Совета стали Гиберт Иоганн Мартынович, Эйзенбраун Адам Яковлевич, Младенов Иван Федорович, Тайганский Иса Мурза, Мойсеенко Иван Евтихиевич, Борер Христиан Венделинович, Безлер Роберт Христианович, Тейхриб Даниил Даниилович, кандидатом – Валл Николай Корнелиусович (выбыл). Председателем Правления стал Шнейдер Георгий Иванович, членами правления – Эдигер Давид Петрович (выбыл), Гиберт Иоганн Яковлевич. Ревизионная комиссия состояла из Яблонского Родиона Евстафиевича, Иванова Абрама Демьяновича, Леткемана Якова Яковлевича и кандидатов Младенова Николая Григорьевича, Фишера Давида Давидовича. В Приемный комитет входили Тайганский Али Мурза, Тайганский Зекирья Мурза, Младенов Григорий Федорович, Унрау Петр Давидович, Мойсеенко Евтихий Демьянович, Мюльбах Людвиг Христианович, Бородин Петр Васильевич, Валл Петр Корнелиусович, Кравченко Лаврентий Васильевич, Шнейдер Гейнрих Иванович, Костиненко Захарий Матвеевич, Буковский Петр Владимирович, Лангеман Мартын Мартынович, Гиберт Иоганн Яковлевич, Фаст Исаак Иоганнович, Вильмс Петр Петрович [4, л. 123 об].

Общий оборот по всем операциям Общества за 1913 г. составил 4 210752 руб. 54 коп. На 1 января 1913 г. в кооперативе состоял 241 член. В течение года в число членов общества вступил 41 человек (капитал обеспечения – 71000 руб.). Всего

423350 руб. капитала. В течение года выбыли из числа членов 14 человек (45850 руб. капитала). На 1 января 1914 г. состояло 268 членов с открытым вексельным кредитом 377500 руб. Члены общества подразделялись по роду их занятий на: сельских хозяев – 226 члена с суммой открытого кредита в 300600 руб., домовладельцев – 1 член (1000 руб.), торговцев и промышленников – 27 членов с кредитом 64200 руб., мелких ремесленников – 1 член (500 руб.), состоящих на государственной и общественной и частной службе – 8 членов (6700 руб.), лиц свободных профессий и пр. – 5 членов (4500 руб.). Обществом был открыт счет в Симферопольском отделении Санкт-Петербургского Международного Коммерческого Банка [4, л. 126 об].

В докладе Совета Правления Спатского Общества взаимного кредита очередному общему собранию членов общества подчеркивалось, что неоправданные надежды Совета и правления на прибыль достаточную для покрытия дефицита 1912 г. является следствием отрицательного отношения Акционерных банков к обществам взаимного кредита, выразившихся в закрытии контокоррентных счетов, отсутствие кредитов в Государственном и Центральном банках. Из-за такого отношения для привлечения капитала пришлось увеличить процент по текущим счетам. Результатом всего вышесказанного и явилась столь незначительная прибыль. С другой стороны, Совет Правления полагал, что это не дает повода смотреть на дело мрачно, а наоборот, хотя и незначительная прибыль, но полученная при столь неблагоприятных условиях, с несомненностью указывает, что дело, хотя и медленно, но все же развивается и прогрессирует. Это подтверждало сравнение баланса на 25 февраля 1914 г. с балансом за тот же период времени в 1913 г. Доход возрос на 2200 руб. [5, л. 125].

В отчете Спатского Общества взаимного кредита за 1915 г. отмечены перемены в административном аппарате. В Совете Правления отсутствовал председатель. Членами Совета были Унрау Петр Давидович, Елкин Федор Антонович, Младенов Григорий Федорович, Младенов Николай Григорьевич, Вильмс Петр Петрович, Поклонский Сергей Герасимович. Председателем

Правления стал Шнейдер Георгий Иванович, членами правления: Тейхриб Даниил Даниилович, Гиберт Иоганн Яковлевич. В Ревизионную комиссию входили: Иванов Авраам Демьянович, Павличенко Григорий Филиппович, Фаст Исаак Иоганнович, Госсен Иоганн Петрович; в Приемный комитет: Внуков Филипп Михайлович, Бородин Петр Васильевич, Кравченко Лаврентий Васильевич, Нинов Иван Данилович, Янцен Исбранд Иоганнович, Павличенко Григорий Филиппович, Классен Герман Яковлевич, Сайбель Иоганнес Филиппович, Литтау Карл Георгиевич, Тайганский Зекирья Мурза [6, л. 135 об].

Общий оборот по всем операциям Общества за 1915 г. составлял 2280937 руб. 56 (коп.) – [6, л. 136], то есть резко уменьшился за полтора года Первой мировой войны. С другой стороны, общество продолжало оставаться довольно крупным по объему своих оборотов и количеству членов. На 1 января 1915 г. в нем состояло 254 членов (капитал обеспечения – 353500 руб.). В течение года в число членов общества вступило 3 человека (капитал обеспечения – 2500 руб.). Общий капитал составил 356000 руб. В течение года выбыли из числа членов 31 чел. (46500 руб.). На 1 января 1916 г. состояло 226 членов с открытым вексельным кредитом в 309500 руб. [6, л. 136]. Социальный состав кредитного кооператива изменился минимально. В нем по-прежнему преобладали сельские хозяева: 198 членов с суммой открытого кредита в 238700 руб.; домовладельцев – 1 член (1000 руб.), торговцев и промышленников – 19 членов с кредитом 63600 руб., состоящих на государственной и общественной и частной службе– 5 членов (3700 руб.), лиц свободных профессий – 3 члена (2500 руб.) [6, л. 137]. Размер членских взносов не менялся: на 1 января 1915 г. и на 1 января 1916 г. составлял 1000 руб.Текущие расходы в годы войны выросли, включали жалование председателю и 2 членам правления – 1429,17 руб., служащим – 1986,66 руб. [6, л. 138]. В 1915 г. убыток в деятельности Общества составил 4056,54 руб. [6, л. 142]. Доклад Ревизионной комиссии за 1915 г. отсутствовал.

Таким образом, в 1912–1916 гг. в Спате успешно действовало многонациональное общество взаимного кредита, подавляющее большинство членов которого составляли меннониты. Данный

кооператив объединял в основном зажиточных землевладельцев и небольшую часть торговцев, промышленников, лиц, состоявших на государственной и общественной службе, лиц свободных профессий. В целом наблюдается устойчивое в финансовом плане положение кооператива, которое достигалось за счет внутренних резервов. Война явно ухудшила финансовую составляющую в деятельности Общества. В 1915 г. общие обороты упали до уровня 1912 г., т.е. к моменту его основания, когда численность членов была почти в два раза ниже. С другой стороны, социальный состав членов практически не изменился, количество членов кооператива уменьшилось незначительно. Подавляющее большинство членов были меннонитами, которые не подлежали призыву в армию. Это обстоятельство позволило Спатскому Обществу взаимного кредита оставаться достаточно крупным кредитным товариществом для Таврической губернии в начале XX в.

Список литературы

1. Назарова Т.П., Редькина О.Ю. Меннониты Крыма в отечественной историографии // Мировые научно-технологические тенденции социально-экономического развития АПК и сельских территорий: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 75-летию окончания Сталинградской битвы, Волгоград, 31 янв. – 2 февр. 2018 г. Волгоград, 2018. Т. 5. С. 65–70.

2. Лохова Т.П. Финансовые и кредитные учреждения Причерноморья в конце XIX – начале XX в. // История и современное развитие Причерноморья в контексте формирования патриотизма и укрепления ценностей российской цивилизации: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Краснодар, 2018. С. 112–117.

3. Спатское общество взаимного кредита. 1912. 1-й отчетный год // РГИА. Ф. 573. Оп. 20. Д. 3824. Л. 112–121.

4. Спатское общество взаимного кредита. 1913. 2-й отчетный год // РГИА. Ф. 573. Оп. 20. Д. 3824. Л. 122–133.

5. Доклад Совета Правления Спатского Общества взаимного кредита очередному общему собранию членов общества // РГИА. Ф. 573. Оп. 20. Д. 3824. Л. 124–125 (вкладка).

6. Годовой отчет Спатского общества взаимного кредита за 1915 год // РГИА. Ф. 573. Оп. 20. Д. 3824. Л. 134–144.

Н.Н. Разумная

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КОНТРРАЗВЕДКИ НА ТЕРРИТОРИИ ОДЕССКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА В 1914–1917 ГГ.

В статье автор рассматривает основные направления деятельности контрразведки на территории Одесского военного округа в годы Первой мировой войны на основе материалов Государственного архива ДНР.

Ключевые слова: шпионаж, Первая мировая война, контрразведка.

N.N. Razumnaya

COUNTERINTELLIGENCE ACTIVITIES IN THE TERRITORY OF ODESSA MILITARY DISTRICT IN 1914–1917

This article is devoted to study of counterintelligence activity in First World War period. Author considers the main activities of counterintelligence in the territory of the Odessa Postal and Telegraph District during the First World War based on materials from the State Archive of the DPR.

Key words: espionage, First World War, counterintelligence.

В настоящее время все больше исследователей посвящает свои публикации вопросам, связанным с изучением истории Первой мировой войны. При этом проблема деятельности контрразведки и осуществление определенных мероприятий связанных с этим вопросом на территории Одесского почтово-телеграфного округа практически не изучена. Данной проблеме посвящены работы М. Косого и И. Мироновой [1]. Исследователи изучили деятельность военной цензуры в Петрограде и на территории Одесского почтово-телеграфного округа. К сожалению, в работах не изучен вопрос о деятельности контрразведки на территории Одесского почтово-телеграфного округа.

Цель исследования – выявить основные направления деятельности контрразведки на территории Одесского почтово-телеграфного округа в годы Первой мировой войны на основе материалов Государственного архива ДНР.

В связи с началом Первой мировой войны на территории России появляется целый ряд проблем, среди которых была и деятельность шпионов, диверсантов, разведывательных групп. Поэтому необходимо было принятие эффективные меры

противодействия шпионажу на территории каждого военного округа в пределах империи. Уже 19 июля 1914 г. начальник полевого штаба армии генерал-майор Шинкевич телеграммой за № 16 уведомил Екатеринославского губернатора, что командующий армией приказал: «немедленно установить предварительную военную цензуру повременных изданий и телеграмм, отправляемых за границу на местах расположения войск». Кроме того, цензуре подлежали телеграммы, отправляемые за границу из мест, где войск не было. Разрешалось пропускать телеграммы только на французском и немецком языках, на других нет. Внутренние телеграммы досматривались жандармскими властями на территории каждой губернии, или поступали на рассмотрение администрации. Телеграммы военного содержания подлежали цензуре ближайшего военного цензора. Почта с гербовой печатью частей войск, управлений, учреждений пропускалась без цензуры. Начальникам гарнизонов было дано распоряжение не принимать частные цифровые телеграммы за границу. Дополнительно сообщалось местопребывание военных цензоров [3, л. 85].

Вследствие распоряжения Командующего армией 26 июля 1914 г. начальникам Екатеринославского губернского жандармского управления в Бахмутском и Славяносербском уездах было дано распоряжение, что на чинов Корпуса жандармов была возложена цензура внутренних телеграфных сообщений. На основании этого все телеграммы сомнительного и условного содержания секретно передавали для цензуры по телеграфу в г. Луганск [3, л. 86].

По уведомлению штаба Киевского военного округа от 15 сентября 1914 г. за № 217, германские разведывательные структуры дали своим агентам в некоторых губерниях России для сообщения по телеграфу шпионских сведений, следующие условные выражения: покупает – войска прибыли в известный пункт, продано – прошли через известный пункт, без перемен – остались в известном пункте; поднимаются – идут на запад; падают – идут на юг; уступают – идут по направлению к Торну; по немного уступают – по направлению к Иллово. Усиливался досмотр и цензура почтовых отправлений и телеграмм,

адресованных в следующие пункты: Варна, Бургас, Рущук, Гриждень, Константинополь, анатолийские города, Аккерман, Бирзула, Ренн, Измаил, Кима, Киев, Копенгаген [3, л. 112]. Среди прочего, указывались адреса для направления шпионских донесений: среди них назывался Копенгаген [3, л. 109]. 23 сентября 1914 г. в дополнение к циркулярам от 19 и 22 августа 1915 г. и 20 сентября сообщалось, что сведения отправляемые, по адресу Копенгаген «пост Рестант» 296 отправляется шпионская корреспонденция для некоего Макфахи [3, л. 102]. Было установлено особое наблюдение за корреспонденцией, направляемой в г. Варну и адресованной Гофману и Терцету агенту австрийского Ллойда, при этом вся корреспонденция, адресованная в указанный город и идущая из него должна была направляться не распечатанной в военно-цензурную комиссию в г. Одессу [3, л. 123].

По сообщению начальника штаба Одесского Военного округа от 23 августа 1914 г. за № 270, арестованный в Гомеле по подозрению в военном шпионаже австрийский подданный, оказался капитаном 19 пехотного Ландверного Австрийского полка Карл Брокгафон к данному им показанию добавил, что по распоряжению штаба 10-го армейского австрийского корпуса разведчики, командированные в Россию, должны были сообщать собираемые ими сведения телеграммами условного содержания. Сведения следовало сообщать именами, первые буквы которых обозначали: К – кавалерия, Л – лошадей, М – материал, А – артиллерия, Г – всех родов оружие. Сведения о числе поездов отправленных по известному направлению сообщались следующим образом: «через столько-то часов выезжаю туда-то» часы означали число поездов. Служащие почтово-телеграфных учреждений должны были обращать внимание на все телеграммы подобного содержания, в случае подачи подобных телеграмм шпионами, принимались меры к задержанию агентов и сообщалась информация местным военным чинам или полицейским властям [3, л. 88].

Всем начальникам почтовых почтово-телеграфных учреждений Одесского военного округа от 3 сентября 1914 г. было отправлено распоряжение о необходимости установления

особого наблюдения за корреспонденцией, направленной в г. Берн (Швейцария) и г. Улеаборг (Финляндия). Всю корреспонденцию в указанные города и из них направляли не распечатанной в Одессу для дальнейшего изучения [3, л. 98].

По распоряжению начальника Главного управления почты и телеграфов было предложено начальникам учреждений в случае получения из-за границы почтовых отправлений, адресованным на имя бывших германских консульств и коммерческих агентов сохранять и докладывать о них местным военным властям [3, л. 110].

Военно-цензурная комиссия Одесского военного округа уведомила Начальника Екатеринославского почтово-телеграфного округа 14 октября 1914 г. Циркуляром № 303, что сербскому дипломату Шайновичу, едущему с особым поручением в г. Одессу разрешено общаться с сербским правительством и сербской миссией в г. Петрограде шифрованными телеграммами. Отдельно оговаривалось, что письменные сообщения на денежных переводах за границу должны были пересматриваться военным цензором [3, л. 123].

В условиях военного времени и введения предварительной военной цензуры от Пристава Донецких Сантуриновских заводов в Бахмутском уезде было получено распоряжение 9 августа 1914 г. за № 9171 в котором все телеграммы отправляемые частными и должностными лицами касающиеся войны надлежало присылать для досмотра [3, л. 87]. 18 апреля 1915 г. поступило распоряжение в связи с особым значением Бахмутского, Славяносербского, Мариупольского уездов как заводско-промышленных районов принять соответствующие меры по борьбе с возможными диверсиями и шпионажем. Временно командующий войсками Московского военного округа посчитал необходимым установить в этих уездах военную цензуру почтово-телеграфных отправлений и открыть там следующие цензурные конторы: в городах Бахмуте, Луганске, Мариуполе на ст. Дебальцево и в пос. Юзовка с назначением в этих пунктах военных цензоров из почтово-телеграфных чинов [3, л. 149]. Поэтому все международные и внутренние телеграммы по специально секретным предприятиям,

шифрованные, условные и вообще непонятные и подозрительные по содержанию следовало отправлять на дальнейшее изучение военному цензору. Кроме того, на особый досмотр направляли всю идущую за границу и из-за границы заказную, простую, страховую и почтовую корреспонденцию. Вызывала подозрение корреспонденция идущая из действующей армии в возможно большем количестве и поступающую по секретным предписаниям.

Письма подозрительные по содержанию и на немецком языке направлялись в Одесскую почтовую контору в комиссию Одесского военного округа [3, л. 122, 131]. Туда же направляли всю корреспонденцию, адресованную в Софию на имя конторы «Русский импорт» [3, л. 140].

13 мая 1915 г. всем начальникам почтово-телеграфных учреждений на территории округа поступила информация о том, что переписка австрийских шпионов, поступала в Киев и Одессу адресату Василию Теодореску до востребования. Было установлено, что шпионы пользовались конвертами с подкладкой из цветной бумаги, под которой на внутренней стороне конверта химическими чернилами излагались данные. Такими же чернилами сообщались и сведения во внутренних полях газет пересылаемых по почте и перевозимых при себе [3, л. 173].

Бюро по организации австрийского шпионажа в России руководил австрийский генерал-подполковник Дзинковский, капитан Валентин и обер-лейтенант Давид Финк. Бюро находилось в Вене, а агентов направляли в Киев, Харьков, Сарны, Казатин, Вильно, Ковно, Гродно и Варшаву. По сведениям штаба IX-й армии в секретном сообщении от 8 июля 1915 г. из Бухареста в Харьков были командированы австрийскими шпионами 3 жонглера – китайца из Бухареста и Ясс и 18 девушек – шансонетных певиц. Кроме того, в Варшаву было направлено 2 балалаечника, один из них, Закимевский, служил ранее в Вене в цирке Шумань. Они были снабжены особыми чернилами (белый бесцветный порошок), чтобы прочитать такое письмо его покрывали секретным составом. Все агенты девушки, китайцы-жонглеры, балалайщики посылались на один раз в специально намеченные для них пункты. Вторично командировать в Россию

их не планировалось. Было дано указание немедленно принять меры к наблюдению и дальнейшему задержанию корреспонденции, отправленной в Румынию [3, л. 190].

По имеющимся сведениям иностранные шпионы, которых посылали в разведку в тыл русской армии немецким штабом, пользовались следующими кодами для общения с агентом резидентом в Копенгагене: гвардия – Груня, стрелки – Санин, пехота – Петровский, кавалерия – Кумаров, артиллерия – Акимов, полк – домовой № плюс 27, дивизия – квартирный № плюс 12, корпус – площадь № плюс ничего, 1 час – Андрей, 2 часа – Андреевич, 3 часа – Андреев [3, л. 205].

Вся международная корреспонденция подлежала обязательному просмотру военной цензурой. Ближайшие цензурные пункты на территории округа находились в следующих городах: Александровске, Бахмуте, Верхнеднепровске, Екатеринославе, Луганске, Мариуполе, Новомосковске, Павлограде, Лозовой, Синельниково, Никополе, Дебальцево, Юзовке и Кременчуге [3, л. 228]. Проверке подлежали и абонентские почтовые ящики, поскольку ими также могли воспользоваться шпионы [3, л. 238].

В связи с прибытием в Одессу и в район расположения VII-й армии новых войсковых частей в октябре 1915 г. было приказано установить самое тщательное цензурное наблюдение за тем, чтобы в письмах и телеграммах, особенно отправленных из Одессы, куда бы то ни было, не помещались сведения о переменах в составе войск армии или появлении военных начальствующих лиц [3, л. 267].

19 декабря 1915 г. по имеющимся сведениям, Люблинская (австро-венгерская) и Виленская (германские) разведывательные школы командировали в Россию 13 человек, снабженных ручными бомбами для покушения на Высочайшем смотре и для подрыва мостов троих человек: Эельмон, Гутбриахер, Тайба-Муцмахер [3, л. 292].

В феврале 1916 г. совершенно секретно сообщалась информация о том, что германский посланник в Швеции фон Люциус являлся агентом по организации шпионажа в России. Искал лиц, которые могли бы доставить в Россию холерные

бациллы, для отравления водоемов, при этом переписывались с живущими агентами в Риге, Киеве и Одессе. Указывался один из адресов, на который Люциус получал корреспонденцию из России: Стокгольм, Дроникг, Гатон 19. Графу. Всю почтовую и телеграфную корреспонденцию, направленную по этому адресу задерживали и отправляли начальнику контрразведывательного отделения штаба Киевского военного округа [3, л. 327].

Было замечено, что на почтовых карточках в незаполненных местах помещалась шпионская информация, написанная химическими чернилами [3, л. 368]. По имеющимся сведениям в июле 1916 г. из России в Румынию под видом галстуков ожидалась пересылка, в коробке с двойным дном, документов шпионского характера, для австрийского посланника в Бухаресте [3, л. 389].

По распоряжению военных властей от 14 сентября 1916 г., все проходящие через границу частные телеграммы, кроме газетных и действительно полезных для союзников подлежали систематическому задержанию сроком: до 5 суток для Греции, до 2 суток для Испании, Норвегии, Швеции, Персии и Китая и на 18 часов отправленные в остальные страны. Телеграммы, адресованные в союзные немецкие государства, задержанию не подлежали [3, л. 417].

7 октября 1916 г. по распоряжению военных властей всю почтовую и телеграфную корреспонденцию на имя заподозренного в шпионстве служащего Всероссийского Земского Союза Моисея Марковича Лента задерживали и направляли начальнику контрразведывательного отделения штаба Одесского военного округа [3, л. 418]. По распоряжению от 30 июня 1917 г. в связи с предполагающимся открытием отдельных контрразведывательных пунктов в г. Елисаветграде, Симферополе, Екатеринославе, Балте, Александровске и Голте, начальник контрразведывательного отделения Штаба Одесского военного округа просил об отправке начальникам названных пунктов, корреспонденции частных лиц для дальнейшего просмотра [3, л. 468].

Таким образом, просмотр и изучение почтовой корреспонденции было вполне законным и было вызвано

необходимостью борьбы с военным шпионажем и диверсантами на территории Одесского военного округа. В конце 1917 г. советское правительство отменило военную цензуру и заменило её на военный почтовый контроль.

Список литературы

1. Косой М. Военная цензура почтовой корреспонденции Петрограда в годы первой мировой войны // Советский коллекционер. 1987. № 24.

2. Миронова И.С. Военная цензура почтовой корреспонденции Одесского военного округа в период первой мировой войны // Историческая и социально-образовательная мысль. Краснодар, 2014. № 1 (23) С. 54–57.

3. Государственный архив ДНР. Ф. 96 Оп. 1. Д. 1. Циркуляры начальника Екатеринославского почтово-телеграфного округа о задержке изданий, согласно прилагаемых перечней, корреспонденции за границу, из-за границы и по указанным адресам, воззваний к действующей армии, листков об отобрании земель у немецких колонистов.

В.И. Петров

АСПЕКТЫ КОМПЛЕКТОВАНИЯ И ВООРУЖЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АРМИИ НА КАВКАЗСКОМ ФРОНТЕ В ХОДЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Состав и комплектование армии России на Кавказском фронте в годы Первой мировой войны является важным аспектом изучения военной истории. Вооружение российской армии на Кавказе в 1914–1917 гг. учитывало особенности обеспеченности противника, а также особенности рельефа местности и климата.

Ключевые слова: Туркестанские корпуса, отдельные соединения, пехотные дивизии, казачьи дивизии, крепости, военная авиация.

V.I. Petrov

ASPECTS OF PACKING AND WEAPONS OF THE RUSSIAN ARMY ON THE CAUCASUS FRONT IN THE COURSE OF THE FIRST WORLD WAR

The composition and manning of the Russian army on the Caucasian front during the First world war is an important aspect of the study of military history. The armament of the Russian army in the Caucasus in 1914-1917 took into account the peculiarities of the security of the enemy, as well as the terrain and climate.

Key words: Turkestan corps, a separate connection, infantry division, a Cossack division, fortress, military aviation.

Изучение истории Первой мировой войны и, особенно, изучение обеспечения армии России на Кавказском фронте сегодня является необходимым условием для понимания особенностей Кавказского региона как театра военных действий. Сложности транспортной логистики и рельефа местности остро отразились на действиях Кавказской армии в 1914–1917 гг.

Ещё до подписания манифеста об объявлении войны в ответ на телеграфное донесение о нападении турецкого флота на Черноморское побережье, главнокомандующий Кавказской армией генерал-адъютант граф Воронцов-Дашков получил от Николая II телеграмму с указанием об объявлении войны Турции и с приказом начать военные действия, после чего 19 октября (1 ноября) отдал приказ войскам перейти границу и атаковать турок [1, с. 47]. 20 октября (2 ноября) Россия объявила войну Турции. Ответное объявление войны последовало 29 октября (11 ноября). Турция вступила в войну в октябре 1914 г. Так возник Кавказский ТВД. К началу военных действий Кавказская армия включала в свой состав 1-й Кавказский, 2-й Туркестанский корпуса и отдельные соединения: 66-ю пехотную дивизию, две казачьи дивизии, две бригады и другие части. Общая численность Кавказской армии составляла 153 батальона, 175 сотен, 12 саперных рот, 350 полевых орудий и 5 батальонов крепостной артиллерии. Всего свыше 170 тыс. чел. Русская армия опиралась на крепости Карс и Батум. На Кавказский фронт в спешном порядке были направлены кубанские, терские конные и пластунские казачьи части, а также полки и батареи оренбургских и сибирских казаков. Вскоре они громко заявили о себе в ходе упорных боев под Сонамаром, Хоросаном и особенно хорошо проявили лучшие боевые качества во время сражения под Саракамышем. С наилучшей стороны в этом сражении и последующем контрнаступлении показали себя казаки 1-го и 2-го Сибирских казачьих полков, 2-й Оренбургской казачьей батареи, 2-й Кубанской пластунской бригады (7-й и 12-й пластунские батальоны, 1-й Лабинский казачий полк, 5-я Кубанская казачья

батарея, сотня 3-го Кавказского полка), 3-го, 4-го и 6-го батальонов 1-й Кубанской пластунской бригады. За проявленные отличия эти казачьи части получили в награду почетных шефов из числа членов императорской семьи. Хорошо действовали в это время и кубанские казаки 1-го Уманского казачьего полка 1-й Кавказской казачьей дивизии. К концу 1914 г. в действующей армии находилось свыше 180 тыс. казаков и 4 тыс. казачьих офицеров. К этому времени было мобилизовано более половины всех казаков призывного возраста. В тяжёлых и кровопролитных сражениях 1915 г. казачьи полки и дивизии бросались на самые ответственные и опасные участки.

При рассмотрении вооружения, организации обороны и наступления наших войск необходимо обратить внимание на основные крепости России на Кавказском фронте. Стратегическое значение имела крепость Карс. С 1878 г. Карс был сильно укреплен. Основное его вооружение состояло из: 9 8-дюймовых облегченных пушек образца 1877 г., 58 6-дюймовых пушек в 190 пудов, 24 6-дюймовых пушек в 120 пудов, 30 42-линейных пушек, 32 8-дюймовых мортир обр. 1877 г., 4 8-дюймовых мортир обр. 1867 г., 54 6-дюймовых полевых мортир, 17 6-дюймовых крепостных мортир и 48 полупудовых гладких медных мортир. В качестве противоштурмовой артиллерии в крепости было 20 76-мм пушек обр. 1900 г., 40 76-мм противоштурмовых пушек обр. 1910 г., 416 полевых пушек обр. 1877 г., 64 полевые пушки обр. 1867 т. и 18 капонирных 57-мм пушек. Итого 834 орудия [2, с. 22].

Большое значение для дислокации войск армии России имел Батум (Михайловская крепость). Крепость Батум в 1909 г. решил упразднить военный министр В.А. Сухомлинов. Приказ венного министра к началу войны, к счастью, не успели выполнить. Были только демонтированы и вывезены тяжелые береговые орудия: шестнадцать 11-дюймовых пушек. На 1 ноября 1915 г. в составе береговой артиллерии Батума насчитывалось: 4 152/45-мм пушки Кане, 18 6-дюймовых пушек в 190 пудов на станках Дурляхера, 12 57-мм пушек Норденфельда и 22 9-дюймовые береговые мортиры обр. 1877 г. С суши Батум защищали крепостные орудия: 6 42-линейных пушек, 6 8-дюймовых пушек обр. 1867 г.,

21 6-дюймовая полевая мортира и 20 полупудовых гладких мортир. В качестве противоштурмовых орудий использовалось 109 полевых пушек образца 1877 г. и 8 2,5-дюймовых горных пушек обр. 1883 г. Итого 226 орудий. Первая же крупная операция – Сарыкамышская 09.12.1914 г. – 04.01.1915 г. была для русских оборонительной, но принесла большую стратегическую победу. Имея 120 тыс. штыков и сабель против 150 тыс. у турок, русское командование перешло от обороны к наступлению, разжало кольцо окружения и уничтожило «обходное крыло» противника [3, с. 147]. Турецкая 3-я армия потеряла 90 тыс. чел. и свыше 60 орудий, была обескровлена. Османская империя лишилась трети своих вооруженных сил. Причем русский Кавказский фронт сковал 11 пехотных дивизий противника – две трети его действующей армии, что облегчало задачу англичанам в Месопотамии и в районе Суэцкого канала.

Особенно интересным при изучении Кавказского фронта являлся факт использования авиационных отрядов для разведки и атак с воздуха. Зимой (в декабре) 1914 г. в Карс прибыл пятый Сибирский авиационный отряд под командованием А.С. Тихоцкого. С января 1915 г. командиром Карского авиаотряда назначен штабс-капитан Б.Н. Кутовой. В октябре 1915 г. отряд переименован в 1-й Кавказский АО (приказ Начальника Штаба Верховного Главнокомандующего № 117 от 07.10.1915 г.), а в марте 1916 г. еще раз переименован, теперь в 3-й Кавказский АО (Приказ Начальника Штаба Верховного Главнокомандующего № 117 от 16.03.1916 г.). Задачей отряда была разведка расположения 2-й турецкой кавалерийской дивизии 11-го корпуса. С 19 февраля начались боевые вылеты самолетов с авиаплощадки крепости Карс. На приморском направлении на крепость Михайловскую (крепость Батум) вылетали 2 самолета под командованием поручика Т.Я. Заболоцкого. В дальнейшем авиационный отряд крепости Карс был пополнен летчиками Садовниковым, Дацкевичем, Долинским, Заинчковским, Купатадзе, Тимофеевым, Вайвариным, Мейером [4, с. 112].

К концу 1915 г. на вооружении Кавказской армии имелось 10 аэропланов в составе двух авиаотрядов. Аэропланы были

различных модификаций: «Вуазен», «Ньюпорт», «Фарман», «Моран-парасоли». Для общего командования отрядами была введена должность Заведующего организацией авиационного дела в Кавказской армии с назначением на нее подполковника князя Н.Н. Баратова, помимо этого для технического обслуживания была создана полурота под командованием штаб-капитана К. Василевского.

Для обеспечения летными кадрами авиационных частей Кавказа в Тифлисе в начале октября 1915 г. была открыта авиационная школа, а также в мае 1915 г. на Кавказ отдельным эшелоном прибыла группа от Военной Гатчинской авиационной школы под командованием капитана Л. Дацкевича. Гатчинцы расположились на аэродроме Навтлук под Тифлисом [5, с. 418, 423].

После появления на Кавказском фронте в апреле 1916 г. 7-й турецкой авиационной роты, прибывшей с Дарданел, была создана Тифлисская авиационная рота в июне 1916 г. Тифлисская авиация российской армии вела успешные разведывательные полеты над озером Ван и прилегающими высотами, где обнаружила турецкие окопы на значительной высоте – до 2800 метров над уровнем моря [6]. Фактически вся авиация Кавказского фронта России была объединена в авиадивизион (Приказ № 1010 НШВГ от 29.07.1916 г. о добавлении штаб-офицера и радиста телеграфа в отдельную группу Кавказской авивции) [7, л. 66]. На 1 марта 1917 г. во всех имеющихся четырех авиаотрядах на Кавказском фронте насчитывалось 23 боеспособных самолета, в числе которых 2 новых скоростных истребителя «Ньюпорт XXI» [5, с. 433]. Но в связи удалением аэродромов от базы в Карсе в глубину турецкой территории к весне 1917 г. возникла проблема с ремонтом и техническим обслуживанием самолетов. Для этого командование фронтом создало подвижную ремонтную базу в Эрзеруме и отдельные легкие мастерские в каждом авиаотряде. В июне 1917 г. в Кавказской армии (в четырех авиаотрядах) действовал 21 боевой самолет, в том числе 7 «Ваузенов» и 5 «Моран-парасолей», в общей сложности на боевом дежурстве находилось 28 летчиков из 32 штатных мест [8, л. 297].

После Октябрьской революции командование Кавказской армии направило Военному комиссару Временного правительства специальный рапорт по реорганизации и сохранению кавказских авиационных частей посредством вывода аэродромов на территорию Армении и Грузии. Не дожидаясь приказа (а Временное правительство было низложено) началось перебазирование через Эрзерумский и Карский аэродромы в Тифлис. С декабря 1917 г. по январь 1918 г. три Кавказских авиаотряда (1-й, 2-й, и 4-й) были выведены с территории Турции на Навтлугский аэродром под Тифлисом. Остатки технического отряда прибыли под Тифлис 6 февраля 1918 г. Третий авиаотряд (убыл с аэродрома Гейдерабаде) пострадал от мусаватистов во время следования поездом, погибли летчики и наблюдатели. Так дашнаки сформировали свой армянский национальный авиационный отряд. Командование авиационными силами Кавказского фронта в итоге нанесло ущерб национальным интересам России как и многие военноначальники белогвардейских войск на момент эмиграции.

Отдельной страницей истории Кавказского фронта можно считать факт существования 5 авиаотрядов гидроавиации. Гидросамолеты Кавказского фронта уже с 1914 года начали выполнять транспортные функции и несли охрану береговой линии Кавказа [9, с. 70]. Особенно надо отметить боевое участие авиатранспортов в марте 1915 г. по блокировке Босфорского пролива и блокаде территории угольного района Османии – Зонгулдака [10, с. 220]. Помимо этого с марта по июнь 1916 г. гидроавиация была применена в районах Мепаври, Атина, Ризе, Трапезунда и Хамуркана [11, с. 59]. Гидросамолеты осуществляли разведку на Черном море на предмет обнаружения подводных лодок Германии и минных заграждений, а также конвоирование судов [12, с. 112]. Отряды гидроавиации (морские самолеты «М-9») базировались в Кавказском районе, а также в районе Батума, Ризе, Платана и в отряде кораблей особого назначения. Кроме того два авиаотряда было расположено в Бакинском районе (город Порт-Петровск, ныне Махачкала). Авиация императорской России прекратила свое существование одновременно со «старой» армией к началу 1918 г. Возрождение

и дальнейшее развитие, как авиации, так и всей армии страны теперь легло на плечи Военно-революционного комитета, который сразу создал первые красноармейские авиаотряды, которые возглавила Всероссийская коллегия по управлению Воздушным флотом Республики, созданная 2 января (20 декабря 1917 г.) 1918 г., а 28 (15) января 1918 г. был принят Декрет СНК об организации Рабоче-крестьянской Красной Армии (РККА).

Таким образом, своевременное формирование фронта общей численностью Кавказской армии уже на начало военных действий свыше 170 тысяч человек и использование казачьих войск позволило сразу же в 1914 г. прочно стабилизировать военно-стратегическую ситуацию на Юге России. В новый Кавказский фронт в спешном порядке были направлены кубанские, терские конные и пластунские казачьи части, а также полки и батареи оренбургских и сибирских казаков. Весьма успешным оказалось применение авиации на Кавказе с 1915 по 1917 гг. Всё это позволило армии России успешно сдерживать противника на Кавказском фронте и развивать наступление на территории Турции.

Литература

1. Масловский Е.В. Мировая война на Кавказском фронте, 1914–1917 г.: стратегический очерк. М., 2015. С. 47.

2. Корсун Н.Г. Первая мировая война на Кавказском фронте. М., 1946. С. 22; Allen W.E.D., Muratoff P.P. Caucasian Battlefields: A History of the Wars on the Turco-Caucasian Border. 1828–1921. Cambridge, 1953. P. 242.

3. Корсун Н.Г. Сарыкамышская операция. М., 1937. С. 147.

4. Авиаторы – кавалеры ордена Святого Георгия и Георгиевского оружия периода Первой мировой войны 1914–1918 годов: Биографический справочник / сост. М.С. Некшин, В.М. Шабанов. М., 2006. С. 112.

5. Бычков В.Н. Летопись авиации и воздухоплавания. М., 2006. С. 418, 423.

6. Четинэрлер Э. http://www.tayyarcei.com (дата обращения: 25.10.2016).

7. РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 637. Л. 66.

8. РГВИА. Ф. 493. Оп. 2. Д. 56. Л. 297.

9. Новиков Н. Операция флота против берега на Черном море в 1914–1917 гг. III изд. М., 1937. С. 70.

10. Там же. С. 220.

11. Корсун Н.Г. Первая мировая война на Кавказском фронте. М., 1946. С. 59.
12. Анощенко Н.Д. Война в воздухе. М., 1923. С. 112.

Р.Ю. Басте

ИЗ ПРОШЛОГО АУЛА ПАНАХЕС

Рассматривается история образования, социально-экономическое и культурное развитие а. Панахес, расположенного в Тахтамукайском районе республики Адыгея.

Ключевые слова: культура, экономика, территория, переселение, образование, происхождение, а. Панахес.

R.Yu. Baste

FROM THE PAST OF AUL PANAHES

Examines the history of education, socio-economic and cultural development and.Panahes, located in Tahtamukaysky district of the Republic of Adygea.

Key words: culture, economy, territory, migration, education, race, aul Panahes.

Панахес – один из аулов Афипсипского сельского поселения который расположен на территории современного Тахтамукайского района Республики Адыгея. О времени образования аула есть несколько датировок: 1865, 1868 [1], 1880 гг. [2]. Но по мнению большинства жителей аула, а также по архивным данным, датой образования аула считается 1883 г.

По поводу происхождения названия аула тоже существует несколько версий. Одна из них сводится к следующему: Панахес происходит от слов «панэ» – «колючий кустарник», «хэс» – сидеть, проживать, находиться в колючих кустарниках, т.о. панэхэс – «лесные жители, живущие среди густых, колючих терновых кустарников». Однако сохранились названия местностей, где жили панахесцы: «Мэз кIыхь» – «Длинный лес», «Грунэхьабль» – это квартал, который был заселен переселенцами из станицы Гривенской; «Шэбэнэхьабль» – «фамильный квартал Шабановых»; «Пэдысэй хьабль» –

«околоток Педисовых»; «ПсырыкIхэр» – «живущие за рекой (заречники)» и многие другие [3].

Среди причин образования аула Панахес называются следующие. Во-первых, переселенным ранее жителям аулов Хаштук и Псейтук не хватало земли для устройства жизни. И новые переселенцы заняли свободные земли вокруг ранее переселенных аулов, т.е. земли, расположенные у подножья возвышенности. Во-вторых, аулы Хаштук и Псейтук частично затоплялись Кубанью и жителям приходилось менять свое место проживания [4].

В очередной раз после затопления аулов Хаштук и Псейтук, жителям этих аулов пришлось переселиться к подножью возвышенности и обосновать здесь новый аул Панахес. Аул был разделен на две части: «Длинный лес» – «Мэз кIыхь» и Хаштук. В Панахесе I-м, названном Хаштук, поселился первый житель Сиджах Хатажук. В Панахесе II-м, названном «Мэз кIыхь» («Длинный лес»), поселились из Псейтука Хатхе Тлепсихач и Мамхо Тлепсихач [5].

Однако по воспоминаниям панахесцев первыми в Панахесе II-м, названном «Мэз кIыхь» поселились из Псейтука три брата: Басте Трах, Басте Тух и Басте Нахурай. Таким образом, был основан аул Панахес, который является самым молодым из всех шапсугских аулов.

В 1895 г. в ауле Панахес по ходатайству и настоянию жителей четырех шапсугских аулов была открыта начальная школа, которая являлась еще и духовной. Она содержалась за счет родителей учащихся. В школе работали учителя Сохт Ибрагим, Джарим Исмаил, Басте Магомет, Хатауз Мусса, Петуваш Даут, Сиджах Кимчерий, Ибрагим Хадж из Турции. В этой школе изучали Коран, арифметику, адыгейский и русский языки [6].

Такие учителя, как Сохт Ибрагим, Басте Мусса, Басте Магомет, Джарим Исмаил работали в советское время в семилетней школе (впоследствии преобразована в среднюю) и передавали свой педагогический опыт молодым учителям.

В 1897 г. состоялся первый выпуск учащихся школы. Были проведены выпускные экзамены. По воспоминаниям учителей,

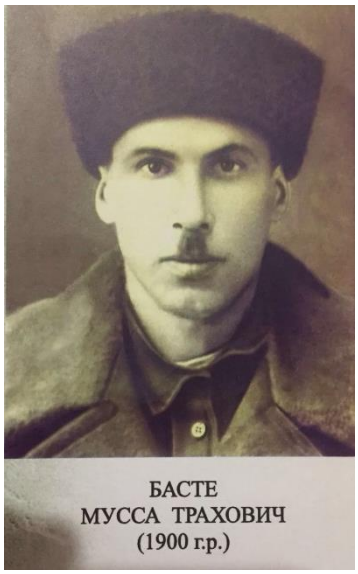
экзамены проходили как большой праздник. Школьное здание, классная комната, в которой проводились экзамены, убирались с большим вкусом. Учащиеся одевались по-праздничному. На экзаменах присутствовали родители. Все оставались довольными результатами. Учащиеся были подтянуты, дисциплинированны, организованны и показывали отличные знания [7].

Первыми выпускниками Панахесской школы были: Хакурате Шахан-Гирей, Натхо Сефербий, Негуч Хаджемус, Басте Гарун, Непсо Меджид, Хатхе Хаджемус. Многие из них поступили в различные учебные заведения, в потом работали в Адыгее. Хатхе Хаджемус окончил Екатеринодарский кадетский корпус, получил офицерский чин, но сложил голову на полях Первой мировой войны.

Непсо Меджид в 1920 г. добровольцем ушел на войну против войск А.И. Деникина, принимал активное участие в ликвидации контрреволюционных отрядов и установлении Советской власти. Он участвовал в Великой Отечественной войне и после войны восстанавливал народное хозяйство, 13 лет работал председателем колхоза.

Шахан-Гирей Хакурате и Сефербий Натхо закончили Екатеринодарскую фельдшерскую школу [8]. Впоследствии Ш.-Г. Хакурате стал революционером, соратником первого революционера Адыгеи Моса Шовгенова. Ш.-Г. Хакурате всю свою жизнь посвятил борьбе за процветание Адыгеи. Став председателем облисполкома, он считал первоочередными задачами – ликвидацию безграмотности, строительство школ, больниц, детских учреждений [9]. Негуч Хаджемус, вступив в 1922 г. в комсомол, проводил активную работу по организации колхозов, работал заместителем председателя областного суда, участвовал в Великой Отечественной войне, имеет много правительственных наград [10].

В годы борьбы с безграмотностью создавались из представителей культработников, партийных, комсомольских, профсоюзных организаций специальные бригады. Они организовывали культпоходы в аулы и хутора Адыгеи, в том числе и Тахтамукайского района. Так, в 1928 г. во время такого культпохода были созданы ликпункты в нескольких аулах. В их

БАСТЕ
МУССА ТРАХОВИЧ
(1900 г.р.)

число попал и аул Панахес, в котором был оборудован женский ликпунтк [11].

Активисты ликпунктов Тахтамукайского района в составе бригад Адыгеи неоднократно выезжали в Дагестан, Чечню, Ингушетию, передавали свой опыт работы по ликвидации неграмотности, выступали и рассказывали о том, как в их районе была ликвидирована неграмотность, создавали школы всеобуча и т.д. В свою очередь они набирались положительного опыта у северокавказских соседей. Так, в 1931 г. в Чечню была послана бригада культармейцев Адыгеи для оказания помощи в организации ликвидации неграмотности среди населения. В их числе была и А.Х. Бадже из аула Панахес [12].

В ауле Панахес активно проходила коллективизация. Первыми организаторами были Аюб Петуваш и Магамет Хурум. Они приложили много усилий в создании колхозов «Зэкъошныгъ» («Дружба») в Панахесе I-ом и «Зэежъ» («Старый кизил») в Панахесе II-ом. В первые дни в эти колхозы вступило около 30 семей. Затем каждая из этих семей привлекла за собой еще примерно по 10 семей. Вместе они дружно работали, поднимали благосостояние аулов. Колхозы работали по нескольким направлениям: животноводческие фермы, овощеводческая и полеводческая бригады. Работники колхозов аула принимали активное участие в строительстве Шапсугского водохранилища, которое сооружалось в 1940-е гг. [13].

Нельзя не отметить активных участников в организации колхозов, которые были награждены орденами и медалями. За высокие производственные показатели орденом «Ленина» были награждены М. Басте, С. Бгане, М. Жаде, Х. Ачмиз, А. Хушт, И. Джарим, М. Чале, Г. Чачух, И. Коджеса, Х. Мамхо [14].

Великая Отечественная война не обошла и аул Панахес. В начале войны из аула на фронт ушло 220 чел. Из них погибло 147 чел. В школьном музее аула Панахес и республиканском музее Адыгеи отведены места для экспозиции героям войны,

БАСТЕ АЙДАМИРКАН МУССОВИЧ (1936 г.р.)

в их числе и выходцы из аула Панахес – Чуц Абубачир и Схакумидов Масхуд. Средняя школа аула Панахес носит имя Чуца Абубачира, улицы названы именами героев. На разных фронтах мужественно воевали и другие аульчане, среди которых А. Басте, Ю. Хизетль, А. Абадзе, М. Каратабан, Г. Хагур, А. Хагур и многие другие. А. Басте погиб при героической обороне Брестской крепости. В ауле воздвигнут величественный памятник тем, кто не вернулся с войны [15].

В Панахесе имелись целые учительские династии: Басте, Жаде, Жане, Ачмиз, Схаляхо, Чемсо, Хагур, Шагуч и др. Так, Н.С. Басте был учителем музыки, много занимается общественной работой, изучает историю аула, ведет свой архив, в настоящее время является заведующим дома культуры аула Панахес.

Благодаря Н.С. Басте в доме культуры аула Панахес возобновились кружки адыгейской музыки и танцев, которых не было на протяжении многих лет.

Аул Панахес взрастил много известных ученых, общественных и государственных деятелей. Среди них – А.А. Хагуров, доктор социологических наук, академик, который одно время был советником Президента Республики Адыгея; А.М. Жаде – кандидат исторических наук, который в разное время был директором Панахесской школы; главой администрации Афипсипского сельского совета, заведующим отделом образования Администрации Тахтамукайского района, Министром образования и науки Республики Адыгея; Г. Чемсо – бывший Министр культуры Республики Адыгея; Т. Хурум – заслуженный работник культуры РСФСР; А. Басте – начальник отдела по надзору за расследованием особо важных дел и оперативно розыскной деятельности Краснодарского края и многие другие [16].

Панахес – один из немногих аулов Республики Адыгея, жители которого с большим гостеприимством приняли беженцев из Сирии. Сюда переехали целые семьи сирийцев, которым жители аула оказали посильную помощь в обустройстве быта.

В настоящее время аул Панахес является динамично развивающейся единицей Тахтамукайского района Республики Адыгея. В ауле имеется очень хорошая, современная школа, оснащенная всем необходимым для настоящего времени. При школе имеется музей, открыт детский садик. Имеется в ауле и спортшкола, которая воспитала многих чемпионов, почта, библиотека, амбулатория, мечеть, много магазинов со всеми нужными для повседневности товарами.

Список литературы

1. Из истории населенных пунктов Республики Адыгея (Материалы по ЭНП РА). Майкоп, 2006. Вып. 3. С. 108.

2. Аутлев П.У. Адыгея в хронике событий (с древнейших времен до 1917 года). Майкоп, 1990. С. 93.

3. Из истории населенных пунктов республики Адыгея… С. 108.

4. Там же. С. 109.

5. Там же.

6. Савв Р.Х., Демчук Н.В., Савв Т.А., Сопельняк Н.В. Тахтамукайский район Республики Адыгея. Майкоп, 1999. С. 47.

7. Там же.

8. Там же.

9. Из истории населенных пунктов Республики Адыгея… С. 113.

10. Там же.

11. Культурное строительство Адыгеи (1922–1937 гг.). Майкоп, 1967. С. 219.

12. Савв Р.Х., Демчук Н.В., Савв Т.А., Сопельняк Н.В. Указ. соч. С. 125.

13. Из истории населенных пунктов Республики Адыгея… С. 110.

14. Там же.

15. Там же. С. 111–112.

16. Там же. С. 114.

СЕКЦИЯ 2. ПРИЧЕРНОМОРЬЕ В ИСТОРИИ РОССИИ XX ВЕКА

Е.В. Туфанов

К ПРОБЛЕМЕ СТАНОВЛЕНИЯ СОВЕТСКОГО УПРАВЛЕНЦА В ЭПОХУ «ВОЕННОГО КОММУНИЗМА» ПО МАТЕРИАЛАМ ЮГА РОССИИ

В статье освящается актуальная для исторической науки проблема, посвященная становлению образа советского управленца. После установления советской власти начинается быстрый процесс количественного роста партийного и государственного аппарата управления. В политической системе молодого государства формируется тип управленца, обладающего способностью к мобилизации населения в условиях чрезвычайных ситуаций, что требует от него предельной личной концентрации и поддержки сторонников.

Ключевые слова: Советская командно-административная система, назначенчество, аппарат управления, выдвиженцы, кадровая политика, военный коммунизм, кадровый резерв.

E.V. Tufanov

TO THE PROBLEM OF FORMATION OF THE SOVIET GOVERNMENT IN THE EPOCH OF “MILITARY COMMUNISM” ON MATERIALS OF THE SOUTH OF RUSSIA

The article is devoted to the actual problem of historical science, devoted to the formation of the image of the Soviet Manager. After the establishment of Soviet power begins a rapid process of quantitative growth of the party and state administration. In the political system of the young state, a type of Manager with the ability to mobilize the population in emergency situations is being formed, which requires the utmost personal concentration and support of supporters.

Key words: The Soviet command-administrative system, appointment, office staff, appointees, personnel policy, war communism, the personnel reserve.

Становление советской командно-административной системы на Юге России, являлось составной частью общего процесса в стране. Важность политических и социальных преобразований в государстве можно осознать только через анализ социокультурного облика советского управленца, через

конкретных представителей эпохи. Понимание этого элемента заставляет акцентировать внимание на таком явлении, как анализ социокультурного облика ответственного работника советского и партийного аппарата управления.

Целенаправленно созданный кадровый резерв содержал сведения о большом количестве талантливых организаторов – в современных категориях это менеджеры высшего звена. Их потенциал не был востребован старой политической системой. Смена государственного строя выявила их сильнейшие качества. Изучение состава региональных управленцев показало действительную качественную трансформацию руководителя.

Частично, после различных мероприятий по оздоровлению рядов партии, вновь созданный кадровый резерв уже содержал и рекрутировал идеологически подкованных управленцев. Усилия, направленные в сторону партийного образования, приносили свои не только количественные, но и качественные результаты. Для реализации поставленной задачи формирования системы политического образования и воспитания на территории Юга России, высшие партийные органы управления использовали самые различные методики и формы политико-просветительской работы, направленной на повышение идеологического уровня местного социума. В Благодарненском уезде Ставропольского региона в конце 1920 г. силами уездного партийного руководства был основан «Рабоче-крестьянский коммунистический университет» Действующих членов партии и кандидатов в члены РКП(б) среди курсантов учебного заведения было 49%, комсомольцев 21% и беспартийных 30%. Социальный состав курсантов был практически однородным: пролетариат 26%, остальные курсанты представляли крестьянскую массу, что не удивительно, так как Ставрополье исторически является аграрным регионом [1, л. 5–6]. Именно эта кадровая прослойка реализовывала на деле все постановления правящей политической структуры.

После прихода к власти большевиков берет старт бурный процесс становления системы государственного управления, который напрямую зависел от увеличения численности доминирующей политической силы в государстве. Среди

представителей партии большевиков было много идейных, не меркантильных, образованных, и даже талантливых людей. Представители партии, с дореволюционным партийным стажем то есть «партийная гвардия» – составляли лишь небольшую часть огромной армии руководителей, которые контролировали весь государственный аппарат [2, с. 61]. Партия большевиков стала определенным магнитом для огромного числа людей. В основном ряды партии пополняли малограмотные и не имеющие опыта управления, или карьеристы, которые использовали партийный билет в своих меркантильных интересах, а их политические взгляды были далеки от провозглашаемых коммунистических принципов.

Основными органами власти на местах являлись исполнительные комитеты областных, губернских, уездных, волостных съездов советов, а также городских Советов [3, с. 34]. На ключевые посты в структуре аппарата управления партия назначала коммунистов с высоким уровнем образования. Так как, таких в составе партийного авангарда пролетариата было очень мало, то коммунисты с высоким уровнем образования априори являлись представителями не пролетарских слоев общества, а были выходцами из буржуазии или дворянства, но в то же время считали себя выразителями политических взглядов рабоче-крестьянского социума.

Таким образом, реализовывался принцип РКП(б): управляет страной пролетариат [4, с. 28–29]. Следовательно, рабочих и крестьян по своему социальному происхождению и профессии на руководящих должностях было крайне мало, но и они, являясь революционерами, пролетариями не стали. С весны 1918 г. В.И. Ленин отказывается от первоначального принципа, что пролетарии сумеют осуществлять управление государственным аппаратом и стал продвигать идею приобщения к процессу управления специалистов-профессионалов, готовых трудиться во имя Советского государства [5, с. 315].

Рассматривая процесс формирования советской системы управления, особый интерес вызывают процессы, происходившие на местном уровне. Комплексный анализ характерных социокультурных черт региональных новых управленцев,

сформировавшихся после событий 1917 г., позволяет изучить различные аспекты деятельности функционеров региональной номенклатуры. В личностном плане ответственные работники-управленцы на всех уровнях государственного аппарата естественным образом отличались друг от друга – характерами, темпераментом, интеллектом. Прослеживается четкая метаморфоза в оценке деловых и личных качеств представителей ответственных работников правящей партии от периода Гражданской войны и политики военного коммунизма к периоду 1920–1930-х гг. В период проведения государством политики военного коммунизма, основными методами выдвижения ответственных работников были мобилизации и прямые назначения, где на первое место выходила идеологическая преданность партии и социальное происхождение. Назначения проводились без учета уровня образования, профессиональной подготовки и опыта управления. Так как их деятельность была строго регламентирована директивами и указаниями сверху. Одной из особенностей становления региональных управленцев Юга России являлся полиэтничный состав региона. Так, по данным Всероссийской демографической переписи 1922 г., на территории Терского округа проживало 93813 представителей национальных меньшинств. Из них армяне составляли 21287 чел., украинцы – 17279 чел., немцев было 15126 чел., осетины были представлены 7536 чел., евреи – 3239 чел. Среди остальных было 3528 ногайцев, 2247 черкесов, 2340 поляков, 1399 грузин, 1270 туркмен, 1295 греков, 1021 татар и 1070 персов [6, л. 94]. Центральная власть учитывала такое богатое этническое разнообразие региона при формировании слоя управленцев.

Взаимодействие экономической и политической системы определялось кадрами партийного и государственного аппарата. Их идеологические воззрения, профессиональные качества, культурно-образовательный уровень, общественная психология являлись важными факторами, оказывавшими существенное влияние на характер, методы реализации политики правящих «верхов». Именно кадры являлись исполнителями и проводниками партийно-государственной политики [7, с. 326].

По социальному происхождению многие региональные руководители были выходцами из аграриев и пролетариев. Отсутствие образования и профессиональных знаний они компенсировали энергией и работоспособностью. Политика военного коммунизма открыла простор правовому нигилизму, произволу и вседозволенности управленцев различного уровня и благоприятствовала репрессивной практике силовых структур.

В такой сложной обстановке классовой борьбы имело место морально-нравственное перерождение гражданина. У представителей аппарата управления Советской власти были схожие черты, выделяющие их из общего социума. Это – идеологическое единомыслие. У одних искреннее, у других – наигранное, с одной целью занять высокий управленческий пост, стать частью кадрового резерва доминирующей политической силы в государстве.

Общими чертами советских управленцев исследуемого периода стала политическая безальтернативность и партийный максимализм. Наиболее точную характеристику идеальному партийному руководителю дал один из лидеров РКП(б) Н.И. Бухарин: «ему присущи “партийный патриотизм”, исключительная страстность в проведении партийных директив, бешеная борьба с враждебными группировками всюду – на фабриках и заводах, на открытых собраниях, в клубах, даже в тюрьмах» [8, с. 35]. Согласно выражению И.В. Сталина, партия превращалась в «орден меченосцев» [9, т. 5, с. 71].

Члены партии стояли во главе управленческого аппарата государства и подчиняли его работу партии, используя большевистские принципы управления. Революционное воспитание молодежи, которая имела мещанское, дворянское или буржуазное происхождение, материально обеспеченной, обычно начиналось в период обучения в гимназии или университете: чтение революционной и, как правило, запрещенной литературы, которой увлекалась максималистски настроенная молодежь, возмущавшаяся несправедливостью и жестокостью, совершавшимися в социуме.

После вступления на скользкий путь революционера, представитель партии подвергался преследованию силовых

структур, многие переходили на нелегальное положение так как вынуждены были скрываться, попадали в тюремное заключение. Все эти факторы в дополнение к идеологии большевиков, возбуждавшей ненависть к врагам революции, формировало их нравы, черты характера, психологию.

Сказывалась тяжелая политическая, экономическая ситуация в стране. Как отмечал Н.А. Бердяев в работе «Истоки и смысл русского коммунизма»: «война выработала новый душевный тип, склонный переносить военные методы на реалии мирной жизни»; «новый душевный тип, призванный к господству в революции, поставляется из рабоче-крестьянской среды, он пришел через дисциплину военную и партийную. Новые люди, пришедшие снизу, были чужды традициям русской культуры, их отцы и деды были безграмотными, лишены всякой культуры и жили исключительно верой. Этим людям свойственно было злопамятство по отношению к людям старой культуры, которое в момент торжества перешло в чувство мести» [10, с. 101–102].

Морально-нравственный образ партийца эпохи военного коммунизма и начала 1920-х гг. сформировался под влиянием мировой войны, резкого падения самой главной ценности – человеческой жизни. Данный тип ответственного партийного деятеля и его психология обогатилась в ходе гражданской войны [11, с. 32]. Методы фронта и чрезвычайщины переносились на мирные проблемы социума и государства. Это дополнялось железной партийной дисциплиной, безоговорочным выполнением приказов и директив партийного руководства. Беспрекословного подчинения партийной иерархии, идеологический прессинг оказывали сильное воздействие на умонастроения членов партии.

В политической системе советского государства формируется тип управленца, обладающего способностью к мобилизации населения в условиях чрезвычайных ситуаций, что требует от него предельной личной концентрации. Главные качества лидеров в этих условиях – железная воля, предельная собранность и готовность подчинения руководству, высокая работоспособность, физическая выносливость, способность добиваться цели любой ценой.

Под руководством партии формируется образ борца, врага компромиссов, со стереотипным безапелляционным сознанием, черно-белым видением происходящих событий и одномерным классовым подходом к личности: «товарищ – враг». Революция подняла на уровень региональной власти людей, которые в своем большинстве по своей культуре и своему менталитету отражали уровень развития основной массы населения страны. Они легко воспринимали простые идеи о «прекрасном коммунистическом будущем» и становились ревностными исполнителями политики правящей партии [12, с. 214].

Все новейшие революции формируют единообразный образ государственного и политического лидера: военно-спортивный, волевой и технически ориентированный, строящий иерархию ценностей на основе государственной власти и политических идеалов. Таким образом командно-административная система управления формировала свою когорту ответственных работников, олицетворявших идеи большевизма [13, с. 107]. С этими кадрами происходит переход к новой внутренней политике государства.

Завершение эпохи военного коммунизма ставит перед молодым Советским государством сверхзадачу – организация нового, разделяющего идеалы коммунистического общества и, в тоже время, профессионально подготовленного кадрового потенциала управленцев. На кадрах лежала ответственность обеспечения лояльности населения к решениям и постановлениям партии. Вследствие этого центральная власть выстраивала вертикаль власти с центра до регионов, где создавался кадровый резерв для системы управления, на который и опиралась центральная власть.

Список литературы

1. Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). Ф. Р-164. Оп. 1. Д. 371. Л. 5.

2. Гимпельсон Е.Г. Руководящие советские кадры: 1917–1920-е годы // Отечественная история. 2004. № 6. С. 61.

3. Гимпельсон Е.Г. Становление и эволюция советского государственного аппарата управления 1917–1930 гг. М., 2003. С. 34.

4. Ленин В.И. Постановление об образовании рабочего и крестьянского правительства // Полн. собр. соч. М., 1962. Т. 35. С. 28-29.

5. Ленин В.И. Удержат ли большевики государственную власть? // Полн. собр. соч. М., 1962. Т. 34. С. 315.

6. ГАСК. Ф. Р-1161. Оп. 1. Д. 142. Л. 94.

7. Гимпельсон Е.Г. НЭП и Советская политическая система, 20-е годы. М., 2000. С. 326.

8. Бухарин Н.И. Избранные произведения. М., 1988. С. 35.

9. Сталин И.В. Сочинения. М., 1947. С. 71.

10. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 101–102.

11. Туфанов Е.В. Кадры региональных органов управления: становление и развитие в 1920–1930-е гг. (на материалах Северного Кавказа) // Современная научная мысль. Пятигорск, 2018. № 1. С. 30–36.

12. Гимпельсон Е.Г. Советские управленцы. 20-е годы (Руководящие кадры государственного аппарата СССР). М., 2001. С. 214.

13. Туфанов Е.В. Кадры региональных управленцев в 1920–1930-е годы: становление и функционирование (на материалах Северного Кавказа). Ставрополь, 2018. С. 206.

С.М. Сивков

ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ ЛИМИТРОФНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ В УСЛОВИЯХ ВЕЛИКОЙ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ (1917–1919 гг.)

Автором раскрываются сложные отношения между новыми государственными образованиями периода Великой российской Революции на Кавказе и в Северном Причерноморье: Грузией, Украиной, Абхазией, Советскими республиками Кубани и Черноморья, командованием Добровольческой армии, возникновение территориальных и некоторых материальных споров, приводивших к вооруженным конфликтам.

Ключевые слова: Гражданская война; Грузия; Украина; Абхазия, Кубань и Черноморье; территориальные претензии; Черноморский флот.

S.M. Sivkov

POLITICAL AND TERRITORIAL CONTRADICTIONS OF LIMITROPHIC EDUCATIONS OF THE NORTHERN BLACK SEA UNDER THE CONDITIONS OF THE GREAT RUSSIAN REVOLUTION (1917–1919)

The author reveals the complex relations between the new state entities of the period of the Great Russian Revolution in the Caucasus and in the Northern Black Sea region: Georgia, Ukraine, Abkhazia, the Soviet Republics of Kubani and the Black Sea, the command of the Volunteer Army, the emergence of territorial and some material disputes that led to armed conflicts.

Key words: Civil War; Georgia; Ukraine; Abkhazia, Kuban and the Black Sea; Territorial claims; Black Sea Fleet.

Уже более ста лет отделяют нас от начала трагических событий, которые в последнее время получили название Великой российской Революции (1917–1922 гг.). Характерными для этого этапа стало стремление национальных элит окраин, в условиях распадающейся империи, ослаблении центральной власти метрополии, найти свое место, чаще всего самоопределиться. Безусловна, начавшаяся Гражданская война в России усилила эти центробежные тенденции. Не стало исключением и Северное Причерноморье и Кавказ.

С точки зрения хронологических рамок нашего доклада, попытаемся войти в рамки начального этапа войны (1917–1918 гг.), когда разыгрались наиболее трагические события для метрополии, захватив и некоторые события начала 1919 г.

В советский период конфликтные ситуации, происходившие в союзных республиках, практически замалчивались, за исключением известной работы Н. Какурина «Как сражалась революция» [1]. В послевоенный период (1945–1991 гг.) данная тема практически не затрагивалась. А в постсоветский – нашла свое развитие в работах российских, украинских, белорусских и абхазских исследователей. Интересно, что в работе А.П. Грицкевича «Борьба за Украину, 1917–1921», изданную в 2011 г. в Минске, делается однобокий акцент на агрессивность политики Советской России, а территориальные претензии Украины на

Кубань, Черноморский флот и Таврический полуостров практически замалчиваются [2, с. 71–174].

Характерной особенностью начального этапа Гражданской войны после отречения от власти Николая II стала попытка лимитрофных образований первоначально заявить о расширении своих полномочий, без утраты экономических, политических и иных связей с Россией, а затем задекларировать о политической независимости.

Для второй фазы этого действа характерным становятся территориальные претензии как друг к другу, так и к метрополии, вне зависимости от лидирующей на каждом из этапов политической силы в России. Территориальные претензии предъявляют Грузия, Армения, Украина, Абхазия, Кубанское казачество. Демократический в целом на начальном этапе процесс превращался постепенно в военное противостояние.

С одной стороны, ситуация в Северном Причерноморье, в том числе в Грузии и Украине были довольно похожими, а с другой, нет. По мнению В.Ж. Цветкова, «если Киев в 1918 г. называли «монархической Меккой», то Тифлис именовали не иначе как «цитадель меньшевизма»» [3, с. 251].

Социалисты Закавказской Федерации сразу же не признали советскую власть. Взрывоопасность представляли боеприпасы и снаряжение бывшего Кавказского фронта, которые прибывали вместе с военнослужащими в процессе покидания фронта.

По оценке В.Ж. Цветкова, «Осенью 1917 г. в условиях резкого ослабления центральной власти и начавшегося «парада суверенитетов», партийные и общественные организации Закавказья на съезде в Тифлисе 15 ноября 1917 г., образовали Закавказский Комиссариат под руководством меньшевика Е.П. Гегечкори» [3, с. 253].

Весной 1918 г. предприняты попытки обоснования расширения границ Грузии, в том числе ссылки на северные границы Абхазского царства, необходимость исключения из состава Черноморской губернии Гагринского округа, исторические основания на вхождение в состав грузи Сочинского и Туапсинского округов. 28 мая 1918 г. Грузия и Германия заключили договоры о размещении немецких гарнизонов. Под

контроль Германии переходили порт Поти и Закавказская железная дорога на правах аренды со сроком на 60 лет. В территорию республики должны были войти Сочинский и Гагринский округа Черноморской губернии.

Под предлогом реализации обращения представителей Сочинского крестьянского съезда в территорию сочинского округа с боями входит грузинская дивизия под командованием генерала Мезнишвили (Мазниева).

Грузинские части с боями прошли по территории Черноморской губернии, до Михайловского перевала, в районе Геленджика. В это время отступающие части Таманской армии (её колонна под командованием Е.И. Ковтюха) без единого выстрела вырезали почти всю грузинскую дивизию, после чего прошла через Туапсе и ушла в сторону Армавира.

После отступления Красной армии с территориальной проблемой столкнулось руководство Добровольческой армии, вступив в Туапсе они встретили сопротивление грузинских частей. После переписки в Екатеринодар прибывает Мазниев, однако переговоры, начавшиеся 12 сентября 1918 г. завершились ни чем. Осенью 1918 года командование Добровольческой армии сделало заявление о защите российских интересов. Позиция Кубанского краевого правительства к Грузии, после срыва переговорного процесса, оставалась лояльной. Л.Л. Быч заявил: «…между Грузией и Кубанью никаких недоразумений не было, и нет» [4, с. 372–373].

В январе 1919 г. в Сочинском округе началось антигрузинское восстание, перекинувшееся и в Абхазию. Полки генерала Черепова 24 января 1919 г. захватили Сочи, позже освобожден Сочинский округ, Адлер, Гагры. Граница с Грузией должна была проходить по реке Бзыбь у Пицунды. В этот период Грузия также была вовлечена в конфликт с Арменией в Ахалкалакском районе.

Так называемый «Сочинский конфликт» затронул как сторонников советской власти, так и Добровольческой армии. А.И. Деникин предложил разрешить и абхазскую проблему, сделав нейтральным Сухумский округ, сделав его нейтральным,

выведя грузинские войскам и возложив на абхазские власти поддержание порядка своими силами.

Отношения с Украиной тоже оставляли желать лучшего. В этом отношении обозначилось три основных вопроса: 1. Претензии на Кубанскую область; 2. Претензии на Крымский полуостров и 3. Претензии на Черноморский флот.

Всеукраинский национальный конгресс, проходивший в Киеве 6–8 апреля 1917 г. пригласил от Кубани «делегировать представителей славного нашего Запорожского войска» [5, с. 2]. В докладе В. Садовского указывалось на принадлежность к украинской территории части кубанских земель [5, с. 5]. При выборах в Центральную Украинскую раду вошли 3 представителя от Кубани и 2 от Черноморской губернии [5, с. 9].

Заключение Украиной в начале 1918 г. сепаратного мира с Германией позволило последней использовать её продовольственные запасы, и оказывать давление на решение территориальных споров. Несмотря на признание Германией Донской области и Крыма принадлежностью РСФСР, корпус генерала Коша вступил в Крым. В борьбу за Черноморский флот вступили украинские «самостийники». Позже на советско-украинских переговорах, состоявшихся летом 1918 г. в Киеве, было сделано заявление: «Украинская держава считает, что Россия утратила свой суверенитет и свои права на Крым». [6, с. 33].

Судьба Черноморского флота печальна. Над частью судов были подняты украинские флаги и их командование отказалось от перебазирования флота в Новороссийск. Под давлением Германии В.И. Ленин принял решение о потоплении флота в Новороссийске. Часть судов оказалась затоплена, а оставшиеся корабли ушли в Севастополь, где интернированы германским командованием. Таким образом, Черноморский флот не достался ни Советской России, ни Украине.

23 июня 1918 г. в столице Всевеликого войска Донского Новочеркасске прошло заседание Кубанского Правительства в изгнании, где решался вопрос о его дальнейшей ориентации на Украину, или добровольцев. Выбор сделан на последних.

К этому времени не сложились отношения между Украиной и Вооруженными силами Юга России. Генерал М.В. Алексеев, выступая на заседании Кубанского правительства 10 июня 1918 г. в Новочеркасске заявил: «Для немцев очень заманчиво обосноваться на Волге, что сделают они, основавшись на Волге. Они парализуют судоходство на Волге, не пустят оттуда ни одного пуда нефти и остановят всю жизнь во всем Волжском районе, на Дону, Кубани. При этом я имею сведения, что немцы оккупируют Таврический полуостров и там сильно укрепятся. Притязания Украины на Таврический полуостров, конечно, не осуществятся, господа. Ведь Украины нет, нечего скрывать. Вы это знаете. Есть картонный домик, в этом картонном домике сидит гетман с картонным мечом. Если немецкий комендант прикажет что-либо сделать – то делается, чего прикажут, не делать не делают. То же самое произойдет на Дону и Кубани, когда их туда пригласят» [7, с. 93].

Несмотря на это предупреждение, от прогерманской ориентации не отказалась и часть кубанцев. В середине июня 1918 г. 58-й Берлинский пехотный полк был высажен на Таманском полуострове [8, с. 113], по просьбе некоторых казаков Таманского отдела. И.В. Сталин телеграфировал Л.Д. Троцкому о высадке «полуторатысячного отряда германцев с артиллерией» [9, л. 43]. Немцами активных боевых действий на Тамани не предпринималось. После окончания Первой мировой войны полк был эвакуирован, а казаки, пригласившие их на Тамань, казнены.

Кубанско-деникинское противостояние обострилось после 13 июня 1919 г. На Южно-Русской конференции глава Кубанской краевой рады Н.С. Рябовол выступил с резкой критикой деникинского режима. Этой же ночью его застрелили в холле отеля «Палас» в Ростове.

По вполне объективной оценке Т.Ю. Красовицкой относительно современного видения национальных политических элит эпохи Гражданской войны, «политические манипулирование границами понятий «свои» и «чужие» при выборе стратегий, особенно к устройству власти в культурно-языковой сфере, позволяло элитам прибегать к решению проблем в центре, и таковых оказывалось немало» [10, с. 296].

Прошло около ста лет, однако после распада СССР ситуация периода Гражданской войны довольно часто повторялась, в том числе и конфликт в Абхазии, и претензии Грузии на земли Черноморской губернии, и проблема базирования Черноморского флота, и амбиции включения Кубани в состав Украины. К сожалению, как показывает исторический опыт, многих современных политиков он ничему не учит и не научил.

Список литературы

1. Какурин Н.Е. Как сражалась революция (1917–1918 гг.). Изд. 2-е. М., 1990. Т. 1.
2. Грицкевич А.П. Борьба за Украину, 1917–1921. Минск, 2011.
3. Цветков В.Ж. Белое дело в России: 1917–1919 гг. М., 2019.
4. Кубанская Чрезвычайная Рада созыва 28-го октября 1918 года. Стенографический отчет пленарных заседаний. В 8-ми вып. Екатеринодар, 1918. Вып. II.
5. Украинский национальный конгресс в Киеве 6–8 апреля 1917 г. Екатеринодар, 1917.
6. Самостоятельность Украйны как преходящая болезнь. Свидетельствует участник переговоров России и Украины 1918 г. // Источник. 1995. № 1.
7. Протоколы заседаний Кубанского краевого правительства: 1917-1920. Сборник документов в 4-х т. / под ред. А.А. Зайцева. Краснодар, 2008.
8. Империалистическая интервенция на Дону и Северном Кавказе. М., 1988.
9. Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ) Ф. 130. Оп. 2. Д. 166. Ч. I. Л. 43.
10. Красовицкая Т.Ю. Этнические элиты между красными и белыми: этнокультурные идеалы vs интернационализма и «непредрешенчества» // Россия в годы Гражданской войны, 1917–1922 гг.: очерки истории и историографии. М.; СПб., 2018. С. 292–360.

А.С. Новиков, В.А. Стадник

ДОНСКИЕ И КУБАНСКИЕ КАЗАКИ В СОСТАВЕ ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМИИ В ДОНБАССЕ В ПЕРИОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (1917–1920 ГГ.)

В статье рассматриваются военные действия армий Белого движения на территории Донбасса в период Гражданской войны. Акцентируется внимание на различных военизированных политических режимах, сменявшихся в это время, одним из которых было Белое движение, поддерживаемое Донским и Кубанским казачеством.

Ключевые слова: Белое движение, Донское и Кубанское казачество, Гражданская война, Донбасс, большевики.

A.S. Novikov, V.A. Stadnik

DON AND KUBAN COSSACKS AS PART OF THE VOLUNTEER ARMY IN THE DONBASS DURING THE CIVIL WAR (1917–1920)

The article deals with the military actions of the White movement armies in the territory of Donbass during the Civil war. Attention is focused on the various quasi-military political regimes replaced at this time, one of which was the White movement, supported by the Don and Kuban Cossacks.

Key words: White movement, Don and Kuban Cossacks, Civil war, Donbass, Bolsheviks.

Актуальность данной проблемы обусловлена переоценкой событий периода Гражданской войны в России конца 1917–1920 гг. На сегодняшний день существуют ещё «белые пятна», связанные с определенными аспектами этого достаточно сложного и противоречивого периода.

Основной целью статьи является изучение военных действий армий Белого движения в Донбассе.

Указанная тема ранее специально не исследовалась. Сформировавшаяся в советский период идеология рассматривала Белое движение исключительно негативно. Только с конца 1980-х гг. начинается переоценка советской идеологии в изложении постреволюционной истории России. Изучению событий начала XX в. также способствовала гражданская война в Донбассе, навязанная в 2014 г. киевским режимом.

Особый интерес для изучения темы представляют мемуары непосредственно участников событий конца 1917–1920 гг., а именно мемуары одного из руководителей Белого движения – русского генерала А.И. Деникина и советского военачальника, одного из первых маршалов СССР А.И. Егорова. Большая работа была проделана донским исследователем А.В. Венковым и донбасским краеведом, историком В.В. Корниловым.

До революции 1917 г. население региона преимущественно состояло из рабочих. Социальный состав Донбасса во многом определил симпатии населения к большевизму.

В годы Гражданской войны Донбасс не был выделен в отдельный административно-экономический район. Восточная и юго-восточная его части относились к Области Войска Донского, южная и юго-западная – к Екатеринославской губернии, северная – к Харьковской губернии. Только в феврале 1919 г. была предпринята попытка создать Донецкую губернию [1, с. 19].

Ещё в ноябре 1917 г. Центральная Рада обратилась ко всем антибольшевистским силам (в том числе к казакам Дона и Кубани) с предложением объединить силы для борьбы с Советской властью. Был заключен союз с донским атаманом А.М. Калединым, который возглавил военные действия против революционных большевистских сил в Донбассе [2, с. 27]. Первые столкновения в этом регионе между рабочими и казаками произошли осенью 1917 г. Казачьи войска возглавил есаул Василий Чернецов. В отряде Чернецова состоял молодой казак Николай Туроверов. Он стал одним из лучших поэтов, прославлявших Белое движение и Россию. Впоследствии он эмигрировал с бароном П.Н. Врангелем, работал разнорабочим, был зачислен в иностранный французский легион, в рядах которого сражался против гитлеровцев [3, с. 82–83]. В конце декабря 1917 г. казаки перешли в наступление. Выбить калединцев из Юзово-Макеевского района удалось только в начале января 1918 г. В это время местные красногвардейцы объединились с «Северным летучим отрядом» под командованием Рудольфа Сиверса. Эти события описаны в книге В. Корнилова «Донецко-Криворожская республика: расстрелянная мечта» [4, с. 356].

18 февраля 1918 г. немецкие войска начали наступление на Советскую Украину по всему фронту. На захваченной австро-германскими войсками территории Донбасса формально власть перешла к Центральной Раде, а после ее роспуска – к германскому правительству. Во второй половине ноября 1918 г. началось наступление украинских повстанческих войск совместно с частями Красной Армии [5, с. 49]. Однако по

условиям Брестского мира Донбасс был оккупирован германскими войсками. Всевеликое Войско Донское атамана П.Н. Краснова поддерживало с немцами тесные связи. После ухода немецких войск, Краснов попытался объединиться с гетманом П. Скоропадским, но Киев заняли петлюровцы. Одновременно активизировались сторонники Советской власти. Уже к середине декабря 1918 г. Красная Армия стала теснить войска Директории на юго-востоке Украины [6, с. 32].

В восточную часть Донбасса стали прибывать донские казачьи части, а позже – деникинские отряды. Они заняли районы Луганска, Дебальцева, Мариуполя. Деникинцев поддерживала Антанта, заинтересованная в захвате Донецкого бассейна: бельгийские, французские, английские капиталы, вложенные в каменноугольные шахты и металлургические заводы [7, с. 272]. 25 января 1919 г. в Донбасс начали прибывать части 1-й добровольческой дивизии Белой армии под командованием генерал-лейтенанта Станкевича. Отряд генерала В.З. Май-Маевского пополнили следующие силы: Корниловский ударный, Марковский конный и пехотный, Артиллерийский дивизион. Отряды полковника А.Г. Шкуро объединились с Добровольческой армией и были преобразованы в Кубанскую казачью бригаду [8, с. 602].

Войска Красной Армии вели упорные бои в Донбассе. Над белогвардейскими войсками нависла угроза возможного окружения. В январе 1919 г. деникинцы атаковали столицу войск Н.И. Махно – Гуляй Поле. В начале 1919 г., преодолевая сопротивление, большевистские войска с боями прошли к Никитовке и Дебальцево, 10 января захватили Старобельск, через несколько дней – станцию Логиновку, Попасную, вошли в Славянск, Краматорск, Константиновку, Славяносербск, Алчевск, Бахмут, а 21 января донские казаки атамана П.Н. Краснова были выбиты из Луганска. В тот момент Реввоенсовет решил, что для успешного освобождения Донбасса достаточно только войск Южного фронта [9, с. 305]. Однако вскоре группировка белых стала укрепляться. Ключевую позицию обороны – район Дебальцева – держал дивизион лейб-гвардии Атаманского полка, отборное казачье подразделение. Вскоре этот район стал

плацдармом для наступления Добровольческой армии на Харьков, Киев и центральные губернии России. 19 мая 1919 г. на донецком участке Южного фронта, фактически без сопротивления, началось контрнаступление деникинских войск. Красная Армия вынуждена была отступить к Бахмуту, Деникинцы захватили станцию Криничная, Хацапетовку, Дебальцево, а 3 мая без боя был сдан Луганск.

Немногочисленный, но прекрасно подготовленный отряд А.Г. Шкуро сыграл одну из ключевых ролей в битве за Донбасс. Своими дерзкими рейдами в тыл красных, ему удалось ослабить противника. За военные успехи А.Г. Шкуро был произведен в чин генерал-лейтенанта и назначен командующим конным корпусом, состоявшем из 1-й Кавказской и 1-й Терской казачьих дивизий [10, с. 408].

К началу июня 1919 г. деникинцы захватили весь Донбасс, установив тут режим военной диктатуры. Весной 1919 г. главные силы Красной Армии были заняты на Восточном фронте, а Донскую область охватило Вешенское восстание. Это позволило А.И. Деникину, провозглашенному главнокомандующим Вооруженными силами Юга России, развернуть войска на рубеже р. Маныч и в Донбассе [11, с. 208].

Сентябрь и первая половина октября 1919 г. были временем наибольшего успеха антибольшевистских сил. По данным А.В. Венкова, 1-й и 2-й казачьи полки сражались в Донбассе против большевиков и махновцев. Так, утром 10 сентября с запада атаковано село Андреевка, 19 сентября выдвинулись на Еленовку, Покровку, Егоровку. Всего 1-я Донская дивизия взяла более 1000 пленных и 5 пулеметов. 2 октября казачий полк выгрузился в районе железнодорожной станции. Донцы, при поддержке двух бронепоездов и двух рот пехоты, перешли в наступление на Мариуполь и захватили там 30 пулеметов. 17 октября казаки атаковали деревню Черниговку, затем ударили на В. Токмак, где взяли 500 пленных [12, с. 59, 73–74]. Успешно наступавшие войска Деникина к октябрю 1919 г. заняли Донбасс и обширную область от Царицына до Киева и Одессы. 6 октября деникинцы заняли Воронеж, а 13 октября – Орел и угрожали Туле. Большевики были близки к катастрофе. Однако с середины

октября 1919 г. положение белых армий Юга заметно ухудшилось. Большевики заключили перемирие с поляками и петлюровцами. Это позволило им существенно изменить положение и перейти в контрнаступление. Зимой 1919–1920 гг. деникинские войска оставили Харьков, Киев, Донбасс, Ростов-на-Дону. 2 апреля 1920 г. А.И. Деникин покинул свой пост и с остатками армии отступил в Крым. Новым главнокомандующим Вооруженными силами Юга России стал барон П.Н. Врангель. Он принялся за восстановление боеспособности разбитых отрядов Белой армии. Ресурсы Крыма были ограничены, и барон принял решение о наступлении на Донбасс. Однако в начале октября 1920 г. Врангель приказал отступить из Донбасса [13, с. 395–396].

Таким образом, в период Гражданской войны, Донбасс имел стратегическое значение для противоборствующих сторон. Большевики, в отличие от представителей монархического Белого движения, имели в рабочем регионе значительную поддержку. Донское и Кубанское казачество, во время ведения боевых действий на юге бывшей Российской империи, было главной ударной силой и оплотом Белого движения. В то же время гражданская война – это величайшая народная трагедия, не имеющая победителя. События в современном Донбассе подтверждают этот факт.

Список литературы

1. Ясенов Е. Город, который придумал Юз. Донецк, 2009.
2. Кацва Л.А. История России. Советский период (1917–1991). М., 2003.
3. Шамбаров В.Е. Белогвардейщина. М., 2002.
4. Корнилов В.В. Донецко-Криворожская республика: Расстрелянная мечта. Харьков, 2011.
5. Деникин А.И. Очерки русской смуты. Вооруженные силы Юга России. Заключительный период борьбы. Январь 1919 – март 1920. Минск, 2002.
6. Егоров А.И. Разгром Деникина. М., 2012.
7. Какурин Н.Е., Вацетис И.И. Гражданская война. 1918–1921. СПб., 2002.
8. Леонтьев А. Марковцы-артиллеристы в боях в Донбассе // Вооруженные силы на Юге России. Январь – июнь 1919 г. М., 2003.

9. Какурин Н.Е. Как сражалась революция: в 2 т. Т. 2: 1919–1920. Изд.2-е, доп. М., 1990.

10. Венков А.В. Разрозненная борьба антибольшевистских сил в казачьих областях весной 1918 г. // Юг России в условиях революционных потрясений, вооруженных конфликтов и социально-политических кризисов, 1917–2017 гг.: материалы Всерос. науч. конф. (Ростов-на-Дону, 5–6 окт. 2017 г.). Ростов н/Д, 2017. С. 408–416.

11. Карр Э.Х. Русская революция от Ленина до Сталина. 1917–1929. М., 1990.

12. Венков А.В. Донская армия. Организационная структура и командный состав. 1917–1920 гг. Вып. 4. Донские казаки в Крыму в рядах «Русской армии» П.Н. Врангеля. Ростов н/Д, 2018.

13. Область Войска Донского // Советская историческая энциклопедия. М., 1967.

Ю.А. Яхутль

ФОНДЫ АРХИВОВ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ И КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ РЕГИОНА В 1920-Х ГГ.

Новые представления о новой экономической политике в современной исторической науке во многом были предопределены расширением источниковой базы исследований, включением в научный оборот большой массы рассекреченных архивных материалов как на федеральном, так и региональном уровне. После распада СССР и потери интереса исследователей к марксистской модели новой экономической политики мы наблюдаем рост методологического плюрализма и одновременно разнонаправленность теоретических выводов по оценке экономических реформ 1920-х годов.

Ключевые слова: источники, фонды архивов, региональная история, 1920-е гг., Ростовская область, Краснодарский край.

Yu.A. Yakhutl

FUNDS OF ARCHIVES OF THE ROSTOV REGION AND THE KRASNODAR REGION AS A SOURCE ACCORDING TOTHE HISTORY OF THE REGION IN THE 1920-S

New ideas about NEP in modern historical science were predetermined by the expansion of the source base of research, the inclusion in scientific circulation of a large mass of declassified archival materials both at the Federal and regional levels. After the collapse of the Soviet Union and the loss of

interest of researchers in the Marxist model of the new economic policy, we observe the growth of methodological pluralism and at the same time divergent theoretical conclusions on the assessment of economic reforms of the 1920s.

Key words: sources, archive funds, regional history, 1920s, Rostov Region, Krasnodar Territory.

Региональный аспект в изучении истории России вызывает особый интерес у современных исследователей. История Юга России с его экономическими и сословными особенностями стала предметом исследований в постсоветский период, когда страна находилась в состоянии кардинальных реформ, характерных для переходного периода. Современные исследователи, лишенные идеологической зависимости, имеют возможность по-новому оценивать архивные документы периода новой экономической политики 1921–1929 гг. [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9].

Цель статьи – дать оценку архивным материалам региональных учреждений Центра документации новейшей истории Краснодарского края, Государственного архива Краснодарского края, Государственного архива Ростовской области и Центра документации новейшей истории Ростовской области, в которых отражены события, происходившие в казачьих регионах Дона и Кубани в 1920–1929 гг.

На рубеже XX и XXI вв. в исследовательской литературе вырос интерес к истории 1920-х гг.: повстанческому движению, содержанию реформ, тактике поиска политического компромисса и в целом оценке эффективности методов экономического реформирования Советской России в 1920-х гг.

Расширение источниковой базы за счет включения в научный оборот дополнительных, до настоящего времени засекреченных, документов регионального уровня позволяют дать новую оценку и историко-методологическое обоснование принципиальным вопросам НЭПа на Юге России.

Современный период изучения истории НЭПа характеризуется объективным освещением, с одновременным накоплением конкретно-исторического материала, новых знаний и освобождением от старых догм и стереотипов [5, с. 57]. Вместе с тем, это не означает, что современная историография НЭПа формируется без противоречий и противостояний [9, с. 57].

В современный научный оборот включено большое количество архивных материалов, что позволяет объективно, без идеологического «давления» оценить состояния российского общества в 1920-х гг. Но наблюдается и другая крайность, связанная с произвольным использованием источников вне исторического контекста, что ведет к искажению исторических фактов и некоторой переоценке регионального компонента.

Следует отметить целый комплекс источников по Кубани и Дону, характеризующих экономику, социальные отношения, особенности протестного движения на Юге России, отношение большевиков к казачеству – это документы хозяйственных и партийных органов управления Кубани и Дона, статистические сборники, периодические издания, брошюры, информационные сводки и обзоры ОГПУ, а также воспоминания участников событий. Уникальность ряда документов заключается в том, что они написаны современниками, участниками событий [10, л. 2].

Содержание рассекреченных архивных материалов начала 1920-х годов свидетельствуют о высокой степени противостояния казачества внутренней политике большевиков в регионе, которая складывалась из двух основных вопросов – продовольственного и земельного. В информационных донесениях, поступавших в областные центры Дона и Кубани мы находим сведения о состоянии противостояния казачества и большевиков, неразрешенных вопросов местного самоуправления, о непримиримости позиций казачества, стоявших на своих вековых традициях и защищавших их с оружием в руках [11, л. 82].

Большая часть современных исследований по истории НЭПа и ее реализации в казачьих регионов Юга России основана на источниках, размещенных в государственных архивах Ростовской области, Краснодарского края. В них обладают наибольшей значимостью документы следующих фондов: Государственного архива Ростовской области: Ф. Р-1019 «Кубано-Черноморский совет народного хозяйства», Ф. Р-1185 «Северо-Кавказская рабоче-крестьянская инспекция». В числе фондов Центра документации новейшей истории Ростовской области: Ф. 1 «Юго-Восточное краевое бюро ЦК РКП(б)», Ф. 5 «Донской окружной комитет РКП(б)», Ф. 7 «Северо-Кавказский

краевой комитет ВКП(б). В фондах Государственного архива Краснодарского края представляют интерес: Ф. Р-102 «Кубано-Черноморский областной отдел управления», Ф. Р-143 «Кубано-Черноморский областной совнархоз», Ф. Р-157 «Кубано-Черноморское областное экономическое совещание», Ф. Р-226 «Кубанская окружная рабочая крестьянская инспекция», Ф. Р-237 – «Кубанский окружной промышленный отдел», Ф. Р-990 «Кубано-Черноморская областная рабоче-крестьянская инспекция». Важны фонды Центра документации новейшей истории Краснодарского края: Ф. 1 «Кубано-Черноморский обком РКП(б)», Ф. 7 «Кубано-Черноморская областная контрольная комиссия»; Ф. 8 – «Кубанский окружной комитет ВКП(б), Ф. 11 «Армавирский отдельский комитет ВКП(б)», Ф. 10 Кубанская окружная контрольная комиссия, Ф. 12 «Армавирский окружной комитет ВКП(б)», Ф. 13 «Армавирская окружная контрольная комиссия», Ф. 9 «Черноморский окружной комитет ВКП(б)», Ф. 2815 «Майкопский отдельский комитет РКП(б)», Ф. 2816 «Майкопский окружной комитет ВКП(б)», Ф. 2817 «Майкопская окружная контрольная комиссия».

Определенную закрытость сохраняют фонды, относящиеся к протестному движению казачества Юга России в 1920–1923 гг. За последние годы рассекречены большой массив документов по данной теме, что вызывает особый интерес исследователей в плане изучения причин протестного движения, их идеологического содержания, движущих сил, действия большевиков «по усмирению казачества», влияние их на формирования органов советской власти и реализации продовольственной и земельной политики [12, л. 68].

Интерес вызывают документы, свидетельствующие о сложностях формирования системы советской власти и связанные с ним отмены результатов выборов и принятия таких решений в 1924–1926 гг. В этих документах по формированию институтов советской власти мы видим первые шаги большевиков по созданию основ административно-командной системы и возможности внесудебной отмены итогов выборов [13, л. 54].

В архивных источниках подробно освящены политические события на региональном уровне, особенности реализации принципов новой экономической политики на Дону и Кубани в 1921–1929 гг., статистические данные, свидетельствующие о состоянии сельского хозяйства, промышленности, развитии торговли, земельные отношения, политическая оценка взаимоотношений казачества и советской власти, протестное движение.

Ряд архивных источников требуют сопоставления с иными источниками из других региональных архивных учреждений. При анализе архивных материалов органов управления местной экономики выявлены существенные разночтения в оценке состояния сельского хозяйства, промышленности, реализации продовольственной политики, выборных кампаний в местные органы власти и их итогов, темпов восстановления местной экономики. Например, отчеты Кубано-Черноморского совета народного хозяйства не соответствуют данным Рабоче-крестьянской инспекции и годовыми итоговыми отчетами. Наиболее достоверными оказались документы Рабоче-крестьянской инспекции в фондах Государственного архива Краснодарского края, Государственного архива Ростовской области.

Фонды Государственного архива Ростовской области содержат обобщающие отчёты Кубано-Черноморского совета народного хозяйства и окружных исполкомов, что позволяет сравнить их с аналогичными материалами Государственного архива Краснодарского края. Документы фондов Государственного архива Ростовской области отличаются большей достоверностью и наличием итоговых данных по области (краю).

Следует отметить фонд 1 «Кубано-Черноморский областной комитет РКП(б)» и фонд 8 «Кубанский окружной комитет РКП(б)» Центра документации новейшей истории Краснодарского края, в которых представлены документы о деятельности областного комитета РКП(б), окружных и районных комитетов правившей партии. Качество информации позволяет объективно оценить содержание формирующихся

общественных отношений в таких сложных регионах как Дон и Кубань. Документы Кубано-Черноморской областной партийной контрольной комиссии (Ф. 7) содержат информацию об организации системы контроля и надзора за деятельностью не только партийных структур, но и местной экономики. Информация, представленная в данном фонде, отличается достоверностью, объективным изложением фактов и их оценки.

Включение в научный оборот большого массива архивных документов должно способствовать объективному анализу сложного периода истории Советской России 1920-х гг., возможности исключения фальсификаций и использованию исторического опыта НЭПа на современном этапе развития.

Вместе с тем, источниковая база 1920-х гг. требует к себе критического подхода и связана она с рядом особенностей как регионального характера, так и общероссийского. Возможность искажения или предоставления недостоверной информации, зависимость от определенных идеологических критериев требует критического анализа содержания и источника информации.

Предстоит кропотливая работа по оценке архивных материалов Юга России, содержащих информацию о реализации новой экономической политики, особенностях развития Дона и Кубани 1920-е гг., так и закономерности экономического реформирования и становления новых общественных отношений. Мы должны признать, что отшумели презентации секретных архивов, схлынула волна ажиотажного интереса к архивным находкам, появилась возможность подвести итоги, сделать выводы [14, с. 11].

Немаловажным фактором является восприятие современным обществом истории 1920-х гг. Популяризация истории через различные средства информации (телекоммуникационная сеть Интернет, электронные СМИ и др.) не всегда формирует объективную историческую память.

В 2021 г. исполняется 100 лет со дня начала новой экономической политики (замены продразверстки продовольственным налогом), и издания сборника документов по истории Юга России 1920-х гг. становятся актуальной задачей.

Список литературы

1. Суворова Л.Н. Нэповская многоукладная экономика: между государством и рынком. М., 2013.
2. Бокарев Ю.П. Нэп как самоорганизующаяся и саморазрушающаяся система // НЭП: экономические, политические и социокультурные аспекты. М., 2006. С. 121–133.
3. Гимпельсон Е.Г. Соотношение экономики и политики в «нэповских» реформах // Россия в XX веке: Реформы и революции: в 2 т. М., 2002. Т. 2. С. 52–60.
4. Орлов И.Б. Новая экономическая политика: История, опыт, проблемы. М., 1999.
5. Кринко Е.Ф., Хлынина Т.П. История Северного Кавказа в 1920–1940-е гг.: современная российская историография. Ростов н/Д, 2009.
6. Современное крестьяноведение и аграрная история России в XX веке / под ред. В.В. Бабашкина. М., 2015.
7. Телицын В.Л. «Бессмысленный и беспощадный»?..: Феномен крестьянского бунта 1917–1921 гг. М., 2002.
8. Перехов Я.А. Власть и казачество: поиск согласия. Ростов н/Д, 1997.
9. Бехтерева Л.Н. Проблемы новой экономической политики 1920-х годов в современной отечественной историографии // Вестник Удмуртского университета. Ижевск, 2010. Вып. 1. С. 57–64.
10. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК) Ф. Р-2830. Оп. 1. Д. 433. Л. 2.
11. ГАКК. Р. Р-102. Оп. 1. Д. 195. Л. 82.
12. Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО) Ф. 7. Оп. 1. Д. 215. Л. 62.
13. ГАКК. Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 30. Л. 54.
14. Минюк А.И. Современная архивная политика: ожидания и запреты // Исторические исследования в России. Тенденции последних лет. М., 1996. С. 11–21.

С.А. Чупрынников

АНТИРЕЛИГИОЗНЫЕ ПАРТИЙНО-ГОСУДАРСТВЕННЫЕ КАМПАНИИ НА КУБАНИ В 1930-Х ГГ.

В статье дана характеристика советской партийно-государственной политики в отношении церкви и религии, проведению массовых антирелигиозных кампаний, участию в них общественно-политических организаций (в частности, профсоюзов) и установлении жесткого контроля.

Ключевые слова: Церковь, вера, государственная политика, антирелигиозная пропаганда, антирелигиозные кампании, общественно-политические организации, контроль.

S.A. Chuprynnikov

ANTIRELIGIOUS PARTY-STATE CAMPAIGNS IN KUBAN IN 1930-s

In this article the characteristics of soviet party-state politics considering church and religion, conducting of mass antireligious campaigns and participating in it of sociopolitical organizations (unions in particular) and establishment of firm control are defined.

Key words: Church, faith, state politics, antireligious propaganda, antireligious campaigns, sociopolitical organizations, control.

Любое идеократическое государство, возникающее революционным путем, неминуемо вступает в конфликт с Церковью, которая является важнейшей частью старой государственности. Сосуществование на равных двух «носителей истины» – двух структур, претендующих на статус высшего арбитра в вопросах общественной жизни, невозможно.

Даже такая революция, как Великая Французская, в момент высшего накала страстей проявила свой религиозный характер, свергнув на время старых богов (Конвентом 7 мая 1794 г. был принят декрет о Верховном Существе, в существование которого был обязан верить каждый француз).

Советское государство оказалось в таком же положении. Коммунистическое учение времени 1930-х гг. в России было в огромной мере *верой,* особой религией, во имя которой большевики и повели борьбу с «неправильной» верой. К тому же действия большевиков 1920–1930-х гг. являлись частью Гражданской войны (только в мирных условиях), в которой на беду России, Церковь выступила на стороне противоположной, да еще и побежденной – белых (а до этого она была активной частью деградировавшего и потерявшего авторитет царизма).

Уже первые декреты победившей большевистской власти жёстко отмели все попытки Церкви свободно и независимо самоорганизоваться в новых условиях. 20 января 1918 г. СНК принимает, а затем публикует Декрет о свободе совести, церковных и религиозных обществах. Русская Православная Церковь окончательно отделяется от государства, ставится в рамки всевозможных запретов и ограничений, имущество

церковное – национализируется. Начался длительный, трагический для всей нации период политического противостояния Церкви и Советского государства. Однако при негативном отношении к религии государство не могло игнорировать существования в России мощной церковной организации и огромного числа верующих.

В основу государственной политики был положен принцип дифференцированной системы отношений с верующими как носителями духовности и с Церковью как социально-политическим институтом. Церковь объявлялась социальным атавизмом, средоточием мракобесия и духовного дурмана.

К верующим гражданам государство демонстрировало другое отношение. Советской пропагандой они представлялись как обманутые Церковью, запуганные, одурманенные люди, но при этом они были органической частью трудового народа, за исключением служителей культа, белогвардейцев и прочих категорий классовых врагов. В исторической перспективе предполагалось полное уничтожение Церкви как общественного института по аналогии с ликвидацией самодержавного аппарата. А верующие должны были, с помощью антирелигиозной пропаганды, осознать ошибочность собственных взглядов. Поэтому государство объявляло о своей терпимости по отношению к верующим и в официальных документах закрепляло тезис о недопустимости оскорбления чувств верующих в процессе атеистической пропаганды. Именно по этой причине государство разрешало временное сохранение Церкви как общественного института, обслуживающего духовные потребности верующих.

При этом государство оставляло за собой право (даже закрепляло это право конституционно) вести антирелигиозную пропаганду, а в конкретной политике осуществлять жесткий контроль за деятельностью церкви.

Следует отметить, что все гонения Советского государства на Русскую Православную Церковь задевали и верующих. Уважение к религиозным чувствам верующих было лишь в постановлениях. К тому же Советская власть предприняла

широкомасштабную акцию идеологического отлучения верующих от Церкви, от религии, от их веры в Бога.

Атеизм в Советском государстве стал органической составной частью общей идеологической доктрины, структурное построение которой имело форму необычайно схожую с православным христианством, только советскому человеку был дан новый предмет веры – коммунизм. Духовное родство верующих заменила партийная принадлежность, вместо беззаветного служения Богу предлагалось служение Вождю, который в свою очередь поклонялся «единственно верному учению».

В 1920-х гг. атеистическим воспитанием активно занимались в основном партийные органы и союз безбожников. В 1930-е гг., с развертыванием массового колхозного движения и перестройкой культурно-воспитательной работы, этот участок становится одним из основных в деятельности и общественно-политических организаций.

Так, профсоюзные организации нацеливались на проведение наступательной атеистической пропаганды, формирование кадров воинствующих антирелигиозников. При культотделах окружных совпрофов выделялся специальный платный инструктор по антирелигиозной работе [1], а в первичных профячейках создавался широкий добровольческий актив.

В программу Северо-Кавказской краевой профшколы включалось не менее двух занятий в декаду по теме «Антирелигиозная работа на предприятиях». Профсоюзным организациям рекомендовалось усилить контроль за расходованием средств, отпускаемых на антирелигиозную пропаганду, не допуская их использования не по назначению. Использовались различные формы, и наполнялось советскими социалистическими ориентациями содержание проводимых мероприятий. Наиболее широкое распространение в это время получило проведение в профсоюзных клубах антирождественских и антипасхальных кампаний, проходивших под непосредственным руководством районных комитетов партии.

В дни религиозных праздников профсоюзные клубы работали до трех-пяти часов утра, проводя в противовес церковным службам новые советские обряды, выступления «живых газет» и т.д. Зачастую это происходило навязчиво, и, как правило, как политическое мероприятие. Так, бюро Краснодарского горкома ВКП(б) накануне Рождества, 17.12.1931 г., рассмотрев вопрос «О проведении антирелигиозной кампании в связи с приближением религиозного праздника «рождества» постановляет: «Считать необходимым провести предстоящую антирелигиозную кампанию как массовую политическую кампанию под лозунгом еще большей мобилизации рабочих и трудящихся масс на борьбу за промфинплан и встречи четвертого заключительного года пятилетки, разрешения основных задач, поставленных партией в области улучшения культурно-бытового рабочих и трудящихся масс, вскрытия классово-враждебного характера религии и религиозно-сектантских движений. Организовывать среди рабочих новые ударные бригады имени Союза воинствующих безбожников» [2].

И в то же время активного закрытия или разрушения церквей в самый начальный период коллективизации в сельской местности не наблюдалось. Более того, оно было запрещено партийными органами. Так, 14 января 1930 г. бюро Северо-Кавказского крайкома ВКП(б), рассмотрев вопрос «О закрытии церквей и монастырей», постановляет «категорически запретить на период кампании по коллективизации на местах поднимать вопросы о закрытии церквей в селах и станицах и, особенно мечетей в национальных областях» [3]. А следить за исполнением этого постановления должны были органы ОГПУ [4].

При всей надуманности и навязчивости проводимой работы, но с административно-командным ее обеспечением, результат был налицо. Быстро росла численность союза воинствующих безбожников, усиливался авторитет этой организации, созданной в 1925 году. Если в 1928 г. в ней состояло 18 тыс. членов профсоюза, то в 1931 г. их было 210 тыс. [5]. Направления деятельности Союза воинствующих

безбожников довольно разнообразны – от подготовки кадров пропагандистов, агитаторов, лекторов до пропаганды атеистического мировоззрения через устройство лекций, бесед и участия в массовых общественно-политических кампаниях.

Во второй половине 1930-х гг. антирелигиозная работа на уровне идеологическом ослабевает. Характерно высказывание одного из выступающих на 6-й Краснодарской горпартконференции 22 мая 1937 г.: «…Мы антирелигиозной работе совсем не уделяем внимания, думаем, раз собор сломали (имеется в виду «Белый собор» – авт.), так все сделали [6]. Хотя в это время в г. Краснодаре было только зарегистрированных 11 религиозных обществ, но существовали и незарегистрированные подпольные богомольные дома [7]. Активный прессинг в религиозной сфере позволял в тяжелые времена (1933 г.), даже попирая морально-религиозные устои и традиции, использовать те же церковные здания для «земных» целей. Так, 5.07.1933 г. бюро Краснодарского горкома ВКП(б) принимает решение «согласиться с предложением о постройке в здании бывшей церкви пекарни, производительностью 50 тонн» [8].

Но этот прессинг не был однозначно отрицающим и разрушающим. Имели место и факты диаметрально противоположно порядка. Так, 27 сентября 1935 г. бюро Краснодарского горкома ВКП(б) рассмотрело вопрос «Об освобождении Заготзерно церкви в ст. Пашковской» и обязало руководство первого (Мельников) под личную ответственность в 5-тидневный срок перевезти зерно из помещения церкви в другое складское помещение и отчитаться о выполнении решения» [9]. Власть предержащие учитывали особенности и силу русского менталитета в духовной сфере.

Проводимые советской властью антирелигиозные кампании позволяют говорить о том, что принципы государственной политики в отношении Церкви определялись идеологическими постулатами коммунистической доктрины. В формационной теории классиков марксизма-ленинизма Церковь однозначно связывалась с эксплуататорским государством (а в условиях дореволюционной России это

являлось реалией), а религия понималась как форма идеологического закабаления народных масс. Поэтому в Советской России, победившей под лозунгом «Долой самодержавие» и вставшей на путь активного строительства коммунистического общества, особенно в 1930-е гг., времени индустриализации и коллективизации, революционного идеологического социалистического прессинга, не было места ни религии, ни Церкви.

Список литературы

1. Центр документации новейшей истории Краснодарского края (далее ЦДНИКК). Ф. 8. Оп. 1. Д. 170. Л. 19.
2. ЦДНИКК. Ф. 1072. Оп. 1. Д. 131. Л. 16.
3. Центр документации новейшей истории Ростовской области. Ф. 7. Оп. 1. Д. 980. Л. 4.
4. Там же.
5. Профсоюзы Северного Кавказа в борьбе за пятилетку: Материалы IV краевого съезда профсоюзов. Ростов н/Д. 1932. С. 10.
6. ЦДНИКК. Ф. 1072. Оп. 1. Д. 850. Л. 455.
7. Там же. Д. 958. Л. 26.
8. ЦДНИКК. Ф. 1072. Оп. 1. Д. 342. Л. 30.
9. Там же. Д. 3809. Л. 27.

В.А. Стадник

РОЛЬ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ КК-РКИ В РАЗВИТИИИ ПИЩЕВОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ДОНБАССА В 1932–1934 ГГ.

Рассматриваются особенности развития пищевой промышленности Донбасса в 1932–1934 гг. Акцентируется внимание на роли территориальных органов Контрольных комиссий Рабоче-крестьянской инспекции в развитии предприятий группы «Б», включавшей производство продуктов питания для трудящихся Донбасса.

Ключевые слова: Контрольные комиссии Рабоче-Крестьянской инспекции, пищевая промышленность, Донбасс, партийно-хозяйственное руководство.

V.A. Stadnik

ROLE OF TERRITORIAL KK–RKI IN THE DEVELOPMENT AND FOOD INDUSTRY OF DONBASS IN THE YEARS 1932-1934

The article discusses the features of the development of food industry in Donbass in 1932–1934. Attention is focused on the role of the territorial bodies of the Control Commissions of the Workers' and Peasants' Inspectorate in the development of Group B enterprises, which included enterprises producing food products for Donbass workers.

Key words: Control commissions of the Workers' and Peasants' Inspectorate, food industry, Donbass, party economic management.

Индустриальный потенциал Донбасса к началу второй пятилетки состоял преимущественно из крупных предприятий союзного подчинения, относящихся к группе «А» (тяжелая промышленность). Однако, из-за постоянно увеличивающегося количества рабочей силы в указанном регионе, существовала острая необходимость развития пищевой промышленности на местном уровне.

Основной целью статьи является изучение деятельности контролирующих органов в работе предприятий группы «Б», к которым относилась пищевая промышленность.

Указанная тема ранее специально не исследовалась. Поэтому особый интерес для современных исследований представляет деятельность территориальных КК–РКИ и их роль в развитии предприятий, производивших продукты питания для трудящихся Донецкого бассейна.

Данная статья является новаторской и написана преимущественно на материалах Государственного архива Донецкой Народной Республики (далее – ГА ДНР).

На рубеже 1932–1933 гг. в Советской Украине осваивались новые производства: маслопроизводство, цельномолочное, беконное, колбасное, сахарное, консервное. Однако пищевая промышленность еще не полностью удовлетворяла запросы трудящихся. Необходимо было расширить ассортимент продукции и улучшить ее качество. Следует отметить, что сопутствующим фактором форсированной индустриализации было введение карточной системы распределения продуктов

питания, существовавшей в 1929–1934 гг. [1, с. 41]. Одновременно были созданы закрытые рабочие кооперативы (ЗРК), отделы рабочего снабжения (ОРСы), столовые для рабочих и служащих, продовольственные магазины на предприятиях [2, с. 107–110].

Советские органы контроля особое внимание уделяли обеспечению Донбасса продовольствием. Вопрос о снабжении этого региона, как важнейшей индустриальной базы СССР, неоднократно поднимался в высших государственных и партийных структурах, в том числе и в ЦКК ВКП(б) – НК РКИ СССР. Первый секретарь Донецкого обкома КП(б)У С. Саркисов, на пленуме обкома и ОблКК–РКИ, который состоялся в г. Сталино (Донецк) 30.01.1933 г., заявил о необходимости эффективного развития собственной пищевой промышленности в Донецком регионе: «Пищевой промышленности в Донбассе до сих пор уделялось чрезвычайно мало внимания. Теперь поставлен вопрос о превращении Донбасса из области потребляющей, (в отношении продовольственных продуктов) в область, производящую» [3, л. 15]. Для выполнения данной задачи в конце 1932 г. были образованы областные тресты с целью организации, планирования и производства продовольствия для трудящихся важнейшего промышленного региона (Мясотрест, Аздонрыбтрест). В районе шахты Рутченково за короткие сроки в этот же период был реконструирован пивзавод. Территориальные органы контроля проводили соответствующие обследования и проверки предприятий вышеуказанных трестов – мясокомбинатов в Луганске и Сталино, консервного комбината и Гослова в Мариуполе, Рутченковского пивзавода [4, л. 16–17].

Одним из основных направлений в обеспечении продуктами питания Донбасса являлось мукомольное и хлебопекарное производство.

Президиум ЦКК ВКП(б) и Коллегия НК РКИ СССР констатировали, что работа мукомольной промышленности в стране была организована неудовлетворительно и ухудшилась в 1932 г. по сравнению с 1931 г. Борьба с хищениями и разбазариванием зерна и муки, массовые прогулы и текучесть

рабочей силы привели к огромным убыткам (до 40 млн. руб.) [5, л. 4]. В связи с этим ЦКК–НК РКИ УССР в 1932 г. обязал территориальные органы КК–РКИ проверить количество предприятий хлебопекарной промышленности, запасы сырья, топлива и их хранение, качество муки и хлеба, санитарное состояние на хлебозаводах, социально-бытовые условия жизни рабочих, положение в капитальном строительстве [6, л. 114]. На момент обследования хлебопекарной промышленности (январь1932 г.) в Донбассе действовало 28 хлебозаводов, 4 механических и 38 кустарных пекарен. Общая мощность всех хлебовыпекающих предприятий составляла 1764 тонны хлеба в сутки, при суточной потребности в 1868 тонн. ОблКК-РКИ выявила, что обеспеченность механическим оборудованием хлебозаводов недостаточная, условия хранения неудовлетворительные, загруженность хлебопекарных предприятий из-за неудобного территориального расположения и недостатка транспорта не позволяют использовать хлебовыпекающие предприятия на полную мощность (табл. 1).

Таблица 1

Производственная загруженность отдельных хлебовыпекающих предприятий Донбасса в 1932 г. [7, л. 117]

Название х/завода, пекарни	Загруженность в %
Щербиновский х/завод	73%
Горловская механическая пекарня	73%
Н-Горловский х/завод	58%
Калиновская кустарная пекарня	80%
Нью-Йоркская кустарная пекарня	50%
Рудник «Северный»	50%
Рудник №5	42%
Пекарня при д. Щербиновке	28%

Данные таблицы подтверждают факты существовавшего дисбаланса в работе хлебопекарных предприятий.

Кроме этого были зафиксированы случаи простоя хлебозаводов из-за отсутствия муки (Макеевский хлебозавод), топлива (Краматорская пекарня). Предприятия снабжались некачественной мукой. Так, в Сталино, Горловке и Макеевке

процент примеси ячменно-кукурузной муки и отрубей достигал 50%. Вследствие отсутствия лабораторий по качеству выпекаемого хлеба, их недостаточного обеспечения необходимым оборудованием, количество нестандартного хлеба достигало 30%. На многих предприятиях были установлены массовые хищения хлеба. Проверка санитарного состояния хлебозаводов, механических и кустарных пекарен зафиксировала в помещениях и оборудовании – грязь, мусор (кустарная пекарня Рыково), отсутствие канализации и вентиляции (Буденовский хлебозавод) [8, л. 117–118].

Капитальное строительство в хлебопекарной промышленности было признано неудовлетворительным: сорваны поставки необходимых стройматериалов, выделенные денежные средства (46 тыс. руб.) не были использованы при строительстве Мариупольского хлебозавода. Сталинский хлебозавод не имел дренажа, что угрожало подтоплением подвальных помещений в период весеннего таяния снега.

На основании материалов проверок хлебопекарной промышленности Донбасса контролирующие органы в 1933 г. ходатайствовали об отстранении руководства «Доноблпромхлеба» от исполнения своих обязанностей, что и было сделано.

Руководство страны уделяло особое внимание обеспечению Донбасса мясом и мясной продукцией, а также созданию тут неприкосновенного мясного фонда. Этот регион, по значимости, был сопоставим с Московской и Ленинградской областями. Несмотря на то, что мясоперерабатывающее производство в Донбассе находилось в процессе становления, обеспечение мясом было поставлено под контроль Совета Труда и Обороны (СТО). В постановлении от 25.12.1932 г., утвержденном Председателем СТО В.М. Молотовым, были определены следующие объемы мясопоставок: «… в течение декабря 1932 г. организовать запасы по мясу 4150 тонн, из которых 2400 тонн завезти на холодильники Донбасса. Запланированные объемы мясопоставок были перевыполнены, государственный резерв в Донбассе к началу 1933 г. достиг 5494 тонн, из которых 2840 тонн - завезены в холодильники [9, л. 48–49]. Снабжение и распределение мясной

продукции находилось под четким контролем территориальных КК-РКИ [10, л. 76].

Партийно-хозяйственные органы Донецкой области, как подспорье мясной продукции, рассматривали развитие рыбной промышленности. В то же время в этой отрасли существовали определенные проблемы, связанные с ловом рыбы, ее хранением, транспортировкой и переработкой. Эти факторы были обозначены в докладной записке инспектора ОблКК–РКИ К. Столярова: 1) несмотря на наличие водных ресурсов – Азовского моря, Кальмиуса, Дона слабо организованы процессы лова рыбы, ее хранения, транспортировки и переработки; 2) планирование рыбного хозяйства проходило без каких-либо конкретных обоснований и соответствующей материально-технической базы; 3) условия хранения улова не соответствовали санитарным нормам, ледники не оборудованы: «… на складах Рыбтреста скопилось до 20 тыс. пудов рыбы, причем часть рыбы лежит с 10 января. Сетки не перебраны с имеющейся в ней рыбой по 2–3 недели»; 4) культурно-бытовые условия рыбаков по всем рыбным хозяйствам были определены как неудовлетворительные: «…общежития не оборудованы, нет постельных принадлежностей, баня отсутствует, столовых нет»; 5) выявлены массовое браконьерство, хищение и разбазаривание рыбы и средств улова [11, л. 107–108]. ОблКК-РКИ поставила в известность о выявленных фактах обком КП(б)У и облисполком, приняла решение о выезде в Мариупольский район повторной специальной комиссии из представителей ОблКК-РКИ, Облплана и Облснаба для проверки учреждений и организаций, отвечающих за улов и обеспечение рыбой промышленных предприятий Донбасса.

В течение второй пятилетки, по данным З.Г. Лихолобовой, число предприятий пищевой промышленности увеличилось с 52 до 200, а хлебозаводы увеличили производство в 3,5 раза [12, с. 65].

Таким образом, в 1932–1934 гг. в Донбассе была создана собственная продовольственная база, в 1935 г. отменена карточная система на хлеб и другие продукты питания. Особая роль в этом принадлежала местным органам контроля – КК-РКИ.

Список литературы

1. Донбасс в 1920-е – 30-е годы (встреча за «круглым столом») // Лихолобова З.Г. Вибрані праці. Донецьк, 2003. С. 40–44.
2. Струченков О.В. Матеріальне становище інженерно-технічних працівників вугільної промисловості Донбасу в роки першої п'ятирічки // Історичні і політологічні дослідження. 2006. Донецьк, № 1–2. С. 102–114.
3. Государственный архив Донецкой Народной Республики (далее ГА ДНР). Ф. Р-835. Оп. 1. Д. 51. Л. 15.
4. ГА ДНР. Ф. Р-835. Оп. 1. Д. 51. Л. 16–17.
5. ГА ДНР. Ф. Р-835. Оп. 1. Д. 61. Л. 4–5.
6. ГА ДНР. Ф. Р-835. Оп. 1. Д. 51. Л. 114–116.
7. ГА ДНР. Ф. Р-835. Оп. 1. Д. 51. Л. 117–119.
8. Там же.
9. ГА ДНР. Ф. Р-835. Оп. 1. Д. 51. Л. 48–49.
10. ГА ДНР. Ф. Р-835. Оп. 1. Д. 51. Л. 76–80.
11. ГА ДНР. Ф. Р-835. Оп. 1. Д. 51. Л. 106–108.
12. Индустриальное развитие Донбасса в условиях «большого скачка» // Лихолобова З.Г. Вибрані праці. Донецьк, 2003. С. 45–76.

Е.Ф. Кринко

РОЛЬ КНИГ ПАМЯТИ В УСТАНОВЛЕНИИ СВЕДЕНИЙ О ПОТЕРЯХ НАСЕЛЕНИЯ ЮГА РОССИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ[1]

Исследователи ведут острые дискуссии о демографических последствиях Великой Отечественной войны. Установить точную численность погибших в годы Великой Отечественной войны сложно из-за отсутствия необходимых источников. Книги Памяти являются ценным источником сведений о потерях в войне населения Юга России.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, военные потери, историческая демография, Книги Памяти, население Юга России.

E.F. Krinko

THE ROLE OF MEMORY BOOKS IN ESTABLISHING INFORMATION ABOUT THE LOSS OF POPULATION OF THE SOUTH OF RUSSIA IN THE YEARS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

[1] Статья подготовлена в рамках гранта Российского научного фонда «Войны и население Юга России в XVIII – начале XXI в.: история, демография, антропология» (проект № 17-18-01411).

Researchers lead heated debates on issues of demographic losses during the Great Patriotic War. It is difficult to establish the exact number of the deaths during the Great Patriotic War due to the lack of necessary sources. The Memory Books are valuable source of information about the losses in the war in certain regions of the South of Russia.

Key words: Great Patriotic War, military losses, historical demography, Memory Books, population of Southern Russia.

Вопросы о потерях населения СССР в годы Великой Отечественной войны вызывают острые дискуссии [1, с. 220–293; 2, с. 18–28 и др.]. Долгие годы определение общего количества советских потерь оставалось прерогативой государственных и партийных руководителей. Только с конца 1980-х гг. появились более реалистичные оценки потерь советского населения в годы войны, опиравшиеся на материалы всесоюзных переписей населения 1937 и 1939 гг. и рассекреченные архивные документы [3 и др.]. Тем не менее, установить точную численность потерь, нанесенных войной населению регионов Юга России, сложно из-за отсутствия необходимых источников.

Существенную роль в выяснении численности погибших советских граждан в 1941–1945 гг. сыграла подготовка Книг Памяти. В разное время в различных населенных пунктах, в основном, по инициативе ветеранов войны, стали составлять поименные списки жителей, не вернувшихся с фронта или погибших при их освобождении. 17 января 1989 г. ЦК КПСС принял решение о подготовке и издании с 1989 по 1995 гг. Всесоюзной Книги Памяти, состоящей из Книг Памяти областей, краев, республик. Издание должно было включать фамилии военнослужащих, партизан и подпольщиков, погибших и умерших от ран в годы Великой Отечественной войны и в боях против японских милитаристов. Однако политические и экономические трансформации рубежа 1980–1990-х гг. не позволили в большинстве регионов своевременно взяться за данную работу. Всероссийский масштаб она прибрела после принятия Постановления Правительства Российской Федерации 22 декабря 1992 г. «Вопросы подготовки и издания Книг Памяти» и закона Российской Федерации «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества» 14 января 1993 г.

В алфавитные списки погибших, включая пропавших без вести, умерших от ран и болезней, фамилии заносились по месту их призыва или рождения. В качестве источников использовались документы по персональному учету безвозвратных потерь Центрального архива Министерства обороны РФ, Центрального военно-морского архива, Военно-медицинского музея; военкоматские книги (карточки) учета призванных на действительную военную службу и алфавитные книги по учету погибших военнослужащих и назначению пенсий; дворовые книги учета и карточки проживающих в домах городских домоуправлений; книги захоронений; документы региональных и местных органов власти, архивов и музеев; материалы, собранные советами ветеранов войны, отделениями Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, краеведами и поисковиками.

К 50-летию Победы в 1995 г. в России было издано более 700 томов поименных Книг памяти. В результате было установлено, например, что во время войны погибли 469255 жителей Краснодарского края [4, с. 6]. В Ставропольском крае благодаря работе над Книгой памяти удалось создать «своеобразный банк уточненных сведений на 190 тыс. чел., погибших и пропавших без вести», а всего домой не вернулось около 200 тыс. жителей края [5, т. 1, с. 8–9, т. 11, с. 9]. В Республике Адыгее удалось дополнительно выявить 14785 имен погибших, а также выяснить судьбы 4647 чел., считавшихся ранее пропавшими без вести. По уточненным сведениям, с войны не вернулось 30543 жителей Адыгейской автономной области [6, т. 2, с. 11].

Однако установить точную судьбу многих участников войны оказалось невозможно к моменту издания Книг памяти из-за отсутствия необходимых документов. Составители обзорного тома с сожалением констатировали, что «местами в поименных Книгах памяти очень скупо рассказано о погибших, а о некоторых ничего не сказано. На многих ушедших на фронт и погибших в боях, к сожалению, никаких данных пока нет» [7, с. 9]. Нередко в документах военного времени встречаются ошибки и описки. Составители одной из Книг Памяти

справедливо отмечали необходимость продолжения работы над поименными списками погибших: «Это благородное дело нельзя считать законченным, так как половина не вернувшихся с полей земляков до сих пор считается пропавшими без вести» [6, т. 1, с. 15–16]. Редколлегия другой Книги Памяти откровенно призналась в том, что не может «поручиться за полную достоверность этих списков», так как «слишком формально и часто небрежно были проведены подготовительные и учетные работы и в военкоматах, и в местных (тогда) Советах» во многих населенных пунктах [8, с. 8].

Не везде составители строго соблюдали правило указывать в Книгах памяти только тех погибших, кто призывался из данных населенных пунктов, необходимое, чтобы избежать в последующем двойного и тройного счета. Как отмечал составитель Книг Памяти в Ростовской области И.А. Шмыгаль: «Смысл глубокий этого момента в том, что запись о человеке должна быть уникальна. Один человек – одна запись. А получалось так, что где-то кто-то запрашивал [сведения] с другого района. То есть, сестра, допустим, запрашивала, а там где-то дети поразъехались. И, получается, что во всех районах, во всех Книгах памяти он записан… и есть фамилии, которые в тринадцати районах обозначены. То есть, человек 13 раз умер, что ли?» [9].

В результате обнаружились существенные противоречия между данными об общем количестве призванных и погибших по военным округам и данными, приведенными в Книгах Памяти. По официальным данным, с территорий Юга РСФСР (охватывающих современные республики Адыгею, Дагестан, Ингушетию, Кабардино-Балкарию, Калмыкию, Карачаево-Черкесскую, Северную Осетию-Аланию и Чеченскую, а также Астраханскую, Волгоградскую и Ростовскую области, Краснодарский и Ставропольский края) в 1941–1945 гг. было призвано 1894,2 тыс. чел. Потери составили 873 тыс. чел. [3, с. 33, 38]. Однако если суммировать данные региональных Книг Памяти, а также сведения, предоставленные военкоматами, то получается, что в войне принимали участие около 2858 тыс.

жителей данных регионов, их которых погибли примерно 1125 тыс. чел. [2, с. 26].

Эти противоречия объясняются еще и тем, что к началу Великой Отечественной войны в Красной армии и Военно-морском флоте уже проходили воинскую службу многие выходцы из южных регионов. Например, только из Калмыцкой АССР в РККА служили 4432 чел. [10, с. 53], из Чечено-Ингушской АССР – до 9 тыс. чел. [11], из Дагестанской АССР – 18 тыс. чел. [12]. Следует учитывать и то, что часть бывших советских военнослужащих, призванных из южных регионов, попав в плен, перешла на сторону противника и оказалась в различных частях и соединениях вермахта и СС. Сколько именно – установить точно невозможно.

Значительная часть документов военкоматов, осуществлявших призыв, не сохранилась. К тому же современная административно-территориальная структура отличается от той, которая существовала в годы войны, что также создает серьезные противоречия. Так, составители Книг Памяти Республики Калмыкии включили в списки земляков, призванных Приволжским и Долбанским военкоматами Калмыцкой АССР (в настоящее время районы входят в состав Астраханской области), а также Енотаевским, Черноярским и другими военкоматами Астраханского округа [13, с. 17]. В то же время в общих данных по Калмыкии не учитываются призванные и погибшие из Лиманского и Приволжского районов в 1944–1945 гг. В свою очередь, в Астраханской области в численность призванных и погибших включают жителей двух районов, входивших в Калмыцкую АССР и учитывавшихся по Калмыцкому облвоенкомату до декабря 1943 г. В результате одни и те же лица могли оказаться в Книгах Памяти и Республики Калмыкии, и Астраханской области.

В Книге Памяти Республики Дагестан оговаривается, что общее количество воевавших на фронте жителей не включает 16 тыс. человек, призванных из Кизляра, Кизлярского, Тарумовского и Ногайского районов, поскольку эти территории в 1941–1945 гг. входили в состав других административных образований [14, с. 32]. В автономных республиках в списки

погибших порой включались представители титульных этносов, проживавших и призванных за пределами данных образований.

Поэтому составление и издание Книг Памяти продолжилось, что позволило уточнить сведения о потерях советского населения в 1941–1945 гг., опубликовать дополнительные и исправленные списки погибших. Так, И.А. Шмыгаль подготовил Книги Памяти нескольких районов Ростовской области [15–19], в которые были внесены необходимые исправления по сравнению с областной Книгой памяти на основе тщательного сопоставления опубликованных списков с данными военкоматов, сельсоветов, похозяйственных книг и других доступных источников: А.А. Смирнов составил Книгу памяти Красноармейского района г. Волгограда. Она включает списки мирных жителей, погибших и пострадавших при налетах немецкой авиации, погибших во время войны, не вернувшихся с войны, а также советских военнослужащих, захороненных на территории района. При этом из 2905 имен, числившихся по данным военкомата в братской могиле на площади Свободы, 623 записи оказались не соответствующими действительности: 229 – двойных, 159 ошибочных, 230 приписанных из других мест захоронений Красноармейского района, 1 без вести пропавший, а также 1 немецкий и 2 румынских военнопленных, умерших в советских госпиталях. В братской могиле в поселке Сакко и Ванцетти из 393 имен 22 оказались ошибочными. В то же время, сравнение имевшихся сведений с данными ОБД «Мемориал» позволило выявить дополнительно 1270 имен и 54 имени похороненных на кладбищах Красноармейска и пос. Сакко и Ванцетти. Эти сведения переданы в военкомат и администрацию района для указания на плитах с именами павших [20, с. 5–6]. Публикацию ценных документов военкоматов Чечено-Ингушской АССР предпринял В.В. Семёнов. В трех томах он представил сведения о 20841 чел., призванных из пяти северных районов Чечено-Ингушской АССР – Наурского, Шелковского, Сунженского, Малгобекского и Надтеречного [21–23].

Однако до сих пор значительную часть не вернувшихся с фронта жителей юга страны составляют пропавшие без вести. Согласно подсчетам В.К. Щербанова, соотношение пропавших к

числу погибших в среднем по Книгам Памяти составляет около 47%, при этом в Волгоградской области оно чуть ниже среднего – 45,1%, а в Ростовской области и в Республике Крым, напротив, существенно выше – 61,7 и 63% соответственно [24, с. 95–96]. Поэтому работа по созданию обновленных Книг Памяти должна быть продолжена. Между тем, она все еще остается преимущественно задачей отдельных энтузиастов, не всегда получающих поддержку со стороны органов государственной власти.

Список литературы

1. Кропачев С.Я., Кринко Е.Ф. Потери населения СССР в 1937–1945 гг.: масштабы и формы. Отечественная историография. М., 2012. С. 220–293.
2. Кринко Е.Ф. Проблемы изучения численности населения России в годы Великой Отечественной войны // Российская история. 2019. № 3. С. 18–28.
3. Население России в XX веке. Исторические очерки. Т. 2. 1940–1959 / отв. ред. В.Б. Жиромская. М., 2001.
4. Кубань в Великой Отечественной… 1941–1945. Краснодар, 2000.
5. Книга Памяти ставропольцев, погибших в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Ставрополь, 1994–1997. Т. 1–11.
6. Книга Памяти: Республика Адыгея. Майкоп, 1994–1995. Т. 1–2.
7. Всероссийская Книга памяти. 1941–1945. Обзорный том. М., 1995. С. 9.
8. Они не вернулись из боя… Книга Памяти. Российская Федерация. Краснодарский край. Мостовской район. Майкоп, 1995.
9. Респондент: Шмыгаль Игорь Анатольевич. Интервьюер Е.Ф. Кринко. Место проведения: г. Ростов-на-Дону. Продолжительность: 113 минут. Запись 6 февраля 2018 г. // Архив отдела гуманитарных исследований (ОГИ) ЮНЦ РАН.
10. Очиров У.Б. Военные мобилизации в Калмыцкой АССР в 1941–1943 гг. // Коренной перелом в Великой Отечественной войне: к 70-летию освобождения Дона и Северного Кавказа: материалы Междунар. науч. конф. (г. Ростов-на-Дону, 6–7 июня 2013 г.). Ростов-на-Дону, 2013. С. 53–60.
11. Письмо военного комиссариата Чеченской Республики от 22 мая 2018 г. № 1880 [О направлении сведений об участии жителей Чечни в войнах, вооруженных конфликтах и военных операциях в XX – XXI вв.] // Архив ОГИ ЮНЦ РАН.
12. Письмо военного комиссариата Республики Дагестан от 20 апреля 2018 г. № ПРВ/1340 [О направлении сведений об участии жителей Республики Дагестан в войнах, вооруженных конфликтах и военных операциях в XX – XXI вв.] // Архив ОГИ ЮНЦ РАН.

13. Очиров У.Б. Книги Памяти Астраханской области как источник по истории участия калмыков в Великой Отечественной войне // Magna adsurgit: historia studiorum. 2016. № 1. С. 16–24.

14. Назовем поименно: Книга Памяти. Махачкала, 1996. Т. 1.

15. Память [Книга памяти Ремонтненского района]. Элиста, 2010.

16. Память жива [Книга памяти Веселеловского района]. Ростов н/Д, 2012.

17. Героев чтит и помнит Зерноград [Книга памяти Зерноградского района]. Ростов н/Д, 2013.

18. Помните нас поименно [Книга памяти Дубовского района]. Ростов н/Д, 2015.

19. Будем помнить [Книга памяти Егорлыкского района]. Ростов н/Д, 2017.

20. Книга нашей памяти. Красноармейский район Волгограда. Списки жителей района, погибших во время Великой Отечественной войны и воинов, погибших или умерших в госпиталях, располагавшихся на территории Красноармейска / сост. А.А. Смирнов. Волгоград, 2017.

21. Семёнов В., Поневач И. Проект «Военкомат». Кн. 1. ЧИ АССР, военкоматы Наурского и Шелковского районов. Сохранившиеся материалы 1939–1947 гг. М., 2016.

22. Семёнов В., Редькин Р. Проект «Военкомат». Кн. 2. Казачья Атлантида Чечено-Ингушетии. М., 2017.

23. Семёнов В., Поневач И. Проект «Военкомат». Кн. третья. Коллекции документов 1939–1945 гг. военных комиссариатов Малгобекского, Сунженского и Надтеречного района ЧИ АССР. М., 2018.

24. Щербанов В.К. Книга Памяти в новых социальных условиях // Государство и общество в увековечении памяти защитников Отечества: опыт, проблемы, перспективы: материалы Межрегион. науч.-практ. семинара-совещания, 3–4 ноября 2007 г. Сыктывкар, 2007.

И.В. Киселев

БОРЬБА НА ПРИМОРСКОМ ФЛАНГЕ БИТВЫ ЗА КАВКАЗ 1942–1943 гг. В ТРУДАХ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ ИСТОРИКОВ

Статья посвящена трудам современных российских историков, изучающих борьбу на приморском направлении в ходе битвы за Кавказ 1942–1943 гг. Автором анализируются основные направления исследований и перспективы изучения этого сражения Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, битва за Кавказ, историография, Черноморский флот, взаимодействие

I.V. Kiselyov

THE FIGHT ON THE SEASIDE BATTLE FLANGE FOR THE CAUCASUS 1942–1943 IN THE WORKS OF CONTEMPORARY RUSSIAN HISTORIANS

The article is devoted to the works of contemporary Russian historians, which are studying the fighting in the seaside direction in the battle of the Caucasus 1942–1943. The author analyzes the main directions of research and the prospects for studying this battle of the Great Patriotic War of 1941–1945.

Key words: The Great Patriotic War, Battle of the Caucasus, historiography, Black Sea Fleet, interaction.

Традиционно битва за Кавказ 1942–1943 гг. ассоциируется с борьбой за регионы нефтедобычи и противостоянием на перевалах Главного Кавказского хребта. Во многом эти события заслонили собой противостояние, развернувшееся на побережье Черного и Азовского морей. Изучение его хода велось в советское время и продолжилось на рубеже XX – XXI вв. Анализу современных тенденций в отечественной историографии, связанных с борьбой на приморском фланге битвы за Кавказ и посвящена данная статья.

Как известно, на рубеже 80-х – 90-х гг. XX в. историография Великой Отечественной войны приобрела новые черты. На смену однозначной оценке событий Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. пришло разнообразие мнений и взглядов. Сначала перемены проявили себя в искусстве, художественной и публицистической литературе и только потом в научных исследованиях. При этом одни исследователи не отошли от риторики советского времени. Другие авторы попытались переосмыслить взгляды на прежние положения советской историографии, опираясь на новую источниковую базу. Третьи стали интерпретировали события военного времени в традициях зарубежной и эмигрантской исторической мысли, настроенной по отношению к СССР резко критически.

Следствием этого стало излишне эмоциональное описание истории войны, крайность в оценках тех или иных событий. В частности, В.В. Бешанов и А.Б. Широкорад, излагая свое видение ведения борьбы на черноморском побережье Кавказа,

претендуют быть истиной в последней инстанции, хотя их произведения носят скорее компилятивный, нежели исследовательский характер [1; 2; 3].

Полной противоположностью им стали труды, представляющие официальный взгляд на события войны: опубликованные в 1998–1999 гг. четырехтомные военно-исторические очерки «Великая Отечественная война 1941–1945 гг.» и одноименный двенадцатитомник, вышедший в свет в 2011–2015 гг. [4; 5]. По сути, они продолжали традиции фундаментальных изданий советского периода. Естественно, что операции армии и флота на приморском фланге битвы за Кавказ представлены в определенных томах, в самом общем виде и без существенных дополнений по сравнению с аналогичными предшествующими изданиями.

Гораздо детальнее совместные операции Красной Армии и Черноморского флота, развернувшиеся на Кубани в 1942–1943 гг., рассматриваются в исследованиях, обобщающих ход боевых действий на море и в прибрежных районах. В рамках этого направления работают В.Д. Доценко, В.А. Золотарев, В.И. Жуматий, И.А. Козлов и ряд других авторов, изучающих военно-морское искусство и роль советского флота в Великой Отечественной войне [6; 7; 8]. Для них свойственна строгая научность в оценке хода боевых действий и их итогов, обобщение накопленного опыта в интересах современных Вооруженных Сил.

Среди таких работ стоит отметить две. Автором первой из них является военно-морской историк А.В. Платонов, которому удалось детально описать и проанализировать боевые действия на Черноморском театре военных действий. Не рассматривая взаимодействие сухопутных и морских сил, автор тем не менее дал взвешенную оценку боевым возможностям Черноморского флота и его командованию, борьбе на морских коммуникациях и набеговым операциям советских кораблей [9]. Другой труд стал результатом совместных усилий военного историка М.Э. Морозова и исследователя истории флота А.Я. Кузнецова. Отдавая приоритет действиям на море, авторы уделили значительное внимание и совместным операциям Красной Армии

и Черноморского флота [10]. Обе книги отличаются современным научным подходом, широким использованием в качестве источников советских и немецких оперативных документов, логичностью, системностью и беспристрастностью изложения хода событий.

Далее необходимо остановиться на многочисленной группе работ, которые дают обзор отдельных совместных операций Красной Армии и Черноморского флота в контексте всей Великой Отечественной войны. В отличие от исследований по военно-морскому искусству среди трудов этого направления нет единства мнений по наиболее спорным вопросам истории Великой Отечественной войны. Во многом такое положение дел обусловлено стремлением таких исследователей, как А.В. Исаев [11] и И.Б. Мощанский [12], определить как военное, так и историческое значение этих операций.

Еще одно направление современной историографии войны включает в себя исследования об участии в войне различных родов войск и применении разных образцов военной техники в ходе операций на черноморском побережье. Такие работы многочисленны и пользуются огромной популярностью у читателей. В первую очередь, это книги, посвященные советской и немецкой авиации [13; 14; 15], бронетехнике [16; 17], боевым кораблям [18; 19; 20]. В них основное внимание уделено техническим и тактическим деталям участия различных войск и видов техники в боях. И хотя выводы о значении их применения в совместных операциях Красной Армии и Черноморского флота делают лишь некоторые из исследователей, примечательно, что ими уделяется внимание как советской, так и немецкой стороне. Отдельные публикации посвящены таким малоизвестным аспектам Великой Отечественной войны, как деятельность органов разведки [21, с. 73–77] и контрразведки Черноморского флота [22, с. 47–54].

Необходимо отметить усилия региональных исследователей, изучающих события битвы за Кавказ. Результаты их деятельности изложены в диссертационных исследованиях Т.И. Юриной [23], Е.Ф. Кринко [24], С.В. Гребенюка [25], С.В. Януша [26] и И.В. Киселева [27], а также в разнообразных

сборниках статей и материалах многочисленных конференций, проводящихся в Новороссийске, Ростове-на-Дону и Краснодаре. Заметное место в этом ряду занимают исследования новороссийского историка Т.И. Юриной и ее монография «Новороссийское противостояние» [28], книги туапсинцев Э.И. Пятигорского [29] и С.И. Феоктистова [30].

Таким образом, современная отечественная историография борьбы на приморском направлении в ходе битвы за Кавказ 1942–1943 гг. представляет собой динамично развивающееся явление. Поэтому приведенная выше классификация достаточно условна, так как разнообразие работ и направлений велико, и существует тенденция к их увеличению. Важным условием для этого стало упрощение доступа к советским и немецким оперативным документам, введение в научный оборот новых источников личного происхождения.

Список литературы

1. Бешанов В.В. Год 1942 – «учебный». Минск, 2003.
2. Его же. Год 1943 – «переломный». М., 2008.
3. Широкорад А.Б. Битва за Черное море. М., 2005.
4. Великая Отечественная война 1941–1945. Военно-исторические очерки: В 4 кн. М., 1999. Кн. 2.
5. Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. М., 2012. Т. 3.
6. Доценко В.Д. История военно-морского искусства. В 3 т. М.; СПб., 2003. Т. 2.
7. Жуматий В.И. Морские десантные операции Вооруженных сил СССР. Морская пехота в довоенный период и в годы Великой Отечественной войны 1918–1945. М., 2011.
8. Золотарев В.А. Три столетия российского флота, 1941–1945 / В.А. Золотарев, И.А. Козлов. М.; СПб., 2005.
9. Платонов А.В. Борьба за господство на Черном море. М., 2010.
10. Морозов М.Э. Черноморский флот в Великой Отечественной войне. Краткий курс боевых действий / М.Э. Морозов, А.Я. Кузнецов. М., 2015.
11. Исаев А.В. Когда внезапности уже не было. История Великой Отечественной войны, которую мы не знали. М., 2005.
12. Мощанский И.Б. Оборона Кавказа. Великое отступление. 25 июля – 31 декабря 1942 года. М., 2010.

13.Зефиров М.В. Асы Второй мировой войны: Союзники Люфтваффе. М., 2003.

14.Дегтев Д.М. Прерванный полет «Эдельвейса». Люфтваффе в наступлении на Кавказ 1942 г. / Д.М. Дегтев, Д.В. Зубов. М., 2014.

15.Смирнов А.А. Боевая работа советской и немецкой авиации в Великой Отечественной войне. М., 2006.

16.Жильцева Е. На Кубанском плацдарме. Танковые бои на Кубани 5 февраля – 9 сентября 1943 г. / Е. Жильцева, В. Стоянов. М., 2002.

17.Морозов М.Э. Судьба танков десанта // Танкомастер. 1999. № 1. С. 2–7.

18.Балакин С.А. Легендарные «Семерки». Эсминцы «сталинской» серии. М., 2007.

19.Морозов М.Э. Атакуют «Шнелльботы»! Германские торпедные катера Второй мировой войны / М.Э. Морозов, С.В. Патянин, М.С. Барабанов. М., 2007.

20.Чернышев А.А. Гвардейские крейсера Сталина – «Красный Кавказ», «Красный Крым», «Червона Украина». М., 2013.

21.Черепков А.П. Контрразведка «Смерш» Черноморского флота // Морской сборник. 2003. № 8. С. 73–77.

22.Кикнадзе В.Г. Советская военная радиоразведка в годы Великой Отечественной войны // Отечественная история. 2006. № 6. С. 47–54.

23.Юрина Т.И. Левый фланг советско-германского фронта: Новороссийское противостояние, 1942–1943 гг.: Дис. … канд. ист. наук. Ростов н/Д, 2001.

24.Кринко Е.В. Северо-Западный Кавказ в годы Великой Отечественной войны: проблемы историографии и источниковедения: Дис. … д-ра ист. наук. М., 2004.

25.Гребенюк С.В. Северо-Кавказская стратегическая оборонительная операция 1942 года: опыт и уроки: Дис. … канд. ист. наук. М., 2004.

26.Януш С.В. Битва за Кавказ: проблемы войсковых операций (1942–1943 гг.): Дис. … д-ра ист. наук. Ставрополь, 2006.

27.Киселев И.В. Взаимодействие Красной Армии и Черноморского флота в ходе боевых операций в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Дис. … канд. ист. наук. Краснодар, 2009.

28.Юрина Т.И. Новороссийское противостояние: 1942–1943 гг. Краснодар, 2008.

29.Пятигорский Э.И. На остриях войны. Кубань. 1942. Август. Туапсе, 2005.

30.Феоктистов С.И. В небе Туапсе. Авиация в Туапсинской оборонительной операции. Туапсе, 1995.

Н.А. Гаража

ОБРАЗ РОДИНЫ В СОВЕТСКОЙ ПРОПАГАНДЕ И В ВОСПРИЯТИИ ГРАЖДАН. 1941–1945 ГГ.

В статье рассмотрены особенности конструирования концепта «Родина» официальной советской пропагандой в период Великой Отечественной войны, а также своеобразие его понимания рядовыми гражданами. Акцент сделан на выявлении специфических черт образа родины такими социальными категориями как военнослужащие и «восточные рабочие».

Ключевые слова: Родина, патриотизм, Великая Отечественная война, письма, «восточные рабочие».

N.A. Garaga

IMAGE OF THE HOMELAND IN THE SOVIET ADVANCE AND IN THE PERCEPTION OF CITIZENS. 1941–1945

The article discusses the features of constructing the concept of «Motherland» by official Soviet propaganda during the Great Patriotic War, as well as the peculiarity of its understanding by ordinary citizens. The emphasis is on identifying specific features of the image of the motherland by various social categories – military personnel and members of their families, «eastern workers».

Keywords: Motherland, patriotism, Great Patriotic War, letters, «eastern workers».

Патриотическая идея в период Великой Отечественной войны закономерно стала стержневой в единении общества и государства в сложный период испытаний. Нюансы ее содержания отражали не только основные идеологические постулаты советского государства, но и возрожденные архетипические образы, проверенные богатым историческим опытом народа. Патриотическая идея в период войны играла роль консолидирующей силы, поддерживающей, ободряющей дух каждого отдельно взятого человека.

Уникальность и многогранность феномена патриотизма заключается в том, что при любом политическом режиме он является показателем высокой гражданственности, сопричастности с судьбой страны, бесконечным стремлением во

всех помыслах и делах к благу Отечества. При этом следует подчеркнуть, что понятие «Отечество» имеет обобщающе-непреходящую сущность для народа, в отличие от экономического или политического развития. «Социалистическое Отечество есть всё та же Россия», – писал Н.А. Бердяев [1, с. 372].

Для поддержания и направления в необходимое русло чувства патриотизма в народных массах с началом войны были мобилизованы политические, информационные и агитационно-пропагандистские организации СССР, такие как ВКП(б), ВЛКСМ, Совинформбюро, ТАСС, профсоюзы, радиостанции, издательства. Согласно плану статей и обзоров по военным и внешнеполитическим вопросам, намеченных к опубликованию в центральных и местных газетах и журналах в июне 1941 г., статьи о советском патриотизме занимали ведущие позиции [2, л. 34–38].

С первых дней войны средства массовой информации много писали о победах русского оружия, воспитывая стойкость и мужество на примерах героического прошлого. С особой яркостью проявилась в советской пропаганде преемственность героических традиций предков, носителей лучших качеств национального характера, и новых героев войны. Свою лепту в этот процесс внесли такие известные советские писатели как Вс. Вишневский, И. Эренбург, Л. Леонов и другие, публикуя свои статьи в газетах, выступая перед рабочими в тылу и фронтовиками.

При всей серьезности подобного поворота, в советской идеологии отказа от идей-символов, от ставших привычными пропагандистских форм не произошло. Они просто получали иное содержание, приобретали новый смысл. Марксистская лексика, фразеология полностью при этом сохранялись. С начала 1944 г. в средствах массовой информации и суждениях идеологических работников появляются интонации критики в отношении тех, кто руководствуется примерами и опытом далекого прошлого, высказываются суждения об опасности его механического перенесения. Появляются разъяснения о том, что в воспитательной работе историческими материалами нужно

пользоваться, но с чувством меры, нецелесообразно чрезвычайное увлечение этим. Наметившееся смещение акцентов выражалось в настойчивом напоминании о необходимости помнить о характере и задачах, особенностях Красной Армии, указаниях воспитывать, прежде всего, на революционных традициях, образцах героизма из истории партии, жизни ее вождей и лучших деятелей. Советская историография в большинстве своем продолжила эту линию. Содержание традиций наполнялось не только исторически сложившимися обычаями, обрядами и нормами поведения людей, духовными и культурными ценностями, передаваемыми из поколения в поколение, они обязательно носили классовый характер. Советское государство должно было иметь свои традиции – пролетарские, которые воспитывали уже не отдельных героев, а народ-герой.

Тем не менее, Н.Д. Козлов справедливо подчеркивает: притом, что советский патриотизм в известной степени был идеализирован, он никогда не являлся вымыслом [3, с. 52–54]. Что могут подтвердить даже апелляции к зарубежным средствам массовой информации, которые в течение войны регулярно освещали истоки и состояние общественного сознания в нашей стране. Американский журналист У. Керр летом 1944 г. писал о советском народе и его армии следующее: «…Я узнал, что сила этой армии заключалась не только в ее численности и вооружении, но и в боевом духе солдат…, в той поддержке, которую она получила от стоящей за ней страны…» [4, с. 305].

Патриотизм отождествлялся как с героическими поступками на фронте, так и с каждодневным выполнением рутиной фронтовой работы, которая шаг за шагом приближала к поражению противника. В листовке политуправления Западного фронта говорилось: «…Надо помнить, что одним душевным порывом, дерзновенной отвагой не всегда возместишь упущения в организационной подготовке, в организации боя…» [5, л. 1].

Патриотизм – это и работа в тылу, ответственное выполнение повседневных дел и обязанностей рабочими и служащими, их дисциплинированность и организованность, стойкость и оптимизм, неистребимая вера в победу правого дела. Алексей

Толстой писал: «Тыловой труд – будничный, незаметный, в нем не кровь льется, но пот…, но не меньше нужно величия души, чтобы день за днем, ночь за ночью, преодолевая усталость, отдавая все силы вооружать и снабжать Красную Армию, верить в нее священной всенародной верой…» [6, с. 117–118].

В патриотизме обычно выделяются государственный и личностный уровни. Патриотизм государственный – «это, прежде всего, совокупность чувств во имя процветания своей Родины, своего Отечества, это переживание за сохранность и целостность своих границ, территорий, ответственность за развитие всех наций и народов, гордость за все успехи, боль за неудачи, готовность принять участие в делах государства» [7, с. 107]. Патриотизм государственный наполнен более усложненным содержанием. В нём патриотическое сознание поднимается от чувственно-эмоционального, психологического на рационально-идеологический уровень, дифференцируясь на различные элементы – философские, правовые, нравственные, эстетические, взаимосвязь которых оформляется в сложную систему [8, с. 24–27]. На уровне обыденного сознания, под воздействием идеологии, особенно на волне культа личности, складывалось неразрывное восприятие государства и его правителя. Например, в послании художественного руководителя Дворца культуры г. Туапсе И. Андреева говорилось: «… Родина же и Сталин – это два объекта неразрывные и поэтому все чувства, мысли и любовь, которые мы проявляем по отношению к Родине, мы проявляем к дорогому и любимому вождю!» [9, с. 109].

С началом Великой Отечественной войны чрезвычайно важным для общества стал именно личностный аспект патриотической идеи: на первый план выдвигался ее земной, более близкий людям образ. Любовь к Родине вмещает в себе не только уважение к ее прошлому, восхищение перед деяниями и подвигами предков, но, для большинства людей Родина – это, прежде всего, дом, семья, близкие люди, то есть интимное пространство бытия и мышления человека. Квинтэссенцией данному положению могут служить простые и одновременно трогательные строки из письма рядового И.П. Долженко сестре от 10 декабря 1943 г.: «…твое фото в черном платье я ношу у

сердца. Оно уже закоптилось дымом, но оно дорого сердцу, как Родина, как народ» [10, с. 469]. Особым предметом беспокойства фронтовиков являлось здоровье и благополучие родных. «…Хотя и спокоен за вас, – писал В.И. Маслюков жене, – всё же у меня кажется больше прибавляется энергии на борьбу с фашистом, когда получаю твоё письмо» [11]. Даже находясь вдали от дома, фронтовики пытались решать проблемы близких. Часто в письмах встречаются сообщения о том, что высылают деньги матерям и женам. В.А. Дмитриев обещал жене написать начальнику политотдела совхоза письмо, «чтобы он создал тебе и Кируське более сносные условия жизни. Я думаю, что этого добьемся…» [12, л. 77].

Участник войны, кубанский писатель В.М. Коновалов вложил в уста одного из своих героев идею-доминанту каждого солдата-защитника, хотя и часто вербально не выражаемую. «Люблю жить, – писал раненый герой В.М. Коновалова в своем фронтовом дневнике, – Но жалко мне, что не могу уже врагу мстить за матку свою как сегодня. В первую мировую войну немцы её до полусмерти розгами засекли. С тех пор старуха всю жизнь на костылях. Жалко матки…» [13, л. 7]. Можно сказать, что большинство сражалось, не задумываясь о высокой идее уничтожения фашизма, а за свой дом, «ведь мы и перечислить всего не в силах, если его лишимся» [14, с. 114].

Безусловно, что судьба целых народов и поколений, переживших Великую Отечественную войну, сложилась довольно печально, была полна испытаний, потерь и горя. Одной из таких страдающих социальных групп стали остарбайтеры и военнопленные, которым пришлось испытать остро негативное отношение со стороны советского государства и общества. Отчасти виной этому становились неосторожные слова самих «восточных рабочих» об их устроенности в Германии, восхищении порядком и организованностью производства, устроенностью быта немцев. «Особенно не рвется на родину», – писала мать о своей дочери из Германии домой [15, л. 10]. К. Муратова в письме подруге в Симферополь, описывая зажиточность и благополучие хозяев, высказывала удовлетворение своей жизнью в Германии: «… Словом мы

довольны. Обратно не собираемся, уже свободно говорим по-немецки и хорошо понимаем» [16, л. 66]. Имела место и определенная результативность германской пропагандистской машины, использовавшей все средства массовой информации и пропагандистских материалов, вплоть до слухов, чтобы разорвать нити, связующие остарбайтеров с Родиной. Любая связь для них с семьей была, если не редкостью, то большой драгоценностью, перечитывалась множество раз: «почему вы мне не пишите. Мои хозяева думают, что я безродная. Пишите…! Ведь это счастье иметь из дому весточку» [17, л. 76].

Но эти отзывы меркнут на фоне боли миллионов, лишенных свободы, семьи, права выбора: «В синем квадрате всё уместилось: имя, и возраст, и место рождения, причастность к России, тяжесть неволи, а также отрезанный путь к возвращению. Синее с белым, квадрат – лоскуток… Вместил всю Россию, священный Восток. И нам, обреченным на чуждый погост, гвоздями к сердцу прибили «ОСТ» – номер на шею – нет больше имени, «ОСТ» написали белым по синему…» [18, с. 50].

И в пропаганде патриотизма и в исследовании данного феномена необходимо избегать две крайности: абсолютизации понятия (патриотизм не должен и не может быть важнее человека как высшей ценности [19, с. 43]) и утверждения, что патриотизм отрицает свободу личности, означает лишь род духовного рабства, коллективного подчинения чьей-либо воле. Великий мудрец Платон призывал свято чтить Отечество. «…Надо его либо переделать, – говорил он, – либо исполнять то, что оно велит, а если оно к чему приговорит, то нужно терпеть невозмутимо, будут ли то побои или оковы, пошлет ли оно на войну, на раны и смерть…» [20, с. 126]. Родина, любовь к родине, патриотизм – не есть некий категорический императив, навязываемый личности «извне», он предполагает частный выбор, суверенную позицию личности.

Список литературы

1. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1997.
2. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 125. Д. 28.
3. Козлов Н.Д. Общественное сознание в годы Великой

Отечественной войны (1941–1945). СПб.,1995.
4. Величие подвига советского народа: Зарубежные отклики и высказывания 1941–1945 годов о Великой Отечественной войне. М., 1985.
5. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-9550. Оп. 6. Д. 283.
6. Подвиг тыла. Документы, материалы газет и радио военных лет, дневники, письма, воспоминания. М., 1970.
7. Петров В.В. Роль патриотизма в Великой Отечественной войне. 1941-1945 // Народ и война. 50 лет Великой Победы. СПб., 1995.
8. Патриотическое сознание: сущность и формирование. Новосибирск, 1985.
9. Кожурин В.С. Народ и власть. (1941–1945. Новые документы). М., 1995.
10. Книга памяти. Майкоп, 2000. Т. 3.
11. Национальный музей Республики Адыгея. АОМ № 10754.
12. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф.Р-807. Оп. 1. Д. 65.
13. ГАКК. Ф.Р-1682. Оп. 8. Д. 33.
14. Льюис К.С. Любовь // Вопросы философии. 1989. № 8. С. 110–122.
15. Государственный архив Республики Крым (ГАРК). Ф.Р-4602. Оп. 1. Д. 1.
16. ГАРК. Ф. Р-4602. Оп. 1. Д. 1.
17. ГАРК. Ф. Р-4602. Оп. 1. Д. 15.
18. Попова Е. (Колесниченко Е.А.) Остарбайтер 2021: Моя жизнь в Германии в 1942–1943 гг. М., 1997.
19. Меметов В.С. Интеллигенция, отечество, патриотизм // Интеллигенция России: Уроки истории и современность. Иваново, 1996.
20. Платон. Критон // Платон. Сочинения: в 3-х т. М., 1968. Т. 1.

Е.С. Полянская

СОЧИ В ПЕРВЫЕ ДНИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В статье автор рассматривает начало Великой Отечественной войны для жителей г. Сочи. Анализируя специфику развития довоенного Сочи, автор констатирует, что накануне войны, город был всесоюзной здравницей, что способствовало быстрой перестройке инфраструктуры на военные рельсы. Благодаря твердости духа и высокой степени патриотизма местных жителей, Сочи стал городом-госпиталем, сыгравшем важную роль в победе над фашистскими захватчиками.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Сочи, патриотизм.

E.S. Polyanskaya

SOCHI ON THE FIRST DAYS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

In this article author considers the beginning of the Great Patriotic War for the residents of Sochi. Analyzing the specific of the development of pre-war Sochi author states that on the war eve the city was an all-union health resort which contributed to the fast reconstruction of the infrastructure on a military footing. Due to fortitude and high level of patriotism of local people, Sochi became a hospital city which played the important role in the victory over the fascist invaders.

Key words: Great Patriotic War, Sochi, patriotism.

22 июня 1941 г. начался один из самых страшных периодов в истории нашей страны – Великая Отечественная война. Она внесла свои ужасные коррективы в судьбы миллионов граждан, в развитие всех регионов советского государства. Не является исключением и город-курорт Сочи, который сыграл в годы войны ключевую роль в оздоровлении раненых советских солдат и их реабилитации.

Начавшаяся война была ни с чем несравнима по своим масштабам и людским потерям, она круто изменила судьбу советского народа. Коснулась она и жителей г. Сочи. Тысячи отдыхающих в первые же дни войны разъехались к местам постоянного жительства. Наиболее ответственные сотрудники Наркомата обороны и командиры крупных воинских подразделений, отдыхавшие в Сочи, были уже 22 июня отправлены в Москву присланными за ними самолетами [1, с. 4]. Санатории, дома отдыха, гостиницы опустели.

Никто еще не знал, какую роль предстоит сыграть Сочи в этой в войне. По словам очевидцев, в первые же дни войны Сочи обезлюдел: «переполненные поезда увозили с курорта больных и отдыхающих» [2, с. 19–28]. О том, как жил город в те суровые годы, повествует в своих воспоминаниях А.Л. Гордон: «Необычно выглядел Сочи в эти критические для него месяцы войны (1942–1943 гг.). Город казался пустым, обезлюдевшим. Ночью ни один лучик света не пробивался сквозь плотно зашторенные окна и тишину пустынных улиц нарушали лишь

гулкие шаги военных патрулей да приглушенные гудки автомашин, дорогу которым больше освещал свет развешенных над морем немецких ракет, чем еле видный свет их подфарников. В опустевший город с гор спустились звери и в приморском парке по ночам слышался вой шакалов. Даже днем однажды я спугнул у библиотеки имени Пушкина большого серого зайца. Днем город тоже казался полупустынным... Помню, как однажды, получив разрешение повидать своих малолетних детей, я пешком (транспорта не было) отправился к себе домой. Проходя мимо городского театра, когда до дома оставалось всего несколько сот метров, я почувствовал слабость и присел отдохнуть… Передо мной расстилалась пустынная площадь, за ней поднималась колоннада давно бездействующего и, казалось, всеми забытого театра, вдаль уходили тихие безлюдные улицы, ветер гнал по асфальту опавшие осенние листья. Я просидел примерно около получаса и ушел, так и не увидев ни одного человека…» [3, с. 3].

С 23 июня 1941 г. началась мобилизация. Призыв из Сочи осуществлялся через городской военкомат, а из Адлерского и Шапсугского (ныне Лазаревского) районов – через военно-учетные столы.

Обстановка тех дней красочно представлена газетной строкой городской газеты «Красная знамя», 19 июля 1941 г. – предшественницей «Черноморской здравницы»: «Сочинский горвоенкомат осаждается круглые сутки. Нескончаемым потоком идут добровольцы, желающие отправиться на фронт. Только за первые две недели в действующую армию взято свыше двухсот медицинских сестер. Их решили заменить домохозяйки и вчерашние выпускницы средних школ. В городе открылись шестимесячные курсы медицинских сестер. Кроме этого, краткосрочные курсы созданы во всех здравницах, где развертываются госпитали. Хирургическим манипуляциям быстро обучены сотни санитарок. За короткое время специальность хирурга обрели 150 терапевтов и невропатологов. Сочинские женщины горячо подхватили призыв работниц московского завода имени В.И. Ленина – заменить на производстве мужей, отцов, братьев и сыновей, ушедших на

фронт» [4, с. 5]. В двадцатых числах июня 1941 г. в действующую армию из города убыло около 180 врачей и 200 чел. среднего и младшего медперсонала [5, с. 28].

С началом войны в городе Сочи особенно трудно пришлось женщинам. Так как многие мужчины убыли на фронт, а на сочинских предприятиях катастрофически не хватало мужских рук, их места заняли женщины и дети. Женщины стали выполнять работы, требующие большой физической силы, им пришлось освоить профессии ремонтников, монтеров, шоферов, многие женщины работали грузчиками.

Так, в самом начале войны на правом берегу реки Сочи находился небольшой аэродром. Летом 1941 г. было решено для нужд фронта построить новый аэродром в Адлере. Ядром его строителей стали ополченцы, в том числе, большинство из которых были женщинами. Семь тысяч человек было занято на сооружении аэродрома. Строили вручную, в кратчайшие сроки всего за 1 месяц [6, с. 6]. Взлетные поля для самолетов в Лазаревском районе, оборонительные сооружения в районах Красной Поляны и горных перевалов – всё было создано силами населения.

В связи с началом Великой Отечественной войны 22–23 июня 1941 г. городским комитетом партии возле здания Зимнего театра, а также на Мацесте и в Хосте было организовано три общегородских митинга. Начальником штаба противовоздушной обороны был издан приказ об объявлении города Сочи на угрожаемом положении [7, с. 18]. Уже в июле 1941 г. по решению городских партийных и советских органов в Сочи был сформирован полк народного ополчения. Первоначально полк народного ополчения включал в себя два батальона, численностью более 500 чел. [6, с. 6].

Главная задача участников народного ополчения заключалась в осуществлении охраны важнейших объектов города. Работа эта проводилась в тесном взаимодействии с пограничниками. Было организовано активное обучение бойцов обращению с огнестрельным оружием, стрельбе, оказанию первой медицинской помощи. С 16 июля по 21 ноября 1941 г. в рядах народного ополчения прошли военную подготовку 1587

бойцов, многие из которых получив первые навыки военного дела убыли на фронт в действующую армию. В частях Советской Армии, дислоцировавшихся на перевалах Главного Кавказского хребта и на Кубани, отличились бывшие члены сочинского отряда народного ополчения И.О. Кереселидзе, И.О. Смирнов, И.О. Михайлов, И.О. Петровский, И.О. Каменский и многие другие.

Поступающие в партизанский отряд подавали заявление с поручительством члена партии. Это заявление являлось присягой на верность стране и партии. Первоначально штат сочинского истребительного батальона составлял 201 чел., были организованы две роты: одна – в Центральном, другая – в Хостинском районах. Вскоре была скомплектована третья – в Дагомысе. Партизанские группы имели следующие названия: Хостинско-Воронцовская, Сочи-Ажекская и Солохаульская. Их базы были способны развернуться в ходе боевых действий в самостоятельные отряды.

Создавая в самом начале войны боевые формирования в Сочи, Адлере и прилегающих к городу населенных пунктах от реки Головинка до реки Псоу и вглубь до Главного Кавказского хребта, Сочинская и Адлерская партийные организации проделали большую работу. Личный состав батальона был вооружен винтовками системы «маузер». Имелись также два ручных пулемета чехословацкого производства. Первоначальная проверка полученного для бойцов истребительного оружия была проведена механиком Сочинского морского порта И.О. Веселовым. Большая работа проводилась по использованию в случае необходимости тола и динамита. Для этих целей был приглашен конструктор И.О. Серегин, работа которого заключалась в создании специальных гранат. После упорного труда такая граната была создана. Испытание гранаты было проведено на молу Сочинского морского порта.

Состав истребительного батальона не был постоянным, состоял в подавляющем большинстве из «непризывных» женщин, пожилых людей, иногда – подростков. Первое время батальон находился на «полуказарменном» положении, собирались только на ночь. Затем собирались для боевой

подготовки 2–3 раза в неделю. Дежурный взвод и караул ночевали в здании музея. Прямо в экспозиционных залах ставили раскладушки, укладывали на полу матрасы. Здесь же находились вещевой склад, буфет и библиотека с книгами по военному делу. Проблему питания бойцов истребительного батальона было предписано решать городским властям. Но зачастую это не удавалось, поэтому заготовками дров и продуктов питания занимался личный состав батальона.

В самом начале войны, 5 июля 1941 г. принято решение о создании в Сочи истребительного батальона для борьбы с вражескими лазутчиками, которые распространяли различные слухи, сеяли панику, подрывали дороги, мосты, нарушали телеграфную и телефонную связь, линии электропередач, а также для охраны порядка и важнейших объектов города, борьбы с дезертирами и диверсантами. Сочинский истребительный батальон действовал до конца 1943 г. [8, с. 175].

В фондах архива музея истории Сочи вместе с документами о городе-госпитале, о подвиге милосердия хранятся письма с фронта, адресованные городской газете «Красное знамя». Это патриотические документы, характеризующие действия сочинцев на фронтах Отечественной войны. В 1942 г. в Сочи было получено открытое письмо от командования одного из полков действующей армии «К рабочим, служащим и интеллигенции города Сочи». В нем говорилось: «Дорогие товарищи! Друзья, матери, жены, сестры, отцы, все трудящиеся города-курорта! Наш Краснознаменный полк ведет ожесточенные упорные бои с фашистскими разбойниками. Преобладающее большинство прибывшего в полк пополнения – это рабочие, служащие и интеллигенция Сочи. Среди бойцов можно увидеть поваров из сочинских здравниц, рабочих мясокомбината, хлебозавода, молкомбината, лекторов, учителей, работников кооперации. Все они вместе с кадровым составом полка борются за великое дело победы над ненавистным врагом» [9, с. 71].

С первых дней войны городское хозяйство Сочи перестраивалось на военные рельсы. В годы войны сочинцы включились во всенародное движение под девизом «Всё для фронта, все для победы». Предприятия и учреждения города

работали непосредственно на нужды фронта. Завод № 10 Бродпрома (впоследствии пивзавод) выпускал бутылки с зажигательной смесью и кровозаменяющую жидкость. На мясокомбинате из отходов производства освоили пошив полушубков, шапок-ушанок, теплых носков, кроме того, ежесуточно вырабатывалось из лесопильных отходов до 250 килограммов дрожжей, богатых витамином «В». Горпродкомбинат организовал прядильный цех. Из выпускаемой пряжи женщины-надомницы вязали перчатки, носки, шарфы. На Сочинском консервном заводе наладили производство богатых витамином «С» концентратов из незрелого грецкого ореха. В железнодорожных мастерских наладили производство нового вида реактивной артиллерии – «горных катюш», которые применялись для ведения боевых действий на перевалах Главного Кавказского хребта, в Новороссийске, Крыму и Карпатах, устанавливались на железнодорожных дрезинах и кораблях Черноморского флота.

Подводя итоги вышесказанному, можно констатировать, что начало войны для жителей Сочи было явлением внезапным и непредсказуемым. Город, развивающийся и строящийся исключительно, как курорт, в кратчайшие сроки вынуждено перестроился на военные рельсы. Данный переход не был болезненным для Сочи, что стало возможным благодаря, в первую очередь, твердости духа и высокой степени патриотизма сочинцев.

В исследуемый период наблюдался активный подъем добровольческих настроений, подавляющее большинство людей были готовы на жертвы в интересах своей страны. В кратчайшие сроки население Сочи встало на защиту Родины. Проводив земляков на фронт, те, кто еще оставался в городе, записывались в сформированный в начале войны полк народного ополчения. Высокий уровень добровольческих настроений позволил создать в Сочи истребительный батальон, бойцы которого сразу же приступили к активным действиям, направленным на охрану важнейших объектов и борьбе с вражескими диверсиями. Совершить столь безболезненный переход от мирного быта к жизни, отвечающей условиям военного времени, без высокого

уровня патриотизма жителей города вряд ли было бы возможно. Помимо высокого уровня патриотизма успешному и быстрому переходу города на военные рельсы способствовал материально-технический потенциал Сочи, развитая санаторно-курортная отрасль и инфраструктура города. Именно высокий уровень развития Сочи, как всесоюзной здравницы в довоенное время, позволил использовать весь потенциал курортного города для организации работ на нужды фронта.

Список литературы

1. Артюхов С.А. Сочи в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Сочи, 2016.
2. Чекерес О.Ю., Черкасов А.А. К вопросу о снабжении сочинских госпиталей в годы Великой Отечественной войны // Былые годы. Черноморский исторический журнал. Сочи, 2008. № 2. С. 19–28.
3. Артюхов С.А. В сороковые роковые // Сочи. 1995. № 23. 9 июня. С. 3.
4. Лоншакова Н. Летопись подвига газетной строкой // Черноморская здравница. Сочи, 1984. 29 февр. С. 5.
5. Артюхов С.А. Как город Сочи готовился к Великой Отечественной войне // Военно-исторический журнал. 2010. № 5. С. 28.
6. Лоншаков Н. Народное ополчение // Черноморская здравница. Сочи, 1985. 2 мая. С. 6.
7. Музыкин М. О друзьях-товарищах // Черноморская здравница. 1965. 6 апр. С. 18.
8. Князева Л.З. Истребительный батальон // Сочи: страницы прошлого и настоящего. Иллюстрированный сборник статей. Сочи, 2003.
9. Лазарев Н. Солдатские мемуары сочинских ветеранов войны // Сочинский городской совет ветеранов войны и труда. Сочи, 1998. Т. 1.

Ю.А. Жукова, С.А. Киндяков

ОККУПАЦИОННЫЙ РЕЖИМ В СТАНИЦЕ АПШЕРОНСКОЙ ПО ВОСПОМИНАНИЯМ МЕСТНЫХ ЖИТЕЛЕЙ И МЕМУАРАМ СОЛДАТ ВЕРМАХТА

Оккупационный режим в населенных пунктах предгорной части Краснодарского края помимо общих черт, присущих оккупационной политике в других регионах, имел свои особенности. Главной причиной возникновения указанных особенностей являлся небольшой срок нахождения под оккупацией предгорных районов края, а также близкое расположение линии фронта и частые ее изменения. На организацию

оккупационной политики так же влиял пестрый национальный состав, который являлся так же особенностью всей оккупационной политики на территории Кавказа, разработанной министром по делам оккупированных восточных территорий А.Э. Розенбергом.

Ключевые слова: Вторая Мировая война, Великая Отечественная война, оккупационная политика, Кавказ, мемуары, очевидцы.

Yu.A. Zhukova, S.A. Kindyakov

OCCUPATIONAL REGIME AT APSHERONSKAYA ACCORDING TO THE MEMORIES OF LOCAL RESIDENTS AND MEMOIRS OF THE VERMACHT SOLDIER

The occupation regime in the settlements of the foothill part of the Krasnodar Territory, in addition to the common features inherent in the occupation policy in other regions, had its own characteristics. The main reason for the occurrence of these features was the short term under the occupation of the foothill areas of the region, as well as the proximity of the front line and its frequent changes. The organization of the occupation policy was also influenced by the motley national composition, which was also a feature of the entire occupation policy developed in the Caucasus by Minister for Occupied Eastern Territories A.E. Rosenberg.

Key words: World War II, World War II, occupation policy, Caucasus, memoirs, eyewitnesses.

Детальное рассмотрение особенностей оккупационной политики в населенных пунктах предгорной части Краснодарского края показывает, что данная политика была достаточно противоречивой и непоследовательной. Причиной этому являлась незрелость оккупационного режима, установленного на Северо-Западном Кавказе, а также отсутствие определенности на фронте, что не давало оккупантам использовать в полной мере разработанные инструменты подчинения и контроля оккупированных территорий.

Подтверждением этого может служить политика оккупационной администрации в станице Апшеронской свидетельства о действиях которой сохранились в воспоминаниях местных жителей, которые удалось собрать. Так, в свидетельствах Шумеевой Зинаиды Федоровны, проживавшей на момент оккупации в станице Апшеронской, не раз упоминается о

том, что оккупанты в первые дни после занятия станицы, проводили работу по выселению станичников из своих домов, реквизируя последние для размещения солдат вермахта. Наряду с этим была начата работа по проставлению специального штампа в паспортах апшеронцев. Однако одновременно с этим оккупационная администрация на все управляющие должности назначала местных жителей, оказывая им тем самым доверие [8, с. 10–11].

Этот факт может рассматриваться как подтверждение незрелости оккупационного режима на начальном этапе. Поскольку, наряду с действиями, направленными на притеснение и мероприятия по учету и контролю населения, оккупационная администрация привлекала на различные должности местных жителей. Естественно, что подобные действия открывали возможности для саботирования многих решений, предупреждения населения о проведении различных репрессивных акций, передаче информации партизанским отрядам, разведке, укрытию раненых и т.д.

Весьма любопытным в этом отношении является следующий фрагмент воспоминания З.Ф. Шумеевой: «Мусиенко Евдоким – кассир, при немцах служил в полиции. Он несколько раз приходил ко мне домой и как-либо начинал расспросы, что, как живёшь, я хочу тебе помочь, что если муж Павел в лагере военнопленных, то выручу его». Немецкая комендатура не могла не брать в расчет возможность подобного поведения, однако никаких мер для его прекращения не предпринимала. Мусиенко, согласно воспоминаниям, был привлечен к ответственности после окончания оккупации [8, с. 11].

Однако с отступлением линии фронта ситуация начинает постепенно меняться, что также хорошо прослеживается по воспоминаниям коренных жителей станицы. В частности, многие из них фиксируют появление на территории станицы в начале осени 1942 г. карательных отрядов и передвижных газовых камер, о применении, которых свидетельствуют данные протоколов эксгумации за 1943 г. Интересно, что прибывающие отряды, согласно зафиксированным свидетельствам, состояли

преимущественно из коллаборационистов, выходцев с территории западной Украины [10, с. 3].

Перечисленные факты могут говорить о начале активных действий по полному подчинению оккупированной территории. Пребывающие карательные подразделения с большой долей вероятности должны были заменить местных жителей, которые на тот момент работали на службе в оккупационной администрации. Косвенным подтверждением этому служат показания очевидцев из станицы Имеретинской Горячеключевского района, в которой карательные и репрессивные функции выполняли подразделения, прибывшие после установления оккупационной режима осенью 1942 г. Учитывая тот факт, что станица Имеретинская находится на сравнительно небольшом удалении от станицы Апшеронской, можно предположить, что ситуация развивалась по одному сценарию [6, с. 3–4]. Дополнительным свидетельством сдвигов в оккупационной политике к осени 1942 г., согласно материалам книги «Военное детство» А. Орлова, является появление в обращении у местных жителей немецких марок [7, с. 89].

Стоит отметить, что в воспоминаниях жителей станицы сохранились свидетельства о казаках, находящихся на службе в оккупационной администрации. В частности, в свидетельствах Шумеевой Зинаиды Федоровны есть описание встреченного на дороге станица Ширванская-Апшеронская казачьего конного патруля, который доставил её в местную комендатуру для выяснения личности. О службе казаков в рядах оккупантов свидетельствует также один из рядовых 7-й роты 3-го батальона 80 гв. сп. 32 гв. сд., который находился в лагере военнопленных, расположенном на территории станицы. Он вспоминает, что после неудачной попытки побега ему дали палок. Наказание было воплощено в жизнь казаками [2, с. 23].

О действиях казачьих формирований по обеспечению тыла наступающих частей вермахта вспоминает Фернан Кайзергрубер, рядовой добровольческого легиона «Валлония». По свидетельствам Кайзергрубера, казачьи части занимались патрулированием, в тылу войск вермахта [3, с. 71–73].

Рассмотрение специфики оккупационного режима в станице Апшеронской показывает, что на ужесточение оккупационной политики мог повлиять тот факт, что через станицу Апшеронскую проходил достаточно важный транспортный узел: шоссе Майкоп – Туапсе. Поэтому станица после установления на ее территории оккупации в короткое время стала одним из основных перевалочных пунктов для людей и транспорта [11, с. 4]. Также на состояние оккупационного режима не мог не оказывать влияние факт принудительного выселения местных жителей из занятых войсками вермахта населенных пунктов, расположенных в радиусе 30–40 км от станицы Апшеронской. Многие из числа вынужденных переселенцев, к примеру, жители поселка Станционного, станиц Навагинской, Куринской, хуторов Котловина [2, с. 2], Гунайка и др. направлялись транзитом через станицу Апшеронскую в направлении г. Майкопа, станицы Белореченской и далее на равнинную часть Кубани [8, с. 2–3].

Естественно, что все эти процессы могли привести к ужесточению оккупационного режима, поскольку без этого наведение порядка в важном для войск противника населенном пункте было бы невозможно. Однако нужно отметить, что, к счастью, многие планируемые карательные и репрессивные акции так и не были воплощены в жизнь. В частности, в свидетельствах очевидцев сохранились информация о том, что перед самым окончанием оккупации по станице прокатилась волна массовых арестов населения. Цель этих арестов до сих пор не известна, однако очевидно, что ничего хорошего они не могли предвещать. Ввиду начала крупномасштабного наступления войск РККА станица противником была быстро оставлена, а жители выпущены [4, с. 3].

К сожалению, на сегодняшний день многие факты об оккупации станицы являются неизученными и неизвестны исследователям, поскольку не обнаружены достоверные документальные свидетельства либо свидетельства очевидцев. К примеру, одним из таких фактов является наличие госпиталя для бойцов РККА, действовавшего на территории станицы в один из периодов оккупации. На сегодняшний день до сих пор неизвестно как местонахождение этого учреждения, так и судьба

большинства его пациентов. По-прежнему спорной является информация о существовании второго лагеря для военнопленных на территории станицы и о количестве погибших в нем заключенных. Обнаружение достоверных сведений об этих и других объектах и фактах в перспективе позволит значительно расширить документальную базу по истории станицы Апшеронской, а также упростит проведение архивно-поисковой работы.

Перечисленные факты говорят о том, что станица Апшеронская является красноречивым примером того, что репрессивная политика, несмотря на свою непоследовательность, начинала активно проводиться с осени 1942 г. в то время, когда линия фронта отодвинулась к горной части района.

Список литературы

1. Воспоминания солдат 80 гв. сп. 32 гв. сд. // Личный архив автора. Ф. 1. Д. 1.

2. Карартунян Вахтанг Карапетович. Воспоминания // Личный архив автора. Ф. 1. Д. 2. Л. 35.

3. Кайзергрубер Ф. От Северского Донца до Одера. Бельгийский доброволец в составе Валлонского легиона. 1942–1945гг. М., 2016.

4. Колесниченко Владимир Георгиевич. Воспоминания // Личный архив автора. Ф. 1. Д. 2. Л. 37.

5. Косумян Иван Иванович. Воспоминания // Личный архив автора. Ф.1. Д. 2. Л. 22.

6. Мирошниченко Любовь Ивановна. Воспоминания // Личный архив автора. Ф. 1. Д. 2. Л. 60.

7. Орлов А.Ф. Военное детство (Это было в станице Апшеронской). Майкоп, 2010.

8. Темиров Федор Власович. Воспоминания // Личный архив автора. Ф. 1. Д. 2. Л. 50.

9. Шумеева Зинаида Федоровна. Воспоминания // Личный архив автора. Ф. 1. Д. 2. Л. 111.

10. Щурий Александра Николаевна. Воспоминания // Личный архив автора. Ф. 1. Д. 2. Л. 106.

11. Янин Леонид Анатольевич Воспоминания // Личный архив автора. Ф.1. Д. 2. Л. 108.

О.А. Пушкаревич

РОЛЬ 229-Й СТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ В СТАЛИНГРАДСКОЙ БИТВЕ

В статье раскрыт героический подвиг под Сталинградом 229-й стрелковой Одерской ордена Суворова дивизии, сформированной в Синицинском бору возле города Ишима в 1941–1942 гг.

Ключевые слова: Сталинград, 229-я стрелковая Одерская ордена Суворова дивизия, героический подвиг сибиряков.

O.A. Pushkarevich

THE ROLE OF THE 229TH ARROW DIVISION IN THE STALINGRAD BATTLE

The article describes heroic feat near Stalingrad of the 229th Rifle Oder Order of the Suvorov Division, formed in Sinitsinsky Bor near the city of Ishim in 1941–1942.

Key words: Stalingrad, 229-Oder rifle order of Suvorov division, a heroic feat of Siberians.

Первое формирование 229-й стрелковой дивизии начало войну под Витебском и отступая (но и контратакуя), прошло с боями до Смоленска. Потери оказались настолько огромны, что с 12 декабря 1941 г. началось второе формирование соединения с тем же номером – в г. Ишиме и на станции Называевская. В апреле 1942 г. обученная дивизия (три стрелковых полка и артполк, противотанковый и зенитно-артиллерийский дивизионы, учебный, саперный, медико-санитарный батальоны и отдельный батальон связи), погрузилась в вагоны. В мае дивизия была уже в районе г. Скопин Рязанской области, где получила полное вооружение, а в июне комиссия наркомата обороны проверила состояние подготовки и признала дивизию кадровой. Потом дивизия прибыла в Сталинград, оттуда в пешем строю – 150 километров – к своему первому и последнему сражению в районе населенного пункта Суровикино.

Развернутые по фронту на расстояние свыше двадцати километров полки 229-й по-разному переживали события этих двух с лишним недель. Центральное направление, на котором путь немцам к Дону преграждал 783-й полк майора Рыбакова,

было и самым трудным. Фашисты хотели решить двоякую задачу: лишить поддержки обороняющиеся дивизии и выйти к Дону кратчайшим путем. Именно сюда, на позиции второго батальона, обрушился первый удар танков и пехоты. Немцев удалось остановить. Но ненадолго, пока не подошли главные силы противника. А 24 июля бой шел уже по всей линии обороны дивизии. По сводке, только против Рыбакова были брошены два пехотных полка и до 60 танков. Но за двое суток врагу продвинуться здесь не удалось. Зато гитлеровцы потеснили 804-й полк – на правом фланге. Они прорвались к реке Чир и зашли во фланг полку майора Рыбакова. Фланговые атаки отбивал артиллерийский дивизион старшего лейтенанта Бондаренко. Отбивал, пока хватало снарядов. Потом в дело пошли гранаты. Рассказывают, что сам Бондаренко со связкой гранат бросился под танк...

26 июля дивизия отошла на новые позиции. Вся, кроме 783-го полка. Отходу помешал авиационный налет, который застал этот полк в станице Нижне-Чирской. Потом пошли танки... Только через десять часов обескровленный полк занял место на новых позициях вдоль железной дороги. Теперь уже на правом фланге обороны.

Дивизия не только упорно защищалась, но нередко и сама переходила в контратаки. 29 июля командующий 64-й армией объявил 229-й благодарность за упорство и стойкость в боях».

Дивизия с 22.07.1942 г. по 10.08.1942 г. вела непрерывные тяжелые бои, сдерживала натиск превосходящих сил противника в составе двух моторизованных, одной танковой дивизии и крупных сил авиации, оставаясь на прежних рубежах 62-й армии. За время боев дивизия потеряла 9000 человек и технику: два артдивизиона, две батареи ОИПТД, две батареи 120 мм минометов, один дивизион Резерва главного командования,

В истории Сталинградской битвы эти дни – с 31 июля по 17 августа считаются «завершающим периодом оборонительного сражения Красной армии в большой излучине Дона».

229-я получила утром 9 августа приказ выйти из окружения. По донесениям штаба Сталинградского фронта, 181, 147 и 229 СД 62-й армии продолжают вести бои в обстановке

окружения в районе Евсеев, Майоровский, Плесистовский. Несмотря на это и на неоднократные указания Ставки, помощь им Сталинградским фронтом до сего времени не оказана. Немцы никогда не покидают свои части, окруженные советскими войсками, и всеми возможными силами и средствами стараются, во что бы то ни стало пробиться к ним и спасти их. У советского командования должно быть больше товарищеского чувства к своим окруженным частям, чем у немецко-фашистского командования. На деле, однако, оказывается, что советское командование проявляет гораздо меньше заботы о своих окруженных частях, чем немецкое. Это кладет пятно позора на советское командование. Ставка считает делом чести нашего Сталинградского командования спасение окруженных частей. У нашего Сталинградского командования имеется сейчас достаточно сил и средств, чтобы пробиться к своим окруженным дивизиям и вывести их.

Точные цифры потерь дивизии нам неизвестны. Потому что большинство вышедших из окружения в первые дни попали в другие соединения. Так, батальон связи был передан 112-й СД. Бойцы и командиры артполка переданы 62-й армии. Последний день 229-й дивизии, второго формирования, нигде официально не зафиксирован. Первый называют точно: 12 декабря 1941 г., а о последнем молчат. Имеющиеся материалы позволяют назвать этот день – 10 августа 1942 г.

Штаб 62-й армии, практически разбитой к этому времени, и сам штаб Сталинградского фронта об этой трагедии имели смутное представление. Историки Сталинградской битвы утверждают, что именно «катастрофа, постигшая 62-ю армию, заставила советское верховное командование пересмотреть свое мнение о возможностях генерал-лейтенанта Гордова руководить фронтом на стратегически важном направлении». 9 августа 1942 г. в 23.00 была подписана директива Ставки № 170562, согласно которой с шести часов утра 10 августа Сталинградский фронт подчинялся командующему Юго-Западным фронтом генерал-полковнику Еременко.

Получив приказ командующего 62-й армией о выходе к реке Дон в районе переправ, «подразделения 229-й дивизии следовали

на грузовых машинах по маршруту: пос. Зрянинский – совхоз № 5 – Самодуровка… В пяти километрах от пос. Зрянинский завязался бой. Сотрудники отдела заняли оборону в балке, что в двух км восточнее балки Водяная-2» [1]… Около часа дня 10 августа, сообщает Лукельев, чтобы избежать окружения, по приказу командира дивизии разбились на две группы. Первая группа, в которой находились командир дивизии и начальник особого отдела, вышла из балки на возвышенность. В результате боев группа разделилась, та часть, где оказался начальник особого отдела дивизии Лукельев И.С., вышла из окружения.

Этапы боевого пути 229-й стрелковой дивизии второго формирования: 10 августа. 229-я СД вместе с 33-й гвардейской, 196-й, 399-й, 147-й, 181-й СД (находившиеся на правом берегу Дона) оказались в окружении. По донесениям штаба Сталинградского фронта на 15 августа 181-я, 147-я и 229-я СД продолжали вести бои в окружении в районе поселков Евсеев, Майоровский, Плесистовский. Ставка приказала командованию фронта немедленно организовать спасение окруженных частей. Однако выполнить это требование и организовать встречный удар в сложившейся обстановке очень трудно.

16 августа. В 6 часов утра в штабе 62-й армии отметили: «Связи с 33-й гвардейской, 181-й, 147-й, 229-й СД установить не удалось. На вызовы по радио не отвечают, при работе на прием не появляются». Воины окруженных дивизий продолжали пробиваться к главным силам мелкими группами. Из 10 тыс. солдат и офицеров 229-й стрелковой дивизии второго формирования на левый берег Дона пробилось 750 чел.

Мнение историка. Александр Ярков, доктор исторических наук, профессор Тюменского государственного университета: «Из исторической справки о судьбе сформированной в ишимском Синицынском бору 229-й стрелковой дивизии поразила информация, что из окружения смогли выбраться к своим немногим больше 700 воинов (по другим сведениям, 528 чел.). На том берегу Дона в самом трагическом начале Сталинградского сражения осталось в разы больше. Кто-то еще продолжал (по крайней мере, по данным на 15 августа 1942 г.) вести бои в окружении, в районе Евсеев, Майоровский, Плесистовский, а кто-

то попал в плен. Не хочу подозревать всех, но были и те, кто сдавался врагу сознательно, ведь более двух тысяч рядовых были призваны после освобождения из мест заключения. Были, очевидно, среди них и «смертельно обиженные» на советскую власть. Именно они оказались самыми «сознательными воинами» Русской освободительной армии бывшего генерала Власова. Но не о них речь, а о тех фронтовиках, которые делали всё возможное в самые суровые дни войны. Попытаться раскрыть подлинную судьбу пропавших без вести людей, снять с них позорный ярлык предателя – дело чести живых».

Воспоминания ветеранов. Тамара Шастунова (Лимахина), г. Ишим, ветеран Великой Отечественной войны, узница концлагеря Равенсбрюк: «В первый бой вступили на территории высокой гряды междуречья Солона и Чира. Она растянулась на множество километров и была не приспособлена для боевых действий – открытое пространство. Завязались ожесточенные, кровопролитные бои. Наш медсанбат обосновался на правом берегу реки Чир. В его составе были и другие ишимские девчата: Люба Малышкина, Лиза Аверина, Мария Родькина, Фаина Федорова, Дарья Крючкова. Раненые поступали непрерывно. От них узнавали географические названия, где из последних сил держались сибиряки: город Суровикино и районы Логовский, Евсеев, Майоровский, участок железной дороги Лихая – Сталинград, Савинская – Нижне-Чирская, хутор Пятиизбянский. Потом наша дивизия в числе других попала в окружение. Вместе с ранеными несколько дней пытались прорваться к своим, но в районе Суровикино попали в плен. Командный состав отделили от рядовых и отправили по железной дороге во Владимир-Волынский, здоровых бойцов куда-то угнали, тяжелораненых расстреляли, а нас погрузили в товарные вагоны и отправили в Германию» [2].

Петр Александров, участник Сталинградской битвы, г. Тюмень: «Из Скопино нас отправили в Камышин, оттуда пароходом в Сталинград, затем пешим маршем – 120 километров! – на Калач, город на реке Дон. Шли-шли, по понтонам переправились, на гору поднялись. Последовал приказ: «Окопайся!». А как окапываться, если местность гористая,

просматривается со всех сторон? Не успели, налетел двухфюзеляжный самолет, сбросил бомбы, ракеты и все – в бой вступили минометы: крошат нас без умолку. Выжил.

Наша разведка ушла в наблюдение. Вернулись с задания, а нам говорят: находимся в окружении. Командир роты связи, к группе которого примкнули, посоветовал: «Ни при каких обстоятельствах не теряйте красноармейскую книжку». Днем прятались в балках и даже в болоте, ночью продвигались к своим. Ох, и много наших полегло тогда! Приедут немцы, бросят одну-две гранаты, расстреляют раненых, уцелевших в плен уведут.

Выжить и выйти к своим помогли уроки разведроты, которые получил в Скопино. Более двух недель с однополчанами находился в котле, обессилел, оголодал, а впереди полноводная, с быстрым течением река Дон, за ней – свои. Плыву, чувствую, силы покидают, тону... Вдруг вижу мать, которая говорит: «Сынок, жить надо, борись. Жду домой». Откуда только силы взялись, переплыл. Потом были уличные бои за Сталинград, уже в составе 112-й дивизии, Польша. Победу встретил в Берлине» [2].

Ольга Пушкаревич: «В школьные годы я, ученица ишимской ж.д. школы № 1 (ныне № 31), вела переписку с ветераном-военным врачом 229-й дивизии. Марьям Силина (Мингалеева) из Москвы прислала мне тетрадь с воспоминаниями, она пишет: «Окончила институт 30 апреля 1942 г., а 23 мая по мобилизации приступила к работе на санитарно-транспортном судне № 43 «Муром – Казань». И так, я лето 1942 г. проработала на пароходе. Привозили раненых от Мурома по Оке до Казани, а когда начались боевые действия под Сталинградом, нас отправили туда. Наш пароход был двухсотместный, а нам давали по семьсот-восемьсот человек. Грузились ночью с керосиновой лампой, по несколько раз отплываем-причаливаем из-за бомбежки. На пароходе из врачей я была одна (одну сократили перед отправкой). И вот я день и ночь на ногах и бегом то вниз, то вверх, то кровотечение, то кто-то умирает. Привозили раненых в Ульяновск и обратно. Пароходы все были перекрашены в болотный цвет, никаких сигналов нельзя было давать. Один раз

на нас ночью наехал большой Волжский пароход. Везли детей из Камышина» [3, с. 59].

Сохранение памяти о героях-земляках – задача тех, кто занимался поисковой работой в школе. Ныне живущие в г. Тюмени ишимцы объединись в Тюменскую региональную общественную организацию «Ишимское землячество». Среди земляков и те, кто сам принимал участие в сражениях великой отечественной войны, и дети участников. Поэтому проводится большая патриотическая работа среди школьников и молодежи Тюменской области:

- лекции, семинары, форумы, круглые столы, конкурсы исследовательских работ и эссе: «Сталинград глазами молодежи» (март 2018 г.), «75 лет великих сражений: наша семейная память» (февраль 2019 г.) с выпуском сборника материалов [3];

- конференции с обязательными секциями о героях-земляках [4, с. 166].

- издание литературно-краеведческого альманаха «Ишимский земляк», методических материалов по культуре и опыту межкультурного взаимодействия народов Тюменской области;

- музыкально-исторические спектакли об истории формирования полиэтничного региона с участием коллективов: «Двадцать кадров хроники Тюмени» (проект-победитель конкурса «Активное поколения» Е. и Г. Тимченко 2016 г., посвященный 430-летию г. Тюмени), «Кадры хроники Сибири» (проект, посвященный 75-летию нашей области). В основных сценах отражены героические подвиги земляков в годы Великой Отечественной войны, с участием настоящих ветеранов-участников (например, Анатолия Федоровича Костылева, 96 лет);

- военно-исторические маршруты (победители конкурсов Российского военно-исторического общества по Уральскому федеральному округу 2015–2017 гг.: «Кузнецовская тропа», «Тропа героев», «Тюменские крылья Победы», «Герои Тюмени и Приишимья. По местам формирования Сибирских дивизий». Последний (Тюмень – Ишим) посвящен тюменским и ишимским дивизиям, с интерактивной программой для школьников, студентов и молодежи.

Материалы о 229-й СД экспонируются: в Государственном музее-панораме «Сталинградская битва»; в Ишимском краеведческом музее; в музеях ишимских школ №№ 1 и 31. 9 июля 1987 г. на Калиновской горе, чуть западнее Суровикино, на стыке 147-й и 229-й СД 62-й и 64-й армий открыт памятный знак в честь павших на первом рубеже Сталинградской битвы.

В Синицынском бору, где была сформирована 229-я СД, установлен обелиск, реконструирована землянка, в постоянном режиме работает экскурсионный маршрут. Школьные и студенческие патриотические клубы Ишима регулярно посещают памятные места под Волгоградом, где остались навечно их деды и прадеды.

Литература

1. Гольдберг Р.С., Петрушин А.А. Запрещённые солдаты. Тюмень, 2006. С. 193–214.

2. Из материалов музея СОШ № 1 г. Ишима.

3. 75 лет великим сражениям: наша семейная память: материалы конкурса исследовательских работ и эссе среди учащихся школ и студентов Тюменской области. Тюмень, 2019.

4. Казачество Сибири от Ермака да наших дней: история, язык, культура. Материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Тюмень, 2015.

Т.И. Юрина

К ВОПРОСУ О РОЛИ 2-го ОБМП В ОСТАНОВКЕ НЕМЕЦКОГО НАСТУПЛЕНИЯ НА КРАЙНЕМ ЮЖНОМ ФЛАНГЕ ФРОНТА, НА РУБЕЖЕ НОВОРОССИЙСКИХ ЦЕМЗАВОДОВ В СЕНТЯБРЕ 1942 Г.

В сентябре 1942 г. полоса от цемзавода «Пролетарий», пролегающая через шоссе к морю, являлась центральным участком обороны всего Черноморского побережья. 2-й отдельный батальон морской пехоты, насчитывающий всего 750 человек, продолжал здесь стоять насмерть уже после сообщения Совинформбюро о сдаче Новороссийска 11 сентября 1942 г.

Ключевые слова: Новороссийское противостояние 1942–1943 гг., Новороссийская оборонительная операция, 2-й Отдельный батальон морской пехоты, цементные заводы «Пролетарий» и «Октябрь», Новороссийско-Сухумское шюссе, Черноморское побережье Кавказа, рубеж обороны.

T.I. Yurina

TO THE QUESTION OF THE ROLE OF THE 2ND OBMP IN THE STOP OF THE GERMAN ATTACK AT THE EXTREMELY SOUTH FLANGE OF THE FRONT, ABROAD OF NOVOROSSIJSK CEMENT PLANTS IN SEPTEMBER 1942

In September 1942, the strip from the Proletarii cement plant, running through the highway to the sea, was the central defense site of the entire Black Sea coast. The 2nd separate battalion of the marine corps numbering only 750 people continued to stand here to death after the Sovinformburo announced the surrender of Novorossiysk on September 11, 1942.

Key words: the Novorossiysk Withstand of 1942–1943, The Novorossiisk defensive operation, 2nd Separate Marine Corps Battalion, cement plants “Proletarij” and “Oktiabr”, the Novorossijsk–Sukhum roadway, Cemess Bay, Malaia Zemlia, Black sea coast of Caucasus, defense line.

В документальной хронике боев за Новороссийск есть замечательные кадры, которые просто невозможно не использовать в фильмах, посвященных Новороссийскому противостоянию 1942–1943 гг. Есть они и в нашем фильме «Малая земля. Как это было…». Мне, конечно, давно хотелось узнать, кто эти матросы, водрузившие флаг над воротами цементного завода «Пролетарий» в сентябре 1943 г. Но ответ был получен совсем недавно и абсолютно неожиданно. Оператор кинохроники отснял этот эпизод с участием личного состава корректировочного поста, который возвращался на одну из батарей, где стоял на довольствии, на следующий день после освобождения цемзавода. Об этом мне удалось узнать из тетрадей майора Русланцева, впервые опубликованных в 2016 г. [1] Именно А.И. Русланцев был командиром этого корпоста, и сам попал в киножурнал за октябрь 1943 г.

Но сами тетради совсем не об этом. Написанные в 1976 г., они посвящены остановке немецкого наступления на крайнем южном фланге фронта, на рубеже Новороссийских цемзаводов в сентябре 1942 г. Как пишет опубликовавший тетради замечательный писатель П. Межирицкий, автор знаменитой книги «Товарищ майор» о Ц.Л. Куникове [2]. «Тетради майора Русланцева» – поразительное по искренности и скромности

свидетельство войны, важнейший исторический и познавательный материал» [1, 2].

На последней странице своих воспоминаний Александр Иванович рассказал и об эпизоде с кинооператором, добавив при этом: «Получается, что я и сдавал (в 1942-м), и освобождал (в 1943-м) цемзавод «Пролетарий». Но я так не ставлю вопрос. Ц/з «Пролетарий» освободил 1339-й полк 318 стрелковой дивизии. Я же со своим корректировочным постом прибыл уже после освобождения цемзавода» [1, с. 68].

Имя Русланцева – командира 2-й роты 2-го Отдельного батальона морской пехоты четко читается на схеме обороны цемзаводов, составленной начальником штаба батальона И.В. Жерновым. По этой схеме мы видим на улицах Новороссийска в Восточной части города оборонительные рубежи морских пехотинцев с 7 по 9 сентября; смену позиций с 9 по 15 сентября и окончательный рубеж, где батальон продолжал вести бои с 15 по 18 сентября до подхода 318 стрелковой дивизии, окончательно остановившей черноморскую стрелу вермахта осенью 1942 г. на рубеже новороссийских цемзаводов [3, цв. вклейка].

На тот момент, полоса от цемзавода «Пролетарий», пролегающая через шоссе к морю, являлась центральным участком обороны всего Черноморского побережья. 2-й отдельный батальон морской пехоты, насчитывающий лишь 750 чел., продолжал здесь стоять насмерть уже после сообщения Совинформбюро о сдаче Новороссийска 11 сентября 1942 г. Сохранилось несколько свидетельств о том, что жесткий и волевой комиссар батальона А.Ф. Олейников, оставшийся за комбата, запретил знакомить моряков с содержанием этой сводки, «благо» в ротах радио не было. Лейтенант Н. Воронкин, командир 1-й роты батальона, хранил эту тайну с тяжелыми мыслями: «Больше года просидел на корпостах, слушал и немецкие сводки в наушниках, но впервые за всю войну наше Информбюро сообщило о сдаче города, когда еще целый промышленный район находился в наших руках. Тут что-то не так».[4, с. 58]. «Для нас это было как гром среди ясного неба, – писал в 1977 г. в письме Главнокомандующему Военно-Морским флотом адмиралу С.Г. Горшкову бывший начальник штаба 2-го

отдельного батальона И.В. Жерновой. – Ведь наша оборона в тот день проходила от Цемесской бухты севернее Импортной пристани через жилые дома до северных скатов гор, где стоит створный знак» [5, 1].

Долгие годы и немалые усилия пришлось потратить тем, кто смог выстоять в тех боях и выжить после, чтобы воссоздать истинную картину начала Новороссийского противостояния, предшествующего Малоземельской эпопее, но всей правды им так и не удалось сказать. Воспоминания о боевых действиях 1942 г. часто не публиковались не только по идеологическим причинам, но и потому, что в них было «очень много крови». Видимо, по этой же причине, многие подвиги этого периода войны остались недооценены, а многие имена незаслуженно забыты. В тетрадях Русланцева содержатся подробности, позволяющие хотя бы в малой степени восстановить справедливость.

«Вечером 8 сентября 2-я рота перешла через цемзавод «Пролетарий» в два деревянных дома, расположенных впереди цемзавода в овраге. Видя невыгодность позиции, я попросил разрешения продвинуться вперед и занять каменные дома, – пишет Русланцев. – Но ни комиссар Олейников, ни замначальника штаба лейтенант Кириченко не решились на это, т.к. был приказ не наступать. Пришлось нам два дня отбивать атаки немцев, находясь в деревянных бараках. Но всё же, прибыв в расположение роты, Кириченко разрешил мне с ротой продвинуться вперед. Вместо выбывших из строя офицеров командирами взводов я назначил старшин Якова Королева, Георгия Белякова, Афанасия Тимко и Григория Девятко» [1, с. 25–26].

«Ведя активную оборону, – пишет другой участник этих боев, – мы столкнулись с превосходящими силами противника, как в живой силе, так и в технике. Немцы и их сателлиты – румыны были вооружены автоматами, артиллерией, минометами, танками. Мы же, в основном, были вооружены винтовками образца 1891 года, ручными и противотанковыми гранатами, а руководящий состав – наганами и пистолетами. В ходе боя в некоторых случаях приобретали оружие: автоматы и минометы.

Мы не имели опыта ведения войны в уличных условиях, у нас не было средств связи. Провода и телефонные аппараты приходилось добывать на заминированных объектах» [6].

Большим подспорьем для моряков оказались найденные ими на бронепоезде «Свердловский железнодорожник» две исправные пушки и 270 снарядов к ним. Пушки были без прицельных приспособлений, но им нашли замену, и ни один из снарядов не выпустили понапрасну, строго их экономили.

«Специфические условия ведения борьбы с наседавшим противником привели к тому, что роты и взводы в батальоне были превращены в отдельные группы, засевшие в домах» [6, с. 8]. Русланцев приводит подробности: «На рассвете 11 сентября отделение Николая Романова внезапным броском заняло впереди стоящий дом. Фрицы бежали, не успев даже выстрелить. Тогда же остальные взводы роты бросились вперед и выбили немцев из впереди стоявших домов. Теперь рота занимала каменные капитальные дома. Можно было удачнее обороняться. Это оказалось своевременным, т.к. к тому времени в центре города уже прекращалась бушевавшая все дни стрельба» [1, с. 26]. 11 сентября этим воспользовались гитлеровцы, весь день пытаясь прорвать оборону пехотинцев. До обеда отражено восемь атак. После полудня штурм продолжился, но морские пехотинцы не только смогли его отразить, но, несмотря на потери, перешли в контратаку, ввязавшись в рукопашную схватку [7, с. 34–46] Батальон успешно отбил атаки 11 сентября, нанеся противнику тяжелый урон.

«С утра 11 сентября особенно отличились пулеметчики Бирюков и Юрченко» [7, с. 49–50], – свидетельствует Жерновой. Но Русланцев утверждает, что это было уже 12-го числа. Оба участника событий сходятся в том, что следующий день, 12 сентября, был днем «невиданного до сих пор натиска противника. Выстроившиеся по 2 в ряд, по шоссе шли 8 танков, остановить которые было нечем, пушки бронепоезда поразить их не могли. Оставалась надежда на противотанковые ружья да связки гранат, на выдержку и героизм моряков» [7, с. 47]. Атакам предшествовали беспощадные бомбардировки цехов «Пролетария», шоссе и передовой линии обороны.

«12 сентября противник атаковал особенно яростно, – пишет Русланцев. Автоматчики под прикрытием танков подходили вплотную к домам, но матросы огнем из винтовок и гранатами отбивали эти атаки. Особенно большие потери противнику нанес станковый пулемет, стоявший на втором этаже двухэтажного правофлангового дома. Противник пытался через склоны гор у створного знака пройти в балку в тылу роты. Огнем пулемета было уничтожено несколько десятков солдат противника. Расчет пулемета был выведен из строя. За пулемет лег боевой санитар матрос Бирюков. Он метким огнем уничтожил до полуроты противника. Но подошел танк и почти в упор расстрелял пулемет и храброго пулеметчика Бирюкова. Танки подошли вплотную к домам. Деревья мешали бросать гранаты. Тогда старшина Георгий Беляков выскочил из дома и противотанковой гранатой подбил танк. Выскочившие танкисты были им убиты.

Всё же силы были неравны, и личный состав роты отошел на территорию цементного завода «Пролетарий». В двух двухэтажных домах создалась сложная обстановка. Противник занял первые этажи. На вторых этажах остались матросы и старшины. Ночью, когда всё утихло, матросы спустились на землю по водосточным трубам и под командой старшины строем стали отходить к цемзаводу. Матросы видели, что немцы ходят строем. Вдруг из одного из строений раздался немецкий окрик. Бросили туда гранату и залегли. Поднялась стрельба, вспыхнули ракеты. Когда все утихло, продолжили движение. Так 8 чел. под командой старшины Якова Королева прибыли в расположение роты на территории цемзавода.

Последним в расположение роты прибыл старшина Георгий Беляков. Он был весь изранен осколками гранаты. Он рассказал, что еще засветло был ранен осколками гранаты и потерял сознание. Очнулся ночью. Два немца волокли его на плащ-палатке к себе в тыл. К счастью, пистолет не был отобран. Беляков из пистолета убил немцев и сам добрался до расположения роты. После госпиталя старшина Георгий Беляков служил на одном из эсминцев и погиб вместе с кораблем под Феодосией в 1943 г.

Таким образом, рота сосредоточилась на территории цемзавода «Пролетарий». Заняли оборону, используя штабеля из мешков с цементом, различные постройки и проломы в заборе» [1, с. 26–27].

В оперсводке вечером 15 сентября сообщалось: «103-я КСБр отразила наступление групп пехоты и группы танков противника, произведенное к исходу дня, совместно с 318-й СД. Ведет бой за овладение Адамовича балка и лес севернее. К 14.00 район цементного завода занят 103-й КСБр. Продолжается уличный бой и очистка от противника построек и домов, окружающих цементный завод» [8, л. 278]. На деле все выглядело несколько иначе. В военных сводках ничего не упоминалось о «безымянном» батальоне, который в оперативном отношении считался подчиненным 103-й бригаде, почти не имевшей на этом участке на тот момент собственного личного состава.

Артобстрел и бомбардировки не прекращались. В тот день велся артогонь такой силы, что стоял сплошной не прерывающийся ни на минуту гул. От дыма и пыли, поднятой взрывами, померкло солнце. Потери возрастали с каждым часом. Особенно много было тяжелораненых. В 1-й роте 2-го ОБМП, в командование которой после тяжелой контузии Н. Воронкина вступил Г. Слепов, из 220 отважных моряков оставалось лишь 40. Тогда комбат распорядился влить в нее свой последний резерв из 7 человек, среди которых были парикмахер, повар и писарь…

На рубежах, обороняемых 2-м отдельным батальоном морской пехоты 11–18 сентября 1942 г., непрерывные атаки фашистов доходили до 10 в сутки, но морская пехота периодически переходила в контратаки, выбивая врага с занимаемых им позиций. Жилые помещения, цеха завода «Пролетарий» по 3–5 раз переходили из рук в руки. Именно эти несколько дней сыграли решающую роль в создании у стен следующего цемзавода «Октябрь» – рубежа обороны, на котором части подошедшей 318-й дивизии смогли в течение года сдерживать нацистские войска, стремящиеся овладеть Новороссийско-Сухумским шоссе – дорогой, обозначаемой на немецких картах Западного Кавказа № 1.

Но, к сожалению, в центральных архивах отсутствуют документы по 2-му ОБМП, и в связи с этим существует предположение, что они погибли вместе со штабом 103-й бригады. За два года до выхода книги Л.И. Брежнева «Малая земля», в 1976 г., о 2-м ОБМП очень точно сказал послевоенный корреспондент газеты «Красная звезда» писатель П.Я. Межирицкий: «2-й ОБМП – это один из тех, в общем, тоже многочисленных и все же решающих эпизодов, которые повернули войну на победу» [9] Однако после 1978 г. об этом эпизоде уже не вспоминали. А тогда, в сентябре 1942 г., из 750 бойцов батальона после прибытия 318-й дивизии было выведено из боев на краткий отдых всего 340 чел. Именно этот сводный батальон возглавил впоследствии Ц.Л. Куников, выписавшись из госпиталя, а герои обороны у цемзаводов составили костяк его знаменитого отряда особого назначения, высадившегося в Станичке и положившего начало Малой земле.

Список литературы

1. Тетради майора Русланцева. Libes, 2016.

2.Межирицкий П.Я., Товарищ майор, М., 1975.

3. Юрина Т.И. Новороссийское противостояние 1942–1943 гг. Краснодар, 2008.

4. Фонды Музея истории цемента, инв. № 882 нв.

5. Фонды Музея истории цемента, инв. № 757 нв.

6. Фонды Музея истории цемента, № 1510 инв. С. 7. Продащук П.Д. Письмо в редакцию газеты «Красная звезда» от 6.12.1976 г.

7.Жерновой И.В. Дальше враг не прошел. Краснодар, 1980.

8. ЦАМО. Ф. 47-А. Оп. 9575. Д. 70. Л. 278.

9. Фонды Музея истории цемента, инв. № 1510 инв. Межирицкий П.Я. Письмо Продащуку П.Д. от 16.12.1976 г.

Л.Г. Григорьян

МЕДИЦИНСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ ОБОРОНЫ «МАЛОЙ ЗЕМЛИ» В ВОСПОМИНАНИЯХ УЧАСТНИКОВ

В статье рассмотрена проблема медицинского обеспечения во время боев на Малой земле. Изучены архивные документы и воспоминания сотрудников госпиталей и санитарных бригад. Медицинская помощь сыграли важную роль в победе на Малой Земле, в боях за Кубань, в победе над фашистской Германией.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Малая земля, Новороссийск, медицина, госпитали, военная медицина.

L.G. Grigoryan

MEDICAL SUPPORT OF DEFENSE OF "SMALL EARTH" IN MEMORIES OF PARTICIPANTS

The article considers the problem of medical support during the fighting on the Lesser Land. Archival documents and memoirs of employees of hospitals and medical teams were studied. Medical assistance played an important role in the victory on Malaya Zemlya, in the battles for the Kuban, in the victory over Germany.

Key words: The Great Patriotic War, Small land, Novorossiysk, medicine, hospitals, military medicine.

Малая Земля – одна из самых известных страниц боев за Кавказ. В ночь с 3 на 4 февраля началась героическая оборона плацдарма и продлилась 225 дней и ночей. В боях за Новороссийск погибло более 12 тыс. чел. Говоря о вкладе каждого рода войск в победу, стоит вспомнить о медицинских работниках Малой земли. О тех условиях, в которых проводились операции и сохранялась жизнь раненым на поле боя.

На 1 января 1942 г. в СССР количество коек в полевых подвижных госпиталях составляло всего 9,1% от общего количества мест в медицинских учреждениях. Во втором периоде войны эта цифра возросла и на 1 января 1943 г. составила 27,6% [1, с. 311].

Руководство принимало энергичные меры к восполнению понесенных потерь и развертыванию медицинских учреждений, так как ежедневно поступало большое количество раненых. Это видно и из статистики: если к началу войны в гарнизонных и эвакуационных госпиталях было развернуто 35540 коек, то к 1 июля 1941 г. в действующей армии число госпитальных коек было доведено до 122 тыс., а к 1 августа 1942 г. – до 658 тыс. [2, с. 80].

Успешное контрнаступление Красной Армии в районе Сталинграда в конце ноября 1942 г. создало условия для разгрома войск противника на всем южном фланге советско-германского

фронта. Ставка Верховного Главнокомандования приняла решение провести Северо-Кавказскую наступательную операцию силами Южного и Закавказского фронтов в целях разгрома северокавказской группировки войск противника и освобождения Северного Кавказа [3, с. 67].

Госпитальной базой города Новороссийска стал г. Геленджик. Город, который сыграл огромную роль в Победе на Малой земле. Помощь Геленджика отмечают многие участники боев за Новороссийск. Помимо большого количества госпиталей, тыл помогал фронту продуктами, вещами. «Не было перебоя ни в чем. На фронте ранняя весна, а на Малой Земле огурчики свежие, помидоры, капуста…» – пишет Г.А. Абросимов, снайпер 8-й гвардейской бригады [4, с. 10].

Но доставлять раненых в Геленджик было сложной задачей, а иногда и невыполнимой. Поэтому Малая земля нуждалась в собственных госпиталях. Одним из них стал Хирургический полевой передвижной госпиталь 5199 (далее – ХППГ 5199), который был сформирован в г. Ленинакан. Прибыв в Геленджик в начале февраля 1943 г. и пробыв там буквально 3–4 дня, начали готовить госпиталь для переброски в Мысхако. Такое решение было принято в следствие того, что на Малой земле, в ходе ожесточенных сражений, накопилось большое число тяжело раненых, которым оказывать своевременную помощь или срочно эвакуировать в Геленджик не было возможности [5, с. 1].

Перед всеми медицинскими сотрудниками Малой земли стояла трудная задача: оказывать хирургическую помощь тяжело раненым и эвакуировать их на Большую землю. Медицинские сестры Малой земли, часто 18–19 летние девушки, под постоянным обстрелом ночью на носилках переносили раненых к месту эвакуации.

Медицинская сестра ХППГ 5199 Джульетта Багдасарян в своем письме рассказывает, как была переведена в «операционную» и описывает условия проведения операций: «Работали в ужасных условиях, самые сложные операции делали под светом коптилок, часто приостанавливали операцию из-за прямого попадания мин или снаряда в «операционную» [5, с. 2]. Операционные столы сооружены из подручных материалов:

досок, ящиков, носилок. Участница битвы за Малую землю пишет, что когда негде было размещать раненых, то использовали даже воронки от бомб для «укрытия». Находясь до середины августа на Малой земле, ХППГ 5199 потерял больше половины своего состава.

О буднях сотрудников санитарной службы 255-й Краснознаменной бригады морской пехоты рассказывает С.Ф. Бордий в своем очерке «На Земле Малой». Он говорит о том, что в «обычные дни», когда не было боев, медицинские сотрудники занимались проверкой санитарного состояния всех подразделений бригады. Он отмечает важность такой проверки, так как была возможность распространения инфекций или появления паразитов. Автор гордится тем, что за 7,5 месяцев нахождения на Малой земле не было ни единого случая заболевания сыпным тифом. Однако, среди личного состава появилась цинга. В условиях нехватки продуктов питания и медикаментов было сложно справиться с этой болезнью. Но вскоре стало наблюдаться снижение заболеваемости. Из медработников была сформирована группа, которая собирала хвою, акацию, щавель, шпинат и лук. Из них делали напитки и варили суп [6, с. 48–50].

Еще одна участница боев за Малую Землю – медсестра Лихацкая Надежда Степановна. Дважды она участвовала в десантных операциях: первый с 3 на 4 февраля, второй – с 9 на 10 сентября. В своих воспоминаниях она пишет: «С Малой земли забирали раненых почти всегда под непрерывным обстрелом противника. Мне на всю жизнь запомнились глаза, лица раненых, которые хотели жить. Они с мольбой и надеждой смотрели на нас, чтобы мы скорее помогли и спасли их. За подвиги и помощь раненым получила награды «Орден Отечественной войны II степени», медали «За отвагу», «За оборону Севастополя», «За оборону Кавказа», «За победу над Германией» [7, с. 3].

Через госпитали Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны прошло 1911764 чел., из которых 1240372 возвращены в строй. В среднем процент возвращенных в строй бойцов и офицеров Красной Армии составил 61,5 [8, с. 147]. В

целом по стране процент возвращённых в строй – 72. Ни одна армия в мире не имела таких высоких показателей.

В условиях отсутствия оборудования, нехватки пищи, воды и лекарств советские медицинские работники оказали огромную поддержку фронту и трудились, жертвуя собой и делая все возможное для излечения больных и раненых.

Изучение же подобной многоплановой темы позволяет глубже познать механизмы организации социально-медицинского сопровождения раненных в периоды значительных и локальных сражений в период Великой Отечественной войны [10, с. 23]. Реконструкция порядка оказания медицинской помощи, формирования медицинских кадров, специфики взаимодействия с ранеными позволяет воссоздать панораму социальной политики советского государства в экстремальных условиях войны.

Список литературы

1. Голушко И.М. Тыл советских вооруженных сил в Великой Отечественной войне 1941–1942 гг. М., 1977.

2. Кувшинский Д.Д. Служба здоровья / Д.Д. Кувшинский, В.А. Гринь. М., 1971.

3. Остюк А. 31-й парашютно-десантный полк в боях на Малой земле // Морской сборник. 2011. № 12. С. 67–73.

4. Геленджикский историко-краеведческий музей. Ф. 10. Д. 204.

5. Геленджикский историко-краеведческий музей. Ф. 10. Д. 314.

6. Геленджикский историко-краеведческий музей. Ф. 10. Д. 158.

7. Геленджикский историко-краеведческий музей. Ф. 10. Д. 102.

8. Из истории трудового подвига народов Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны: Сб. науч. тр. Краснодар, 1985.

9. Гаража Н.А. Деятельность органов государственной власти по мобилизации рабочего класса на Победу в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (на материалах Краснодарского края): дис. … канд. ист. наук. Майкоп, 2005.

Н.В. Селюнина

МАТЕРИАЛЬНАЯ БАЗА МОРСКОГО И РЕЧНОГО ТРАНСПОРТА ЮЖНОГО РЕГИОНА В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ И ВОССОЗДАНИЕ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ

На основе широкого круга архивных источников анализируется ситуация возрождение водного транспорта в освобожденных от врага районах, которая определялась военно-экономической, социальной, политической целесообразностью. Учитывая разноплановый резонанс восстановительного процесса, ГКО СССР принимал решительные меры по организации первоочередных работ при опоре на местные органы власти.

Ключевые слова: Водный транспорт, материальная база, производственные предприятия и пристани, управленческие структуры, восстановительный процесс, военно-восстановительные отряды, возрождение материальной базы морского и речного транспорта.

N.V. Selyunina

THE MATERIAL BASE OF SEA AND RIVER TRANSPORT OF THE SOUTHERN REGION DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR AND THE RECONSTRUCTION OF THE MANAGEMENT SYSTEM

The situation of water transport revival in the areas liberated from the enemy, which was determined by military, economic, social, political expediency, is analyzed based on a wide range of archival sources. Taking into account the diverse resonance of the restoration process, the USSR State Defense Committee took decisive measures to organize the priority works with the support of local authorities.

Key words: Water transport, material base, industrial enterprises and wharves, administrative structures, restoration process, military and recovery detachments, revival of material base of sea and river transport.

Окружение группировки противника под Сталинградом дало мощный толчок существенным изменениям оперативной обстановки на Северном Кавказе. Советские войска вынудили врага оставлять без большого сопротивления один за другим стратегически важные населенные пункты. Воины Северо Кавказского фронта освободили 12 февраля 1943 г. Краснодар, а соединения Южного фронта заняли спустя два дня Ростов-на-

Дону. Большая часть Краснодарского края и Ростовской области стали свободными от оккупантов, сумевших удержать Новороссийск, закрепиться на Таманском полуострове и миусской оборонительной линии. Оккупанты и военные действия нанесли водному транспорту региона огромный урон. Особенно разорено было Доно-Кубанское пароходство, потерявшее 81,5% транспортных судов и 69% технических плавсредств, большую часть производственных предприятий и пристаней. В сопоставимых ценах 1927 г. ущерб речному транспорту составил 154,4 млн. руб. [1]

Морские порты Приазовья и Краснодарского края также получили огромные повреждения. Ущерб, нанесённый порту Туапсе, составил 23 млн. руб., враг уничтожил 132 черноморских судна общей грузоподъёмностью 200 тыс. тонн. В руинах лежали корпуса судоремонтных предприятий, портовые постройки, причальные линии.

Возрождение водного транспорта в освобождённых от врага районах определялось военно-экономической, социальной, политической целесообразностью [2].

Учитывая разноплановый резонанс восстановительного процесса, ГКО СССР принимал решительные меры по организации первоочередных работ при опоре на местные органы власти. В Краснодарском крае и Ростовской области в считанные недели возникла управленческая система модели конца 1941 г.

Организацией восстановительных работ занимались группы технической разведки Наркомречфлота. Они обеспечивали учёт сохранившихся материальных ценностей, их охрану, обследовали состояние уцелевшего флота, собирали кадры речников на узловых пунктах.

Решением СНК СССР и приказом Наркомречфлота от 19 февраля 1943 г. создано Доно-Кубанское военно-восстановительное управление (ДКВВУ). Новая управленческая военизированная структура строилась на основе централистического принципа и армейских уставных отношений. Все руководящие работники получили офицерские звания и использовали директивно-приказные методы при работе с рядовым составом [3].

За весьма короткий срок на Дону и Кубани были созданы 6 комплексных военно-восстановительных отрядов, занимавшихся восстановлением вокзалов, портов, судоремонтных предприятий, жилья речников, бытовых объектов и т.д. Спасение затонувших судов возлагалось на коллективы двух аварийно-судоподъёмных отрядов.

В Черноморском и Азовском бассейнах возрождением затопленного врагом флота занимались соответствующие службы аварийно-судоподъёмного управления НКВМФ, а порты и предприятия восстанавливало Центральное управление строительства наркомата морского флота. В составе Черноморского восстановительного управления (начальник Б.А. Аменицкий) в декабре 1943 г. имелись строительно-восстановительные конторы в Новороссийске и Туапсе, кирпичный завод, сочинские ремонтно-механические мастерские. Все восстановительные структуры были военизированными, что являлось положительным фактором в решении весьма сложных и объёмных задач.

Наркомморфлот создал Азовское пароходство 13 октября 1943 г., а в сентябре 1944 г. было принято решение о переводе управления Черноморского сухогрузного пароходства из Батуми в освобождённую Одессу и выделении самостоятельного пароходства «Совтанкер» с местом дислокации в Туапсе. Структура морского транспорта региона приведена к довоенному виду [4].

Вражеские самолёты, базировавшиеся в нескольких десятках километров от передовой линии, систематически наносили бомбовые удары по объектам Нижнего Дона до сентября, а по черноморским портам – до конца 1943 г. Продолжалась гибель гражданского населения, разрушение восстановленного. Такая напряжённая обстановка не позволяла водникам развернуть масштабные работы, поэтому усилия трудовых коллективов концентрировались на решении первоочередных задач. Одной из них был подъём затонувших пароходов.

Командование Южного и Северо-Кавказского фронтов помогло судоподъёмным группам рабочей силой, транспортом, строительными материалами, разместило заказы для водников на

восстанавливающихся промышленных предприятиях и потребовало от ДКВВУ к началу навигации 1943 г. поднять со дна рек и отремонтировать 7 самоходных судов и 18 барж, а затем обеспечить переправу войск, боеприпасов и продовольствия на Дону и Кубани. По указанию местных властей речники получили из резервного фонда несколько сварочных аппаратов, станков, передвижных электростанций небольшой мощности [5].

Восстановители работали бесплатно два месяца. Только в середине апреля 1943 г. государственные структуры начали финансирование ДКВВУ. За полгода работы судоподъёмные группы ДКВВУ подняли на поверхность Дона и Кубани 125 различных судов.

Техническая оснащённость судоподъёмных подразделений оставляла желать много лучшего. Дефицитными являлись самые необходимые для подъёмных работ вещи – водолазные костюмы и компрессорное оборудование, автомобили и подъёмные механизмы, инструменты и пиломатериалы и т.д. Ощущалась крайняя нехватка любых видов горюче-смазочных материалов.

Судоподъёмные работы продолжались на Дону и Кубани до конца навигации 1945 г. Военизированные отряды спасли в 1944–1945 г. ещё 126 судов и после выполнения возложенных на них задач были расформированы.

На морском транспорте широко применялись аккордно-сдельная оплата труда, выдавались премии за успешное завершение работ. Подъём затонувшего флота в Азовском и Черноморском бассейнах осуществляли специализированные подразделения Аварийно-судоподъёмного управления Наркомвоенморфлота, базировавшиеся в Туапсе и Новороссийске. Возрождение пароходства «Совтанкер» началось с подъёма и ремонта теплоходов «Кремль», «Ялта», «Серго» и других. До конца года из морских пучин было вызволено 5 транспортов, учебное судно, четыре баржи, буксир и несколько мелких катеров [6].

Наличие минной опасности в азовском бассейне мешало использовать восстановленные суда для перевозок грузов и пассажиров на протяжении навигации 1944 г. Руководители

Краснодарского края и Ростовской области неоднократно обращались к военным морякам с просьбой о проведении боевого траления, но процесс разминирования судоходных фарватеров затягивался. Командование черноморским военным флотом при этом ссылалось на нехватку тральщиков, сапёров, горючего и т.д. [7].

Таким образом, управленческая система, трудовые коллективы, приложили немало усилий для возрождения материальной базы морского и речного транспорта южного региона. В ходе решения сложных и масштабных производственных задач проявилась неравномерность восстановительного процесса, вызванная скорее субъективными, нежели объективными обстоятельствами. Достижения были очевидны там, где руководители проявляли профессиональное умение и последовательно решали восстановительные и эксплуатационные проблемы.

Список литературы

1. ЦДНИРО. Ф. 9. Оп. 6. Д. 31. Л. 22.
2. РГАЭ. Ф. 9469. Оп. 5. Д. 74. Л. 2.
3. ЦДНИКК. Ф. 1774 «А». Оп. 1. Д. 3379. Л. 120.
4. Селюнина Н.В. Водный транспорт Юга России в 1941–1945 гг. Ростов н/Д, 2004.
5. Селюнин В.А. Промышленность и транспорт Юга России в войне 1941–1943 гг. Ростов н/Д, 1997.
6. ГАРО. Ф. Р-4241. Оп. 3. Д. 8. Л. 40.
7. РГАЭ. Ф. Р-4241. Оп. 3. Д. 11. Л. 7.

Е.П. Ананьева

ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЖИТЕЛЕЙ КРЫМА (НА МАТЕРИАЛАХ О ПОСЛЕВОЕННОМ ВОССТАНОВЛЕНИИ Г. СЕВАСТОПОЛЯ)

В статье анализируется феномен региональной идентичности применительно к условиям Крыма и Севастополя. Региональная идентичность рассматривается как отождествление понятий «Я» и «часть территориальной общности». В качестве социокультурных факторов формирования крымской и севастопольской региональной идентичности используются материалы послевоенного восстановления г. Севастополя.

Ключевые слова: восстановление Севастополя, крымская идентичность, региональная идентичность, региональная идентификация, региональная общность, региональное пространство, территориальная общность.

E.P. Ananyeva

FACTORS OF FORMATION OF REGIONAL IDENTITY OF CRIMEAN RESIDENTS (ON MATERIALS ABOUT THE POST-WAR RECOVERY OF SEVASTOPOL)

The article analyzes the phenomenon of regional identity in relation to the conditions of the Crimea and Sevastopol. Regional identity is seen as an identification of the concepts of "I" and "part of a territorial community". As sociocultural factors in the formation of the Crimean and Sevastopol regional identities, materials of the post-war reconstruction of Sevastopol are used.

Key words: recovery of Sevastopol, Crimean identity, regional identity, regional identification, regional community, regional space, territorial community.

Региональная идентичность является результатом отождествления понятий «Я» и «часть территориальной общности». Каждый индивид обладает образом «Я – член территориальной общности», который вместе со способом соотнесения (сравнения, оценивания, различения и отождествления) образа «Я» и образов территориальных общностей образует механизм региональной идентификации. Многое зависит от условий социализации и положения (не только социального, но и географического) конкретного индивида.

Сам по себе феномен идентичности в качестве социальной функции, имеет двойную направленность. С одной стороны, он является инструментом поддержания субъективной реальности личности. С другой стороны, идентичность может использоваться в качестве инструмента социальной инженерии влиятельных общественных групп.

Региональная идентификация – процесс управляемый. Становление любого региона (формирование его идентичности) может рассматриваться как целеполагающий социокультурный процесс. Главным в процессе является мотивированная общественная деятельность, направленная на вычленение старых

и создание новых региональных символов и образов, которые внедрялись бы в массовое сознание, формируя принципиально новые задачи по конструированию регионального пространства. Региональная идентификация – это элемент общественного и личностного сознания, в котором отражается сознание территориальной общностью своих интересов как в отношении с другими общностями своей нации, так и по отношению к территориальным общностям соседних государств.

Важнейшей функцией регионального самосознания является поиск путей самосохранения региональной общности. «Регион» понимается как единица, в которой процессы исторического развития деятельности должны «замкнуться» на структурах воспроизводства человеческой жизнедеятельности, культурных форм, природных и трудовых ресурсов. Региональная идентичность в системе стратегического анализа территории – фактор социального и экономического развития и элемент политического управления [1].

Территориальная неоднородность и социокультурное разнообразие Российской Федерации рассматривается как в положительном ключе (как потенциал развития страны), так и в негативном (как возможный источник раскола и даже сепаратизма). В связи с этим актуализируется вопрос об оптимальном уровне региональной дифференциации, который бы, с одной стороны, поддерживал развитие и эффективное межрегиональное разделение и развитие, а с другой – обеспечивал сохранение политического и экономического единства страны. И в поиске ответа немаловажное значение имеет проблема территориально-гражданской идентичности жителей различных регионов страны.

Географическое положение Крыма определяет стратегический статус данного региона как с точки зрения национальной безопасности, так и с точки зрения перспектив социально-экономического развития страны. Крым являет собой условно территорию особых социально-экономических и социокультурных условий, связанных с более интенсивной трансграничной коммуникацией и повышенным влиянием различных «приграничных» государств и культур (Турция,

страны Восточной и Центральной Европы) [2]. Поэтому среди множества проблем, которые стоят перед населением Крыма, одной из важнейших является понимание национальной и социальной идентичности, своего поликультурного своеобразия, то есть тех уникальных особенностей, которыми обогатился характер людей разных наций и народностей, социальных слоев и культур, прошедших социокультурную переработку на протяжении более двух веков в уникальных условиях Крымского полуострова [3].

В этой связи чрезвычайно значимыми и яркими являются события, связанные с историей Крыма и г. Севастополя во время Второй мировой войны. Как известно, Крым оказался в эпицентре противостояния между СССР и фашистской Германией. Советское руководство придавало Крыму особенное стратегическое и военное значение. В свою очередь, лидеры фашистской Германии видели в Крыму территорию, которая должна была быть заселена немцами. Согласно планам Гитлера, Крым превращался в имперскую область Готенланд (страна готов). Центр области – Симферополь – переименовывался в Готсбург (город готов), а Севастополь получил название Теодорихсхафен (гавань Теодориха, короля остготов). По проекту Гиммлера, Крым присоединялся непосредственно к Германии. Во многом данное обстоятельство послужило причиной того, что в 1941–1942 гг. Крым стал местом ожесточенной борьбы. Особенно упорные бои развернулись в районе Севастополя, продержавшегося до июня 1942 г. После его падения Крым почти два года был в руках оккупантов. С марта 1944 началось освобождение Крыма от немецкой 17-й армии. Крымская операция закончилась 12 мая 1944 г. полным уничтожением вражеской группировки.

Доказательством этих исторических событий стали не только множественные, на сегодняшний день известные фотодокументы, но и редкие кадры, снимки, фото домашних архивов, скромные мемориальные знаки…

Однако наиболее знаковым проявлением всеобщего объединения сил, консолидации населения Крыма явилось даже не отвоевание Севастополя. Возвращение Крыма и Севастополя

было необходимой и понятной войсковой операцией. Событием, которое можно сегодня назвать одним из важнейших факторов становления крымского и севастопольского регионального общественного сознания, а вслед за этим – и региональной крымской идентичности, стало восстановление г. Севастополя после освобождения, начиная с 1944 г.

В мае 1944 г. город был грудой руин. После того, как Севастополь был полностью освобожден от фашистских захватчиков, можно сказать, что его практически не существовало... Оккупанты уничтожили всю инфраструктуру – водопровод, электростанции, городскую канализацию. Из сотни тысяч жителей после войны на территории города оставалось всего десять тысяч.

Уцелело всего несколько зданий. Эти здания, которые стоят на центральном «кольце», можно легко перечислить – Художественный музей, здание Главпочтамта, Покровский собор, Институт физических методов лечения имени Ивана Сеченова, гостиница «Кисть», несколько других. Конечно, эти дома уцелели условно – они были менее разрушены, чем другие, но тем не менее, они подлежали восстановлению.

В 1944–1945 гг. в Севастополе побывало немало иностранных корреспондентов, зарубежных деятелей, которые увидели город, практически полностью стертый с лица земли. Иностранные лидеры заявили И.В. Сталину, что на восстановление города уйдет не менее 30, а то и 50 лет.

В первые послевоенные месяцы улицы приводили в порядок пленные немцы и румыны – расчищали дороги, убирали глыбы. В это время на стройках города работали не только военнопленные, а и возвращающиеся после войны демобилизованные воины Красной Армии. В выгоревший город-герой ехали со всех районов Советского Союза. Была объявлена новая битва – битва за восстановление Севастополя, в которой участвовали тысячи наших соотечественников. Первые деньги на реконструкцию передал Дагестан, затем моряки Северного флота, Москва…

Надо отдать должное – жители Севастополя сразу приступили к восстановлению жизненно важных объектов. Было

восстановлено все, что было необходимо для жизни небольшого населения, чтобы город начал жить и развиваться. И за первые три года основные объекты были восстановлены, обороноспособность города была возобновлена, все жизненно необходимые инфраструктурные мероприятия были выполнены. К 1947 – началу 1948 гг. город уже жил и работал.

Тем не менее, в 1948 г. в Севастополь приезжает И.В. Сталин, после чего принимается постановление Совета министров СССР об ускорении темпов восстановления города.

Для работ по восстановлению в город съехались молодые архитекторы, окончившие московские, ленинградские и другие вузы: В.П. Мелик-Парсаданов, его жена и коллега М.И. Мелик-Парсаданова – из Баку; одессит А.Л. Шеффер, выпускник Московского архитектурного института; З.А. Серапионов из Узбекистана… Все они получили возможность стремительного творческого роста. Их проекты сразу шли в дело, несмотря на конкуренцию с маститыми зодчими: А.И. Гегелло, Л.Н. Павловым, М.П. Парусниковым, Л.М. Поляковым, Е.Н. Стамо и др.

Главным направлением поисков всех зодчих стали образы Санкт-Петербурга эпохи классицизма. Тем самым античные мотивы, сложившиеся в горной местности Древней Греции, воспринятые римлянами и далее интерпретированные в условиях равнинной застройки европейских городов, вернулись к своим ландшафтным первоистокам. И это привело к уникальному художественному результату – севастопольской городской застройке с типично южными внутриквартальными двориками в центре, которые напоминали города-сады античной периферии [4].

Как и в случае с планировкой города, в архитектуре конкретных домов победила реалистичность, а не ложная монументальность. Высокая этажность отпала из-за опасности землетрясений. Дома имели лоджии, балконы, черепичные кровли, утраченные к настоящему времени, отчего в городе во многом потерян местный южный колорит.

К маю 1954 г. центральная часть города была не просто восстановлена, а построена заново! Правительство СССР

утвердило нагрудный знак «Отличник строительства Севастополя», которым награждено почти три тысячи советских граждан, возродивших город-герой из пепла и руин.

В архитектуре центра Севастополя до сих пор чувствуется творческий почерк разных авторов, хотя в его функциональной основе – типовые проекты. Часть из жилых домов спроектирована и построена пленными немецкими инженерами и носит отпечаток немецких городков. Часть города восстановлена самими жителями Севастополя, которые получили разрешение в 1944–1946 гг. на разбор завалов и самостоятельную постройку домов. Такая частная застройка сохранена в районах улиц Частника, генерала Владимирского, 6-й Бастионной, вблизи Артиллерийской бухты, на Корабельной стороне.

Ключевое место в центральном ансамбле города, на площади Адмирала Лазарева, заняло здание кораблестроительного ЦКБ «Черноморец», увенчанное ротондой, спроектированное Л.Н. Павловым, с правильным ионическим ордером и башней-ротондой с необычными, расширяющимися кверху колоннами (аллюзия на крито-микенские аналоги). Он же спроектировал также ряд жилых домов в начале проспекта Нахимова, на Большой Морской улице и улице Генерала Петрова, задавшие тон всей застройке [4].

Важное место в архитектуре ул. Большой Морской занимает квартал дома № 26, спроектированный В.П. Мелик-Парсадановым как целостный ансамбль. В Севастополе есть и привычные по компоновке, строго симметричные, поставленные среди фасадной застройки улиц здания – это кинотеатры на ул. Ленина и Большой Морской, Клуб строителей, Драматический театр, гостиница «Севастополь». На их фоне выделяются более живописные композиции зданий Матросского клуба и Городской библиотеки, имеющие чисто севастопольский колорит [4].

Навеянные античностью образы памятника Затопленным кораблям, здания Панорамы обороны Севастополя, реставрированного В.П. Петропавловским, колоннады Графской пристани, стали визитной карточкой Севастополя, как и воссозданные или прошедшие реконструкцию: костел Св. Климента папы Римского (кинотеатр «Дружба»), Покровский

собор, почтамт, караимская кенасса (спортклуб «Спартак»), Институт физических методов лечения (Дворец детства и юности), Биологическая станция (Институт биологии южных морей Академии наук – реконструкция В.М. Плахова), музей Черноморского флота, Владимирский собор-усыпальница российских адмиралов, лютеранская кирха, церковь Петра и Павла [4].

Сегодня общественность города Севастополя поднимает вопрос о том, чтобы восстановленные и бережно отреставрированные архитектурные достопримечательности центральной части города были включены в список Всемирного наследия ЮНЕСКО. Отчасти благодаря такому бурному восстановлению из руин звание Города–героя Севастополь получил одним из первых в Союзе – 8 мая 1965 г.

Красота Севастополя, его приближенность к Черному морю и флоту, нахождение города в Крыму, территориальная близость к природным богатствам и красотам Крыма сформировала «особенность» Севастополя в сравнении с другими городами России. Большое значение здесь имеет генетическая причастность коренных жителей к историческим событиям, произошедшим в нашем городе, среди которых война, освобождение Севастополя и восстановление города занимают ведущее место. Участие жителей в восстановлении города явилось мощнейшим консолидирующим фактором для населения и легло в основу становления чувства принадлежности Севастополю и Крыму. Эти обстоятельства порождают истинную крымскую региональную идентичность, ощущение себя «севастопольцем» и «крымчанином». В свою очередь, крымская региональная идентичность является сегодня важным фактором, мобилизующим значительную часть населения региона.

В заключение необходимо признать, что Крым и Севастополь – с точки зрения региональной идентичности жителей – обладают особенностями. Очевидно, что на формирование региональной идентичности влияют такие феномены, как географическая удаленность от центральной России, позиционирование региона как особой территории, субъективное восприятие жителями себя «на краю земли», личностная и семейная привязанность к

описанным историческим событиям. При этом ощущение связи со своим городом (в Севастополе) и регионом проживания (в Крыму в целом) свойственно населению больше, нежели осознание принадлежности стране.

Крым, лишь несколько лет назад ставший частью России, представляет собой отдельный уникальный случай в отношении процессов региональной идентификации. Здесь наблюдается по оценкам ученых, едва ли не самый высокий уровень региональной идентичности в стране [1]. Вероятно, такая ситуация в какой-то мере объясняется также текущим моментом, вхождением Крыма в состав РФ и сменой гражданства, что влечет за собой смену идентичности. В этих условиях отождествление людей с Крымом и Севастополем носит адаптационный характер, позволяя сохранить чувство стабильности на фоне происходящих социокультурных трансформаций и являет собой колоссальный потенциал социокультурной интеграции в российском обществе.

Список литературы

1. Задорин И.В. Регионы «рубежа»: территориальная идентичность и восприятие «особости» // Полития. 2018. № 2 (89). С. 102–136.
2. Итоги научно-общественной конференции «Проблема суверенности современной России» 6 июня 2014 г. Режим доступа: http://rusrand.ru/important/itogi-nauchno-obschestvennoj-konferentsii-problema-suverennosti-sovremennoj-rossii-6-ijunja-2014-goda (дата обращения: 03.09.2019).
3. Губогло М.Н., Старченко Р.А. Языковая жизнь и региональная идентичность крымчан – оплот антиукраинизации (из опыта этносоциологических исследований в Крыму 2013 г.) // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М., 2014. Вып. 239.
4. Восстановление Севастополя. Режим доступа: https://crimeahistor.livejournal.com/20130.html (дата обращения: 03.09.2019).

Т.В. Лохова

ФИНАНСОВО-КРЕДИТНЫЕ И ПРОМЫШЛЕННО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ РЕСУРСЫ СССР В ВОССТАНОВЛЕНИИ РАЗРУШЕННОГО НАЦИСТСКИМИ ОККУПАНТАМИ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА ЮГА РОССИИ В 1943–1947 ГГ.

В статье автором рассматривается программа восстановления разрушенных хозяйств в районах, освобождённых от оккупации, которая началась сразу после освобождения территорий в условиях продолжающейся войны в центральной и западной частях СССР в 1943 г.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Юг России, кредитные программы, восстановление хозяйства, оккупационный режим, ссуды, жилой фонд.

T.V. Lokhova

FINANCIAL-CREDIT AND INDUSTRIAL-EDUCATIONAL RESOURCES OF THE USSR IN RESTORATION OF THE DESTRUCTED BY NAZI OCCUPANTS OF THE NATIONAL ECONOMY OF THE SOUTH OF RUSSIA IN 1943–1947

In article, the author considers the program for the restoration of destroyed farms in areas liberated from occupation, which began immediately after the liberation of the territories in the context of the ongoing war in the central and western parts of the USSR in 1943.

Key words: The Great Patriotic War, South of Russia, credit programs, restoration of the economy, occupation regime, loans, housing stock.

Восстановление хозяйства регионов, пострадавших от вражеской оккупации началось сразу же, и регламентировалось рядом постановлений Государственного комитета обороны (ГКО) (3 января 1942 г. «О восстановлении железных дорог», 13 апреля 1942 г. «О строительстве и восстановлении предприятий черной металлургии», 23 февраля 1943 г. «О восстановлении угольных шахт Донбасса» и др.) и Советом народных комиссаров СССР и ЦК ВКП(б) (23 января 1943 г. «О мероприятиях по восстановлению МТС и колхозов в районах, освобожденных от немецко-фашистских оккупантов»). Данные постановления, как отмечает в своей монографии «Военная экономика ССР накануне и в годы Второй мировой войны» Е.В. Хохлов, касались в основном отраслевых наркоматов и местных органов власти. Они

не имели характера общегосударственных мероприятий с плановыми заданиями для отраслевых контрагентов и поставщиков промышленной продукции, производимой непосредственно для освобождения районов [1, с. 159]. Однако уже в августе 1943 г. после ряда успешных наступательных операций и освобождения значительной части ранее захваченных территорий СССР, восстановительные работы, проводимые в рамках мирной экономики, включаются в общехозяйственный план военно-экономического развития страны. Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 21 августа 1943 г. «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации» был определен механизм не только возвращения ранее эвакуированного скота, но и использования таких методов, как закупки, контрактации, взаимообмена с восточными и центральными областями, восстановлению птицеводства и др. Бюджетом 1943 г. предусматривалось выделение 33,1 млрд. руб. на финансирование капитальных вложений по народному хозяйству и 37,7 млрд. руб. на социально-экономические и культурно-бытовые нужды.

Объем жилищного строительства в годы Великой Отечественной войны в среднем за годы был на 12% выше предвоенного уровня [2, с. 179]. Одним из острых вопросов восстановления стоял план восстановления жилого фонда населения освобожденных территорий. В справке министра финансов Н.А. Вознесенского Г.М. Маленкову от 7 сентября 1943 г. говорилось о необходимости не столько восстановления разрушенного жилого фонда, сколько постройки жилых домов и переселение в них граждан, живущих в землянках. На сентябрь 1943 г. в Сталинградской области в разрушенных домах и землянках проживало 14648 чел. сельской местности и 30 тыс. чел. в г. Сталинград; в Краснодарском крае – 11613 чел. сельской местности и 1700 жителей городов и городских поселков; в Ставропольском крае – 3978 чел. в сельской местности и 845 чел. городского населения [3, л. 50–52].

Изучение практики организации целевых кредитных программ восстановления разрушенного колхозного хозяйства СССР в 1943–1945 гг. в постоккупационное время на материалах

Краснодарского края посредством анализа опыта взаимодействия банковской сферы СССР в части выделения ссуд колхозам и колхозному населению с целью скорейшего восстановления сельскохозяйственного потенциала региона, а также реализации социальной государственной политики защиты различных категорий сельского населения является существенным для истории страны в период экстремальных условий [4, с. 22]. Данный сюжет в исследованиях, посвящённых военной экономике упоминается очень отрывочно и бессистемно, хотя, несомненно заслуживает более пристального изучения и анализа. Причем выводы о том, насколько государственный сектор экономики был вовлечен в восстановление личных хозяйств граждан, поражают масштабностью проведённых мероприятий и гуманностью их характера.

Деятельность кредитных учреждений сыграла значительную роль в восстановлении не только сельскохозяйственного производственного процесса, воссоздания животноводческого комплекса колхозов региона, но и реальной помощи сельскому населению в восстановлении и строительстве разрушенных в период Великой Отечественной войны домовладений и хозяйственных построек, индивидуального хозяйства в целом. Задачи ликвидации последствий оккупации требовали немедленного восстановления не только всего производственного процесса сельского хозяйства, но и материально-бытовой базы самих сельских жителей [5, с. 38]. Колхозы и совхозы Краснодарского края к концу января 1943 г. фактически находились в состоянии полной разрухи по данным докладной записки комиссии по определению ущерба, нанесенного Краснодарскому краю войной (комиссия была создана решением крайискполкома от 5 февраля 1944 г. (протокол № 26, п. 42). Цифры Справки об ущербах, причиненных немецко-фашистскими захватчиками и их сообщниками имуществу колхозов, общественных предприятий, учреждений, райисполкомов и сельских советов в период временной оккупации Краснодарского края ужасали своими размерами: по колхозам – 7324185 тыс. руб.; по общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям – 1502307,5 тыс.

руб.; Райисполкомам – 110060,5 тыс. руб. и всего по краю – 8936565,5 тыс. руб.» [6, л. 301]. Огромные разрушения были нанесены врагом жилищному фонду сельских населенных пунктов. Десятки тысяч семей колхозников и рабочих совхозов и МТС оказались без крыши над головой и вынуждены были жить в землянках и других неприспособленных для нормального проживания местах [7, с. 101].

В связи с масштабом разрушения принимались срочные меры по восстановлению индивидуального жилого фонда. Это и выделение стройматериалов из других регионов и республик СССР, это и организация специальных ремесленных училищ. На 10 января 1944 г. в Сталинградской и Ростовской областях, а также в Краснодарском крае было открыто 23 ремесленных училища, в которые отобрано 9 тыс. детей (4913 мальчиков и 4087 девочек) [8, л. 73]. Большой размах строительства требовал и других мер, например, устраивались шестимесячные курсы бригадиров строительных бригад, в 1946 г. было обучено 278 чел.; строительные кадры готовились путем прикрепления учеников к мастерам. Таким образом в 1946 г. было подготовлено в Краснодарском крае 5778 мастеров кирпичного и черепичного производства, плотников, печников, кровельщиков, каменщиков [9, л. 51].

Кредитные программы касались не только предприятий и колхозов на восстановление, но и ряд программ по восстановлению различными категориями граждан на восстановление и строительство новых индивидуальных домов. Эти программ стали реализовываться после постановления августа 1943 г. Однако и ранее, Народным комиссариатом финансов СССР в феврале 1943 г. было предложена программа кредитования предприятий по организации и расширению подсобных хозяйств. В протоколе совещания представителей предприятий, трестов, управление в краевой конторе Сельхозбанка 15 июня 1943 г. отмечалось, что вопрос создания дополнительных продовольственных ресурсов через подсобные хозяйства промпредприятий в условиях войны имеет огромное значение. «Это большая, ответственная и вместе с тем почетная задача. Нет сомнения, что при осуществлении государственной

помощи в виде долгосрочного кредита через Сельхозбанк подсобные хозяйства будут восстановлены, рабочие и служащие получат дешевые и вкусные обеды и тем самым дадут фронту все необходимое» [10, л. 138]. Так, в 1943 г. выдано кредитного содержания на сумму 1525,55 тыс. руб.[10, л. 169].

Кредитование сельского населения предполагало реализацию ссуд сразу по нескольким направлениям: а) кредитование на реализацию плана восстановления хозяйства (восстановление домовладения, жилищное строительство, строительство хозяйственных построек, надворных построек, восстановление животноводческого индивидуального хозяйства, на покупку скота, хозобзаведение, восстановление рыбного домашнего промысла и т.п.); б) кредитование социально незащищенной и нуждающейся категории населения (инвалидов войны, семьи погибших воинов), в) кредитование участников войны и членов их семей (семьи фронтовиков, семьи партизан, демобилизованным и т.п.); г) кредитование представителей отдельных профессий (сельским врачам, фельдшерам, учителям и т.д.) [11, с. 141].

Согласно Постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 21.08.1943 г. «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах освобожденных от немецкой оккупации» предусматривалась кредитно-восстановительная программа для населения сельской и городской местности. Кредит выдавался в размере 10 тыс. руб. на одно хозяйство из 3% годовых сроком на семь лет, с начальным сроком погашения через год после выдачи ссуды. Ссуды оформлялись под обязательства заемщика с одновременным представлений гарантий колхоза о своевременной оплате долга по ссудам. Это мероприятие находилось под пристальным наблюдением власти, ему придано было особое значение и обеспечивалось бесперебойное кредитование. Первоначально банки собирали сведения о необходимости таких кредитных сумм по регионам, чтобы иметь полную картину масштаба бедствия. О ходе кредитования представлялся телеграфно декадный отчет каждого 9, 19, 29 числа месяца [12, л. 160]. Кредитный план 1943 г. на индивидуальное строительство первоначально устанавливался в

размере крайне малой суммы – 500 тыс. руб. [13, л. 54]. Но уже к 9 сентября 1943 г. Краснодарская контора Сельхозбанка отчитывалась о получении 10 млн. руб. кредитных средств на восстановление хозяйства колхозников.

Подводя итоги, необходимо отметить, что деятельность кредитных учреждений сыграла значительную роль в восстановлении не только сельскохозяйственного производственного процесса, воссоздания животноводческого комплекса колхозов Краснодарского края, но и реальной помощи сельскому населению в восстановлении и строительстве разрушенных в период Великой Отечественной войны домовладений и хозяйственных построек, индивидуального хозяйства в целом.

Список литературы

1. Хохлов Е.В. Военная экономика СССР накануне и в годы Второй мировой войны. СПб., 2005.

2. Журавлев А.М. и др. Архитектура Советской России. М., 1987.

3. Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ). Ф. 9504. Оп. 1. Д. 1.

4. Лохова Т.В. Сельское хозяйство Краснодарского края и Адыгейской автономной области в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Майкоп, 2012.

5. Лохова Т.В. Сельское хозяйство Краснодарского края и Адыгейской автономной области в условиях временной нацистской оккупации // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. Пенза, 2012. № 2 (22). С. 36–43.

6. Государственный архив Краснодарского края (далее ГАКК). Ф. Р-1378. Оп. 1. Д. 35.

7. Красноженова Е.Е. Особенности решения жилищно-коммунальных проблем в период Великой Отечественной войны (на материалах Нижнего Поволжья) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2012. № 2–2.

8. ГАРФ. Ф. 9504. Оп. 1. Д. 33.

9. ГАРФ. Ф. 9504. Оп. 1. Д. 37.

10. ГАКК. Ф. Р-1373. Оп. 1. Д. 15.

11. Лохова Т.В. История организации Сельхозбанком СССР целевых кредитных программ восстановления разрушенного хозяйства Краснодарского края в 1943–1945 гг. // Юг России и сопредельные страны

в войнах и вооруженных конфликтах. Материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием. Ростов н/Д, 2016. С. 337–344.
12. ГАКК. Ф. Р-1373. Оп. 1. Д. 48.
13. ГАКК. Ф. Р-1373. Оп. 1. Д. 53.

И.Ю. Васильев

ПОСЛЕВОЕННАЯ КУБАНСКАЯ СТАНИЦА: ПОВСЕДНЕВНОСТЬ В УСЛОВИЯХ ВОССТАНОВЛЕНИЯ

Послевоенная повседневность кубанских станиц была весьма суровой: голод, высокие налоги, недостаток рабочих рук, сравнительно низкий уровень механизации сельского хозяйства. Однако восстановление и укрепление нового быта происходило в этот период быстрыми темпами.

Ключевые слова: Повседневность, кубанская станица, послевоенное восстановление.

I.Yu. Vasiliev

THE POST-WAR KUBAN VILLAGE: DAILY UNDER CONDITIONS OF RESTORATION

The post-war daily life of the Kuban villages was very severe: hunger, high taxes, lack of workers, relatively low level of mechanization of agriculture. However, the restoration and strengthening of new life took place at a rapid pace during this period.

Key words: Everyday life, Kuban village, post-war reconstruction.

Проблематика послевоенного восстановительного периода вызывала исследовательский интерес ещё в советское время. Акцент в то время в первую очередь делался на восстановление производственных мощностей [1]. В постсоветский период акцент стал смещаться в сферу истории повседневности. Например, в коллективной монографии «Повседневный мир советского человека 1920–1940-х гг.: жизнь в условиях социальных трансформаций» раскрыты различные аспекты труда и досуга в 1940-е гг., специфика жизни семей фронтовиков и пр.[2]. Истории послевоенной повседневности посвящены и другие работы [3].

В целом послевоенные годы во многом стали для жителей кубанских станиц продолжением сурового военного времени. Не

хватало рабочих рук, различных видов ресурсов, вплоть до пищи. За 3 года, 1943–1945 гг., Кубанью из государственного бюджета на восстановление хозяйства получено 110 млн. руб. Но средства в основном пошли на восстановление тяжёлой промышленности [4, с. 115].

Старожилы кубанских станиц нередко рассказывали о послевоенных трудностях. В особенности – о голоде 1947 г. Этот голод был слабее голода 1933 г., но также наблюдалось отсутствие нормальной пищи, нарушение здоровья у людей. «*Голод был страшный. Вот у кого были семьи, у Ляшенкиных, одна мама и трое деток. А тут одна я, и мы хоть какого-никакого поросеночка зарежем. У нас коровка, а у них ниче! Ни картошины, ни гарошины! А почему – не знаю. Так же она работала в поле. Иду, вот такие ноги все. От этой лебеды. Лебеду ели, а от нее еще хуже было. Лучше была щерица, суп варили как крапивный. Это такая же как лебеда трава, но она сильная. Арбузы привезли нам, а капусты нет. А нам говорят «Есть замена щерица». Молоко было соевое*» [5].

«В 47-м году. Цэ був 47-й год. [...] *В нашей станыце ны було покойних. В трыдцать трэтьем году станыця пошти вся вымэрла от голода. Тогда вообше ныгдэ нычого. А в 47-м году хто дэржал там козочку, коровка у кого была. Вот у нас лично была коровка, мама дэржала. Мы голодувалы, у нас хлэба ны було. Мы цэ крапывы нарвэм, а тада ей мама накрыше, кипятком налывае, а потом цю воду зэлену злывала, оцю так выкручивала и дэлала таки лэпешкы, и то мы молоко чи кысло молоко и с тий лэпешкой мы його йилы. –* ***Так эти лепешки еще и обжаривали?*** *– Та на чем його жарыть було! Ны було ныгде нычого. Ны масла, ныгде ныче. А потом еще вот, щас мы його называлы глет. Мы глет называем. А щас вин боярышник. Знаешь дэрэвцо боярышник? А мы называлы глет. Як токо вэсной глет цэй лыстья распустыл, лысточкы, мы ходылы обрывалы цэй лысточкы, тоже так же ж кыпятком налывалы и його пыклы. Прямо лысточкы»* [6]. *«****А эти лепешки как-то назывались?*** *– Чурэки. Цэ у нас булы воны чурэки. Цэ сычас оладьи, чи блынчикы. А мы його называлы чурэки. А потом уже, в 47-м году, когда уже жито, мы сиялы дома. И когда жито*

начало поспевать, колосочки, вото в руке помнем колосочек, жито тэ пожуем. А потом уже як його убиралы, тогда уже мама, там у нас драчка такая була... ***– Драчка – это жернова?*** *– Да, да. Така на доске, така драчка була. И мы на ту драчку мололы це жито. Мололы жито. Цэ ж насыпэм. А вона така доска, а туточка ж така втулочка, а на втулке ручка. И то туда мы сыпалы у тую втулочку. Дэрэвянна. Не, втулка была железная, а на доске на дэрэвянной прыкручена. И туда-то мы дралы и пэклы чурэки. Водычки нальем, вона закыпыть, тада туды жмэньку ций крупы усыпымо, покыпыть, ото мы так йилы, так мы повыживалы. Но мы пухлы нэ булы. У нас коровка була. А соседи нащи так воны булы пухли. Цэ було так: идэ мальчик, а сюды так прийшел и мокре мисто. Так вслед на ным идэ вода, стекло з ножек. И то воны дуже булы пухли. Но вси выжили. Дождалыся, уже зиму пэрэжилы, дождалыся цего жита и...»* [7].

«*Это в 33-м такое было и в 47-м. В 47-м я уже была барышня. А муж мой, который покойный, в армии был. И как раз эта весна, лето это, осень. Его взяли в 42-м году, а демобилизовался он 7 апреля. Как раз Благовещенье было.* […] *В 47-м году.* […] *И потом через три дня приехал сюда. Это год как раз послеголодный. Посеяли жито в огороде, где картошку всегда садим. Жито. Собрали то жито. Уже мы намолотили. Опять же на драчку драли на свою. Его там немножко. А после жита садили картошку. Уже поздновать было, но все равно. Поливали, поливали и вырастала.–* ***Хлеба не было?*** *– Л.П.: Не было. И вот он приехал в апреле месяце и… сюда к нам. Отец был председателем у колхозе тут. И говорит: «Так и так, отец, мы будем жениться». А он: «Нет, сынок, жениться вы не будете. Щас голодный год». Шо можно приготовить? Абсолютно ниче. Говорит: «Посеяли жито – уберем. Посадим картошку. Уже на осень. Осенью работы все подберутся». Так и договорились: на десятое октября свадьба была. Уже мы из ржаного хлеба напекли. Какой ни есть, а хлеб»* [8].

«Н.Г.: Все считалы. Яблони все пересчиталы. За все бралы. […] *Да. Повырезалы. Были сады хорошие по станице. Шоб налог не заплатить за их. Потому шо налог был. Батя платив тыщу з*

лишним тада. А где брать? Так повырубалы. Улик есть – платы за улик. Картошка – за сотку платы. Помидоры – сдай. Замирялы, сколько тоби два кг, три кг. Сдай. Картошки у тебя скилько-то, заготовителю отдай. Там записуют сколько. Все сдавалы. А в 47-м году, после голодовки и на осень была отмененна карточна система и снижение цен на все промышленные и продовольственные товары. Началось снижение. И тада каждый год, 48-й, 49-й, 50-й, 52-й, 53-й, было снижение два раза. Маленков давал. А то все каждый год два раза снижение. После войны страна подымалася с трущоб. Снижение ишло» [9].

В таких условиях также имели место случаи смерти от последствий голода: «*Голод был тоже большой. Может, по станице человек десять и умерло. С голоду как умерли? Уже стали давать в брыгадах, варыть голушки эти там. Хлеба не было, галушки варыли. Дадут поисть, а он сразу нахватался. А кишки отощали, полопались. Но таких немного было*» [10].

Спецификой послевоенного времени было сохранение некоторых проявлений нелегального и полулегального частного предпринимательства, на которое власти порой закрывали глаза. Однако жёсткая налоговая политика приводила к судебным процессам, в том числе в отношении членов партии. В 1950 г. было привлечено к суду 40 хозяйств Горячеключевского района, в том числе колхоз «Большевик», с которого было взыскано 70 тыс. руб. [11, л. 3об–4; л. 2–3; с. 101]. Особенно сильно тяжесть налогообложения ложилась на личные приусадебные хозяйства. Надо было сдавать шкуры животных, не менее 4,5 килограмма свинины. С каждой сотки сдавали часть картошки. Все фруктовые деревья, даже кусты смородины, обложили налогом. Люди даже были вынуждены уничтожать фруктовые деревья и ягодные кусты [12, с. 157-159; л. 7–7 об].

В условиях жёсткого налогообложения приусадебных хозяйств станичникам нередко оставалось надеяться только на государственный паек.

«А так – яичко сдай. Если корову доешь – молоко сдай. Груша если яблоня – опысывали. – ***А это долго продолжалось?*** *– Долго. Годив, наверное, двадцать. Было и за каждый корень.*

А потом отменылось это все дело. […] *Отошли все потом. А папка уже был здоровый. Уже зарабатывал. А дятька, ненька маненьки были. А у нас мамка умерла, а тетка нас возростала. Трое умерло, а двое осталося. Папке давали мисочку кукурузяной каши»* [13].

Но роль приусадебного хозяйства, дополнявшего питание «за счет государства», по-прежнему оставалась значительной: «*…А у меня у отца была корова. Я кислое молоко ел, сметану кушал. А у прицепщиков не было ничего. Привезли молока и по четверти дають. Мне и напарнику – трактористу. Мы взяли и отдали этим прицепщикам*»[14].

Имело место сочетание «нелегального» использования в пищу колхозных продуктов с потреблением «законного пайка»: «*А бочку молока собрали, как подоили, мы давай камышинку и туда, хоть сливок напьемся! И заедем на пасеку. В маленьких колхозах были свои пасеки, давали на трудодень этот медок*» [15].

После войны сельскохозяйственные работы велись в условиях недостатка рабочих рук и сельскохозяйственной техники, в то время ещё весьма несовершенной: *«У нас трактора были. Мой муж работал трактористом. И сеяли, и пахали, и убирали. Сейчас клещевины нету, а тада была клещевина. Тада мужчин мало было, на войне погибли. А мы клещевину срезали. Клещевина – такая вроде дерэвцо. А там растет, и там зерно. И зерно на масло на какое, что ли. Ребят мало было, а лошади. Так я ездовой была! На лошадях ездила, клещевину возила!* (смеется – И.В.)*». «Тада поля были сильно зарощены ежевикой. Где ягоды. Оно знаете как расползается! Проедешь плугом, туда-сюда зашкарябаешь – плуг забился… Три сэтэза и один универсал, бригада была тракторная. Пахать было не дай Бог! День и ночь возилися с этими тракторами! Перетяжка была, бабетом (?) была залито. Бабет подольють, он туда-сюда постукал, сел. Надо картер снять, картера чугунные были. Надо насос снять. И перетяжку ему делай. Сутки отработал. И к ночи приходит бригадир: «Открывай люк!». Открыл. Сливай масло, сымай масленый насос. Делаешь перетяжку и обратно это все. А ветер же, дождь»* [16].

Но и в таких условиях кубанцы порой добивались в труде значительных успехов. Так, в 1945 г. бригадиры тракторных бригад Курчанской МТС М. Гаргуля и И. Стратиенко были награждены значком «Отличный бригадир тракторной бригады МТС» [17, с. 94]. При этом из-за убыли населения в результате войны, нахождения мужчин на армейской службе тяготы восстановления послевоенного сельского хозяйства легли на женские плечи: «*Когда отогнали немцев, в сорок четвертом году – тогда уже девочки были, по семнадцать, шестнадцать лет девчата. Некоторые двадцать девятого года рождения работали*» [18].

Таким образом, в период послевоенного восстановления кубанского села продолжала создаваться основа для последующего индустриального рывка в сочетании со значительным повышением роли государства.

Список литературы

1. Иванов Г.П. Из истории восстановления промышленности и транспорта Краснодарского края после изгнания немецко-фашистских войск (1943–1945). Краснодар, 1963; Из истории трудового подвига народов Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны. Краснодар, 1985.

2. Кринко Е.Ф., Тажидинова И.Г., Хлынина Т.П. Повседневный мир советского человека 1920–1940-х гг.: жизнь в условиях социальных трансформаций. Ростов н/Д., 2011.

3. Дмитриевская М.С. Из истории повседневной жизни населения городов Краснодарского и Ставропольского краёв в 1945–1959 годах // Научная мысль Кавказа. Ростов н/Д, 2011. № 2. С. 108–112; Седой Е.Ю. Краснодарский край в восстановительный период 1943–1945 гг. // Историческая и социально-образовательная мысль. Краснодар, 2012. № 4. С 47–48.

4. Сельское хозяйство Кубани: прошлое и настоящее / Н.А. Серогодский, В.Н. Ратушняк, А.С. Демченко, Е.А. Чайка, Д.С. Завгородний. Краснодар, 2017.

5. ПМ КФЭЭ-2008. АК 4089. Ст. Некрасовская Усть-Лабинского р-на. Инф.: Протасова Р.С., 1936 г. р. Иссл.: Васильев И.Ю.

6. ПМ КФЭЭ-2008. АК 3950. Ст. Суздальская Горячеключевского р-на. Инф.: Сандальчиди Н.М., 1940 г. р. Иссл.: Зудин А.И.

7. ПМ КФЭЭ-2008. АК 4093. Ст. Некрасовская Усть-Лабинского р-на. Калугин В.А., 1914 г. р. Иссл: Васильев И.Ю.

8. ПМ КФЭЭ-2008. АК 3994. Ст. Саратовская Горячеключевского р-на. Инф.: Касаева Л.П., 1926 г. р. Иссл.: Кузнецова И.А.

9. ПМ КФЭЭ-2008. АК 4243. Ст. Имеретинская Горячеключевского р-на. Инф.: Тереньтьев Н.Г., 1928 г. р. Иссл.: Матвеев О.В.

10. ПМ. КФЭЭ-2008. АК 4026. Ст. Тенгинская Усть-Лабинского р-на. Инф.: Руденко М.Т. 1923 г. р. Иссл: Васильев И.Ю.

11. ГАКК. Ф. Р–687. Оп. 2. Д 1091; ГАКК. Ф. Р–687. Оп. 2. Д 1221; Забазнов А.Н. Социально-экономическое и политическое развитие г. Усть-Лабинска в 1794–2000 гг. Усть-Лабинск, 2010.

12. Сылко С.В. 200 лет станице Воронежской. Хронология, факты, события, комментарии. Майкоп, 2004; ГАКК. Ф. Р–687. Оп. 2. Д. 365.

13. ПМ КФЭЭ-2007. АК 3708. Ст. Дядьковская Кореновского р-на. Инф.: Логвин М.Г., 1929 г. р. Иссл.: А.И. Зудин.

14. ПМ КФЭЭ-2008. АК 4072. Ст. Некрасовская Усть-Лабинского р-на Краснодарского края. Инф.: И.И. Бунин, 1928 г.р. Иссл.: О.В. Матвеев.

15. ПМ КФЭЭ-2007. АК 3700. Ст. Дядьковская Кореновского р-на. Инф.: Кукоба Л.В., 1926 г. р. Иссл.: Воронин В.В.

16. ПМ КФЭЭ-2008. АК. 4089. Ст. Некрасовская Усть-Лабинского р-на Краснодарско к-я. Инф.: Протасова Р.С., 1936 г.р. Иссл.: Васильев И.Ю.

17. Комоедов В.И. Сельская молодежь Дона, Кубани и Ставрополья в борьбе за хлеб // Из истории трудового подвига народов Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны. Краснодар, 1985.

18. ПМ КФЭЭ-2017. АТ Гол 2. Ст. Голубицкая Темрюкского р-на. Инф.: В.Ф. Штеба (1933 г.р.). Иссл.: О.В. Матвеев.

А.Д. Попов

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВА СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН ПРИЧЕРНОМОРЬЯ В СФЕРЕ ТУРИЗМА (1950–1980-е ГОДЫ)[1]

В статье рассмотрены организационные основы и важнейшие направления сотрудничества между социалистическими странами Черноморского бассейна (Советский Союз, Народная Республика Болгария, Социалистическая Республика Румыния) в сфере международного туризма.

Ключевые слова: социалистическое содружество, Совет экономической взаимопомощи (СЭВ), международный туризм, экономическая интеграция, холодная война, Причерноморье.

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-78-10023).

A.D. Popov

INTERNATIONAL COOPERATION OF THE SOCIALIST COUNTRIES OF THE BLACK SEA IN THE SPHERE OF TOURISM (1950–1980)

In the article the author analyses the organizational basis and the most important directions of cooperation between the socialist countries of the Black Sea basin (Soviet Union, People's Republic of Bulgaria, Socialist Republic of Romania) in the field of international tourism.

Key words: Socialist Commonwealth, Council of Economic Mutual Assistance (SEV), international tourism, economic integration, Cold War, Black Sea region.

Послевоенное восстановление экономики стран-участниц Второй Мировой войны завершилось к середине 1950-х гг., что создало благоприятные условия для установления международных туристических контактов внутри блока государств, которые тогда называли «странами народной демократии», а позднее станут называть «социалистическими странами». Но по настоящему «переломным» в развитии туристских обменов стал 1964 г., когда эти страны перешли от традиционной формы расчетов с предварительной оплатой туристских услуг (т.н. «туризм по ваучерам») к принципиально новому формату взаимного обмена туристами с последующим сведением баланса по итогам года, двух лет или даже пятилетки. Также именно в 1960-е гг. социалистические страны максимально упрощают визовые и таможенные формальности при взаимных посещениях. Курс на активизацию взаимных контактов в сфере туризма объяснялся стремлением «путем установления тесных взаимных связей углубить взаимопонимание и дружбу, передать и позаимствовать полезный опыт развития взаимного хозяйства и культуры» [1, л. 3–4]. По состоянию на середину 1960-х гг. на соцстраны приходилось около 10% мировых туристских потоков [2, с. 41], а в 1983 г. этот показатель достиг уже 25% [3, с. 47].

Три входящие в социалистический блок страны Черноморского бассейна (Советский Союз/СССР, Народная Республика Болгария/НРБ, Социалистическая Республика Румыния/СРР) имели значительный и разнообразный туристско-

рекреационный потенциал, значение которого возрастало на фоне глобального «туристского бума» второй половины XX в. Важную роль сыграло то, что туристские связи между этими странами не испытывали на себе негативного влияния политических кризисов, как это было в отношениях Советского Союза с Венгрией (вторая половина 1950-х гг.), Чехословакией (конец 1960-х гг.) и Польшей (начало 1980-х гг.). В то же время, судя по известным нам документам, в сфере межгосударственных туристских контактов Болгария постоянно подтверждала свое реноме самой лояльной к СССР европейской страны социалистического лагеря, в то время как Румыния иногда действовала вразрез с позицией советской стороны. Видимо это стало одной из причин того, что масштабы туристских обменов между Советским Союзом и граничащей с ним Румынией всегда были более скромными, чем с Болгарией, которую иногда называли «16-й союзной республикой» [4].

Основой развития туристских связей между соцстранами являлись двухсторонние соглашения, которые во второй половине 1970-х – 1980-м гг. обычно имели 5-летний срок действия, причем по итогам каждого года стороны подписывали итоговые протоколы, отражавшие основные показатели развития туристских связей в этот год и расчет сальдо туристского баланса. Эти соглашения разрабатывались на основе более широких принципиальных положений, закрепленных в Договорах о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи. Такой Договор между СССР и НРБ был заключен в 1948 и 1967 гг., а между Советским Союзом и СРР – в 1948 и 1970 гг. Кроме того, в 1969 г. СССР заключил с НРБ и СРР двухсторонние соглашения о взаимных посещениях на безвизовой основе [5, с. 15, 69–70]. Все это оказало заметное влияние на интенсивность туристских контактов. Так, в 1956 г. только 1,6 тыс. советских туристов посетили Болгарию, а ещё около 1 тыс. посетили Румынию или обе эти страны по «сдвоенному» маршруту [6, л. 60–62]. В 1965 г. в Болгарию выехало уже 27,6 тыс. советских туристов, а 10,3 тыс. болгарских туристов посетило СССР [7, л. 1]. В 1977 г. уже 258 тыс. советских туристов посетили Болгарию, тогда как встречный поток из НРБ в СССР составил 253 тыс. туристов, а масштабы

советско-румынского обмена составляли соответственно 190 и 119 тыс. туристов [8, с. 38].

С самого начала своего развития туристский обмен с братскими социалистическими странами являлся скорее политическим, нежели экономическим проектом. Так, в 1955 г. при определении цен на турпутевки в Советский Союз, Министерством внешней торговли СССР была использована следующая формулировка: «цены для туристов из стран народной демократии устанавливаются путем заключения соглашений с соответствующими государственными туристическими организациями этих стран на уровне цен, которые будут назначены этими туристическими организациями для советских туристов, выезжающих в соответствующую страну народной демократии» [9, л. 66]. Дискурс братства и дружбы неизменно присутствовал в описаниях взаимных путешествий. С 1964 г. регулярно организовывались поездки из СССР в Болгарию и Румынию так называемых «поездов дружбы», первые рейсы которых были приурочены к 20-летию освобождения этих социалистические стран советскими войсками [10, л. 40–41]. Также организовывались черноморские и дунайские «круизы дружбы», а в 1970–1980-е гг. – «авиарейсы дружбы». В целом же основные виды путешествий советских туристов в Болгарию и наиболее посещаемые ими регионы уже были подробно охарактеризованы в одной из работ автора [11].

В ходе постоянного взаимодействия постепенно унифицировалась институциональная организация международного туризма в социалистических странах. Главным организатором международного туризма в СССР являлось Всесоюзное акционерное общество «Интурист», партнерами которого в Болгарии являлось Бюро путешествий «Балкантурист», а в Румынии – Бюро путешествий «Карпаць». Эти бюро, как и «Интурист», фактически являлись государственными структурами, хотя на внешних рынках (особенно на рынках капиталистических стран) позиционировали себя как самостоятельные хозяйственно-экономические субъекты. Значительные объемы взаимных путешествий в рамках так называемых «безвалютных обменов» происходили по линии

молодежных и профсоюзных организаций. Практика таких обменов предполагала договорную схему, по которой организация оплачивала в национальной валюте комплексное обслуживание (проживание, питание, транспорт, экскурсии и проч.) на территории своей страны определенного количества иностранных туристов, получая за это право направить в страну, откуда они прибыли, свои туристские группы, которые обслуживались за счет зарубежной организации-партнера. Учитывая разницу в национальных ценах и некоторые другие нюансы, в безвалютном обмене баланс достигался не равным количеством туристов, а равными суммами, затраченными на их обслуживание в рамках заключенного договора [12, с. 95].

Безвалютным обменом туристских групп молодежи с советской стороны занималось созданное в 1958 г. Бюро международного молодежного туризма (БММТ) «Спутник», фактически, а с 1970-х гг. и юридически включенное в структуру ЦК ВЛКСМ. Примечательно, что одновременно со «Спутником» в 1958 г. в Болгарии было создано Бюро международного молодежного туризма «Орбита», а год спустя в Румынии – Бюро молодежного туризма при ЦК Союза коммунистической молодежи Румынии [12, с. 277–278]. В качестве примера их взаимодействия можно привести результаты сотрудничества БММТ «Спутник» и «Орбиты» в 1980 г. За год по линии молодежного туризма НРБ посетило 36,7 тыс. советских туристов, в то время как в Советском Союзе, даже с учетом специальных туров на Олимпиаду–1980, побывало всего 9,8 тыс. молодых болгарских туристов. В частности, стороны обменялись 16 «поездами дружбы», а также 118 тургруппами, представлявшими породненные города и области двух стран (например, побратимами являлись Одесса и Варна, Крымская область и Русинецкий округ). Подводя итоги сотрудничества, стороны пришли к соглашению, что в 1981 г. болгарская сторона приложит все усилия для ликвидации возникшего в её пользу активного сальдо. Это предполагалось сделать за счет комплектования дополнительных групп болгарской молодежи для поездок в СССР, а также для участия в круизных

путешествиях в третьи страны на советских теплоходах [13, л. 13–15].

Помимо двухсторонних контактов соответствующие структуры СССР, НРБ и СРР постоянно взаимодействовали в рамках совещаний представителей туристических организаций соцстран. С 1957 г. в качестве такого консультативного органа действовало Совещание туристских организаций социалистических стран (СТОСС), которое в 1962 г. было переименовано в Совещание бюро путешествий социалистических стран (СБПСС). В частности, второе совещание СТОСС (1958 г.) проходило в Софии и Варне, причем на нем приняты решения о создании в рамках этого органа специальных комиссий: по транспорту; молодежному туризму; паспортным, визовым и таможенными формальностям; по расчетам за туристские услуги [14, с. 19–25]. Впрочем, на этой встрече практика т.н. «безвалютных» обменов ещё вызывала дискуссии – в то время как советская сторона выступала за их расширение, представители Болгарии и особенно Румынии заняли по этому вопросу более сдержанную позицию [15, л. 2–3].

В первой половине 1960-х гг. в ряде социалистических стран созданы специальные правительственные органы, осуществляющие руководство международными туристскими связями. Так, в СССР с 1964 г. таким органом являлось Управление по иностранному туризму при Совете министров СССР. Поэтому с 1966 г. параллельно с СБПСС начинает действовать также Совещание правительственных органов по туризму социалистических стран (СПОТУРСС) [14, с. 3–4], деятельность которого требует отдельного рассмотрения.

Таким образом, туристские связи между социалистическими странами Причерноморья в 1950–1980-е гг. имели прочный организационный базис, который основывался скорее на политико-идеологических основаниях, нежели на традиционных принципах международного туристического бизнеса. Проницаемость границ между этими странами в период Холодной войны создавала благоприятные условия для активизации межкультурных контактов, ключевым

дискурсивным фоном которых были позитивно окрашенные понятия братства и дружбы.

Список литературы

1. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 679. Оп. 2. Д. 1304.
2. Ананьев М. Туризм в Восточной Европе // Внешняя торговля. 1966. № 11. С. 38–42.
3. Мироненко Н.С. География туристских потоков зарубежных европейских стран – членов СЭВ: оценка сдвигов и прогноз развития // Вопросы экономической и политической географии зарубежных стран. М., 1986. Вып. 7. С. 46–57.
4. Волокитина Т.В. Болгария – «16-я республика СССР»: Замыслы и действительность. 1960-е годы // Новая и новейшая история. 2012. № 6. С. 36–51.
5. Квартальнов В.А., Зорин И.В., Науменко Г.Ф. Методика и организация международного туристского обмена советских профсоюзов. В 2-х ч. М., 1990. Ч. 2.
6. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-9612. Оп. 2. Д. 240.
7. Там же. Оп. 3. Д. 142.
8. Бойченко В. Иностранный туризм в СССР – 50 лет развития // Внешняя торговля. 1978. № 9. С. 36–40.
9. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 30. Д. 113.
10. ГАРФ. Ф. Р-9612. Оп. 4. Д. 4.
11. Попов А.Д. Народная республика Болгария как объект зарубежного (выездного) туризма советских граждан // Дриновский сборник. Харьков; София, 2011. Т. IV. С. 302–309.
12. Квартальнов В.А. Интернационализм зарубежных связей советских трудящихся и молодежи. Л., 1989.
13. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. М-5. Оп. 1. Д. 690.
14. Международные туристские организации (краткий сборник). М., 1970.
15. РГАСПИ. Ф. М-5. Оп. 1. Д. 9.

А.В. Дмитриевский

ТОВАРНЫЙ ДЕФИЦИТ И ЕГО ПРОЯВЛЕНИЯ В ДОНЕЦКОЙ ОБЛАСТИ В 1985–1991 ГГ.: НЕКОТОРЫЕ ПРИЧИНЫ И СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

Рассматривается товарный дефицит в Донецкой области, ставший одним из важнейших поводов к возникновению массового рабочего движения Донбасса второй половины 1980-х гг.

Ключевые слова: Донбасс, Перестройка, СССР, товарный дефицит, шахтёрские забастовки.

A.V. Dmitrievsky

COMMODITY DEFICIENCY AND ITS MANIFESTATIONS IN THE DONETSK REGION IN 1985–1991: SOME REASONS AND SOCIAL ASPECTS

The article examines the shortage of goods in the Donetsk region, which has become one of the most important reasons for the emergence of the mass working-class movement of Donbass in the second half of the 1980s.

Key words: Donbass, Perestroika, USSR, shortage of goods, mining strikes.

Товарный дефицит являлся специфическим явлением советской действительности, он в разной степени имел место на всей территории СССР и во все периоды его истории. Согласно имеющимся в Государственном архиве Донецкой Народной Республики (далее – ГА ДНР) в изучаемый период в Донецкой области существовало три основных кластера причин товарного дефицита: это макроэкономические причины, причины производственного характера и причины, вызванные особенностями системы распределения товаров. Первые выражаются в опережение темпов прироста денежных доходов населения над темпами прироста производительности труда, что приводит неспособности покрыть имеющуюся денежную массу реальными товарами и услугами. Вторые выражаются в несоответствии объёма, ассортимента и качества выпускаемой продукции платежеспособному спросу населения, а также в утрате этой продукцией потребительских качеств при

неправильном её хранении или транспортировке. Третьи выражаются в несоответствии спроса и предложения на требуемые количество, качество и ассортимент товаров в данном месте и в данное время.

Основные причины макроэкономического характера – опережение темпов прироста денежных доходов населения над темпами прироста производительности труда и товарооборота, а также инфляция и превращение её в неконтролируемый процесс к концу изучаемого периода. Прирост денежных доходов населения Донецкой области в 1985–1991 гг. был постоянным и стабильным, но его темпы очень часто не соответствовали темпам прироста производительности труда [1].

Основные группы причин производственного характера:

1. Снижение или отсутствие роста объёмов производства, а также увеличение потерь продукции вследствие дефицита и нерационального размещения производственных и логистических мощностей при сохранении объёмов потребления [2].

2. Нарушения технологического процесса:

- снижение качества продукции, выпуск бракованных и нестандартных товаров [3];
- нерациональное использование производственных и транспортных мощностей, простои техники [4];

3. Директивное планирование при формировании госзаказа, игнорирование конъюнктуры потребительского рынка, незнание и непонимание структуры платежеспособного спроса производителями:

- выпуск товаров, не пользующихся спросом [5];
- отсутствие заинтересованности в освоении нового и непрофильного ассортимента товаров и сложных видов продукции [6].

4. Нарушение производственной кооперации и хозяйственных связей, отсутствие координации между предприятиями [7].

5. Несбалансированная ценовая политика:

- удорожание основных и оборотных фондов при сохранении твёрдых цен на продукцию и сокращении дотаций, низкие

закупочные цены на исходные материалы, делающие невыгодным или невозможным их производство [8];

- заинтересованность производителя в искусственном переводе товаров в более высокую ценовую категорию при сохранении прежних затрат на выпуск и прежнего качества [9].

6. Недостаточное и несбалансированное финансирование производителей:

- недофинансирование, в том числе и валютное, для приобретения основных и оборотных фондов [10];

- неосвоение выделенного финансирования в следствие отсутствия устойчивого материально-технического снабжения и распыления фондов [11].

7. Кадровый дефицит:

- низкий уровень материального стимулирования работников [12];

- непродуманная социальная политика [13].

Основные группы причин, вызванных системой распределения товаров:

1. Невыполнение плана поставок товаров промышленными предприятиями в торговую сеть [14].

2. Дисбаланс в распределении товаров между административно-территориальными единицами и отраслями [15].

3. Слабое развитие торговой сети:

- Недостаточная обеспеченность населения торговыми площадями и объектами[16];

- Недостаточное освоение прогрессивных технологий товародвижения предприятиями торговли[17].

4. Игнорирование конъюнктуры потребительского рынка, незнание и непонимание структуры платежеспособного спроса торговыми организациями [18].

5. Злоупотребления материального характера в виде спекуляции, и прочих подобных явлений [19].

Таким образом, товарный дефицит на территории Донбасса в изучаемый период был порождён целым комплексом причин, как макроэкономических, так и тех, которые были связаны со сферами выпуска и распределения товаров. Ситуация

усугублялась с каждым годом, всё более становясь фактором общественного недовольства, чем также пользовались определённые политические группировки, возникшие в те годы. В частности, товарный дефицит стал одним из поводов к массовым выступлениям трудовых коллективов.

Список литературы

1. ГА ДНР. Ф. 326. Оп. 136. Д. 13. Л. 16. Д. 317. Л. 12.; Д. 7. Л. 15; Д. 305. Л. 11. Оп. 134. Д. 31. Л. 32.;Д. 4. Л. 61, 95; Д. 317. Л. 41, 48, 54; Оп. 123. Д. 47. Л. 28; Оп. 139. Д. 68. Л. 13–14, 29, 32; Д. 71. Л. 28.; Ф. Р-4249. Оп. 7. Д. 8013. Л. 3.

2. Там же. Ф. 326. Оп. 134. Д. 31. Л. 60.; Оп. 123. Д. 88. Л. 2, 7; Д. 90. Л. 29–39; Д. 29. Л. 82.; Оп. 136. Д. 4. Л. 33, 60-61, 139; Оп. 133. Д. 10. Л. 20-21; Д.13. Л. 23, 63, 127; Оп. 134. Д. 28. Л. 15.

3. Там же. Оп. 133. Д. 142. Л. 16. Д. 10. Л. 22; Оп. 123. Д. 91. Л. 2; Д. 93. Л. 11.

4. Там же. Оп. 123. Д. 55. Л. 3; Д. 29. Л. 24, 46; Оп. 133. Д.13. Л. 103.

5. Там же. Оп. 123. Д. 50. Л. 6.; Д. 52. Л. 25; Д. 93. Л. 12.

6. Там же. Оп. 134. Д. 31. Л. 18, 28; Оп. 123. Д. 26. Л. 18; Оп. 133. Д. 142. Л. 6, 13, 55-56; Оп. 134. Д. 31. Л. 28.

7. Там же. Оп. 133. Д. 142. Л. 10.

8. Там же. Ф. Р-4249. Оп. 7. Д. 9092. Л. 32, 33; Оп. 136. Д. 13. Л. 45; Д. 7. Л. 57.

9. Там же. Ф. Р-4249. Оп. 7. Д. 9092. Л. 33.; Ф. 326. Оп. 134. Д. 149. Л. 35; 326. Оп. 136. Д. 4. Л. 33; Д. 1. Л. 69; Приказ Минздрава СССР от 1 июля 1980 г. № 690 «О порядке приема использованной аптекарской посуды». URL: http://base.garant.ru/4101023

10. Там же. Ф. 326. Оп. 133. Д. 10. Л. 71; Оп. 134. Д. 31. Л. 57.

11. Там же. Ф. Р-4249. Оп. 7. Д. 9092. Л. 32.

12. Там же. Л. 33, 34; Д. 6309. Л. 4-5; Д. 7279. Л. 1; Д. 7656. Л. 4–5; Д. 8013. Л. 5; Д. 8695. Л. 7–8.

13. Там же. Ф. 326. Оп. 123. Д. 93. Л. 10.; Д. 26. Л. 76.

14. Там же. Ф. 326. Оп. 133. Д. 142. Л. 17.; Оп. 136. Д. 7. Л. 28.; Ф. Р-4249. Оп. 7. Д. 9092. Л. 31.

15. Там же. Ф. 326. Оп. 136. Д. 4. Л. 134; Д. 296. Л. 33–34; Оп. 133. Д. 142. Л. 10, 56; Д.13. Л. 89; Оп. 134. Д. 28. Л. 20; Оп. 139. Д. 71. Л. 11–12, 62.

16. Там же. Ф. 326. Оп. 127. Д. 39. Л. 24.; Оп. 133. Д. 142. Л. 19, 37-38; Оп. 134. Д. 20. Л. 17; Оп. 136. Д. 1. Л. 45; Ф. Р-4249. Оп. 7. Д. 9092. Л. 34.

17. Там же. Ф. 326. Оп. 134. Д. 23. Л. 60; Оп. 133. Д. 142. Л. 21–22. Д. 7. Л. 124; Оп. 123. Д. 97. Л. 4; Д. 99. Л. 12-13, 14–15; Д. 88. Л. 8.

18. Там же. Оп. 123. Д. 97. Л. 3; Д. 99. Л. 14.

19. Там же. Оп. 127. Д. 42. Л. 41; Оп. 123. Д. 90. Л. 30; Оп. 136. Д. 7. Л. 48; Оп. 123. Д. 91. Л. 5, 11; Д. 93. Л. 6, 26.

И.В. Савицкий

СУЩЕСТВУЕТ ЛИ ИСТОРИОГРАФИЯ «КРЫМСКОЙ ВЕСНЫ»?

Статья посвящена изучению «крымской весны» российскими историками. Автор анализирует соответствие уровня проведенных исследований понятию «историография» и отмечает наличие центров изучения событий 2014 г., предпосылок к созданию научных школ, полидисциплинарность и слабую изученность исторических источников.

Ключевые слова: «Крымская весна», российская историография, источниковедение, научная школа, патриотизм.

I.V. Savitsky

DOES EXIST HISTORIOGRAPHY OF THE “CRIMEAN SPRING”?

The article is devoted to the study of the “Crimean spring” by Russian historians. The author analyzes the compliance of the level of research with the concept of “historiography”. He notes the centers for the study of the events of 2014, multidisciplinary approachs, incomplete study of historical sources and the prerequisites for the creation of scientific schools.

Key words: “Crimean spring”, Russian historiography, source studies, scientific school, patriotism.

Принятие Республики Крым и г. Севастополя в состав Российской Федерации стало одним из важных этапов в развитии современной России. Степень научности первых публикаций об этом была различна, преобладали работы с явным пропагандистским оттенком, что было объяснимо повышенной актуальностью темы. Спустя три года вал публикаций резко пошел на убыль. Это позволило автору данных строк реконструировать предварительную картину результатов проведенных к началу 2017 г. исследований. Она получилась неполной, но включила такие направления, как понятийное определение событий 2014 г., их причины, движущие силы, позиция крымско-татарского населения, роль военного фактора, а также реакция международной общественности на события в Крыму. Автор исходил из того, что в условиях повышенной актуальности проблемы изучение историографии не может ограничиваться анализом готовых научных публикаций; необходимо привлекать материалы «круглых

столов», высказывания историков в средствах массовой информации, а также публицистику [1].

При благожелательном отношении к вышедшей статье историками были высказаны (в устной форме) сомнения в целесообразности раннего использования термина «историография». Научные подходы к пониманию его сущности едины в том, что историография не является обзором списка литературы по конкретному вопросу. Это система эволюционирующих связей между позициями отдельных исследователей и научных школ, базирующихся на используемой методологии и источниковой базе. Это своеобразный пульсирующий организм, развивающийся по мере изменения актуальности объекта исследования и уровня профессионализма поколений историков. Продуктом развития историографии становятся не отдельные публикации, а историографические традиции, методы исследования, научные школы, комплексы исторических и историографических источников. Важную роль в этом играет не только сам исследователь, но и его потенциальная аудитория, не всегда принимающая позицию автора и вынуждающая его корректировать выводы. Благодаря этому историография обладает рефлексирующей способностью в отношении развития исторической науки. Что из этого в наличии к 2017 г. или к нынешнему году?.. Это заставило автора перейти к использованию словосочетания «российские историки».

Однако в 2018 г. известный крымский историк Д.В. Соколов продолжил историографическую тематику, расширив круг анализируемых материалов. Им были выделены четыре проблемы в изучении «крымской весны»: мнимое ощущение об изученности события, нежелание участников делиться воспоминаниями, попытки фальсификации событий в сторону украинской точки зрения, а также ограничение изучаемых событий февралем-мартом 2014 г. [2]. На момент выхода публикации эти проблемы были действительно актуальны, хотя первая больше относилась к публицистике. Но использованная Д.В. Соколовым источниковая база была подобрана неразборчиво: например, автор отнес к историографическим источникам воспоминания очевидцев, а также аудиовизуальные материалы – документальный фильм «4-я оборона Севастополя» и художественный фильм «Крым», по сути,

игнорировавшие роль крымчан в событиях 2014 г. и иллюстрировавшие точку зрения об аннексии полуострова. Соглашаясь со многими выводами автора, необходимо отметить эклектичность содержания его работы, больше напоминающей аннотации на слабо связываемые между собой исследования, источники и фильмы о «крымской весне». Сама статья Д.В. Соколова является важным историографическим источником, иллюстрирующим степень разработанности темы и активную позицию севастопольцев применительно к изучению их родной истории.

В настоящее время можно выделить восемь направлений в изучении событий 2014 г. – помимо уже указанных, это обзоры публикаций в средствах массовой информации, освещение «крымской весны» в учебных пособиях и споры о юридической состоятельности принятия Крыма в состав России. За несколько лет различные аспекты события проанализированы как минимум в трёх кандидатских диссертациях с политологической, этнографической и исторической позиций – Д.В. Сосновским, Р.А. Старченко и И.В. Островской, на защите которой в КубГУ вопрос об использовании термина «историография» был задан профессором В.Е. Баглай. Работа И.В. Островской стала девятой диссертацией, созданной под руководством профессора Кубанского государственного университета А.В. Баранова (при этом первой диссертацией о «Крымской весне» по исторической специальности). Это может говорить о предпосылках создания в КубГУ полидисциплинарной научной школы по изучению этнополитических процессов под его руководством.

Расширяется база для обсуждения проблем «крымской весны». Помимо традиционных научных площадок Таврического, Севастопольского, Кубанского университетов, филиала МГУ в Севастополе важными научными центрами по изучению отдельных аспектов событий 2014 г. являются Институт этнологии РАН [3] и Институт экономики РАН [4]; мониторинг настроений СМИ проводится Российским институтом стратегических исследований [5]. Специально посвященная крымским событиям научная конференция прошла в мае 2019 г. в Саратовском государственном университете. Таким образом, снижение политической эйфории

вокруг расширения границ России не снижает научного интереса к крымской тематике.

Сложнее обстоит дело с использованием источниковой базы «крымской весны». Она находится в стадии формирования; не только собранные, но и уже опубликованные мемуарные источники ещё не стали объектами полноценного изучения. В работах историков превалируют известные нормативные акты, хотя очевидно, что значительная часть документов этого типа (например, в военной сфере) будет обнародована ещё не скоро. Учитывая связь между методологией исторических исследований и степенью изученности источников, на нынешнем этапе для историков «крымской весны» более актуален добротный позитивистский подход, чем современные методологии исследования.

Этому способствует и разрыв историографических традиций в изучении ряда аспектов крымской истории: патриотически настроенные исследователи склонны говорить о «23 годах украинской оккупации», противоречиво оцениваются прежние работы по крымскотатарскому вопросу. Тем не менее, можно говорить о полидисциплинарном развитии исследовательского интереса к «крымской весне» и возможностью использования понятия «историография» в ближайшей перспективе.

Список литературы

1. Савицкий И.В. Российская историография о вхождении Крыма в состав Российской Федерации в 2014 году // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2017. № 3 (164). С. 43–50.

2. Соколов Д.В. Историография «крымской весны»: интерпретации, проблемы и перспективы // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2018. № 1 (12). С. 158–170.

3. Этническая и этнополитическая карта Крыма. Организация мониторинга и раннего предупреждения этнических и религиозных конфликтов. М., 2017.

4. Вестник научной информации. М., 2015. № 2: Украинский кризис: причины, эволюция, уроки. Ч. 1–2.

5. Кризис на Украине и крымские события 2014: практика информационной войны. М., 2015.

СЕКЦИЯ 3. ПРИЧЕРНОМОРЬЕ В ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ СОВРЕМЕННОСТИ

Е.М. Малышева

ПРИЧЕРНОМОРЬЕ И СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ НАЧАЛА XXI В. В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

Нестабильность по периметру южных границ РФ, рост угроз терроризма, этноконфессионального экстремизма, других дестабилизирующих факторов пытаются использовать в современных геополитических реалиях США, страны Евросоюза. Социальное расслоение российского общества, рост бедности представляет внутреннюю угрозу, которая стимулирует возрастание роли государства в преодолении кризисных явлений, повышение ответственности за баланс интересов общества и личности.

Ключевые слова: национальная безопасность, обеспечение, Россия, Причерноморье, Северный Кавказ.

E.M. Malysheva

BLACK SEA AND NORTH CAUCASUS AT THE BEGINNING OF XXI CENTURY IN THE CONTEXT OF NATIONAL SECURITY OF RUSSIA

Instability on the perimeter of the southern borders of Russia, rising threat of terrorism, ethno-religious extremism and other destabilizing factors attempt to use modern geopolitical realities of the USA, EU countries. The social stratification of the Russian society, the growth of poverty is an internal threat that stimulates the increasing role of the state in overcoming the crisis, increasing responsibility for the balance of interests of society and the individual.

Key words: national security, ensuring, Russia, the Black Sea region, the North Caucasus.

Южные регионы России – Кавказ, Крым, территория Причерноморья – географически разделяют западноевропейскую и азиатскую цивилизации. Стабильность в этом регионе является одним из ключевых факторов безопасности российского

государства, от которой зависит настоящее и перспективы сохранения его суверенитета. Регион теснейшим образом связан с нестабильными и конфликтогенными государствами Южного Кавказа, а через них с Ближним Востоком. Воспользовавшись ослаблением российских связей на постсоветском пространстве, США, страны Евросоюза, другие субъекты международной политики пытались использовать распад СССР для реализации целей и притязаний на южных рубежах России.

Усложнило ситуацию на Юге России признание независимости Южной Осетии и Абхазии. В связи с обострением ситуации на Кавказе: Абхазия, Грузия, Южная Осетия, Армения, Азербайджан, Нагорный Карабах и др. высказывалась не лишённая смысла идея воссоздания в структуре Правительства министерства по делам национальностей и федеративных отношений. В качестве задачи государственной важности прозвучали предложения (А.С. Куликов, председатель Совета по проблемам социально-политической и социально-экономической безопасности при Институте социально-политических исследований РАН и Академии социальных наук) о целесообразности принятия государственной концепции по стабилизации обстановки на Северном Кавказе [1, с. 14].

Проблемы национальной безопасности России, особенно на её южных рубежах, в современных геополитических реалиях требуют комплексно сбалансированного подхода с учётом внутренней и внешней политики, уровня политического развития, преодоления кризисных явлений в социальной сфере. В выстраивании стратегической взаимосвязи международной, региональной и национальной систем безопасности для защиты национальных интересов возрастает роль государства.

Государство выступает первостепенным субъектом национальной безопасности, берёт на себя ответственность по обеспечению баланса интересов общества, личности и власти. Россия, как основная правопреемница Советского Союза, унаследовав место в Совете Безопасности ООН, выполняет свои международные обязательства. Тем не менее, ситуация с конца XX в. кардинально изменилась, как и статус России. Сложившийся вместо биполярного однополярный мир заметно

усложнил задачи российской национальной и региональной безопасности. Целенаправленный проект по развалу СССР стимулировал не прекращавшиеся в мире и усиленные в новых геополитических реалиях конфликты во всех регионах планеты. Как результат – нестабильность по периметру южных границ Российской Федерации, рост угроз терроризма, этноконфессионального экстремизма, других дестабилизирующих факторов, которые актуализировали проблемы национальной безопасности. Сформировавшиеся условия диктуют необходимость укрепления российских рубежей для противостояния этим вызовам.

Все большую значимость на постсоветском пространстве приобретают проблемы региональной безопасности как одной из составляющих проблемы реализации стратегии национальной безопасности, от решения которой зависит стабильность России и стран СНГ. Исторически защита национальных приоритетов в системе международной и внутренней политики Российского государства складывалась иначе, чем в Европе. И сегодня в отличие от современных мировых тенденций, роль государства в России во всех сферах безопасности традиционно продолжает доминировать.

Россия возникала и складывалась как одно из самых многонациональных государств на планете. Безопасность российского полиэтничного государства и общества базируется на таких традиционных ценностях, как социальное и духовное единение, коллективизм, взаимопомощь, социальная справедливость, толерантность, уважение других народов. Российская Федерация с конца XX в. столкнулась с обострившимися региональными проблемами на южных своих рубежах, в том числе в Северо-Кавказском регионе. Южные регионы России, Крым, Причерноморье, Кавказ, богатый нефтяными ресурсами, с большими коммуникативными потенциалами, имеющие выходы к Каспийскому, Азовскому и Чёрному морям, играют важную стратегическую роль в сохранении национальной государственной безопасности. Здесь востребована задача масштабного экономического инфраструктурного развития, строительства предприятий, дорог,

мостов, школ, больниц и т.д. Для российского государства весьма важным компонентом национальной безопасности являлась проблема регулирования межнациональных отношений. Это актуально в первую очередь для южных регионов России: Крыма, Кавказа, Причерноморья, где компактно проживает более 170 народов. Этот регион является самым сложным в этническом отношении не только в нашей стране, но и во всем мире.

Мощь государства зависит не только от его военно-экономического потенциала, связанного с вооруженными силами. Проблема безопасности включает внутриполитическую, геополитическую, экономическую, военную, этно-национальную, региональную, информационную и другие сферы. Всё более возрастающее значение приобретают внутренние угрозы.

Реальную угрозу безопасности России представляет социальное и имущественное расслоение общества, рост бедности. Наиболее показательным становится то, что более 20% российского населения находятся за чертой бедности. Так, по оценке депутата Госдумы О. Смолина, по размерам минимальной зарплаты Россия отстает от Франции в 13–15 раз, а из 85 субъектов РФ 75 являются дотационными [2, с. 3].

Эти факторы – лишь небольшая часть тех внутренних угроз, имеющие тенденцию обострения, и они при определённых условиях способны дестабилизировать российское общество. Неравнозначные дотационные поступления из федерального центра в региональные бюджеты республик Северного Кавказа, выделение некоторым субъектам дотаций бюджетных средств в разы больше, чем другим (например, Чеченская Республика), не способствуют стабилизации региональной безопасности. Уровень оплаты труда и качество жизни работников бюджетной сферы (учителя, ученые, врачи, воспитатели детских садов, сотрудники учреждений культуры, преподаватели вузов и т.п.) в России оставляет желать лучшего.

Отдельная, весьма острая и злободневная тема, имеющая отношение к национальной безопасности – тема бедности в современной России. По результатам опроса, проведенного ВЦИОМ, россияне считают бедной семью, доход которой на каждого члена составляет менее 15 тыс. руб. [3]. В начале 2019 г.,

по официальным данным Росстата, размер прожиточного минимума в РФ составил 9,9 тыс. руб., с небольшой градацией для работоспособных граждан (10,7 тыс.), пенсионеров (8,1 тыс.) и детей (9,7 тыс. – увеличен на 322 р.). Число жителей России с доходами ниже прожиточного минимума (уровень бедности), в 2018 г. составил 18,9 млн. чел., или 12,9% населения [4].

Официальное количество бедных в России сокращалось с 2003 г. до минимальных значений в 2012 г. Тогда число граждан, живущих в бедности, составила 15,4 млн. чел., или 10,7% населения. С 2013 г. уровень бедности в стране вновь начал расти. По итогам 2017 г. за чертой бедности жили 19,3 млн. россиян или 13,2%. В 2018 г. правительство выделило 14,5 млрд. руб. на повышение зарплаты работников бюджетных учреждений и окладов в текущем 2019 г. В майском указе президента 2018 г. поставлена задача снизить уровень бедности к 2024 г. вдвое – до 6,6%. Вице-премьер правительства Т. Голикова назвала это самой сложной задачей из всех поставленных главой государства. 2018 г. стал 5-м годом постоянного падения реальных доходов граждан [5, с. 405–406]. По оценке Минтруда, около 80% семей, которые сегодня находятся за чертой бедности, – это семьи с детьми. По данным ВЦИОМ, 67% опрошенных отмечают, что выросшие в бедных семьях люди имеют меньше возможностей получить образование. В 1990 г. такое мнение высказывали 56% респондентов. С декабря 2018 г. в 8 регионах запущены пилотные проекты, цель которых – проанализировать главные причины бедности россиян и разработать индивидуальный план выхода из кризисной ситуации для каждой семьи [6, с. 11–119]. Уровень безработицы по России с ноября 2018 г. по январь 2019 г. составил 4,8%, что на 0,3% ниже прошлогодних показателей. Самый высокий уровень безработицы зафиксирован на Северном Кавказе. Ингушетия стала единственным регионом России, где уровень безработицы превысил 20%. В Дагестане, Чечне, Кабардино-Балкарии также отмечен высокий уровень безработицы. Севастополь вошел в тройку регионов-лидеров по уровню трудоустройства. По данным экспертов, в топ регионов с самым низким уровнем безработицы входят Москва (1,2%), Санкт-Петербург (1,4%), Ямало-Ненецкий автономный округ

(2,2%), Хабаровский край (2,5%), Ханты-Мансийский автономный округ – Югра (2,5%) и Московская область (2,6%). Замыкают рейтинг Чечня (13,2%), Дагестан (13,7%), Тыва (14,9%), Карачаево-Черкессия (16,2) и Ингушетия (26,3%). Республика Крым занимает 56-ю строчку рейтинга. Специалисты оценили уровень безработицы в РК в 5,9%, что на 1,1% больше, чем в среднем по стране. По данным экспертов, в Крыму на сотню открытых вакансий приходится 436 безработных. В то же время исследователи фиксируют снижение за год уровня безработицы в регионе на 0,9%. Севастополь находится на 36-м месте с показателем 4,8%, что соответствует среднероссийскому уровню. В городе приходится 366 безработных на сто открытых вакансий [7].

Так сложилось для России исторически, что существенное место в обеспечении национальной государства России занимает духовно-нравственная безопасность. Духовно-нравственная безопасность представляет способность личности находить оптимальные решения, преодолевать жизненные трудности на основе сформировавшихся традиций и устоев в обществе. Этот фактор в системе национальной безопасности приобретает особую значимость в условиях современного общества, формирующего рыночные отношения, когда материальное благополучие превращается в некое измерение шкалы ценностей, «абсолют». Необходимость сбалансированного подхода к взаимосвязи международной, региональной и национальной систем безопасности в обеспечении интересов страны, усиление роли государства, повышение его ответственности за баланс интересов общества, государства и личности, является необходимостью для развития России и повышения ее авторитета в мире.

Международная безопасность вбирает в себя все уровни социального бытия, она связана с региональной безопасностью. События на Украине 2014 г., возвращение Крыма вызвали всплеск негативных оценок внутренней и внешней политики России. Развернувшаяся в СМИ Европы информационная война подрывает основы российской информационной безопасности. Государства, входящие в НАТО, Евросоюз, Совет Европы, члены

«Большой семерки», объединились в оценке присоединения Крыма как аннексии и вооруженного вмешательства России во внутренние дела Украины. В развернувшемся противостоянии с помощью многочисленных каналов коммуникации, подключив современные технологии ведения информационной войны, тиражируется негативная коннотация образа России, которую называют не иначе, как «страна-агрессор». Наличествует идентичная оценка у части российских политологов. Негативное восприятие России в мировом сообществе лоббируется с использованием новейших технологий информационных войн: опыт наработан странами Европы. Относительно оценки этого факта российскими гражданами отметим, что возвращение Крыма упрочило осознание исторического единства и целостности страны.

В условиях информационной войны и выставленных за воссоединение Крыма с Россией санкций, проблемы внутренней и внешней политики России становятся предметом повышенного внимания со стороны международных организаций, парламентов и правительств, политических и государственных деятелей, ученых и общественности. В России, где основой развития государственности является задача развития содружества наций, сохранение традиционного межконфессионального мира, актуально и востребовано, как ни в одном другом государстве мира.

Веками складывавшаяся преемственность российской цивилизации, сохранявшаяся и выживавшая в многочисленных войнах, формировала гордость за подвиг многих поколений россиян на берегах Чёрного моря. Возвращение Крыма и Севастополя в состав РФ и развернувшаяся антироссийская информационная война остро поставило задачу защиты исторической памяти от аберрации как составляющей национальной государственной безопасности и актуализировало задачу воспитания российского патриотизма.

Список литературы

1. Куликов А.С. Северный Кавказ: настоящее и перспективы национальной безопасности в регионе // Военный парад. 2010. № 1. С. 14.

2. Смолин О. Кто боится повторения Великого Октября? // Аргументы недели. 2017. № 4. С. 3.

3. Уровень бедности в России. URL: https://visasam.ru/wp-content/uploads/2018/10/ekonomia (дата обращения: 26.08.2019).

4. Бедность в России сократилась до минимума с 2014 года. URL: https://www.rbc.ru/economics/21/03/2019 (дата обращения: 21.08.2019).

5. Тонких В.А., Лытнева Н.А. Национальная безопасность России в условиях современных вызовов и угроз//Молодой ученый. 2017. № 11.С.404-408.

6. Леконцев И.П. Бедность в России: официальная статистика и результаты социологических опросов ВЦИОМ // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2016. № 2 (132). С. 111–119.

7. Эксперты оценили уровень безработицы в Крыму и Севастополе. URL: https://crimea.ria.ru/society/20190318/1116262411.html (дата обращения: 27.08.2019).

С.А. Кислицын

СЕВЕРНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ – СВЯЗУЮЩЕЕ ПРОСТРАНСТВО ИЛИ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРЕПЯТСТВИЕ МЕЖДУ РОССИЕЙ И НОВОЙ УКРАИНОЙ

Северное Причерноморье включает в себя Крым и всю так называемую «Новороссию», которая находится в составе Украины. Факт 23-летнего вхождения Крымского полуострова в состав Украины выглядит как временное историческое недоразумение. Нахождение Украины и России после возвращения Крыма в состоянии политической войны не может продолжаться вечно. Необходим поиск возможностей прекращения этой войны и решения проблем Крыма и Донбасса, но этот процесс идет зигзагообразно. Если по поводу народных республик Донбасса существуют конструктивные подходы и мнения, то в вопросе принадлежности Крыма наблюдается полный застой. Выход из с ситуации можно искать, во первых, в юридической плоскости, во-вторых, в культурологическом и историко-цивилизационном планах.

Ключевые слова: Северное Причерноморье. Россия-Украина. Возвращение Крыма. Геополитика.

S.A. Kislitsyn

NORTHERN BLACK SEA REGION – CONNECTING SPACE OR GEOPOLITICAL OBSTACLE BETWEEN RUSSIA AND NEW UKRAINE

The Northern Black Sea region includes the Crimea and all so-called “Novorossiya” which is a part of sovereign Ukraine. The fact that the Crimean Peninsula has been part of Ukraine for 23 years looks like a temporary historical misunderstanding. Finding Ukraine and Russia after the return of the Crimea in a state of political war, can not last forever. It is necessary to search for ways to

end this war and solve the problems of Crimea and Donbass, but this process is zigzagging. If there are constructive approaches and opinions about the people's republics of Donbass, there is a complete stagnation in the issue of Crimea's belonging. The way out of this situation may be sought first in the legal plane, and secondly, in the cultural and historical-civilizational plans. Some proposals are put forward for discussion.

Key words: Northern Black Sea, Russia, Ukraine, return of Crimea, geopolitics.

Северное Причерноморье включает в себя Крым и практически всю так называемую «Новороссию», присоединенную к России в царствование Екатерины П. Если континентальная Новороссия вошла в состав Украины с момента создания украинской советской республики и остается по настоящий день, то Крым оказался на Украине в результате волюнтаристского, предельно некорректно оформленного юридически, политиканского решения Н.С. Хрущева в 1954 г. 20 января 1991 г. в Крыму и Севастополе был проведен успешный референдум по вопросу воссоздания Крымской автономной ССР как субъекта Союза ССР и участника Союзного договора. Однако Верховный Совет УССР принял в феврале 1991 г. закон о восстановлении Крымской АССР в составе УССР. Верховный совет Крымской АССР в сентябре 1991 г. принял Декларацию о государственном суверенитете Крыма. В свою очередь, Верховный Совет РСФСР принял постановление от 21.05.1992 г. «О правовой оценке решений высших органов государственной власти РСФСР по изменению статуса Крыма, принятого в 1954 году», в котором указано, что принятое решение о вхождении Крыма в состав Украины следует признать не имеющим юридической силы с момента принятия [1]. Трагические события 1993 г. перечеркнули деятельность ВС РСФСР и все его постановления. Конституция АР Крым, принятая в 1998 г. под жестким контролем Киева, сохранила формально-унизительную степень автономии. В.А. Томсинов показал на конкретных примерах мировой истории, что народ Крыма имел достаточно юридических оснований с точки зрения современного международного права для реализации права на самоопределение путем выхода из состава Украины [2].

С точки зрения логики факт вхождения крымского полуострова в состав Украины выглядит как временное историческое недоразумение, так как Крым находился в составе Украины как суверенного государства до 1991 года всего 23 года, в то время как в составе России–СССР он был более 200 лет. В марте 2014 г. начался новый этап политического развития Крыма и Севастополя как имманентных частей Российской Федерации. Политологам очевидно, что возвращение Крыма под юрисдикцию Украины нереально и контрпродуктивно. В Конституции РФ записано положение о Крыме и Севастополе как субъектах федерации и весьма затруднительно себе представить добровольный отказ великой страны от исторической части своей территории и части русского народа, проживающего здесь. Ветви власти суверенной Украины все еще настаивают на необходимости перехода Крыма под их контроль, мотивируя это тем, что референдум был проведен вопреки нормам Конституции Украины. При этом полностью игнорируется тот факт, что референдум был проведен в условиях государственного антиконституционного переворота и начала террористических акций против русского населения на Украине (Одесса, Донбасс).

Сложная ситуация обострилась в связи разгоревшейся гражданской войной на Донбассе, в ходе которой возникшие Донецкая и Луганская народные республики отказались признать результаты государственного переворота на Украине и стали вооруженным путем отстаивать свое право на самостоятельное этнополитическое развитие. На наш взгляд, перспективы народных республик Донбасса связаны в случае полного отказа Киева выполнять Минские соглашения с объединением двух народных республик в одно государство согласно прецедента исторической Донецко-Криворожской республики 1918 г., и последующее вхождение нового образования ее в существующие интеграционные объединения на постсоветском этногеополитическом пространстве – Содружество непризнанных республик, СНГ, Евразийский союз [3].

Очевидно, что нахождение Украины и России в состоянии политической войны, чреватой военными конфликтами не может продолжаться вечно. С избранием на Украине нового президента

В.А. Зеленского начался поиск возможностей прекращения этой войны и решения проблем Крыма и Донбасса. Однако процесс идет вяло и зигзагообразно. Если по поводу народных республик Донбасса существуют различные относительно конструктивные подходы и мнения, то в вопросе принадлежности Крыма наблюдается полный застой.

На наш взгляд, выход, из сложившейся ситуации нужно искать, во первых, в юридической плоскости, во-вторых, в культурологической и историко-цивилизационной, поскольку Крым всегда был полиэтничным регионом на русской основе.

С юридической точки зрения возможно проведение дополнительного референдума в Республике Крым и Севастополе (главной базе ВМФ РФ в Черноморском море) под контролем/наблюдением ООН и других международных организаций. Но вопросы референдума, бесспорно, не должны касаться государственной принадлежности Крыма, поскольку это совершенно однозначно решенный вопрос. Речь на референдуме может идти о судьбе и перспективе образования двух внутренних автономных округов/районов – украинского и крымско-татарского. До Великой Отечественной войны в Крыму существовали национальные районы: Украинский р-н: Ишуньский (1937 г. Красноперекопский) Ишунь, затем Красноперекопск 1930-; Крымско-татарский – Алуштинский 1930–1944; Балаклавский Балаклава 1930–1944; Бахчисарайский 1930–1944; Куйбышевский Албат 1935; Судакский 1930–1944; Ялтинский 1930–1944; Немецкий р-н: Биюк-Онларский район 1930–1938 (1962); еврейский – Фрайдорфский 1930–1939 гг. [4]. Конечно, большинство таких районов уже не подлежит восстановлению, но некоторые могут обрести актуальность. Частичное воссоздание этих округов/районов может позволить активизировать культурно-языковое развитие украинского и крымско-татарского населения. Положительное демократическое решение этих национально-территориальных и вопросов может предоставить возможность найти общие точки соприкосновения двух стран и начать цивилизованный диалог заинтересованных сторон.

На референдуме можно будет поставить в случае острой необходимости вопрос о частичной материальной компенсации Украине в форме инвестиций и преференций в оплате газа и т.п. В порядке комплексного подхода следует учесть, что серьезные уступки должны быть осуществлены и с украинской стороны. Это запрет националистической идеологии, принципиальное решение проблемы амнистии и автономии ДНР и ЛНР, разрешение государственного двуязычия на всей территории так называемой «Новороссии». Однако принципиальной проблемой является цивилизационный раскол Украины и проблема евро-американской геополитической ориентации западной (галицийской) и центральной частей Украины. Законодательно оформленная Верховной Радой Украины стратегия вхождения в НАТО не может быть одобрена Россией, так создает угрозы для ее национальной безопасности. Вероятно, это на сегодняшний день самое значительное и долговременное препятствие для решения проблемы развития продуктивного сотрудничества двух стран.

Список литературы

1. Руслан Хасбулатов – «КП»: Передайте Обаме – Крым... URL: URL: www.kp.ru›daily/26205/3091201/ (дата обращения: 29.08.2019).

2. Томсинов В.А. «Крымское право» или юридические основания для воссоединения Крыма с Россией // Вестник Моск. ун-та. Сер. 11. Право. 2014. № 5. С. 3–32.

3. Кислицын С.А. Предпосылки интеграции де-факто суверенных народных республик Донбасса в постсоветские объединения с участием Российской Федерации // Власть, 2019. Т. 27, № 4. С. 138–141. DOI: https://doi.org/10.31171/vlast.v27i4.6618.

4. Национальные районы в Крыму. URL: https://arslan-hist.livejournal.com/26949.html (дата обращения: 29.08.2019).

В. Таловић, С. Милосављевић

УКРАЈИНСКА КРИЗЕ ИЗ ПЕРСПЕКТИВЕ РУСКО-АМЕРИЧКИХ ОДНОСА

Утицај и импликације кризе у Украјини на међународне односе мора се перципирати кроз реалистичну призму глобалних геополитичких процеса у савременом међународном систему, али и кроз анализу реалне позиције и улоге Русије у тим процесима и њених односа са најутицајнијим субјектима

светске политике. Стога је потребно сагледати међународне аспекте украјинске кризе, као и њихов повратни утицај на безбедоносне дешавања у региону и на глобалном нивоу. Међузависност и условљеност међународних политичко-безбедносних процеса и украјинске кризе су очигледне и лако доказиве. Међутим, динамичност промена и непоузданост предвиђања развоја безбедносних процеса у источној Украјине у будућности, усложњава дефинисање могућих опција за решавање кризе, што на најексплицитнији начин отежава формулисање праваца мировног процеса. Украјинска криза оптерећена је деловањем великог броја унутрашњих и спољашњих чинилаца, што је додатна аргументација у прилог тези да је могућност поузданог предвиђања њеног решавања проблематична. Разлог томе је и што утицајни субјекти међународних односа, пре свих Русија и САД, „решење“ кризе перципцирају на различите начине, у складу са реалполитичком пројекцијом својих интереса.

Кључне речи: украјинска криза, међународни односи, Русија, САД.

В. Талович, С. Милосавлевич

УКРАИНСКИЙ КРИЗИС И ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Влияние и последствия кризиса в Украине на международные отношения должны восприниматься через реалистическую призму глобальных геополитических процессов в современной международной системе, а также через анализ реального положения и роли России в этих процессах и ее отношений с наиболее влиятельными субъектами мировой политики. Поэтому необходимо взглянуть на международные аспекты украинского кризиса, на их последствия для событий в области безопасности в регионе и во всем мире. Взаимозависимость и обусловленность международных политических процессов и безопасности и украинского кризиса очевидны и наглядны. Но динамика изменений и ненадежность прогнозирования развития процессов безопасности на востоке Украины усложняют определение возможных вариантов разрешения кризиса, что затрудняет формулирование направлений мирного процесса. Украинский кризис обременен воздействием большого количества внутренних и внешних факторов, что является дополнительным аргументом в поддержку тезиса о том, что возможность надежного прогнозирования его разрешения проблематична. Причина в том, что влиятельные субъекты международных отношений, прежде всего – Россия и США, по-разному воспринимают «разрешение» кризиса в соответствии с политической проекцией своих интересов.

Ключевые слова: украинский кризис, международные отношения, Россия, США.

Русија је за Крим нераскидиво везана културно-историјски и етнички и перципира га као део свог националног идентитета. На Криму, готово 2/3 становништва чине етнички Руси. Такође, већи део своје новије историје (од краја XVIII века), Крим је био у саставу Русије, све до 1954. године када је политичком одлуком тадашњих комунистичких вођа, предат украјинској федералној јединици у оквиру СССР.

Пре него што је Русија припојила Крим 1783. године, полуострво је имало аутохтон и самосталан државно-политички развој у односу на северне територије континенталног дела Украјине, а домицилно становништво у апсолутној већини били су Кримски Татари. Након освајања од стране Руске империје, од краја XVIII века долази до мењања демографске структуре на полуострву, у смислу континуиране русификације полуострва, односно сталног досељавања руског становништва које постаје већинско. Руси су од давнина доживљавали Крим (нарочито Севастопољ), као конститутивни елемент свог националног идентитета, док је руско становништво на Криму доживљавало Русију као своју културно-цивилизацијску одредницу [3].

Географски положај, повољни климатски услови и геостратешки значај, определили су његов историјски и културно-цивилизацијски развој у даљој и ближој прошлости. На територији Крима су се од давнина укрштали копнени и поморски путеви и успостављали интензивни економски и политички односи између народа и држава [8].

Уосталом прва руска држава формирала се у периоду средњег века у оквиру Кијевске Русије, на простору данашње Украјине (без значајних делова источне Украјине) и Белорусије, са центром у Кијеву. „Крим, иако представља историјски простор отпочињања хришћанизације средњовековне Русије као место њеног сусрета са византијским православљем и његовом културом, у вековима након пропасти „Кијевске Русије" под нападима Татара, представља посебну, самосталну политичку јединицу, неки вид државе или предржавне творевине са тадашњим међународним политичким субјективитетом – Кримски канат. Руске државице у време „татарског ропства" биле су вазали Кримског каната и тамошње „Златне Хорде" од које су се, постепено, током више

векова, ослобађале. Касније је, у време јачања Руског царства, Кримски канат и сам постао вазал Османском царству, да би, након низа ратова између Русије и Османлија, постао део Руског царства и такав био готово два века. Начин на који је Крим у оквиру Совјетског Савеза пренет из Русије у Украјину био је незаконит по тадашњем совјетском уставу: предао га је Никита Хрушчов 1954. године указом председништва СССР-а којим је прекршена свака законита процедура и занемарена воља тамошњег народа. Па и након тога, статус Крима је – за постојања Совјетског Савеза и касније – у осамостаљеној Украјини од краја 1991. године био знатно виши него онај Косова: Крим је имао статус аутономне републике, а његово (махом руско) становништво није имало статус националне мањине" [3, с. 21].

У новонасталој геополитичкој конфигурацији у Црноморском региону и њихове нереалне амбиције условили су стварање новог кризног жаришта на простору Украјине, што је значајно угрозило систем безбедности у Европи. Кроз ставове и анализе једног броја теоретичара о односима релевантних геополитичких актера у вези са украјинском кризом, може се доћи до сазнања о корелацији спољнополитичког утицаја и дестабилизирајућих процеса у Украјини, као и модалитета за њихово анулирање. Утицај Русије и САД на простору Украјине, две највеће војне силе, кроз призму њихових међусобних односа, један је од кључних екстерних фактора украјинске кризе. У том контексту, политичко-безбедносни систем у Црноморском региону и Европи мораће нужно да се заснива и на усклађивању и уравнотежењу сучељених интереса Русије и САД, услед чињенице да ове силе имају различите перцепције и критеријуме када су у питању начини решавања кризе у Украјини. Стога, реално је очекивати да ће се ситуација у региону заснивати и на сталном нијансирању и дозирању „политике силе и притисака" од стране ових сила, у циљу остваривања њихових геополитичких амбиција. У таквој констелацији снага и САД и Русија ће морати да преиспитују ставове о властитим интересима и дометима, или ћемо у будућности бити сведоци тезе о ренесанси реалполитичких постулата („равнотеже снага" и „сфера утицаја") и реалполитичког

сагледавања међународне стварности. Ригидност у ставовима на релацији Русија – САД у вези са кризом и питањима њене перспективе, не само да неће дати никакве конкретне резултате, већ ће довести до продубљиваања постојећих противречности и заоштравања ситуације у региону [4].

Русија истиче да дипломатско решење украјинске кризе нема алтернативу и у том контексту се залаже за успостављање међународног механизма за њено решавање, који би се темељио на ауторитету међународних институција (пре свега СБ, ОУН и ОЕБС), уз истовремено „одбацивање употребе силе и претње силом, као средства решавања спорова у међународним односима“, чија би крајња резултанта била изградња узајамне и недељиве безбедности у региону. Међутим, овакво становиште изложено је оштрој критици појединих аутора са Запада.

Сумирајући различите позиције утисак је да би решење кризе било конструктивније, када Запад не би заузимао антируску позицију, односно да би западне државе морале променити перцепцију улоге Русије у кризи и прихватити да је Русија неизоставан чинилац у решавању украјинског проблема. Многи руски аутори апострофирају и да САД у украјинској кризи немају у потпуности конструктиван став, јер кризу перципирају кроз призму својих геостратешких интереса у Европи и одвраћања Русије [7] Такође, са аспекта изналажења одрживог решења, нужан је и унутарполитички трансфер надлежности са централног нивоа на органе побуњених региона, у циљу успостављања суштинске децентрализације, чија одрживост опет у највећој мери зависи од гаранција заинтересованих спољних фактора. Преведено на језик праксе, решење украјинског „галиматијаса“ мора да одражава сагласност интереса Русије и Запада, без чега криза неће моћи да се превазиђе, већ ће резултирати даљим дестабилизирајућим процесима. С обзиром да су „посткризни“ избори у Украјини показали нову политичку реалност, у смислу стратешке оријентације државе и безалтернативног окретања ка западу, неспорно је да спољашњи фактори могу да створе услове да се у Украјини одржи мир. Занимљива је теза руског аутора Фјодора Лукјанова, који сматра да је за решење кризе у Украјини, потребан међународни механизам, попут модификованог Дејтонског

споразума за БиХ [5]. У контексту наведених ставова, парафразирајући чувеног америчког професора др Мајкла Манделбаума [2], може се поставити питање: да ли ће Украјина бити попут „јеловника“ у ресторану, где ће велики геополитички играчи (Русија и САД), имати могућност слободног избора, да наруче јело по сопственом нахођењу у складу са њиховим потребама, жељама и „платежним“ могућностима, или ће остати „гладни“ упркос великим апетитима?

Намеће се закључак да кључ за решење украјинске кризе данас у својим рукама држе међународни чиниоци (Русија, САД, ЕУ). Деградација односа на релацији Русија-Запад условило је и поремећаје у односима Русије и НАТО, који су „спуштени“ на најнижи ниво од завршетка хладног рата. Неспорно је да је украјинска криза значајно урушила систем европске безбедности и изналажење одрживог политичког решења кризе, је први корак ка његовом редефинисању. Који од модела решења украјинске кризе има највише шанси да се оствари у блиској перспективи и колико ће процес временски трајати, тешко је предвидети с обзиром на комплексност ситуације и снажног екстерног утицаја великих сила.

За Русију, присаједињење Крима представља исправљање историјске неправде и заштиту већинског руског становништва на полуострву. За Украјину, Крим је огледало дубине политичких, идентитетских и културно-цивилизацијских разлика и подела и њихова коначна резултанта. За Запад, Крим ће још дуго, дуго времена остати „каменчић у ципели“. За Крим, припајање Русији представља „повратак кући“, „нови пут“ и/или „повратак у будућност“.

Од фебруара и марта 2014, када су се ујединили Република Крим и Севастопољ са Русијом, створена је нова политичка платформа на руској црноморској обали. За руску армију и снаге безбедности то је, превасходно, значило заштиту мира али и ажурирање задатака обезбеђивања конструктивних међуетничких и међуверских односа. Захваљујући догађајима из прошлости у којима се држава на делу своје територије борила са наглашеним сецесионизмом, Русија је била принуђена да трага ка методама и технологијом политичке регулације етнополитичких конфликата. Значај који ови простори имају на духовном и историјском нивоу

за руски народ је неоспоран. Уколико се држимо одређења патриотизма из Речника политичке мисли Роџера Скратона о томе да је патриотизам љубав према домовини јасно је колики је значај Крима са патриотског апсекта пре свега, Руси на првом месту доживљавају Крим делом своје домовине, места одакле вуку историјске у духовне корене, и места које је током читаве историје руског народа имало важну улогу. У борби за своју домовину је на овим просторима је страдало много руских живота. Обраћање Путина Федералној скупштини 2014. године које су пренели сви медији широм света можда на најбољи начин говори о снази духовног значаја Крима за Русе. Пре свега Крим је место где је руски кијевски кнез Владимир у Херсонесу, данашњем Севастопољу примио хришћанство у 10. веку. „Десило се историјско поновно уједињење Крима и Севастопоља са Русијом. За нашу земљу овај догађај има посебна значај … Наши људи живе на Криму, при чему је сама територија стратешки важна, због тога што су овде духовни корени порекла формирање вишеструке, али монолитне руске нације и централизоване руске државе … Заједно са етничком блискошћу, заједничким језиком и елементима материјалне културе, заједничком територијом (иако још увек без јасних граница), настајућим заједничким економским активностима и моћи принца, Хришћанство је било моћна духовна сила која је омогућила учешће у формирању уједињеног руског народа и стварање заједничке државе од различитих племена и племенских савеза, тј. огромног источнословенског света. Управо је ова духовна сила која је инспирисала наше претке да једном и заувек схвате да су они једна нација. И то нам даје разлог да тврдимо да за Русију Крим, древни Корсун, Херсонес, Севастопољ има огромно цивилизацијско и сакрално значење – истовремено као што је Храмовна Гора у Јерусалиму значајна за оне који су верници ислама или јудаизма“ [6].

Руси су се вратили на своје огњиште и намеравају ту да опстану. Униполарни свет је нестао, време мултиполарног света је почело. Историјско право руског народа је на делу упркос безбројним покушајима Западног света, на челу са САД, да то

право оспори. Русија је вратила своју територију која јој историјски и припада и то је нешто што се не може негирати.

Литература

1. Гајић А.С. Случајеви Косова и Крима: Контроверзе права на самоопредељење у савременом контексту // Култура полиса. 2015. № 28.
2. Манделбаум М. Идеје које су освојиле свет. Београд, 2004.
3. Милосављевић С., Таловић В. Предикција модела решења украјинске кризе // Српска политичка мисао. Београд, 2017. № 2.
4. Милосављевић С., Младеновић М., Љубисављевић Н. Крим „повратак у будућност“. Геополитички, безбедносни и војно-стратегијски аспекти украјинске кризе. Београд, 2017.
5. Лукјанов: Украјини потребан „Дејтон“ // Политика. 27.05.2014. URL: http://www.politika.rs/vesti/najnovije-vesti/Lukjanov-Ukrajini-potreban-Dejton.sr.html (приступљено 15.09.2018).
6. Putin Says that the Crimea Where Prince Vladimir Took Baptism has Sacred Meaning for Russia. Moscow, December 5, 2014. URL: http://orthochristian.com/75734.html (приступљено 15.09.2018).
7. Политика. 25.09.2014. URL: http://www.politika.rs/pogledi/Missa-Djurkovich/Ukrajina-kao-proba-za-svetski-rat.sr.html; Амерички професор др Стивен Коен, такође сматра да „САД нису позитиван фактор у решавању кризе“... („Амерички научник: Исход кризе у Украјини може бити раскол Европе“. URL: http://serbian.ruvr.ru/news/2014_09_12/Americhki-nauchnik-Ishod-krize-u-Ukrajini-mozhe-biti-raskol-Evrope-4974/ (приступљено 15.09.2018).
8. Сахаров А.Н. Дипломатия древней Руси. М., 1987.

И.Л. Морозов

«КРЫМСКИЙ ПРЕЦЕДЕНТ» В ГЕОСТРАТЕГИИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Воссоединение Крыма с Россией в 2014 г. можно отнести к важнейшим геополитическим событиям XXI в., трансформировавшим архитектонику международной системы безопасности Ялтинско-Потсдамской модели. В текущей военно-политической обстановке Россия нашла реальный и, возможно, единственный эффективный ответ на усиливающееся геополитическое давление со стороны НАТО. В то же время автор считает, что по своим долгосрочным последствиям технологии гибридных войн малоперспективным инструментом мировой политики, применение которого порождает нерешённые геополитические конфликты.

Ключевые слова: геополитика, геостратегия, Украина, Россия, Крым, НАТО, гибридная война.

I.L. Morozov

“CRIMEAN PRECEDENT” IN THE GEOSTRATEGY OF CONTEMPORARY RUSSIA

The reunification of Crimea with Russia in 2014 can be attributed to the most important geopolitical events of the 21st century that transformed the architectonics of the international security system of the Yalta-Potsdam model. In the current military-political situation Russia has found a real and possibly the only effective response to the increasing pressure from NATO. At the same time, the author believes that the long-term consequences of hybrid warfare technology are an unpromising tool for world politics, the use of which gives rise to unresolved geopolitical conflicts.

Key words: geopolitics, geostrategy, Ukraine, Russia, Crimea, NATO, hybrid war.

Геостратегия – направление государственной политики, связанное с пространственно-территориальным фактором защиты национальных интересов. Классика геополитических теорий и основанные на ней геостратегические практики политических элит ведущих государств до 1945 г. исходили из безусловного императива ценности прямо контролируемого пространства: включение сухопутных территорий в состав государства и военное господство над морскими коммуникациями. Принципы Ялтинско-Подстдамской международной системы были нацелены на максимальную затруднённость, а по возможности и полное исключение военного противоборства за территории между государствами. Не только с нормативно-правовой, но и с моральной нормы насильственное приращение территории одного государства за счёт части территории другого стало восприниматься флуктуация международного процесса, нежелательное явление.

Утвердившееся в послевоенном мире военно-политическое равновесие по оси Москва-Вашингтон с ООН в качестве узловой «точки равновесия» [1, с. 10–21] глобальных весов, максимально способствовало маргинализации захватнических войн, ведущихся за территорию, хотя одновременно раскрыло «ящик Пандоры» так называемых национально-освободительных войн, ведущих к умножению суверенных акторов международного процесса.

Иными словами, территориальный сепаратизм в восприятии мирового сообщества мог быть оправдан этническими, религиозными или сугубо политическими причинами, во время как территориальная аннексия воспринималась однозначно out law.

Например, из трёх индо-пакистанских войн (1947–1949 гг., 1965 г., 1971 г.) две закончились «геополитической ничьей» при посредничестве ООН, а третья свелась к полному военному разгрому Пакистана и привела к независимости Бангладеш, а не к значимым геополитическим приобретениям индусов за счёт поверженного противника. Некоторым исключением из общего правила являлся Израиль, методично продвигавшийся на территорию соседних стран по итогам очередной выигранной арабо-израильской войны. Но и он предпочитал возвращать противнику значительную часть отвоёванной территории в обмен на заключение мира, а те территориальные приобретения, которые Тель-Авив всё же закрепил за собой, были делегитимированы ООН.

Если не военную, то политическую зыбкость этих приобретений продемонстрировали высказывания президента США Барака Обамы в 2011 г. о необходимости вернуть Израиль к границам 1967 г. в соответствии с резолюциями ООН. Хотя пришедшая ему на смену американская администрация оказалась несоизмеримо более лояльной к Израилю в вопросе по арабским землям, сам факт возможности подобного высказывания, а потенциально и действия, со стороны главы сильнейшей мировой державы, стал характерным политическим маркером, продемонстрировавшим, что данная проблема для Израиля отнюдь не решена.

Геополитический крах СССР в 1991 г., прошедший без военных действий между входившими в него республиками (за исключением армяно-азербайджанского вооружённого конфликта вокруг Нагорного Карабаха, который Армения, несмотря на военную победу, так и не решилась включить в состав своего государства), а затем и распад Югославии, пошедший в виде ожесточённых боевых действий между её бывшими участницами, лишь подтвердили геополитический

принцип, согласно которому могут возникнуть новые независимые государства, но эти территории не могут стать предметом добычи со стороны более сильных и устойчивых соседей. Исключением явилось поглощение Федеративной Республикой Германии территорий бывшей Германской Демократической Республики. Но ГДР полностью утратила государственность, а факт исторического воссоединения двух частей немецкого народа проходил без применения вооружённой силы, без активного сопротивления хотя бы части населения бывшей ГДР и, что наиболее важно, новую геополитическую конфигурацию немедленно признали все акторы международной системы.

Приняв в момент кризиса украинской государственности в 2014 году в свой состав Крымский полуостров, включая Севастополь, Россия создала так называемый «Крымский прецедент», чем формально подвела черту под коллапсирующей Ятлинско-Потсдамской международной системой – акт закономерный и в тех условиях неизбежный. Суть «Крымского прецедента» – впервые со времён окончания Второй мировой войны и закрепления в нормах международного права её геополитических итогов, одно европейское государство установило военный контроль над частью другого европейского государства и включило в свой состав, при этом не закрепив территориальные приобретения ни договором с правительством государства-донора, ни резолюциями Генеральной Ассамблеи ООН, ни двусторонними договорами с лидерами международной системы. Официально либо признали Крым российской территорией, либо заявили о возможности такого признания власти таких стран, как Армения, Боливия, Никарагуа, КНДР, Сирия, Афганистан, Венесуэла, Казахстан, Киргизия, Куба, Судан и Зимбабве.

Выстроенная по итогам Второй мировой войны международная система безопасности к концу XX в. утратила роль стабилизатора межгосударственных связей и регулятора конфликтов, что стало следствием ряда факторов:

- ликвидация военного противовеса НАТО в лице Организации стран Варшавского договора;

- распад СССР, игравшего роль геополитического и геоэкономического противовеса США;

- ослабление категории неприкосновенности государственного суверенитета и легализация практики военного «гуманитарного» вмешательства со стороны стран Запада во внутренние конфликты других стран (Ирак, Югославия, Ливия, Сирия).

В сложившихся условиях стремление идеологов НАТО выстроить новую конфигурацию системы международной безопасности с минимальной ролью России оказалось слишком очевидным. Уступки Западу, которые продолжала делать уже ослабленная демократическая Россия на рубеже XX – XXI вв., и которые можно было трактовать как жесты доброй воли и даже демонстрацию геополитической лояльности (вывод российского миротворческого контингента с территории Косово, Боснии и Герцеговины, ликвидация дальних российских военных баз на Кубе и во Вьетнаме, отказ от национальной космической программы в пользу международной, помощь США в организации антиталибской операции в 2001 г., что позволило войскам НАТО прочно закрепиться в ранее закрытом для них стратегическом регионе Средней Азии), не только не привели к ожидаемому Москвой благосклонному ответу, но возымели противоположный эффект.

Воспользовавшись благоприятной ситуацией, США провели крупнейшее за всю историю расширение блока НАТО, выведя боевые подразделения альянса к российским границами, инициировали начало процесса постепенного вовлечения в НАТО Грузии и Украины. Но самым сильным ударом по принципам международного доверия стал односторонний выход США из Договора об ограничении систем противоракетной обороны. Россия, чьи экономические и научно-технические возможности, в отличие от СССР, были уже несопоставимы с американскими, закономерно расценила этот шаг как предательский. В этой связи «Мюнхенская речь» В.В. Путина [2], удивившая западную элиту своей резкостью в 2007 г., явилась по сути официальным и публичным предупреждением о том, что Россия, если недружественная геостратегическая линия Запада не

изменится, начёт предпринимать контрмеры всеми доступными способами.

Спектр реальных ответов России на действия НАТО мог варьироваться в экономической, военно-технологической, культурно-цивилизационной («мягкая сила» – формирование преимущественного положительного образа России в сознании граждан стран Запада) сферах. Поскольку технологические, экономические и идеологические возможности России, несмотря на её подъём в нулевые годы XXI века, значительно уступали ресурсам оппонента, ответ был выбран в форме перехода к активной геополитической стратегии, меняющей конфигурацию границ сопредельных государств с использованием вооружённой силы.

В августе 2008 г. Россией была проведена операция по принуждению к миру Грузии (стране-претенденту на вступление в НАТО), в результате которой образовалось два независимых государства – Абхазия и Южная Осетия. Характерна стратегия России – в ходе пятидневных боевых действий российская армия нанесла полное поражение вооружённым силам Грузии, углубилась на её территорию и имела возможность начать захват Тбилиси. Но вместо того, чтобы довести военные успехи до стадии, на которой правительство Грузии пойдёт на мирные переговоры с Россией и официально признает новую территориальную конфигурацию, российские власти предпочли прекратить активные действия в одностороннем порядке, отведя войска в пределы Абхазии и Южной Осетии. Подобная стратегия диктовалась опасением необратимо испортить отношения со странами Запада и надеждой, что со временем мировое сообщество де факто свыкнется с новой конфигурацией, а затем де юре признает её.

Однако, очевидно, был проигнорирован успешный опыт западной дипломатии, никогда не признававшей легитимности включения в состав СССР Литвы, Латвии и Эстонии в 1940 г. и затем неожиданно жёстко поставившей этот вопрос перед М.С. Горбачёвым в момент кризиса СССР. Теперь сценарий повторялся. Ни Грузия, оправившаяся от шока военного разгрома, ни подавляющее большинство стран-членов ООН,

суверенитет двух новых акторов мировой политики не признали и Россия, понеся серьёзные репутационные потери, получила «отложенный» территориальный конфликт, который может активизироваться острой фазой в будущем в самое неподходящее для неё время.

В 2014 г. подобная стратегия была реализована Россией в отношении другого претендента на вступление в НАТО – Украины, но в более сложном варианте. На фоне глубокого кризиса государственной власти в Украине, в конце февраля – начале марта комбатанты без опознавательных знаков различия де факто выводят Крымский полуостров из-под контроля Украины, разоружая и вытесняя подчинённые ей воинские гарнизоны. В августе – сентябре, силами местного ополчения при участии российских добровольцев, был нанесён ряд тяжёлых поражений украинской армии уже на территории Донецкой и Луганской областей. Российское руководство в этих условиях всячески отрицает факт своего прямого вооружённого государственного участия в идущих событиях на Юго-Востоке Украины, но включает Крым в состав Российской Федерации по итогам общекрымского референдума. В итоге активная фаза боевых действий (на территории Крымского полуострова активных боевых действий не велось ввиду небоеспособности размещённых там украинских подразделений и невозможности своевременной переброски на полуостров лояльных новой киевской власти сил) прекращается опять же, не через принуждение Украины к признанию факта военного поражения и согласия на новые геополитические реалии в Причерноморском регионе, а по факту того, что один из субъектов конфликта счёл свои цели достигнутыми. Далее Россия заняла выжидательную позицию, закрепившись на новых рубежах и ожидая благоприятных для себя политических изменений в самом Западном лагере, а также в Грузии и Украине [3, с. 578–580; 4, с. 425–427].

Новая стратегия ведения геополитического противоборства, использованная Россией в грузинском и украинском конфликтах, получила условное название «гибридная война», после чего данный термин проник в международную политическую

риторику, а на официальном уровне вошёл к тексты военных доктрин и концепций национальной безопасности. К положительным сторонам данной стратегии можно отнести тот факт, что России удалось сохранить политический диалог и экономическое сотрудничество, пусть в ограничительных рамках, с Западом. К отрицательным сторонам относится рост русофобии не только в риторике политических элит, но и в массовом сознании населения ряда европейских стран [5, с. 24–34]; новый виток гонки вооружений, которую России будет трудно выдерживать в силу экономических и технологических причин, а так же сохранение правовой неопределённости вокруг новых независимых (Абхазия и Осетия) и самопровозглашённых (Луганская и Донецкая Народные Республики) акторов, а также воссоединённых с Россией территорий Крымского полуострова.

Как отмечают российские политологи: «Современная ситуация, в которой оказалась Россия, чрезвычайно сложна, а ставки – запредельно высоки, поскольку высока решимость Запада отстоять своё право на глобальное доминирование и властное дисциплинирование всех прочих, незападных стран» [6, с. 84]. Идёт систематическое, планомерное наращивание американского военного присутствия в Причерноморском регионе, отработка координации действий с другими региональными членами блока НАТО [7, с. 10–11]. В этих условиях России необходимо проявлять сочетание твёрдости политической воли руководства и дипломатическую осторожность, придётся искать новую стратегию, ведущую к мирному урегулированию возникших геополитических споров.

Литература

1. Барановский В.Г. Новый миропорядок: преодоление старого или его трансформация // Мировая экономика и международные отношения. 2019. № 5. С. 7–23.

2. Путин В.В. Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности 10 февраля 2017 года. URL: http://kremlin.ru/events/president/transcripts/24034 (дата обращения: 20.08.2019).

3. Бельских И.Е. Последняя альтернатива Евразии: цивилизация или национальные ценности? // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник. М., 2018. С. 578–580.

4. Харыбин А.Н. Присоединение Крыма к России в 2014 году: геополитический аспект // История и современное развитие Причерноморья в контексте формирования патриотизма и укрепления ценностей российской цивилизации. Материалы Междунар. науч.-практ. конф. Краснодар, 2018. С. 425–427.

5. Лапина Н.Ю. Взгляд на Россию из Европы в свете украинских событий // Мировая экономика и международные отношения. 2015. № 9. С. 24–34.

6. Лапкин В.В., Пантин И.В. Кризис украинской государственности: политико-правовой, ценностный и геоэкономический аспекты // Полис. Политические исследования. 2014. № 5. С. 68–89.

7. Баранов А.В. Геополитическая экспансия НАТО на Чёрном море как угроза национальной безопасности России: новые тенденции // Морская стратегия и политика России в контексте обеспечения национальной безопасности и устойчивого развития в XXI веке Сб. науч. тр. Севастополь, 2018. С. 10–13.

А.В. Баранов, А.А. Плащинский

МЕЖГОСУДАРСТВЕННОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ БЕЛАРУСИ И РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ПРОЕКТОВ ИНТЕГРАЦИИ ЕВРАЗИЙСКОГО ПРОСТРАНСТВА (ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Статья раскрывает институциональный формат и тенденции развития межгосударственного взаимодействия Беларуси и России в контексте проектов интеграции евразийского пространства. Внимание авторов сосредоточено на выявлении геополитических интересов участников интеграции, внешнеполитических рисков и угроз межгосударственного сотрудничества.

Ключевые слова: межгосударственное взаимодействие, проекты интеграции, геополитика, евразийское пространство, Беларусь, Россия.

A.V. Baranov, A.A. Plashchinsky

INTERSTATE INTERACTION OF BELARUS AND RUSSIA IN THE CONTEXT OF PROJECTS OF INTEGRATION OF THE EURASIAN SPACE (GEOPOLITICAL ASPECT)

The article reveals the institutional format and development trends of interstate cooperation between Belarus and Russia in the context of projects for the integration of the Eurasian space. The authors' attention is focused on

identifying the geopolitical interests of integration participants, foreign policy risks and threats of interstate cooperation.

Key words: interstate cooperation, integration projects, geopolitics, Eurasian space, Belarus, Russia.

Межгосударственное взаимодействие Беларуси и России актуально в геополитическом ракурсе, в рамках проектов евразийской интеграции. Важно оценить степень эффективности институтов интеграционного проекта.

Цель статьи – раскрыть институциональный формат и тенденции развития межгосударственного взаимодействия Беларуси и России в контексте проектов интеграции евразийского пространства.

Тема исследована достаточно детально. Ряд авторов (А.С. Владыцкий [1], А.И. Суздальцев [2]) сосредотачивают внимание на российской внешней политике в отношении Беларуси. Интеграционное взаимодействие Беларуси и России анализируется усилиями О.В. Бахловой [3], А.П. Косова [4], Ю.А. Головина и А.Г. Караткевича [5], А.А. Вилкова [6]. В белорусской научной школе тема освещена в трудах И.И. Антоновича [7], А.В. Гусева [8], А.В. Шарапо [9], В. Бобкова [10].

Каковы же цели и институциональные формы интеграции двух государств? Договор 2 апреля 1996 г. провозгласил образование Сообщества РФ и Республики Беларусь [11]. Цель Сообщества определялась как создание политически и экономически интегрированного союза двух государств для объединения их потенциалов. Предусмотрено согласование общих позиций по основным международным проблемам, взаимодействие в обеспечении безопасности, в охране границ и борьбе с преступностью. Ставилась цель создания единого экономического пространства. Обе страны-участницы сохраняли полную государственную независимость.

Основным политическим органом Сообщества был Высший Совет (ВС) в составе глав государств и правительств, руководителей парламентов, председателя Исполнительного комитета. Решения ВС принимались на основе единогласия. Россия и Белоруссия учредили Парламентское собрание из

равного числа депутатов от каждой страны. Орган предназначался для принятия модельных законодательных актов. Для постоянной работы ВС создал Исполнительный комитет во главе с председателем, пост которого занимался на 2 года по принципу ротации. Организованы отраслевые исполнительные ведомства.

Беларусь имеет развитую и диверсифицированную индустрию, наукоёмкие производства. Социальные издержки постсоветских реформ в силу государственного регулирования экономики выражены слабее, чем в РФ. По индексу развития человеческого потенциала Беларусь в 1994 г. занимала самое высокое место среди стран СНГ (60-е в мире), Россия – 71-е место в мире [12, с. 134–135]. В рейтинге 2018 г. Россия поднялась на 49-е место, Беларусь – на 53-е [13]. Кроме экономической взаимодополняемости, большую роль имеет военно-стратегическое партнерство. Белоруссия – форпост реинтеграции евразийского пространства, первый пояс защиты в случае военных угроз. Позиция Белоруссии не позволяет осуществить проект «Балто-Черноморской системы, Междуморья», которая железным занавесом оттеснила бы Россию от европейских коммуникаций. Беларусь – кратчайший транзитный путь к Калининграду.

2 апреля 1997 г. подписан договор о создании Союза России и Беларуси (СРБ) [14]. Первый договор (о Сообществе 1996 г.) продолжал действовать в части, не противоречащей новому соглашению. Среди обновленных качеств интеграции – установление гражданства Союза; движение к добровольному объединению участников; перспектива преобразования Парламентского Собрания в полноценный законодательный орган, избираемый гражданами Союза прямым порядком; признание официального двуязычия СРБ.

Договор 1997 г. не формулировал цели воссоединения в одном государстве. Обе страны сохраняли суверенитет и все атрибуты государственности. По договору 1997 г. принимался Устав СРБ как высший регулирующий акт Союза. Устав подтвердил образование Высшего Совета, Исполнительного комитета и Парламентского собрания СРБ. Их решения

подлежали непосредственному исполнению органами Союза, а также органами исполнительной власти стран-участниц, если нормы СРБ не противоречили национальному законодательству. Полномочия органов СРБ в договоре 1997 г. уточнены и развиты. Если в Высшем Совете паритетные делегации стран голосовали по солидарному принципу «один человек – один голос», то члены Парламентского Собрания (ПС) голосовали единолично. Решение ПС считалось принятым, если за него голосовало большинство от общего состава каждой делегации. Договор 1997 г. нашёл положительный отклик в общественном мнении обеих стран.

Новый этап межгосударственной интеграции достигнут с созданием Союзного государства России и Беларуси по Договору 8 декабря 1999 г. [15]. До сих пор эта форма политико-институционального оформления интеграции является наиболее зрелой из достигнутых. Анализ Договора 1999 г. показал преобладание конфедеративных черт.

Ст. 1 Договора определила смысл Союзного государства как «нового этапа в процессе единения народов двух стран в демократическое правовое государство».

Ст. 2 перечисляла цели Союзного государства. Среди них важны: создание единого экономического пространства на основе рыночной экономики; проведение согласованной внешней и оборонной политики; формирование единой правовой системы; проведение согласованной социальной политики; обеспечение безопасности. Подчеркивается миролюбивый и демократический характер целей Союзного государства. Согласно ст. 5, оно является светским, демократическим, социальным и правовым. В нём признаются политическое и идеологическое многообразие.

Договор 1999 г. закрепил длительный поэтапный процесс объединения. Ст. 2 п. 3 гласит, что вопрос о принятии Конституции Союзного государства будет рассмотрен «по мере становления» СГРБ. Эта задача не решена и сейчас. Предполагалось, что временный Конституционный акт, а позже – Конституция Союзного государства будет одобрена его Парламентом и национальными легислатурами обеих стран, а затем – вынесена на всенародный референдум в обеих республиках.

Если Сообщество и Союз России и Беларуси были международно-правовыми региональными объединениями, в которых обе участницы сохраняли независимость, то Союзное государство предполагает конституционно-правовой статус интегративного образования. Его институты планировалось вводить постепенно. Черты конфедерации по договору 1999 г. таковы:

1. Право выхода страны-участницы из Союзного государства по итогам национального референдума.

2. Россия и Беларусь сохраняют самостоятельное участие в ООН и других международных организациях. СГРБ не является членом СНГ и Евроазиатского экономического сообщества, не обладает абсолютной международной правосубъектностью.

3. Союзное государство не обладает суверенитетом, в отличие от стран-участниц. Договор ведёт речь о согласованной, а не единой внешней, оборонной и социальной политике.

4. Конституционные нормы России и Беларуси сохраняют верховенство над нормативно-правовыми актами СГРБ (ст. 60 и 61 Договора). Акты Союзного государства не могут противоречить действующим Конституциям обеих стран.

5. Органы Союзного государства, кроме Палаты представителей, формируются типичным для конфедерации способом – путём кооптации ex officio глав государств, правительств, министров, парламентариев.

6. Общая армия не создаётся; возможно формирование совместной группировки войск.

7. Область совместного ведения стран-участниц и Союзного государства (ст. 18 Договора) означает тесную координацию без взаимной передачи суверенных прав. К этой области относятся: внешняя политика; вопросы обороны и безопасности; права и свободы человека; социальная сфера; развитие науки, культуры, образования и охраны окружающей среды.

Сфера исключительного ведения Союзного государства (ст. 17 Договора): выработка и проведение единой экономической политики; установление правовых основ общего внутреннего рынка; регулирование хозяйственной деятельности; проведение единой денежно-кредитной, валютной, налоговой, ценовой,

инвестиционной и таможенно-тарифной политики; единые транспортные и энергетические системы; пограничная служба.

Высший орган Союзного государства – Высший Государственный Совет (ст. 34 Договора). В его состав входят главы государств и правительств, руководители палат парламентов стран-участниц. Посты Президента и вице-президента СГРБ не предусмотрены. В заседаниях участвуют также руководители союзных органов – Председатели Палат Парламента СГРБ, Председатель Совета министров, Председатель суда СГРБ. Высший Государственный Совет формируется по принципу равного представительства. Его возглавляет один из глав государств-участников на основе ротации. Его декреты, постановления и директивы считаются актами прямого действия. Среди функций ВГС назначение выборов в Палату Представителей Парламента СГРБ, утверждение международных договоров, образование исполнительных органов Союзного государства, утверждение годового бюджета СГРБ.

Парламент Союзного государства (ст. 38–40 Договора) является представительным и законодательным органом (характерно умолчание о статусе высшего законодательного органа). Палата Союза состоит из 36 членов от России и 36 от Беларуси, делегированных палатами обоих парламентов стран. Члены Палаты Союза работают на непостоянной основе. Госдума РФ приняла закон о делегировании российских депутатов: 24 чел. – от Госдумы, 12 – от Совета Федерации. Они будут избираться тайным голосованием в своих палатах [16]. Палата Представителей Парламента СГРБ состоит из 75 депутатов от России и 28 от Беларуси. Они избираются на основе всеобщего тайного голосования. Порядок выборов обеих палат определяют национальные законы каждой из стран [17].

Высший орган исполнительной власти Союзного государства – Совет министров. В его состав входят: Председатель СМ; Государственный Секретарь; главы национальных правительств; руководители отраслевых и функциональных органов Союзного государства; министры иностранных дел, экономики и финансов стран-участниц. Внутри Совета Министров создан Постоянный

комитет из числа лиц, предложенных национальными правительствами. Ни одна из стран не вправе иметь более 2/3 состава Постоянного комитета [18]. Он координирует работу органов управления СГРБ и их взаимодействия с национальными органами власти. Создаются отраслевые исполнительные органы СГРБ: Пограничный комитет, Комитет по вопросам безопасности и др.

Судебная власть Союзного государства представлена Судом СГРБ. Он состоит из 9 чел. (не более 5 чел. от каждой страны). Полномочия Суда – в основном конституционные: обеспечивать единообразное толкование и применение законодательства СГРБ; решать споры между государствами-участниками, их высшими органами власти, национальными и союзными органами; споры по договорам Союзного государства.

Намеченная Договором 1999 г. система институтов Союзного государства нуждается в позитивном развитии. Необходимо прояснить цели интеграции, чётко определить её методы и формы.

Общественное мнение обеих стран поддерживает интеграцию на равноправной и взаимовыгодной основе, как установлено в исследованиях С.А. Голубева и А.В. Рубанова [19; 20]. По данным Института социально-политических исследований РАН, в 2001 г. положительно относились к укреплению Союза 71% россиян, отрицательно – 7%, безразлично – 21%. В Беларуси сторонников интеграции было 50–55%, противников – около 30% [12, с. 132]. На апрель 2019 г., по исследованию ВЦИОМ, идею полного объединения двух государств поддержали 18% опрошенных в России, а 75% назвали двусторонние отношения дружественными и добрососедскими [21]. Опрос Института социологии НАН Беларуси (2018 г.) доказал, что развитие отношений с РФ в формате Союзного государства воспринимается самым востребованным приоритетом внешней политики страны (47,6%), а поддерживает вступление в Евросоюз 16,5% белорусов. Но 53,3% опрошенных в РБ считают, что сотрудничество должно развиваться в отдельных сферах при сохранении независимости стран; 12,6% одобряют принятие

единой конституции, валюты и избрание единого руководителя Союзного государства [22].

Интеграция сталкивается с серьёзным противодействием как прозападной оппозиции, так и части элит обеих стран [23]. Влиятельные сегменты элит походят к интеграции прагматически, на основе критериев краткосрочной эффективности. Белорусская сторона против поглощения своей денежной единицы, превращения Центробанка РФ в единственный эмиссионный банк. Предлагается ввести параллельную валюту в безналичной форме, создать наднациональный центральный банк. Эти предложения неприемлемы для российских элит, которые заинтересованы в «поглощении» белорусской экономики. Переговоры сторон переместились из политической в экономическую плоскость – вокруг цен на поставки газа и нефти, участия российского бизнеса в приватизации и инвестировании экономики. Введение единой валюты отложено. Разработка Конституционного акта СГРБ затягивается на неопределенный срок.

Итак, исследование институциональных форм интеграции Беларуси и России приводит к выводу об их недостаточной эффективности. Геополитическими угрозами для интегративного проекта являются: регионализация евразийского пространства; его разделение на сферы влияния между внешними центрами силы (ЕС, США, Китай); ослабление роли РФ в интеграционных проектах. Главным условием успеха интеграции двух стран остаётся самостоятельный геополитический проект развития, который будет эффективен только на основе самостоятельной цивилизационной идентичности.

Список литературы

1. Владыцкий А.С. Геополитическая стратегия Российской Федерации на постсоветском пространстве: интеграционный вектор: дис. ... канд. полит. наук. М., 2017.

2. Суздальцев А.И. Формирование российской политики в отношении Белоруссии // МЭиМО. 2009. № 3. С. 64–74.

3. Бахлова О.В. Политические механизмы и технологии российско-белорусской интеграции: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. М., 2007.

4. Косов А.П. Союзное государство Беларуси и России в 1999 – 2018 гг.: геополитический аспект // Постсоветские исследования. 2018. Т. 1, № 6. С. 537–549.

5. Караткевич А.Г., Головин Ю.А. Процесс интеграции Российской Федерации и Республики Беларусь в рамках союзного государства // Вестник Костром. гос. ун-та им. Н.А. Некрасова. 2014. № 6. С. 290–296.

6. Вилков А.А. Политические перспективы Союзного государства России и Республики Беларусь в контексте многовекторности их отношений // Изв. Саратов. ун-та. Новая серия. Серия Социология. Политология. 2014. Т. 14, вып. 3. С. 66–70.

7. Антонович И.И. Беларусь в глобальном мире. Диалектика становления и интеграции. Минск, 2014.

8. Гусев А.В. Национальная безопасность Беларуси и России: актуальные аспекты в контексте строительства Союзного государства // Беларуская думка. Мінск, 2010. № 12. С. 28–33.

9. Шарапо А.В. Республика Беларусь в контексте геополитики XXI века: сборник статей. Минск, 2012.

10. Бобков В. Стратегические интересы: поиск баланса: взгляд из Минска на среднесрочные перспективы белорусско-российских отношений // Беларуская думка. Мінск, 2009. № 4. С. 56–63.

11. Российская газета. 1996. 4 апр.

12. Качалов В.В. Союзное государство и кризис славянской цивилизации // Россия: центр и регионы. М., 2002. Вып. 9. С. 134–135.

13. Индекс человеческого развития стран мира. 2018 г. URL: https://gtmarket.ru/ratings/human-development-index/human-development-index-info (дата обращения: 02.08.2019).

14. Российская газета. 1997. 4 апр.

15. Договор от 8 декабря 1999 года о создании Союзного государства России и Беларуси // Российская газета. 2000. 29 янв.

16. Михалева Н.А. Правовые проблемы создания Союзного государства России и Беларуси // Государство и право. 2002. № 6. С. 16.

17. Драчевский В. Россия и Белоруссия создают союзное государство // Международная жизнь. 2000. № 1. с. 20–26.

18. Михалева Н.А. Указ. соч. С. 17.

19. Голубев С.А. Российско-белорусская интеграция и регионы // Регионы как субъект политики и общественных отношений. М., 2001. С. 18–38.

20. Рубанов А.В. Беларусь после президентских выборов // Россия в условиях трансформаций. М., 2001. С. 124.

21. Стало известно отношение граждан России к объединению с Беларусью. URL: https://eurasia.expert/stalo-izvestno-otnoshenie-grazhdan-rossii-k-obedineniyu-s-belarusyu/ (дата обращения: 02.08.2019).

22. Воробьёв П. Восприятие белорусской молодежью союза с Россией меняется – социологи. URL: https://eurasia.expert/vospriyatie-soyuznogo-gosudarstva-molodezhyu-belarusi-menyaetsya-belorusskiy-sotsiolog/ (дата обращения: 02.08.2019).

23. Цуканова А. Chatham House: для Беларуси наступил переломный момент. URL: https://www.fondsk.ru/news/2018/12/24/chatham-house-dlja-belarusi-nastupil-perelomnyj-moment-47345.html (дата обращения: 02.08.2019).

В.Г. Когут, Г.Н. Нурышев

СЕВАСТОПОЛЬ В НОВОЙ ГЕОПОЛИТИКЕ

В статье отмечается, что на место биполярной геополитики приходит геополитика нового уровня с такими геополитическими доктринами, как концепция многополярного распределенного Хартленда. В рамках этой концепции Севастополь как важнейший геополитический узел России представляет ярко выраженный распределенный land power.

Ключевые слова: асимметричная биполярность, распределенный Хартленд, геополитический статус, геополитический код, мягкая сила.

V.G. Kogut, G.N. Nuryshev

SEVASTOPOL IN THE NEW GEOPOLITICS

The article notes that in place of bipolar geopolitics comes a new level of geopolitics with such geopolitical doctrines as the concept of a multipolar distributed Heartland. Under this concept, Sevastopol as the most important geopolitical hub of Russia represents a pronounced distributed land power.

Key words: asymmetric bipolarity, distributed heartland, geopolitical status, geopolitical code, soft power.

В настоящее время происходит смена геополитической картины мира. Данной теме сегодня посвящено немало работ. Так, по мнению исследователя А. Роджерса, на первый план выходят геополитические игры с ненулевой суммой вместо прежних игр с нулевой суммой. Меняется направление экономики со спекулятивного на производственный характер. Приходит конец доминированию доллара. Страны всё больше переходят на расчёты в национальных валютах. В пятёрку крупнейших банков мира входят четыре китайских и лишь на пятом месте оказывается американский. Правила международной

политики начинают меняться, ослабевает англосаксонское доминирование. В экономике начинает усиливаться влияние государства [1].

Поэтому не случайно один из американских исследователей Б. Джонс пишет: «В международных делах мы вступаем в новую фазу, оставив позади короткий период всеобъемлющего американского господства. Над многими из текущих перемен Америка сегодня уже не властна». По его мнению, основу меняющейся мировой системы составляет «асимметричная биполярность (США – КНР), а вокруг нее вращается текущая экономическая многополярность», в результате чего идет «активная переоценка крупнейшими экономиками мира их отношений безопасности с Соединенными Штатами» [2]. Все это, полагает Б. Джонс, сопровождается необъявленной гонкой вооружений между Соединенными Штатами и Китаем. Он считает, что масштабное явление новой геополитики, новой «большой игры» соперничающих друг с другом мировых держав, приведет «либо к ситуации напряженной стабильности, либо к более драматичной и, вероятно, насильственной перестройке международных отношений» [2].

На место биполярной геополитики (геополитики 1.0), как считают аналитики, приходит геополитика нового уровня (геополитика 2.0) [3]. Новая геополитика, не отрицая основные постулаты классической геополитики, привносит в исследовательскую базу новые идеи и подходы в связи с формированием многополярного мира. По-прежнему сохраняется базовый дуализм между цивилизациями Суши и Моря, верны постулаты Х. Маккиндера, Н. Спайкмена и других классических геополитиков. Однако формирование многополярного мира оказывает влияние на появление новых доктрин. Среди них следует выделить концепцию многополярного распределенного Хартленда как парадигмы геополитики 2.0.

Россия сегодня уже не может только одна выполнять функцию Хартленда. Функция Хартленда распределяется между несколькими государствами и регионами. Так, другим Хартлендом может рассматриваться континентальная Европа как независимое, но дружественное России явление. Отсюда

представляет интерес возможный дружественный альянс Париж–Берлин–Москва. Но одностороннее провозглашение континентальными государствами себя land power вопреки России всегда ведет к вооруженному конфликту, о чем свидетельствуют примеры в истории. Доверительные отношения между государствами в случае распределенного Хартленда приобретают принципиальное значение. В связи с этим, концепция распределенного land power как типа культуры может быть распространена на Китай, Индию, Турцию, Пакистан. Так, если объединить российский военный потенциал с китайским экономическим, то появляется многополярный, распределенный Хартленд, база для геополитики 2.0. В дальнейшем она может быть распространена и на американский и африканский континенты.

Не случайно тезис Д. Трампа «make America great again» –это фактически тезис американского land power [4]. Отсюда в атлантических США Д. Трамп объективно является носителем континентального начала. А в континентальной России Г. Греф является гораздо большим либералом и атлантистом, чем Д. Трамп. Такие примеры можно бы продолжить. В одних и тех же странах и регионах существуют распределенные цивилизации Моря и Суши. Получается, что предметом геополитики 2.0. является противоборство не одной страны против другой, а двух уровней, противодействующих сил – land power против sea power внутри страны, общества и цивилизации. Так, геополитика 2.0 формируется сегодня на глазах [3].

В связи с этим следует отметить, что Севастополь, важнейший геополитический узел России на Черном море больше, чем любой российский город на юге, представляет ярко выраженный распределенный land power. Это особенно проявляется в поворотные страницы истории России. «Кто владеет Севастополем, тот владеет Крымом; кто владеет Крымом, тот владеет Черным морем». Эти слова приписывают и графу Потемкину, и адмиралу Нахимову. Не случайно Севастополь переводится как «город славы». Именно поэтому городу больше других пришлось воевать, защищать страну. Геополитически удобное расположение Севастополя позволяет Черноморскому

флоту решать практически любые стратегические задачи. В постсоветское время в обществе не проявлялось такого особо трепетного отношения к Севастополю. Но геополитические коды города как land power поставили его во главе Русской весны 2014 г., когда этническая энергетика превратилась в общецивилизационную, вызвав пассионарный взрыв, породивший мощнейший геополитический эффект. На фоне особого геополитического значения Черноморского флота началась общенародная «альтернативная революция», когда в тот короткий исторический момент интересы элиты и интересы народа сошлись вместе. Именно land power города дал шанс людям с идейно чистыми порывами направить общество на внутреннее развитие для подъема геополитического статуса государства [5].

Сегодня бассейн Черного моря и прилегающие к нему территории превратились в одну из самых конфликтных регионов в мире, и Севастополь снова оказался на перекрестке геополитического противоборства. Геополитические конфликты на территории бывшего СССР, в Балканах, Курдистане, Ближнем Востоке определяют сегодня характер глобальной геополитики. Через Черное море, Босфор и Дарданеллы проходит кратчайший путь из Хартленда в другие распределенные land power, в Средиземное море, Индийский океан и другие геостратегические регионы.

Не случайно генсек НАТО Й. Столтенберг признает, что блок мечтал превратить Севастополь в свою военно-морскую базу, Крым – стратегический плацдарм НАТО против России [6]. Именно поэтому страны НАТО, и прежде всего, США, стремятся, вопреки конвенции Монтре обеспечить свое постоянное военное присутствие в Черном море, создав Черноморскую эскадру НАТО с участием стран региона. Принимаются меры по модернизации вооружённых сил причерноморских стран НАТО и созданию в Болгарии, Румынии, Грузии и на Украине постоянных военных баз, учебно-тренировочных центров, инфраструктуры управления вооружёнными силами блока [7, с. 12]. Несмотря на определенное улучшение отношений с Россией, Турция в регионе проводит непоследовательную политику.

Кроме того, она по Конвенции Монтре 1936 г. по-прежнему имеет односторонний контроль над проливами Босфор и Дарданеллы. Но следует отметить, что Турция, со другой стороны, не одобряет более масштабное присутствие НАТО в Черном море, так как это ограничивает ее собственное военно-морское влияние в регионе [8].

Чтобы отразить экспансию НАТО в Причерноморье, Россия вынуждена активно модернизировать Черноморский военно-морской флот и создать полноценную межвидовую группировку сил, сбалансированную по родам войск и своим возможностям. Вынужденной и асимметричной ответной мерой геополитического соперничества стала возможность размещения ядерного оружия, постоянного нахождения в Восточном Средиземноморье эскадры Черноморского флота РФ, создания военно-морской базы в сирийском Тартусе и временных стоянок российских кораблей в ряде стран региона [9, с. 12]. Учитывая все это, Россия вынуждена активно модернизировать свой Черноморский военно-морской флот, демонстрировать свои возможности в Средиземном море. Операции России в Сирии укрепили положение и возможности военно-морской базы в Тартусе, положили начало создания зон безопасности в Средиземноморском регионе при критической поддержке с Черного моря.

Севастополь выступает в роли распределенного land power не только как основная база Черноморского флота, которая находится практически «над» географическим центром Черного моря. Севастополь выступает в этой роли и с точки зрения геополитики «мягкой силы». Не случайно, Президент РФ В.В. Путин уверен, что Севастополь с его героическим прошлым является для всей страны одним из ярких образов и символов Великой Победы [10]. С другой стороны, с возвращением Крыма, Севастополя и Херсонеса в Россию вновь переместился сакральный центр российского геополитического кода [11].

Поэтому сюда тянутся люди не только из нашей страны, но и многих стран мира. Так, активно развивает с Севастополем культурно-гуманитарное и экономическое сотрудничество и КНР. Так, Ялтинский международный экономический форум

помогает возобновлению сотрудничества между Севастополем и Даляном из северо-восточной провинции Ляонин. С каждым годом растет число китайских туристов, посещающих город Севастополь [12].

Таким образом, сегодня роль Севастополя в новой геополитике как распределенного land power весьма многогранна. В настоящее время она незаменима в деле повышения геополитического статуса России.

Список литературы

1. Роджерс А. Обозначились контуры нового мира. URL: https://planet-today.ru/geopolitika/item/109586-oboznachilis-kontury-novogo-mira (дата обращения: 02.08.2019).

2. Джонс Б. Новая геополитика. Америка полностью утратила свою состоятельность. URL: https://centrasia.org/newsA.php?st=1513336020 (дата обращения: 03.08.2019).

3. Дугин А. Мы переходим к новой геополитике. URL: https://izborsk-club.ru/1752 (дата обращения: 02.08.2019).

4. Дугин А. Распределенный Хартленд – императив новой геополитической модели, многополярной геополитики. URL: https://centrasia.org/newsA.php?st=1551949620 (дата обращения: 02.08.2019).

5. Краснов В., Межуев Б. Крымские уроки Русской весны. URL: https://www.ritmeurasia.org/news--2019-03-18--krymskie-uroki-russkoj-vesny-41637 (дата обращения: 04.08.2019).

6. В России ответили на заявление Столтенберга о возвращении Крыма. URL: https://www.ritmeurasia.org/news--2019-08-07--v-rossii-otvetili-na-zajavlenie-stoltenberga-o-vozvraschenii-kryma-44203(дата обращения: 04.08.2019).

7. Баранов А.В. Позиционирование участников международных отношений в Причерноморье в 2016–2017 гг. // Причерноморье история, политика, культура. Серия В. Международные отношения. М.; Севастополь, 2018. № XXV (VIII). С. 7–15.

8.Петров В.П. Геополитическое значение Крыма // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2018. Vol. 20. № 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/geopoliticheskoe-znachenie-kryma (дата обращения: 05.08.2019).

9. Баранов А.В. Изменения геополитического баланса сил в Причерноморье в условиях воссоединения Крыма с Россией // Геополитика и экогеодинамика регионов. Симферополь, 2018. Т. 4 (14). Вып. 2. С. 5–18.

10. Путин В. Севастополь является одним из символов Победы. URL: https://www.ritmeurasia.org/news--2014-04-11--sevastopol-javljaetsja-odnim-iz-simvolov-pobedy-otmechaet-v.putin-12225 (дата обращения: 06.08.2019).
11. Аксёнов А., Проханов А. Крым как судьба. URL: https://izborsk-club.ru/16778 (дата обращения: 03.08.2019).
12. КНР в 2019 году активизирует культурное и экономическое взаимодействие с Крымом URL: https://www.ritmeurasia.org/news--2019-03-18--knr-v-2019-godu-aktiviziruet-kulturnoe-i-ekonomicheskoe-vzaimodejstvie-s-krymom-41644 (дата обращения: 06.08.2019).

С.И. Анчев

РУМЫНИЯ И МОЛДОВА ПОСЛЕ 2014 ГОДА

События последних пяти лет для черноморских стран отмечены политическими, экономическими, национальными, языковыми и даже религиозными кризисами. Основной их движущей силой являются интересы сегодняшних великих сил (выраженных в формате, отличном от недавнего прошлого) в их беспрерывной борьбе за власть, финансовое превосходство и ресурсы.

Ключевые слова: Румыния, Молдова, Украина, Россия, США, ЕС.

S.I. Anchev

ROMANIA AND MOLDOVA AFTER 2014

The events of the last five years for the Black Sea countries have been marked by political, economic, national, linguistic and even religious crises. The main driving force behind them is the interests of today's great powers (expressed in a format different from the recent past) in their constant struggle for power, financial supremacy and resources.

Key words: Romania, Moldova, Ukraine, Russia, USA, EU.

В конце XX в. Запад победил в 45-тилетней холодной войне. Вопреки оптимизму М.С. Горбачева и ожиданиям западников и доморощенных демократов в странах восточного блока, война продолжилась. После любой войны действует правило «горе побежденным». За 30 лет США зарекомендовали себя как единственное государство – лидер среди победителей в ресурсной войне. После 1991 г. в течение почти 10 лет Россия, наследница разрушенного Советского Союза, превратилась в страну третьего класса в международной политике. И М.С. Горбачев, и

Б.Н. Ельцин в своей политике были поощрены Западом в их хаотических либеральных реформах. По словам З. Бжезинского, конец холодной войны (или, как с удовольствием говорят на Западе, «капитуляция СССР») был зафиксирован в 1990 г. в Париже. По его мнению Договор об конвенциональном оружии, подписанный 19 ноября 1990 г. 22 странами, является окончательной победой для некоторых стран и поражением для других. Для одного из «отцов» западной пропаганды мирное взаимопонимание превращается в «победу» и «капитуляцию», а перехваленный перестройщик М.С. Горбачев «подписал условия победителей» [5]. На самом деле среди победителей не очень ласково относятся к последнему советскому руководителю, у которого большой вклад в распад восточного блока. Самым обобщенным мнением о нем является заключение Питера Свитцера в конце его книги, посвященной «распаду СССР»: ...Иронично то, что современная история приписывает Михаилу Горбачеву главную заслугу в завершении периода холодной войны. Очень любопытное развитие – побежденные получают больше признания, чем победители» [9, с. 266]. После прихода на пост Президента В.В. Путина ситуация изменилась, не в соответствии с планами США о мировом господстве. Менее чем за 20 лет Россия восстановила позицию СССР как великой державы в международных отношениях.

В 1990-е годы, после разрушения Югославии и превращения других балканских государств в протектораты США, Вашингтон продолжил свою политику приближения к границам России. Для США очевидно, что, несмотря на их неофашизм и русофобию, страны Балтии не являются раздражателем для России. Попытка поссорить и противопоставить Анкару Москве также закончилась безуспешно. Иное государство с длинной границей с Россией, в которой зародившиеся русофобия и неофашизм после 2004 г. постепенно и решительно поддерживались, – это Украина. У Вашингтона две цели: отрывание Украины от союза с Россией и превращение ее в врага России, а также превращение её черноморской территории и портов в удобное место для баз США [6, с. 122–123]. Крым также включен в эти планы, где Севастополь и Новороссийск являются удобными местами для

военных баз США, и оттуда превращение Черного моря в военную зону США с угрозой для России. Этому могло помешать подписанное в апреле 2010 г. российско-украинское соглашение о продлении срока базирования российского Черноморского флота на 25 лет, а также интенсивные экономические связи [6, с. 124–127]. Вопрос Черноморского флота в российско-украинских отношениях поднимался очень часто после распада СССР. Были подписаны соответствующие соглашения, регулирующие этот вопрос работой смешанных комиссий. [7, с. 385–390]. Прекращение такой общей политики дает основание США и их союзникам (и их сателлитам на сегодняшний день) из ЕС поощрять неофашизм и русофобию в Киеве и крупных городах Украины.

Кроме как на востоке с Россией, в северной части Черноморского региона, Украина связана границами с Румынией и Молдовой, которые также в различной степени являются балканскими государствами. После декабрьских событий 1989 г. в Румынии, страна становится самым верным протекторатом Соединенных Штатов на Балканах. Хорошо оценивая ее стратегическое географическое положение для военного контроля на Балканах, в Черноморском регионе, на Кавказе, а также в регионах Ближнего и Среднего Востока, эта политика поощряется, США поддерживают эту ее политику. Как и остальные балканские страны, Румыния находится на перекрестке православия, католицизма и ислама, что, в свою очередь, является соблазнительным для западной политической культуры. В 1994 г. она присоединяется к программе «Партнерство ради мира», а 29 марта 2004 г. становится членом НАТО. Воодушевленный вступлением его страны в альянс, президент Бэсеску описывает ее будущее как «плацдарм для распространения демократических ценностей в Черноморском регионе». В декабре 2005 г. Румыния является первым государством в бывшем Восточном блоке, подписавшим договор о размещении баз США на своей территории. Это дает возможность для 650 км военного контроля НАТО в восточном направлении [1, с. 117, 120–122; 2, с. 141, 147]. Шесть лет спустя

был подписан договор о размещении вооружения для противоракетной обороны от России [4, с. 69–70].

После законного возвращения Крыма с территории бывшей УССР в Россию неудивительно, что Румыния занимает явно твердую антироссийскую позицию. Президент Т. Бэсеску и премьер-министр В. Понта через представителей Румынии на Западе поддерживают все проголосованные в 2014 г. резолюции ООН, Парламентскую ассамблею Совета Европы (ПАСЕ) против референдума в Крыму и возвращения полуострова в Россию. Бухарест присутствует во всех обвинениях и инициативах Запада о санкциях против Москвы.

В период между двумя мировыми войнами, в составе Малой Антанты, Румыния и Польша объединились против СССР, а во Второй мировой войне Румыния была союзником нацистской Германии. В этой войне она теряет более 650 тыс. солдат и офицеров под Сталинградом. Во времена правления Н. Чаушеску Румыния отнюдь не являлась верным союзником СССР. Во внешней политике она лавировала между Китаем, арабским миром, США и западными странами.

В настоящее время оба президента Румынии Т. Бэсеску и К. Йоханнис являются убежденными верноподданными политики, проводимой США. Это особенно ясно наблюдается за последние пять лет. После 2014 г. румынские чиновники настаивают на увеличение военного присутствия США и НАТО в Румынии и Черноморском регионе [4, с. 69–74].

За последние 30 лет отношения между Румынией и Молдовой (бывшая Советская Республика Молдавия) могут быть определены, в самом широком смысле, как многообразные или сложные. Они варьируют от открытой враждебности на границе конфликта до взаимного сотрудничества. Кризис в Украине после марта 2014 г. вызвал тревогу в Молдове, связанную с сохранением ее территориальной целостности. События связанные с Приднестровьем и автономным районом Гагаузия также являются поводом для беспокойства. Позиция Кишинева в отношении кризиса на Украине неоднозначна. События, связанные с Крымом, совпадают с просьбой приднестровских властей к Москве присоединить их тоже к России. 16 апреля

2014 г. за эту идею официально проголосовал Верховный Совет Тирасполя [4, с. 76]. Следует отметить, что в конфликте значительным является участие Румынии. Конечно, будет некорректно пропустить значение российского и украинского факторов [3, с. 155–158; 8, с. 158–164]. Румыния прилагает много усилий, чтобы одновременно продемонстрировать как свою озабоченность, так и территориальные претензии к Молдове. В выступлении в канун наступающего 2014 г. президент Т. Бэсеску открыто заявил, что Молдова является румынской территорией, что она была насильственно, политическим путем, отнята... и призывает/обещает присоединить ее к Румынии. Шесть месяцев спустя Бухарест первым ратифицировал соглашение между ЕС и бывшими советскими республиками Украиной, Молдовой и Грузией об их ассоциации с организацией. С 2001 года в приднестровском конфликте участвуют не только страны, упомянутые выше, но и ЕС. Первоначально его деятельность была невелика, поскольку в политическом и военном отношении он был причастен к событиям в Боснии и Герцеговине, отправив туда военную миссию в 2003 г. В то же время США вмешиваются путем введением запрета на выдачу виз лидерам Приднестровской Молдавской Республики (ПМР). Вашингтон и Брюссель выступят против тех, кого поддерживает Россия. В начале 2014 года кризис усилился в связи с событиями в Украине, после чего последовали взаимные обвинения России и Германии в дестабилизации региона [10, с. 31–38].

События последних пяти лет для черноморских стран были отмечены политическими, экономическими, национальными, языковыми и даже религиозными кризисами. Некоторые из них начинаются в начале указанного периода, иные начались до этого. Независимо от того как рассматриваются события, упомянутые выше, основными движущими силами в них являются интересы сегодняшних великих держав (выраженных в формате, отличном от недавнего прошлого) в их постоянной борьбе за власть, финансовое превосходство и ресурсы.

Список литературы

1. Биткова Т.Г. Евро-атлантический выбор как фактор геополитики: случай Румынии // Восточная Европа в современной геополитике. М., 2008. С. 117, 120–122.

2. Биткова Т.Г. Румыния и ближайшие соседи: контакты и региональные проекты // Восточная Европа в современной геополитике. М., 2008. С. 141, 147.

3. Леонтьева О.В. Политические элиты Молдовы и Приднестровья в современном политическом процессе // PolitBook. Чебоксары, 2014, № 2. С. 155–158.

4. Михайлова А. Румъния и украинската криза: в търсенето на нова стратегическа роля // Украинската криза и Балканите. Парадигма. 2017. С. 69–70.

5. Мяло К.Г. Россия и последние войны XX века (1989–2000). К истории падения сверхдержавы. М., 2002.

6. Пашковский П.И. Интеграционная политика России на постсоветском пространстве (1991–2011 г.). Киев, 2012. С. 122–123.

7. Пашковский П.И. Проблема Черноморского флота в российско-украинских отношениях (1991–2014 г.): ретроспективный анализ // Научные ведомости Белгород гос. ун-та. Сер.: История. Политология. 2019. Т. 46, № 2. С. 385–390.

8. Ростовецкая Т.В. Украина в приднестровском урегулировании (1992–2014) // Управленческое консультирование. СПб., 2015. № 2. С. 158–164.

9. Суайцър П. Победа. Тайната стратегия на Рейгън за разбиване на СССР. София, 1999. С. 266.

10. Троицкий Е.Ф. Политика Европейского союза в отношении Приднестровского конфликта (1992–2015 гг.) // Сибирские исторические исследования. Томск, 2016. № 3. С. 31–38.

З.З. Бахтуридзе

ОРГАНИЗАЦИЯ ЧЕРНОМОРСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА: ДОСТИЖЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В статье рассматриваются основные этапы формирования интеграционного объединения. Отмечены трудности реализации целей Организации черноморского экономического сотрудничества, обозначены ее достижения и перспективы.

Ключевые слова: региональная интеграция, Организация Черноморского экономического сотрудничества (ОЧЭС), политическая стабильность.

Z.Z. Bakhturidze

ORGANIZATION OF THE BLACK SEA ECONOMIC COOPERATION: ACHIEVEMENTS AND PROSPECTS

The article discusses the main stages of the formation of an integration association. Difficulties in realizing the goals of the Organization of the Black Sea Economic Cooperation are noted, its achievements and prospects are outlined.

Key words: regional integration, Organization of the Black Sea Economic Cooperation (BSEC), political stability.

Процесс формирования основных измерений интеграционного объединения отражается в таких понятиях как «интеграционная система», которая представляет собой политико-институциональный аспект интеграции и «интеграционный комплекс», где происходит акцентуация пространственно-территориальных масштабов и границ интеграции. Политические интеграционные объединения различаются по базовым принципам и методам функционирования, но вместе с тем, все интеграционные проекты подчеркивают необходимость поиска сотрудничества для решения тех или иных трудностей и достижения значимых для всех участников целей.

Одной из таких интеграционных групп является Международная Организация Черноморского экономического сотрудничества (ОЧЭС).

Как известно, инициатива создания регионального форума для развития экономического сотрудничества в Черноморском регионе была выдвинута в 1990 г., тогда же, в Анкаре состоялась первая встреча представителей Советского Союза, Турции, Румынии и Болгарии. После распада СССР изменились статус и роль Черноморского региона во внешней политике государств-участников, изменилось и количество участников. По мнению научного сотрудника Центра партнерства цивилизаций ИМИ МГИМО(У) МИД России, регион «стал рассматриваться в качестве своеобразного коридора, обеспечивающего экономические и транспортные альтернативные пути в Европу, Центральную Азию и Кавказ» и «важную роль в интенсификации

региональной кооперации было призвано сыграть активное участие всех стран региона в ОЧЭС» [1, с. 43].

Декларация о Черноморском экономическом сотрудничестве и «Босфорское заявление», регламентирующие деятельность ОЧЭС, были подписаны изначально главами 11 стран региона. Это Албания, Армения, Азербайджан, Болгария, Грузия, Греция, Молдова, Россия, Турция, Украина и Румыния, а в 2004 г. к ним присоединилась ещё и Сербия, увеличив количество членов до 12 (из 12 участников только 6 имеют выход к Черному морю).

Анализируя уставные документы ОЧЭС [2] [3] становится очевидно, что создание данной организации должно было помочь причерноморским государствам преодолеть те противоречия и конфликты, которые возникли после крушения СССР. Следует отметить, что целью организации провозглашалось повышение уровня включенности государств-участников в мировую экономику и обеспечение мира и стабильности в регионе посредством добрососедских отношений. Среди основных направлений сотрудничества причерноморских государств выделялись транспорт и коммуникации, энергетика, наука и технология, туризм, стандартизация и сертификация товаров и т.п. В качестве приоритетных задач организации были отмечены: поддержка бизнеса, расширение торговли, обеспечение сотрудничества в производстве и распределении энергоресурсов и т.п. [4, с. 27].

Нормативно значимым этапом в процессе создания организации стало подписание Устава в Ялте в июне 1998 г. В рамках ОЧЭС созданы и функционируют Парламентская ассамблея (ПАОЧЭС), Бизнес-совет, Постоянный международный секретариат, Международный центр Черноморских исследований, 18 отраслевых групп, Черноморский Банк Торговли и развития. Статус наблюдателя в рамках ОЧЭС имеют: Австрия, Беларусь, Германия, Египет, Хорватия, Чехия, Франция, Израиль, Италия, Словакия, Тунис и США.

Анализ деятельности ОЧЭС демонстрирует наличие целого ряда неразрешенных вопросов, снижающих ее эффективность, несмотря на цели и устремления членов организации повысить

уровень регионального сотрудничества. Среди основных проблем в первую очередь следует выделить политические противоречия и этнические конфликты, существующие в регионе. Очевидно, что давние и далекие от разрешения Карабахский и Приднестровский конфликты, сложное состояние армяно-турецких отношений, периодически актуализирующаяся российско-грузинская конфронтация, разрушительный российско-украинский кризис серьезно усложняют возможности выстраивания политического диалога. Другая проблема, которая «тормозит экономическую и политическую интеграцию в рамках ОЧЭС» [5, с. 4] связана с нехваткой у многих участников финансирования для реализации проектов ОЧЭС. Ко всему прочему, весомую роль играет тот факт, что страны-участницы имеют различные взгляды на международную политику, что привело к выбору соответствующих направлений развития: от прозападного вектора (большинство членов) до евразийского (Россия, Армения). Следует также подчеркнуть, что Турция, Греция, Румыния, Болгария являются членами Североатлантического Альянса, в то время как Россия и Армения – члены Организации Договора о коллективной безопасности.

Уровни их участия и статусы в других интеграционных объединениях также различны. В частности, Греция, Болгария и Румыния являются членами Европейского Союза, Турция, Албания, Сербия – пока лишь кандидаты на вступление в него, а Азербайджан, Армения и Грузия сотрудничают с ЕС в рамках программы «Восточное партнерство».

На эффективность деятельности Организации Черноморского экономического сотрудничества отрицательно влияют основные правила принятия решения в рамках ОЧЭС (принцип консенсуса и право вето), которые по причине многочисленных политических противоречий, замедляют процесс интеграции региона.

Впрочем, определенные достижения имеются. В частности – «Меморандум о взаимопонимании по скоординированному развитию скоростной Кольцевой Черноморской автомагистрали», подписанный в 2007 г. и ратифицированный годом позже. Данный проект предусматривал «развитие и интеграцию

региональных транспортных коридоров в мировую транспортную систему» [6, с. 207]. Кольцевая автомагистраль вокруг Черного моря длиной более 7 тыс. км дорог призвана была объединить национальные автомобильные сети Греции, Албании, Грузии, Азербайджана, Болгарии, Молдавии, Турции, Румынии и России и должна была способствовать региональному экономическому сотрудничеству. Непримиримые позиции стран-участниц по определению статуса некоторых территорий, привели к торможению осуществления проекта согласно намеченному плану, что позволило говорить о его возможной нежизнеспособности. Однако, надежды на его реализацию не совсем угасли, как и надежды на то, что экономические интересы могут помочь преодолеть политические препятствия.

Развивается сотрудничество в сфере энергетики. Завершено обобщение энергетических стратегий стран-членов ЧЭС. Это важный практический шаг для разработки совместных проектов, одним из которых является создание Черноморского электроэнергетического кольца. Его реализация могла бы способствовать формированию регионального рынка электроэнергии.

Большой потенциал для совместной работы содержит «Меморандум о взаимопонимании по развитию морских магистралей в регионе Черного моря», целью которого было обозначено создание и развитие необходимой инфраструктуры для осуществления морских коммуникаций между Черным, Средиземным и Каспийским морями. В рамках ОЧЭС была создана Черноморская комиссия для предотвращения и уменьшения загрязнения Черного моря и контроля состояния морской среды.

По мнению Михаэля Христидиса, тот факт, делегаты в рамках различных рабочих групп встречаются десятки раз в год, чтобы обсудить представляющие взаимный интерес вопросы, показывает ценность ОЧЭС как платформы для культурного диалога и взаимопонимания» [7].

Важно подчеркнуть, что и ЕС, и ЕАЭС проявляют интерес к Черноморскому региону и деятельности ОЧЭС. В частности, согласно заявлению министра иностранных дел России Сергея

Лаврова, заключение между ОЧЭС и ЕАЭС меморандума о взаимопонимании пошло бы на пользу двум этим организациям.

Очевидно, что стремление стран-участниц ОЧЭС преодолеть политические проблемы путем экономического сотрудничества пока не дает необходимых результатов. Однако, несмотря на незначительное количество реализованных программ в рамках организации, а также низкую результативность торгово-экономического сотрудничества, организация имеет определенный потенциал в качестве поля для политико-экономического диалога, что уже можно считать шагом по выстраиванию долгосрочных двусторонних и многосторонних отношений, к поиску общих интересов и интеграции региона.

Список литературы

1. Эшба Э. Региональное сотрудничество на Черном море: достижения, проблемы, перспективы // Вестник МГИМО–Университета. 2013. № 6(33). С. 42–48.

2. Summit Declaration on Black Sea Economic Cooperation. Istanbul, 25 June 1992. URL: http://www.bsec-organization.org/documents/declaration/summit/reports/istanbul1992.pdf (accessed: 05.09.2019).

3. The Bosphorus Statement [Electronic resource]. Istanbul, 25 June 1992. URL: http://www.bsec-organization.org/documents/declaration/summit/Reports/Bosphorus%201992.pdf (accessed: 05.09.2019).

4. Гончаренко С.Н. Черноморское экономическое сотрудничество: первые 25 лет. М., 2018.

5. Бабашина А.С., Никитина М.Г. ОЧЭС: Тенденции, проблемы, перспективы // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Экономика и управление. Симферополь, 2015. Т. 1 (67). № 3. С. 3–10.

6. Гриневецкий С.Р., Жильцов С.С., Зонн И.С. Геополитическое казино Причерноморья. М., 2009.

7. Из Черного моря черпают политику // Коммерсантъ. № 232. 15.12.2018 // https://www.kommersant.ru/doc/3833007 (дата обращения: 11.09.2019).

В.Н. Рябцев

УКРАИНА КАК ТИПИЧНАЯ «СТРАНА – ЛИМИТРОФ»: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

В статье выявлены историко-географические причины и проявления слабой интеграции Украины как государства, украинской нации как этнического и гражданского сообщества. Автор анализирует политико-географическое творчество И.П. Лысяк-Рудницкого, В.Д. Малинковича и С.Б. Переслегина. Сделан вывод о неустранимости цивилизационных, этнических и конфессиональных противоречий между регионами Украины: Донбассом, Слобожанщиной, Гетманщиной, Югом, Западом. Подчёркивается искусственность пребывания Крыма в Украинской ССР и независимой Украины (1954 – февраль 2014 гг.), а также особая роль Закарпатья и Буковины в рамках Запада страны. Автор приводит статистические и социологические данные, подтверждающие невозможность в рамках демократии обеспечить внутреннюю интеграцию Украины.

Ключевые слова: «страна – лимитроф», Украина, исторические регионы, цивилизационные и политические противоречия.

V.N. Ryabtsev

UKRAINE AS A TYPICAL «COUNTRY - LIMITROPH»: HISTORY AND CONTEMPORANEITY

The article reveals historical and geographical reasons and manifestations of weak integration of Ukraine as a state and Ukrainian nation as an ethnic and civil community. The author analyzes the political and geographical creativity of I.P. Lysyak-Rudnitsky, V.D. Malinkovich and S.B. Pereslegin. On this basis, the conclusion was drawn that the civilizational, ethnic and confessional contradictions between such regions of Ukraine as Donbass, Slobozhanshchina, Hetmanshchina, South, and West are unavoidable. The artificiality of the Crimea's stay in the Ukrainian SSR and independent Ukraine (1954 – February 2014), as well as the special role of Transcarpathia and Bukovina within the Western part of the country, is underlined. The author cites statistical and sociological data confirming the impossibility within the framework of democracy to ensure Ukraine's internal integration.

Key words: "country – limitrof", Ukraine, historical regions, civilizational and political contradictions.

Геополитический ретроспективный анализ пространства Украины весьма актуален. Перманентный кризис Украины после

правления президента Л.Д. Кучмы (1994–2004 гг.), проводившего осторожную многовекторную политику, можно понять, только учитывая расположение Украины на перекрестке социокультурных влияний, в контексте цивилизационных взаимодействий.

Цель исследования – доказать неустранимость цивилизационных, этнических и конфессиональных противоречий между историко-культурными регионами Украины, что делает неэффективным государственное строительство и конструирование украинской нации (как в этническом, так и в гражданском смыслах).

«Страна – лимитроф» – это термин, сложившийся в геополитических и международных исследованиях начала XX в. Первоначально он применялся к созданным в результате Версальского договора 1919 г. слабым, «буферным» государствам Восточной Европы, основной смысл создания которых для Антанты был в изоляции России и поощрении этнического сепаратизма. В теоретическом аспекте лимитрофное государство – это объект, а не субъект мировой геополитики как вследствие слабости своих ресурсов влияния, так и «нищеты духа» – отсутствия самостоятельных геостратегических проектов. Такие страны в итоге своей этнической, языковой, религиозной, экономической дезинтегрированности, а также отсутствия исторической традиции национальной государственности, обречены быть «полем битвы» между субъектами геополитики. Часто само существование и поддержание на плаву лимитрофов возможно только в итоге международной, экзрегиональной «подпитки». Стремясь сохранить свою власть, элиты стран – лимитрофов обычно проводят этнократический курс, искусственно конструируя национальное единство – как в государственном, так и в этнокультурном смыслах.

Чтобы не быть обвиненными в украинофобии, сошлёмся на работы самих украинских специалистов – классика исторической мысли, работавшего в основном в США и Канаде, «либерального консерватора», как он себя называл, И.П. Лысяк-Рудницкого (1919–1984) [1], а также известного современного политолога В.Д. Малинковича [2]. Оба они (один много раньше, другой – в

наше время) приводят системные данные, которые убедительно доказывают территориальную неоднородность Украины, её многосоставной облик.

С точки зрения и И.П. Лысяк-Рудницкого, и В.Д. Малинковича Украина является страной, глубоко расколотой в цивилизационном отношении. Основной раскол, который пересекает всю Украину, проходит по диагонали «Харьков – Днепропетровск – Одесса». Он делит территорию страны на две части, одну из которых условно можно назвать «польской Украиной», а другую – «русской Украиной», составной частью «Русского Мира» [3].

Достаточно обратиться не к мифологизированным и политизированным нынешними украинскими авторами [4], а к объективным научным исследованиям, касающихся этно/лингво-территориальной и конфессиональной неоднородности современной Украины, чтобы подтвердить точку зрения И.П. Лысяк-Рудницкого и В.Д. Малинковича.

Что касается «русской Украины» (к востоку от Днепра, а также всего Причерноморья – то есть Юга Украины в современной терминологии), то с самого начала массового заселения её территории общественный порядок здесь был общероссийским. Достаточно сказать, что до революции 1917 г. 90% всех сёл Новороссии управлялось общинами, в противоположность индивидуальным хозяйствам Гетманщины [5, с. 43–44]. Именно на востоке и юге Украины в XIX в. началась интенсивная урбанизация и индустриализация. В больших городах, с их гимназиями и университетами, с самого начала доминировал русский язык. Историческая специфика повлияла и на ментальность восточных украинцев, и на их отношение к России, связи с которой в этих краях (с середины XVII в. на востоке и с конца XVIII в. на юге) никогда не прерывались.

С «польской Украиной» (к западу от Днепра и к северу от Одесской области) всё непросто. Под польской короной эта территория как целостный ареал находилась лишь до 1667 г. Позже история разделила эту территорию как минимум на три региона, в каждом из которых по сей день сохраняются свои традиции, особая ментальность населения, специфическое

отношение ко многим проблемам страны, включая вопросы её внешнеполитической ориентации.

Первый регион – земли Гетманщины, занимающие северо-восточную часть Украины от Днепра до «русской Украины», т.е. до нынешних Сумской и Харьковской областей. Сначала эти земли (Киевская, Черниговская, Черкасская, Полтавская, Кировоградская области) находились в вассальной связи с Русским централизованным государством, а затем стали самоуправляющейся частью Российской империи на период до 1785 г. Причём часть региона к востоку от Днепра стала российской ещё в итоге успешных для великого князя Василия III войн первой четверти XVI в., и их временное пребывание в Польше (1605–1667 гг.) было лишь следствием Смутного времени, вскоре преодоленным. На этой территории сохранялись малороссийская автономия и традиции, не было общинного землевладения, а крепостное право утвердилось одновременно с ликвидацией Гетманщины. Больших городов здесь намного меньше, чем в «русской Украине» (по сути, только Киев, а населением на порядок меньше – Чернигов и Полтава). Ментальность жителей этого региона, несомненно, отлична от ментальности населения Слобожанщины (нынешней Харьковской и Сумской областей), Донбасса, а также Юга (Одесской, Николаевской и Херсонской областей), с одной стороны, и Правобережной Украины – с другой.

Второй регион – это земли Правобережной Украины, входившие в состав Польши до ее второго раздела и ставшие только в 1795 г. частью Российской империи, а в 1921 г. – Советского государства. К ним относятся нынешние Винницкая, Житомирская, Черкасская, Тернопольская области. Во многом поведение жителей этого региона напоминает поведение левобережных украинцев. Но здесь бóльше, чем на востоке, концентрация малых городов и, соответственно, шире распространена «местечковая» психология. Крестьяне здесь, прежде чем познакомиться с крепостным правом по-русски, узнали, что такое крепостное право по-польски. А это не могло не сказаться на ментальности правобережных украинцев.

Третий регион включает в себя земли Галиции и Волыни, жители которых неоднократно меняли свое подданство. От Древней Руси эти земли отделились еще в XII в. Галиция с середины XIV в. она пребывала в составе Польши. С 1596 г. там утвердилась греко-католическая (униатская) церковь, признающая приоритет западного христианства над восточным. После первого раздела Польши в 1772 г. регион перешел в управление австрийской короны. При этом многочисленные русофильские слои населения, считавшие себя русинами, а не украинцами, подверглись в 1914–1918 гг. жестокому геноциду со стороны австро-венгерских властей [6, с. 116–117]. По сути, «украинская» идентичность и украинофильство были сконструированы австрийскими и германскими спецслужбами на протяжении XIX – начала XX вв., для чего оказывалась массированная поддержка сепаратистских течений в малороссийской историографии и публицистике (М. Грушевскому и проч.) [7]. После советско-польской войны 1919–1921 гг. Галицию вновь захватила Польша. Итак, вплоть до прихода Красной армии в сентябре 1939 г. Галиция всецело пребывала в лоне католической Европы, и её жители воспитывались в яростной ненависти к всему русскому, что резко противопоставило их остальным областям Малороссии. Традиции, обряды и уклад жизни галичан разительно отличаются от таковых в «русской Украине» и демонстрируют радикальную приверженность «западной цивилизации». Русский язык и русская культура для многих поколений галичан стали чуждыми. К православию относились враждебно, поддерживать братские отношения с Россией («клятыми москалями») не желали.

Во многом подобна судьба Волыни. Правда, в 1795 г. Волынь перешла от ликвидированной Речи Посполитой в состав Российской, а не Австрийской империи. Но в результате Рижского договора 1921 г. она вновь принудительно передана в состав Польши.

Своя история у типично лимитрофных и весьма специфичных в этнокультурном отношении регионов, как Северная Буковина, где всегда было сильным влияние соседней Румынии, и Закарпатья («Закарпатской Руси»). В последнем из

двух регионов при наличии заметного культурно-политического влияния России (особенно заметным оно было в элитах местных русин) традиционно сильным было также влияние Венгрии. Составной частью Венгерского королевства эти земли были в течение многих столетий, с XIII в. до 1919 г. [8]. Но ни Буковина, ни Закарпатье, где в постсоветский период набирал силу умеренный национализм русин и крепли сецессионистские настроения, большого влияния на судьбу Украины не оказывают. В этих регионах проживает сравнительно небольшой процент жителей Украины.

Наконец, Крым, который после всех экспериментов советской номенклатуры с «Советской Калифорнией» и депортации крымских татар в 1944 г., по недоразумению попал в 1954 г. в состав Украинской ССР и оставался в составе «незалежной» Украины до 27 февраля 2014 г. Это весьма специфическая – пусть и не такая полиэтничная, как во времена Российской империи, но весьма гетерогенная региональная «площадка». Данный регион является зоной «наложения» двух цивилизационных «плит» – русской (православной) и совершающей на наших глазах палингенез (повторное образование) тюркской, представленной крайне активным крымско-татарским сегментом регионального сообщества, который в 1990-х–2000-х гг. резко исламизировался [9].

Какое отношение всё это имеет ко дню сегодняшнему? Самое прямое. Достаточно присмотреться к результатам всех парламентских и президентских выборов в Украине, начиная с 1999 по 2012 гг., чтобы сделать вывод: они продолжали делить страну по обозначенной выше линии. Например, на выборах депутатов Верховной Рады в 2002 г. западные и центральные области страны поддержали блок «Наша Украина», а южные и восточные – Коммунистическую партию Украины. Причём граница между двумя политическими ареалами была весьма контрастной и чётко выраженной территориально. На президентских выборах 2004 г. (первый тур) соседние области вдоль линии раскола «Харьков – Одесса» имели полярно противоположные голосования. Так, в Одесской области поддержали В. Януковича 67,6% участников голосования, а в

соседней Винницкой 75,9% голосовали за В. Ющенко; в Харьковской области 70,3% были за Януковича, а в Полтавской – 60,9% за Ющенко [10, с. 16–17; 11, с. 129–132]. Это означает, что единой украинской нации нет. С приходом к власти В. Ющенко и победой «оранжевой» коалиции (2005 г.) у некоторых политиков и экспертов сложилось впечатление, что украинская идея начала успешно продвигаться с запада на восток. Возникли иллюзии насчет того, что такого рода продвижение позволит в скором времени объединить всю Украину [12, с. 336–460]. Но опыт показал, что это оказалось не так. Одностороннее доминирование «западенцев» и их желание обеспечить трансфер западных идей как можно дальше на восток стало не объединением Украины, а не более чем навязыванием ценностей ориентиров и идеологических схем (с резкой переориентацией на «интегральный национализм» в духе Д. Донцова и К°) меньшинства населения остальным жителям страны. И, к сожалению, все политические силы Украины (за исключением коммунистов) поддержали с усердием русофобию.

Сказанное ярко подтверждается результатами всех выборов на Украине, начиная с парламентских весной 2006 г., когда в стране возник острейший политический кризис, и заканчивая парламентскими выборами осенью 2012 г. – последними, проходившими в относительно демократических условиях. Глубокий территориальный раскол Украины по линии «Харьков – Днепропетровск – Одесса» проявлялся во всех кампаниях, причём он совпадал с делением территории страны на ареал преимущественного повседневного употребления русского языка и украинского языка (с учётом диалектов) [13, с. 239–240, 279]. Электоральная карта Украины вплоть до выборов Президента и Верховной Рады в 2014 г., проходивших в условиях гражданской войны и жестоких репрессий против пророссийской оппозиции, запрета Коммунистической партии Украины и Партии регионов [14; 15], свидетельствовала о том, что:

а) Украина как страна была и остается чрезвычайно гетерогенным образованием (и в этнокультурном, и лингвистическом, и в конфессиональном отношении); численно доминирующее «украинское» население не является этнонацией

и состоит из субэтнических, языковых и конфессиональных групп, имеющих взаимоисключающие исторические традиции и представления о своём политическом идеале;

б) будучи формально субъектом международного права с легитимными границами, которые она (тогда как одна из союзных республик СССР) получила в 1945 г. от И.В. Сталина, Украина не может обеспечить в достаточной мере законность и порядок на подконтрольной территории;

в) по большинству признаков, определяющих состояние государственности, т.е. институциональной эффективности и дееспособности государственной системы, Украина являет собой «failed state» («провалившееся государство»). И будет ли когда-нибудь создано нормальное национальное государство Украина (в нынешних границах и с составом населения, тяготеющим к ориентированным контрастно в цивилизационном и политическом отношении центрам силы) – большой вопрос.

Резюмирует состояние дел точная оценка С.Б. Переслегина, который, говоря о современной Украине, пишет так: «…хотя она и обладает соответствующей атрибутикой, пока ещё не в полной мере является государством. При определённом стечении обстоятельств, она может стать им через несколько поколений. Сейчас речь должна идти, скорее, о «массогабаритной» модели: у Украины ещё нет ни своей уникальной цивилизационной миссии, ни определенного места в мировой системе разделения труда». Наконец, важный аспект, на который обращает внимание С.Б. Переслегин: «Исторически Украина никогда не была субъектом международных отношений. Попытки современного руководства республики возвести родословную своей государственности к Киевской Руси могут вызвать только грустную улыбку» [16, с. 177–178].

Майданное движение на Украине (ноябрь 2013 – февраль 2014 гг.), представлявшее собой форму поэтапного, «затяжного» государственного переворота, привело к власти праворадикальные, последовательно антироссийские и антирусские организации. Ненасильственный протест в южных и восточных областях Украины, за исключением Донбасса, был подавлен киевским режимом и праворадикальными боевиками.

Длительная гражданская война, развязанная киевским режимом в Донбассе, привела к поляризации политических и этнолингвистических ориентаций в украинском обществе. Этнотерриториальная мозаичность украинских областей во многом подавлена репрессиями. Территория, на настоящий момент контролируемая властями Украины, принудительно интегрируется на основе принципов жёсткой русофобии, унитаризма («державности») и стремления к евроассоциации [17, с. 54–64]. В то же время, межрегиональные различия и противоречия интересов никуда не исчезли. Они сохраняются в латентной форме и вырвутся в пространство публичной политики при сколько-нибудь серьёзном ослаблении киевского авторитарного режима.

Таким образом, Украина является типичным примером лимитрофных, глубоко расколотых цивилизационными и историко-культурными размежеваниями, стран. Трагедия украинского общества в том, что данные размежевания устойчивы и конвертируются в политический раскол страны, а недальновидная политика элит страны сделала Украину заложницей прозападного геополитического выбора.

Удел таких стран, как Украина – вечные метания, маятниковые движения между большими и (главное!) «органическими» государствами, между мощными и устойчивыми центрами силы и влияния; между крупными народами, образующими «ядра» особых цивилизаций/субцивилизаций. Любой интегративный проект (неважно, идет ли он с Востока – от России или исходит от Запада – ЕС или США) означает конец этого искусственного государства, конец и без того условной «нэзалежности» Украины.

Литература

1. Лысяк-Рудницкий И.П. Между историей и политикой. М.; СПб., 2007.

2. Малинкович В.Д. Украинская перспектива // Международное право и реалии современного мира. Приднестровская Молдавская Республика как состоявшееся государство. Тирасполь, 2006. С. 189–191.

3. Малинкович В.Д. Украинская перспектива // Политический класс. 2006. № 1 (13). С. 60–71.

4. Донбас і Крим: ціна повернення / за заг. ред. В.П. Горбуліна, О.С. Власюка, Е.М. Лібанової, О.М. Ляшенко. Київ, 2015.

5. Малинкович В. О причинах «оранжевой революции» в Украине // «Оранжевая революция». Украинская версия. М., 2005. С. 29–63.

6. Пашаева Н.М. Очерки истории русского движения в Галичине XIX–XX вв. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2007.

7. Украинский сепаратизм в России. Идеология национального раскола / сост. М.Б. Смолин. М., 1998.

8. Шевченко К.В. Славянская Атлантида: Карпатская Русь и русины в XIX – начале XX вв. М., 2010.

9. Рябцев О.В. Крымско-татарское национальное движение: современное состояние и перспективы развития. Ростов н/Д, 2007.

10. Атлас з історії України (1939–2005 рр.). 11 клас / упоряд. Д. Ісаєв, О. Мартиненко, О. Гісем. Київ, 2009.

11. Украина 2012: как выбирали народных депутатов. Украинские выборы глазами международных наблюдателей / редкол.: А. Кочетков, А. Семёнов, С. Бышок, О. Верник, Д. Ефимов. М., 2012.

12. Партійна система сучасної України: еволюція, тенденції та перспективи розвитку: (Матеріали міжнар. наук.-практ. конф. 24–25 листопада 2011 г. / редкол.: В.М. Гесць, О.С. Онищенко, Ю.А. Левенець та ін. Київ, 2012.

13. Жильцов С.С. Украина: 20 лет пути к независимости. М., 2012.

14. Про результати виборів Президента України. Протокол Центральної виборчої комісії 25 травня 2014 року. Примірник № 1. URL: http://www.cvk.gov.ua/info/protokol_cvk_ 25052014.pdf

15. Хоменко С. Кто, где и за кого: география парламентских выборов. URL: https://www.bbc.com/ukrainian/ukraine_in_russian/2014/10/141030_ru_s_electoral_geography

16. Переслегин С.Б. Самоучитель игры на мировой шахматной доске. СПб., 2006. С. 177–178.

17. Лапкин В.В. Проблемы национального строительства в полиэтнических постсоветских обществах: украинский казус в сравнительной перспективе // Полис. 2016. № 4. С. 54–64.

П.И. Пашковский

СООТНОШЕНИЕ ФАКТОВ ПРИСОЕДИНЕНИЯ КРЫМА К РОССИИ И ПЕРИОДОВ РОССИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИОННОЙ АКТИВНОСТИ

В статье рассмотрена проблема соотношения фактов присоединения и потери Крыма с периодами российской интеграционной активности и государственного могущества. Показано, что Крым часто находился в центре процессов, определявших степень интеграционной активности и государственного могущества России.

Ключевые слова: Россия, Крым, присоединение, интеграционная активность, государственное могущество.

P.I. Pashkovsky

RELATIONSHIP FACILITIES OF CRIMINAL ACCESSION TO RUSSIA AND PERIODS OF RUSSIAN INTEGRATION ACTIVITY

The article considers the problem of correlation of the facts of accession and loss of the Crimea with the periods of Russian integration activity and state power. It was shown that the Crimea was often at the center of the processes that determined the degree of integration activity and state power of Russia.

Key words: Russia, Crimea, accession, integration activity, state power.

Утверждением, претендующим в процессе обоснования называться тенденцией, является тезис о положительных для России последствиях вхождения в ее состав Крыма. В частности, крымские исследователи С.Н. Киселёв и Н.В. Киселёва ещё в 1994 г. отмечали, что «возрожденной России для обеспечения своих интересов в Европе рано или поздно придется всё же потребовать возвращения Крыма в её состав», после чего «неминуемо восстановится ее сильная внешняя политика и начнется обратное движение от рубежей предательства к рубежам победы» [1, с. 33–34]. В мае 2014 г., размышляя о причинах и последствиях «Крымской весны», С. Киселев писал: «Геополитический выигрыш России в результате возвращения Крымского полуострова более чем очевиден. Еще в XVIII веке была сформулирована такая максима – кто владеет Крымом, тот контролирует Черное море и Северное Причерноморье. В

настоящее время этот регион – один из геостратегических и геоэкономических узлов на мировой политической карте». «Для России возвращение Крыма в ее состав, – акцентировал он, – есть первый шаг на пути восстановления ее миродержавного значения, возвращения статуса супердержавы» [2].

Целью данной статьи является осуществление ретроспективного анализа соотношения фактов присоединения и потери Крыма с периодами интеграционной активности и государственного могущества России.

Наиболее комплексный и функциональный вариант хронологии периодов могущества и упадка российской государственности был представлен А. Уткиным: «…Страна распадалась и исчезала в 1237, 1612, 1918 гг., она стояла на краю гибели в 1709, 1812, 1941 гг., но восставала в 1480, 1613, 1920, 1945 гг. И этот национальный код невозможно изменить, он не только живет в массовом представлении, он составляет его сущность, являясь основой национальной психологической парадигмы» [3, с. 138–139]. Обосновывая указанную периодизацию, исследователи отмечали цикличность трансформации государственного пространства, выделяя периоды стабильного развития и экспансии (1480–1605, 1613–1812, 1815–1918, 1920-1941, 1945–1991 гг.), а также ослабления и фрагментации (1237–1480, 1605–1613, 1812–1815, 1918–1920, 1941–1945 и с 1991 г. по настоящее время) [4, с. 190; 5, с. 78]. Эти утверждения можно использовать в качестве образца для последующего анализа.

Крым, Кубань и Таманский полуостров вошли в состав Российской империи в 1783 г. в период усиления ее интеграционной активности и государственного могущества. В том же году, согласно Георгиевскому трактату, обеспечивалось присутствие русских войск в Грузии и в дальнейшем ее присоединение к России. К концу века укрепились российские позиции в Бессарабии и Закавказье. Далее империя была ослаблена Отечественной войной 1812 г., победа в которой и последующее присоединение польских земель (Царства Польского) открывает очередной период могущества, продолжавшийся более ста лет [6, с. 61]. Впоследствии Россия

сумела присоединить обширный район Кавказа (от Черного до Каспийского моря), начав (пока средствами торговли и дипломатии) наступление на Центральную Азию [6, с. 112]. Во второй половине XIX века произошло последнее крупное территориальное приобретение империи – завоевание Центральной Азии [7].

Кратковременный период потери Крыма был обусловлен событиями Первой мировой войны, революции и Гражданской войны, которые определили ослабление и дезинтеграцию империи в 1918–1920 гг. В ноябре 1920 г. красная армия прорывает оборону белогвардейцев на Перекопе и захватывает Крымский полуостров. Относительная внутриполитическая стабильность была достигнута после образования СССР [8].

Выполняя условия секретного протокола к советско-германскому Договору о ненападении (от 23 августа 1939 г.), СССР занял ряд европейских территорий: земли Западной Украины, Западной Белоруссии, Бессарабию и Северную Буковину; советские войска были введены в Латвию, Эстонию, а затем и Литву, которые в 1940 г. вошли в состав Союза. Следствием советско-финской войны явилось присоединение к СССР ряда финских владений [9].

Но Великая Отечественная война внесла коррективы в этот процесс. Территориальная целостность государства нарушена вторжением войск нацистской Германии. В период 1941–1944 гг. Крым находился в условиях немецкой оккупации. Весной 1944 г. полуостров был освобожден войсками советской армии. Примечательно, что в августе 1944 г. в состав Советского Союза вошла Тува. А послевоенный передел мира позволил СССР к территории уже существующих пятнадцати республик присоединить Восточную Карелию (Печенга), часть Восточной Пруссии, Закарпатскую Украину, Курильские острова и Южный Сахалин [10].

Дезинтеграция Советского Союза в 1991 г. и образование пятнадцати новых независимых государств обозначили начало современного периода в развитии как российской интеграционной политики, так и в целом евразийского

пространства [11]. Крымская автономия вплоть до марта 2014 г. находилась в составе Украины.

Таким образом, ретроспективный анализ продемонстрировал, что присоединение Крыма к Российской империи в конце XVIII в. осуществлялось в рамках периода усиления ее интеграционной активности и государственного могущества, в дальнейшем способствуя укреплению российских позиций в регионе Северного Причерноморья и в целом на Черном море. Подобное позитивно отражалось на интенсификации интеграционных устремлений России в европейском и азиатском направлениях, вследствие чего произошло значительное увеличение имперской территории. Показательно, что периоды, связанные с временной потерей Крыма (1918–1920, 1941–1944, 1991–2014 гг.), происходили на фоне общего ослабления и дезинтеграции Российского государства. При этом возвращение полуострова в его состав (1920–1941, 1944–1991 гг.) способствовало началу очередного этапа усиления интеграционной активности и государственного могущества России.

Приведенные исторические доказательства дают основания утверждать, что положительные для интеграционной активности и государственного могущества России последствия вхождения в ее состав Крыма являются тенденцией, то есть устойчивым соотношением характеристик, определяющих вероятность развития событий в конкретном направлении и позволяющих на их основе проводить аналогии и строить прогнозы.

Итак, следуя историческому опыту, присоединение Крыма к России приводило к усилению ее геополитического присутствия в Черноморском регионе, интенсификации интеграционной активности и увеличению имперской территории. Потери полуострова были связаны с периодами дезинтеграции и ослабления государства, а его возвращение в состав России открывало новый этап ее интеграционной активности и государственного могущества, что позволяет, проводя исторические параллели, говорить о возможности повторения подобной ситуации после событий 2014 г. в новых условиях и, вероятно, с несколько иными последствиями.

Список литературы

1. Киселёв С.Н., Киселёва Н.В. Размышления о Крыме и геополитике. Симферополь, 1994.
2. Киселев С.Н. Циклы геополитической истории Причерноморья и «Малая игра». URL: http://www.kr-eho.info/index.php?name=News&op=article&sid=9606 (дата обращения: 23.04.2018).
3. Уткин А.И. Мир после сентября 2001 года. М., 2002.
4. Пашковский П.И. Внешнеполитическая традиция России: основные характеристики // Научные ведомости Белгород. гос. ун-та. Сер.: История. Политология. 2016. № 15 (236). С. 188–192.
5. Пашковский П.И. Россия на международной арене: взгляд в будущее // 1917–2017: Россия в поисках будущего / науч. ред. И.И. Кальной. Симферополь, 2018. С. 73–92.
6. История России: В 2 т. Т. 2: С начала XIX века до начала XXI века / А.Н. Сахаров, Л.Е. Морозова, М.А. Рахматуллин и др.; под ред. А.Н. Сахарова. М., 2003.
7. Глущенко Е.А. Россия в Средней Азии. Завоевания и преобразования. М., 2010.
8. Казанцев Ю.И. Международные отношения и внешняя политика России (XX век). Ростов н/Д, 2002.
9. Политическая история России / отв. ред. В.В. Журавлёв. М., 1998.
10. Moss W.G. A History of Russia. Vol. 2. Since 1855. N.Y., 1997.
11. Пашковский П.И. Интеграционная активность России: проблемы периодизации // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2015. № 10–3 (60). С. 149–152.

К.А. Говорухина, Т.Е. Телятник

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ ИСТОРИИ ПРИЧЕРНОМОРЬЯ: СОВРЕМЕННОЕ ПОНИМАНИЕ ПРОБЛЕМЫ

В статье говорится о геополитических изменениях карты мира и об особенностях нового мирового порядка. Авторы статьи отмечают исторические и современные проблемы Причерноморья как важного геостратегического региона. Анализируется значимость присоединения Крымского полуострова к России.

Ключевые слова: Причерноморье; Крымский полуостров; международные отношения; мировой порядок; баланс сил; геополитические интересы; политические акторы; история и современность.

K.A. Govorukhina, T.E. Telyatnik

GEOPOLITICAL CHALLENGES OF THE HISTORY OF THE BLACK SEA: MODERN UNDERSTANDING OF THE PROBLEM

The article deals with geopolitical changes in the world map and the features of the new world order. The authors note the historical and modern problems of the Black sea region as an important geostrategic region. The importance of joining the Crimean Peninsula to Russia is analyzed.

Key words: Black sea region; Crimean Peninsula; international relations; world order; balance of power; geopolitical interests; political actors; history and modernity.

Особенности современной геополитической картины мира объясняют необходимость согласованной стратегии, которая была бы направлена на создание концепции порядка внутри различных регионов и на взаимное увязывание этих региональных порядков. Концепция баланса сил предполагает такие условия, при которых бы ни одна держава не являлась бы доминирующей в регионе, но геополитические вызовы говорят об обратном. Если в каком-то регионе мира одна страна приобретет доминирование в военном отношении и это обернется установлением порядка, то возможно возникнет кризис во всем остальном мире [1, с. 482].

Концепция нового мирового порядка направлена на переоценку геополитических интересов государств. Но в практическом применении согласовать геополитические интересы одного актора с позициями других действующих акторов в конкурентной среде всегда тяжело. Для этого необходим поиск геостратегических союзников в целях дальнейшего обеспечения безопасности и политической стабильности региона.

Отметим, что за последнее десятилетие произошли важные изменения геополитического статуса Причерноморского региона. На сегодняшний день в Причерноморском регионе можно выделить два основных политических актора, соседствующих и взаимодействующих между собой – это Россия и Турция. История взаимоотношений нашей страны с Турцией насчитывает

свыше пяти веков, это насыщенный, сложный и неоднозначный период.

Достаточно предположить, что Турция может «закрыть» пролив Босфор, как множество государств одновременно лишатся важнейшей транспортной артерии. Выходит, что для беспрепятственного использования «черноморского коридора» приходится иметь дружественные отношения с Турцией. Впервые о такой «дружбе» еще в XVI в. говорил Пьер Жиль – посол Франции в Османской империи.

Участвуя в войнах и затевая их на трёх континентах в XVI в. Османская империя находилась на пике своего могущества. Время неумолимо меняло позиции и могущество постепенно утрачивалось. По окончанию российско-османских войн XVIII в., за Россией закрепился статус морской державы. В 1783 г. осуществилось присоединение Крыма к России. Для противостояния Европе России необходимы были крупные морские порты. Европа, в свою очередь, заметив морское усиление Российской империи, поддержала Турцию во время Крымской войны 1853–1856 гг.

Во второй половине XX в., кода начался период «холодного» противостояния между СССР и США, Турции необходимо было определиться с вектором своего развития. До настоящего дня вектор этот напоминает маятник, колеблющийся от Запада к России и обратно.

Как геополитический регион Причерноморье — это кольцевая структура, объединяющая государства, которые расположены на берегах Чёрного и связанного с ним Азовского морей. И государства эти имеют общность не только географического положения, но и комплекс проблем, связанных с различными цивилизационными аспектами [2].

В состав Причерноморья традиционно включены территории государств, имеющих прибрежную зону в акватории Чёрного моря: Абхазия, Болгария, Грузия, Российская Федерация, Румыния, Турция, Украина. Эти территории объединяет не только прибрежное положение, но и задача поддержания безопасности в регионе и соблюдения режима черноморских проливов.

Вокруг Причерноморья много стран, которые объединяются для сотрудничества, так формируется особая расстановка политических сил. Большое значение поэтому имеет в данном регионе геополитическая стабильность, которая представляется как специфическая система взаимоотношений между определенными странами, сохраняющая определенный баланс их интересов, исторически закрепленных военно-политических, экономических, социокультурных региональных особенностей.

Учитывая условия сложных взаимоотношений России и западного мира, мы понимаем, что все государства Причерноморья в той или иной степени находятся под цивилизационным влиянием западных стран, являясь либо членами ЕС и НАТО, либо стремясь к членству в этих организациях. Кроме того, они организовывают новые военные и политические союзы для укрепления национальной и международной безопасности ЕврАзЭС. Немаловажно, что для реального воплощения российской стратегии движения на юг к таким значимым странам Евразийского континента, как Иран и Индия, довольно удачно может быть использована морская акватория Причерноморья [3].

На южном векторе российских геостратегических задач, в целях сохранения геополитической стабильности в Причерноморье, ключевую роль сейчас определяет «фактор Крыма». Территория Крымского полуострова, выдвигаясь на несколько сотен километров в акваторию Чёрного моря, позволяет воплотить в реальность планы, связанные с меридиональной экспансией России в южном направлении. После вхождения Крымского полуострова в состав Российской Федерации окончательно изменилась ситуация с проблемой базирования Черноморского флота – теперь без препятствий здесь располагаются военно-морские силы и формируются необходимые новые базы. Можно отметить, что наш флот способствует обеспечению стабильности геополитической ситуации в Причерноморье, несмотря на сложные межгосударственные отношения между Россией и Украиной. Постепенно увеличивается российское присутствие на черноморских международных коммуникациях, с укреплением

позиций морских российских баз расширяется использование черноморского шельфа и обеспечивается защита российских судов, проходящих через черноморские проливы. Рост геополитической активности России после присоединения Крыма, отмечается не только в направлении южной, но и западной широты своего присутствия в Причерноморье.

Напомним, что такие страны Причерноморского региона как Румыния, Болгария и Турция являются членами НАТО. Эти государства направляют свои силы и возможности на создание объединённого военно-морского флота, который осуществлял бы свои функции регулярно — например, сдерживание Черноморский флота России. Понятно, что в недалеком будущем могут проявиться очаги конфликтности в Причерноморье и увеличиться количество морских инцидентов. Кроме того, Украина поддерживает идею образования морского союза из кораблей натовских стран, тогда вероятность того, что протяжённость рубежа нестабильности на морских границах России возрастет в несколько раз очень высока.

Таким образом, современное Причерноморье, представляя поле пересечения стратегий и геополитических интересов большого количества причерноморских стран, а также внерегиональных государств и военных блоков, остается ареной возможного появления новых конфликтов. Потребность в прогнозировании и предупреждении подобных конфликтных ситуаций с каждым днем становится все более необходимой. В то же время, мы понимаем, что, имея комплекс множества факторов, уникальность современных мировых процессов связана с локализацией, ренационализацией, фрагментацией и деконструкцией современного мира [4]. Эти особенности, с одной стороны объясняют причины геополитических вызовов и региональных противоречий, с другой — заставляют искать новые пути их преодоления.

Список литературы

1. Киссинджер Г. Мировой порядок. М., 2016.
2. Большое Причерноморье: противоречия и стратегические решения для России / под ред. А.А. Языковой. М., 2016.

3. Гаврила А. Роль Черноморского региона в региональном и глобальном контексте // Историческая и социально-образовательная мысль. Краснодар, 2017. Т. 9. № 1. Ч. 2. С. 44−47.

4. Гаджиев К.С. О фрагментации миропорядка в эпоху глобализации // Мировая экономика и международные отношения, 2019. Т. 63, № 8. С. 102–112. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-8-102-112.

О.В. Онопко

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ СТАТУС АЗОВСКОГО РЕГИОНА: ИСТОРИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Автором проанализирована история геополитического статуса Азовского региона. Сделан вывод о том, что контроль над Азовом определяется наличием власти над судоходством в Керченским проливе и дельте Дона. Отмечено, что в настоящее время регион представляет собой перекрёстное геополитическое поле. Угрозу для региональной безопасности представляют милитаризация территорий, подконтрольных Украине, а также рост интереса к региону со стороны неазовских государств.

Ключевые слова: Азовский регион, геополитический статус, Азовское море, Керченский пролив.

O.V. Onopko

GEOPOLITICAL STATUS OF THE AZOV REGION: HISTORICAL TRANSFORMATION AND MODERN CHARACTERISTICS

The author analyzes the history of the geopolitical status of the Azov region. It is concluded that control over Azov is determined by the presence of power over shipping in the Kerch Strait and the Don Delta. It is noted that the Azov region is a crossed geopolitical field now. The militarization of territories controlled by Ukraine, as well as the growing interest in the region from non-Azov states are threats to regional security.

Key words: Azov region, geopolitical status, Azov Sea, Kerch Strait.

Азовский регион (Азов) представляет собой часть геополитического пространства Большого Средиземноморья [1], включающую в себя акватории Азовского моря и Керченского пролива, а также прилежащие к ним территории Приазовья, куда

входят северо-восточная часть Крымского полуострова, Северное Приазовье, земли Кубани и Тамани. На уровне «низкой» и практической геополитики [2] под категорией «Приазовье» часто подразумевается только Северное Приазовье – приморские территории Запорожской области Украины, Ростовской – России и непризнанной Донецкой Народной Республики.

По мере усиления напряженности международных отношений в Восточной Европе и в частности – двусторонних отношений между Россией и Украиной, Азовский регион приобретает всё большее геополитическое значение. Этим обусловливается устойчивый рост интереса к нему со стороны учёных и экспертов (А. Баранов [3], А. Бредихин [4], А. Дьяков [5], В. Калита [6], Д. Малышев [7], Е. Снигырь [8], Э. Чуклина [9] и др.). В своих исследованиях они касались геополитических, международно-правовых и социально-экономических вопросов международных отношений в Азовском регионе, при этом геополитический статус региона так и не стал самостоятельным предметом политологического анализа.

Установление геополитического статуса Азовского региона [10] должно исходить из определения его ключевых географических особенностей, к которым относятся:

- малая по сравнению с другими площадь (39 000 км²) и глубина (максимальная – 14 м, самое мелкое море в мире) Азовского моря, его полузамкнутый характер;

- равнинный характер приморских территорий, при этом в северной и восточной частях равнины рассекаются множеством мелких (Молочная, Кальмиус, Миус) и крупных (Дон, Кубань) рек;

- наличие Крымского полуострова и залива Сиваш, которые отделяют Азовский регион от Черного моря.

Геополитический статус Азовского региона неоднократно менялся на протяжении истории. Впервые Азов стал объектом геополитического интереса со стороны действующих лиц международных отношений в эпоху древнегреческой колонизации (VII – III вв. до н.э.). Уже тогда регион, хоть и находился на периферии эллинской цивилизации, имел важное значение для международной торговли и межкультурных связей.

Статус Меотиды (Азовского моря) рассматривался неотрывно от общей геополитической ситуации на Понте Авксинском (Чёрном море). Интерес древних греков к региону был во многом обусловлен стремлением организовать торговые каналы, по которым в Грецию могли бы поступать хлеб, а также товары от кочевых народов Причерноморья и Приазовья. «Некоторое время греческие города-полисы и аморфные протогосударственные образования кочевников существовали параллельно, независимо друг от друга. Первым опытом их симбиоза стало Боспорское царство» [11] (V в. до н.э.–VI в. н.э.), которое было первым государством, контролировавшим Азовский регион, который при этом оставался перекрёстным геополитическим полем [12], за которое с греками конкурировали многочисленные кочевые народы, в разные времена приходившие в Приазовье (скифы, сарматы, гунны и др.).

Знаковой для понимания принципов геополитических отношений на Азове являлась эпоха генуэзской колонизации (XIV – XV вв.). Опираясь на свою морскую мощь, Генуэзская республика проводила активную экспансионистскую политику в регионе, делая ставку не на тотальный контроль побережья, а на создание геополитических опорных точек на его важнейших участках. Как и ранее боспорцы, генуэзцы установили контроль над дельтой Дона (колония Тана) и Керченским проливом (г. Воспоро / Керчь), чем обеспечили себе безраздельное господство на Азовском море и взяли под контроль всю Азовскую торговлю. При этом побережье Азова находилось под властью несопоставимо более могущественной в плане наземной мощи Золотой Орды и впоследствии Крымского ханства.

Установление российского контроля на Азовским регионом началось с походов Петра I и занятия русскими дельты Дона (1695–1696 гг.) и завершилось подписанием Кючук-Кайнарджийского мирного договора, а позднее аннулированием в 1783 г. его статьи о независимости Крымского ханства. После этого Азов впервые стал частью тотального поля одного государства. Такой его геополитический статус в целом сохранялся до распада Советского Союза в 1991 г.

С появлением на политической карте мира независимой Украины Азовский регион вновь стал перекрёстным геополитическим полем. При этом украинское государство оказалось не удовлетворено разделом Азова и систематически оспаривало сложившийся статус. Ещё в 2001 г. директор исследовательской программы по Восточному Соседству ЕС и по России Финского института международных отношений А. Мошес писал: «Украина добивается установления государственной границы на море, монопольного права на обладание Керченским проливом и открытия акватории для беспрепятственного доступа иностранных кораблей. По-видимому, в большой степени позиция Украины определяется надеждами на значительные запасы газа вблизи Керченского полуострова, которые в случае введения исключительной экономической зоны отошли бы Украине, а также стремлением получить существенные доходы от международного использования Керчь-Еникальского судоходного канала, стоящего на балансе Керченского порта. Однако нельзя исключать и того, что Украиной движет также идея о повышений своей военно-политической привлекательности для западных партнеров, поскольку делимитация Азовского моря по украинской схеме откроет легальные возможности для проникновения туда ВМС третьих стран» [13]. Результатом этих интенций Украины стал кризис вокруг о. Тузла (2003 г.), когда российско-украинскому партнёрству был нанесён серьёзный ущерб, а Украина впервые вступила с Россией в противоречия по поводу собственной территориальной целостности. В украинском и проукраинском западном экспертном сообществе источником тузлинского кризиса назвали «русский национализм» и президентскую избирательную кампанию 2004 г. [14].

Принимая во внимание историческую трансформацию геополитического статуса Азовского региона, можно указать следующую формулу геополитического контроля над ним:

Контроль над большей частью побережья Азовского моря не даёт возможности контролировать весь регион или определяющим образом влиять на геополитические отношения в нем.

Имеет значение:

а) контроль над Керченским проливом – крупнейшим коммуникационным и единственным морским каналом, связывающим регион с остальным Большим Средиземноморьем и миром в целом. Фактическим без контроля над проливом ни одно государство, владеющее акваторией и прибрежными территориями, не может в полной мере использовать их ресурсы и обеспечивать их безопасность. Отсюда – исключительное значение Пантикапея и других крепостей и городов, существовавших на берегах пролива в античную эпоху, и современной Керчи;

б) контроль над дельтой Дона – реки, связывающей Азовский регион с землями Среднерусской возвышенности. В период существования Боспорского царства его геополитической опорной точкой в дельте выступала колония Танаис, а позднее аналогичные функции выполняла крепость Азов для Османской империи, а город Ростов-на-Дону – для современной России.

В настоящее время Азовский регион представляет собой перекрёстное геополитическое поле, а основными особенностями его геополитического статуса являются:

- вхождение в состав Большого Средиземноморья – крупного геополитического региона, включающего в себя государства в бассейнах Средиземного, Мраморного, Чёрного и Азовского морей;

- наличие таких геостратегически значимых объектов как Крымский мост и военно-морская база в Бердянске, позволяющих соответственно России и Украине проецировать в регион свои силы;

- пролегание линии фронта между Украиной и ДНР в Приазовье;

- контроль России над Крымом, который обеспечивает ей безраздельное военное господство над всей акваторией Азовского моря;

- ограниченность украинского судоходства де-факто только национальными территориальными водами, поскольку с мая 2018 г. «российская береговая охрана начала задерживать для

проверки суда не только в районе Керченского пролива, но и на выходе из Бердянска и Мариуполя» [15];

- интенсивная милитаризация региона, начавшаяся после 2014 г. и проявляющаяся среди прочего в усилении Украиной своих группировок в Приазовье, а также в районе Чонгарского перешейка и Арабатской Стрелки, улучшении военной инфраструктуры;

- стремление неазовских и нечерноморских действующих лиц международных отношений (ЕС, НАТО, Великобритания, США) влиять на военно-политические и экономические процессы в регионе.

Несмотря на то, что значительно возрос геополитический интерес к Азовскому региону со стороны Украины и других государств, а также усиливается военно-политическая напряженность, интересы России пока что находятся под минимальной угрозой. До тех пор, пока Россия будет контролировать Керченский пролив и дельту Дону, ей обеспечено безраздельное господство на Азове. Вместе с тем повышению региональной безопасности России способствовало бы скорейшее переформатирование региона из перекрёстного в тотальное геополитическое поле. Это возможно при увеличении военного и военно-морского присутствия, а также при изменении политики по отношению к Украине, которая неизменно стремится дестабилизироваться ситуацию на Азове.

Список литературы

1. Ирхин А.А., Нелина Л.П., Чихарев И.А. Россия и Большое Средиземноморье (1920–2014) // Парадигмы истории и общественного развития. Севастополь, 2018. Вып. 12. С. 58–68.

2. Колосов В.А. Критическая геополитика: основы концепции и опыт ее применения в России // Политическая наука. 2011. № 4. С. 31–52.

3. Баранов А.В. Геополитический конфликт в Керченском проливе и Азовском море: причины, интересы участников, динамика // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2019. № 1 (58). С. 89–94.

4. Бредихин А.В. Использование возможностей Азовского моря в реализации потенциала Донецко-Ростовской приграничной агломерации // Россия: тенденции и перспективы развития Ежегодник. М., 2017. С. 217–219.

5. Дьяков О. Значення Азовського моря для України // Оцінки стратегічного середовища. Військово-морські сили Збройних сил України.

2018. С. 43-46. URL: http://prismua.org/wp-content/uploads/2018/11/Ukrainian_Navy_PRINT.pdf (дата звернення: 04.08.2019).

6. Калита В.Н. Проблема Азовского моря в российско-украинских отношениях: политический и правовой аспекты // Научно-аналитический журнал Обозреватель – Observer. 2019. № 3 (350). С. 22–32.

7. Малышев Д.В. Керченский и кризис и статус Азовского моря // Постсоветские исследования. 2019. Т. 2. № 2. С. 982–989.

8. Снігирь О. Безпекова ситуація в Азово-Чорноморському регіоні. Аналітична записка, травень 2019. URL: http://da.mfa.gov.ua/wp-content/uploads/2019/05/TRAVEN-2019-Olena-Snihyr.pdf (дата обращения: 04.08.2019).

9. Чуклина Э.Ю. К вопросу о делимитации границ Азовского моря // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. Ростов н/Д, 2018. Т. 5. № 3–4. С. 86–89.

10. Багров Н.В. Объект, предмет, базовые категории регионального геополитического анализа // Культура народов Причерноморья. Симферополь, 2001. № 26. С. 241–245.

11. Киселев С.Н., Киселева Н.В. Геополитические аспекты истории Крыма // Ученые записки Таврического национального университета. Серия: География. Симферополь, 2004. Т. 17 (56), № 3. С. 74–81.

12. Плешаков К.В. Компоненты геополитического мышления // Международная жизнь. 1994. № 10. С. 32.

13. Мошес А. Российско-украинские отношения: к новой модели без старого груза // Полития. 2001. № 1 (19). С. 32–102.

14. Kuzio T. Behind the Tuzla Island Controversy. URL: http://www.taraskuzio.com/media21_files/20.pdf (дата обращения: 10.07.2019).

15. Иванов П. Новый азовский поход. URL: https://vpk-news.ru/articles/42968 (дата обращения: 10.07.2019).

К.А. Козик

ПОЛИТИКА США В ОТНОШЕНИИ ТУРЦИИ: ОСНОВНЫЕ КОНТУРЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ В НАЧАЛЕ 1990-Х ГГ.

В статье показаны особенности отношений между Турецкой Республикой и США в период начала 1990-х гг. Данные взаимоотношения ясно отражены на примере кризиса (войны) в Персидском заливе 1990–1991 гг. Изложена взаимосвязь внешней политики от внутриполитического курса, проводимого Т. Озалом.

Ключевые слова: НАТО, США, СССР, Ближний Восток, Причерноморский регион, Турция, Ирак, Кувейт, Курдский вопрос, османизм.

K.A. Kozik

TURKEY'S US POLICY: KEY RELATIONSHIPS AT THE BEGINNING OF THE 1990s

In the article shows about relations between the Turkish republic and USA in period of the early 1990-s. Its relationships clearly showed to for example of the War in the Persian Gulf. Also, relationship stated of the foreign policy from domestic policy pursued by the T. Ozal government.

Key words: NATO, USA, USSR, Middle East, Black sea region, Turkey, Iraq, Kuwait, Kurdish problem, osmanism.

В системе мирового исторического процесса регион Чёрного моря занимает одно из центральных мест. Турция, наряду с Россией является по сути одной из сильнейших государств данного региона. Для внешней политики США и НАТО, государства Причерноморья, как и регион Восточного Средиземноморья, всегда представляли интерес в стратегическом и политическом плане. Нельзя не отметить также, что Турция, в силу своего уникального геостратегического положения, является одновременно государством нескольких регионов – Причерноморья, Ближнего Востока, Балкан, Восточного Средиземноморья. Исторические, политические и экономические условия не раз накладывали свои коррективы во взаимоотношения различных государств. Не являлись исключением и турецко – американские отношения. Нельзя забывать о том, что в сотрудничестве между США и Турцией были периоды напряжения и недопонимания. В частности, ухудшение отношений отмечено в 1974 г., когда турецкие войска оккупировали северную часть Кипра. Кипрский вопрос наряду с другой проблемой с Грецией – Эгейской не мог способствовать доверию в отношениях Турции с Западом. В начале 1980-х гг. и впоследствии в 1990-х гг. двусторонние отношения, по сути, лишаются негативного фона 1970-х гг. и приобретают качественно иную – более позитивную сущность.

Характеризуя степень важности Турции для США в рамках НАТО (с 1952 г. – член Альянса), сложно преувеличить ту роль, которую она играла на Ближнем Востоке. Кроме того, по мнению турецкого исследователя Баскина Орана, распад СССР усилил

актуальность и важность Турции в глазах западных партнёров. США со своей стороны, отчётливо ощущали потребность в сотрудничестве с Турцией для размещения своего влияния в Евразии. Исследователи Грэхем Фуллер, Ян Лессер и Пауль Хенз, подчёркивали, что для Запада было необходимо играть ключевую роль в ареале, простирающегося от таких стран как Югославия и Турция и вплоть до Китая [1, с. 251]. В 1993 г. американская некоммерческая организация РАНД опубликовала работу, которая называлась «Новая геополитика Турции». В книге показывалась активность Турции в мусульманских регионах Балкан, Кавказа и в Средней Азии. Турция в этих регионах с политической, экономической и стратегической точек зрения обладала потенциалом играть роль «моста», который должен был соединять государства с благополучным Западом. Однако, это не означало какого-либо автоматизированного характера данного процесса, поэтому требовало активного поведения от Анкары. Даже американский исследователь П. Хенз, касаясь этой активной роли Турции, ссылался на политику османизма, который был необходим в качестве идеологической платформы. Таким образом, данный термин в дальнейшем был продолжен, и трансформирован в «неоосманизм» [2, с. 179] Данный подход, нашёл себе массовых сторонников внутри Турции и имел очевидную направленность в сторону Балкан и Северного Ирака. Во-первых, в основе союзнических отношений между двумя странами лежало продолжение стратегического и политического партнёрства. Турция, в этот период также продолжила быть близким союзником США. Во-вторых, имелись общие точки соприкосновений. В этом ключе можно рассматривать такие темы, как например: Кипрская проблема, тема экономической и военной помощи (в отношении Турции), подход США к курдской проблеме, развитие вопроса о Северном Ираке, а также армянский вопрос.

Можно констатировать, что в 1990-е гг. в отношениях между Турцией и США, новыми площадками для сотрудничества выступили такие регионы, как Европа – Балканы, Кавказ, Средняя Азия и Ближний Восток. Следует отметить, несколько

основных причин связки Вашингтон – Анкара. Первая причина заключалась в выгодности НАТО и США для Турции. В 1990-е гг. в Турецко-американские отношения были привнесены определённые изменения. В этот период, США были без сомнения сверхдержавой в области своего влияния на международные отношения. Вместе с тем, реализация американского влияния являлась возможной с двух точек зрения. В качестве первой, Турция, входившая в военный блок НАТО во время и после Холодной войны и состоявшая в тесном партнёрстве с США, оставалась в данной организации и использовала все ресурсы Альянса. Это сотрудничество отвечало на тот момент её национальным интересам. В качестве второй причины, США в 1990-е гг., после окончания Холодной войны и распада СССР, использовали геостратегическую близость Турции к черноморским регионам России, т.к. последняя рассматривалась Анкарой как потенциальный соперник. США для продвижения своих интересов в Республиках Балкан, Центральной Азии и Южного Кавказа не рассматривали другую какую-либо страну, кроме Турции. Сказывалась географическая и ментальная отдалённость Вашингтона от названных регионов. США представляли для Турции реальную альтернативу долгожданной и неопределённой перспективе членства в ЕС. Одной из причин такого положения дел и недостаточного доверия со стороны Европейского сообщества в отношении Анкары выступали нарушения прав человека в Турции и её нерешённые вопросы с Грецией. Стоит заметить, что апеллирование к правам человека характерно и со стороны США.

Характерно, что некоторые исследовали акцентировали внимание не только на сути отношений Турции с Западом, но и выделяли её взаимоотношения с НАТО и США. По мнению бывшего министра иностранных дел и премьер-министра Турции А. Давутоглу, в период Холодной войны турецко-американские отношения необходимо рассматривать как сотрудничество Анкары и НАТО. В те времена сферы двусторонних отношений между США и Турцией носили ограниченный характер. После окончания Холодной войны взаимоотношения Турции и НАТО

стали рассматриваться как «естественное расширение» турецко-американских отношений [3, с. 234].

В восприятии турецко-американских отношений внутри Турции в 1990-е гг. довольно часто прослеживалась тенденция на проведение самостоятельного внешнеполитического курса. Уже во второй половине 1990-х гг. отмечено довольно короткое 11-месячное пребывание исламистской партии «Рефах» (Партия благоденствия) у власти с 28 июня 1996 г. по 30 июня 1997 г. Несмотря на очевидные идеологические отличия этой партии от традиционных для республики кемалистских правительств, в отношениях с США не произошло каких-либо значительных изменений [4, с. 120].

Американский стратег З. Бзежинский полагал, что США были в полной мере заинтересованы в роли Турции как регионального игрока. В связи с этим, он подчёркивал, что Турция обеспечивала стабильность в Черноморском регионе, контроль над важнейшими проливами Средиземного моря, уравновешивала баланс сил на Кавказе в отношении России, являлась «противоядием» против исламского фундаментализма на Ближнем Востоке своей службой интересам НАТО. Эта гипотеза о новой роли Турции, которая простирала свою деятельность от Европы до Китая просматривалась не только в работах отдельных исследователей, но и в США в целом.

Тем не менее, в рассматриваемый период взаимоотношения Турции с Западом не были безоблачными и идеальными. Например, в 1989 г. ЕС дал отрицательный ответ относительно обращения Турции по членству в данной организации. Во время президентства Т. Озала, в январе 1990 г. в ходе его поездки в Вашингтон между двумя странами не рассмотрено предложение о создании свободной зоны торговли из-за отрицательной позиции США. США объявили о намерении закрыть некоторые свои базы в Турции. Началось сокращение численности американских войск. США, исходя из политики относительно военного бюджета, закрывали некоторые свои базы в других странах (например, принято решение о закрытии ряда баз на Филипинах и в Греции). Реакцией на процесс являлся рост беспокойства Турции. Кроме того, США в июле 1990 г.

подписали с Грецией договор о вхождение в SEIA (Энерго–промышленную ассоциацию), который включал в себя гарантии территориальной целостности Греции.

В марте 1991 г. во время визита Т. Озала в Вашингтон, турецкий лидер произнёс фразу о «стратегическом партнёрстве». Однако в то время из-за давления общественного мнения в Турции, принятие предложения со стороны США не могли быть рассмотрены по причине войны в Персидском заливе. В соответствии с этим предложением, США предлагали помощь в размере 1 млрд. долл., которая в то время не была принята [5, с. 254]. Примечательно, что в 1990-е гг. доктрина «усиленное (стратегическое) партнёрство» реализовывалась в Турции довольно часто независимо от сменяющих друг друга правительств, и более того, даже в значительной степени углублялась.

Турция являлась страной, которую можно рассматривать как наглядный пример стратегического партнёрства с США во время войны в Персидском заливе [6, с. 226]. В частности, во время кризиса прослеживалось желание Т. Озала к открытию второго фронта на севере Ирака. Эти внешнеполитические условия способствовали возникновению противоречий не только между государствами ближневосточного региона, но и внутри элиты Турецкой Республики. Возникли серьёзные разногласия относительно выработки позиции турецкого руководства. Так, ряд высших чиновников, таких как министр иностранных дел Али Бозер (11 октября 1990 г. подал в отставку), министр национальной обороны Сафа Гирай (18 октября) начальник Генерального штаба Неджип Торумтай (3 декабря 1990 г.), заявив о несогласии относительно позиции президента страны Т. Озала, подали в отставку. Это был случай, когда не только высшие гражданские, но и военные должностные лица, выступали против какой-либо формы военной вовлечённости Турции в конфликт.

Ясно показана реакция оппозиции и общественного мнения относительно позиции Т. Озала. В печати, прослеживалась критика внешнеполитического курса президента страны, который сравнивался с позицией правящих кругов Османской империи перед вступлением в Первую мировую войну. Теперь, в турецком

обществе, делался значительный негативный акцент относительно вылетов американских самолётов из военной базы в Инджерлике и вовлечением Турции в конфликт против соседней мусульманской страны на стороне американцев.

Являясь автором либеральных реформ, получивших формулировку «турецкого экономического чуда», Т. Озал главным мотиватором своей политики рассматривал экономические интересы страны. В связи с этим экономические выгоды, исходящие от США и от стран Персидского залива были для турецкого лидера очевидны и приоритетны [7, с. 115]. В соответствии с позицией Т. Озала, Турция, преследуя активную внешнюю политику, соответствующую к тому же её собственным стратегическим интересам, должна была получить от США торговые и экономические выгоды, что в свою очередь, упростит вхождение в ЕС. Кроме прочего, турецкий лидер рассчитывал на рост влияния в Средней Азии. Т. Озал выразил данную «многоходовку» в формуле «положив 1, взять 3». Данный подход также использован и во внутренней политике Турции [8, с. 254]. Таковы были ожидания одного из самых заметных лидеров Турции.

Практическое воплощение этих ожиданий Т. Озал перенёс к визиту, который он совершил в Вашингтон в сентябре 1990 г. Во время визита стороны договорились о снятии ограничений в отношении турецкой текстильной промышленности, поддержке в военной модернизации, смягчении долговых обязательств для Турции. Президент США Дж. Буш-старший, предоставляя по соглашению срочную помощь, выделил 82 млн. долл. Кроме того, помощь со стороны США неоднократно увеличивалась. В 1991 г. помощь для Турции уже составляла 282 млн. долл. В том же году, военная помощь вместе с текстильным экспортом составила 150 млн. долл. В 1992 г. эта помощь выросла до 200 млн. долл. [9, с. 258].

Со своей стороны, задача Турции заключалась в размещении 180 тыс. солдат у границ Ирака, что составляло 8 дивизий, способствующих облегчению действий союзников в регионе. Анкара предоставляла базу в Инджерлике, на которой размещены американские военные самолёты. Это соответствовало

резолюции № 126 от 17 января 1991 г. турецкого меджлиса. Через день после данной резолюции военная авиация США, приземляясь в Инджирлике, начала бомбардировки Ирака. Данный процесс старались скрывать от турецкой общественности и в разъяснениях вылеты американских самолётов выдавались за учения.

Для оценки вовлечённости Турции в конфликт против Ирака необходимо указать на обстоятельства и процессы, происходившие в пограничных районах. С политической точки зрения, в регионе Восточная Анатолия (восток Турции) существующие экономические проблемы были в значительной мере дополнены обострением насущного и болезненного для Анкары курдского вопроса. В частности, увеличение безработицы в регионе создавало благоприятную почву для вербовки сторонников Курдской Рабочей Партии. Начиная с 1991 г., дополнительным фактором, ухудшающим обстановку в Турции, являлся приток беженцев – иракских курдов. Все данные факторы могли повлиять на решение курдского вопроса только в негативном ключе.

Таким образом, турецко-американские взаимоотношения в начале 1990-х гг., можно рассматривать как взаимовыгодное партнёрство. Выгода Турции заключалась в получении материальной помощи от США, которые в свою очередь, укрепляли своё влияние в различных регионах Евразии. Тем не менее, дестабилизация Ближнего Востока из-за вмешательства НАТО и США, распространялась не только на провинции юго-востока Турции, но на северо-восточную часть страны, ближайшую к России. В свою очередь, названные процессы в силу геополитических условий были способны влиять и на стабильность других государств Черноморского региона.

Список литературы

1. Oran B. Turk Dis Politikasi. Kurtulus savasindan bugune olgular, belgeler, yorumlar (1980–2001). Istanbul, 2001.
2. Ortayli I. Turkiye’nin Yakin Tarihi. Istanbul, 2011.
3. Davutoglu A. Strategik Derinlik. Turkkiye’nin Uluslarasi konumu. Istanbul, 2016.

4. Posen B., Korb L. Rossides T. Eugene American Foreign Policy / U.S.A. – Greece – Turkey in the Emerging International Systems. A Summary Report. Athens, 1993. June 17–19.
5. Oran B. Turk Dis Politikasi. Kurtulus savasindan bugune olgular, belgeler, yorumlar (1980–2001). Istanbul, 2001.
6. Davutoglu A. Strategik Derinlik. Turkkiye'nin Uluslarasi konumu. Istanbul, 2016.
7. Сабаева Л.М. Приоритетные направления внешней политики Т. Озала (1983–1987 гг.) // Проблемы всеобщей истории и политологии. Сб. науч. тр. Владикавказ, 2009. С. 113–117.
8. Oran B. Turk Dis Politikasi. Kurtulus savasindan bugune olgular, belgeler, yorumlar (1980–2001). Istanbul, 2001.
9. Ayni yerde. S. 258.

Д.А. Лоншаков

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РОССИЙСКОЙ АРМИИ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ МИРНОГО ХАРАКТЕРА ВОССОЕДИНЕНИЯ КРЫМА И СЕВАСТОПОЛЯ С РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИЕЙ

В литературе имеются различные оценки деятельности Российской армии в Крыму, которые расходятся в спектре от государственной аннексии до братской помощи. Армия осуществила запланированные действия по взятию под контроль ключевых объектов полуострова и/или блокированию украинских воинских частей, удержание ситуации под контролем. Это имело крупный позитивный PR-эффект в прессе и в общественном сознании. Факт участия российских войск в присоединении Крыма официально первоначально отрицался в тактических целях. В операции участвовали кубанские казаки и крымские ополченцы, что доказывает политический характер событий. Присоединение Крыма к России имело формальные признаки аннексии, но содержание этих событий и массовая поддержка акции со стороны большинства населения Крыма понятию «аннексии» совершенно не соответствовали. Было осуществлено мирное воссоединение территорий под охраной армии.

Ключевые слова: геополитика России, присоединение Крыма, антианнексия, армия.

D.A. Lonshakov

THE ACTIVITIES OF THE RUSSIAN ARMY TO ENSURE PEACEFUL CHARACTER OF REUNION OF CRIMEA AND SEVASTOPOL WITH THE RUSSIAN FEDERATION

In the literature, there are various assessments of the Russian army's activities in Crimea, which differ in the spectrum from state annexation to fraternal assistance.the Army carried out planned actions to take control of key objects of the Peninsula and/or block Ukrainian military units, and then keep the situation under control. This had a major positive PR effect in the press and in the public consciousness. The fact that Russian troops participated in the annexation of Crimea was officially initially denied for tactical purposes. The operation involved Kuban Cossacks and Crimean militias, which proves the political nature of the events. The annexation of Crimea to Russia had formal signs of “annexation”, but the content of these events and the mass support of the action by the majority of the Crimean population did not correspond to the concept of “annexation” at all. Peaceful reunification of similar territories under the protection of the army was carried out.

Key words: Geopolitics of Russia, Reunion of Crimea, Antennasia, Army.

Исторические события весны 2014 г. вошли в историю как поворотный пункт в развитии как России и Украины, так и всего международного сообщества. В литературе имеются различные оценки деятельности Российской армии, которые расходятся в спектре от оружия аннексии до братской помощи [1]. Однако в отрытом доступе в сети Интернет находится целый ряд фактологических материалов, размещенных участниками событий или военными специалистами, которые позволяют ограничить этот спектр и свести их к некоторому общему знаменателю.

Сообщество Крыма постоянно боролось за воссоединение республики с Россией [2]. Президент РФ В.В. Путин публично отметил, что вопрос о возвращении Крыма был прямо поставлен в ночь с 22 на 23 февраля 2014 г. В это время ответ на переворот в Киеве митинг в Севастополе провозгласил народным мэром А.М. Чалого, в городе и окрестностях началось формирование отрядов самообороны. Готовиться к обороне в Крыму начали еще до того, как первые «вежливые люди» появились на дорогах у

воинских частей и аэродромов, и их приход был воспринят местными жителями как защита от реальной угрозы. Армия осуществила запланированные действия по взятию под контроль ключевых объектов полуострова и/или блокированию украинских воинских частей, последующее удержание ситуации под контролем. Это имело крупный PR-эффект в прессе и в целом общественном сознании. Силы специального назначения обеспечили скрытное начало операции Вооруженных сил России по блокированию и захвату украинских военных объектов на полуострове. Оперативное и бескровное взятие под контроль важнейших военных объектов и выборочное блокирование систем связи обусловило успех операции в целом, захват якобы «неизвестными» вооруженными людьми здания Верховного совета Крыма. После отстранения от власти президента Украины В. Януковича возник риск передачи Севастопольской гавани под базирование военно-морского флота стран НАТО. Основные стратегические объекты в Крыму были заняты военными людьми в камуфляжной форме без опознавательных знаков и знаков различия, которые стали именоваться выражением «вежливые люди». Поскольку было всем ясно, что это российские солдаты, то этот термин принял несколько ироническое звучание. Но контраст между охраняющими Крым «вежливыми людьми» с одной стороны и кровавыми событиями на Майдане – с другой, сыграл заметную роль. Параллельно в ночь с 26 на 27 февраля 2014 г. шел параллельно с масштабными учениями Центрального и Западного военных округов. Масштаб этих учений позволил не афишировать намерения и направление действий, и одновременно продемонстрировать готовность вооруженных сил к критическому развитию событий. В Восточном Средиземноморье была собрана мощная российская военно-морская группировка, включая авианосец «Адмирал Кузнецов», тяжелый атомный ракетный крейсер «Петр Великий», подводные лодки и ряд других боевых и вспомогательных единиц, что оказало впечатление на НАТО [3]. Было осуществлено усиление российского военного контингента в Крыму в рамках установленных лимитов – до разрешенной квоты 25 тыс. чел. Прибывшие подкрепления использовалось для охраны

российских военных объектов, маяков и полигонов, вплоть до санатория ВМФ России в Ялте. Воздушное пространство Крыма контролировали боевые российские вертолеты Ми-8АМТШ, Ми-8МТВ5, Ми-35. В это время на аэродромах полуострова, прежде всего на Гвардейском, совершали посадку самолеты Ил-76 ВВС РФ с десантом и оборудованием. К 1 марта в Крыму не осталось не блокированных «вежливыми силами» воинских частей украинской армии, была установлена блокада аэродромов и портов. Удалось не допустить (кроме одного инцидента в Симферополе), хотя в составе украинских войск в Крыму имелась доля контингента из Западной и Центральной Украины. Наибольшую опасность в тот период представляли группы боевиков, не контролируемые местными командирами ВС Украины, но их все удалось нейтрализовать [4]. Важную роль сыграл и флот, не позволив Военно-морским силам Украины воспрепятствовать разворачивающимся событиям, и не дав кораблям ВМСУ покинуть свои базы. Большая часть личного состава ВМСУ во главе с командованием перешла на сторону Крыма и РФ. В ночь с 26 на 27 февраля российским спецназом были заняты здания Верховного Совета и Совета министров АР Крым в Симферополе. Также ранним утром 27 февраля были установлены блокпосты на Перекопском перешейке и Чонгарском полуострове, через которые осуществляется сухопутное сообщение между Крымом и материковой Украиной. В условиях отсутствия чётких приказов открытия огня на поражение военнослужащие Украины не оказали вооружённого сопротивления российским войскам, что позволило последним захватить без боя украинские военные базы и гарнизоны на полуострове. Это позволило ряду руководителей государств (А.Г. Лукашенко) отметить, что отказ украинских войск от защиты территории доказывает правомерность территориальных претензий России [5].

Факт участия российских войск в присоединении Крыма официально отрицался и только спустя несколько недель был признан российским руководством с целью затуманивания своих намерений, прежде всего, насколько далеко оно готово пойти в крымском вопросе. Это обстоятельство значительно

дезориентировало украинские власти и западные страны. Присоединение Крыма к России имело формальные признаки» аннексии, содержание этих событий и поддержка присоединения со стороны большинства населения Крыма понятию «аннексии» не соответствовали. Оружие практически не применялось и вытеснение украинских военных происходило относительно бескровно. Имели место только кулачные столкновения во время ночного захвата российскими десантниками базы 1-го Феодосийского батальона морской пехоты ВМС Украины и авиабазы в Бельбеке. В Феодосии по предложению командиров исход противостояния решил рукопашный «бой стенка на стенку» с участием старших офицеров. Если не считать поврежденных рук и ног, жертв не было. Как отмечали военные эксперты, стиль операции по нейтрализации украинских вооруженных сил в Крыму, скорее, походил на действия МЧС, которое в свое время возглавлял министр обороны РФ С.К. Шойгу [6].

Посильную помощь армии оказали казаки Кубанского войска на Перекопе – 70 чел., 150 – на Чонгаре, 230 чел. на Турецком валу, круглосуточно досматривали поезда на железнодорожных вокзалах в Джанкое 370 казаков в Симферополе и 170 в Севастополе, охраняли аэропорт, здание Верховного Совета Республики Крым а затем – избирательные участки в Симферополе и Севастополе. 6 марта, когда началась трансляция российских телеканалов, 15 казаков приступили к охране телецентра [7].

Бывший командующий силами НАТО в Европе, отставной адмирал Джеймс Ставридис высказал мнение, что залогом успешной кампании в Крыму было умело комбинированные приемы кибервойны, активной информационной поддержки и хорошей выучки войска специального назначения [8].

Что могла противопоставить действиям армии, ополченцев и казаков украинская армия? Сайт «Украинская Правда» опубликовал «показания» начальника генерального штаба Украины В. Муженко о том, как он предложил политическому руководству киевской хунты план операции по удержанию Крыма [9]. План был отвергнут, что по его мнению и стало

главной причиной потери полуострова. Согласно плану можно было ввести на остров 10 батальонов, которые без поддержки авиации и флота должны были разгромить российскую группировку войск. Анализ плана этой операции показал, что она была обречена на поражение. Более того, она привела бы к ликвидации ВСУ с неизбежной последующей сменой политического режима в Киеве.

В.В. Путин прямо указал, что целью Москвы была не «аннексия» полуострова, а предоставление его жителям возможности «выразить мнение» по поводу своей дальнейшей судьбы и предотвратить возможное кровопролитие. О реальности такого развития событий показывает история государственного переворота в Киеве, в ходе которого погибли сотни граждан и факты артобстрелов Донецка и Луганска, в ходе которых погибли тысячи мирных жителей. Была осуществлена антианнексия – мирное воссоединение родственных территорий под охраной армии.

Литература

1. Токарев А.А. Электоральная история постсоветского Крыма: от УССР до России // Вестник МГИМО–Университета. 2015. № 5 (44). С. 30–36; Колесников А. Посткрымская система. URL: http://carnegie.ru/2016/03/10; Вахитов Р.Р. Присоединение Крыма: геополитические и геоэкономические выгоды и потери. URL: http://www.lawinrussia.ru/2014/12/29/; Старостин А.М. Аннексионные и сецессионные конфликты в геополитическом контексте // Гуманитарий Юга России. Ростов н/Д, 2015. № 3. С. 76–80; Государствообразующие процессы в современном геополитическом пространстве / науч. ред. А.М. Старостин. М., 2017.

2. Кислицын С.А. Политическое значение деятельности гражданского общества Севастополя и Крыма в период борьбы за реинтеграцию крымской автономной республики в Российскую Федерацию // Власть. 2016. Т: 24, № 8. С. 48–54.

3. Крамник И. Вежливо и тихо: Военный аспект «русской весны» 2014 года в Крыму. URL: https://lenta.ru/articles/2015/03/14/crimea/ (дата обращения: 31.08.2019).

4. Работа Сил специальных операций России в Крыму в 2014 году. URL: http://www.militarycolumnist.ru/russian-special-forces-in-crimea/ (дата обращения: 31.08.2019).

5. Кислицын С.А., Петрова С.В., Терентьева М.С. и др. Авторитаризм и президентство на постсоветском пространстве. Сочи, 2019.
6. Крымская весна–2014. «Вежливые люди». URL: https://amarok-man.livejournal.com/3197455.html (дата обращения: 31.08.2019).
7. URL: https://megalektsii.ru/ (дата обращения: 31.08.2019).
8. Действия российской армии в Крыму восхитили американских военных. URL: http://operline.ru/archives/47018 (дата обращения: 31.08.2019).
9. Несостоявшаяся Крымская война 2014 года. URL: http://фридом.su/?p=43216 (дата обращения: 31.08.2019).

Е.А. Сенюшкин

ПУБЛИЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ КАК ЭЛЕМЕНТ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ РИСКАМИ В УСЛОВИЯХ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЛОКАДЫ КРЫМА

В статье рассматривается роль публичной дипломатии в системе управления рисками, которые возникают в условиях международной блокады Крыма. Подчёркивается, что наиболее чувствительными для Крыма являются экономические и политические риски, а также риски геполитического характера, связанные с обострением конкуренции ведущих акторов мировой политики в Черноморском регионе.

Ключевые слова: международная блокада Крыма, публичная дипломатия, управление рисками, негосударственые акторы, международное сотрудничество.

E.A. Senyushkin

PUBLIC DIPLOMACY AS AN ELEMENT OF A RISK MANAGEMENT SYSTEM UNDER THE CONDITIONS OF THE INTERNATIONAL BLOCKADE OF CRIMEA

The article discusses the role of public diplomacy in the risk management system that arise in the conditions of the international blockade of the Crimea. It is emphasized that the most sensitive of the Crimea are the economic and political risks, and risks geopolitacal nature, related to increased competition leading actors of world politics in the black sea region.

Key words: international blockade of Crimea, public diplomacy, risk management, non-state actors, international cooperation.

Воссоединение Крыма с Россией, которое осуществилось в марте 2014 г. в результате референдума, явилось исторически

значимым фактом для полуострова. Наряду с тем, что вместе с вхождением в российское государство в качестве субъекта федерации, Республика Крым вступила в новую фазу экономического и политического развития, местное население оказалось в ситуации международной изоляции, которая осуществляется со стороны ряда зарубежных государств, в частности ЕС и США. В этих условиях формируется специфическое пространство рисков, среди которых наиболее чувствительными для Крыма являются экономические и политические риски, а также риски геполитического характера, связанные с обострением конкуренции ведущих акторов мировой политики в Черноморском регионе.

Преодоление санкций и признание международным сообществом легитимности исторического факта воссоединения Крыма с Россией зависит от баланса сил в системе позиционирования основных геополитических игроков. Наряду с этим, независимо от усилий официальной российской дипломатии, предпринимающей усилия для международного признания нового политического статуса Крыма, важную роль в этом процессе играет публичная дипломатия, осуществляемая негосударственными акторами.

Публичная дипломатия рассматривается нами как комплекс мер, используемых официальной дипломатией, направленных на изучение и информирование зарубежной массовой аудитории, а также влияние на общественное мнение за рубежом с учетом собственных государственных интересов. Преимущества публичной дипломатии заключаются в том, что усилия официальной дипломатии синхронизируются с деятельностью структур гражданского общества, что способствует более успешному продвижению национальных интересов Российской Федерации на международном уровне. Следует учитывать, что применение мер публичной дипломатии нередко компенсирует дисбаланс ресурсов, которыми располагают участники двусторонних и многосторонних отношений.

Как указывает М.М. Лебедева, публичная дипломатия «может осуществляться непосредственно государственными ведомствами, а может опосредованно – через НПО, СМИ, бизнес-

агенты, университеты с их образовательными программами» [1, с. 47].

В контексте сказанного выше крымский опыт публичной дипломатии мы рассматриваем как модель международной деятельности негосударственных акторов, действующих в сфере экономики, политики, информационного пространства, культуры, религии, образования и науки, этнической самоорганизации, на уровне профессиональных объединений и др.

В качестве примера публичной дипломатии, осуществляемой в экономической сфере, следует обратить внимание на Ялтинский международный экономический форум (ЯМЭФ) — ежегодное деловое международное мероприятие, проводимое в Крыму. Наряду с Петербургским международным экономическим форумом, Восточным экономическим форумом и Сочинским инвестиционным форумом, ЯМЭФ входит в четверку крупнейших экономических форумов России.

Участниками форума являются государственные чиновники РФ высокого уровня, международные эксперты, влиятельные международные и российские бизнесмены и экономисты, представители крупнейших деловых организаций, экономические и политические лидеры из различных стран. В условиях международной изоляции Кыма ЯМЭФ выполняет функции главной площадки России для демонстрации инвестиционных возможностей и потенциала Крыма.

К примеру, ЯМЭФ–2019, который состоялся в апреле 2019 г., собрал на своей площадке более 5000 чел., включая государственных деятелей, представителей делового сообщества, экономических экспертов. На форуме был разработан механизм защиты иностранных инвесторов, желающих работать в Крыму, от негативного воздействия санкций. По мнению вице-премьера Республики Крым, представителя республики при Президенте РФ Г.Л. Мурадова, важное значение форума заключается в том, что на этой площадке обсуждаются наиболее эффективные формы сотрудничества представителей крымского бизнеса с зарубежными коллегами в условиях санкций [2]. Важен и политический эффект форума, способствующий прорыву информационной блокады полуострова [3, с. 38].

Осуществлённый нами обзор интернет-ресурсов, освещающих визиты зарубежных делегаций в Крым, показал, что на уровне публичной дипломатии, развивающейся в разных сферах – экономике, политике, культуре, образовании, науке и других, осуществляется развитие взаимовыгодных контактов, способствующих прорыву международной блокады Крыма.

В результате визитов в Крым, совершённых итальянскими бизнесменами, между ними и крымскими производителями началось обсуждение инвестиционных проектов, связанных с развитием виноградарства и виноделия, производства моцареллы и создания буйволиной фермы в Крыму, системы опреснения морской воды и яхтенной марины в Балаклаве.

После визита турецкой делегации в Крым наметились инвестиционные проекты, связанные с восстановлением деятельности мобильного оператора «Turkcell», у которого остались вышки мобильной связи и оборудование на полуострове, а также строительной кампании «Эрбэк», которая до инцидента с российским самолётом в Турции была основным подрядчиком строительства соборной мечети в городе Симферополе.

В состав турецкой делегации входили глава турецкой Ассоциации евразийских правительств Хасан Дженгиз, вице-мэр Анкары Ахмет Тунч, член генерального совета партии «Ватан» Ахмет Нури Туркеш [4]. В организации визита большую роль сыграла республиканская общественная крымско-татарская организация «Къырым Бирлиги». Примечательно, что деятельность этой организации поддерживают крымские татары, проживающие в Турции. В частности, Ассоциация крымско-татарских дернеков, проживающих в Турции, неоднократно выражала свою поддержку Сейтумеру Ниметуллаеву, лидеру «Къырым Бирлиги». В состав ассоциации входят известные в Турции общественные организации, такие как Общество крымских татар в Анкаре, Всетатарское общество культуры и спорта, Общество культуры и социальной солидарности крымских татар в Стамбуле, Общество исследования истории Крыма и развития социальной стратегии, общество духовной культуры крымцев.

Для анализа развития публичной дипломатии в политической сфере представляет интерес изучение контактов крымского политикума с политическими деятелями зарубежных стран. Так, в 2014–2019 гг. Крым посетили зарубежные делегации, в состав которых входили парламентарии и политические лидеры, среди которых особо следует отметить делегации из Италии, Франции, Германии, Греции и Японии и США.

В составе итальянских делегаций были представители депутатского корпуса национального собрания Итальянской республики и регионов Венето, Тоскана, Лигурия, Эмилия-Романья, Ломбардия, города Падуя, парламенты которых приняли резолюции, призывающие признать полуостров в составе России и прекратить санкционную политику в отношении Крыма.

Крым посетила французская делегация, в составе которой было девять депутатов Национального собрания, два члена сената Франции. Возглавлял делегацию Тьерри Мариани, занимавший при президенте Николя Саркози пост министра транспорта Франции.

В состав греческой делегации входили мэр города Александруполис Лимбакис Евангелос, почетный консул РФ в Восточной Македонии и Фракии Габаэридис Константинос, председатель Торгово-промышленной палаты региона Эврос Топсидис Христодулос.

Особая активность в отношении Крыма характерна для представителей японского политикума. В частности, председатель японской патриотической партии «Иссуй-Кай» Мицухиро Кимура в 2014–2019 гг. неоднократно посещал Крым. Также в Крыму с частным визитом побывал экс-премьер Японии Юкио Хатояма.

Активное взаимодействие с зарубежными странами осуществляется в сфере культуры Крыма. Одной из площадок для развития публичной дипломатии можно считать международный театральный фестиваль «Театр. Чехов. Ялта», на который приезжают артисты из зарубежных стран, а также международный кинофестиваль «Евразийский мост», в котором

принимают участие зарубежные, в том числе и европейские кинематографисты.

Активное участие в преодолении международной изоляции Крыма принимают республиканские общественные организации. С этой целью руководители и представители более чем 30 общественных организаций и национально-культурных автономий Республики Крым в 2016 г. создали Черноморскую ассоциацию международного сотрудничества (ЧАМС). Возглавил Ассоциацию заместитель Председателя Совета министров Республики Крым – Постоянный Представитель Республики Крым при Президенте РФ Г. Мурадов.

Известной научной площадкой для развития публичной дипломатии можно считать Харакский форум, который проводится в бывшем имении Георгия Михайловича Романова в Хараксе (Ялта), начиная с 1997 г. и привлекает участников не только из разных регионов России, но и из зарубежных стран. В частности, в XXXVI Харакском форуме, который состоялся в мае 2019 г. в Ялте, приняли участие ведущие ученые из Индии, Сербии, Норвегии, Польши и Канады. Труды форума издавались в России, Индии [5] и Норвегии [6]. Форум активно использует информационные ресурсы для международной деятельности, в частности имеет свой сайт [7] и странички в сети Фейсбук [8].

Таким образом, в ходе проведённого исследования было выявлено, что в условиях международных санкций в Крыму формируется особая модель публичной дипломатии как система международной деятельности негосударственных акторов, способствующих управлению рисками, возникающими в сфере экономики, политики, культуры, информационного пространства, религии, образования и науки, этнической самоорганизации и др.

Список литературы

1. Лебедева М.М. Публичная дипломатия в урегулировании конфликтов // Международные процессы. 2015. Т. 13, № 4. С. 45–56.

2. Территория возможностей // Деловой Крым. 2016. № 3. Апрель – май. С. 24–28.

3. Межэтнические отношения и религиозная ситуация в Крыму. Экспертный доклад за первое полугодие 2018 года / ред. Сенюшкина Т.А., Степанов В.В., Старченко Р.А. М.; Симферополь, 2018.

4. Турецкий бизнес вернётся в Крым. URL: https://regnum.ru/news/polit/2210021.html
5. Political Space and Social Time: Identity and Everyday Life in the Structure of Living Space / ed. T. Senyushkina, R. Kumar, P.D. Das. New Delhi, 2018.
6. Identity and Collective memory / ed. by K. Selnes and T. Senyushkina. Oslo, 2013.
7. Официальный сайт Харакского форума: http://charaxforum.cfuv.ru
8. Страница Харакского форума в сети Facebook: https://www.facebook.com/CharaxForum?fref=ts

Н.Н. Юрченко

ИНТЕГАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ НА ЮЖНОМ НАПРАВЛЕНИИ: НАМЕРЕНИЯ И ПРЕПЯТСТВИЯ[1]*

В статье речь идёт о субъективных и объективных факторах реализации российской интеграционной политики на южном направлении. Рассматриваются риски дестабилизации, субъекты принятия политических решений, мнения экспертов. Делается вывод о возможности укрепления национальных и развития наднациональных идентичностей в рамках Евразийского экономического союза, подчёркивается особенность его построения на основе кооперации.

Ключевые слова: российская интеграционная политика, субъективные и объективные факторы, риски дестабилизации, Евразийский экономический союз.

N.N. Yurchenko

RUSSIA'S INTEGRATION POLICY IN THE SOUTHERN DIRECTION: INTENTIONS AND OBSTACLES

The article deals with subjective and objective factors of the implementation of the Russian integration policy in the south. The risks of destabilization, subjects of political decision making, experts' opinions are considered. A conclusion is made about the possibility of strengthening national and the development of supranational identities within the framework of the Eurasian Economic Union, emphasizing the peculiarity of its construction on the basis of cooperation.

[1] Работа подготовлена по проекту РФФИ №17-03-00802 «Конфликтогенные и интеграционные факторы развития человеческого потенциала Юга России в условиях новых геополитических вызовов».

Key words: Russian integration policy, subjective and objective factors, risks of destabilization, the Eurasian Economic Union.

Рассмотрение территориально ориентированного подхода в политологических исследованиях предполагает конкретизацию использования понятия «региона», которое может рассматриваться как объект исследования и управления, позиционирующийся по отношению к другим регионам или как совокупность межгосударственных пространств, характеризующаяся значимыми для исследования признаками. Причём, региональное деление не всегда совпадает с административным, и в тоже время это некоторая часть пространственной целостности, выделяемая исследователем на основе неких эмпирических признаков. Например, географические, функционально-производственные, социально-культурные, этноконфессиональные и др. Ряд экспертов считает продуктивным использование понятия «региона» как конструируемой реальности [1, с. 8]. Само понятие «регион» в литературе употребляется в различных смыслах, а в контексте развития региональных социальных исследований актуализируется одна из наиболее дискуссионных проблем в области регионоведения – проблема выделения региона как определенной пространственной целостности. Регион как объект исследования и управления может быть позиционирован лишь по отношению к другим регионам, – считает С.Н. Баранец [2, с. 94–95]. И в этой связи мы рассматриваем Черноморский регион в динамике: первоначально в постсоветский период он территориально включал Россию в лице ее одного субъекта Федерации – Краснодарского края, а теперь еще двух – Крыма и Севастополя, которые, наряду с другими, входят в Южный федеральный округ.

Юг России остается самым сложным конфликтогенным пространством страны, в котором дестабилизация политических, этнических и конфессиональных взаимодействий представляет опасность для всего государства. Во многом это обусловлено традиционно существующими ценностными рассогласованиями в ситуации наличия множества социо-культурных образований. Но

одновременно это является результатом навязывания идей русофобской направленности, которые идут разнонаправленно как извне, так и со стороны имеющихся в стране групп космополитической ориентации, сознательно или бессознательно раскалывающих складывающуюся веками полиэтническую общность.

Особенно следует выделить проблемы ценностно-культурного взаимодействия в политическом пространстве Причерноморья [3, с. 126] в условиях эскалации геополитических и социально-экономических конфликтов, роста миграционных и информационных потоков, интенсивности воздействия факторов локального и глобального характера.

Анализируя методологические подходы к пониманию политической действительности С. Хантингтона, можно увидеть его акценты на тенденции индигенизации, то есть возрождение не-западных культур [4, с. 130–132]. С его точки зрения, распределение культур в мире отражает распределение власти. В течение всей истории экспансия власти какой-либо цивилизации обычно происходила одновременно с расцветом ее культуры, и почти всегда эта цивилизация использовала свою власть для утверждения своих ценностей, обычаев, институтов в других обществах. Западная власть в форме европейского колониализма в Х1Х в. и американская гегемония в ХХ в. расширили западную культуру на большую часть современного мира. Европейский колониализм позади; американская гегемония сходит на нет. Далее следует свертывание западной культуры, по мере того как местные, исторически сложившиеся нравы, языки, верования и институты вновь заявляют о себе. И таким образом происходит усиление могущества не-западных обществ, вызванное модернизацией, приводит к возрождению не-западных культур во всем мире. Именно это и вызывает такую ожесточенную реакцию коллективного Запада на ускоренное развитие бывших отсталых, с их точки зрения, обществ.

Численность населения, проживающего на Юге страны составляет более 25 млн чел., что говорит о достаточно высокой плотности по сравнению с другими регионами. Это сопоставимо с ситуацией в двух крупнейших российских мегаполисах – в

Москве и Санкт-Петербурге, но безусловно со своей территориально-климатической спецификой. Отмечающаяся в официальных документах относительно стабильная социально-экономическая ситуация в Краснодарском крае, в особенности после успешного проведения Олимпиады в Сочи, тем не менее требует серьезного конфликтологического анализа, поскольку напряженность на Юге России возрастает как в связи с событиями на Украине, обостряющимися с ноября 2013 г. и по сей день, так и в ряде других регионов мира.

Если по данным Краснодарского краевого управления статистики по состоянию на 1 января 2013 г. численность населения края составила 5 млн. 330,4 тыс. чел. (при этом преимущественно за счёт миграции численность населения края с начала 2013 г. увеличилась на 45,9 тыс. чел.), то на 1 января 2014 г. численность постоянного населения составила более 5,4 млн. чел., т.е. количество жителей края увеличилось, примерно на 70 тыс. чел., естественно, в основном, за счет миграционного прироста.

Также постоянно увеличивалось количество иностранных граждан, прибывающих на территорию Краснодарского края. Если, в 2012 г. в Краснодарский край въехало более 1 млн 330 тыс. иностранных граждан, что на 20% больше, чем в 2011 г., то только в первом квартале 2013 г. на территорию Краснодарского края прибыло более 160 тыс. иностранных граждан, что на 17,7% больше по сравнению с аналогичным периодом 2012 г. Почти половину из них составили граждане государств, население которых традиционно исповедует ислам. В динамике (с 1993 по 2010 гг.) наблюдается заметный рост численности прибывающих из Украины, Казахстана, Армении, Узбекистана и Азербайджана.

Происходящие события показывают, что интерес к южно-российскому региону и сопредельным территориям со стороны стратегических соперников России постоянно возрастает. США со своими сателлитами пытались реализовывать геополитические цели «атлантизации» Азово-Черноморского и Каспийского бассейнов, но эти намерения и планы рухнули после воссоединения Крыма с Россией.

Геополитическое давление и антироссийская политика со стороны коллективного Запада продолжается на протяжении всего постсоветского периода, но с 2007 г. Россия формирует и реализует новую внешнеполитическую стратегию.

Одним из инструментов в достижении интеграционных целей в процессе конфликтного противоборства является фактор геополитического влияния на процессы взаимодействия заинтересованных «игроков» мировой политики. Например, как отмечает В.А. Авксентьев, если раньше «этнические меньшинства могли рассчитывать не более чем на поддержку своих соплеменников в соседних государствах, то в современном мире это, прежде всего, обращение к тем международным силам, которые могли бы быть заинтересованы в установлении своего геополитического влияния в регионе конфликта» [6, с. 101]. Разработка научной серии «Атласов социально-политических проблем, угроз и рисков Юга России» посвящена специальному анализу причин и обстоятельств роста напряженности и поиску путей стабилизации макрорегиона. Обширный объем информации систематизирован и рассмотрен с точки зрения существующих угроз безопасности. В наглядной форме представлена специфика политических, этнических и религиозных процессов на Юге России, хроника террористической активности и противодействия незаконным вооруженным формированиям, геополитическая напряженность на южных рубежах России, а также социально-экономическая ситуация в регионе [7].

В условиях, когда в мире происходят кардинальные геостратегические трансформации и угрозы разрушения сложившегося международного порядка стали реальностью, на первый план в политической и научной повестке дня выходит проблематика выявления интеграционных ресурсов и определения механизмов противодействия разрушительным, деструктивным тенденциям, угрожающим региональной и глобальной безопасности. Для определения интеграционного потенциала и обеспечения устойчивого регионального развития и стабильности политического порядка, прежде всего, необходимо выявить эффективность использования интеллектуального,

теоретического, производственного и инновационного потенциала, имеющегося в регионе. Представители конструктивистского течения международно-политической мысли настаивают на том, что современная политическая реальность «является в одно и то же время и объективной, и субъективной. Иначе говоря, она интерсубъективна, так как непрерывно создается и воссоздается взаимодействием между акторами международной системы и тем значением, которое они ей придают. С этой точки зрения существенную роль в поведении международных акторов и в структурировании мировой политики в целом играют не только силовые отношения, но и такие нематериальные факторы, как правила, нормы и ценности» [8, с. 12]. В настоящее время распространено мнение о том, что в концептуальном плане западная экспансия базируется на англо-саксонских, геоатлантических ценностях и продиктована стремлением транснациональных политических элит распространить функционирование политических практик, апробированных в рамках евробюрократии. Многосоставной характер российского общества по определению не может гладко и безболезненно воспринять эту навязываемую ему политико-идеологическую парадигму как единственно возможную и эффективную. Поэтому с точки зрения интеграционных политических ориентаций и решения проблемы устойчивого развития российского общества, ценностно-культурные аспекты представляют собой сложное взаимопереплетение множества факторов полиэтничного социального пространства, требующего внимательного отношения как со стороны действующих политиков, так и комплексного полипарадигмального анализа научным политологическим сообществом. В данных условиях конструирование системы региональной безопасности и интеграционной политики является приоритетным направлением в деятельности органов государственной власти на всех уровнях.

Так, необходимо активизировать деятельность Организации Черноморского экономического сотрудничества (ОЧЭС), которая была создана еще в 1992 г. одиннадцатью черноморскими странами для того, чтобы поощрять сотрудничество в Черноморском регионе, о чем в Стамбуле была подписана

соответствующая декларация. Фактически это было заявление о намерении превратить Черное море в зону стабильности и процветания. Кроме России в ОЧЭС первоначально входили Азербайджан, Албания, Армения, Болгария, Греция, Грузия, Молдавия, Румыния, Турция и Украина, а в качестве наблюдателей - Австрия, Германия, Египет, Израиль, Италия, Польша, Словакия, Тунис, Франция, Европейская энергетическая хартия и другие страны и организации, проявляющие интерес к ОЧЭС. Большое место в деятельности ОЧЭС уделялось вопросам регионального научного сотрудничества, которое осуществлялось в рамках Международного центра черноморских исследований и по лини Рабочей группы ЧЭС по науке и технологиям. Значительное внимание уделялось вопросам прогнозирования, мониторинга и предотвращения в регионе природных и техногенных катастроф, в этой связи большое значение имела инициатива Кубанского государственного университета, представившего ряд проектов в области сейсмологии и образования, в частности, проект многоуровневого геофизического мониторинга предвестников землетрясений на суше и в акваториях Черноморского региона и проект создания математической модели эрозии берегов Черного и Азовского морей, а также проект подготовки молодых ученых в Информационно-аналитическом центре моделирования эколого-экономических систем Черноморского региона [9, 321]. Выступая 19.09.2013 г. на итоговой пленарной сессии «Многообразие России для современного мира» международного дискуссионного клуба «Валдай», В.В. Путин отмечал, что XXI век станет веком больших изменений, эпохой формирования крупных геополитических материков, финансово-экономических, культурных, цивилизационных, военно-политических, и потому наш абсолютный приоритет - это тесная интеграция с соседями. Речь шла о формировании новой российской идентичности. «Будущий Евразийский экономический союз, о котором мы заявляли, о котором мы много говорим последнее время, это не просто набор взаимовыгодных соглашений. Евразийский союз – это проект сохранения идентичности народов, исторического Евразийского пространства в новом веке и в новом мире.

Евразийская интеграция – это шанс для всего постсоветского пространства стать самостоятельным центром глобального развития, а не периферии для Европы или для Азии» [10]. Евразийская интеграция будет строиться на принципе многообразия, что это объединение отличается тем, что в нем каждый сохранит свою идентичность, самобытность, суверенитет и специфику. Только равноправные, партнерские отношения обеспечат возможность последовательно реализовывать этот проект, который станет эффективным способом формирования многообразия и устойчивого развития на основе интеграции и кооперации.

Список литературы

1. Региональные конфликты и проблемы безопасности Северного Кавказа / отв. ред. Г.Г. Матишов, В.А. Авксентьев. Ростов-н/Д, 2008. С. 8.
2. Баранец С.Н. К вопросу о методологических основаниях политической регионологии // Человек постсоветского пространства: Сб. материалов конф. СПб., 2005. Вып. 3. С. 94–95.
3. Юрченко Н.Н. Антикризисные политико-административные технологии как механизм обеспечения региональной безопасности в Причерноморье // Россия в современной архитектуре международной безопасности: вызовы и перспективы. М., 2016. С. 126.
4. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2011. С. 130–132.
5. Матишов Г.Г., Батиев Л.В., Пащенко И.В. Атлас социально-политических проблем, угроз и рисков Юга России. Т. IV. Причины и обстоятельства роста напряженности, поиск путей стабилизации на Северном Кавказе: Спец. вып. Ростов н/Д, 2009. С. 19.
6. Авксентьев В.А. Тенденции развития этноконфликтной напряженности на Юге России // Конфликтология. СПб., 2005. № 1. С. 101.
7. Атлас социально-политических проблем, угроз и рисков Юга России / под ред. Г.Г. Матишова. Ростов н/Д, 2006, 2007, 2008, 2009, 2010, 2011, 2012, 2013.
8. Универсальные ценности в мировой и внешней политике / под ред. П.А. Цыганкова. М., 2012. С. 19.
9. Юрченко И.В. Стремление к лидерству в Черноморском регионе: современные проблемы обеспечения региональной безопасности // Лидер, элита, регион: материалы науч.-практ. конф. с междунар. участием 27–28 окт. 2014 г., Ростов-на-Дону. Ростов н/Д, 2014. С. 321.
10. Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай» 19.09.2013 г. Владимир Путин принял участие в итоговой пленарной сессии международного дискуссионного клуба «Валдай». Тема

юбилейного заседания клуба «Многообразие России для современного мира». Стенограмма. URL: https://rg.ru/2013/09/19/stenogramma-site.html

Ю.В. Костенко

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ И МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В КРАСНОДАРСКОМ КРАЕ: ПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье раскрыты основные проявления демографических и миграционных процессов в Краснодарском крае: уровень рождаемости и смертности, естественный прирост населения, миграционные потоки и их структура. Внимание сосредоточено на мерах демографической и миграционной политики в регионе за 2018–2019 гг.

Ключевые слова: демографические процессы, миграционные процессы, политическое регулирование, Краснодарский край.

Yu.V. Kostenko

DEMOGRAPHIC AND MIGRATION PROCESSES IN KRASNODAR REGION: POLITICAL ASPECT

The article reveals the main manifestations of demographic and migration processes in the Krasnodar Territory: the birth rate and mortality rate, natural population growth, migration flows and their structure. Attention is focused on measures of demographic and migration policy in the region for 2018–2019.

Key words: demographic processes, migration processes, political regulation, Krasnodar Territory.

Демографические и миграционные процессы в Краснодарском крае сохраняют актуальность для политической науки. Сохранение оптимальных возрастных, профессиональных и территориальных пропорций структуры населения важно в аспекте обеспечения политической стабильности и безопасности в стратегически важном приграничном регионе России.

Тема исследована недостаточно. Основная часть публикаций излагает статистические данные, но не освещает политический контекст демографических и миграционных изменений на Кубани. Цель работы – определить политические эффекты демографических и миграционных процессов в Краснодарском крае.

Численность постоянного населения края по расчетам Управления Федеральной службы государственной статистики по Краснодарскому краю и Республике Адыгея выросла с 5603,4 тыс. чел. на 1 января 2018 г. до 5641,5 тыс. чел. на 1 ноября 2018 г., то есть увеличилась на 38,1 тыс. чел., Текущая численность населения на 539,4 тыс. чел. (на 10,5%) больше, чем по Всероссийской переписи 2010 г. [1] Но прирост численности населения края замедлился в сравнении с 2017 г., что объясняется вступлением в брачный возраст сравнительно малочисленной когорты рождённых в 1990-х гг.

Население Краснодарского края увеличивается всецело за счет миграционного прироста. По плотности населения – 74,7 чел./км^2 регион находится на четвёртом месте в РФ после Москвы, Санкт-Петербурга и Ингушетии [1]. Рост численности населения воспринимается общественным мнением края как чрезмерный и связывается с повышением полиэтничности и поликонфессиональности.

Уровень урбанизации в Краснодарском крае относительно низок по российским меркам (близок уровню соседних агропромышленных регионов – Ставропольского края и Республики Крым), растёт медленно. 55,1% – горожане и 44,9% – сельские жители. Опережающими темпами растёт население крупнейших городов – Краснодара, Сочи, Новороссийска, Армавира, Анапы, а также малых городов Черноморского побережья. Численность населения г. Краснодара – административного центра края по официальным данным Росстата выросла с 750 тыс. чел. до 1 млн. чел. за 2010 – сентябрь 2018 гг., а по отчету главы администрации г. Краснодара Е.А. Первышова, составила в 2018 г. 1,4 млн. чел. (включая сельские населенные пункты, входящие в состав муниципального образования). Темпы прироста населения г. Краснодара с пригородами достигли 20–30 тыс. чел. в год, и они самые высокие среди агломераций страны, не считая Москвы и Санкт-Петербурга. Численность населения г. Сочи за 2010–2017 гг. выросла на 40% и достигла 507 тыс. чел. [2]. Сверхконцентрация населения в региональном центре и крупнейших городах типологически сближает Краснодарский

край с развивающимися странами полупериферии глобальной экономики, создаёт повышенную плотность повседневных коммуникаций в этнической и конфессиональной сферах, особенно – в крупных городах.

Краснодарский край долгое время имеет «более пожилую» структуру населения, чем соседние республики Северного Кавказа [3]. Этим обусловлен сравнительно низкий уровень рождаемости и высокий уровень смертности, несмотря на благоприятные условия проживания. Высокая нагрузка пенсионных выплат на бюджет края стимулирует трудовую иммиграцию. На 1 января 2018 г. в возрасте старше трудоспособного находились 26,1% постоянных жителей края (1464,8 тыс. чел.), в том числе – 27,1% сельских жителей [4]. По данным Государственного учреждения – отделения Пенсионного фонда Российской Федерации по Краснодарскому краю численность пенсионеров, состоящих на учёте, на 1 июля 2018 г. составила 1605,3 тыс. чел. (на 1 июля 2017 г. – 1577,6 тыс. чел.) и постоянно растёт [5].

По краю за январь – октябрь 2018 г. число умерших превысило число родившихся на 6,6% (в январе – октябре 2017 г. – на 5,5%). Это означает ухудшение ситуации в сравнении с 2016 г., когда число родившихся по краю превышало число умерших на 4,0% [1].

По данным Краснодарстата, за январь – август 2018 г. коэффициент рождаемости составил 11,4 на 1000 постоянных жителей, что ниже аналогичного периода 2017 г. (11,8). Коэффициент смертности 12,4 на 1000 жителей также сократился в сравнении с уровнем сопоставимого периода 2017 г. – 12,8 [1].

Естественный прирост населения края за январь – август 2018 г. (в расчете на 1000 постоянных жителей) составил -1,0%, что равно показателю за соответствующий период 2017 г. Отрицательный естественный прирост населения края наблюдается непрерывно с начала 2017 г. после умеренного положительного прироста за 2012–2016 гг. [1] Это объясняется сочетанием долгосрочных демографических факторов (в фазу активного деторождения вступила малочисленная когорта рождённых в 1990-х гг.) и влияния экономического кризиса.

Положительных изменений естественного прироста ожидать в ближайшие годы нереально.

Краснодарский край – один из наиболее привлекательных для переселенцев регионов России. Межрегиональное сравнение миграционного прироста доказывает, что Краснодарский край является одним из лидеров в стране [6]. Краснодарский край остаётся лидером по приему населения в Южном федеральном округе (коэффициент миграционного прироста в крае составляет +73,9 на 10000 чел. постоянного населения за январь – октябрь 2018 г.) [7]. В то же время, коэффициент миграционного прироста в Краснодарском крае опустился с 6-го на 8-е месте по России и ниже уровня 2016 г. +100,5 [8].

По данным Краснодарстата, за январь – октябрь 2018 г. миграционный прирост населения края составил +41662 чел., он по сравнению с тем же периодом 2017 г. вырос на 34,1%. Это произошло за счет роста числа прибывших в край на 10599 чел. (на 9,6%), вследствие повышения доли межрегиональных мигрантов и переселенцев из стран СНГ. Тенденция противоположна тренду 2017 г. на уменьшение миграционного потока. Внутрирегиональная миграция за январь – октябрь 2018 г. уменьшилась на 2,9% по сравнению с январем – октябрем 2017 г. [7]

Из прибывших в край за январь – октябрь 2018 г. мигрантов 89,1% – внутрироссийские (в том числе, 28,3% прибывших – внутрирегиональные и 60,8% – межрегиональные), а 10,9% – зарубежные (в том числе 9,6% граждан стран СНГ и 1,3% граждан иных стран) [7]. В сравнении с соответствующим периодом 2017 г. удельный вес внутрироссийских миграций немного упал (с 90,0 до 89,1%) за счет спада внутрикраевых переселений, а доля межрегиональных внутрироссийских миграций возросла с 59,1 до 60,8%, как и всех международных миграций – с 10,0 до 10,9% (в том числе удельный вес приехавших из стран СНГ вырос с 8,6 до 9,6%, а из других стран – сократился) [7].

По исследованию РАНХиГС, Краснодарский край входит наряду с Москвой и Санкт-Петербургом, Московской и Ленинградской областями в пятёрку субъектов федерации с

наибольшим абсолютным внутрироссийским миграционным приростом [9]. За весь 2017 г. жители Сибирского федерального округа составили 31,6%, Уральского – 19,9%, Приволжского – 18,4%, Дальневосточного – 16,7%, Северо-Кавказского – 10,3%, Южного – 8,7%, Северо-Западного – 0,4% общего числа переселившихся в край жителей других регионов России. Это означает рост удельного веса переселенцев из Сибири, Дальнего Востока, Урала, Поволжья, Северного Кавказа, а также спад межрегиональных миграций внутри Южного федерального округа [7].

Удельный вес переселенцев из Северо-Кавказского федерального округа впервые превысил в крае процент переселенцев из Южного федерального округа. Это может вести к росту конфликтогенности вследствие различий этнической и конфессиональной идентичности, сравнительно слабой интегрированности выходцев из республик Северного Кавказа в российское социокультурное и политическое пространство. Но в течение десятилетия соотношение удельного веса мигрантов, прибывающих в край из зарубежных стран и внутрироссийских мигрантов, достаточно устойчиво [7].

По отчету Главного управления по вопросам миграции МВД России за первое полугодие 2018 г., Краснодарский край является пятым среди субъектов федерации по абсолютному числу приехавших иностранцев: 324,6 тыс. чел., в том числе, с видом на жительство – 37,2 тыс. чел. [10]

Миграционный прирост за счет обмена с СНГ за январь – октябрь 2018 г. в сравнении с тем же периодом 2017 г. вырос с +4306 до +8151 чел., т.е. в 1,89 раза, а количество прибывших мигрантов из стран СНГ выросло с 13778 до 16342 чел., т.е. на 18,6% [7]. Рост числа прибывших из стран СНГ наблюдается с начала 2018 г., что является новой тенденцией.

Миграционный прирост за счет обмена с иными зарубежными государствами снизился в январе – октябре 2018 г. по сравнению с соответствующим периодом 2017 г. с +1087 до +902 чел., т.е. на 17,0%, а количество прибывших мигрантов из данных стран – с 2279 до 2043 чел., т.е., на 10,4% [7]. Но спад

численности мигрантов из стран дальнего зарубежья меньше, чем в 2017 г.

Положительное сальдо миграции на Кубани наблюдалось за счет обмена населением со всеми странами СНГ. Среди стран СНГ 39,2% миграционного прироста приходилось на Украину (небольшой прирост за третий квартал 2018 г.), 21,6% – на Армению (небольшой спад за последний квартал) и 14,7% (стабильно) – на Казахстан. В более длительной ретроспективе это означает весомое сокращение притока мигрантов с Украины (63,1% миграционного прироста из стран СНГ в первом полугодии 2017 г. приходилось на Украину), резкий рост – из Армении (с 8,3% за весь 2017 г. до 21,6%), спад – из Казахстана (с 22,3% до 14,7%) [8]. Если эта тенденция закрепится, она будет означать значительное изменение источников международной иммиграции в край (Армения заменит Украину в качестве основного «поставщика» мигрантов, восстановятся пропорции, существовавшие до 2014 г.). Но во втором полугодии 2018 г. процент мигрантов с Украины вновь вырос – впервые за полтора года, что можно объяснить ухудшением военно-политической ситуации в Донбассе, чреватым возобновлением широкомасштабной войны.

Меньшее количество мигрантов за 10 месяцев 2018 г. зарегистрировано из числа граждан Таджикистана (5,5% миграционного прироста со странами СНГ), Узбекистана (4,7%), Беларуси (4,2%), Молдовы и Азербайджана – по 3,0%, Киргизии – 2,7% и Туркменистана – 1,4% [7]. Среди прибывших за январь – октябрь 2018 г. мигрантов из стран, не являющихся членами СНГ, преобладают граждане Абхазии (718 чел. из 2043), Грузии (429), Германии (220) и Турции (120 чел.) [7]. Мотивами международной миграции в край выступают, прежде всего, желание заработать и повысить статус. Наибольшую миграционную нагрузку испытывают г. Сочи, Новороссийск, Краснодар, сельские районы Черноморского побережья, где количество иностранных граждан и лиц без гражданства, выше, чем в других муниципальных образованиях.

Итак, демографические процессы в Краснодарском крае ведут к старению населения, росту его концентрации в крупных

городах, что может привести к росту социальной напряжённости. Восполнение рабочей силы идёт почти всецело за счёт миграционного притока с преобладанием внутрироссийских (межрегиональных) переселенцев.

Основы миграционной политики должны быть закреплены в кодексе законов, реализующем принципы международного права и Конституции РФ с учётом интересов национальной безопасности страны. Эти меры позволяют установить единые и четкие критерии эффективности политики, своевременно пресекать дискриминацию мигрантов по мотивам происхождения, социального и экономического положениям, пола, расы, этничности, языка, отношения к религии, убеждений. Но политика не должна и предоставлять привилегии мигрантам по отношению к принимающим сообществам.

Следует создать единый координационный орган федеральной власти. Он объединит усилия ФМС МВД России, правительственной комиссии по миграции, комиссии МИД РФ по делам соотечественников, Форума переселенческих организаций. Необходим эффективный федеральный контроль за ходом расселения и поддержкой мигрантов. Общегосударственный орган должен проводить отбор претендентов на переселение, вести конкурсы бизнес-проектов, организовать тестирование и проверку переселенцев правоохранительными органами, контролировать эффективность и законность расходования государственных субсидий на программы.

Литература

1. Общая характеристика воспроизводства населения в Краснодарском крае. URL: http://krsdstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/krsdstat/resources/4398ae80482380928efc8ef8830b115d/edn.htm (дата обращения: 06.09.2019).

2. В России появился еще один город-миллионник // Известия. 2018. 23 сент.

3. Афанасьев С. Хорошо забытое старое: армия российских пенсионеров растет в разы быстрее, чем население страны. URL: https://realnoevremya.ru/articles/110866-analiz-chislennosti-pensionerov-v-rf (дата обращения: 06.09.2019).

4. Распределение численности населения Краснодарского края по полу и возрастным группам на 1 января 2018 года. URL: http://krsdstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/krsdstat/resources/0d67b004767adcdb242bfa9f02e5c1a/ (дата обращения: 01.09.2019).

5. Средний размер назначенных пенсий. URL: http://krsdstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/krsdstat/resources/e0b95b804aa567cba7c3af4b782e6f0a/pensii_07_2018_dk.htm (дата обращения: 06.09.2019).

6. Щербакова Е.М. Миграция в России, итоги первого полугодия 2018 года // Демоскоп Weekly. 2018. № 783–784.

7. Общая характеристика миграционной ситуации в крае. URL: http://krsdstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/krsdstat/resources/45eb2d80482381a48f0d8ff8830b115d/migr.htm (дата обращения: 06.09.2019).

8. Миграционный прирост населения. URL: http://russia.duck.consulting/maps/88/2016 (дата обращения: 06.09.2019).

9. Краснодарский край попал в топ-5 регионов с наибольшим числом внутренних мигрантов. URL: https://kubnews.ru/obshchestvo/2018/09/21/krasnodarskiy-kray-popal-v-top-5-regionov-s-naibolshim-chislom-vnutrennikh-migrantov/ (дата обращения: 02.09.2019).

10. Антонов С. Кто едет в Россию. И что здесь делают все эти люди. URL: https://journal.tinkoff.ru/immigration/ (дата обращения: 02.09.2019).

В.А. Харькова, К.А. Чернявская

МИГРАЦИИ С ЮГО-ВОСТОКА УКРАИНЫ В ЮЖНЫЕ РЕГИОНЫ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ[1]

В статье анализируются особенности миграционных процессов в южные регионы Краснодарского края, происходящие в 2014–2019 гг. Авторами рассматривается миграционная политика, направленная на создание условий приёма и размещения мигрантов Юго-Востока Украины, а также её влияние на развитие региона.

Ключевые слова: беженцы, миграционная политика, миграционные процессы, Юго-Восток Украины, Краснодарский край, временное убежище.

[1] Работа выполнена в рамках проекта РФФИ № 19-411-230018 «Социальная адаптация мигрантов с Юго-Востока Украины в Краснодарском крае».

V.A. Khar'kova, K.A. Chernyavskaya

MIGRATIONS FROM SOUTH-EAST UKRAINE TO THE SOUTHERN REGIONS OF THE KRASNODAR REGION

The article analyzes the features of migration processes in the Black Sea region of the Krasnodar Territory, occurring in 2014–2019. The authors consider the migration policy aimed at creating conditions for the reception and placement of migrants in the South-East of Ukraine, as well as its impact on the development of the region.

Key words: refugees, migration policy, migration processes, South-East of Ukraine, Krasnodar Territory, temporary asylum.

В Российской Федерации создана и постоянно развивается целостная система предоставления временного убежища иностранным гражданам и лицам без гражданства. Весной 2014 г. вследствие широкомасштабного применения военной силы в Донецкой и Луганской областях, а также ухудшения политической и экономической ситуации на Украине резко возросла вынужденная иммиграция – въезд в страну на временное или постоянное жительство украинских граждан в Российскую Федерацию.

Согласно Федеральному закону от 19 февраля 1993 г. № 4528-I «О беженцах», беженец - это лицо, которое не является гражданином Российской Федерации и которое находится вне страны своей гражданской принадлежности, не имея возможности или не желая, пользоваться защитой своей страны в силу вполне обоснованных опасений стать жертвой преследований по признаку расы, вероисповедования, гражданства, национальности, принадлежности к определённой социальной группе или политических убеждений [1].

В 2015 г. в территориальные органы ФМС России с заявлениями обратились 130 тыс. граждан Украины (98% всего миграционного потока) о признании их беженцами и предоставлении временного убежища – возможности иностранного гражданина или лица без гражданства временно пребывать на территории Российской Федерации.

Всего с 1 апреля 2014 г. на территорию РФ въехало (без убытия) 1,1 млн. мигрантов с Юго-Востока Украины. В этот

период, на территории 61 субъекта Российской Федерации было развернуто 282 пункта временного размещения. Представители этой группы появились почти во всех регионах РФ, особенно в приграничных с Украиной субъектах – в Краснодарском крае, Ростовской, Белгородской и Брянской областях. Стоит отметить, что Краснодарский край стал лидером по приёму населения. Украина являлась основным источником миграции в Краснодарском крае (42%). Так, в 2018 г. край принял 9409 мигрантов из Украины, что по сравнению с 2017 г. увеличилось на 1777 чел. На рисунке 1 представлена статистика за 2014–2018 гг.

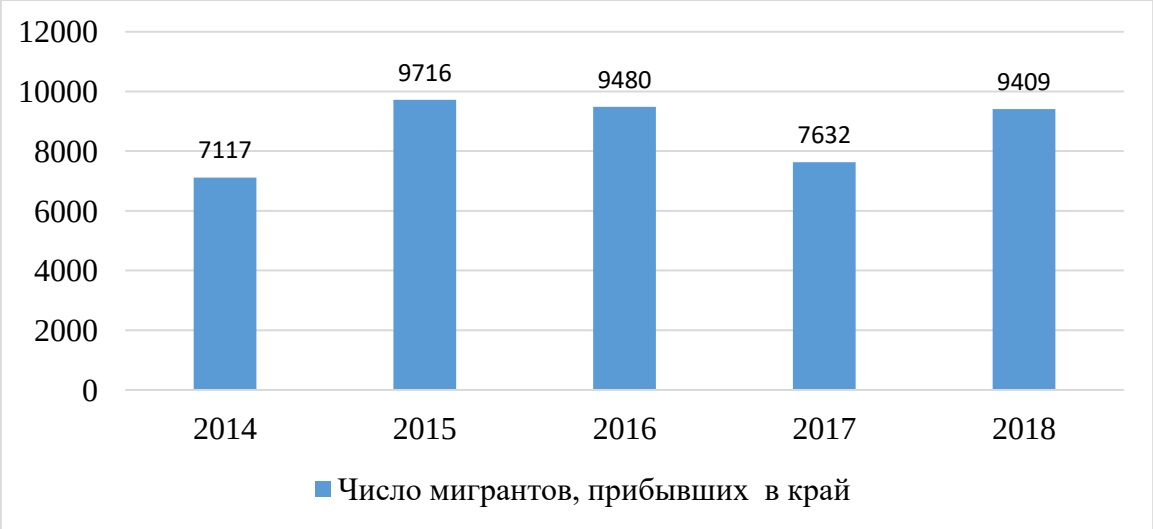

Рисунок 1 – Динамика прибывших в Краснодарский край беженцев с Юго-Востока Украины (кол-во человек).

Миграционный прирост составил 4011 чел. за прошлый год (Таблица 1) [2].

Таблица 1 – Миграционный прирост граждан Украины на территории Краснодарского края (кол-во человек).

	2014	**2015**	**2016**	**2017**	**2018**
Число мигрантов, прибывших в край	7117	9716	9480	7632	9409
Число мигрантов, выбывших из края	1419	1262	2364	5558	5398
Миграционный прирост	5698	8454	7119	2074	4011

При этом, наибольшую миграционную нагрузку испытывают именно территории края, относящиеся к Черноморскому региону, а именно: Сочи, Геленджик, Анапа, Новороссийск. Причерноморье Краснодарского края привлекает не только мигрантов, но и беженцев. Это закономерно, ведь эти территории занимают выгодное геостратегическое положение [3].

Это самый южный регион России, который имеет прямой выход к международным морским путям реализуя интересы страны в зоне черноморского экономического сотрудничества. Чернозёмные почвы в сочетании с благодатным климатом являются богатством региона и позволяют ему сохранять позиции крупнейшего производителя и поставщика сельскохозяйственной продукции. Кроме того, регион богат полезными ископаемыми, минерально-сырьевыми ресурсами и лесами, обладает развитую транспортной и коммуникационной инфраструктурой, что способствует экономическому развитию. Город-курорт Сочи является приморским бальнеоклиматическим предгорным курортом, являющимся конкурентоспособным не только на российском, но и на мировом рынке [4].

Стоит отметить, что основные пункты временного размещения мигрантов (ПВР) были созданы на базе гостиниц и санаториев. Почти 70% мест в ПВР или 3371 организованы в курортных районах края: Анапе (почти 1570 мест), Ейском (514), Темрюкском (460) и Туапсинском (828) районах края. В Сочи места для переселенцев выделяться не будут. Также ПВР открылись в крупных городах края. В Краснодаре – на базе гостиницы «Кавказ» (120 мест) и в Новороссийске – на базе отдыха «Голубой факел» (250 мест).

Однако, массовый приток мигрантов на территорию края, имеющего высокую плотность населения, создаёт комплекс серьёзных социально-экономических и политических проблем: трудоустройство, обеспечение жильём, увеличение нагрузки на объекты здравоохранения, образования, органы социальной защиты населения и выступает фактором, приводящим к стагнации развития региона. Миграционные процессы приводят к изменениям этнической идентичности и этностатусных

диспозиций, что ощутимо влияет на направленность регионального политического процесса.

В связи с этим в Краснодарском крае проводится миграционная политика, основной целью которой является регулирование миграционных потоков, преодоление стихийных последствий миграции, создание условий для реализации прав мигрантов.

Основные задачи данной миграционной политики:

- защита прав и интересов мигрантов;

- регулирование миграционных потоков с учётом социально-экономического развития и экологической обстановки;

- создание условий для приёма и размещения мигрантов, стимулирующих их активное участие в адаптации к существующему социально-экономическому положению. Мигранты имеют право на выбор места проживания и видов занятости [5].

В соответствии с п. 8 ст. 15.1 Федерального закона от 25.07.2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», иностранный гражданин при обращении за получением разрешения на временное проживание, вида на жительства, разрешения на работу либо патента, обязан сдать экзамены на владение русским языком, знание истории России и основ законодательства [6].

В Краснодарском крае в 18 организациях, 4 из которых находятся в Причерноморье, проводится экзамен комиссиями с привлечением специалистов. Пик ажиотажа на тестирования пришёлся на 2015 г., который в настоящее время урегулирован. По заявкам крупных работодателей организовываются выездные экзамены.

На сайте УФМС России по Краснодарскому краю размещена программа теста, требования, предъявляемые к содержанию и знаниям мигрантов, а также информация о центрах тестирования и уполномоченных на приём экзамена.

Граждане Украины составляют 93,1% обратившихся в органы УФМС по краю за предоставлением временного убежища и статуса беженца. Для граждан Украины предусмотрена специальная процедура получения данных статусов.

Распоряжением Правительства Российской Федерации увеличены квоты субъектам Федерации на выдачу разрешений на временное проживание для иностранных граждан.

В Краснодарском крае создан штаб, координирующий работу по оказанию гуманитарной помощи гражданам, приезжающим с Юго-Востока Украины. С 2014 г. действует рабочая группа содействия трудоустройству беженцев. Также, для беженцев с Юго-Востока Украины существуют квотные рабочие места [7].

Граждане Украины, обладающие правом на временное проживание в Российской Федерации, видом на жительство или убежищем на территории Краснодарского края, могут стать участниками программы переселения соотечественников. Но претендент должен подходить под ряд требований, главными из которых является готовность к проживанию в сельской местности, наличие педагогического и медицинского образования и занятие соответствующей трудовой деятельностью на законных основаниях не меньше полугода [8].

Депутатами Законодательного собрания Краснодарского края в первом чтении в ходе 16-й сессии был принят закон по созданию Управления по миграционным вопросам.

Южные районы Краснодарского края являются привлекательным регионом как для мигрантов в целом, так и для беженцев с Юго-Востока Украины в частности. Однако массовый приток мигрантов на территорию края, имеющего высокую плотность населения, создаёт комплекс серьёзных социально-экономических и политических проблем. В связи с этим в Краснодарском крае создана миграционная политика, которая нуждается в совершенствовании, поскольку не решает всех существующих проблем.

Список литературы

1. О беженцах. Федеральный закон от 19 февраля 1993 г. № 4528-I. URL: https://base.garant.ru/10105682/ (дата обращения 05.09.2019).

2. Управление Федеральной службы государственной статистики по Краснодарскому краю и Республике Адыгее. URL: http://krsdstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/krsdstat/resources/07ac3e004a2d5b42a50cb72ae22f80ef/%D0%BC%D0%B8%D0%B3%D1%80%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F.htm (дата обращения: 05.09.2019).

3. Муха В.Н., Клочко Е.Н., Шичиях Р.А. Этнический фактор в развитии экономики Краснодарского края // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. Майкоп, 2018. № 1. С. 142–147.

4. О программе экономического и социального развития Краснодарского края на 2003–2008 годы. Закон Краснодарского края. URL: http://docs.cntd.ru/document/461606608 (дата обращения: 05.09.2019).

5. О Федеральной миграционной программе. Указ Президента РФ от 13.06.1996 г. № 881 (В редакции Указа Президента Российской Федерации от 07.12.2016 г. № 656). URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/41462 (дата обращения: 05.09.2019).

6. О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации. Федеральный закон от 25.07.2002 г. № 115-ФЗ. URL: https://base.garant.ru/184755/ (дата обращения: 07.09.2019).

7. Баранов А.В., Костенко Ю.В. Миграционная политика в Краснодарском крае: этнополитический аспект // Общество: политика, экономика, право. Краснодар, 2016. №5. С. 37–42.

8. Подпрограмма «Оказание содействия добровольному переселению в Краснодарский край, соотечественников, проживающих за рубежом» государственная программа Краснодарского края «Содействие занятости населения» на 2016-2021». URL: http://www.belorechensk.ru/trud/news/11227/ (дата обращения: 08.09.2019).

С.В. Васюк

СПЕЦИФИКА ОСВЕЩЕНИЯ ВОССОЕДИНЕНИЯ КРЫМА С РОССИЕЙ В ТЕЛЕВИЗИОННЫХ НОВОСТНЫХ ПРОГРАММАХ (НА МАТЕРИАЛАХ ПРОГРАММЫ «ВРЕМЯ» НА «ПЕРВОМ КАНАЛЕ»)

В статье на примере программы «Время» на «Первом канале» выделена специфика освещения воссоединения Крыма с Россией в телевизионных новостных программах. Выявлены особенности формирования новостной повестки, а также технологии воздействия на целевую аудиторию.

Ключевые слова: политика, СМИ, общественное мнение, воссоединение Крыма с Россией.

S.V. Vasyuk

SPECIFICITY OF COVERAGE IN TELEVISION NEWS PROGRAMS THE REUNIFICATION OF CRIMEA WITH RUSSIA (BY THE CASE OF THE PROGRAM «VREMYA» ON CHANNEL ONE)

On the example of the program «Vremya» on Channel One specificity of coverage of the reunification of Crimea with Russia in television news programs are marked out in article. Features of formation of the news agenda and also technology of impact on target audience are revealed.

Key words: politics, media, public opinion, reunification of Crimea with Russia.

Современные исследователи нередко обращаются к анализу новостных программ на «Первом канале» [1, с. 130–135; 2, с. 161–167; 3. с. 99–104], который представляет собой один из ведущих источников информации для массовой аудитории в России. Нами была исследована новостная программа «Время», которая вышла в эфир 18 марта 2014 г. в 21:00 [4].

В ее рамках нами было выделено три тематических блока новостей: в которых воссоединение является основной темой (11 единиц); в которых оно упоминается (7 единиц); не связанные с темой воссоединения (5 единиц). Материалы первого блока доминируют и занимают более двух третей эфирного времени (67,4%), материалы второго и третьего блоков – 17,53% и 15,07% соответственно. Выражена хронологическая последовательность новостных материалов трех блоков. Новости из первого транслируются в начале выпуска, из второго блока – в середине, из третьего блока – в завершающей части.

Первым и наиболее продолжительным является новостной материал, посвященный выступлению В.В. Путина перед Федеральным Собранием, руководителями регионов России и представителями гражданского общества (16:42). Отметим, что основные тезисы выступления в последующем неоднократно повторяются в течение всего выпуска.

Следующий репортаж посвящен встрече Президента РФ с В.А. Константиновым, С.В. Аксеновым и А.М. Чалым (0:47). Озвучено обещание В.В. Путина помочь новым российским

врегионам в решении местных проблем. Затем следует краткий новостной материал «Крымскую делегацию приняли в верхней палате российского парламента» (0:26), в рамках которого озвучено выступление В.И. Матвиенко, она подчеркивает мирный характер российской внешней политики.

Затем раскрывается содержание текста договора о принятии в РФ Республики Крым (1:31). Акцентируется роль В.В. Путина в интеграции региона («текст договора, скрепленный подписью Владимира Путина…»), наличие правовой основы для его подписания («документ основан на свободном и добровольном волеизъявлении 16 марта»).

Далее следуют комментарии российских политиков, посвященные выступлению Президента РФ (4:34). Внимание аудитории акцентируется на историческом характере воссоединения («произошло очень важное историческое событие»); поддержке новых субъектов («регионы России поддержат Крым и Севастополь не только морально»); необходимости защиты соотечественников («защищать русских людей, где бы они не жили»); наличии правовой основы для воссоединения («соблюдая все нормы международного права»); поддержке всех этических групп, проживающих на полуострове («крымские татары наконец получают исторический шанс на полноценную реабилитацию своего народа»); консолидации россиян по вопросу воссоединения («российское общество, отмечают и политологи, и социологи, давно не было столь единым»).

Затем транслируется репортаж, в котором раскрыта реакция жителей Севастополя на речь В.В. Путина (4:26). Также неоднократно подчеркивается исторический характер события («для горожан этот момент больше чем просто исторический»), роль в нем В.В. Путина, а также единодушная поддержка жителям полуострова воссоединения, положительный эмоциональный контекст события. Приводится метафора – Россия («мать) защитила от Украины («мачехи») жителей Крыма.

Следующий новостной материал посвящен положительным переменам, которые ожидают жителей полуострова после воссоединения (5:33). Вновь подчеркивается историческая связь

Крыма с Россией, много внимания уделено поддержке воссоединения со стороны всех этнических групп, проживающих в Крыму («все те, кто живут на полуострове – люди разных национальностей, но каждый считает себя частью русского народа»). Используется метафора: население полуострова – большая межнациональная семья. Транслируется контент о положительных переменах, которые либо уже наступили, либо наступят в ближайшее время («перемены о которых в Крыму так долго мечтали уже начались»). Интервьюируемые жители полуострова нововведения поддерживают. Интересной является метафора «триколор как знамя Победы».

Далее следует новостной материал об акциях поддержки воссоединения в регионах (4:06). Внимание аудитории акцентируется на массовом характере мероприятий, которые прошли во всех субъектах; историческом характере воссоединения («эта историческая и родственная связь никогда не обрывалась»); единодушной поддержке, в т.ч. крымскими татарами («большинство из них на референдуме тоже поддержали воссоединение с Россией»); важности защиты соотечественников («очень много русских людей живет там, а мы своих не сдаем»). Повторно приводится метафора «воссоединение – Победа» («16 марта – это как 9 мая, вторая историческая дата»).

Следующий репортаж посвящен процедуре ратификации договора с Крымом и Севастополем российским парламентом (5:21). Воссоединение вновь трактуется как исторический момент, отмечается единодушная позиция разных политических сил («специальное заявление о ситуации в Крыму внесли на рассмотрении Госдумы лидеры всех парламентских фракций») и важность поддержки всех этнических групп в Крыму («Госдума будет способствовать межнациональному миру»).

В данном новостном материале впервые в выпуске значительное внимание уделено санкциям со стороны стран Запада, введенным после проведения референдума. Санкции оцениваются критически, при этом подчеркивается их ограниченный характер («но по линии экономики боятся это сделать»).

Далее следует краткий материал из третьего блока, посвященный утверждению Госдумой Э.А. Памфиловой в должности уполномоченного по правам человека (0:43). Данная вставка разделяет позитивные новости, посвященные воссоединению, из первого блока и преимущественно негативные из второго блока, в последних аудитория информируется о международных противоречиях в т.ч. в связи с интеграцией Крыма в состав РФ.

В рамках второго тематического блока новостей ответственность за политический кризис на Украине возлагается на радикалов и их зарубежных спонсоров, подчеркивается последовательность и независимость внешней политики России, реакцией на которую стало введение санкций, а также тяжелые последствия для стран Запада в том случае, если будут введены экономические ограничения. Вновь отмечается «историческое значение воссоединения Крыма с Российской Федерацией» и «осознанный выбор многонационального населения Крыма».

В последнем материале второго блока излагаются комментарии экспертов по поводу внешнеполитических аспектов событий в Крыму (6:20). Здесь ответственность за политический кризис на Украине вновь возлагается на Запад, кроме того, приводятся мнения зарубежных политологов, поддерживающих позицию России по Крыму.

В завершение новостной программы следуют основные новостные материалы из третьего блока, посвященные внутрироссийским новостям. Последние два материалы носят позитивный характер.

Таким образом, существенную роль в освещении воссоединения Крыма с Россией в рамках телевизионной новостной программы «Время» играет тематическая последовательность изложения новостей. Это позволяет избежать формирования у аудитории негативных ассоциаций интеграции региона с санкциями и противостоянием на международной арене. Отметим активное использование редакторами смысловых повторов – тезисов, позволяющих интерпретировать политические события в определенном контексте, а также метафор. Существенное внимание было уделено формированию

ассоциации воссоединения Крыма с Россией с Президентом РФ В.В. Путиным.

Список литературы

1. Прилукова Е.Г. Репрезентация стратегий будущего России в «Новостях» на Первом канале // Политическая лингвистика. 2017. № 5. С. 130–135.
2. Кобеляцкая М., Беловодская А. Лингвомедийные технологии воздействия в телевизионных новостных программах // Стылістыка: мова, мауленне і тэкст: зб. навук. прац. Мінск, 2017. С. 161–167.
3. Тарасова И.В., Минец Д.В. Речевой портрет современного телеведущего (по материалам программы «Время» с Ираидой Зейналовой) // Таврический научный обозреватель. Симферополь, 2016. № 7(12). С. 99–104.
4. Выпуск программы «Время» в 21:00 18 марта 2014 г. Новости. Первый канал. URL: https://www.1tv.ru/news/issue/2014-03-18/21:00#1 (дата обращения: 10.08.2019).

Е.Н. Сичак

ВОССОЕДИНЕНИЕ КРЫМА С РФ В ЗАЯВЛЕНИЯХ РОССИЙСКИХ ОППОЗИЦИОННЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ

Статья посвящена исследованию заявлений российских оппозиционных политических партий в период «Крымской весны» и выборов в Крыму в 2014 г. Автор проводит сравнительный анализ позиций политических партий, особое внимание уделяя их деятельности по созданию национального консенсуса в контексте воссоединения Крыма с Россией.

Ключевые слова: политическая партия, Крым, выборы, консенсус, крымская весна, история, политика.

Sichak E.N.

REUNION OF CRIMEA WITH RF IN STATEMENTS OF THE RUSSIAN OPPOSITIONAL POLITICAL PARTIES

This article is devoted to research of Russian oppositional political parties declarations in period of «Crimean spring» and during the elections in Crimea in 2014. The author makes a comparative analysis of opinions of political parties and paying special attention to their activities in creation of national consensus in reunification of Crimea with Russia.

Key words: political party, Crimea, elections, consensus, Crimean spring, history, politics.

18 марта 2019 г. исполнилось пять лет с момента подписания договора о принятии Республики Крым и Севастополя в состав Российской федерации. Воссоединение Крыма с Россией стало важным политическим событием в истории постсоветской России и мировой истории в целом.

Важную роль в данном процессе, как институты политического опосредования, сыграли политические партии, представленные на тот момент в Государственной думе Федерального Собрания Российской Федерации VI созыва: «Единая Россия», КПРФ, ЛДПР и «Справедливая Россия». В данной статье мы рассмотрим заявления лидеров оппозиционных парламентских политических партий, относящиеся ко вхождению Крыма в состав РФ и их позиции в рамках «крымского консенсуса», а также позицию партии «Яблоко», не прошедшей в Государственную Думу по итогам выборов 2011 г., но получавшую на тот момент государственное финансирование.

После первых выборов на территории Республики Крым в составе РФ в сентябре 2014 г. лидер «Единой России» Д.А. Медведев выразил общую позицию думских партий: «Символом принципиально другого сознания в партийной среде для меня стала реакция российских политиков на события в Крыму». Председатель правительства обратил внимание, что российские политики проявили общую позицию в ответ на события в Крыму. «Очевидно, когда речь заходит о гражданской позиции, выработке внешней политики, партии занимают тождественную позицию», – отметил Д.А. Медведев. Также глава правящей партии отметил, что политические партии приняли активное участие в формировании политической системы на полуострове [1].

Напомним, что на выборах в Госсовет Республики Крым, прошедших 14 сентября 2014 г. правящая партия набрала 70,18% голосов, ЛДПР – 8,49%, остальные партии не преодолели пятипроцентный барьер. Аналогичная ситуация возникла и на выборах в Законодательное собрание Севастополя, где в

законодательный орган прошли только «Единая Россия», получившая 22 мандата и ЛДПР с 2 мандатами [2].

Лидер КПРФ Г.А. Зюганов, выступая на пленарном заседании Госдумы 20 марта 2014 г., заявил, что партия полностью поддерживает вхождение полуострова в состав РФ поскольку «идет процесс воссоединения с исторической родиной Крыма и Севастополя». Также глава КПРФ озвучил следующие тезисы: русские оказались самым крупным в мире разделенным народом. Воссоединение соотечественников со своей Родиной, развитие русского ядра, русской культуры, русского духа является исключительно важным; восстановление исторической справедливости должно еще больше сплачивать в отстаивании национально-государственных интересов России [3].

Глава Либерально-демократической партии России В.В. Жириновский, комментируя крымский референдум, заявил, что после распада СССР для миллионов граждан Крым стал самой болезненной потерей. «16 марта можно сравнить с 9 мая, с днём Победы. В мае 1945 года мы сбросили «коричневую чуму», а 16 марта 2014 года жители Крыма сбросили нацистский режим Украины» – отметил он [4]. Важным фактором для последующей политической деятельности ЛДПР на территории Крыма и ее рейтинга явился приезд В.В. Жириновского на полуостров 28 февраля 2014 г. [5].

В контексте крымского референдума в конце марта 2014 г. на сайте Либерально-демократической партии России была опубликована статья под названием «Взгляд ЛДПР на исторические причины кризиса на Украине», к которой описывается гипотетическая возможность проведения подобных референдумов в западных областях Украины и подчеркивается наличие у народов права на самоопределение. «Почему бы в Польше, Румынии, Венгрии не подумать о том, чтобы добиться проведения референдума на территориях вышеуказанных областей Украины, а также в сопредельных регионах Польши, Румынии и Венгрии? Вопрос один – возможность возвращения Черновицкой области в состав Румынии, Закарпатской – в состав Венгрии, и 5 областей Украины – Волынской, Львовской, Тернопольской, Ивано-Франковской и Ровенской – в состав

Польши» – отмечается в статье. Также ЛДПР заявляет в данном документе, что возможность проведения референдумов о возвращении вышеуказанных земель в состав Польши, Венгрии, Румынии, России не ущемляет интересы украинцев, а, напротив, принесет благополучие и спокойствие на исконно украинские земли – Киев, Чернигов, Сумы, Полтава, Житомир, Кременчуг, Винница, Кировоград [6].

Теперь перейдем к рассмотрению позиции политической партии «Справедливая Россия» относительно «Крымской весны». Как и другие парламентские партии, «эсеры» поддержали воссоединение Крыма с Россией, лидер партии С.М. Миронов назвал прошедший на полуострове референдум «историческим решением народов Крыма» и отметил что «Началось собирание земель русских» [7].

Помимо заявлений председателя «Справедливой России», в феврале 2014 г. эта партия внесла в Государственную Думу законопроект предполагающий упрощенный порядок приема в гражданство РФ для граждан Украины [8]. Также «Справедливая Россия» внесла проект закона, регламентирующий принятие в состав России части иностранного государства. Документ предусматривал комплекс правовых мер, направленных на урегулирование процедуры принятия в состав РФ в качестве нового субъекта федерации части иностранного государства при соблюдении некоторых условий: отсутствия эффективной суверенной государственной власти; в случае, если присоединение части иностранного государства к Российской Федерации получило одобрение на референдуме; если легитимные органы государственной власти части иностранного государства обратились к России с предложением о принятии в качестве нового субъекта в состав федерации. При этом депутаты-«эсеры» отмечали недопустимость использования вооруженной силы: и в ходе волеизъявления населения (например, при проведении референдума), и в целях изменения результатов волеизъявления [9].

В преддверии референдума в Крыму, парламентарий от СР О.А. Нилов предложил депутатам, руководителям предприятий и всем гражданам России финансово поддержать Крым, чтобы

обеспечить его жителей средствами на хозяйственные нужды и формирование отрядов самообороны [10].

Отношение оппозиционной непарламентской партии «Яблоко» к воссоединению Крыма с Россией и конфликту на Юго-Востоке Украины можно определить исходя из заявлений С.С. Митрохина, являвшегося в период «Крымской весны» председателем партии, и фактического лидера «Яблока» Г.А. Явлинского. Так, на официальном сайте партии вхождение Крыма и Севастополя по итогам референдума в состав РФ преподносится С.С. Митрохиным как «аннексия» [11].

В заявлении Политического комитета партии от 14 марта 2014 г., внесенного Г.А. Явлинским, содержались такие тезисы как призыв к Президенту РФ «прекратить силовое воздействие в Крыму» и «не проводить референдум в Крыму», а также «признать безусловное право Украины самостоятельно определять свои экономические и политические связи» [12]. Стоит отметить, что представители партии «Яблоко» не дали четкую политико-правовую оценку событиям в Киеве, которые, на наш взгляд, следует оценивать исключительно как государственный переворот.

Как отмечает в исследовании заявлений партии «Яблоко» Д.В. Редченко, по мнению С.С. Митрохина, в Крыму В.В. Путин решал четыре задачи: «1) Это «реванш» его системы, он показал, что может побеждать носителей “оранжевой революции” на их собственной территории, не говоря уже о самой России; 2) “имперский пиар” создает Путину имидж “собирателя русских земель”, решается задача укрепления власти; 3) наносится очередной удар по внутренней оппозиции. Все, имеющие другое мнение по вопросу присоединения Крыма, – СМИ, партии, общественные движения, группы и лидеры общественного мнения – уже объявляются «предателями Родины»; 4) резко повышается градус конфронтации с внешним миром, что также поднимает рейтинг» [13, с. 217–218].

Подводя итоги, можно констатировать, что оппозиционные российские парламентские партии в крымском вопросе проявили себя как государственно- и национально-ориентированные политические силы, выразив общую солидарность по важному

для Российской Федерации и Крыма геополитическому решению. Несмотря на программные и идеологические противоречия, вышеуказанные партии в данной ситуации выступили как акторы политического консенсуса, выражающие мнение подавляющего большинства граждан России с различными политическими предпочтениями.

Лидеры КПРФ, ЛДПР и «Справедливой России» предложили свои варианты видения и решения вопросов, связанных со вхождением Республики Крым и Севастополя в состав Российской Федерации, определив данный процесс как «восстановление исторической справедливости» и «воссоединение разделенных народов», внося необходимые законопроекты и предложения. Также лидерами данных партий (КПРФ, ЛДПР) были предложены свои подходы к историческому осмыслению всей ситуации, сложившейся как в Крыму, так и на Востоке Украины, проанализированы внутри- и внешнеполитические предпосылки.

Отдельно стоит отметить активность ЛДПР в период «Крымской весны», в частности, посещение Севастополя председателем партии первым из федеральных российских политиков и поддержки им крымчан накануне референдума. Подобная активность, на наш взгляд, оказала прямое влияние на электоральные предпочтения крымчан и результаты ЛДПР на выборах в законодательные органы Крыма и Севастополя в сентябре 2014 г.

Что касается партии «Яблоко», то мы можем констатировать ангажированную политическую позицию «быть против» власти практически по любым вопросам, даже по таким важным как вопросы внешней политики и поддержки соотечественников. Вполне закономерно, что подобная позиция «яблочников» определила их последующие крайне низкие результаты на парламентских выборах 2016 г. и на президентских выборах 2018г.

Список литературы

1. Медведев поблагодарил партии за работу в Крыму. URL: https://er.ru/news/122402/ (дата обращения: 10.09.2019).

2. Избиркомы Крыма и Севастополя утвердили результаты выборов. URL: https://rg.ru/2014/09/16/reg-kfo/itogi-anons.html (дата обращения: 10.09.2019).

3. Г.А. Зюганов: Воссоединение с Россией Крыма и Севастополя – это восстановление исторической справедливости. URL: https://kprf.ru/dep/gosduma/statements/129548.html (дата обращения: 11.09.2019).

4. Воссоединение Крыма с Россией – большой праздник не только для крымчан, но и для жителей всей страны. URL: https://ldpr.ru/events/reunification_of_the_Crimea_with_Russia_is_a_big_holiday (дата обращения: 11.09.2019).

5.Перед севастопольцами выступил Владимир Жириновский. «Вы здесь на Родине! И если у них есть майдан, то в России – есть Магадан». URL: https://sevastopol.su/news/pered-sevastopolcami-vystupil-vladimir-zhirinovskiy-vy-zdes-na-rodine-i-esli-u-nih-est-maydan-v (дата обращения: 11.09.2019).

6. Взгляд ЛДПР на исторические причины кризиса на Украине. URL: https://ldpr.ru/events/ldpr_view_historical_causes_of_the_crisis_in_ukraine/ (дата обращения:11.09.2019).

7. «Началось собирание земель русских» – российский парламентарий о присоединении Крыма к РФ. URL: http://pressorg24.com/news?id=19045 (дата обращения: 11.09.2019).

8. «СР» внесла в Госдуму законопроект об упрощении получения гражданства РФ гражданами Украины. URL: http://www.spravedlivo.ru/5795910 (дата обращения: 11.09.2019).

9. «СР» внесла в Госдуму законопроект, регламентирующий принятие в состав России части иностранного государства. URL: http://www.spravedlivo.ru/5795810 (дата обращения: 12.09.2019).

10. Олег Нилов для урегулирования ситуации на Украине призвал созвать «Ялтинскую конференцию 2.0». URL: http://www.spravedlivo.ru/5795510 (дата обращения: 12.09.2019).

11. Роль и задачи партии «Яблоко» в современной российской политике. Решение Федерального Совета партии «Яблоко» от 17 декабря 2014. URL: https://www.yabloko.ru/federalnyj_sovet/2014/12/17_0 (дата обращения: 12.09.2019).

12. Путь к миру. Заявление Политкомитета РОДП «Яблоко» от 14 марта 2014 г. Вносит Г.А. Явлинский. URL: https://www.yabloko.ru/reshenija_politicheskogo_komiteta/2014/03/18 (дата обращения: 13.09.2019).

13. Редченко Д.В. Присоединение Крыма к России в 2014 г.: позиция Российской объединенной демократической партии «Яблоко» // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2017. Т. 17, вып. 2. С. 216–222. DOI:10.18500/1819-4907-2017-17-2-216-222.

Е.В. Маслацева

ВЛИЯНИЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ УГРОЗ НА ВОЕННУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье рассматриваются геополитические угрозы военной составляющей национальной безопасности, определяются основные этапы геополитической модернизации Вестфальской модели международных отношений. Отмечается, что попытки построения однополярного мира со стороны США несут серьезную угрозу военной безопасности Российской Федерации, что вынуждает ее усиливать отечественный военно-промышленный комплекс.

Ключевые слова: национальная безопасность, военная безопасность, военная политика, геополитические процессы, система международных отношений.

E.V. Maslatseva

INFLUENCE OF GEOPOLITICAL THREATS ON MILITARY SECURITY OF THE RUSSIAN FEDERATION

The article deals with the geopolitical threat to the military component of national security. It also defines main political stages of geopolitical modernization of Westphalia model of international relations. It is noted that the US attempts to develop a unipolar world bring a serious threat to the military security of the Russian Federation. It makes Russia to strengthen its military-industrial complex.

Key words: national security, military security, military policy, geopolitical processes, system of international relations.

Геополитические вызовы и угрозы, обострившиеся в XXI в., поставили Россию перед необходимостью пересмотра всей стратегии обеспечения ее национальной безопасности, в первую очередь, военной. Современная война приобретает совершенно иной характер – геополитический, геоэкономический, информационный; в военном плане – локальный и скоротечный. Однако этот характер – интенсивный и неизбирательный.

Хотя современный мир полицентричен, мировая политика, как показывает политологический анализ, далека от стремления к классическому многополярному миру. Нынешний мир в большей степени представляет собой многоуровневую международную

систему с доминированием проблем мировой экономики и новых международных институтов.

Современные процессы политической модернизации связаны, прежде всего, с противоречиями перехода к демократическим отношениям. Одно из этих противоречий – навязывание миру однополярной модели демократии [1 с. 109–115]. Попытки построения многополярного мира усиливают геополитическое противостояние. Необходимо отметить, что военно-силовой фактор по-прежнему сохраняет весомую роль в решении проблем международной безопасности и даже обозначилась тенденция к его усилению. Международное право, а также основы Вестфальской системы находятся в состоянии глубокого кризиса, поэтому необходима новая модель международных отношений.

Период холодной войны сформировал иной мировой порядок – режим взаимодействия двух субъектов конфронтации, режим «взаимного ядерного сдерживания» или «взаимного гарантированного уничтожения». Ялтинско-Потсдамская система международных отношений имела конфронтационный характер. Тотальность, идеологичность и значительный военный отрыв двух сверхдержав от остальных стран мира сформировал два конкурирующих мировых лагеря. Сокрушительный удар по основам Вестфальской системы был нанесен глобализацией и крушением биполярного мира в 1991 г. В течение еще 10 лет сохранялась биполярная логика. Как отмечали отечественные и зарубежные эксперты, глобальный террористический вызов 11 сентября 2001 г. и последовавшая за этими событиями агрессивная политика США послужили мощнейшим катализатором распада Вестфальской системы международный отношений [2, с. 2–3].

Однополярный мир показал свою несостоятельность, так как не мог обеспечить ни международную безопасность, ни национальную, даже самих США. Явным становится усиление влияния стран третьего мира, выход на мировую арену таких держав как Бразилия, Индия, Китай.

Время показало, что концепция многополюсного мира также не может быть гарантом безопасности для нового миропорядка.

Теракты показали не только, что ни один полюс силы не в состоянии защитить себя в одиночку, но и то, что все они одновременно и в одинаковой степени уязвимы.

В этой ситуации происходит и упадок традиционных международных институтов. Фактически нестабильность только нарастает, создавая новые мировые вызовы и угрозы, демонстрируя неспособность международных институтов региональной и глобальной безопасности (ООН, НАТО, ОБСЕ и др.) справиться с ними [3 с. 25–28]. Это особенно ярко проявилось в условиях украинского кризиса 2014–2015 гг., когда геополитические и экономические интересы США стали доминировать над интересами других государств. Попытка установления нового однополярного миропорядка привела мир на грань третьей мировой войны.

Учитывая постмодернизационный переход, необходимо отметить, что на первый план в современном мире выходит информация и наукоемкие ресурсы, усиленные средствами цифровой связи, что позволяет нам говорить о произошедшей информационной революции. Происходит медиатизация всех сфер общественной жизни, усиливается значение высоких технологий и сетецентрических методов ведения войны. Новая эпоха ведет к новым методам и формам ведения войны. Также можно сказать о невиданных ранее условиях баланса сил в военной области. Международная обстановка в XX1 в., насыщенная военными конфликтами и противостояниями, обострением террористических угроз и действий, доказала, как жизненно необходимо уметь адекватно реагировать на эти угрозы.

В одном из обращений к Федеральному Собранию В.В. Путин говорил: «Обращаю ваше внимание на то, что современной России нужна армия, имеющая все возможности адекватно реагировать на современные угрозы. У нас с вами должны быть Вооруженные Силы, способные одновременно вести борьбу в глобальном, региональном, а если потребуется, и в нескольких локальных конфликтах. Должны – при любых сценариях – гарантировать безопасность и территориальную целостность России» [4].

В настоящее время для России особую опасность представляет расширение НАТО на Восток, которое идет путём включения в состав альянса постсоциалистических стран Восточной Европы и Балтии, а также возможность вовлечения в НАТО Грузии, Украины и других постсоветских государств.

Для современного мирового порядка характерно доминирование экономических факторов в решение проблем безопасности государств. В международных отношениях больше всего считаются с государством, чья военная мощь подкрепляется соответствующим экономическим потенциалом. Кроме того, в спорных международных делах все чаще прибегают к использованию различного рода экономических санкций. Наблюдаемая тенденция возрастания роли политических, экономических и других невоенных факторов в решении национальной и международной безопасности ведет к относительному снижению признания роли военной силы в международных отношениях. Но это утверждение справедливо только в период стабильности международных отношений. История доказывает, что эти периоды кратковременны и превалирование невоенных действий над военными не может являться постулатом обеспечения международной безопасности, что доказывают события конца XX – начала XX1 вв. на Ближнем Востоке, в Северной Африке, Восточной Европе и других регионах мира. Хороший урок заблуждениям ряда политиков преподнесла Украина. Нарастание международной напряженности доказывает, что в абсолютном смысле военная сила была и остается важнейшей опорой национальной безопасности государства. Военные и невоенные угрозы тесно взаимосвязаны, поэтому невоенные средства в решении международных проблем часто подкрепляются различными формами силового давления и опираются на военную мощь государства.

Вместе с тем, роль военной силы в международных делах существенно изменилась, но еще ни одно государство не отказывается от создания и поддержания собственных вооруженных сил. Более того, в последнее время в некоторых

странах всё настойчивее звучат призывы к модернизации и усилению военной мощи.

Нынешняя международная обстановка формирует новые и разнообразные вызовы и угрозы, соответственно перед страной ставятся новые задачи, которые постоянно меняются. Нужно успеть не только их заметить, но и предвосхитить. В настоящее время идет процесс обострения политической и социально-экономической ситуации в мире, борьба за ресурсы, имеют место перманентные военные конфронтации, «цветные» революции, международный терроризм стал реальностью. Все это приводит к смене жизненных ценностей и ориентиров, казавшихся я ранее незыблемыми.

Анализ событий на Украине, Ближнем Востоке, в Юго-Восточной Азии подталкивает к выводу о необходимости нового политического взгляда на национальную безопасность, в основе которой должны лежать не только военные параметры силы, но иные, чем сейчас, морально-нравственные ценности, более высокое качество человеческого капитала, что пока невозможно в эпоху глобального рынка. Это может привести к смене концептуального подхода к понятию национальной безопасности, системе ее обеспечения и стратегического планирования.

18 марта 2019 г. исполнилось пять лет со дня заключения договора о вхождении Крыма в состав России, что стало одной из главных причин ухудшения отношений России и Запада. В июле 2014 г. американские власти ввели санкции в отношении ряда российских оборонных и сырьевых компаний. Бессмысленность санкций подтверждает тот факт, что ряд крупных предприятий российской «оборонки» не пострадали от санкций, поскольку и так практически не вели совместных проектов с ЕС и США и не поставляли туда свою продукцию.

Россия оказалась в трудном экономическом и, главное, политическом положении. Ее демонизация политическими противниками тормозит развитие позитивных процессов урегулирования конфликта с Западом. После присоединения Крыма к России, кроме экономических санкций, объявлена информационная война, искажающая события. России сегодня приходится пересматривать некоторые направления своих

стратегических планов, перераспределять ресурсы с целью сохранения жизнеспособности общества на уровне последних лет, не отклоняясь от основных стратегических направлений, одно их которых – модернизация и развитие ВПК.

Сегодня нужно всеми доступными средствами обеспечить равновесие всех сил на площадке геополитического противостояния, чтобы в дальнейшем вступить в фазу мирной жизни. И затем начать ее надо с разработки национальной геополитической концепции. Без неё угроза национальной безопасности может возрасти многократно.

Литература

1. Артюхин О.А., Ляхов В.П. Местное самоуправление в России в условиях современной политической реальности: проблемы формирования в контексте политической модернизации и противоречий перехода к демократическим отношениям // Северо-Кавказский юридический вестник. Ростов н/Д, 2013. № 3. С. 109–115.

2. Артюхин О.А., Иванова Л.Л. Террористические детерминанты угроз национальной безопасности РФ // Регулирование социально-этнических процессов в условиях региональных рисков экстремизма. Ростов н/Д, 2010.

3. Уварова Г.Г., Артюхин О.А. Экологические риски: предупреждать или парировать? // Горизонты экономики. 2014. № 1(13). С. 25–28.

4. Путин В.В. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации 10 мая 2006 года. URL: http://archive.kremlin.ru/appears/2006/05/10/ 1357_type63372type63374type82634_105546.shtml (дата обращения: 29.08.2019).

К.А. Галстян

РОССИЯ И СТРАНЫ ПРИЧЕРНОМОРЬЯ: РАЗВИТИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА И ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ (КОНЕЦ XX – НАЧАЛО XXI ВЕКА)

В статье рассмотрена стратегическая значимость Причерноморья для России. Проанализированы перспективы и проблемы развития сотрудничества Российской Федерации с государствами Черноморского региона в экономической сфере.

Ключевые слова: Большое Причерноморье, Россия, сотрудничество, этнополитические конфликты, черноморская политика, экономическое взаимодействие.

K.A. Galstyan

RUSSIA AND THE COUNTRIES OF THE BLACK SEA: DEVELOPMENT OF ECONOMIC COOPERATION AND PROBLEMS OF INTERACTION (END OF XX – THE BEGINNING OF THE XXI CENTURY)

The article examines the importance of the Great Black Sea region in Russian perspectives. The perspectives for the development of cooperation of the Russian Federation with the states of the Black Sea region have been analyzed.

Key words: The Great Black Sea region, Russia, cooperation, ethnic and political conflicts, The Black Sea politics, economic interaction.

События конца XX – начала XXI вв. привели к смещению многих мировых геополитических реалий. На карте Европы появился регион Большого Причерноморья, ставший одним из центров европейской и мировой политики. До этого относительно спокойный и, в известной мере, периферийный, Черноморский регион стал перекрестком геополитического соперничества мировых держав, а число объединённых его рамками стран существенно возросло. Для России Черноморский регион – пространство, которое находится в близости от её южных границ и играет важную роль для её экономических и политических интересов.

В 1992 г. 11 стран региона подписали Договор о Черноморском экономическом сотрудничестве. Ныне в состав Организации Черноморского экономического сотрудничества входят 12 государств и 12 стран-наблюдателей [1].

Россия является активным субъектом во взаимодействии со странами ОЧЭС. Приток прямых иностранных инвестиций в Россию из стран-участниц сотрудничества составил 1,4 млрд долл., а направлено российских инвестиций в страны региона в 7 раз больше. Объем инвестиций из России, накопленных за рубежом на начало 2010 г., составил 306605 млн долл., из них 10372 млн долл. (3,4%) направлены в страны ЧЭС [2].

Особую роль во взаимодействии РФ с черноморскими государствами играют субъекты, входящие в Южный федеральный округ. Наибольшую заинтересованность в развитии

регионального сотрудничества проявляет Краснодарский край, в стратегии развития внешнеэкономической деятельности которого до 2020 г. особо отмечается важность координации транспортных стратегий государств-членов ЧЭС с Евросоюзом, необходимость развития экономического сотрудничества в регионе Черного моря, участия в продвижении различных совместных интеграционных проектов от глобальных, начиная с региональной «зоны свободной торговли», до более мелких, таких как транспортный коридор, так называемое «Черноморское кольцо», а также энергетических проектов – «Голубой поток», транспортировка нефти, электроэнергетика.

Основными направлениями сотрудничества Краснодарского края со структурами ОЧЭС являются:

- в рамках предпринимательского компонента-координация предпринимательских инициатив края с зарубежными партнерами через деловой совет ЧЭС;

- в рамках финансового компонента – расширение сотрудничества с черноморским банком торговли и развития для финансирования проектов на территории края, соответствующих внешнеполитическим приоритетам России в рамках ЧЭС;

- в рамках академического компонента – взаимодействие с участниками ЧЭС в сферах образования и инноваций для включения края в мировую систему технологического разделения труда, развития на территории края производства и услуг с высокой долей добавленной стоимости [3].

Среди регионов ЮФО проявляет интерес к взаимодействию со структурами ОЧЭС и Ростовская область. За 2010 г. удельный вес внешнеторгового оборота составляет 43–45%, более половины импортных операций приходится на торговлю со странами региона и около 30% составляет экспорт, что свидетельствует о значимости экономических связей со странами Причерноморья, которые необходимо развивать.

Государства Южного Кавказа, находясь на пересечении экономических и политических процессов, будучи членами Организации Черноморского экономического сотрудничества (ОЧЭС), вовлечены в экономическое и политическое взаимодействие в регионе. Основное значение для роли стран

Южного Кавказа в Большом Причерноморье имеет и их взаимодействие с прибрежными черноморскими государствами. Взаимодействие России с новообразованными после распада СССР независимыми республиками развивается на фоне активизации сотрудничества этих государств в экономической, политической, военной сферах с США и Евросоюзом. А также не менее важен тот факт, что некоторые постсоветские республики являются членами ОЧЭС (Украина и страны Южного Кавказа – Азербайджан, Армения, Грузия). В каждом случае выбор ими приоритета в развитии внешнеполитических отношений с Россией, либо с США, Евросоюзом определяет расклад региональной ситуации в Большом Причерноморье [4].

Страны Южного Кавказа являются малыми странами в экономическом и военном потенциале. Эти государства выступают в различных интеграционных инициативах, а также в международных проектах по строительству транспортных, энергетических коммуникаций на пересечении Черноморского, Каспийского региона. Однако ввиду наличия между странами Южного Кавказа неразрешённых этнополитических вопросов, в регионе отсутствуют развитые экономические связи как на двустороннем, так и трёхстороннем уровнях. Конфликт вокруг Нагорного Карабаха находится в замороженном состоянии, напряженность в отношениях между Арменией и Азербеайджаном все больше растет. Соответственно возможности совместного участия всех государств Южного Кавказа в инициируемых транспортных и энергетических проектах в Большом Причерноморье сведены к минимуму [5].

В связи с конфликтом вокруг Нагорного Карабаха Армения не имеет дипломатических отношений с Турцией. Экономическое и торговое сотрудничество осуществляется через третьи страны. Турция отказывается признать факт геноцида армян в Османской империи еще больше усугубляя отношения между этими странами. В августе 2010 г. в ходе визита президента Д.А. Медведева Россия и Армения подписали договор о продлении срока действия договора о российской военной базе.

Наиболее крупными региональными игроками остаются Турция и Россия. Их взаимодействие имеет важное

стратегическое значение в Причерноморье. 24 ноября 2015 г. над территорией Сирии в 1 км от границы с Турцией ракетой с турецкого истребителя А-16 был сбит российский самолёт СУ-24М, после чего отношения между Турцией и Россией были практически заморожены. 29 июня 2016 г. после телефонного разговора между В.В. Путиным и Р.Т. Эрдоганом был запущен процесс поэтапного восстановления двусторонних отношений. В развитие достигнутых между президентами договоренностей министры иностранных дел двух стран провели 1 июля 2016 г. рабочую встречу в г. Сочи [8]. 9 июля 2019 г. Турция заявила, что хочет приобрести у Москвы ЗРК С–400 вопреки требованиям США, добивающихся от турок отказа от сделки. США потребовали от Турции отказаться от приобретения российских зенитно-ракетных комплексов С–400. «Если Анкара не выполнит это требование, то Вашингтон вышлет из страны турецких пилотов, которые в настоящее время обучаются в США, и отстранят турецкие компании от участия в производстве истребителей F-35», – заявил заместитель министра обороны США. Но Анкара не хочет отказываться от сделки с Москвой [9]. В этом же году В.В. Путин подписал указ, в соответствии с которым граждане Турции со служебными и специальными паспортами смогут без виз осуществлять любые поездки в РФ, а не только в краткосрочные командировки.

Россия сотрудничает с Турцией и в экономической сфере. В 2001–2011 гг. ежегодный турецкий экспорт в Россию увеличился с 924 млн долларов до 5,993 млрд долларов. За это время ежегодная стоимость российского экспорта в Турцию увеличилась с 3,436 млрд до 23,953 млрд долл. Масштабный объём работ выполняется на территории России турецкими строительно-подрядными компаниями. В то же время российское участие в реализации отдельных проектов в Турции не превышает 400 млн долларов. По итогам 2010 г. Россия стала вторым по значению внешнеторговым партнером Турции. По данным за 2015 г., Турция занимает пятое место во внешней торговле с РФ, Товарооборот России и Турции в 2014 г. составил 31 млрд долл. Доля энергоносителей в российском экспорте в Турцию составляет 70%, в 2014 г. Россия поставила в эту страну

27,3 млрд м³, или около 60 % от её потребностей. На основе межправительственного соглашения, заключенного сроком на 25 лет, Турция, начиная с 1987 г., закупала у России природный газ. В 2004 г., с учетом балканского и трансчерноморского маршрутов, в Турцию было поставлено 14,5 млрд м³, в том числе по «Голубому потоку» – 3,3 млрд м³.

Нестабильны отношения между Грузией и Россией. Признание Россией Южной Осетии и Абхазии в качестве независимых государств в 2008 г. грузинское руководство рассматривает как нарушение территориальной целостности Грузии. С 20 июня 2019 г. в г. Тбилиси прошла серия акций протеста, которые имели явно антироссийский характер. Президент Грузии С. Зурабишвили заявила, что туристы из РФ могут приезжать в эту страну, несмотря на ее ранние жесткие заявления в адрес России. Грузинский лидер назвала Россию виновницей конфликта в Грузии, хотя, по мнению экспертов, протесты имеют внутренний характер. В.В. Путин же временно запретил полеты российских самолетов в Грузию. После этого события грузинские посольства начали активную компанию по привлечению туристов из западных стран [10].

Чрезвычайно важным представляется сегодня учёт специфики интересов и позиций каждой из стран Причерноморья. Будучи инициатором и сторонником сотрудничества стран Причерноморья, Турция стремится использовать фактор исторической общности с ними для укрепления доверия и формирования добрососедских отношений, хотя это не всегда удаётся, что очевидно на примере современного состояния турецко-армянских отношений. Неизменное направление черноморской политики Турции – сохранение регионального баланса военно-морских сил, и поддержка потенциала черноморской группировки оперативного взаимодействия, в которую входят 6 прибрежных государств: Россия, Болгария, Грузия, Румыния, Турция и Украина. На протяжении многих десятилетий гарантом стабильности на Чёрном море был и остаётся заключённый в 1936 г. в Монтрё Договор о статусе Черноморских Проливов, хранителем которого является Турция.

Укрепление позиций России в Организации Черноморского экономического сотрудничества предполагает решение следующих задач: 1) укрепление двустороннего сотрудничества с государствами ОЧЭС для поддержания в регионе политической, экономической и социальной стабильности, 2) становление и совершенствование всего спектра экономических связей, 3) обеспечение должного военного присутствия в регионе для обеспечения национальной безопасности, 4) предотвращение созданию в регионе систем безопасности без участия России и противодействие попыткам военного проникновения третьих стран, 5) всеобъемлющая защита прав и интересов соотечественников. Президент России В.В. Путин отметил, что «за прошедшие годы создана полноформатная региональная организация ОЧЭС, которая становится все более эффективным механизмом решения вопросов во многих областях ОБСЕ, ЕС, ООН и другими международными организациями. Имеются все основания утверждать, что, в силу экономического веса и геополитического положения Черноморского региона в Евразийском пространстве роль и значение ОЧЭС будут и далее возрастать в интересах укрепления мира и международной стабильности».

Таким образом, геополитическое положение Причерноморья остаётся подвижным, неопределённым, потому что в государствах Южного Кавказа существуют неурегулированные конфликты и противоречия, которые оказывают влияние на развитие экономического сотрудничества России с причерноморскими государствами.

Список литературы

1. Большое Причерноморье: противоречия и стратегические решения для России. М., 2016.

2. Страны Черноморского экономического сотрудничества обсудят ресурсы моря. URL: https://ria.ru/20160621/1449397182.html (дата обращения: 10.07.2019).

3. Винокурова Е.Д. Россия в организации Черноморского экономического сотрудничества // Вестник Российского института дружбы народов. Сер.: Международные отношения. 2007. № 3. С. 71–74.

4. Большое Причерноморье: поиск путей расширения сотрудничества / под ред. А.А. Языковой. М., 2012.

5. Постсоветское пространство: роль внешнего фактора / отв. ред.: А.Б. Крылов, А.В. Кузнецов, Г.И. Чуфрин. М., 2018.

6. Айвазян Д.С. Большое Причерноморье и страны Южного Кавказа: проблемы и возможности взаимодействия // Большое Причерноморье: противоречия и стратегические решения для России. М., 2016. С. 40–44.

7. Мироненко В.И. Северное Причерноморье – Россия, Украина, Молдова // Большое Причерноморье: противоречия и стратегические решения для России. М., 2016.

8. Крушение российского самолета Су-24 24 ноября 2015 года. URL: https://ria.ru/20151224/1346908322.html (дата обращения: 01.07. 2019).

9. Турция допустила покупку российских истребителей. URL: https://ria.ru/20190701/1556100087.html (дата обращения: 01.07.2019).

10. Турецкая экспансия: кто и как на самом деле скупает Грузию. URL: https://ria.ru/20190625/1555910276.html (дата обращения: 25.06.2019).

СЕКЦИЯ 4. СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ПРИЧЕРНОМОРЬЯ И ВОСПИТАНИЕ РОССИЙСКОГО ПАТРИОТИЗМА

Т.В. Беспалова

ФОРМИРОВАНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО САМОСОЗНАНИЯ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ КАК ФАКТОР УКРЕПЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО СУВЕРЕНИТЕТА РОССИИ

В условиях современных внутренних и внешних угроз России требуется кардинальное изменение концепции патриотического воспитания. Формирование ценности служения должно быть связано с устойчивым историческим самосознанием молодежи, готовой отстаивать общую историческую память народа, исторически сложившийся уклад социальной и нравственной справедливости. Государственный патриотизм — это деятельность органов государственной власти по осуществлению культурной, образовательной, национальной, молодежной, информационной и внешней политики России, соотносимой по содержанию с социокультурным запросом народа, историческими традициями и политическими вызовами

Ключевые слова: государственная идеология, историческое самосознание, молодежь, Россия как историческое государство-цивилизация.

T.V. Bespalova

FORMATION OF THE HISTORICAL IDENTITY OF THE RUSSIAN YOUTH AS A FACTOR OF STRENGTHENING STATE SOVEREIGNTY OF RUSSIA

In the face of modern internal and external threats to Russia, a fundamental change in the concept of patriotic education is required. The formation of the value of service should be connected with the stable historical identity of young people, ready to defend the common historical memory of the people, the historical way of social and moral justice. State patriotism is the activity of state authorities to implement the cultural, educational, national, youth, information and foreign policy of Russia, which is related in content to the sociocultural request of the people, historical traditions and political challenges

Key words: state ideology, historical self-awareness, youth, Russia as a historical state-civilization.

Крым – сакральное место для русского человека был, есть и будет важнейшим стратегическим ресурсом российской цивилизации и символом обретения современной Россией нового содержания политической субъектности. «Русская весна» или, как стали говорить позже «Крымская весна» дала надежду на возрождение России. Однако цена за величие, мощь и силу Отечества всегда была высокой в истории противостояния государств и цивилизаций. Около 12 тыс. чел. погибли на Донбассе, отстаивая право на свою культурно-историческую близость к России.

Обращение руководителей российского государства, начиная с 2012 г., к цивилизационной теории при формулировании позиции России по актуальным вопросам внутренней и внешней политики связано с новыми типами и масштабами угроз в отношении России. После принятия в марте 2014 г. в Российскую Федерацию Республики Крым и образования в составе Российской Федерации новых субъектов, Республики Крым и города федерального значения Севастополя, началась информационная и экономическая война США против России, резко усилились прямые военные угрозы со стороны США и блока НАТО в отношении нашей страны. Как показали события 2013–2014 гг. на Украине, одной из реальных угроз безопасности являются попытки США и ряда других западных стран вмешиваться во внутренние дела государств в целях осуществления неконституционной смены власти. В целом можно утверждать, что в постсоветский период довольно остро «стала обнажаться другая — не идеологическая, а цивилизационная суть глобального конфликта, прежде идеологически стилизованного» [1].

19 сентября 2019 г. Европарламент принял резолюцию «О важности сохранения исторической памяти для будущего Европы», в которой допущена грубая фальсификация истории – попытка поставить знак равенства между страной-агрессором Германией и Советским Союзом, народ которого освободил Европу от фашизма. В ряде европейских стран происходит реабилитация нацизма и неонацизма, проходят массовые шествия

ветеранов «Ваффен-СС». Эти политические процессы принимают все более системные и агрессивные формы.

В июле 2019 г. на заседании Временной комиссии Совета Федерации по защите государственного суверенитета и предотвращению вмешательства во внутренние дела РФ был обозначен итог работы за последние два года – проведено более 50 мероприятий, подготовлено и реализовано 12 Федеральных законов и 17 пунктов конкретной деятельности, начиная от определения «вмешательство во внутренние дела» до оценки уровня государственного суверенитета и серьезной международной деятельности. В рамках этой работы были определены 10 основных направлений вмешательства во внутренние дела российского государства, среди которых подрыв суверенитета России в сфере культуры, финансирование образовательных программ с целью дальнейшего контроля этой сферы и т.д. Через образовательные и культурные практики формируется историческое самосознание молодежи – главная мировоззренческая основа служения и верности стране. Какие бы эффективные методы не применялись в сфере патриотического воспитания, при условии противоречивой политики в сферах образования и культуры, воспитать патриотов Отечества невозможно.

Сохранение исторической памяти и истории России, формирование исторического самосознания молодежи, изменение содержания патриотической работы в условиях современных внешних и внутренних вызовов и угроз российской цивилизации требует соответствующего содержания образовательной, культурной, национальной, информационной и молодежной политики.

Парадоксом постсоветской эпохи становится активизация деятельности государственных структур по формированию патриотического мировоззрения, традиционных нравственных ценностей в условиях их тотального разрушения на уровне культурных и образовательных практик, наличия серьезных противоречий в процессах формирования и укрепления российской гражданской идентичности и гражданского единства российского общества. Нельзя забывать о том, что сочетание

российской государственной мощи с доминированием западных идей в сферах образования, культуры и воспитания в конце концов, приводит к подрыву цивилизационных основ российской государственности.

Обозначим лишь некоторые проблемы патриотического воспитания, характерные практически для всех регионов России:

- отсутствие «образа будущего» России, национальной идеи, государственной идеологии, общего пути к единой цели и, как следствие, отсутствие солидарности общества;

- несформированность поведенческих норм празднования «молодых» государственных праздников и отсутствие их реальной легитимности в российском обществе (День России, День флага России, День народного единства и согласия и др.);

- увеличение количества памятных дат и праздников вне связи с социокультурным запросом общества совершенно не способствует повышению эффективности проводимой патриотической работы;

- приоритетное искусственное формирование «российской гражданской нации» в условиях реального существования российского народа, русского и других народов подменяет субъект возрождения искусственным конструктом и не дает возможности для интеграции культурно-цивилизационного пространства в широком смысле;

- неравномерность социально-экономического развития регионов и как следствие проблема привлекательности образа «малой родины» (большой отток молодежи из регионов, особенно из сельской местности, проблема социальной защиты граждан – трудоустройство, жилье, качественное образование);

- деструктивные процессы в сфере науки и образования, которые впервые целостно обозначены в фильме «Последний звонок» (авторы К. Семин, Е. Спицын) – разрушение отечественных научных школ, кадровый дефицит, огромная нагрузка на учителей и преподавателей, разрушения связи «Учитель-Ученик», низкий социальный и материальный статус педагогов и мн. др.

Несмотря на декларативные заявления чиновников и победы школьников на олимпиадах, качество образования в стране стремительно падает.

- проявление русофобии в различных формах, распространение «черных мифов» о России и СССР;

- очернение памяти о Победе советского народа в Великой Отечественной войне;

- ожесточенная конфронтация в СМИ по поводу событий на Украине привела к расколу российского общества, часть которого доверяет официальной трактовке происходящего, а часть настроена критично;

- инструментальное использование патриотизма в политических целях, размывание традиционных российских духовно-нравственных ценностей;

- проблема доверия между социальными группами людей и государственными структурами;

- отсутствие системы научного обеспечения оценки эффективности патриотического воспитания и мн. др.

В целом, государство практически утратило свою основную функцию – социальную защиту граждан и не вполне контролирует процессы, происходящие в сферах образования, культуры, информационной и молодежной политики. Формирование ценности служения в таких условиях невозможно, необходимо кардинально менять содержательный вектор государственной политики. Несмотря на созданные региональные межведомственные координационные советы (они есть во всех субъектах РФ) – межведомственное взаимодействие практически отсутствует.

Служение России не сводимо лишь к защите Родины, языка, культуры и веры, а предполагает отстаивание исторически сложившегося уклада социальной и нравственной справедливости.

Государственный патриотизм – это деятельность органов государственной власти по осуществлению культурной, образовательной, национальной, молодежной, информационной и внешней политики России, соотносимой по содержанию с

социокультурным запросом народа, историческими традициями и политическими вызовами;

- это реализация политики, которая будет близка к подлинному предназначению государства, целью которого является реальное народосбережение (в том числе защита соотечественников) и сохранение российской цивилизационной идентичности;

- это реализация политики, которая четко обозначит ориентиры нового фундаментального интегративного политического проекта, в реализации которого будет задействован весь народ.

Необходимо выстраивать межцивилизационный и межкультурный диалог на постсоветском пространстве с одновременным возрождением образовательных и культурных традиций России, отстаиванием общей исторической памяти [2, с. 14].

Список литературы

1 Панарин А.С. Православная цивилизация. М., 2002.

2. Беспалова Т.В., Свиридкина Е.В. Культурно-цивилизационные смыслы государственного патриотизма. М., 2019.

С.Н. Боженко, С.С. Минц

КОММЕМОРАТИВНЫЙ АСПЕКТ СОВЕТСКОЙ СИСТЕМЫ ОХРАНЫ АНТИЧНОГО НАСЛЕДИЯ

В статье рассматривается развитие советской системы охраны античного наследия как пример коммеморации. Выделены этапы развития системы охраны античного наследия в советское время. Показан процесс формирования функций и механизмов коммеморации в охране историко-культурных пространств и роль сохранения в них античного наследия.

Ключевые слова: коммеморация, охрана античного наследия, СССР, Крым, Северное Причерноморье, история России.

S.N. Bozhenko, S.S. Mints

COMMEMORATIVE ASPECT OF THE SOVIET SYSTEM OF ANCIENT HERITAGE PROTECTION

The article considers the development of the Soviet system of protection of the ancient heritage as an example of commemoration. The stages of development of the system of protection of the ancient heritage in Soviet times

are highlighted. The process of forming the functions and mechanisms of commemoration in the protection of historical and cultural spaces and the role of preserving the ancient heritage in them is shown.

Key words: commemoration, protection of ancient heritage, USSR, Crimea, Northern Black Sea Coast, history of Russia.

Коммеморация – это совокупность способов закрепления и передачи обществом памяти о прошлом [1, с. 77]. Сохраняемые события не избираются в случайном порядке, а сосредотачивают в себе объединяющий общество опыт, отражающий стремление к единству [2, с. 116]. Временная дистанция, разделяющая общество и сохраняемое событие, может быть сколь угодно долгой, даже составлять тысячелетия. В некоторых случаях историчность событий воспринимается обществом как априорный, не требующий доказательств факт. Являясь неотъемлемой частью формирования исторической памяти общества, коммеморация представляет собой актуальное исследовательское направление в эпоху глобализированного информационного общества.

Способы закрепления памяти о прошлом носят разнообразный характер. Их функции достаточно широки. Коммеморативные ритуалы находят воплощение в воспитании детей и молодежи, в создании государственных праздников и декларировании коллективных ценностей, основанных на историческом и культурном опыте. Это, в свою очередь, привносит коммеморативный компонент в государственную политику в целом. В данном сюжете речь пойдет о коммеморативном аспекте советской системы охраны античного наследия.

Изучение памятникоохранной деятельности СССР включает в себя работы отечественных исследователей обобщающего характера. Они освещают охранную деятельность в советский период [3; 4] и в более широкой хронологической перспективе, охватывая не только советский, но и дореволюционный и современный периоды российской истории [5; 6]. Есть достаточно большое количество исследований, посвященных также охране конкретных памятников и целых комплексов

различной исторической принадлежности, включая объекты античного наследия. Обобщение опыта охраны памятников в СССР приобретает тем не менее особое значение на фоне событий на постсоветском пространстве последних трех десятилетий.

Коммеморативный аспект обусловил включение в историографический блок также исторических исследований советского периода, выступавших теоретической основой обоснования как пространственных [7], так терминологических границ [8] сохраненных на территории Советского Союза античных памятников. В основном они оказались сосредоточены в регионе Северного Причерноморья, в частности в Крыму.

Охарактеризовать систему охраны античного наследия помогают сборники опубликованных документов, посвященных памятникоохранной деятельности [9; 10; 11], методические рекомендации государственных органов культуры и просвещения, касающиеся проблем охранной деятельности [12], протоколы и материалы памятникоохранных конференций [13]. Коммеморативный аспект советской системы охраны античного наследия отражен в документах и материалах архива Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника. В них хранятся и такие специфические источники как журналы отзывов. Впечатления посетителей музея позволяют выделить разное состояние коммеморативных механизмов и их восприятие конкретными людьми. В ходе работы над статьей изучены материалы двух журналов отзывов посетителей Керченского историко-археологического музея за 1934–1937 гг. и 1955–1965 гг. [14; 15]. Большой интерес для рассматриваемого сюжета представляет и Генеральная схема охраны памятников истории, культуры и природы г. Керчь (1980–1990 гг.) [16], разработанная группой советских специалистов во главе с И.И. Кроленко. Масштабные работы по размежеванию городских территорий в соответствии с их историко-культурной ценностью были завершены лишь к началу 1990-х гг.

Коммеморативный аспект советской системы охраны античного наследия рождался не на пустом месте. Он опирался на интерес Серебряного века к античной культуре

(культуртрегерскую деятельность Максимилиана Волошина и его единомышленников, например). В его формировании и развитии можно выделить три периода:

1917–1941 гг. – сохранение и теоретическое осмысление дореволюционного античного наследия в рамках событий культурной революции;

1944–1975 гг. – коммеморация античного наследия советским обществом, теоретическое обновление сложившихся представлений о Причерноморье как точке пересечения древних и новых цивилизаций;

1976–1990 гг. – создание нового охранного законодательства, формирование в перспективе масштабных историко-культурных территорий с определенными коммеморативными свойствами.

Применительно к первому периоду в музейной и памятникоохранной деятельности преобладал просвещенческий аспект. Он превращал знакомство широкой публики с античным наследием и с историческими памятниками в целом в своеобразную ликвидацию неграмотности. Бросается в глаза культурная индифферентность народных масс к античному наследию. На первых порах ее не смогла преодолеть даже широкая популяризаторская деятельность советских органов Просвещения.

Государственные охранные мероприятия были направлены на учет и сохранение культурного наследия дореволюционной России [10, с. 42–52, с. 38–39].

Деятельность специалистов по охране памятников опиралась, наоборот, на их глубокую заинтересованность в сохранении памятников античности. Научные исследования и археологические экспедиции в отношении античного наследия носили преемственный характер.

Необходимо также отметить, что теоретическое осмысление значения древних памятников в рамках новой марксистской методологии способствовала профессионализации процесса их сохранения. К концу 1930-х гг. в журнале отзывов появились записи, которые показывают, что и рядовые посетители стали видеть в экспонатах античной истории «…собрание древностей…», обладавших большой ценностью [14, л. 2].

Античность еще не стала объектом коммеморации для многих, но уже привлекала внимание единиц.

Возобновление в 1944 г. археологических работ в регионе и появление классических обобщающих работ по античной истории Северного Причерноморья [7] приводят к качественным изменениям оценок античного наследия как в контексте государственной памятникоохранной деятельности, так и в восприятии советских граждан.

Принятие нового положения об охране памятников культуры 22 мая 1947 г. [10, с. 68–74] наглядно демонстрирует переоценку культурной значимости античного наследия. Государственный надзор за культурным наследием был централизован, была введена уголовная ответственность в отношении лиц и организаций, имеющих охранные обязательства применительно к памятникам культуры [10, с. 72].

Необходимо отметить, что развитие государственной памятникоохранной политики шло параллельно с представлениями советских граждан об исторической ценности античного наследия. В отзывах посетителей 1950-х гг. мы видим иное представление об античности: «...мысли обращаются в древнее прошлое… людей – наших предков, населявших его [Керченский полуостров – С.Б. и С.М.]…» [15, л. 51]. Античные памятники уже не воспринимались посетителями как некое чуждое собрание артефактов, а «помещались» в эпоху древнюю, но близкую теперь советскому обывателю.

Коммеморативный аспект находит свое дальнейшее проявление в расширении системы охраны памятников культуры в целом, дополняясь широкой сетью общественных организаций с памятникоохранными функциями и обязательствами [10, с. 144–148]. Как следствие, существенно возрастает количество выявленных памятников, а также ранее неучтенных объектов культурного наследия. Это приводит к констатации кризиса системы охраны культурного наследия, в том числе и связанных с ним коммеморативных механизмов.

Стремление преодолеть сложившуюся патовую ситуацию нашло отражение в мероприятиях третьего периода развития охраны памятников на территории СССР.

Нижней границей третьего периода выступило принятие нового памятникоохранного законодательства 29 октября 1976 г. [11]. Оно аккумулировало опыт охраны памятников предшествующего времени и создало юридическое основание его дальнейшему развитию. В памятникоохранной деятельности существенно вырос вес общественных организаций. Этот процесс заметно усилился с середины 1980-х гг. Расширение международных контактов советских историков, их более тесное знакомство с зарубежным опытом образовательного, коммерческого и пропагандистского использования исторического наследия тоже способствовал более четкому определению и проработке коммеморативных механизмов сохранения и репрезентации античного наследия Крыма и Причерноморья. В 1990 г. состоялась I Всесоюзная конференция по сохранению и развитию уникальных исторических территорий. Тезисы конференции свидетельствуют о значительной эволюции оценок исторического прошлого и росте важности коммеморативной составляющей памятникоохранной деятельности.

Применительно к региону Северного Причерноморья были приняты рекомендации по выработке новых принципов организации охраны природы и памятников в Крыму [13, с. 84–86] и Севастополе [13, с. 187–194]. В целом же на конференции была выработана новая для советского опыта пространственная концепция уникальных исторических территорий [13, с. 6–10].

Коммеморативный аспект вышел за рамки музейной, образовательной и просветительской деятельности. Он стал частью организации городского пространства. Например, в Генеральной схеме охраны памятников истории, культуры и природы города Керчи [16]. Масштабный десятилетний труд, завершенный к 1990 г., представлял собой историко-культурный план города со значительным сегментом античных памятников. Дальнейшие строительные работы должны были вестись с учетом установленных охранных границ. Актуальности данная схема не утратила до сих пор.

В первой половине 1990-х г. обозначился научный интерес советских историков к понятийно-терминологическому аппарату

исторической коммеморации. Стало существенно изменяться само представление о коммеморации как способе обозначения места свидетельств исторического прошлого в современной повседневной жизни, а также механизме влияния на целенаправленное формирование исторической памяти. Осваивать новые навыки научному сообществу пришлось уже в других социально-политических и социокультурных условиях.

С прекращением существования Советского государства единый памятникоохранный процесс был, к сожалению, прерван.

Памятникоохранная деятельность в советский период способствовала культурному приобщению граждан к восприятию ими античного и шире, исторического наследия. Чувство сопричастности к сохранению исторического прошлого, вопреки изменениям политической конъюнктуры, должно оставаться гражданской доминантой в сознании современных россиян, как прежде оно сложилось в сознании советских граждан.

Список литературы

1. Зерубавель Я. Динамика памяти // Ab Imperio. Казань, 2004. № 3. С. 71–90.
2. Мегилл А. Историческая эпистемология. М., 2007.
3. Жуков Ю.Н. Становление и деятельность советских органов охраны памятников истории и культуры, 1917–1920 гг. М., 1989.
4. Бесценные сокровища народа. Киев, 1984.
5. Галкова О. В. Российские традиции охраны культурного наследия. Автореф. дис. … д-ра ист. наук. Волгоград, 2012.
6. Кулёмзин А. М. Охрана памятников в России как историко-культурное явление. Кемерово, 2001.
7. Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. М.; Л., 1949.
8. Книпович Т.Н. Опыт характеристики городища у станицы Елисаветовской по находкам экспедиции Гос. Академии истории материальной культуры в 1928 г. // Из истории Боспора. М.;Л., 1934.
9. Охрана исторических и археологических памятников. М., 1949.
10. Охрана памятников истории и культуры. М., 1973.
11. Об охране и использовании памятников истории и культуры. Закон СССР от 29 октября 1976 года (с изм. и доп., внесенными Указом Президиума Верховного Совета СССР от 21.09.1983) // Ведомости Верховного Совета СССР. 1983. № 39. Ст. 583.
12. Игнаткин И.А. Охрана памятников истории и культуры. Киев, 1990.

13. Сборник материалов I Всесоюзной конференции по сохранению и развитию уникальных исторических территорий. М., 1990.

14. Книга отзывов. Начата 13 июля 1934. Окончена 16 августа 1937 г. // Архив ГБУ РК «Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник». Оп. 2. Ч. 1. Ед. хр. 727.

15. Книга отзывов. 11.09.1926 – юбилейный. Начата 22.11.1955. Окончена 9 августа 1965 г. // Архив ГБУ РК «Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник». Оп. 2. Ч. 2. Ед. хр. 729.

16. Генеральная схема охраны памятников истории, культуры и природы // Архив ГБУ РК «Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник». Оп. 7. Ч. 1. Ед. хр. 291.

О.В. Матвеев

У ИСТОКОВ ТЕМРЮКСКОГО КРАЕВЕДЕНИЯ

Статья посвящена наследию забытого краеведа и учителя Фёдора Фроловича Арканникова. Будучи действительным членом Кубанского статистического комитета, он выполнил комплексное статистико-этнографические описание города Темрюка, изучал местное население, исследовал быт и особенности традиционной культуры, занятий, проводил археологические раскопки. Его материалы позволяют сегодня проследить динамику развития, выявить структуры повседневности темрюкских горожан, особенности собирательской работы местных учителей в конце XIX в.

Ключевые слова: краеведение, Темрюк, статистико-этнографические описания, археологические раскопки, городское училище, кореспонденции.

O.V. Matveev

AT THE SOURCES OF TEMRYUK LOCAL STUDIES

The article is devoted to the heritage of the forgotten local historian and teacher Fedor Frolovich Arkannikov. As a fellow of the Kuban statistics Committee, it has performed a comprehensive statistical and ethnographic description of the city of Temryuk, studied the local population, explored the life and peculiarities of traditional culture, occupations, conducted archaeological excavations. Its materials allow us to trace the dynamics of development, to identify the structures of everyday life Temryuk citizens, especially collecting the works of local teachers in the late nineteenth century.

Key words: local history, Temryuk, statistical and ethnographic descriptions, archaeological excavations, city school, correspondences.

Портовый город Темрюк имеет богатую историю и давнюю традицию изучения (Ф.Ф. Ланд, И.П. Руткевич, Е.А. Чуприна, О.А. Булыкина, И.А. Богданова, С.В. Милованов и др.). Среди тех, кто стоял у истоков темрюкского краеведения, был и скромный учитель местного городского училища Фёдор Фролович Арканников. В статье предпринята попытка обратиться к его наследию.

Ф.Ф. Арканников был уроженцем станицы Николаевской Баталпашинского отдела (впоследствие была передана в состав Лабинского отдела). В свидетельстве Дирекции народных училищ, датированном 6 сентября 1878 г., отмечено, что учителю тогда было от роду 23 года [1, л. 2 об], следовательно, он родился в 1855 г. Казаки Арканниковы были в числе 50 семей бывших донских казаков, прибывших в ст. Николаевскую в 1825 г. из ст. Темнолесской [2, с. 49]. Среди них, по-видимому, числился и дед Фёдора Фроловича. Отдельные представители этого казачьего рода выслужили офицерские чины, в списке коренных жителей ст. Николаевской на 1 января 1913 г. даже значится генерал-майор Андрей Трофимович Арканников [3, л. 80 об]. Однако отец Фёдора Фроловича, очевидно, был рядовым казаком, как и его старший сын Козьма Фролович и младший Георгий Фролович Арканниковы [3, л. 95 об., 125 об.4]. Лишь среднему сыну, любознательному Фёдору удалось получить приличное по тем временам образование – окончить Кубанскую учительскую семинарию и стать народным учителем. В августе 1875 г. Управление по Кавказскому учебному округу сообщило, что «окончивший курс в Кубанской учительской семинарии Фёдор Арканников» назначается «учителем начальных классов Уманского двухклассного училища, с 1 сентября» [4, с. 111]. Прослужив год в ст. Уманской, молодой преподаватель был переведен с 1 сентября 1876 г. в ст. Баталпашинскую учителем местного уездного училища [5, с. 278].

Преподавательскую работу Ф.Ф. Арканников активно сомешал с изучением родного края, писал статьи и заметки в газеты «Кавказ» и «Кубанские областные ведомости» о хозяйстве, быте, традиционной культуре казачьего, крестьянского и горского населения. В 1879 г. Фёдор Фролович

Арканников становится действительным членом Кубанского областного статистического комитета [6, с. 202]. Сотрудники этого учреждения, открытого 22 июля 1879 г. в соответствии с Положением о губернских и областных статистических комитетах, собирали различные сведения по экономической и хозяйственной жизни населения Кубанской области по специальным программам. К «необязательным» занятиям относились экспедиционное изучение края, этнографические описания отдельных городов и станиц, издание собственных трудов членов Комитета. В письме к В.А. Щербине от 22 декабря 1897 г. Ф.Ф. Арканников вспоминал, что «со дня открытия статистического комитета и почти до выхода моего в 1894 г. в отставку …, я, по мере возможности, принимал участие в делах комитета, много ездил по населенным пунктам и писал» [7, л. 17]. Работа Ф.Ф. Арканникова о своей родной станице Николаевской явилась одним из лучших дореволюционных фольклорно-этнографических описаний отдельной казачьей станицы, не случайно в 1883 г. Е.Д. Фелицын напечатал её в первом томе «Кубанского сборника».

Приказом Попечителя Кавказского учебного округа 10 января 1881 г. «заштатный учитель бывшего Баталпашинского уездного училища Аракнников» был назначен учителем Темрюкского городского училища» [8, с. 81]. В Темрюке знающий и доброжелательный учитель хорошо зарекомендовал себя, быстро завоевав авторитет не только у школьников, но и у их родителей. Когда спустя 4 года Арканников вновь будет добиваться назначения в Темрюкского городское училище, он напишет директору народных училищ: местное «общество (купцы и мещане, знающие меня) было бы довольно этим назначением» [9, л. 2 об]. Коллега Арканникова по училищу Яков Корнеевич Дуля так характеризовал Фёдора Фроловича: «Человек он опытный и занимается своим делом хорошо» [9, л. 1 об].

Педагог вместе со школьниками продолжил краеведческую работу, активно собирал материал по истории и этнографии г. Темрюка. Однако спустя год ему пришлось вернуться на службу в Баталпашинскую. Тем не менее, Ф.Ф. Арканников в

1883 г. он отправил рукопись в управление Кавказского учебного округа в Тифлис. В следующем году его труд был напечатан в 4-м выпуске «Сборника материалов для описания местностей и племен Кавказа». Работа предваряется кратким историческим экскурсом в древности Темрюка. Автор сообщил о скифах, сарматах, греческих колонистах, хазарах, половцах, адыгах, Тмутараканском княжестве, турках, некрасовских казаках, затем рассказала об основании российского Темрюка. Хорошо в очерке представлена география Темрюка: характер местности, водные ресурсы, климат, почвы, животный и растительный мир. Характеризуя этнический и социальный состав населения, Ф.Ф. Арканников отмечал: «Теперешние жители г. Темрюка пришли сюда в 1860 г., большей частью из г. Анапы; есть здесь много также переселенцев из Новороссийска, Самарской, Харьковской и других южных губерний. … По развязности и здоровому виду переселенцев легко отличить от черноморских казаков; между их женщинами гораздо чаще встречаются румяные лица, чем вообще в казачьих станицах. Население Темрюка состоит из разнородных элементов, велико русского и малорусского, и тип лица не успел еще установиться; но в общем элементе малорусский преобладает над великоросским» [10, с. 270]. В работе представлены сведения о сословном и конфессиональном составе города: на 1 января 1881 г. в Темрюке проживали 10007 чел., которые распределялись следующим образом: потомственных дворян – 60, личных дворян 185, белое духовенство – 46, потомственных почетных граждан – 10, личных почетных граждан – 15, купцов – 143, мещан – 7796, крестьян – 617, военных нижних чинов и их семейств – 175, отставных и запасных нижних чинов и их семейств – 845, иностранноподданных – 65. По вероисповеданию: православных – 9659, старообрядцев – 96, католиков – 46, армяно-григориан – 54, протестантов – 15, иудеев – 120, мусульман – 25 [10, с. 272].

Ф.Ф. Арканников описал промышленные и торговые заведения города, рассказал об основных занятиях горожан. «Рыболовство, – писал учитель, – составляет исключительное занятие почти 2/3 населения. Правом лова рыбы в войсковых водах (Курчанский и Ахатанизовский лиманы, Темрюкское и

морское гирло) пользуются только казаки, которые и могут устраивать рыбные заводы; но обыкновенно под фирмою казачьих существуют заводы купцов, мещан и других сословий. Между охранителями войсковых рыболовных вод и Темрюкскими мещанами происходят часто жестокие распри, вследствие того, что мещане занимаются рыболовством в недозволенных местах» [10, с. 277]. Кроме того, приведены сведения о земледелии, садоводстве, ярмарках, судебных учреждениях, народном образовании. Сведения о материальной культуре горожан представлены описаниями орудий рыбного лова, жилища и особенностей питания темрючан. Так, он отмечал, что «большинство построек в Темрюке саманные, … другие постройки (таких, впрочем, немного), делаются из местного кирпича и Керченского камня, доставляемого в Темрюк на судах. Камень этот известковой породы, но по прочности уступает другим камням: он рыхлый и рассыпчатый» [10, с. 256].

Очерк Ф.Ф. Аракнникова о Темрюке явился первым системным историко-этнографическим и географическим описанием города, и до сегодняшнего времени не потерял своего значения.

Между тем жизнь в провинциальном Баталпашинске не вполне устраивала Ф.Ф. Арканникова. В письме директору народных училищ 25 марта 1885 г. он откровенно сообщал, что «в таком глухом месте, при отсутствии какого-либо постороннего заработка при семейном положении означает намеренно закрыть глаза, не обращать никакого внимания на совершающиеся вокруг явления, отказаться от более разумной и деятельной жизни и год от году нищенствовать и тужить» [9, л. 7]. Ф.Ф. Арканников просит вновь перевести его в г. Темрюк на вакантное место учителя-инспектора городского училища [9, л. 2 об]. Директор пошел навстречу, и 2 августа Арканников уже был в Темрюке и принимал дела от своего предшественника Дули [9, л. 12].

В Темрюке он продолжает заниматься краеведческой работой. В 1886 г. он писал в газете «Кавказ» о своем обследовании вместе с учениками остатков турецких укреплений за Замостянским поселком: «Имея у себя план этого города 1777 года, в несколько экскурсий мы сделали подробный осмотр

местности и, на основании данных, пришли к заключению, что турецкий город Темрюк, расположенный среди камышей между Курчанским и Ахтанизовским лиманами (ближе к Курчанскому) представлял собой крепость. … Остатки рва уцелели и до настоящего времени в виде углубления, идущего от крепости в прямом направлении к Ахтанизовскому лиману. От бывшей батареи остался небольшой холм и мелкие камни; в конце рва, недалеко от берега несколько уже сгнивших свай. … Нужно думать, что в конце рва на берегу лимана, вероятно, была устроена пристань для судов» [11, с. 2].

В 1888 г. Ф.Ф. Арканников был награжден орденом Св. Станислава 3-й ст. [12, с. 43], а 31 августа 1892 г. надворному советнику Ф.Ф. Арканникову был пожалован чин коллежского советника [13, с. 448].

В июльском циркуляре Кавказского учебного округа за 1894 г. было объявлено, что «уволен о службы согласно прошению по расстроенному здоровью учитель-инспектор Темрюкского училища, коллежский советник Фёдор Арканников с 14 июля 1894 г.» [14, с. 426]. Ему была назначена пенсия в 500 руб. в год [15, с. 656–657]. Он опять перебрался с семьёй в Баталпашинск, но в отставке откровенно скучал и несколько раз обращался в статкомитет с просьбами дать ему какое-либо поручение. Последние сведения об Арканникове намм встретились в «Списке коренным жителям станицы Николаевской Лабинского отдела» на 1 января 1913 г. Согласно этому документу, 1 пай имел коллежский советник Арканников Фёдор Фролович, 59 лет, с которым проживал его сын Александр, 25 лет и 2 души женского пола (очевидно, супруги Фёдора Фроловича и Александра Фёдоровича Аранниковых) [3, л. 159 об.].

Время, когда окончил свой земной путь подвижник родной старины, еще предстоит установить. Очевидно, что в лице Ф.Ф. Араканникова темрюкское краеведение обрело одного из своих ярких и неутомимых тружеников. Его работы отличают глубокий интерес к древностям и современному состоянию населения. Важной заслугой его как учителя явилось привлечение к собирательской работе школьников. Поэтому,

краеведческое, научно-публицистическое и педагогическое наследие Ф.Ф. Арканникова нуждается в дальнейших разысканиях.

Список литературы

1. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 470. Оп. 2. Д. 657.

2. Колесников В.А. Донцы на Кубани. К 200-летию со дня основания Григориполисской, Темнолесской и Воровсколесской станиц. Ставрополь: Южно-рус. комм.-изд. т-во, 1995. 95 с.

3. ГАКК. Ф. 574. Оп. 1. Д. 4308.

4. Циркуляр по управлению Кавказским учебным округом (ЦУКУО). Тифлис, 1875. № 7–8.

5. ЦУКУО. Тифлис, 1876. № 7–8.

6. Ратушняк Т.В. Развитие краеведения на Кубани (конец XVIII – первая треть XX в.). Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2013. 270 с.

7. ГАКК. Ф. 460. Оп. 1. Д. 188.

8. ЦУКУО. Тифлис, 1881. № 2. С. 81.

9. ГАКК. Ф. 470. Оп. 2. Д. 955.

10. Арканников Ф. Город Темрюк // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа (СМОМПК). Тифлис, 1884. Вып. 4. Отд. II. С. 249–283.

11. Ф.А. Археологическая заметка // Кавказ. Тифлис, 1886. № 159. 13 июня.

12. ЦУКУО. Тифлис, 1888. № 3.

13. ЦУКУО. Тифлис, 1893. № 8.

14. ЦУКУО. Тифлис, 1894. № 7.

15. ЦУКУО. Тифлис, 1894. № 9.

М.С. Сивков

ПОПЫТКА ВОЗВЕДЕНИЯ ПАМЯТНИКА ГЕРОЮ РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ 1787–1791 ГГ. ГЕНЕРАЛУ И.И. ГЕРМАНУ

Проблема изучения отдельных памятников истории и культуры на данный момент редко становится предметом какого-либо научного исследования. Однако, эта тематика является уникальнейшим источником по изучению истории не только государства в целом, но и отдельных регионов. Автор рассматривает историю попытки строительства памятника герою русско-турецкой войны 1787–1791 гг. генералу Герману.

Ключевые слова: памятник, русско-турецкая война, Батал-Паша, генерал Герман, Хоперский полк.

M.S. Sivkov

AN ATTEMPT TO ERECT A MONUMENT TO THE HERO OF THE RUSSIAN-TURKISH WAR OF 1787–1791 GENERAL I.I. GERMAN

The problem of studying individual historical and cultural monuments at the moment rarely becomes the subject of any scientific research. However, this topic is a unique source for studying the history of not only the state as a whole, but also of individual regions. The author considers the history of attempts to build a monument to the hero of the Russian-Turkish war of 1787–1791. General German.

Key words: monument, Russian-Turkish war, Batal Pasha, General German, Khopersky regiment.

Проблема изучения отдельных памятников истории и культуры на данный момент редко становится предметом научного исследования. Однако эта тематика является уникальнейшим источником по изучению истории не только государства в целом, но и отдельных регионов. В последнее десятилетие написано немного таких работ. Некоторые идеи, связанные с сохранением культурного наследия Краснодарского края, были опубликованы в статьях М.А. Малиш [1], Л.А. Карапетяна [2], В.Г. Торосяна и И.Г. Пальцевой [3]. Проблема требует дальнейшей разработки.

Баталпашинский редут (ныне г. Черкесск) обязан названием подвигу русских солдат под предводительством генерала Ивана Ивановича Германа (Германа-Фон-Ферзена). В 1790 г. турецкий султан отдал своему военачальнику Батал-Паше приказ завоевать горцев Восточного Кавказа, чтобы окончательно присоединить эти земли к Турции. Батал-Паша в связи с этим выступил из крепости Анапа с 30-тысячным войском и 30 тяжелыми орудиями, дойдя незамеченным до Урупа. Русские разведчики обнаружили неприятельскую армию, когда та переправлялась через р. Кубань.

Оценив неудачное расположение турецких войск на правом берегу р. Кубани, генерал Герман спешно выступил против неё с тремя тысячами человек и восемнадцатью пушками. 30 сентября 1790 г. произошло сражение, в котором русское соединение

одержало победу, захватив в плен Батал-Паши вместе со штабом, а также все турецкие пушки, примененные в сражении.

Спустя 14 лет неподалеку от места сражения был основан редут, названный Баталпашинским. В 1825 г. на эту территорию пришли поселенцы, основавшие новую казачью станицу [4].

В 1896 г. был поднят вопрос о том, чтобы соорудить в ст. Баталпашинской памятник генералу Герману. Вот что говорилось в письме наказному атаману:

«Более 100 лет тому назад, 30 сентября 1790 года, близ нынешней станицы Баталпашинской произошло событие, в оное время достойно оцененное и занесенное в летописи Кавказской войны, как один из подвигов, способствовавших к упрочению славы и могущества русского оружия в Кубанском крае.

Так как с этим событием тесно связано название главной станицы Хоперского полка, то по моей инициативе названное событие было разъяснено по историческим документам и ныне явилось в свете в форме подносимой при сем Вашему Превосходительству брошюре, которую прошу принять как вклад в историю Кубанского казачества, вверенного Вашему управлению.

Желая достойно увековечить память в среде грядущих поколений о подвигах отважного Генерала Германа, мною намечено воздвигнуть ему памятник, в виде обелиска, с приличным ему надписями и поставить таковой в нашем лагере – Германовской аллее; близ коего и совершилось это важное событие.

Уверен, Ваше Превосходительство, на выражение в осуществлении выраженного Вашего согласия, а потому и испрашиваю разрешения на приглашение обществ Баталпашинского отдела к участию в расходах по сооружению памятника» [5, л. 1].

Разрешение на строительство было дано. По предварительному проекту монумент должен был выглядеть так:

«Памятник Генералу Герману предполагается построить из твердого дикого камня местной породы, по прилагаемому чертежу. На постройку его потребуется около трех тысяч рублей. Подписку на сооружение этого памятника я полагал бы

распространить между населением Баталпашинского отдела, если Его Превосходительство Наказный Атаман Кубанского войска не признает возможным распространить и на остальные отделы» [5, л. 3].

На памятнике также должны были располагаться надписи: с северной стороны – «Отважному Генералу Герману, признательные Хоперцы», а с южной – «Генерал Иван Иванович Герман» [Герман-Фон-Ферзен, родом Саксонец].

30-го Сентября 1790 года на голову разбил тремя тысячами русских сорокатысячную армию Сараскира Батал-Паши, бросившего лагерь, обозы и артиллерию. Командир участвовавшего в славном деле Донского полка Войсковой Старшина Луковнин ворвался в турецкий стан и пленил Батал-Пашу со свитою. Битва происходила в версте свыше лагеря» [5, л. 18].

В переписке с Фабрикой Сергеева № 6 стоимость строительства такого памятника оценивалась в 27540 руб. 74 коп. [5, л. 10]. Наказной атаман приказал составить смету по новому чертежу Атамана Баталпашинского отдела так, чтобы сумма постройки памятника вместе с установкой на него бюста генерала Германа не превышала 3 тысяч рублей. К 1901 г. в станице Таманской, куда происходил сбор средств, насчитывалось лишь 1400 руб.

Первая мировая война и революция не позволили продолжить дело по возведению памятника, поэтому он так и не был построен. Также в 1910 и 1912 гг. станичники ходатайствовали о переименовании станицы в Германовскую, но политические причины помешали этому случиться.

Литература

1. Малиш М.А. Историко-монументальные памятники и развитие туризма в Республике Адыгея // Культурная жизнь Юга России. Краснодар, 2015. № 3 (58). С. 128–132.

2. Карапетян Л.А. Охрана культурного наследия в России в начале XX в.: к вопросу о законопроекте «Об охране древностей» // Культурная жизнь Юга России. Краснодар, 2017. № 1 (64). С. 44–49.

3. Торосян В.Г., Пальцева И.В. Культурные ценности в условиях социальных потрясений // Культурная жизнь Юга России. Краснодар, 2017. № 2 (65). С. 48–53.
4. Потто В.А. Нашествие Батал-паши // Потто В.А. Кавказская война (в 5 т.) Т. 1. От древнейших времён до Ермолова.
5. ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 6899. Л. 1–18.

Н.Б. Акоева

ПРОЕКТЫ ОРГАНИЗАЦИИ РАБОТЫ МУЗЕЕВ КУБАНИ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

В статье представлен материал о деятельности кубанской власти по созданию музеев различных типов в годы революции и гражданской войны в начале XX века в сложной экономической и политической ситуации.

Ключевые слова: революция, гражданская война, школьный музей наглядных пособий, научно-промышленный и сельскохозяйственный показательные музеи, Дом Просвещения и Искусств.

N.B. Akoeva

PROJECTS OF THE WORK OF THE KUBAN MUSEUMS IN THE YEARS OF CIVIL WAR

The article presents the activities of the Cuban authorities to establish museums of various types during the revolution and civil war in the early XXth century in a difficult economic and political situation

Key words: Revolution, civil war, school museum of visual aids, scientific, industrial and agricultural demonstration museums, House of Enlightenment and Arts.

События Февраля 1917 г. многими гражданами России были встречены с большим воодушевлением. В ряде регионов страны с целью сохранения своей истории появлялись предложения о создании музеев революции, музеев войны. В Екатеринодаре эту идею озвучил Ф.А. Коваленко, предложив создать музей Великой революции. Он обратился к жителям за помощью, просил приносить плакаты, газеты, журналы и др. материалы, рассказывающие о Февральской революции [1].

После прихода к власти большевиков в октябре 1917 г. в России началась гражданская война. Время было тяжелое. Гибли люди, разрушались культурные ценности. Безработица, голод,

инфляция были частью повседневной жизни людей. Так, цены на муку в Екатеринодаре в июне 1914 г. (за 1 пуд) составляли 1,3 руб., а в декабре 1918 г. уже 24 руб. за пуд. А к «Рождеству 1919 года цены на продукты и товары в Екатеринодаре выросли многократно и продолжали стремительно увеличиваться» [2].

Летом 1919 г. фунт ржаного хлеба в Екатеринодаре стоил 1 руб. 35 коп., белого – 2 руб. Сравнительно с ценами 1914 г. повышение составило 45 раз. Фунт говядины расценивался в 3–4 руб. (повышение в 50 раз в сравнении с 1914 г.), десяток яиц – 15 руб. (повышение в 125 раз). Выросли цены на сахар-песок (в 250 раз) – 35–40 руб. в 1919 г., рис (в 200 раз) – 16 руб. В 200 и более раз выросли цены на мануфактуру, составляя 12 руб. за катушку ниток и 1 тыс. руб. за ботинки. Коробок спичек расценивался в 3 рубля (в 300 раз) [3]. В октябре фунт чая стоил 232 руб., табака – 518 руб. и виноградного вина – 1015 руб. Аршин ситца с 40 руб. в июле вырос до 71 руб., фунт керосина с 1 руб. 98 коп. до 2 руб. 57 коп. [4]. Цены продолжали расти и дальше, хотя они были гораздо ниже, чем в других регионах Юга России и, тем более, центральных районах страны. Поэтому не случайно сюда, спасаясь от советской власти и голода, устремилось большое количество переселенцев.

В августе 1918 – марте 1920 гг. власть на Кубани принадлежала Краевому правительству и Белому движению. И хотя шли военные действия, складывалась непростая продовольственная ситуация, росло социальное напряжение, власть заботилась о развитии культуры.

В Краснодарском государственном архиве в документах Ведомства торговли и промышленности Краснодарского Краевого правительства нам удалось найти очень интересный документ «Проект организации Екатеринодарского городского музея наглядных пособий им. Н.В. Гоголя с расширением его учреждений и функций, согласно современным требованиям в развитии внешкольного и школьного образования».

Еще в феврале 1902 г. Екатеринодарская городская Дума с одобрения городского головы Гавриила Степановича Чистякова (1900–1907) учредила Городской музей школьных наглядных пособий им. Н.В. Гоголя и библиотеку. Новый проект предлагал

расширить прежний музей, чтобы он отвечал современным требованиям педагогической науки по образованию и воспитанию подрастающего поколения.

В городе должна быть создана целая сеть просветительских учреждений. В нее будут входить Подвижной музей наглядных учебных пособий им. Н.В. Гоголя; стационарный музей для постоянных выставок учебных пособий, детской и новой педагогической литературы и иллюстраций по краю; книжный склад для продажи популярной литературы; библиотека; научный музей с кабинетами для научных занятий с целью изучения родного края; мастерская учебных пособий. Предполагалось также создание в едином комплексе научно-промышленных и сельскохозяйственных показательных музеев.

По проекту должна быть также открыта аудитория на 1000 чел. с научными кинематографами, проекционным фонарем, сценой и пр. Авторы проекта предлагали смету на 1919 г. в размере 600 тыс. руб. на первоначальное оборудование и годовое содержание. Во главе этого просветительского учреждения и всех его отделов должен стоять Совет [5].

Идея создания единого музея имела под собой серьезные основания. У музея наглядных пособий к этому времени уже была солидная база – более 6 тыс. предметов учебных пособий и коллекций. Кроме того, в это период различные организации планировали создавать свои собственные музеи. Торгово-промышленный съезд 21 ноября 1918 г. принял решение о создании музея торговли, Ведомство торговли и промышленности – экспонариум всех производств краевой промышленности. Проектировались также сельскохозяйственные музеи. Ведомство Народного просвещения планировало создание педагогического музея, экскурсионного бюро, краевого историко-географо-этнографического музея, естественноисторического и археологического музея [6].

Отдел промышленности начал предпринимать конкретные шаги. Он разослал в различные организации края просьбы прислать образцы их изделий. Некоторые предприятия отказали, объяснив это тем, что война нарушила работу. Так чугунно-литейный и механический завод братьев Капустянских в

Армавире приостановил свое производство и занимался только ремонтом техники, поэтому никаких образцов прислать не могли. А вот Акционерное общество Южных маслобойных и химических заводов «Саломас» в том же Армавире продолжало работать и в июне 1919 г. прислало для краевого музея образцы поташа и сернистого калия [7].

О реорганизации Городского музея школьных наглядных пособий им. Н.В. Гоголя говорили и в Ведомстве Народного просвещения. Специально созданная городская комиссия изучала проблему. На одном из заседаний с докладом выступил Георгий Константинович Праве (1862–1925), устроитель Ставропольского Земско-городского музея. Комиссия просила докладчика ознакомиться с Музеем наглядных пособий г. Екатеринодара (угол Красной и Дмитриевской) и принять участие в его расширении. Решено было также создать около музея группу лиц, заинтересованных в его дальнейшем развитии. На заседании 5 ноября 1918 г. смету для музея пока не утвердили, решив сделать это после его открытия [8].

Выступая на заседании комиссии по народному образованию по поводу объединения г. Екатеринодара с др. учреждениями в деле реорганизации Подвижного музей учебных пособий им. Н.В. Гоголя и создания центрального музея, Г.К. Праве, после изучения состояния дел, еще раз предложил объединить усилия разных ведомств по созданию музея.

В документах Ведомства торговли и промышленности Краснодарского краевого правительства есть интересная записка председателя Межведомственного совещания по созданию краевого музея К. Юшкина от 2 мая 1919 г.

В ней говорится о необходимости создания в Екатеринодаре культурного уголка в виде музея с включением в него консерватории, народного университета, картинной галереи, художественного училища и пр. Для здания «Дома просвещения и искусств» было выбрано место Старого базара, утратившего своё прежнее значение. Архитекторы Александр Александрович Юнгер и Андрей Петрович Вайтенс, приехавшие в Екатеринодар сразу после революции, представили комиссии эскиз здания. К сожалению, эти планы не были реализованы. А.А. Юнгер и

А.П. Вайтенс явились создателями архитектурного факультета в Кубанском политехническом институте и преподавали там.

Важно подчеркнуть, что на консерваторию музыкальное общество города уже собрало около 500 тыс. руб. На строительство самого здания были деньги в сумме 692900 руб. [9].

В целом, несмотря на политическую нестабильность, экономические трудности жизни Екатеринодара в начале XX в., власти заботились о развитии культуры в городе, планируя создать, кроме уже имеющихся в городе, музеи других профилей. Здесь сказалась забота о сохранении достижений предшествующих поколений, воспитании граждан.

Список литературы

1. Еремеева А.Н. «Находясь по условиям времени в провинции…»: практики выживания российских ученых в годы Гражданской войны. Краснодар, 2017. С. 54.

2. Ходяков М.В. Деньги революции и Гражданской войны: денежное обращение в России. 1917–1920 гг. СПб., 2009. С. 512, 513.

3. Кубанский кооператор. Екатеринодар. 1919. № 25. 7 (20) июля. С. 6–7.

4. Цветков В.Ж. Сельское хозяйство белого Юга России. http://www.dk1868.ru/statii/tstvetkov_agr/agrar3.htm (дата обращения: 28.08,2019).

5. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. Р-9с. Оп. 1. Д. 91. Л. 2–4об.

6. ГАКК. Ф. Р-9с. Оп. 1. Д. 91. Л. 5–6.

7. Там же. Л. 16.

8. ГАКК. Ф. Р-1547. Оп. 1. Д. 155. Л. 107.

9. ГАКК. Ф. Р-9с. Оп. 1. Д. 91. Л. 8–10.

Е.Е. Лютов

БЕРЕГОВАЯ БАТАРЕЯ № 48 В КЕРЧИ. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПОЛЕВЫХ МАТЕРИАЛОВ В РЕКОНСТРУКЦИИ СОБЫТИЙ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Статья посвящена вопросу использования полевых материалов в реконструкции исторических событий на примере береговой батареи № 48. Батарея расположена на берегу Керченского пролива южнее г. Керчь. В данном районе на протяжении 1941–1944 гг., проходили активные боевые действия, что отразилось на современном состоянии береговой батареи.

Ключевые слова: 48-я береговая батарея, Керченско-Феодосийская десантная операция, Керченская военно-морская база.

E.E. Lyutov

SHORE BATTERY No. 48 IN KERCH. USE OF FIELD MATERIALS IN RECONSTRUCTION OF EVENTS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

The article is devoted to the use of field materials in the reconstruction of historical events using the example of coastal battery No. 48. The battery is located on the shore of the Kerch Strait south of the city of Kerch. In this area during 1941–1944, active hostilities took place, which affected the current state of the coastal battery.

Key words: 48th coastal battery, Kerch – Feodosia landing operation, Kerch naval base.

В годы Великой Отечественной войны г. Керчь стал ареной ожесточенных сражений, длившихся с ноября 1941 по апрель 1944 гг. 14 сентября 1973 г. Президиум Верховного Совета СССР присвоил Керчи высшую степень отличия – Город-Герой. По сегодняшний день в городе видны следы сражений. Несколько оборонительных сооружений периода Великой Отечественной войны сохранилось на территории Керченской крепости. Один из этих объектов – 48-я береговая батарея 152-мм орудий.

В 1921 г. в Керчи находились две береговых батареи (3 203-мм и 4 152-мм орудия). Состояние береговых батарей оценивалось как неудовлетворительное, в связи с чем, для защиты черноморского побережья в 20-е–30-е гг., было начато строительство новой системы береговых оборонительных сооружений. В Крепости Керчь на территории Ак-Бурунских укреплений возводится 48-я береговая батарея [1, с. 19–20].

Батарея представляла собой комплекс из четырех артиллерийских позиций для 152-мм орудий и развитой сети сопутствующих сооружений: командного пункта, пункта наблюдения, складов боезапаса, помещений дизельной электростанции, блиндажей, окопов боевого охранения и др.

По имеющейся информации, 48-я береговая батарея не успела принять активного участия в боевых действиях, и после

прорыва немецко-фашистских войск через Перекоп была спешно эвакуирована на восточный берег Керченского пролива. После эвакуации эти же орудия были установлены в районе мыса Панагия в прямой видимости Керчи, и после того, как противник занял город и крепость Керчь, вновь образованная береговая батарея открыла огонь по своим недавним позициям [2].

Комплекс сооружений 48-й батареи находится сегодня в относительно хорошем состоянии. Уцелели командный пункт, помещения дизельной электростанции, один из двух складов боеприпасов. Орудийные дворики главного калибра также хорошо сохранились, однако нуждаются в расчистке. Предварительный осмотр местности дает основания полагать, что эвакуация орудий береговой батареи в ноябре 1943 г., была проведена организованно. Во всех четырех орудийных двориках в местах крепления фундаментных болтов со стороны казенной части видны следы подрыва оснований.

В течение 2017–2018 гг. район 48-й батареи разминировали специалисты «Центра по проведению спасательных операций особого риска «Лидер» МЧС России. В том числе, был расчищен сгоревший склад боеприпасов. В комплекс сооружений батареи входили условно «северный» и «южный», симметрично расположенные склады боеприпасов. В годы войны они оба были взорваны. «Северный» склад оказался полностью уничтожен. Бетонное перекрытие сошло со своего, частично разрушенного, основания, и плита сегодня, сильно накренившись, лежит на грунте. Сдвинуть ее с места и осмотреть состояние помещения без применения тяжелой техники невозможно. «Южный» склад уцелел, но сохранил на себе следы сильнейшего пожара.

Во время расчистки этого склада саперы извлекли множество остатков боеприпасов. По всей видимости, в складе до уничтожения находились запасы патронов 7,62х54 R к винтовке Мосина, 30-03 Springfield, 12,7-мм патронов, 25-мм и 37-мм снарядов к зенитным пулеметам и пушкам. Запасы 7,62-мм патронов также, скорее всего, предназначались для противовоздушной обороны береговой батареи, на что указывает их специфика. Среди остатков извлеченного саперами боезапаса отсутствуют стандартные для пехотных частей патроны с легкой

и тяжелой пулями. Напротив, они представляют собой исключительно патроны с бронебойными (Б-30), бронебойно-трассирующими (БТ), бронебойно-зажигательными (Б-32) и бронебойно-зажигательно-трассирующими пулями (ЗБ-46). Такой состав боезапаса указывает на то, что он был ориентирован преимущественно на применение по воздушным целям [3, с. 5–8, 14–17].

На месте работы саперов удалось отобрать несколько десятков относительно целых гильз. Анализ клейм на донных частях показывает следующую картину. Из 32 гильз на 22 (69% от общего числа) стоит номер «17» (Подольский патронный завод), на 10 (31% от общего числа) номер «38» (Тульский патронный завод). В целом маркировка на гильзах выглядит следующим образом: «17 ш 40», или «38 ш 41», где первая цифра, это номер завода, буква «ш» означает ШКАС (Шпитального – Комарицкого авиационный скорострельный), а последняя год выпуска патрона. Примечательно, что все гильзы имеют в клейме букву «ш», то есть они были предназначены для стрельбы только из синхронного авиапулемета ШКАС. Известно, что пулеметы ШКАС применялись не только в авиационном, но и в зенитном варианте. Диапазон выпуска патронов небольшой. Патроны Подольского завода 1940 и 1941 гг., выпуска, Тульского завода 1939, 1940 и 1941 гг. По видимости, данный боезапас предназначался для подразделений, обеспечивавших противовоздушную оборону 48-й батареи [4].

Помимо отечественных патронов, на складе имелись и патроны иностранного производства. Удалось прочитать клейма на 10 гильзах американского производства 30-03 Springfield калибра 7,62 мм. Американское стрелковое пехотное оружие по ленд-лизу СССР не закупал, однако на фронте активно использовались в зенитном варианте пулеметы американского производства под 7,62-мм патрон Браунинг M1919A4 [5, с. 33–36, 69–72].

В единичном экземпляре также обнаружена гильза 303 British с клеймом завода «Royal Laboratory, Woolwich» 1941 г. выпуска к английским винтовкам типа Ли-Энфилд. Эти винтовки действительно активно закупались Советским Союзом и

поставлялись в войска. Во время работы поисковых отрядов на полях сражений находки гильз и патронов 303 British не частое, но регулярное явление [6, с. 654–655].

Но в данном случае мы сталкиваемся с нестыковкой. Судя по имеющейся информации, орудия 48-й батареи в ноябре 1941 г. были эвакуированы на Таманский полуостров. Вполне возможно, что патроны советского производства к пулемету ШКАС остались не вывезенными, как и большая часть складов Черноморского флота на территории крепости, и не были тронуты немцами, что косвенно подтверждает отсутствие клейм позднее 1941 г. Но иностранные патроны не вписываются в общую картину [2].

По единичной находке британского патрона выводы делать преждевременно, однако год выпуска 1942 г. на гильзах 30-03 Springfield дает основание предположить, что данная партия завезена в СССР по ленд-лизу, скорее всего, в феврале – апреле 1942 г. После освобождения города и крепости Керчь в конце декабря 1941 – начале января 1942 гг., территорию крепости вновь заняли подразделения и службы Керченской военно-морской базы. Несомненно, здесь вновь размещены и зенитные части. Вероятно, после первой эвакуации на восточный берег Керченская военно-морская база получила новое вооружение из поставок набиравшего обороты ленд-лиза. В их числе, были и зенитные пулеметы Браунинг М1919А4. По видимости, вернувшись в крепость и обнаружив склады в целости, личный состав военно-морской базы продолжил использовать их для нужд обороны крепости.

Кроме боеприпасов калибра 7,62-мм, среди извлеченного после расчистки склада саперами МЧС материала, встречаются фрагменты 12,7-мм, 25-мм и 37-мм патронов и снарядов. Данные калибры также активно применялись советскими войсками для противовоздушной обороны. Калибр 12,7-мм использовался в советских пулеметах ДШК (Дегтярева – Шпагина крупнокалиберный) и американских Браунинг М2. Калибр 25-мм – в автоматической зенитной пушке образца 1940 г. (72-К). Калибр 37-мм – в автоматической зенитной пушке образца 1939 г. (61-К). Дальнейшие работы на комплексе сооружений 48-й

береговой батареи позволят получить новые данные и тем самым дополнить массив информации о боях на Керченском полуострове в годы Великой Отечественной войны [7].

Список литературы

1. Перечнев Ю.Г. Советская береговая артиллерия. История развития и боевого применения. 1921–1945 гг. М., 1976.

2. Белик Ю.Л. Некоторые особенности расположения советских оборонительных сооружений по берегам Керченского пролива накануне Великой Отечественной войны: URL: https://fortkertch.ru/ru/beregovye-batarei-20-veka/38-nekotorye-osobennosti-raspolozheniya-sovetskikh-oboronitelnykh-sooruzhenij-po-beregam-kerchenskogo-proliva-nakanune-vov (дата обращения: 08.08.2019).

3. Специальные патроны стрелкового вооружения. Описание и указания по применению. Справочное пособие. М., 1940. Вып. 1.

4. История производства и маркировка винтовочных патронов 7,62×54 R к винтовке Мосина. URL: https://studfiles.net/preview/5352559/ (дата обращения: 08.08.2019).

5. Клейма на патронах и оружии. Справочно-информационный сборник / сост.: Е.В. Шаульский, А.Г. Лебардин, П.В. Бердник, В.А. Гуздуп. М., Можайск, 2000.

6. Жук А.Б. Стрелковое оружие. Револьверы, пистолеты, винтовки, пистолеты-пулеметы, автоматы. М., 1992.

7. Линник С. Зенитные средства противовоздушной обороны РККА: URL: https://topwar.ru/31576-zenitnye-sredstva-protivovozdushnoy-oborony-rkka.html (дата обращения: 08.08.2019).

С.Б. Скоробогатов

УВЕКОВЕЧИВАНИЕ ПАМЯТИ ЛЕТЧИКОВ – УЧАСТНИКОВ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В НАЗВАНИЯХ УЛИЦ Г. СЕВАСТОПОЛЯ

Систематизирован материал о летчиках, Героях Советского Союза, участниках Великой Отечественной войны, отмеченных в топонимике г. Севастополя. Представлены моменты биографии и обстоятельства подвигов, связывающие их с Севастополем.

Ключевые слова: авиация, летчики-герои, Севастополь, Великая Отечественная война, улицы города.

S.B. Skorobogatov

MEMORIZING THE MEMORY OF PILERS – PARTICIPANTS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR IN THE NAMES OF SEVASTOPOL STREETS

The material about the pilots, Heroes of the Soviet Union, participants of the Great Patriotic War who are marked out in toponymics of Sevastopol is systematized. The moments of the biography and a circumstance of feats connecting them with Sevastopol are presented.

Key words: aviation, pilots heroes, Sevastopol, Great Patriotic War, city streets.

«Легендарный Севастополь – гордость русских моряков…», и летчиков тоже. В преддверии празднования 75-летия годовщины победы в Великой Отечественной войны необходимо обратить внимание на вопрос сохранения памяти о героях, завоевавших победу, в том числе, о летчиках-героях. Память о некоторых из них запечатлена в топонимике города, одним установлены мемориальные доски, их именами названы улицы, школы, другие же незаслуженно забыты.

На этом основании целью данной статьи является систематизировать материал об увековечивании памяти советских летчиков, участников Великой Отечественной войны, в названиях улиц на территории города федерального значения Севастополь.

Невозможно перечислить подвиги и имена всех советских людей, кто сражался за страну, за Родину, за нашу сегодняшнюю мирную жизнь. Многие из них не вернулись с поля боя. Те же, кто остался в живых, на всю жизнь сохранили память о войне для назидания будущим поколениям россиян.

В честь первых Героев Советского Союза, летчиков, участников спасения экипажа ледокольного парохода «Челюскин», погибшего во льдах Арктики 4 ноября 1934 г., были переименованы 7 улиц Севастополя. Это спуск Водопьянова, улицы Доронина, Каманина, Леваневского, Ляпидевского, Молокова, Слепнева. Все эти улицы, кроме Ляпидевского, расположены в Нахимовском районе Севастополя, на Северной

стороне. Шесть летчиков из этого списка приняли активное участие в Великой Отечественной войне.

Водопьянов Михаил Васильевич (06.11.1899–11.08.1980), генерал-майор авиации. Во время войны командовал 81-й дальнебомбардировочной авиационной авиадивизией [1, с. 111].

Доронин Иван Васильевич (05.05.1903–02.02.1951), полковник авиации. Закончил Севастопольскую летную школу, был инструктором школы морской авиации на Черноморском флоте. В годы войны работал на авиационном заводе № 301 (г. Химки) начальником летно-испытательной станции.

Каманин Николай Петрович (18.10.1908–11.03.1982), генерал-полковник авиации. Во время войны командовал 292-й штурмовой авиационной дивизией, а затем 8-м смешанным авиационным и 5-м штурмовым авиационным корпусом.

Ляпидевский Анатолий Васильевич (23.03.1908–29.04.1983), генерал-майор авиации, первый Герой Советского Союза. В годы войны начальник 4 отдела Научно-исследовательского института Военно-воздушных сил, затем заместитель командующего Военно-воздушных сил 19-й армии. Улица его имени примыкает к Графской пристани [2, с. 46].

Молоков Василий Сергеевич (13.02.1895–29.12.1982), генерал-майор авиации. В годы войны организовывал строительство воздушной трассы «Аляска–Сибирь», командовал 213-й ночной бомбардировочной авиационной дивизией.

Слепнев Маврикий Трофимович (15.06.1896–19.12.1965 гг.), полковник авиации. В годы войны был заместителем командира авиационной бригады Военно-воздушных сил Черноморского флота. Работал в Главном управлении Военно-воздушных сил Военно-морского флота. Участвовал в обороне Одессы и Севастополя [3, с. 46].

Еще несколько улиц до Великой Отечественной войны получили свои названия в честь выдающихся советских летчиков и летчиц – Героев Советского Союза, таких как М.М. Громов, П.Д. Осипенко, В.П. Чкалов.

Громов Михаил Михайлович (12.02.1899–22.01.1985) – генерал-полковник авиации, Герой Советского Союза, заслуженный летчик-испытатель СССР, профессор. В годы

войны командовал 31-й смешанной авиационной дивизией, 3-й, а затем 1-й авиационной армиями. Ул. Громова, расположенная на Северной стороне, получила свое название 4 ноября 1938 г. [4].

Амет-Хан Султан (20.10.1920–01.02.1971), полковник, дважды Герой Советского Союза, Заслуженный летчик-испытатель СССР, лауреат Государственной премии СССР. Участвовал в освобождении г. Севастополь. Ул. Амет-Хан Султана находится в Гагаринском районе города.

Иванов Яков Матвеевич (17.10.1916–17.11.1941), младший лейтенант, Герой Советского Союза. Служил летчиком 32-го истребительного авиаполка Военно-воздушных сил Черноморского флота, сбил три самолета противника, два из них таранным ударом. С 17 апреля 1957 г. улица в Ленинском районе носит имя Якова Иванова [5, с. 223].

Коробков Федор Григорьевич (7.06.1898–24.04.1942), генерал майор авиации, Герой Советского Союза. Занимал должность заместителя командующего авиацией Военно-Морского Флота, участвовал в обороне Севастополя. В 1951 г. в честь Ф. Г. Коробкова названа улица Ленинского района [6, с. 32].

Лобанов Евгений Иванович (1918–11.03.1942), старший лейтенант, Герой Советского Союза. В войну служил в 18-м штурмовом авиационном полку Военно-воздушных сил Черноморского флота. В бою 11 марта 1942 г. совершил огненный таран войск противника. Ул. Лобанова находится в Ленинском районе, получила название 17 апреля 1957 г. [7, с. 162].

Мазуренко Алексей Ефимович (20.06.1917–11.03.2004), генерал-майор авиации, дважды Герой Советского Союза. Служил в истребительной и штурмовой авиации Балтийского, Северного и Черноморского флотов. Ул. Мазуренко получила свое название 22 декабря 1954 г., находится в Нахимовском районе Севастополя.

Михайлов Борис Евгеньевич (1909–3.07.1942), комиссар 3-й особой авиационной группы Военно-воздушных сил Черноморского флота, сражавшейся в осажденном Севастополе. На Херсонесском аэродроме установлен бюст героя. 2 июля

1963 г. улица Гагаринского района Севастополя получила название Бориса Михайлова [8, с. 154].

Надеждин Петр Филиппович (02.04.1921–26.04.1944), лейтенант, Герой Советского Союза. Погиб на подступах к Севастополю 26 апреля 1944 г., совершив огненный таран вражеской техники. Улица Лейтенанта Надеждина находится в садовом товариществе «Сапун-гора» в окрестностях города [7, с. 181].

Остряков Николай Алексеевич (17.05.1911–24.04.1942), генерал-майор авиации, командующий Военно-воздушными силами Черноморского флота. Погиб 24 апреля 1942 г. во время обороны Севастополя, посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. Улица Острякова в Ленинском районе города получила название 17 апреля 1951 г., а 5 мая 1975 г. переименована в проспект Генерала Острякова. Мемориальное обозначение установлено на доме № 60; средняя школа № 22 г. Севастополя носит имя Н.А. Острякова [9, с. 46].

Савва Николай Иванович (1916–14.01.1942), лейтенант, летчик 32-го истребительного авиационного полка Военно-воздушных сил Черноморского флота. Сбил 10 самолетов противника, один из них, 18 октября 1941 г. тараном, над Балаклавой. Улица, расположенная в Ленинском районе Севастополя, с 15 апреля 1961 г. носит имя Николая Саввы [6, с. 44].

Степаненко Михаил Гаврилович (1906–21.11.1941), бригадный комиссар, военком Военно-воздушных сил Черноморского флота. С 17 апреля 1951 г. его именем названа улица в Ленинском районе Севастополя, мемориальная стела установлена на ул. Гоголя у здания Штаба авиации Черноморского флота России.

Степанян Нельсон Георгиевич (28.03.1913–14.12.1944), гвардии полковник, дважды Герой Советского Союза. Во время Крымской операции командовал 47-м штурмовым авиационным полком Военно-воздушных сил Черноморского флота. К 30-летию освобождения Севастополя, 6 мая 1974 г. улица в Гагаринском районе была названа именем Степаняна.

Супрун Степан Павлович (20.07.1907–04.07.1941) – дважды Герой Советского Союза, депутат Верховного Совета СССР от Севастопольского избирательного округа. Во время Великой Отечественной войны командовал 401-м истребительным авиационным полком особого назначения. Ул. Супруна находится в Ленинском районе Севастополя, получив имя с 17 апреля 1951 г. [1, с. 198].

Токарев Николай Александрович (31.03.1907–30.01.1944), генерал-майор авиации, Герой Советского Союза. Командовал 1-й минно-торпедной авиационной дивизией Черноморского флота. Ул. Токарева носит название с 22 декабря 1954 г., расположена в Ленинском районе. Мемориальное обозначение установлено на доме № 1. Также в Севастополе есть проезд Токарева [4].

Хрюкин Тимофей Тимофеевич (21.06.1910–19.07.1953), генерал-полковник авиации, дважды Герой Советского Союза. В годы войны командовал 8-й воздушной армией, освобождавшей Крым и Севастополь. Ул. Генерала Хрюкина носит название с 6 мая 1974 г., расположена в Ленинском районе. Мемориальное обозначение установлено на доме № 5.

Челноков Николай Васильевич (09.05.1906–16.07.1974), генерал-майор авиации, дважды Герой Советского Союза, командир 8-го гвардейского штурмового авиаполка Военно-воздушных сил Черноморского флота. Ул. Челнокова получила название 14 марта 2002 г., находится в Гагаринском районе. Имя героя присвоено школе г. Севастополь «Средняя общеобразовательная школа № 38 имени Н.В. Челнокова» [10, с. 36].

Хрусталев Николай Титович (1908–01.11.1941) капитан, заместитель командира 2-й эскадрильи 11-го штурмового авиаполка Военно-воздушных сил Черноморского флота, участник обороны Севастополя. В воздушном бою 12 ноября 1941 г. его самолет был подбит. Н.Т. Хрусталев совершил огненный таран скопления войск и техники противника. Ул. Хрусталева получила название 4 мая 1965 г., расположена в Ленинском районе Севастополя. Мемориальное обозначение установлено на доме № 53.

Поселок Кача является частью Севастополя с самой богатой авиационной историей. Здесь расположены четыре улицы в честь летчиков – участников Великой Отечественной войны: Гастелло, Кожедуба, Покрышкина, Рыжова.

Кожедуб Иван Никитович (20.06.1920–8.08.1991), маршал авиации, трижды Герой Советского Союза. Гастелло Николай Францевич (23.04.1907–26.06.1941), капитан, Герой Советского Союза. Покрышкин Александр Иванович (21.02.1913–13.11.1985), маршал авиации, трижды Герой Советского Союза. Рыжов Евграф Михайлович (16.12.1916–12.12.1982), капитан, летчик 7-го истребительного авиационного полка Военно-воздушных сил Черноморского флота, Герой Советского Союза. В г. Севастополь на ул. Кожанова расположен сквер им. Рыжова [11].

В г. Инкерман, который входит в состав Балаклавского района Севастополя, есть улица, названная 17 апреля 1951 г. в честь военного летчика Шубикова. Шубиков Арсений Васильевич (05.05.1913–22.10.1941), майор, командир эскадрильи 32-го истребительного авиаполка Военно-воздушных сил Черноморского флота, награжден орденом Ленина. На истребителе И-16, доставленном к цели бомбардировщиком ТБ-3, участвовал в налетах на нефтеперегонный завод в Констанце и Чернаводский мост через Дунай в Румынии, оборонял г. Севастополь. В 2001 г. на ул. Шубикова установлена именная стела-обелиск [6, с. 48].

Сохранение памяти о героях Великой Отечественной войны рассматривается как позитивная символическая ценность во всех поколениях россиян, является одной из опор национального самосознания, стимулируя единение и мобилизацию народа. Имена многих летчиков героев Великой Отечественной войны увековечены в названиях улиц, учебных заведений, в музейных экспозициях, на мемориалах и памятниках города. Демонстрация героических примеров в истории города особенно актуальна для патриотического воспитания подрастающего поколения севастопольцев и гостей города.

Список литературы

1. Ляхович А.А., Шорин Л.А., Веникеев Е.В., Шавшин В.Г. У карты Севастополя. Справочник. Симферополь, 1982.
2. Герои Советского Союза: Краткий биографический словарь в 2 т. / пред. ред. коллегии И.Н. Шкадов. М., 1988. Т. 2.
3. Севастополь: страницы героической защиты и освобождения города-героя, 1941–1944 / И.М. Неверов. М., 1983.
4. Герои страны. URL: http://www.warheroes.ru
5. Иванов П.Н. Крылья над морем. История создания, развития и боевой деятельности авиации Военно-Морского Флота СССР. М., 1973.
6. Дорохов А.П. Герои Черноморского неба. М., 1972.
7. Казарян А.А. Герои боев за Крым. Симферополь, 1972.
8. Маношин И.С. Героическая трагедия: О последних днях обороны Севастополя (29 июня – 12 июля 1942 г.). Симферополь, 2001.
9. Крым – земля героическая: альбом-памятка / сост. В.П. Баженов. Симферополь, 2004.
10. Герои битвы за Севастополь. Севастополь, 2018.
11. ОБД Мемориал. URL: https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id= 33118769, ID 33118769

Т.А. Сенюшкина

ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ФАКТОР ВОССОЕДИНЕНИЯ КРЫМА С РОССИЕЙ

В статье рассматривается роль цивилизационной идентичности в процессе воссоединения Крыма с Россией. Цивилизационная идентичность исследуется в контексте религиозной, языковой и культурной принадлежности населения Крыма. Обосновано положение о том, что роль цивилизационной идентичности в определении вектора крымского геополитического выбора, осуществлённого весной 2014 г., обусловлена связью процесса идентификации с коллективной мотивацией и колективным политическим действием.

Ключевые слова: Воссоединение Крыма с Россией, цивилизационная идентичность, геополитические вызовы, цивилизационные вызовы, цивилизационный подход.

T.A. Senyushkina

CIVILIZATION IDENTITY AS FACTOR OF REUNION OF CRIMEA WITH RUSSIA

The article considers the role of civilizational identity in the process of reunification of Crimea with Russia. Civilizational identity is studied in the context of religious, linguistic and cultural belonging of the Crimean population.

The article substantiates the position that the role of civilizational identity in determining the vector of the Crimean geopolitical choice made in the spring of 2014 is due to the connection of the identification process with collective motivation and collective political action.

Key words: Reunion of Crimea with Russia, civilizational identity, geopolitical challenges, civilizational challenges, civilizational approach.

В условиях поиска ответов на новые геополитические вызовы, с которыми сталкивается сегодня российское общество, актуализируются исследования, осуществляющиеся в рамках цивилизационного подхода. Как отмечает О.А. Митрошенков, «каждая эпоха предлагает свои вызовы как мировой цивилизации, так и отдельным обществам и странам. На рубеже XX – XXI вв. выявились тенденции, без адекватного учета которых любое общество обречено быть цивилизационным маргиналом и оставаться на периферии мировой истории» [1, с. 21].

Особую актуальность в этих условиях приобретают исследования, посвящённые феномену цивилизационной идентичности, которая связана с наивысшим уровнем осознания человеком своей культурной принадлежности. Пытаясь ответить на вопрос: «Кто я»?, человек сопоставляет себя с другими людьми, близкими себе по культурному, религиозному, этническому, социальному, языковому признаку. Цивилизационная идентичность связана также с конкретным политическим пространством и социальным временем, общественным устройством, духовными традициями и коллективной памятью.

В контексте сказанного выше события, произошедшие весной 2014 г/ в Крыму, следует рассматривать в качестве цивилизационного ответа на геополитические вызовы.

Воссоединение Крыма с Россией – это результат осознанного личного и коллективного выбора, основанного на преобладающей в регионе цивилизационной идентичности, которая сформировалась под влиянием религиозной, языковой и культурной принадлежности большинства населения. Роль цивилизационной идентичности в определении вектора крымского геополитического выбора обусловлена связью

процесса идентификации с коллективной мотивацией и колективным политическим действием.

Данная тема имеет особое преломление в связи с культурно-историческими различиями внутри крымского сообщества, связанными с сосуществованием и взаимодействием трёх доминирующих этнических групп – русских, украинцев и крымских татар. Согласно результатам переписи 2014 г., в Республике Крым проживает 1 млн 188 тыс. русских, 291 тыс. украинцев, 229 тыс. крымских татар [2].

Для более полного понимания произошедших весной 2014 г. политических процессов следует учитывать, что до 1954 г. Крымский полуостров входил в состав Российской Федерации, а затем был передан Украине как новая административная единица (процесс передачи не затронул г. Севастополь, который напрямую починялся Москве и оставался вплоть до развала СССР городом союзного подчинения, наряду с Москвой и Ленинградом (Санкт-Петербургом). В рамках единого государства этот акт не имел существенных политических последствий, но с распадом СССР ситуация стала парадоксальной – русское население Крыма оказалось в независимой Украине в положении национального меньшинства, хотя никогда не покидало территории полуострова, который значительную часть своей истории входил в состав России. Кроме того, русское население Крыма неоднократно демонстрировало своё отношение к акту передачи Крыма Украине как к нелегитимному политическому событию. Большинство жителей Крыма на уровне гражданских, политических и правовых отношений отождествляло себя с Украиной, однако в культурном отношении всегда находилось в пространстве влияния России.

Особого исследовательского внимания требует этноконфликтный потенциал Крыма, который на данный момент находится в латентном состоянии, однако нельзя исключать, что он может быть использован внешними силами для расшатывания ситуации на полуострове. Важное значение имеет политическая стабильность в российском государстве в целом.

В связи с этим особую роль приобретает разработка механизмов снижения напряжённости, связанной с тем, что часть населения Крыма по разным причинам не поддержала воссоединение Крыма с Россией. Особый ряд проблем в связи с этим характерен для крымско-татарской части населения полуострова.

Крымские татары как этнос сформировались в контексте цивилизационных процессов, связанных с доминирующим влиянием ислама и культурно-исторического влияния Турции. В отличие от русского населения Крыма, крымские татары имеют свою версию коллективной памяти и исторической правды. В связи с вхождением Крыма в состав РФ на основании волеизъявления большинства жителей Крыма, подтверждённого результатами референдума 16 марта 2014 г., внутри крымско-татарской этнической группы произошло разделение на сторонников и противников нового вектора политического развития Крыма.

Рассматривая воссоединение Крыма с Россией как акт восстановления исторической справедливости, большая часть населения Крыма высказалась за вхождение Республики Крым в состав Российской Федерации (96,7% принявших участие в референдуме). Наряду с этим, в связи с проведением референдума и вхождением Крыма в состав РФ в среде крымских татар обострился внутренний конфликт, связанный с конкуренцией внутри этнической элиты, которая обострилась в связи с вопросом о будущем крымско-татарской государственности, которая никогда не снималась с повестки дня и до 2014 г. представлялась крымско-татарскими идеологами в виде трёх возможных вариантов: 1) крымско-татарская автономия в составе Украины, 2) крымско-татарская автономия в составе Турции, 3) независимое крымско-татарское государство. Все три проекта оказались несостоятельными в связи с вхождением Крыма в состав РФ, однако не следует недооценивать их сохранение на уровне коллективной памяти и коллективного сознания.

Большая часть крымских татар поддержала российский вектор развития Крыма и приступила к процессу интеграции в

новое политическое, правовое и экономическое пространство. Об этом свидетельствует крайне низкий процент крымских татар, отказавшихся от российского гражданства. Одновременно с этим, часть этого этноса в 2014 г. заняла диаметрально противоположную позицию. Критические настроения были связаны в первую очередь с исторической памятью, которая негативно окрашивает факт присоединения Крыма к России в конце XVIII в.

Действительно, три с лишним столетия (до конца XVIII в.) существовало Крымское ханство, причем длительное время оно находилось в политической зависимости от Турции. Конец существованию ханства положила Россия, присоединившая Крым к своей территории. В результате глубоких исторических трансформаций сформировалась коллективная виктимность, характерная для крымскотатарского национального сознания, получившая новый трагический импульс после депортации крымских татар, осуществлённой И.В. Сталиным в мае 1944 г. [3, с. 189].

Наряду с тем, что конфликтное пространство, связанное с крымскими татарами, получило новые импульсы углубления в 2014 г., крымские татары за годы репатриации уже получили доступ к ключевым ресурсам полуострова, включая самый ценный ресурс – землю на Южном и Юго-Восточном берегу Крыма. Кроме того, реальный социальный и экономический статус крымских татар в действительности выше, чем официально декларирующийся. Проблемы в сфере социального обеспечения, образования и культуры крымских татар в основном решаются, а их актуализация в информационном пространстве за пределами полуострова носит манипулятивный характер.

Начиная с весны 2014 г., Президент РФ В.В. Путин и российское правительство продемонстрировали способность взять на себя решение ключевых экономических и социальных проблем крымских татар, что сыграло решающую роль в формировании лояльности крымско-татарского населения в вопросе о нахождении Крыма в составе Российской Федерации.

В случае заметного улучшения экономической и социальной ситуации в Крыму описанные выше признаки противостояния

отойдут на второй план. Наряду с этим не следует исключать возможности эскалации конфликта в результате внешнего воздействия с использованием исламского фактора при задействовании международных сетевых структур, которые уже имеют своих представителей на полуострове.

Это подтверждается тем фактом, что до 2014 г. в Крыму наблюдалась активизация нетрадиционных исламских течений, таких как ваххабизм, «Братья-мусульмане», а также партия «Хизб ут-тахрир» (запрещённая в РФ террористическая организация), которая после вхождения Крыма в состав РФ оказалась вне правового поля в связи с вступлением в силу российского законодательства, запрещающего функционирование этого религиозного движения на территории страны. Однако, несмотря на это, данное религиозное течение не утратило влияния на своих сторонников (преимущественно в сельском и молодёжном сегменте).

Учитывая высокий ресурсный потенциал полуострова и прилегающей к нему акватории Чёрного моря, а также резкое обострение геополитической конкуренции в Черноморско-Каспийском регионе, которая наблюдается после событий 2014 г., нельзя исключить, что этнический и религиозный фактор будет использоваться внешними геополитическими игроками для обеспечения доступа к наиболее ценным ресурсам полуострова. В связи с этим на уровне государственной власти необходимо обеспечить высокий уровень стратегического управления с учётом прогнозной составляющей, для того, чтобы исключить возможность обострения межэтнической и межконфессиональной обстановки в Крыму.

Роль цивилизационной идентичности в определении вектора крымского геополитического выбора обусловлена связью процесса идентификации с коллективной мотивацией и колективным политическим действием. В этой связи события, произошедшие весной 2014 г. в Крыму, следует рассматривать как цивилизационный ответ на геополитические вызовы.

Воссоединение Крыма с Россией – это результат осознанного личного и коллективного выбора, основанного на преобладающей в регионе цивилизационной идентичности,

которая сформировалась под влиянием религиозной, языковой и культурной принадлежности большинства населения.

Список литературы

1. Митрошенков О.А. Цивилизационные вызовы и управленческие ответы в начале XXI века // Социология власти. 2011. № 5. С. 21–32.
2. Итоги переписи населения 2014 г. в Республике Крым. URL: http://crimea.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/crimea/ru/census_and_research ing/census/crimea_census_2014/score_2010/ (дата обращения: 27.08.2019).
3. Сенюшкина Т.А. Цивилизационная идентичность как фактор крымского выбора // Проблема суверенности современной России. Материалы Всерос. науч.-общ. конф., 6 июня 2014 г., Москва. М., 2014. С. 182–191.

Т.В. Вакулова

МЕСТО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ В ПРОТИВОСТОЯНИИ РОССИЙСКОЙ И ЗАПАДНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Рассмотрены причины противоречий между российской и западной цивилизациями и место Причерноморья в противостоянии между ними, выделяются исторические, политические и цивилизационные основания борьбы.

Ключевые слова: противостояние, цивилизация, цивилизационный код, Причерноморье, Россия, Запад.

T.V. Vakulova

THE PLACE OF THE BLACK SEA AREA IN THE OPPOSITION OF RUSSIAN AND WESTERN CIVILIZATIONS

The causes of contradictions between Russian and Western civilizations and the place of the black sea region in the confrontation between them are considered, the historical, political and civilizational bases of the struggle are highlighted.

Key words: confrontation, civilization, civilizational code, Black Sea area, Russia, West.

Особое место история отвела Причерноморью в противостоянии между российской и западной цивилизациями. Географический макрорегион Причерноморья находится на границе между Европой и Азией, это земли, которые примыкают

к Черному морю: современные территории Абхазии, Болгарии, Грузии, России, Румынии, Турции, Украины. Поэтому, неслучайно, именно на этих территориях происходят важнейшие геополитические процессы и события XIX – XXI вв.

Территориально Причерноморье включает в себя несколько микрорегионов: северное, восточное, южное и западное Причерноморье. Территории причерноморской полосы Одесской, Николаевской и Херсонской областей Украины, Приазовье и Крым относят к северному Причерноморью. К восточному Причерноморью или Черноморскому побережью Кавказа относят причерноморскую полосу Краснодарского края России, Абхазию, и прибрежную часть Грузии. Южное Причерноморье, это побережье Черноморского и Мраморноморского регионов Турции. Западное Причерноморье, включает в себя Румелийский берег Турции, Черноморское побережье Болгарии и Черноморское побережье Румынии.

В геополитическом смысле политологи называют Причерноморье – Большое Причерноморье, так как государства входящие в него традиционно имеют совместные экономические и политические интересы. Для России Причерноморье это путь в Средиземное море, а затем в Мировой океан.

В Большом Причерноморье конкурируют интересы как мировых государств (США, ЕС, РФ и КНР), так и региональных (Турция, Украина и др). Причерноморье – путь России во внешний мир, но и пространство для агрессии запада против России. Как сегодня в XXI веке, так и в XX и XIX веках, именно на территориях Причерноморья происходили важнейшие события мировой истории: русско-турецкие войны, Крымская война, военные действия Первой мировой (интервенция), Великой Отечественной войны. В 2014 г. в Крыму произошли события, которые изменили отношения между государствами европейской и российской цивилизаций. Геополитическая борьба России и Запада в Причерноморье обострилась на фоне украинского кризиса, а в условиях сирийского конфликта Большое Причерноморье вновь стало местом международных противоречий.

Сегодня между государствами Причерноморья членами ОЧЭС так же существуют противоречия и конфликты, причины которых кроются, в том числе и в цивилизационных различиях. (ОЧЭС – Организация черноморского экономического сотрудничества, созданная в июне 1992 г. Межправительственная организация, объединяющая 12 государств: Азербайджан, Албания, Армения, Болгария, Греция, Грузия, Молдавия, Россия, Румыния, Сербия, Турция и Украина. Цель ОЧЭС – развитие экономического сотрудничества, в бассейне Черного моря).

В целом, современная российская цивилизация переживает сегодня этап враждебного отношения к себе со стороны европейской цивилизации, и территории Причерноморья, вновь стали местом, где происходят важнейшие экономические и политические мировые процессы.

Продолжается строительство «Турецкого потока» – морской части экспортного газопровода через Черное море, построен Крымский мост, на котором прокладываются железнодорожные линии, которые соединяют Крым с материковой частью России. В системе международных отношений санкционная политика Европы по отношению к России, как никогда ранее, стала агрессивной, уровень разногласий значительно вырос. Но такая ситуация для российской цивилизации складывается не впервые.

Еще в середине XIX в. Н.Я. Данилевский писал, что «Европа не признает нас своими. Она видит в России и в славянстве вообще нечто ей чуждое. Европа видит, в Руси и в славянстве не только чуждое, но и враждебное начало» [2, с. 52–53]. Данилевский считал, что цивилизационные различия – религия, язык, культура, традиции, общая историческая память определяют основные противоречия между цивилизациями. Современные исследователи констатируют [2], что между цивилизациями идет открытая борьба, война цивилизаций, неизбежное противостояние между Западом и Россией происходит с целью установить лидера. Миссия России, по мнению исследователей, заключается в имперском освободительном движении, а не завоевании. Действия России в Сирии доказывают тезис об имперском действии по защите в византийской ойкумене, после падения византийской

цивилизации в 1453 г. С другой стороны, исследователи отмечают двойственность российской цивилизации; её способность объединяться с невероятной силой именно в условиях войны, а в мирных условиях происходит её атомизация [2].

В историческом аспекте Причерноморье является местом пересечения цивилизационных, геополитических и экономических интересов западной и российской цивилизаций, местом экономической и религиозной конфронтации. В сложившихся условиях международными лидерами в Причерноморье остаются Россия, Турция, организации европейской цивилизации (НАТО, ЕС), и США. Причерноморье для европейской цивилизации – место для дальнейшего движения на Ближний Восток, а так же источник энергоресурсов. Поэтому, в новом тысячелетии Причерноморье становится местом, где Запад во главе с США, будут бороться за контроль над мировыми энергетическими ресурсами, за лидерство и управление глобальной экономикой.

Современные противоречия, усиленные политическим и геостратегическим противостоянием между Западом и Россией в Причерноморье имеют временную глубину и относятся ко времени формирования греко-римских различий в рамках античной цивилизации. Эти различия ярко проявились уже в эпоху разделения христианства на западное и восточное, католическое и православное и превратились в противостояние в эпоху развитого средневековья. В новое и новейшее время, в причерноморском регионе шли постоянные военные конфликты за черноморские проливы, а к настоящему времени противоречия в Причерноморье вновь приобрели особую цивилизационную остроту.

Список литературы

1. Данилевский Н.Я. Россия и Европа / сост. и коммент. Ю.А. Белова. М., 2008.

2. Причерноморье. История, политика, культура. Научный журнал (сетевое издание) № XXV (VIII). Серия В. Международные отношения. М.; Севастополь, 2018. URL: https://docviewer.yandex.ru/view/14246449

Н.А. Романович

КРЫМ И РОССИЯ: РАЗЛИЧИЯ ОЦЕНОК СИТУАЦИИ ОБЩЕСТВЕННЫМ МНЕНИЕМ

Пять лет спустя после воссоединения Крыма с Россией зондаж общественного мнения демонстрирует существенные различия в оценках текущей ситуации, а также прогнозов на будущее между крымчанами и прочими жителями страны. Жители полуострова более лояльны к власти, более оптимистичны статических и динамических оценках происходящего, согласно результатам социологических опросов. Доказывается, что транслируемый ими высокий уровень социального самочувствия зиждется не только на объективных экономических показателях, но и на эмоциональных факторах нематериального порядка.

Ключевые слова: россияне, крымчане, социологический опрос, оценки ситуации, уровень социального самочувствия.

N.A. Romanovich

CRIMEA AND RUSSIA: DIFFERENCES OF EVALUATION OF THE SITUATION BY PUBLIC OPINION

Five years after the reunification of Crimea with Russia, a public opinion probe shows significant differences in assessments of the current situation, as well as forecasts for the future, between Crimeans and other residents of the country. Residents of the peninsula are more loyal to the authorities, more optimistic of static and dynamic assessments of what is happening, according to the results of opinion polls. It is proved that the high level of social well-being broadcast by them is based not only on objective economic indicators, but also on emotional factors of an intangible order.

Key words: Russians, Crimeans, opinion poll, assessments of the situation, level of social well-being.

Воссоединение Крыма с Россией после проведенного на полуострове в 2014 г. референдума предполагало объединение территорий в единое социально-экономическое и политическое пространство, в котором, как правило, усредняются социально-экономические показатели, показатели результатов опросов, фиксирующих состояние общественного мнения в отношении различных аспектов. Вот уже пять лет Крым и Россия вместе, но усреднения общественного мнения на этих территориях не произошло. Результаты опросов показывают, что это разные

территории по уровню социального самочувствия и оценкам действующей власти.

В марте 2019 г. ВЦИОМ опросил в Крыму 1600 респондентов старше 18 лет по стратифицированной репрезентативной для жителей полуострова выборке [1]. Кроме того, аналогичный опрос был проведен ВЦИОМ в марте 2019 г. в целом по России (в выборку попали 80 регионов, 500 городов и 100 сёл). Сравнивая результаты опросов, можно обнаружить существенную разницу в восприятии жизни, экономической и политической ситуации [2].

Уровень социального самочувствия жителей Республики Крым, по результатам опроса, высокий – 82% опрошенных оказались довольны своей жизнью, и только 17% – недовольны. В то же время, средние показатели по РФ в целом существенно ниже: только 64% россиян оказались довольны своей жизнью. Оценки материального благополучия в Крыму также выше общероссийских показателей 56% жителей полуострова довольны своим материальным положением, 43% – недовольны (по РФ: 41% – довольны, 59% – недовольны).

Сопоставим оценки положения дел в республике/регионе (по месту жительства крымчан и россиян). Вопрос звучал так: *«Если говорить про республику в целом, Вы довольны или не довольны положением дел в республике?».* В таблице 1 показано, что оценки ситуации в Республике Крым положительные и стабильные 75% опрошенных довольны положением дел, 21% не довольны. В то же время среди россиян перевешивают отрицательные оценки ситуации в регионах: 50% не довольны, 48% – довольны.

Таблица 1

	Вопросы и ответы	Крым	РФ
1.	*Если говорить про республику/регион в целом, Вы довольны или не довольны положением дел в республике/регионе?*		
	Скорее доволен	75%	48%
	Скорее не доволен	21%	50%
	Затруднились ответить	4%	2%
2	*Как Вы считаете, за последний год ситуация в республике/регионе в целом улучшилась, ухудшилась или не*		

	изменилась?		
	Скорее улучшилась	59%	23%
	Скорее ухудшилась	7%	26%
	Практически не изменилась	32%	48%
	Затруднились ответить	2%	3%
3	*На Ваш взгляд, какие отношения складываются между людьми различных национальностей в населенном пункте, в котором Вы живете?*		
	Скорее доброжелательные	92%	85%
	Скорее конфликтные	5%	10%
	Затруднились ответить	3%	5%
4	*В последний год в республике или населенном пункте, районе, где Вы живете, были или не были ссоры или конфликты на национальной почве между представителями разных народов?*		
	Таких ссор и конфликтов не было	89%	80%
	Такие ссоры и конфликты были	8%	7%
	Затруднились ответить	3%	13%
5	*Как Вы относитесь к Президенту РФ?*		
	Скорее хорошо	90%	64%
	Скорее плохо	3%	27%
	Ничего не знаю е его работе	1%	-
	Затруднились ответить	6%	-
6	*Представьте, что выборы депутатов Государственной Думы состоятся в ближайшее воскресенье. За какую партию Вы бы, скорее всего, проголосовали?*		
	Единая Россия	55%	38%
	ЛДПР	8%	12%
	КПРФ	5%	14%
	Справедливая Россия	4%	5%
	Российская партия пенсионеров за справедливость	2%	4%

В ответах крымчан положительна не только статика, но и динамика. При оценке динамики ситуации в Крыму («*Как Вы считаете, за последний год ситуация в республике в целом улучшилась, ухудшилась или не изменилась?»*) большинство (59%) жителей заявляют о положительных изменениях за последний год (об отрицательных только 7%). Уточняющие вопросы

показывают, что наиболее заметные положительные изменения произошли в сфере дорожного строительства, энергообеспечения полуострова, благоустройства населенных пунктов. Динамика оценки ситуации в российских регионах, так и статика, дает отрицательные показатели: 23% – засвидетельствовали улучшение, а 26% – ухудшение.

Национальный вопрос: *«На Ваш взгляд, какие отношения складываются между людьми различных национальностей в населенном пункте, в котором Вы живете?»,* – более-менее выравнивает ситуацию. И жители Крыма (92%), и прочие россияне (85%) в большинстве своем указали на доброжелательные отношения между людьми различных национальностей. Правда, крымчане чаще говорили о мирных отношениях и реже о конфликтных (5% – Крым и 10% – РФ).

Если же спрашивать не о настроениях в обществе, а о реальных этнических конфликтах, которые имели место быть в районах проживания респондентов, то их за последний год было примерно равное количество, как в среднем по России (7%), так и в Крыму (8%). Но крымчане, которые с конфликтами и ссорами на национальной почве не сталкивались, более горячо убеждают исследователей в том, что их не было – 89% (в среднем по России – 80%).

Если межнациональная ситуация в Крыму, как и в России, спокойная, и оценки ситуации сходны, то отношение к Президенту РФ в существенной степени различается. Положительные оценки Президента В. Путина в Крыму (90%) значительно выше показателей по России в целом (64%); а отрицательные оценки деятельности Президента в Республике намного ниже (3%), чем среднероссийские (27%). Кроме того, «партия власти» ЕР набирает на полуострове гораздо больше голосов (55%), чем в среднем по стране (38%).

О чем свидетельствуют подобные различия? Неужели о том, что жители Крыма живут сегодня по объективным показателям лучше прочих россиян? Конечно, нет. Напротив, перемены политического характера влекут за собой экономические трансформации, которые выбивают население из привычного русла жизни и заставляют заново приспосабливаться к

изменившимся условиям. Тяжесть древнего китайского проклятия: «Да придется тебе жить в эпоху перемен!», – в полной мере ощутили на себе жители полуострова. Более или менее налаженный быт, экономические и производственные отношения подверглись трансформации в новой стране с новыми законами. Сегодня крымчанам, против которых ополчилось не только международное сообщество, но и родственники, друзья, знакомые из Украины, приходится тяжелее, чем прочим жителя России.

Но приподнятый эмоциональный фон среди жителей полуострова позволяет им смотреть на мир сегодня другими глазами: от души радоваться «плюсам» своего положения и отодвигать на задний план «минусы». Более того, произошла переоценка ценностей: ценности нематериального характера заняли свое законное преобладающее место, поэтому материальные трудности были во многом вытеснены из сферы переживаний. «Главное – что у нас мир», – заявляли опрошенные (20% указали на обеспечение мира на территории Республики как на главное положительное последствие воссоединения с Россией). Впрочем, три четверти (72%) участников опроса утверждают, что воссоединение Крыма с Россией положительно сказалось на их жизни и жизни их семьи. Почти каждый третий житель полуострова подтвердил, что он стал жить лучше и в материальном плане (30%), А для каждого десятого (10%) главное – это осуществление его мечты – жить в России.

Только 7% крымчан ответили, что воссоединение Крыма с Россией отрицательно сказалось на их жизни. Среди отрицательных последствий респонденты чаще называли рост цен (10% от всех опрошенных; на вопрос о позитивных/негативных последствиях отвечали все респонденты, в том числе и те, кто преимущественно заявил о положительных последствиях), еще 7% пожаловались на потерю связи с родственниками, по 6% – на низкие зарплаты и бюрократию. О том, что воссоединение России и Крыма никак не сказалось на их жизни, говорят 15% жителей Республики Крым.

Среди россиян в целом на положительные последствия в своей жизни по результатам воссоединения с Крымом указали

18% респондентов, на отрицательные – 9%. В числе положительных последствий: возможность ездить отдыхать без пересечения границы, восстановление исторической справедливости, проще видеться с друзьями и родней, гордость за Россию, повышение уровня патриотизма, стратегическая безопасность. Но чаще всего люди говорили, что это никак не сказалось на их личной жизни (70%). Несмотря на то, что на их личную жизнь присоединение Крыма не повлияло, большинство россиян (88%) сегодня положительно оценивают возвращение Крыма (среди самих крымчан положительные оценки возрастают до 93%). И если бы референдум состоялся ещё раз, то результат был бы тот же.

Крым отличается от остальной России сегодня состоянием общественного сознания. Нематериальные ценности, такие как мир, единство с огромной страной, возвращение под российский флаг, оставшаяся позади угроза войны с совершившей государственный переворот украинской властью, – всё это делает крымчан более восторженными к восприятию настоящего, более оптимистичными по отношению к будущему и гораздо более лояльными к российской власти по сравнению с остальными россиянами. Эйфория от присоединения к России ещё не остыла в сердцах жителей полуострова. Не исключено, что через несколько лет показатели опросов в Крыму сравняются с общероссийскими, а возможно, и нет. Возможно, что жители Крыма просто другие – мягче, добрее, великодушнее и благодарнее, чем россияне в среднем. Российское общество сложно и разнообразно.

Директор ВЦИОМ В. Федоров недавно заметил, что разнообразие российских регионов не уменьшается, а только растет, и об этом нельзя забывать в стремлении найти черты, характерные для всего общества. Но все же есть то, что эту разную Россию объединяет: «Это наша идентичность – все мы россияне. В 2014 году произошло мощное обновление этой идентичности, и сразу предсказуемо упали националистические высказывания. Российская идентичность сейчас очень сильна – в отличие от 1990-х годов, когда люди хотели то ли «перейти на столбовую дорогу цивилизации», то ли просто уехать из страны.

Сейчас же абсолютно доминирует убеждение, что наша страна должна идти собственным путем, проводить независимую политику, не интегрироваться ни с Западной Европой, ни с Америкой, защищать только свои национальные интересы» [3]. Россия помогла Крыму избавиться от войны, а Крым помог России обновить свою идентичность. Мы положительно влияем друг на друга и важно, чтобы это положительное влияние сохранилось.

Сегодня политологи напоминают, что «в условиях воссоединения Крыма с Россией важно обеспечить социокультурную интеграцию полиэтнического региона в российское общество, межэтнический мир и доверие» [4, с. 22]. Что касается межэтнического мира, то уровень конфликтности, согласно результатам опросов, не превышает конфликтность в российских регионах. Что касается доверия, в частности, к власти, то оно на полуострове выше, чем в прочих российских регионах, как и уровень социального самочувствия. Среди крымчан выше позитивные оценки настоящего и вера в будущее. Хотелось бы, чтобы не только Крым интегрировал в Россию, но и Россия интегрировала (если так можно выразиться) в Крым, заразившись жизнелюбием крымчан и их оптимизмом.

Список литературы

1. Пять лет с момента воссоединения Крыма: мнение крымчан. 14.03.2019. URL: https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9595 (дата обращения: 14.08.2019).

2. ВЦИОМ. Крым: пять лет с Россией. 18.03.2019. URL: https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9599 (дата обращения: 15.08.2019).

3. Глава ВЦИОМ: Путин стал символом возрождения сильной России. 17.05.2019. URL: https://wciom.ru/index.php?id=238&uid=9691 (дата обращения: 16.08.2019).

4. Баранов А.В. Этническая и конфессиональная идентичности молодежи Крыма как ресурс доверия в полиэтническом обществе // Политическое пространство и социальное время: Правда и ложь в политике и искусстве. сб. науч. тр. XXXVI Междунар. Харакского форума. Симферополь, 2019. С. 21–26.

М.В. Донцова, И.В. Юрченко

ГРАЖДАНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ИНТЕГРАЦИОННЫЙ ФАКТОР РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ПРИЧЕРНОМОРЬЯ[1]

Рассматриваются проблемы формирования гражданской идентичности как интегративного фактора развития человеческого потенциала Причерноморья. Представлены сравнительные эмпирические данные, характеризующие уровень и потенциал развития гражданской идентичности среди молодежи Краснодарского края, Республики Крым и г. Севастополь. Установлено, что развитие гражданского самосознания положительно сказывается на молодежные ориентации в области экономического, демографического и этноконфессионального развития южного макрорегиона, что доказывает существенный интеграционный потенциал данного процесса. Демонстрируется связь между типом идентичности и отношением к вхождению Крыма в состав России.

Ключевые слова: гражданская идентичность, интеграционные факторы, человеческий потенциал, Причерноморье.

M.V. Dontsova, I.V. Yurchenko

CIVIL IDENTITY AS AN INTEGRATION FACTOR OF THE DEVELOPMENT OF THE HUMAN POTENTIAL OF THE BLACK SEA

The article deals with the problems of formation of civil identity as an integrative factor in the development of human potential of the Black Sea region. The comparative empirical data characterizing the level and potential of development of civil identity among youth of Krasnodar Region, the Republic of Crimea and Sevastopol are presented. It is established that the development of civic consciousness has a positive impact on youth orientation in the field of economic, demographic and ethno-religious development of the southern region, which proves the significant integration potential of this process. The connection between the type of identity and the attitude to the Crimea joining Russia is demonstrated.

Key words: civil identity, integration factors, human potential, Black Sea region.

---

[1] Статья выполнена в рамках работы над проектом РФФИ № 17-03-00802-ОГН «Конфликтогенные и интеграционные факторы развития человеческого потенциала Юга России в условиях новых геополитических вызовов».

Юг России с его многочисленным и многонациональным населением играет очень важную роль в инновационном развитии Российской Федерации. Южные пограничные регионы, такие как Краснодарский край, Республика Крым и г. Севастополь, в новых геополитических условиях, занимают важное место в политике России и на них сосредоточено особое внимание. В условиях новых геополитических вызовов большое внимание уделяется проблемам обеспечения безопасности на южном направлении. Для России особое значение имеет Черноморский флот, который является гарантом безопасности не только южного макрорегиона региона, но и всей страны. Наличие флота в Черном море усиливает политический вес России в решении международных вопросов и обеспечивает значительную активизацию человеческого потенциала в лице военнослужащих и инновационного потенциала в плане научно-технического развития военно-промышленного комплекса. Прежде всего, черноморский флот является силой, которая охраняет южные рубежи Российской Федерации. Разумеется, в связи с политическими процессами на всем постсоветском пространстве и, особенно, на Украине, дальнейшее расположение российского Черноморского флота могло быть приостановлено.

Вхождение Крыма и Севастополя в состав Российской Федерации, безусловно, является историческим событием и серьезным геополитическим фактором развития мировой политики. Причём важность этого события заключается даже не в самом вхождении, а в том, что впервые за время постсоветского развития произошел переход региона из одной юрисдикции в другую, что резко изменило само содержание социокультурного и цивилизационного наполнения. Поэтому процессы, которые сейчас разворачиваются в Крыму, имеют последствия для всей России. От того, как будут интегрированы Крым и Севастополь, будет понятно, насколько Россия способна управлять экономикой и обществом в мобилизационном режиме. Насколько политический класс способен выполнять неординарные задачи. И насколько способно российские общество и государство не просто интегрировать близкие по духу и самоопределению регионы, но и отделять интересы простых граждан от «интересов

паразитических политических и бизнес-элит» [1], – считает С. Уралов.

В этих условиях важнейшим интеграционным фактором развития человеческого потенциала является национально-государственная идентичность как осознание личностью своей принадлежности к соответствующему политико-экономическому и социокультурному пространству, на основании чего складываются определенные модели поведения и ценностные ориентации. Через механизм идентификации происходит интеграция людей в общество и его структуры, обеспечивается преемственность общественного развития, происходит мобилизация людей на совершение значимых для страны инновационных экономических и политических действий, укрепляется ментальная целостность общероссийской государственности. В то же время, идентичности, конкурирующие с общегражданской (конфессиональная, этническая, идеологическая идентичность), могут, как считает О.И. Зазнаев, существенно ослабить или даже подменить чувство принадлежности к тому или иному государственному образованию [2, с. 13], особенно в условиях многосоставного, полиэтнического характера общества.

В 2019 г. в рамках проекта РФФИ «Конфликтогенные и интеграционные факторы развития человеческого потенциала Юга России в условиях новых геополитических вызовов» был проведен массовый опрос, в котором приняли участие 1010 чел. Выборочную совокупность составили молодые люди в возрасте от 16 до 35 лет. Из них мужчины – 460 чел. (45,5%), женщины – 550 чел. (54,5%). Региональный охват включал Краснодарский край (380 чел.), Республика Крым (380 чел.), г. Севастополь (250 чел.).

Одна из задач исследования предполагала определение характера влияния общегражданской идентичности на отдельные параметры развития человеческого потенциала. Как показали результаты данного опроса, идентичность по общегражданскому типу в большей степени представлена в Краснодарском крае (32,1%). В Республике Крым преобладает этноконфессиональная идентичность (ощущение себя как человека определенной

национальности или веры – 33,4%), гражданская идентичность в данном регионе имеет слабый вес (18,2%) за счет распространенности глобальной идентичности (31,8%). Молодежь Севастополя в большей мере ощущает себя жителями Земли, представителями человечества, то есть такде демонстрирует глобальную идентичность (34,8%). Так же как и в Республике Крым, в Севастополе распространена этноконфессиональная идентичность (31,2%), а гражданская присутствует только у пятой части респондентов (20%). Преобладание гражданской идентичности в Краснодарском крае можно объяснить пестрым этническим составом населения (более 150 национальностей) и проводимой в регионе длительной национальной политики, направленной на воспитание гражданского самосознания, доверия и толерантности к различным конфессиям и национальным группам. Республика Крым, хоть имеет значительную национальную дифференциацию (русские – 65,3%, украинцы – 15,1%, крымские татары – 10,2%, иные нации – 9,4%) [3], но в сознании населения еще не сформировалось устойчивого чувства принадлежности к России. Севастополь в большей мере моноэтничен: основные национальные группы, представленные в субъекте – это русские (77,1%) и украинцы (13,5%) [4], что в некоторой степени затрудняет воспитание наднационального самосознания. Однако, история Севастополя как российского города-героя, дислокация Черноморского флота, воспитывает среди молодежи патриотичное отношение к стране и ее прошлому, что, несомненно, в будущем скажется на развитии гражданского самосознания.

Согласно корреляционному анализу, гражданская идентичность во многом формирует отношение молодежи к вхождению Крыма в состав России. Так, положительное отношение к данному процессу чаще высказывали именно молодые люди, демонстрирующие общегражданскую идентичность (табл. 1).

Таблица 1. Частота встречаемости положительного отношения к вхождению Крыма в состав РФ (в % от общего количества респондентов с отдельным типом идентичности по регионам)

Субъект РФ	Тип идентичности				
	Глобальная	**Гражданская**	**Этнокон фес-сиональная**	**Региональ-ная**	**Иной тип**
Краснодарский край	69,5	82,8	72,1	76,5	63,6
Республика Крым	69,4	90,0	77,2	52,5	39,1
Севастополь	73,6	88,0	84,6	72,2	76,5

Наиболее явно данная зависимость присутствует в Республике Крым. В меньшей степени – в Краснодарском крае. То есть, несмотря на слабую представленность гражданской идентичности в выборке Крыма и Севастополя, можно утверждать, что в указанных регионах присутствует высокий потенциал развития общегражданской идентификации в ближайшем будущем.

Данный вывод подтверждают и результаты экспертного опроса, проведенного в период май – сентябрь 2019 г. В опросе приняли участие ученые, эксперты сферы образования, государственного и муниципального управления, бизнеса и предпринимательства (Республика Крым – 11 чел., г. Севастополь 11 чел.). Экспертов просили оценить уровень и тенденции развития отдельных параметров человеческого потенциала в регионах, в числе которых присутствовал и уровень развития гражданской идентичности (восприятие себя гражданином, россиянином, независимо от национальности). По мнению большинства экспертов из Республики Крым (63,6%) в настоящее время уровень развития гражданской идентичности соответствует уровню, необходимому для опережающего развития региона по сравнению с другими субъектами РФ. В будущем (к 2030 г.), большинство экспертов прогнозируют

повышение данного уровня. Однако, мнение экспертов неоднозначно. На наличие положительных тенденций указывают в основном те эксперты, которые при оценке актуальной ситуации определили развитие гражданской идентичности в Крыму как соответствующее уровню, минимально необходимому для стабильного и бесконфликтного развития региона, но без достаточных условий для опережающего развития. Те эксперты, которые высоко оценили потенциал гражданского самосознания в Республике в настоящее время, показали более пессимистичные оценки в будущем. Однако, потенциал развития данного показателя безусловно присутствует. Эксперты из города Севастополя оценили уровень развития гражданской идентичности в своем субъекте более сдержанно, чем в Крыму, что вполне ожидаемо. Однако, соотношение мнений, касающихся уровня развития гражданской идентичности в г. Севастополе в будущем (к 2030 г.), примерно схожи с направленностью экспертных оценок в Крыму, но с присутствием более пессимистичных сценариев.

Важность развития и воспитания гражданской идентичности демонстрирует анализ связи типа идентичности с другими установками молодежи. Так, именно молодежь с гражданской идентичностью в большинстве случаев ориентирована на постоянную занятость и полный рабочий день, тогда как респонденты с иными видами самоидентификаций ориентированы в основном на частичную занятость. Ориентация на семью с двумя и более детьми, что является базовой установкой демографической политики России, также преобладает именно у молодежи, имеющей общегражданский тип идентичности (71,7%). Для сравнения, среди молодежи с этнконфессиональным типом самоидентификации, хотели бы иметь двое и более детей в 64,8% случаев. Молодежь с гражданской идентичностью чаще, чем молодые люди с иными типами самоидентификации, дают положительные оценки межнациональной обстановки в регионе, а также чаще демонстрирует лояльное отношение к мигрантам. Так, большинство молодежи с гражданской и глобальной типами идентичности считают, что наличие трудовой конкуренции

между местными и мигрантами – это надуманная проблема. Большая часть молодежи, имеющая иные типы идентификации, придерживается противоположной точки зрения. Мигранты как угроза безопасности воспринимаются в большинстве случаев молодыми людьми, имеющими региональную идентичность. Молодежь с другими формами идентификации не дифференцируют местных и мигрантов по частоте совершения преступлений, считая, что данная частота не зависит от миграционного статуса. Однако, молодежь с общегражданской идентичностью имеет более представительное число подобных мнений (55,8%) по сравнению с установками респондентов с иными типами самоидентификации.

Таким образом, общегражданская идентичность является значимым интегративным фактором, оказывающим влияние на развитие человеческого потенциала Причерноморья. Воспитание гражданского самосознания положительно сказывается на молодежные ориентации в области экономического, демографического и этноконфессионального развития макрорегиона. Гражданская идентичность снижает риск протестной активности, способствует формированию социального доверия и толерантности молодежи, что крайне важно в условиях полиэтничного социума.

В регионах Причерноморья наблюдается высокий потенциал развития гражданской идентичности. Однако, если в Краснодарском крае данный процесс имеет длительную историю и, соответственно, явные прогрессивные результаты, то в Республике Крым и в Севастополе, последний только набирает силу, но имеет явный потенциал развития. Можно прогнозировать, что в Республике Крым интегративные эффекты распространения гражданской идентичности будут развивать быстрее, чем в г. Севастополь по причине существенных различий в национальном составе данных субъектов.

Список литературы

1. Уралов С. Интеграция Крыма в состав России. Часть 2. Экономика. URL: http://www.odnako.org/blogs/integraciya-krima-v-rossiyu-chast-vtoraya-ekonomika/ (дата обращения: 13.06.2019).

2. Политическая идентичность и политика идентичности: очерки / под ред. О.И. Зазнаева. Казань, 2011.

3. Итоги переписи населения в Крымском федеральном округе (2014 г.). URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/perepis_krim/tab-krim.htm (дата обращения: 13.06.2019).

4. Перепись населения по г. Севастополю 2014. Итоги. URL: https://sevastopol.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/sevastopol/ru/census_and_researching/census/crimea_census/sevastopol_2014/score_2015/score_default_2015 (дата обращения: 13.06.2019).

Д.В. Вахрамеева, В.Н. Муха

ПРИСОЕДИНЕНИЕ КРЫМА В ОЦЕНКАХ РАЗНЫХ ПОКОЛЕНИЙ РОССИЯН[1]

В статье представлен анализ оценок факта присоединения Крыма разными поколениями россиян. На основе данных всероссийских социологических опросов авторы делают вывод, что данное событие оценивается представителями разных возрастов неоднозначно: старшее поколение в подавляющем большинстве воспринимает его положительно, тогда как молодое поколение в своих оценках более сдержаны.

Ключевые слова: присоединение Крыма, общегражданская идентичность, поколения, коллективное самосознание.

D.V. Vakhrameeva, V.N. Mukha

JOINING CRIMEA IN ASSESSMENTS OF DIFFERENT GENERATIONS OF RUSSIAN CITIZENS

The article presents an analysis of assessments of the fact of the reunion of Crimea by different generations of Russians. The authors analyzed the data of all-Russian sociological surveys and conclude that this event is estimated by representatives of different ages ambiguously: the older generation usually takes it positively, and the younger generation is more restrained in assessments.

Key words: the annexation of Crimea, civic identity, generations, collective identity.

Присоединение Крыма – прецедент, изменивший геополитическую обстановку, вызвавший широкий

[1] Работа выполнена в рамках проекта РФФИ №19-011-00834 «Идентификационные матрицы четырех поколений русских в современной России».

общественный резонанс и породивший множество последствий и столь же огромное число неоднозначных интерпретаций. Это событие, с одной стороны актуализировал обсуждение вопроса о воссоединения Русского мира и «собирание русских земель», возрождение русской идентичности. Так в послании Федеральному Собранию 2014 г. В.В. Путин заявил, что «в Крыму… находится духовный исток формирования многоликой, но монолитной русской нации и централизованного Российского государства» [1]. С другой, рассматривалось как важный шаг на пути становления сильной общегражданской идентичности. Как отмечает Р.Э. Бараш: «Крым для современной российской идентичности превратился в своеобразный культурный фронтир, удостоверивший состоятельность той системы ценностей российского общества, которая была актуально востребована гражданами» [2, с. 139].

Включение региона в состав России стало из значимых оснований для роста национальной гордости, так по данным опросов 44% россиян гордились именно этим событием за последние 25 лет жизни страны [3, с. 93]. В этом контексте интересно обратиться к оценкам присоединения Крыма представителями разных поколений. Поколение можно рассматривать как общность, объединенную возрастом, происхождением и историческим моментом жизни. Ю.А. Левада выделяет понятие «значимого поколения», характеризуя его как общность, выделенную в определенных возрастных границах, внесшую значительные изменения в ценностных, культурных и прочих аспектах жизни социума [4, с. 79]. Одним из критериев выделения поколенческой группы является общность системы ценностей, разделяемых представителями социума, родившимися в определенный исторический период. Формирование системы ценностей происходит под воздействием различных политических, экономических, социально-культурных событий. В советский период формирование системы ценностей носило в стране преимущественно централизованный характер в рамках единой организации публичной и частной жизни индивидов. В условиях современного российского общества главную роль в формировании системы ценностей индивида играют

преимущественно личностные факторы: субъективное осмысление исторического опыта и современных общественных событий, самоощущение индивида, индивидуальные переживания, связанные с модернизационными процессами, происходящими в стране [5, с. 328].

Отличия в системе ценностей безусловно сказываются на оценке тех или иных исторических событий, это касается в том числе и вопроса присоединения Крыма. Согласно опросу ФОМ, проведенному 2–3 марта 2019 г. (53 субъекта РФ, 104 населенных пункта, 1500 респондентов) [6], спустя 5 лет после вхождения полуострова в состав Российской Федерации, большинство россиян оценивают это событие положительно (79%). Анализ отношения к присоединению Крыма по возрастам показывает, что наиболее положительно к данной ситуации относятся люди старших поколений – 86% (60 лет и старше), 81% (46–60 лет). Наименее положительно относятся к присоединению Крыма россияне в возрасте от 18 до 30 лет (64% оценивают присоединение Крыма положительно, тогда как 14% относятся к данному событию отрицательно), доля затруднившихся ответить на вопрос также наиболее велика среди данного поколения – 22%.

Следует заметить, что зависимость отношения респондентов к воссоединению Крыма с Российской Федерацией от возраста опрошенных наблюдается также и в опросах крымчан. Согласно данным опроса ВЦИОМ, проведенного 10 марта 2019 г. (в опросе приняли участие жители Республики Крым в возрасте от 18 лет. 1600 респондентов) [7]. Бесспорно положительно к данному событию относятся 80% жителей Крыма в возрасте 60 лет и старше, и данный показатель снижается с каждым следующим поколением: среди опрошенных в возрасте 18–24 лет данный вариант ответа отметили лишь 52%.

Также прослеживается зависимость от возраста респондентов во мнении о том, что в целом в конечном итоге принесло России присоединение Крыма: опрос ФОМ показал, что мнение о том, что вхождение полуострова в состав России принесло стране больше пользы, чем вреда, наиболее популярно среди респондентов самого старшего поколения (60 лет и старше) –

52%. Данный показатель снижается в каждом следующем поколении и достигает минимального значения среди представителей самого молодого поколения опрошенных (18–30 лет) – 24%.

Из результатов опроса, проведенного ФОМ, следует, что россияне достаточно единодушны в оценке последствий и влияния присоединения Крыма на политическое место Российской Федерации в мире: 46% считают, что присоединение полуострова оказало, скорее, отрицательное влияние на международное положение страны, а также ухудшило отношение к России в мире, при этом данный показатель достаточно стабилен независимо от возраста опрошенных. В то же время влияние присоединения Крыма на экономику России по разному оценивается представителями разных поколений россиян: доля опрошенных, придерживающихся мнения, что экономика страны получила больше пользы, чем вреда, растет от младшего поколения (22%) к старшему (37%). Представители молодого поколения опрошенных россиян (18–30 лет) в целом считают, что пользы и вреда от вхождения полуострова Крым в состав России примерно поровну (40%), в то время как среди представителей старших поколений данное мнение менее популярно, и наименее представлено среди старшего поколения (старше 60 лет) – 29%.

Большинство россиян во всех возрастных группах указали, что присоединение Крыма к России никак не сказалось на их жизни – такого мнения придерживаются 61% населения. В то же время, доля тех, кто указал, что данная ситуация положительно сказалась на их жизни, наиболее высока среди старшего поколения – 21% и снижается с возрастом респондентов: среди россиян в возрасте 18–30 лет на положительное влияние указали 11% опрошенных.

Анализ мнения крымчан в рамках опроса ВЦИОМ указывает на то, что в целом, жители республики считают, что вхождение полуострова в состав Российской Федерации положительно сказалось на их жизни и жизни их семьи (72% от всех опрошенных). Но анализ ответов респондентов по возрастам показывает, что в наибольшей степени на положительное влияние сложившейся ситуации указывают жители старших

поколений: 72% в возрасте от 45 до 59 лет и 84% опрошенных старше 60 лет, тогда как наименее положительно влияние вхождения территорий их проживания в состав России на их жизнь оценивают крымчане в возрасте от 18 до 24 лет (62%). Разница в оценках последствий вхождения присоединения Крыма у представителей различных поколений опрошенных прослеживается и в негативных оценках влияния сложившейся ситуации на жизнь населения: среди младших поколений крымчан данный показатель наиболее высок – 11% среди опрошенных в возрасте 18–24 лет и 9% среди опрошенных в возрасте 25–34 лет, тогда как среди респондентов старше 60 лет лишь 3% посчитали, что присоединение Крыма к России отрицательно повлияло на их жизнь.

Анализ оценок присоединения Крыма в поколенческом разрезе показал, что данное событие оценивается представителями разных возрастов неоднозначно: старшее поколение в подавляющем большинстве воспринимает его положительно, тогда как молодое поколение в своих оценках более сдержаны. Вероятно, для старшего поколения – это значимый момент коллективного самосознания, обретение утраченного, обращение к советской эпохе, своеобразная практика коммеморации. Тогда как молодое поколение, будучи более прагматичным, строит свои оценки исходя из повседневных реалий, на которых в той или иной степени отражаются неблагоприятные экономическими последствия присоединения. В целом же, присоединение Крыма оказало положительный эффект для общегражданской идентичности населения.

Список литературы

1. Путин В.В. Послание Федеральному Собранию. Президент России. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/47173 (дата обращения: 08.09.2019).

2. Бараш Р.Э. Поиски оснований российского национального самосознания после 2014 г.: контекст фронтирных исследований // Журнал фронтирных исследований. Астрахань, 2018. № 4. С. 122–146.

3. Двадцать пять лет социальных трансформаций в оценках и суждениях россиян: опыт социологического анализа общества после президентских выборов 2018: запрос на перемены. М., 2018.

4. Левада Ю.А. Поколения XX века: возможности исследования // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2001. № 5. С. 78–87.

5. Вахрамеева Д.В. Идентификационные матрицы россиян в условиях современного российского общества // Научные труды Кубан. гос. технол. ун-та. Краснодар, 2019. № 4. С. 325–330.

6. Крым. Отношение к присоединению Крыма. Последствия для экономики и международного положения России. URL: https://fom.ru/Politika/14182 (дата обращения: 08.09.2019).

7. 5 лет с момента воссоединения Крыма с Россией: мнение крымчан. URL: https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9595 (дата обращения: 08.09.2019).

И.В. Ситнова

ПОИСК ИДЕНТИЧНОСТЕЙ ЖИТЕЛЯМИ СЕВАСТОПОЛЯ КАК НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ ИХ ВСТРАИВАНИЯ В РОССИЙСКУЮ СОЦИАЛЬНУЮ ОБЩНОСТЬ

В статье автор делает анализ идентичностей городского сообщества жителей Севастополя. Непременным и болезненным следствием трансформации сообществ этого города, вышедшего из-под влияния Украины, становится изменение восприятие жителями этих городов окружающей действительности и самих себя. Задача автора наметить векторы будущих исследований и определиться с характеристиками идентичности этого города в настоящий момент времени. На протяжении нескольких лет после начала Русской Весны автор статьи находится в тесном взаимодействие с сообществам Севастополя, результатом чего и явилось исследование, которое автор и представляет на суд читателю.

Ключевые слова: социальная идентичности, самоидентификация.

I.V. Sitnova

SEARCH FOR IDENTITY BY RESIDENTS OF SEVASTOPOL AS A NECESSARY CONDITION OF THEIR INTEGRATION IN THE RUSSIAN SOCIAL SOCIETY

In the article the author makes an analysis of the identities of the urban community of the inhabitants of Sevastopol. The task of the author is to outline the vectors of future research and to determine the characteristics of the identity of this city at the present time.

Key words: social identity, self-identification.

Севастополь вышел из юрисдикции Украины и уже более пяти лет жители Севастополя находятся в поиске своей идентичности. Этот регион по-прежнему переживает перемены, сталкивается с разными вызовами, формирует новые практики взаимодействия с внешним Миром, сохраняя или изменяя свою идентичность. Идет постоянный поиск ответов на вопросы «кто мы?», «кто я?», «кого можно считать своим, а кого не своим, и даже чужим?». Одним из основных вопросов для нас является отражение в идентификациях изменений в обществе под углом зрения перехода от одной социальной системы (Украины) к другой (России). При рассмотрении социальных идентификаций важным является два аспекта: во-первых, процессы личностного самоопределения в неустойчивом мире и адаптации к переменам, и, во-вторых, – процессы солидаризации с группами или обществами, воспринимаемыми в сознании людей в качестве «Мы-группа» и самоопределения в многообразии социальной жизни.

Методологией исследования стали инструментарий В.А. Ядова и Е.Н. Даниловой, который они использовали при исследовании трансформирующихся сообществ Польши, Монголии, Китая, Польши в 2000-х гг. [2]. Для целей нашей работы мы использовали идею «сортировки карточек», которую заимствовали из сравнительного исследования поляков и россиян, проведённых В.А. Ядовым и Е.Н. Даниловой [1]. Для исследования жителей г. Севастополя были введены двенадцать критериев: стратификационные критерии (бедный или обеспеченный); классовые критерии (предприниматель, рабочий, крестьянин, представитель интеллигенции); этнические критерии (русский/украинец), представитель своей национальности); этно-культурные критерии («приверженность русской национальной идеи»); политические критерии («сторонник политической партии», «член политической организации», «сторонник «сильной руки», индивидуальные критерии, такие жизненные позиции как «хозяин своей судьбы, «такой же, как все», «тот, кто принимает судьбу такой, какая она есть», «человек с будущем» или «человек без будущего» и др.

Выбор карточек респондентами и их ранжирование дало возможность фиксировать динамику изменений приоритетов и ценностей, а так же изменение показателей социальных идентичностей. В Севастополе как социальном образовании произошла дифференциация «культурного» и «политического» капитала. В 2014 г. для севастопольцев была характерна опора на политический капитал, но уже в 2019 г. респонденты Севастополя, по-прежнему демонстрируя готовность к взаимной ответственности в принятии активной гражданской позиции, всё-таки на первый план выходят политические ценности гражданства, такие как гражданин России, гражданин Великой Державы, славянин, приверженец российской национальной идеи, представитель интеллигенции, россиянин, сторонник жёсткого порядка в стране, тот, кто принимает судьбу, какая бы она не была, гражданин страны, которая перестала быть Великой Державой, но считают, что в современной ситуации от них уже ничего не зависит. Со временем меняется приоритет выборов, так базовыми универсальными опорами севастопольцев становятся первичные ценности – семейные, выстраивание отношений с дружескими общностями, основным адаптационным ресурсом становится ближайший круг общения, характеризующиеся семейными критериями идентичности (мать, жена, отец). Гражданские критерии идентичности выражены категориях «гражданин Великой державы». Социальные, трудовые критерии определяются выбором карточек «представитель своей профессии», «представитель интеллигенции». Индивидуальные критерии выражены в выборе карточек – « хозяин своей судьбы».

Есть чёткое отличие идентификации себя у молодых севастопольцев, которые первичным критерием оценки считают местность, где они родились (крымчанин, представитель своей местности), а уже затем они делают выбор гражданских критериев, таких как гражданин России, представитель своей национальности, гражданин бывшего Советского Союза, гражданин Великой державы; Некоторые молодые респонденты делают акцент на молодости как важнейшем ресурсе определяющий их как «человека с будущем», как «представитель своей профессии», и «хозяина своей судьбы».

Старшее поколение, родившееся в Советском Союзе, на первый план выдвигают семейные критерии, такие как жена или муж, мать или отец, критериями второго ранга становятся гражданские факторы, такие как «гражданин великой державы», «гражданин России», «русский», «приверженец русской национальной идеи», «советский человек».

Особой группой являются военные респонденты города Севастополя, которые, по их мнению, прежде всего являются «хозяевами своей судьбы», «гражданами Великой державы», «сторонниками жесткого порядка в стране», «гражданами России», а уже потом характеристики семейные, такие как «отец, обеспеченный, славянин, россиянин, европеец, демократ, пенсионер, мужчина», и особое отношение военные испытывают к прошлому, которое сформировало их как «граждан страны, которая перестала быть Великой Державой».

Выводы:

1. Для самой России выстраивания отношений с новым образованием Крым можно рассматривать как новый этап модернизации.

2. В исследованиях В.А. Ядова и Е.Н. Даниловой выявлены общие тенденции, которые являются универсальными для всех обществ в периоды радикальных изменений, по их мнению «во времена социальных сдвигов основы социальной ткани обществ не разрушаются», эти основы изменяются очень медленно, под непрекращающимся нажимом внешних факторов.

3. Базовыми универсальными опорами жителей Севастополя выступают первичные – семейные и дружеские общности, основным адаптационным ресурсом становится ближайший круг общения. Устойчивый базовый комплекс идентификаций для севастопольцев это семья, друзья, единомышленники, сверстники, земляки

4. Для севастопольцев важны большие воображаемые сообщества, в виде этноса и государства. Меняющиеся, «подтягивающиеся» к базисному комплексу для жителей Севастополя – это коллеги, люди той же профессии, люди того же достатка, люди той же национальности, россияне, оценки своего положения в результате реформ.

5. Устойчивая периферия идентификационных качеств для жителей Севастополя – это «люди тех же политических взглядов», «советский народ», «человечество».

Литература

1. Данилова Е.Н. Через призму социальных идентификаций (Сравнительное исследование жителей России и Польши) // Россия реформирующаяся: Ежегодник – 2004. М., 2004. С. 220–244.

2. Ядов В.А., Данилова Е.Н. Россияне и поляки о своём самочувствии в условиях общественных перемен // Социологические исследования. 2007. № 7. С. 54–65.

3. Ядов В.А., Данилова Е.Н. Россия и поляки на рубеже веков. Опыт сравнительного исследования социальных идентификаций. (1998–2002 гг.). СПб., 2006.

И.Е. Татаринов, А.В. Герасимов

ЮЖНОРУССКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ НА ДОНБАССЕ: НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ БЫТОВАНИЯ В XXI ВЕКЕ

В статье рассматриваются различные аспекты южнорусской идентичности на примере изучения интеркоммуникаций российско-украинских приграничных общностей. На основе актуального эмпирического материала, собранного авторами на российско-украинских приграничных территориях, сделана попытка выяснить особенности идентификации населения Донбасса.

Ключевые слова: граница, российско-украинское приграничье, язык, южнорусская идентичность.

I.E. Tatarinov, A.V. Gerasimov

SOUTH RUSSIAN IDENTITY IN DONBASS: SOME FEATURES OF LIVING IN THE XXI CENTURY

The article discusses various aspects of the South Russian identity on the example of the study of intercommunications of Russian-Ukrainian border communities. Based on the actual empirical material, collected by the authors in the Russian-Ukrainian border territories, made an attempt to find out the features of Donbass population identification.

Key words: borderline, Russian-Ukrainian borderland, language, South Russian identity.

Искусственность и алогизм процессов, сопровождавших формирование контуров ряда республик СССР, а также нынешние амбиции и вассальность политических элит, привели в XXI в. к обострению межгосударственных противоречий. Февральские события 2014 г. в Киеве резко актуализировали проблему российско-украинских границ и идентификацию населения по линии «свой» – «чужой». Полыхающая вот уже пятый год гражданская война как следствие переворота на Майдане, расколола украинское общество и одновременно актуализировала вопрос идентичности социума. В российско-украинском приграничье, географически охватывающем современный Донбасс, сложился уникальный тип идентификации населения, резко контрастирующий с современными украинскими политическими практиками.

Исходя из актуальной концепции border studies, Донбасс видится в качестве уникальной зоны бытования самых различных форм и типов интеракций и коммуникаций. Это пространство рассматривается в качестве уникальной зоны особого политического, экономического и культурного взаимодействия, в котором задействованы различные акторы. Термин «приграничье» (borderland) охватывает пространство, прилегающее к государственной границе, выполняющее особые приграничные функции, обладая в связи с этим специфическими особенностями [1, с. 24]. Современная наука проводит чёткую грань между «идентификацией» и «идентичностью». Идентификация подразумевает «процесс, в ходе которого индивид признает те или иные конститутивные признаки и свойства своими собственными индивидуальными характеристиками, отождествляясь в том или ином отношении с данной группой» [2, с. 131]. В свою очередь идентичность, как производная этих процессов и условие представления о собственной целостности, есть «понятие, обозначающее осознание индивидом себя, того, кем он является» [3, с. 155], «выступая не столько простой суммой идентификаций, а представляя собой скорее новую комбинацию старых и новых идентификационных фрагментов» [4, с. 131]. А.В. Баранов справедливо указал на идентичность «как самосознание, в основе

которого – самоопределение индивидов, социальных и политических объединений, формирующее чувство принадлежности к «своему» сообществу и мнение об отличиях от «иных». Она проявляется в совокупности относительно устойчивых и взаимосвязанных образов «своей» и «иных» общностей» [5]. Как отмечает М.П. Крылов, совместный анализ границ и идентичностей позволяет выйти на понимание «идентичностей как границ – границ между идентичностями (разграничение идентичностей в географическом пространстве) – связи формальных границ и идентичностей» [6]. Соответственно, можем ли мы считать население Донбасса частью южнорусской идентичности и каковы его идентификационные компоненты?

Распад Российской империи обусловил разрушение общерусских основ идентичности и появление на обломках империи национально-государственных идентичностей у малороссов (украинцев), белорусов, народов Кавказа и в других регионах. Для идентификации южнорусского населения стали активно внедрять этноним «украинец», вместо бытовавшего ранее понятия «малоросс». Следует заметить, что не только деятели УНР поставили его в центр своей национально-государственной концепции. «Украинскую идею» решительно поддержали большевики, попытавшись внедрить свой вариант украинской советской идентичности в массовое сознание. А во время украинизации речь пошла не только о внедрении в массовое сознание украинской идентичности, но о придании ей довольно высокого статуса [7, с. 174]. Воспользовавшись происходившим распадом общерусской идентичности, Кремль внедрял в массовое сознание украинскую идентичность, при этом противопоставляя её южнорусской, подчёркивая, что украинцы – самостоятельная нация. Термину «малоросс» стала придаваться отрицательная коннотация, а этноним «украинец», напротив, стал ассоциироваться с успехами социализма [7, с. 176]. В итоге, в «борьбе украинца с малороссом» [8] стал побеждать украинец.

В 1920-е гг. перед руководством страны остро встали вопросы о новой национально-государственной и административно-территориальной структуре. Ориентиром послужили тезисы В.И. Ленина из его работ «О праве наций на

самоопределение» и «Критические заметки по национальному вопросу». В них в качестве критерия звучала необходимость государственного сплочения в отдельные республики «территорий с населением, говорящим на одном языке». При этом провозглашалось его тождество с национальностью. Формирование и сегментация республик производилось именно по языковому признаку, который В.И. Ленин считал определяющим. Самосознание как важнейшая составляющая исторической кодификации при этом вообще не учитывалась [9, с. 254]. Как итог, этнически однородное население ряда областей оказалось разделено между УССР и РСФСР, что, как показывают современные события на Донбассе, имело самые трагические последствия.

Анализируя качественные характеристики эволюции южнорусской идентичности на Донбассе важно выяснить фактическое использование языка в разных сферах жизни носителей данной идентичности. Ещё в 1920-е гг. при проведении российско-украинского разграничения РСФСР указывала на неоднозначность «лингвистической ситуации» в спорных пограничных уездах. По переписи 1897 г. отнесённое к малороссам население критически воспринимало активно проводимую в 1920-е гг. украинизацию, вызывавшую беспокойство, а порой и негативную реакцию. Вопрос национальной самоидентификации населения Донбасса в указанные годы был не в пользу УССР. Опыт украинизации школ «в пунктах с преимущественным украинским населением» также показал негативный результат. Многие украинцы «при проведении в прошлом 1923–24 учебном году в школах... от преподавания на украинском языке категорически отказались». Отмечалось, что такое «мнение крестьянства свидетельствует об отсутствии у него желания проводить украинизацию, которая неизбежно связана с коренной ломкой выработавшихся и исторически установившихся бытовых условий, и языка» [10, с. 221]. Жители присоединённых к УССР в 1920 г. донских земель (Таганрога и Восточного Донбасса) отмечали, что: «украинский язык мы уже давно забыли, охотно мы и наши дети учим русский язык. Украинская Список литературынам

непонятна…» [10, с. 224]. Следует согласиться с мнением Е.Ю. Борисенок, отметившей, что на этих территориях действительно проживал значительный процент украинцев. Однако эти же украинцы, по собственному признанию, не знали украинского языка, не желали его изучать, и обучать на нём своих детей [10, с. 222].

Как отмечает А.В. Баранов, маркерами идентичности в политическом аспекте выступают цивилизационное самоопределение, приверженность государству, этничность, язык, религия, территориальность, идеологические и партийные ориентации. Виды идентичностей могут интегрироваться, образуя сложносоставную (гибридную) идентичность, но могут и конкурировать, вплоть до ценностных конфликтов [11, с. 18]. Эмпирический материал по теме позволяет полагать, что восточная граница Украины воспринимается населением приграничья как граница между «своими». Это обуславливает специфические конфликты между властными практиками и повседневностью. Проведённые в 2009, 2013 и 2018 гг. полевые исследования продемонстрировали: насколько приграничность исследуемого контактного ареала обуславливает идентификацию жителей Донбасса, имеющего довольно протяжённую границу с Российской Федерацией.

Что характерно, этнокультурная и ценностно-мировоззренческая реальность по обе стороны границы не отличается друг от друга. Эмпирический материал позволяет утверждать, что государственная граница между Донбассом и Россией воспринимается жителями приграничья, как граница между «своими». Причём эти показатели демонстрируют стабильность. В 2009 г. таковых было 71,8% респондентов, а 2013 – 72,6%. Видение границы как защитного барьера, отделяющего «своих от чужих» обнаружено у соответственно – 8,5% и 11,9% опрошенных [12, с. 67]. Около половины респондентов считают, что граница вообще не нужна (47,6%), либо настаивают на её более открытом режиме, по примеру Шенгенской зоны ЕС (41,3%). Заметим, что эти данные отражают наиболее популярные мнения, сохраняя стабильность [12, с. 67]. Примечательно, что для жителей Донбасса согласно шкалы

социальной дистанции жители России находятся ближе, чем жители Западной Украины. Так, в российских городах респонденты чувствуют себя комфортнее в культурном плане, чем в отдельных городах Запада Украины. Например, если в Ростове-на-Дону в «своей культурной среде» себя чувствуют 40,4% посещавших этот город (среди ответивших), то во Львове – 17,7% [12, с. 68]. Проведённые полевые исследования показали стабильную уверенность в дружественных отношениях между русским и украинским народами, даже если на уровне правящих сил это не находит поддержки. В приграничных районах Донбасса этническая идентификация не демонстрирует высокой значимости.

Отметим, что поствоенные данные (полученные авторами после завершения активной фазы боёв на Донбассе – авт.) во многом подтверждают вышеназванные тенденции. Для изучения различных аспектов идентичности населения в условиях российско-украинского приграничья, в ноябре – декабре 2018 г. авторами проведена серия из семи фокусированных групповых интервью (далее – ФГИ). 5 ФГИ прошли в г. Луганске, 1 ФГИ было проведено в г. Суходольске и 1 ФГИ было проведено в г. Перевальске. Транскрипты ФГИ были подвергнуты анализу в соответствии с методикой А. Страусса и Дж. Корбина. Для внесения ясности в терминологию исследования оговоримся, что у большинства респондентов нет единого понимания, что называть российско-украинской границей. Многие путают российско-украинскую границу с границей между Л/ДНР и РФ, некоторые понимают российско-украинскую границу как линию соприкосновения между Л/ДНР и Украиной. Но ряд респондентов чётко разделяют границу между Л/ДНР и РФ, и границу между Украиной и РФ. Линия соприкосновения для большинства респондентов выступает временной пространственной категорией, зафиксировавшей некий промежуточный этап (кульминацию боев 2015 г.) военного противостояния.

Эмпирические данные 2018 г. подтверждают, что исследуемая граница определяется как «граница между своими». Этническая и социокультурная реальность по ту сторону границы

не отличается от соответствующей реальности по эту сторону. *«Я считаю, что жители ЛНР и жители России по сути ничем не отличаются, потому, что с наступлением ЛНР мы стали себя больше относить к России так сказать мы живем с Россией в сердце, поэтому мы не чем не отличаемся». (ж., 20, ср., лаборант, г. Луганск)* [13]. Значимого «Иного» для выражения своей идентичности жители ЛНР находят внутри Украины. Таким значимым «Иным» в большинстве случаев выступает население Западной и Центральной Украины. *«Западная Украина и Донбасс – это с самого, наверное, основания территории Украины, они не совместимы … они с Западной Украины ненавидят русскоязычный народ» (ж., 21, ср., студентка, п. Изварино)* [13].

По частоте упоминаний самые значимые идентичности (тест М. Куна), – связанные с понятием «человек» и гражданской идентичности («по паспорту я остаюсь гражданином Украины, хоть и живу в ЛНР»). Заметим, что определения «украинка»/«украинец» относились как к гражданской, так и к этнической идентичностям. Особенностью этнической идентификации является отождествление себя одновременно с двумя этническими группами: украинцами и русскими. Одна респондент назвала такую идентичность: *«украинская россиянка, или русская украинка»*. *«Я ощущаю себя украинской россиянкой, или русской украинкой. Потому что очень много родственников, как с российской стороны, так и с украинской» (ж., 45, в., учитель, г. Суходольск)* [13]. Такая специфика идентификации прямо связывается с влиянием приграничья и его особенностями. На Донбассе в целом, и в ЛНР в частности, продолжается снижение значимости этнической идентификации, и значимый рост идентификации на основе русского языка. Таким образом, русскоязычие – мощный интегратор и источник лояльности к РФ. И феномен границы гораздо сложнее, нежели просто линия на политической карте.

Постсоветские государства активно разрушали старую идентичность наряду с форсированным созданием новой истории, обоснованием этнической самобытности, при этом отрицая и целенаправленно дискредитируя прошлое. Многие

новые конструкты идентичности имеют конфликтный потенциал, что подтверждается, в том числе, событиями на Донбассе. Украинский социум поражён кризисом, вызванным конфликтом региональных идентичностей и примитивностью этнократических построений. Коллективное сознание украинцев противоречиво, фрагментировано и раздроблено в связи с отсутствием устойчивой национальной идентичности у большинства граждан. Консолидирующие начала слабы или отсутствуют, преобладают локальные идентичности [14, с. 516].

Сегодня характерной чертой идентификации населения Донбасса является чёткое восприятие жителей по ту сторону границы как «своих». Граница с Российской Федерацией большинством населения Донбасса не рассматривается как граница с «чужими», оно воспринимает Россию как Отчизну. Культурно-исторические и экономические связи объясняют стабильность сохранения приоритетности России во внешнеполитических ориентациях жителей Донбасса, являясь не только политическим, но и цивилизационным выбором. Социокультурное, этническое и ценностно-мировоззренческое сходство наряду с общей исторической памятью позволяют говорить о целостности и общности российско-украинской приграничной идентичности. Её чёткими маркерами сегодня является осознание неразрывности тысячелетнего государственно-исторического опыта существования России и уверенность в сохранении и преемственности ключевых культурно-цивилизационных констант, проецированных на современность.

Список литературы

1. Арсентьева И.И. Понятие «приграничье» в современном научном дискурсе // Вестник ЧитГУ. 2012. № 6. С. 24–29.

2. Филиппова О.А., Сорока Ю.Г. Политики идентичности: антропологические методы и социокультурные интерпретации // Методологія, теорія та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства: зб. наук. праць. Харків, 2009. С. 129–135.

3. Аберкромби Н. Социологический словарь / Н. Аберкромби, С. Хилл, Б.С. Тернер. М., 2004. С. 155–156.

4. Смит Э. Культурные основы наций: иерархия, завет и республика. М., 2010.

5. Баранов А.В. Конструирование этнотерриториальной идентичности как конфликтогенный фактор (на примере каталонского сецессионизма) // Архонт. 2018. № 1. С. 18–26.
6. Крылов М.П. Категория «идентичность» в контексте проблемы приграничий // Мир психологии. 2012. № 1 (69). С. 137–151.
7. Борисенок Е.Ю. Из малороссов – в украинцы: большевистская стратегия идентификации национальной принадлежности // Славянский альманах. 2014. Вып. 1–2. С. 171–186.
8. Котенко А.Л., Мартынюк О.В., Миллер А.И. «Малоросс»: эволюция понятия до Первой мировой войны // Новое литературное обозрение. 2011. № 108. С. 9–7.
9. Матвеев В.А. Украинский кризис 2014 г.: ретроспективное измерение (особенности исторической кодификации в восточнославянской этнической среде на юге Российской империи и её проявление в новейшую эпоху). Ростов н/Д, 2015.
10. Борисенок Е.Ю. Украина и Россия: спор о границах в 1920-е годы // Регионы и границы Украины в исторической ретроспективе. М., 2005. С. 205-237.
11. Баранов А.В. Указ. соч.
12. Хобта С.В. Граница, национальная и региональная идентичности в восприятии жителей Донбасса // Вісник ЛНУ імені Тараса Шевченка. Соціологічні науки. Луганськ, 2013. № 23 (282). Ч. II. Грудень. Соціологічні науки. С. 64–77.
13. Данные получены на основе фокусированных групповых интервью, проведённых авторами в ноябре – декабре 2018 г. в ряде местностей Донбасса.
14. Семёнов В.С. Трансформация массового сознания населения Украины в XXI в. // Социальное противостояние и его проявления на Юге России в XX – начале XXI в. (к столетию начала Гражданской войны и образования Донской республики): материалы Всерос. науч. конф. (г. Ростов-на-Дону, 19–22 сент. 2018 г.). Ростов н/Д, 2018. С. 514–519.

Л.Н. Гарас

СПЕЦИФИКА МЕЖПРАВОСЛАВНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СОВРЕМЕННОЙ УКРАИНЕ

В статье анализируются процессы, развернувшиеся в православной среде Украины после Майдана 2013 года. Указывается, что политические силы и лидеры активно используют потенциал института церкви для получения дивидендов. Анализируется роль Президента Украины П. Порошенко в создании «единой» Православной Церкви Украины и получении томоса об автокефалии.

Ключевые слова: геополитическое противоборство, межправославные отношения, политизация религии, Украина, Россия.

L.N. Garas

SPECIFICITY OF INTER-ORTHODOX RELATIONS IN MODERN UKRAINE

The article analyzes the processes were unfolded in the Orthodox environment of Ukraine after the Maidan in 2013. Also, it is indicated that political forces and leaders are actively using the potential of the institution of the Church to receive dividends. In the work is researched the role of the President of Ukraine P. Poroshenko in creation of «general» Orthodox Church of Ukraine and receiving Tomos about autocephaly.

Key words: geopolitical confrontation, inter-Orthodox relations, politicization of religion, Ukraine, Russia.

В эпоху постсовременности, когда человек сталкивается со множеством непрогнозируемых ситуаций, не чувствует себя защищенным и оказывается перед угрозой существования, наблюдается сущностная трансформация общества, что способствует актуализации роли религиозного фактора. Религиозные организации способны не только влиять на политическое поведение общностей внутри государства, а и выходить за его пределы, становиться полноценными акторами мировой политики.

Процессы глобализации, ускорение научно-технического прогресса, информационно-коммуникационная революция способствуют росту взаимовлияния событий в разных регионах и странах, обуславливают действия определенных групп населения и отдельных индивидов. Взаимосвязанность и взаимозависимость современной системы международных отношений позволяет влиять на процессы, происходящие, в первую очередь в сопредельных государствах. Поэтому нестабильность в отношениях между «близкими соседями» в разных плоскостях может использоваться заинтересованными акторами в качестве инструмента провоцирования напряжённости как у границ, так и внутри них.

Россию и Украину связывает не только и не столько общая граница, а общее многовековое историческое прошлое, культурная и духовная близость. Тем не менее, события, последовавшие после украинского политического кризиса 2013–2014 гг. спроецировалось на религиозное пространство, обострили все противоречия, накопившиеся за период независимости, и показали высокую степень политизации религии.

Украина – поликонфессиональная страна, в которой религия и церковь, являясь неотъемлемым компонентом общественной и частной жизни, стабильно пользуется в обществе высоким уровнем доверия (наряду с волонтерским организациями и Вооруженными Силами). Согласно данным общенационального исследования 2018 г., проведенного при поддержке Представительства Фонда Конрада Аденауэра в Украине, в 2010–2018 гг. уровень декларируемой религиозности украинцев остается высоким и составляет 72% респондентов (по сравнению с 2000 г. – 58%) [1, с. 4]. На 2019 г. церкви доверяет 63 % респондентов [2], что сопоставимо с данными 2013 г. – 64% [3, с. 24]. Данная ситуация диссонирует с недоверием украинских граждан к институтам власти и политическим лидерам. В силу этого последние, стремясь получить политические дивиденды, втягивают церковь в орбиту современных политических процессов.

В пестрой религиозно-конфессиональной структуре современной Украины выделяются ряд религиозно-политических узлов и линий противоречий [4, с. 112], однако, мы остановимся на анализе современной ситуации в межправославных отношениях. Следует отметить, что православная традиция в Украине является фундаментальной основой украинского народа, его культуры и истории. Хотя украинское православие представлено наибольшим количеством религиозных организаций (около 52%), тем не менее отсутствие единства в православной среде выступают сущностным фактором риска.

Украинское православие разделено на три церкви: Украинскую Православную церковь, находящуюся в юрисдикции Московского патриархата (УПЦ МП), Украинскую православную

церковь Киевского патриархата (УПЦ КП) и Украинскую автокефальную православную церковь (УАПЦ). Так, одна часть украинского православия, представленная УПЦ МП, в большинстве своем разделяет идею мессианской роли восточного православия для современного мира, считая себя принадлежащей к этой традиции. Представители другой ее части, связанные с УПЦ КП и с УАПЦ, считают необходимым возобновить утраченную связь украинского православия с мировой православной и христианской общностью и выступают за ее автокефальный статус.

В 2016 г. президент Украины П. Порошенко «реанимировал» идею единой украинской поместной православной церкви, заявив о намерении поддерживать её создание в условиях «войны с агрессором». Но с 2014 г. активизируется работа по изменению религиозных предпочтений украинцев. Социологические опросы свидетельствуют об изменении соотношения сил в пользу Киевского патриархата, который значительно расширил свое влияние на волне роста украинского национализма, апелляции к этничности и при поддержке местных властей. Наблюдаются переходы, зачастую далекие от мирных, приходов УПЦ МП в УПЦ КП, под угрозой «захвата» находится Киево-Печерская лавра и т.д.

Государство, используя политический инструментарий, поддерживает УПЦ КП на законодательном уровне. В рамках инициатив депутатов Верховной Рады Украины рассматриваются законопроекты, направленные против деятельности Московского Патриархата. В частности, законопроект № 4511 «Об особом статусе религиозных организаций, руководящие центры которых находятся в государстве, признанном Верховной Радой Украины государством-агрессором»; № 5309 «О внесении изменений в закон Украины «О свободе совести и религиозных организаций» по поводу названия религиозных организаций (объединений), которые входят в структуру (являются частью) религиозной организации (объединения), руководящий центр (управления) которой находится за пределами Украины в государстве, которое законом признано осуществившим военную агрессию против Украины и/или временно оккупировало часть территории

Украины» и т.п. То есть налицо действия, обусловленные политической целесообразностью, а именно, подготовка законодательной базы для «похода» на Московский Патриархат.

П. Порошенко всячески педалировал процесс получения автокефалии, сделав данное событие краеугольным камнем своей президентской избирательной кампании.17 апреля 2018 г. президент делает публичное заявление относительно реальной возможности получения автокефалии и намерения обратиться с соответствующим прошением в Вселенскому патриарху Варфоломею. Данное стремление поддержали епископы УПЦ КП и УАПЦ. 19 апреля о своей поддержке в этом вопросе заявила Верховная Рада Украины, приняв Постановление «О поддержке обращения Президента Украины к Вселенскому патриарху Варфоломею о предоставлении Томоса об автокефалии Православной Церкви в Украине».

15 декабря 2018 г. состоялся объединительный поместный собор в Киеве на котором была учреждена Православная Церковь Украины (ПЦУ), куда вошли священнослужители УПЦ КП и УАПЦ, а также двое бывших архиереев УПЦ МП. Интересен факт, что из УПЦ МП это: митрополит Переяслав-Хмельницкий и Вишневский и викарий Киевской епархии Александр (Драбинко), который с 1998 г. был референтом, а с 2006 г. – личным секретарем предстоятеля УПЦ митрополита Владимира (Сабодана) и митрополит Винницкий и Барский Симеон (Шостацкий). Предстоятелем поместной церкви стал бывший епископ УПЦ-КП Епифаний (Думенко). Вселенский патриарх Варфоломей не только признал результаты собора, а и 6 января 2019 г. передал Епифанию и Петру Порошенко томос об автокефалии.

Но создание ПЦУ не принесло единства украинскому православию и не способствовало единению общества, а в большей степени только усугубило ситуацию. Конфликт православных церквей в Украине коррелирует с противостоянием идентичностей внутри украинского общества и вписывается в большей степени в культурно-историческое пространство, подчеркивая при этом национально-культурную и политическую идентичность граждан. На фоне этого создание ПЦУ приобретает

черты узаконенного духовного переформатирования православной среды.

Отдельно следует отметить действия предстоятеля УПЦ КП Филарета (Денисенко), который всячески помогал украинским властям и при этом стремился реализовать свои личные амбиции. Не получив желаемого результата и став просто «почётным патриархом», он быстро ретировался, обвинив предстоятеля ПЦУ митрополита Епифания в нарушении договорённостей, достигнутых во время объединительного собора, а 14 мая 2019 г. заявил о том, что он действующий патриарх.

Таким образом, религия уверенно возвращается на авансцену и начинает играть существенную роль как на мировом, так и государственном уровне. Наряду с функцией «духовного окормления», религия способна оказывать существенное влияние на политическую компоненту жизни социума.

События в украинском православии свидетельствуют об усилении конфликтности и возможности раскола общества. Политизация религии коррелирует с процессом целенаправленного переформатирования православного пространства (стремление элиминировать УПЦ-МП) и политизации этничности для изменения самоидентификации украинского общества и обеспечения его латентной управляемости извне. В контексте современной геополитики религиозное пространство становится местом конкуренции за Украину.

Список литературы

1. Релігія і церква в українському суспільстві: соціологічне дослідження 2018 // Особливості релігійного і церковно-релігійного самовизначення українських громадян: тенденції 2010–2018 рр. (інформаційні матеріали). Київ, 2018. С. 3–36.

2. Дослідження проведене соціологічною службою Центру Разумкова «Оцінка громадянами ситуації в країні та діяльності влади (з 6 по 11 вересня 2019 року)». URL: http://razumkov.org.ua/napriamky/sotsiologichni-doslidzhennia/otsinka-gromadianamy-sytuatsii-v-kraini-ta-diialnosti-vlady?fbclid=IwAR1BQX01cLrMf5-ifgzGjIxwIxD8rwfYj2k_d3SnUaF49Fst1 GABVq_WYdw (дата звернення: 02.09.2019).

3. Релігійність українців: рівень, характер, ставлення до окремих аспектів церковно-релігійної ситуації і державно-конфесійних відносин // Національна безпека і оборона. Київ, 2013. № 1 (138). С. 15–41.

4. Гарас Л.Н. Корреляция религиозных и этнополитических процессов в современной Украине // Политическая экспертиза. СПб., 2015. Т. 11, № 4. С. 106–126.

Е.Н. Щёголев, М.Н. Миловзорова

ИДЕОЛОГИЯ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ ГОСУДАРСТВА: ПОТЕНЦИАЛ ВОССОЕДИНЕНИЯ КРЫМА С РОССИЕЙ

Идеология рассматривается как **залог стратегической цивилизационной безопасности**, в том числе и как ответ на вызовы цифровизации. Раскрывается политическое значение воссоединения Крыма с Россией.

Ключевые слова: идеология, интеграция, менталитет, ценности, национальное самосознание, национальная безопасность, развитие

E.N. Schegolev, M.N. Milovzorova

IDEOLOGY AS A FACTOR OF FORMATION OF THE POLITICAL INFRASTRUCTURE OF THE STATE: POTENTIAL OF REUNION OF CRIMEA WITH RUSSIA

Ideology is seen as **a guarantee of strategic civilizational security**, including as an answer to the challenges of digitalization. The political significance of the reunification of Crimea with Russia is revealed.

Key words: ideology, integration, mentality, values, national identity, national security, development.

С момента Великой Победы 1945 г. у русского народа, пожалуй, не было возможности убедиться в синергетическом эффекте, который возник в результате объединения политической воли и чаяний народа так, как это происходило в период Крымской весны.

События 2014 г. дали толчок к объединительным процессам на постсоветском пространстве, показали пример интеграции с учетом особенностей национального менталитета, что позволяет формировать более гибкую систему политических институтов. Тогда был развенчан миф о том, что после расчленения

Советского Союза людей уже невозможно будет объединить. Можно даже сказать, что тогда был задан вектор дальнейших интеграционных процессов, и не только на постсоветском пространстве.

Говоря о том, что Крым – хранитель ценностей русской цивилизации, нужно отметить, что вследствие передачи Крымской области из состава РСФСР в состав УССР 19 февраля 1954 г. несколько поколений были фактически оторваны от своей Родины. И в таких далеко некомфортных условиях этим людям удалось сохранить тот идеологический стержень, который был утрачен многими гражданами России на момент возвращения Крыма домой. Поэтому ещё одно смысловое значение воссоединения можно увидеть в возрождении национального самосознания по всей России.

31 декабря 2015 года В.В.Путин подписал Указ № 683 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [1], в котором впервые внятно был заявлен приоритет духовного над материальным в ценностном поле нашего Отечества: «К традиционным российским духовно-нравственным ценностям относятся приоритет духовного над материальным, защита человеческой жизни, прав и свобод человека, семья, созидательный труд, служение Отечеству, нормы морали и нравственности, гуманизм, милосердие, справедливость, взаимопомощь, коллективизм, историческое единство народов России, преемственность истории нашей Родины» (ст. 78). Сохранение и приумножение традиционных российских духовно-нравственных ценностей как основы российского общества, воспитание детей и молодежи в духе гражданственности были названы стратегическими целями национальной безопасности в области культуры (ст. 76).

Если в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года [2], упраздненной Указом от 31.12. 2015 г. в качестве главных угроз национальной безопасности РФ в сфере культуры указывались «засилие продукции массовой культуры, ориентированной на духовные потребности маргинальных слоев (ст. 80), «пропаганда образа жизни, в основе которого – вседозволенность и насилие» (ст. 81), то в Стратегии

от 31.12.2015 г. угрозами названы «размывание традиционных российских духовно-нравственных ценностей и ослабление единства многонационального народа Российской Федерации путем внешней культурной и информационной экспансии (включая распространение низкокачественной продукции массовой культуры), пропаганды вседозволенности и насилия, расовой, национальной и религиозной нетерпимости» (ст. 79).

Впервые речь идет об обеспечении культурного суверенитета Российской Федерации (ст. 82). В качестве мер по достижению долгожданного суверенитета и защите российского общества от внешней идейно-ценностной экспансии и деструктивного информационно-психологического воздействия предлагаются осуществление контроля в информационной сфере и недопущение распространения продукции экстремистского содержания, пропаганды насилия, расовой, религиозной и межнациональной нетерпимости; создание системы духовно-нравственного и патриотического воспитания граждан, внедрение принципов духовно-нравственного развития в систему образования, молодежную и национальную политику, расширение культурно-просветительской деятельности; формирование государственного заказа на создание кинематографической и печатной продукции, телерадиопрограмм и интернет-ресурсов; развитие внутреннего культурно-познавательного туризма; использование культурного потенциала России в интересах многостороннего международного сотрудничества (ст. 82), а также повышение уровня экологического образования и экологической культуры граждан (ст. 85).

Сегодня в России многие пытаются представить формирование государственной идеологии неразрешимой задачей. Согласно ст. 13 (часть 2) Конституции РФ: «Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной», поскольку «тоталитарность» идеологического авторитета противоречит главным либеральным принципам – «свободе личности» и «правам человека». А.Е. Молотков выявил, что «формально отрицая идеологию как таковую, либерализм сам стал неофициальной идеологией России» [3, с. 15]. Однако

идеология есть залог стратегической цивилизационной безопасности [4, с. 195]. Её можно считать ответом на вызовы цифровизации [5]. Отрицать идеологию как таковую (как социальное зло) – значит отрицать государство как форму национально-исторической самоорганизации общества, что само по себе может иметь место в рамках либерализма, что совершенно неприложимо к задаче национального возрождения [3, с. 21].

А.Е. Молотков, руководствуясь знаменитым высказыванием В.С. Соловьёва о том, что «идея нации есть не то, что она думает о себе во времени, но то, что Бог думает о ней в вечности», представил идеологический генезис нации (феноменологию национального духа) в виде следующего онтологического ряда: Бог → дух нации → национальная идея → национальная идеология → государственность. Исходя из данного ряда, национальная идея – это то, «что Бог думает о нации в вечности», а национальная идеология – это уже то, что нация думает о себе в конкретном историческом времени. А.Е. Молотков раскрыл принципиальную трансцендентность национальной идеи для эмпирического национального самосознания, ее конечную рациональную непостижимость в рамках реальной истории. Он сделал вывод о том, что гармоничность текущего национального существования определяется тем, насколько соответствует данная национальная идеология национальной идее, духу нации и, в итоге, – Божественному Логосу, лежащему в метафизическом основании нации. И любой разрыв в этой духовно-идеологической цепи ведет к утрате национальной идентичности, неустойчивости национального самосознания, дисгармонии и деструкции общественной жизни – вплоть до полной деградации национальной государственности [3, с. 24–25]. Таким образом, идеология рассматривается как необходимый атрибут государственного суверенитета.

Мы выходим на понимание идеологии как формы самосознания общества на стадии государственности, которая оказывается не просто некой утилитарно-политической матрицей, стягивающей национальные смыслы в определенную формальную целостность, а обнаруживает в себе глубокое

метафизическое содержание. В то же время национальная идея в таком понимании уже не воспринимается как условный мировоззренческий фантом (или даже иллюзия), а обретает вполне определенное, фундаментальное место в системе актуального национально-исторического бытия. В свою очередь, динамика государственной идеологии становится не произвольным отражением исторических стихий, а прямым диалектическим следствием преломления национальной идеи в плоскости реальной истории. Причем, если принять национальную идею за критерий национальной идентичности, а идеологию за форму национального самосознания, то одной из функций идеологии становится сохранение идентичности национального самосознания на фоне изменения исторических обстоятельств. Национальная идеология эмпирична по своему формообразованию, национальная идея – метафизична. Если национальная идея подразумевает некую вневременную проекцию в национальное прошлое, то национальная идеология есть фокус, через который национальная идея преломляется и актуализируется во времени, переходя через реальность настоящего в историческое будущее [3, с.18–20].

Ещё Н.Я. Данилевский в исследовании «Россия и Европа» указывал на роль курьера, которую Европа предоставляет России на всемирно-историческом театре: быть носителем и распространителем европейской цивилизации на Востоке: «Средняя Азия – вот ваше место; … нам ни с какого боку туда не пробраться, да и пожива плохая. Ну, так там и есть ваша священная историческая миссия – вот что говорит Европа, а за ней и наши европейцы» [6, с. 79]. Данилевский верно выявил чаяния и стремления западной цивилизации и его слова сохраняют сегодня свою актуальность: «Несомненно, что общечеловеческая цивилизация, – если только европейская есть действительно единственно возможная цивилизация для всего человечества, – неизмеримо бы выиграла, если бы вместо славянского царства и славянского народа, занимающего теперь Россию, было тут пустопорожнее пространство, по которому изредка бы бродили кое-какие дикари»[6, с. 80].

В.В. Путин, неоднократно цитирующий философа И.А. Ильина в своих выступлениях, предупреждал о том, что стержень, скрепляющую ткань уникальной русской цивилизации «разного рода провокаторы и наши противники всеми силами будут пытаться вырвать из России – под насквозь фальшивые разговоры о праве русских на самоопределение, о «расовой чистоте», о необходимости «завершить дело 1991 года и окончательно разрушить империю, «сидящую на шее у русского народа», чтобы в конечном счете – заставить людей своими руками уничтожать собственную Родину». В статье «Россия: национальный вопрос» содержится заявление о том, что русский народ давно самоопределился: «Самоопределение русского народа – это полиэтническая цивилизация, скрепленная русским культурным ядром. И этот выбор русский народ подтверждал раз за разом – и не на плебисцитах и референдумах, а кровью. Всей своей тысячелетней историей. Русский народ является государствообразующим. Великая миссия русских – объединять, скреплять цивилизацию. Языком, культурой, «всемирной отзывчивостью», по определению Федора Достоевского» [7].

В заключение можно добавить, что политические процессы в Крыму происходят в условиях полной гласности, открытости – на сегодняшний день подобную транспарентность будет справедливо назвать беспрецедентной. И санкции по Крыму становятся фактором давления внешней среды, который мотивирует соотечественников к самостоятельному развитию, без оглядки на «партнёров» – раз нечего терять, то нечего и опасаться.

Список литературы

1. Стратегия национальной безопасности РФ, утверждена Указом Президента РФ от 31.12.2015 № 683. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/ (дата обращения: 03.08.2019).

2. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, утверждена Указом Президента РФ от 12.05.2009 г. № 537 // Российская газета. 2009. 19 мая.

3. Молотков А.Е. Миссия России. Православие и социализм в XXI веке. СПб., 2008.

4. Муза Д.Е. Путь России: от рукотворной Голгофы – к чаемому Воскресению (мои бои за историю). М., 2018.

5. Миловзорова М.Н., Щёголев Е.Н. Риски устойчивого развития цифрового общества // Устойчивое развитие: теория и практика: Международный электронный журнал. 2018. Вып. 1 (20). С. 12–19. URL: http://www.yrazvitie.ru/?p=2249 (дата обращения: 03.08.2019).

6. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 2011.

7. Путин В.В. Россия: национальный вопрос // Независимая газета. 2012. 23 янв.

В.Ю. Парахина

РОЛЬ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И СИМВОЛИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В ВОССОЕДИНЕНИИ КРЫМА С РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИЕЙ

В статье рассматривается роль региональной идентичности и символической политики в воссоединении Крыма с Россией. Обосновывается положение о том, что региональная идентичность и символическая политика оказали влияние на политический выбор жителей Крыма в 2014 г.

Ключевые слова: региональная идентичность, символическая политика, референдум, интеграция, Республика Крым.

V.Yu. Parakhina

THE ROLE OF REGIONAL IDENTITY AND SYMBOLIC POLICY IN THE REUNION OF CRIMEA WITH THE RUSSIAN FEDERATION

The article examines the role of regional identity and symbolic politics in the reunification of Crimea with Russia. It substantiates the position that regional identity and symbolic politics influenced the political choice of the inhabitants of Crimea in 2014.

Key words: regional identity, symbolic policy, referendum, integration, Republic of Crimea.

Наличие явно выраженной региональной идентичности в Крыму предполагает рассмотрение феномена в контексте современных политологических исследований. Актуальность этой темы обусловлена ролью региональной идентичности в процессе воссоединения Крыма с Россией, которое

осуществилось в марте 2014 г. Важное значение в этом имела символическая политика.

Так как Крым является поликультурным, полиэтничным и поликонфессиональным регионом, региональная идентичность местного населения основывается на особенностях исторического, политического и культурного развития, восприятии крымчанами полуострова как малой родины, самоидентификации в качестве жителя полуострова. Катализатором формирования региональной идентичности Крыма стала политика украинизации в постсоветский период.

В условиях украинизации в обществе Крыма наблюдалась противоречивость в чувстве принадлежности к украинскому государству, которое в попытках формирования единого национального государства, старалось искоренить двуязычие в стране и укрепить позиции унитаризма. Немаловажным было и отсутствие со стороны Киева какого-либо интереса к компромиссу в отношении культурной и языковой среды Крыма. В связи с чем, крымчане всё более ощущали потребность в возвращении к глубинным историческим корням, гарантирующим прочность и безопасность бытия, сохранение традиционных ценностей и культурной идентичности.

В связи с событиями, начавшимися на Украине 21 ноября 2013 г. – Евромайданом территория всей страны стала характеризоваться политической нестабильностью. Настроения Киева были опасными для жителей Крыма, большинство из которых не поддерживали курс на евроинтеграцию. В связи с чем в этот период в Крыму феномен региональной идентичности актуализируется, так как он позволяет человеку и общности обрести чувство уверенности и защищенности [1, с. 97].

Сплоченные, массовые, решительные настроения крымчан в пользу интеграции с Россией вызывают до сих пор много вопросов у исследователей, так как резкий рост электоральной активности индуцирует удивление при ранее характерной для Крыма политической инфантильности. В действительности, «этнокультурная близость и представление об общности исторической судьбы и этногенетического родства стало одним

из важных катализаторов интеграции крымчан с российской нацией» [2].

В политическом плане важную роль сыграла символическая политика, осуществляемая как на территории Крыма, так и на территории России в целом. По С.П. Поцелуеву, символическая политика – «особый род политической коммуникации, нацеленной не на рациональное осмысление, а на внушение устойчивых смыслов посредством инсценирования визуальных эффектов» [3, с. 62]. Именно символической политике отдают должное в пробуждении у населения полуострова ответственных решений, роста патриотизма и региональной идентичности.

Исследование символов российской идентичности проведено в 2014–2015 гг. и 2016–2017 гг. кафедрой социологии и психологии факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова в рамках научно-исследовательского проекта «Формирование национально-государственной идентичности в современной России» (2003–2018 гг.). Было выявлено пробуждение естественных элементов исторической памяти крымчан с помощью символической политики. Главными элементами коммуникации послужили «напоминание» о принятии в 988 г. крещения киевским князем Владимиром в Херсонесе, – территория Крыма приняла символический статус начала российской государственности; тем самым была нарушена ассоциативная связь с Киевом.

Появилось понятие «крымского консенсуса» как нового основания российской идентичности. Президент Российской Федерации В.В. Путин также был воспринят как символ российской идентичности. Расширилось само образно-символическое пространство российской идентичности [4].

Таким образом, в условиях явно выраженной региональной идентичности и побуждающей к действию символической политики, граждане Крыма сделали исторический выбор на референдуме, который состоялся 16 марта 2014 г., по результатам которого был принят и вступил в действие Федеральный конституционный закон от 21.03.2014 № 6-ФКЗ (ред. от 25.12.2018) «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых

субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя».

Стоит заметить, что в России существует многоуровневая система идентичностей, в соответствии с которой проводится внутренняя и национальная политика, которая учитывает региональную специфику, в том числе и Крыма. Однако спустя пять лет приоритетом для интеграции Крыма в Российское политическое пространство становится укрепление общероссийской гражданской идентичности в условиях этнокультурной специфики регионального сообщества. При этом следует учитывать, что «Крым находится на этапе важных трансформаций социального, экономического, политического и управленческого характера, успешность которых можно обеспечить только при устойчивом и спокойном этнополитическом развитии» [5, с. 59].

Список литературы

1. Лешукова Л.А. Идентификация как фактор интеграции гражданского общества Крыма в социокультурное пространство России // Политика, экономика и право в социальной системе общества: новые вызовы и перспективы. Сб. матер. междунар. науч.-практ. конф., г. Феодосия, 4–6 мая 2016 г. М., 2016. С. 97–100.

2. Губогло М.Н., Старченко Р.А. Языковая жизнь и региональная идентичность крымчан – оплот антиукраинизации (из опыта этносоциологических исследований в Крыму 2013 г.) // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М., 2014. Вып. 239.

3. Поцелуев С.П. «Символическая политика»: констелляция понятий для подхода к проблеме // Полис. 1999. № 2. С. 62–75.

4. Евгеньева Т.В. Крым в пространстве российской идентичности: образно-символическое измерение // Ценности и смыслы. 2017. № 4 (50). С. 20–33.

5. Межэтнические отношения и религиозная ситуация в Крыму. Экспертный доклад за первое полугодие 2018 года / ред. Т.А. Сенюшкина, В.В. Степанов, Р.А. Старченко. М.; Симферополь, 2018.

И.Н. Геращенко

ВОСПИТАНИЕ РОССИЙСКОГО ПАТРИОТИЗМА У КАДЕТОВ И СТУДЕНТОВ ПОСРЕДСТВОМ ПРОЕКТИРОВАНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ ЭКСКУРСИОННЫХ ПРОЕКТОВ

Определена роль патриотического воспитания в развитии личности кадетов и студентов Краснодарского края. Представлена разработка программы военно-патриотического двухдневного экскурсионного маршрута «Уроки истории: «Голубая линия» (Краснодар – Крымск – Новороссийск – Краснодар)» в рамках проекта «Экскурсионные поездки по местам воинской славы на территории Краснодарского края» Краснодарского государственного института культуры. Проанализировано значение формирования компетентностных профессиональных навыков и умений у студентов направления «Туризм» при разработке и реализации экскурсионных маршрутов. Определены целепологательные достижения процессов проектирования и реализации военно-исторического экскурсионного маршрута.

Ключевые слова: Краснодарский край, Великая Отечественная война, «Голубая линия», прорыв,проектирование, экскурсионный маршрут, музей, патриотизм, реализация.

I.N. Gerashchenko

EDUCATION OF RUSSIAN PATRIOTISM IN CADETS AND STUDENTS BY DESIGNING AND IMPLEMENTING EXCURSION PROJECTS

The role of Patriotic education in the development of personality of cadets and students of Krasnodar region is defined. The development of the program of military-Patriotic two – day excursion route «History lessons: «Blue line» (Krasnodar – Krymsk – Novorossiysk – Krasnodar)» in the framework of the project «Excursions to places of military glory in the Krasnodar territory» of the Krasnodar state Institute of culture. The importance of the formation of competence-based professional skills and abilities of students of the direction «Tourism» in the development and implementation of excursion routes is analyzed. The goal-oriented achievements of the processes of design and implementation of the military-historical excursion route are defined.

Key words: Krasnodar region, the Great Patriotic war, «Blue line», breakthrough, design, excursion route, Museum, patriotism, implementation.

В нестабильной мировой геополитической обстановке остро встает проблема нравственного и патриотического воспитания

детей и молодежи. Важнейшую роль в формировании личности детей (в нашем случае кадетов) и студентов играет патриотическое воспитание – воспитание, направленное на уважительное отношение к своей Родине, ее истории, памятникам и событиям. В отношении кадет исторически сложилось в Российском государстве, что главное внимание уделялось тому, чтобы привить будущему офицеру необходимые нравственные качества. Считаем, что способствовать развитию указанной выше педагогической деятельности – патриотическому воспитанию могут экскурсионные проекты военно-патриотического направления.

В соответствии с государственной программой патриотического воспитания на 2016–2020 гг., которая направлена в целом на все слои общества, а главным образом, на детей и молодежь, ежегодно студентами и преподавателями Краснодарского государственного института культуры, совместно с Российским военно-историческим обществом организуются и проводятся экскурсионные маршруты военно-патриотического характера. По результатам Всероссийского конкурса молодежных проектов среди образовательных организаций высшего образования проект «Экскурсионные поездки по местам воинской славы на территории Краснодарского края» КГИК в 2018 г. получил значительное государственное финансирование. Проект направлен на военно-патриотическое воспитание молодежи. В его рамках состоялись 20 автобусных экскурсионных поездок (однодневных и двухдневных) по территории Краснодарского края. В проекте приняли участие около тысячи кадет, школьников и студентов [1; 2].

Одним из мероприятий указанногопроекта являлся экскурсионный военно-исторический маршрут «Уроки истории: «Голубая линия» (Краснодар – Крымск – Новороссийск – Краснодар)» разработанный и реализуемый КГИК для кадетов и студентов.

Цель экскурсионного маршрута – развитие у кадетов и студентов-экскурсантов гражданственности, патриотизма как важнейших духовно-нравственных и социальных ценностей.

А цель для студентов, проектировавших и реализовавших описываемый экскурсионный маршрут, кроме патриотическо-воспитательной составляющей, включает в себя процесс формирования профессионально значимых компетенций, знаний, умений, навыков и готовности к их активному применению в различных сферах жизни общества.

Представим программу вышеуказанного экскурсионного маршрута. Двухдневный военно-патриотический экскурсионный маршрут для кадетов и студентов проложен по местам боевой славы защитников Отечества, там, где был прорван тщательно подготовленный оборонительный рубеж немецко-фашистских сил в 1943 г., впоследствии названный «Голубой линией», и советскими войсками была разгромлена мощная группировка врага. В районе г. Новороссийска «Голубая линия» была прорвана 16 сентября 1943 г.

Место проведения экскурсионного маршрута: Краснодарский край, г. Краснодар – г. Крымск – г. Новороссийск – г. Краснодар.

Сроки проведения: сентябрь – ноябрь 2018 г.

Форма проведения: двухдневный автобусный экскурсионный маршрут.

Продолжительность: 36 час.

Протяженность: 296 км (на два дня).

Краткое содержание экскурсий маршрута: История сооружения «Голубой линии» руками жителей Краснодарского края во время Великой Отечественной войны. Рассказ о боях, позволивших прорвать линию обороны противника; Новороссийско-Таманской наступательной операции войск Северо-Кавказского фронта, которая стала заключительной в битве за Кавказ; героях, погибших и выживших при освобождении г. Крымска и г. Новороссийска.

Экскурсионный маршрут разработан для кадетов и студентов города Краснодара, в которую входит посещение военных памятников, объектов и других значимых военно-исторических построек, связанных с прорывом «Голубой линии» советской армией, музеев, военного аэродрома, мемориальных комплексов, музея-крейсера.

Первый день:

07:00 – 07:10– отправление из г. Краснодара. Раздача сухих пайков. Ознакомление с правилами техники безопасности, правилами поведения в экскурсионном автобусе.

07:10 – 08:00 –экскурсия по г. Краснодару (оккупация города). Викторина (военно-историческая тематика).

09:00 – 09:15 – техническая остановка – 15 минут.

09:20 – 09:50 – рассказ о жизни жителей Крымского района во время Великой Отечественной войны. Историческая справка о г. Крымске.

09:50 – 10:00 – прибытие в г. Крымск.

10:00 – 11:00 – посещение военного аэродрома города Крымск. Обзорная экскурсия. Мощь и сила российской современной армии – на страже современного мира.

11:00 – 12:00 – обед.

12:05 – 12:40 – посещение музея боевой славы «Голубая линия». Экскурсия.

12:50 – 13:00 – отправление к мемориальному комплексу «Сопка Героев» (с.Экономическое). Поклонимся погибшим – минута молчания.

13:00 – 14:00 – обзорная экскурсия по мемориальному комплексу «Сопка Героев». Рассказ экскурсоводов о воздушных сражениях, знаменитых летчиках, видах военного оружия периода 1941–1943 гг.

14:00 – 16:30 – отправление в город Новороссийск. Историческая справка о городе. Рассказ об основных событиях в период Великой Отечественной войны на данной территории.

16:30 – 16:40 – прибытие в город Новороссийск на территорию мемориального комплекса «Малая земля». В 1943 г. на небольшом «клочке» Новороссийской земли советские войска держали долгую героическую оборону в течение 225 дней.

16:40 – 17:50 – экскурсии в музеях мемориального комплекса «Малая земля».

17:50 – 18:10 – переезд к гостинице (п. Мысхако).

18:10 – 19:00 – заселение в гостиницу. Свободное время.

19:00 – 19:30 – ужин.

19:40 – 20:30 – квест на тему событий Великой Отечественной войны на территории Краснодарского края (письма с фронта).

20:30 – 22:00 – свободное время, ночевка.

Второй день:

09:00 – 10:00 – завтрак. Выселение из гостиницы.

10:00 – 10:30 – посещение мемориального комплекса «Долина смерти» (п. Мысхако). Возложение цветов.

10:30 – 11:00 – переезд к площади Героев, рассказ экскурсоводов о музее-крейсере «Михаил Кутузов».

11:00 – 12:00 – экскурсия по музею-крейсеру «Михаил Кутузов».

12:10 – 13:00 – прогулка по набережной, обед.

13:10 – 13:30 – переезд к мемориалу «Разрушенный Дворец культуры цементников».

13:40 – 15:00 – отъезд из города Новороссийск.

15:00 – 15:15 – техническая остановка.

15:15 – 18:00 – викторина по рассказанному материалу экскурсоводами. Конкурс песен военных лет.

19:00– прибытие в город Краснодар, подведение итогов, раздача брендированной продукции (магниты, кепки, грамоты), завершение экскурсии.

Преподавателями и студентами КГИК кроме программы разработаны: карта, рекламный буклет, информационный лист, паспорта экскурсионных объектов, контрольный текст и технологическая карта данного экскурсионного маршрута.

Во время проведения экскурсий на маршруте не только экскурсанты соприкоснулись с историческими фактами, визуально подкрепленными осмотром памятников и других экскурсионных объектов, но и экскурсоводы-студенты под руководством преподавателей были заинтересованы в получении практического опыта ведения экскурсий [2].

Разработанный экскурсионный маршрут реализован КГИК в период с сентября по ноябрь 2018 г. Во время проведения экскурсионного маршрута студенчество г. Краснодара и кадеты музыкального корпуса Краснодарского Государственного института культуры познакомились с событиями Великой

Отечественной войны в городах Краснодарского края (Краснодаре, Крымске и Новороссийске). Получили информацию о планах немецкого командования, связанного с этим регионом, об истории боевых действий в 1943 г., происходивших на территории края, подвигах его освободителей [3].

Спроектированный и реализованный экскурсионный маршрут способствовал:

1) расширению исторического кругозора у кадетов и студентов-экскурсантов Краснодарского края;

2) знакомству с достопримечательностями и памятниками Крымского района и г. Новороссийска;

3) воспитанию чувства патриотизма кадетов, студентов-экскурсантов и студентов-экскурсоводов;

4) формированию чувства гордости за мужество защитников нашей Родины, её историческое прошлое и достижения настоящего;

5) привлечению внимания аудитории кадетства и студенчества к истории Краснодарского края в годы Великой Отечественной войны;

5) побуждению к заинтересованности изучения исторических событий Великой Отечественной войны в контексте Второй мировой войны;

6) формированию у студентов направления «Туризм» профессионально значимых компетенций.

Патриотическое воспитание детей и молодежи является одним из основополагающих элементов становления личности в российском обществе. Культурная, патриотическая и военно-историческая работа, организуемая и осуществляемая Краснодарским государственным институтом культуры, является важной составляющей российской системы воспитания духовно-нравственных и социально-ответственных молодых граждан нашего Отечества. Немалую роль в этом воспитании играют проектируемые и реализуемые преподавателями и студентами направления «Туризм» КГИК экскурсионные маршруты военно-патриотической и исторической направленности. В перспективе преподавателями и студентами вуза планируется разработка новых военно-патриотических, исторических и других

социально-культурных значимых экскурсионных маршрутов (экскурсий) по Краснодарскому краю для школьников, кадетов и студентов.

Список литературы

1. Всероссийский Конкурс молодежных проектов. URL: http://kguki.com/press-sluzhba/novosti/kgik-pobedil-vo-vserossijskom-konkurse-molodezhnih-proektov (дата обращения: 12.08.2019).

2. Геращенко И.Н., Сохина Н.П. Проектирование и реализация военно-патриотических экскурсионных маршрутов (на примере маршрута «Уроки истории: герои и техника Великой Отечественной войны») // Культура и время перемен. Краснодар, 2019. № 1 (24). URL: timekguki.esrae.ru/40-412 (дата обращения: 29.08.2019).

3. Степанова Л.Г. Казачий край и горские народы в планах немецкого командования // Федор Андреевич Щербина, казачество и народы Северного Кавказа: история и современность. Сб. материалов IX Междунар. науч.-практ. конф. Краснодар, 2009. С. 194–201.

Н.А. Дрыгина

НРАВСТВЕННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ ПРИЗЫВНИКОВ И ВОЕННОСЛУЖАЩИХ СРОЧНОЙ СЛУЖБЫ ЮГА РОССИИ: ПАТРИОТИЗМ ИЛИ ЭКСТРЕМИЗМ

Статья аргументирует важность патриотического воспитания молодого поколения, призывников, военнослужащих срочной службы, воспитания устойчивости молодежи и военнослужащих к угрозе социальной пандемии экстремизма. Статья – о возвращении в наше коллективное бессознательное. Отражено уважение к историческому прошлому нашей страны и унаследованным традициям.

Ключевые слова: gатриотизм, защита Отечества, экстремизм, воспитание, психология, бессознательное, мотивация, армия, призывники, военнослужащие.

N.A. Drygina

MORAL-PSYCHOLOGICAL ATTITUDES FOR PRESCRIBERS AND MILITARY SERVICE EMERGENCY SERVICES IN THE SOUTHERN RUSSIA: PATRIOTISM OR EXTREMISM

The article argues the importance of patriotic education of the younger generation, conscripts, military servicemen, education of the resilience of youth and military personnel to the threat of a social pandemic of extremism. The

article is about returning to our collective unconscious. Reflected respect for the historical past of our country and inherited traditions.

Key words: Patriotism, protection of the Fatherland, extremism, education, psychology, unconscious, motivation, army, conscripts, military personnel.

В последние десятилетия снижается мотивация молодых людей к воинской службе. Это обусловлено недостаточной сформированностью социальной позиции подростков, проявляющейся в невысоком уровне их социальной активности, психологической зрелости и гражданского патриотизма. Зачастую они просто боятся идти служить в армию.

В современных условиях российского общества, характеризующегося изменениями в социально экономической, политической и культурных сферах, особенно остро стоит вопрос о содержании, формах, средствах и методах воспитания подрастающего поколения [1, с. 570]. У многих подростков сложилось негативное представление о военной службе. Нравственные ориентиры осложнились и привели к смене социальных отношений, образовавшийся в 1990 г. идеологический вакуум, это привело к распаду сложившейся системы патриотического и интернационального воспитания. В указанный период оживились воззрения националистического, шовинистического и даже фашистского толка. Их необходимо искоренять как в ходе службы в Вооруженных силах, так и до неё. В этой связи одной из актуальных проблем является морально-психологическая и педагогическая подготовка будущих защитников Отечества.

Формирование морально-психологической готовности граждан к защите Отечества стало одним из направлений политического обеспечении военной безопасности России [2, с. 40]. Но чтобы доверить управлять сложной современной боевой техникой и оружием, сегодняшнему защитнику нужно, чтоб он понимал ради кого и чего он это делает. Нужно донести до сегодняшнего школьника, что у него есть семья, мама, папа, братья, сестры. У него есть друзья, его одноклассники. Есть огромная, красивая страна со славной историей, великой культурой и вековыми традициями – наша Родина. Нужно объяснять сегодняшнему школьнику, что все это богатство – семью, друзей, любимую

девушку, Родину, нужно защищать, и как показывает вся наша предыдущая история, в том числе с оружием в руках. И к этому нужно готовить заранее, с детства. Поэтому, именно в школьном возрасте это становится особенно массовым, интересным для ребят и, следовательно, тем, кому выпала честь научить будущих защитников этому, должны владеть передовой теорией и практикой для того, чтобы профессионально вести воспитательный процесс, искать и находить актуальные формы работы в свете современных требований вовлечения в него молодежи.

На современном этапе развития нашей страны актуальной становится задача снятия противоречия между ростом патриотических настроений в обществе и отсутствием четкой методологии по вопросам патриотического воспитания. Поэтому сегодня важно уделять больше внимания вопросам развития патриотизма, и возрождению патриотического воспитания, так как некоторые не совсем понимают суть понятия патриотизм [3, с. 536]. Патриотическое воспитание в современной России следует развивать далее. Об этом говорят поступки миллионов людей, которые из года в год, начиная с 2012 г., принимают активное участие в общественном движении «Бессмертный полк», получило общественное одобрение создание Всероссийского военно-патриотического общественного движения «Юнармия».

Но необходимо объяснять подрастающему поколению важность этой идеи, рассказать, чей портрет ребенок несет в руках, шагая со всеми в «Бессмертном полку». Собирая подростков для вступления в ряды «Юнармии», недостаточно надеть на них форму юнармейца, научить ходить маршем, важно вести постоянную работу, о том, для чего создана это военно-патриотическое движение, какую роль в жизни страны и самого подростка она играет. Не получив должного объяснения на свои вопросы, подросток может столкнуться с недопониманием важности того, что он делает и в этот момент рядом с группой молодых людей может оказаться человек, который заинтересует, объяснит важность того или иного действия, которому предложит обучиться, даст «советы» и «консультации» насчет повседневной жизни: что следует делать, а чего не следует, и как «правильное» делать правильно. Далее последует призыв «присоединяться» и участвовать в «борьбе» в той или иной форме.

Чтобы не допустить подобного, людям, работающим с молодежью, необходимо четко понимать психологическую природу экстремизма. Необходимо осознать тот факт, что в природе человека заложено стремление к экстремальности, принуждающее его к постоянному движению и развитию. Ведь не случайно понятия «экстремизм» и «экстремальность» происходят от одного корня – от латинского *extremum* – крайний. Оба понятия содержат значение интенсивности, напряженности, остроты. Но если экстремальность отличает природный, стихийный характер, то экстремизм всегда несет с собой личностное начало, а экстремистское поведение всегда отмечено своевластием и эгоцентризмом. Экстремальность — не всегда кризис или конфликт. Это лишь заострение проблемы, когда внимание акцентируется на новом, как правило, более значимом, более высоком.

Патриотизм как политический, общественный и нравственный принцип отражает отношение человека (гражданина) к своей стране, его коллективное бессознательное – это особый вид памяти всего народа, передаваемый из поколения в поколение как некая ментальная ценность. Каждый народ особенный, поэтому его коллективная память отличается от памяти других народов. Коллективное бессознательное основывается на опыте целого народа, а не отдельного человека. Каждый человек рождается в конкретном социуме, в конкретной культуре, поэтому коллективное бессознательное является базой для каждого человека, формирующей его индивидуальное бессознательное и его индивидуальность.

Это отношение проявляется в заботе об интересах своего Отечества: в готовности ради него к самопожертвованию, в верности и преданности своей стране, в гордости за ее социальные и культурные достижения, в сочувствии к страданиям своего народа и осуждении социальных пороков общества, в уважении к историческому прошлому своей страны и унаследованным от него традициям, в готовности подчинить свои интересы интересам страны, в стремлении защищать свою страну, свой народ. Патриот – тот, кто добросовестно трудится на благо своей страны и призывает к этому окружающих, кто помогает совершенствоваться своим согражданам, а коллективное бессознательное отражает

природу человека. Когда в обществе разрушаются архетипы коллективного бессознательного, психика людей, особенно детей, может нарушаться. И наоборот, когда общество придерживается своей культурной традиции, психика нации, согласно К.Г. Юнгу [4], нормализуется. Поэтому ломать (искажать) архетипы – значит губить психическое здоровье нации.

Армия – это один из важнейших институтов политической системы общества, поскольку она призвана защищать существующий общественный и политический строй, суверенитет и территориальную целостность государства [5, с. 45]. Вооруженные силы и правоохранительные органы, в связи с их особой ролью в обеспечении безопасности государства, привлекают особое внимание различных экстремистских и террористических организаций. Проявления экстремизма иногда являются одной из причин неуставных взаимоотношений в воинских коллективах.

Существенным признаком экстремизма остается не экстраординарность, не насилие или агрессия, но злой умысел. И здесь важно понять, что экстремизм характеризует не наличие насилия как такового (его применение бывает необходимо для разрешения целого ряда экстремальных ситуаций, например, при самообороне), а наличие его крайних, неоправданных форм.

Причина и источник экстремизма как идеологии крайней непримиримости к инакомыслящим во многом кроется в интеллектуальной и нравственной ограниченности личности, отстаивающей подобные взгляды.[6, с. 65].

Важнейшей причиной экстремистского, интолерантного, агрессивного отношения выступает психологический барьер «свой – чужой», страх перед непохожим на себя. Формирование установки на агрессию по отношению к «другому» происходит в том случае, если человек привык некритично относиться к своим взглядам и поступкам и считает себя несравнимо выше других. Есть две особенности психики человека, которые служат почвой для образования подобных установок. Первая особенность состоит в том, что люди, похожие на нас, кажутся нам привлекательнее и безопаснее тех, кто от нас отличается. Принадлежность к группе людей придает человеку чувство уверенности и собственной значимости. Объединяться люди могут в принципе вокруг любой

идеи, даже абсурдной. В этом случае «другие» и «не такие» тоже нужны, чтобы сильнее почувствовать принадлежность к «своим».

Анализ результатов адаптации военнослужащих к условиям военной службы показывает, что риск развития девиантного поведения, дезадаптации и тяжесть их последствий проявляются, как правило, у молодого пополнения в первые 1–2 месяца.

Эффективность профилактики этих рисков в первую очередь зависит от качества изучения военнослужащих, принятия необходимых мер по раннему выявлению лиц с неустойчивой психикой, отклонениями в физическом развитии и психическом здоровье [7, с. 241]. Для этого проводится комплекс мероприятий, направленных на выявление психологических свойств личности, факторов, влияющих на адаптацию к военно-профессиональной деятельности.

Индивидуальная беседа является основным методом получения информации об индивидуально-психологических качествах военнослужащего.

Умелое проведение индивидуальной беседы позволяет не только оценить потребности, мотивы, склонности, интересы, черты характера, познавательные процессы, но и выявить глубоко личные переживания военнослужащего, затрудняющие прохождение военной службы, его мнение о положении дел в воинском коллективе, сослуживцах, командирах. Индивидуальные беседы с военнослужащими одного подразделения помогут лучше понять обстановку в подразделении, выявить отрицательных лидеров, нарушителей воинской дисциплины и другие проблемные вопросы во внутриколлективных взаимоотношениях [9, с. 186].

Также важнейшей частью диагностики и социально-психологического изучения призывников является анализ документов (личные документы (дела) военнослужащего, автобиография, анкеты, характеристики, справки, в том числе по отдельным запросам воинской части по предыдущему месту работы, учебы, анкетирование, психологическое тестирование, наблюдение, мониторинг направленности и активности военнослужащего в сети «Интернет», медицинское обследование (осмотр), общение с родными и близкими военнослужащего (при необходимости).

Выше описаны основные принципы работы, часть которых

отражена в Методических указаниях, но иногда эти общие принципы работы с военнослужащими слабо применимы к тем, кто не был готов к службе в армии.

Задача психолога, сориентировать, поддержать, помочь, так как нашей жизнью руководят бессознательные фантазии. Именно они влияют на решения, выборы и ресурсы, так и в работе с военнослужащими срочной службы, эти бессознательные процессы являются еще одним способом познать себя и познать свои бессознательные фантазии через проживание своих чувств и проговаривание психологических проблем и жизненных затруднений в условиях изоляции от семьи и близких людей.

Несмотря на сложность сбора всех сведений по косвенным признакам, постепенно составляется представление о том, как та или иная фантазия проявляется и как она действует на военнослужащего. В большинстве случаев удается определить природу бессознательного и помочь каждому из них прожить, пройти самим, чтобы осознать свою значимость для Отечества.

Список литературы

1. Человек и общество: Краткий энциклопедический словарь-справочник / отв. ред. Ю.С. Борцов, науч. ред. И.Д. Коротец. Ростов н/Д, 1997. С. 570.

2. Белоусов Н.А. Патриотическое воспитание студентов как проблема педагогического образования / Н.А. Белоусов, Т.Н. Белоусова // Патриотическое воспитание: история и современность: Сб. науч. ст. М., 2004. С. 40.

3. Философский энциклопедический словарь. М., 1989. С. 536.

4. Андреева Е. Концепция коллективного бессознательного. URL: https://psychosearch.ru/masters/karl-yung/178-kontseptsiya-kollektivnogo-bessoznatelnogo (дата обращения: 30.08.2019).

5. Политическая энциклопедия. М., 1999. С. 45.

6. Грачев А.С. Политический экстремизм. М., 1986. С. 65–66.

7. Шульженко М.Э. Патриотическое воспитание современной молодежи // Молодой ученый. 2017. № 47. С. 240–243.

8. Утлик Э.П. Психология дисциплины. М., 1992. С. 186.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Акоева Наталья Борисовна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории, культурологии и музееведения, Краснодарский государственный институт культуры.

Ананьева Елена Павловна, доктор философских наук, профессор кафедры общей психологии, Севастопольский экономико-гуманитарный институт (филиал) Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского).

Анчев Стефан Иванов, доктор истории, доцент кафедры новой и новейшей истории, Велико-Тырновский университет им. Св. Кирилла и Мефодия (г. Велико-Тырново, Болгария).

Баранов Андрей Владимирович, доктор политических наук, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии и политического управления, Кубанский государственный университет (г. Краснодар).

Басте Разиет Юсуфовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, Кубанский государственный университет (г. Краснодар).

Бахтуридзе Зейнаб Зелимхановна, доктор политических наук, профессор Высшей школы международных отношений, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

Бершадская Ольга Владиславовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры «Философия, история и право», Финансовый университет при Правительстве РФ, Краснодарский филиал.

Беспалова Татьяна Викторовна, доктор философских наук, доцент, руководитель отдела государственной культурной политики, ведущий научный сотрудник, Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачева (г. Москва).

Боженко Сергей Николаевич, младший научный сотрудник отдела «Охрана памятников культуры и археологии», ГБУ РК «Восточно-Крымский музей-заповедник» (г. Керчь).

Броварь Александр Витальевич, доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой государственного и международного права, Донбасская юридическая академия.

Быковский Евгений Петрович, студент 3 курса исторического факультета, Донецкий национальный университет (г. Донецк, ДНР).

Вакулова Татьяна Владимировна, кандидат политических наук, доцент кафедры истории, Севастопольский государственный университет.

Вартанян Ханума Сергеевна, преподаватель, колледж Института сервиса, туризма и дизайна (филиала) Северо-Кавказского федерального университета в г. Пятигорске.

Васильев Игорь Юрьевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Научно-исследовательский центр традиционной культуры ГБНТУК КК «Кубанский казачий хор» (г. Краснодар).

Васюк Сергей Владимирович, аспирант кафедры политологии и политического управления, Кубанский государственный университет (г. Краснодар).

Вахрамеева Дарья Владимировна, старший преподаватель кафедры социологии, правоведения и работы с персоналом, Кубанский государственный технологический университет (г. Краснодар).

Ващенко Александр Владимирович, кандидат исторических наук, доцент, декан факультета истории, социологии и международных отношений, Кубанский государственный университет (г. Краснодар).

Галстян Карен Арменович, студент 2 курса факультета истории, социологии и международных отношений, Кубанский государственный университет (г. Краснодар).

Гаража Наталия Алексеевна, кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой «Информатика, математика и общегуманитарные науки», Новороссийский филиал Финансового университета при Правительстве РФ.

Гарас Людмила Николаевна, кандидат философских наук, доцент кафедры политологии и международных отношений, Севастопольский государственный университет.

Герасимов Алексей Вячеславович, старший преподаватель кафедры философии и социологии, Луганский национальный ун-т имени Т. Шевченко.

Геращенко Ирина Николаевна, кандидат географических наук, доцент кафедры туризма и физической культуры, Краснодарский государственный институт культуры.

Говорухина Каринэ Александровна, кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и политического управления, Кубанский государственный университет (г. Краснодар).

Городецкая Елена Георгиевна, кандидат социологических наук, доцент, старший научный сотрудник, Крымский филиал ФНИСЦ РАН, г. Симферополь.

Григорьян Лариса Григорьевна, студентка 2 курса направления подготовки «Корпоративное управление», Новороссийский филиал Финансового университета при Правительстве РФ.

Гуменюк Андрей Юрьевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Массандровский дворец-музей Александра III, г. Ялта.

Дибас Оксана Андреевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры всемирной истории и международных отношений, Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко» (г. Луганск, Луганская Народная Республика).

Дмитриевский Александр Владимирович, аспирант, Донецкий национальный университет (г. Донецк, Донецкая Народная Республика).

Донцова Мария Владимировна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии, Кубанский государственный университет.

Дрыгина Наталья Александровна, штатный психолог, военная комендатура (гарнизона 1 разряда Вооружённых Сил РФ) (г. Сочи).

Жукова Юлия Александровна, магистр истории, заместитель председателя, Краснодарская региональная общественная поисково-исследовательская организация «Высота» (г. Краснодар).

Касьянов Валерий Васильевич, доктор исторических наук, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России, декан факультета журналистики, Кубанский государственный университет (г. Краснодар).

Киндяков Сергей Александрович, магистр истории, председатель Краснодарской региональной общественной поисково-исследовательской организации «Высота» (г. Краснодар).

Киселёв Илья Викторович, кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических наук, Краснодарское высшее военное авиационное училище летчиков имени Героя Советского Союза А.К. Серова.

Кислицын Сергей Алексеевич, доктор исторических наук, профессор кафедры политологии и этнополитики, Южно-Российский институт управления (филиал) Российской академии народного хозяйства и государственной службы (г. Ростов-на-Дону).

Клочков Виктор Викторович, доктор исторических наук, доцент кафедры социологии, истории и политологии Института управления в экономических и социальных системах, Южный федеральный университет (г. Таганрог).

Клочков Олег Борисович, кандидат исторических наук, доцент, филиал Кубанского государственного университета в г. Славянске-на-Кубани.

Когут Виктор Григорьевич, кандидат политических наук, заместитель Генерального секретаря Совета Межпарламентской ассамблеи СНГ – полномочный представитель Национального собрания Республики Беларусь (г. Санкт-Петербург).

Козик Константин Анатольевич, кандидат исторических наук, преподаватель кафедры политологии и политического управления, Кубанский государственный университет (г. Краснодар).

Конышев Валерий Николаевич, доктор политических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета.

Костенко Юлия Витальевна, кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры политологии и политического управления, Кубанский государственный университет (г. Краснодар).

Кринко Евгений Федорович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, заведующий лабораторией истории и этнографии, Южный научный центр РАН (г. Ростов-на-Дону).

Лоншаков Дмитрий Александрович, профессор военно-учебного центра, полковник, Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону).

Лохова Татьяна Владимировна, кандидат исторических наук, доцент, директор Новороссийского политехнического института (филиала) Кубанского государственного технологического университета.

Лютов Евгений Евгеньевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник ГБУ РК «Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник» (г. Керчь).

Малышева Елена Михайловна, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории, историографии, теории и методологии истории, Адыгейский государственный университет (г. Майкоп).

Манаков Павел Владимирович, преподаватель, Армавирский юридический техникум.

Марков Евгений Алфеевич, доктор политических наук, доцент, профессор кафедры социальных коммуникаций и медиа Гуманитарного института, Череповецкий государственный университет (г. Череповец).

Маслацева Елена Владимировна, магистрант направления «Политология», Кубанский государственный университет (г. Краснодар).

Матвеев Олег Владимирович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, Кубанский государственный университет (г. Краснодар).

Миловзорова Мария Николаевна, кандидат философских наук, доцент кафедры «Менеджмент организации», Балтийский государственный технический университет «ВОЕНМЕХ» им. Д.Ф. Устинова (г. Санкт-Петербург).

Милославлевич Сладжан, доктор исторических наук, профессор факультета менеджмента в инжиниринге, Университет-Унион Никола Тесла (г. Белград, Сербия).

Минц Светлана Самуиловна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, Кубанский государственный университет (г. Краснодар).

Морозов Илья Леонидович, д.п.н., проф. кафедры государственного управления и политологии, Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Муха Виктория Николаевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии, правоведения и работы с персоналом, заведующая Центром социологических исследований, Кубанский государственный технологический университет (г. Краснодар).

Нагаева Гильда Александровна, к.и.н., доц. кафедры инженерных дисциплин и управления, Новороссийский политехнический институт (филиал), Кубанский государственный технологический университет.

Назарова Вероника Сергеевна, преподаватель кафедры социологии, истории и политологии, Институт управления в экономических, экологических и социальных системах, Южный федеральный университет (г. Таганрог).

Назарова Татьяна Павловна, кандидат исторических наук, доцент кафедры философии, истории и политологии, Волгоградский государственный аграрный университет.

Новиков Александр Сергеевич, курсант 3 курса, Донецкое высшее общевойсковое командное училище (г. Донецк).

Нурышев Геннадий Николаевич, доктор политических наук, профессор кафедры международных отношений, политологии и истории, Санкт-Петербургский государственный экономический университет.

Онопко Олег Владимирович, кандидат политических наук, доцент кафедры политологии, Донецкий национальный университет (г. Донецк, Донецкая Народная Республика).

Парахина Валерия Юрьевна, магистрант направления «Политология», Таврическая академия Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского» (г. Симферополь).

Пашковский Пётр Игоревич, кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук и международных отношений, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского (г. Симферополь).

Петров Владимир Иванович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, Кубанский государственный университет (г. Краснодар).

Плащинский Александр Алексеевич, кандидат политических наук, доцент, первый проректор, Международный университет «МИТСО» (г. Минск, Белоруссия).

Полянская Елизавета Сергеевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, Сочинский филиал Российского университета дружбы народов.

Попов Алексей Дмитриевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского (г. Симферополь).

Пушкаревич Ольга Анатольевна, психолог, действительный член Общероссийской профессиональной психотерапевтической лиги, эксперт по информационной безопасности (г. Тюмень).

Разумная Надежда Николаевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной и региональной истории, Донецкий национальный университет (г. Донецк, Донецкая Народная Республика).

Разумный Виталий Витальевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры всемирной истории, Донецкий национальный университет (г. Донецк, Донецкая Народная Республика).

Редькина Ольга Юрьевна, доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений, регионоведения и политологии, Волгоградский государственный университет.

Романович Нелли Александровна, доктор социологических наук, профессор кафедры политологии и политического управления Воронежского филиала РАНХиГС при Президенте РФ, генеральный директор Института общественного мнения «Квалитас» (г. Воронеж).

Рыбак Инга Валерьевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры «Исторические, философские и социальные науки», Севастопольский государственный университет.

Рябцев Владимир Николаевич, кандидат философских наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт междисциплинарных проблем глобальных процессов и глокализации (Ростовский государственный экономический университет – РИНХ).

Савицкий Иван Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории, Петрозаводский государственный университет.

Селюнина Наталья Владимировна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории, Таганрогский институт имени А.П. Чехова (филиал) Ростовского государственного экономического университета (РИНХ).

Сенюшкин Евгений Александрович, кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук и международных отношений, Таврическая академия Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского (г. Симферополь).

Сенюшкина Татьяна Александровна, доктор политических наук, профессор кафедры политических наук и международных отношений, Таврическая академия Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского (г. Симферополь).

Сивков Михаил Сергеевич, аспирант, Краснодарский государственный институт культуры.

Сивков Сергей Михайлович, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой гуманитарных и математических дисциплин, Южный институт менеджмента (г. Краснодар).

Ситнова Ирина Валерьевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Черноморское Высшее Военно-Морское училище им. П.С. Нахимова (г. Севастополь).

Сичак Евгений Николаевич, аспирант кафедры политологии и политического управления, Кубанский государственный университет (г. Краснодар).

Скорик Александр Павлович, доктор исторических наук, доктор философских наук, профессор кафедры юриспруденции, философии и истории, Южно-Российский государственный политехнический университет имени М.И. Платова (г. Новочеркасск).

Скоробогатов Сергей Борисович, аспирант кафедры истории России Таврической академии Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского (г. Симферополь).

Стадник Владимир Александрович, старший преподаватель, капитан, Донецкое высшее общевойсковое командное училище (г. Донецк, Донецкая Народная Республика).

Степанова Лилия Геннадьевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, Кубанский государственный университет (г. Краснодар).

Стоядинович Миша, доктор политических наук, старший научный сотрудник, Институт политических исследований (г. Белград, Сербия).

Съедин Николай Александрович, кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук и международных отношений, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, член Общественной палаты Республики Крым (г. Симферополь).

Талович Виолета, доктор политических наук, профессор, декан факультета международной политики и безопасности Университета-Унион Никола Тесла (г. Белград, Сербия).

Татаринов Игорь Евгеньевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии и международных отношений, Луганский национальный университет имени Владимира Даля (г. Луганск, Луганская Народная Республика).

Телятник Татьяна Евгеньевна, кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и политического управления, Кубанский государственный университет (г. Краснодар).

Тур Виктор Григорьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории права и государства, старший научный сотрудник, Крымский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Симферополь).

Туфанов Евгений Васильевич, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой философии и истории, Ставропольский государственный аграрный университет.

Федина Ирина Михайловна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, Кубанский государственный университет (г. Краснодар).

Харькова Виктория Александровна, ассистент кафедры социологии, управления и бизнеса института экономики, управления и бизнеса, Кубанский государственный технологический университет (г. Краснодар).

Чайка Иван Геннадьевич, кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и политического управления, Кубанский государственный университет; руководитель Краснодарского регионального отделения Русского географического общества (г. Краснодар).

Чернявская Ксения Андреевна, студентка, Кубанский государственный технологический университет (г. Краснодар).

Чигрин Виктор Александрович, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского (г. Симферополь).

Чупрынников Сергей Алексеевич, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и философии, Кубанский государственный технологический университет (г. Краснодар).

Шаповалов Сергей Николаевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, Кубанский государственный университет (г. Краснодар).

Шендрикова Снежана Павловна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории, краеведения и методики преподавания истории, Гуманитарно-педагогическая академия (филиал) в г. Ялта Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского.

Шкрибитько Елена Александровна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и славянских народов, Донецкий национальный университет (г. Донецк, Донецкая Народная Республика).

Щёголев Евгений Николаевич, старший преподаватель кафедры «Менеджмент организации», Балтийский государственный технический университет «ВОЕНМЕХ» им. Д.Ф. Устинова (г. Санкт-Петербург).

Юрина Тамара Ивановна, кандидат исторических наук, профессор, научный сотрудник, Новороссийский исторический музей-заповедник.

Юрченко Инна Вадимовна, доктор политических наук, профессор кафедры политологии и политического управления, Кубанский государственный университет (г. Краснодар).

Юрченко Наталья Николаевна, кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и политического управления, Кубанский государственный университет (г. Краснодар).

Яхутль Юрий Асланбиевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, Кубанский государственный университет (г. Краснодар).

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

Касьянов В.В. Историческая память как ресурс национальной безопасности……3
Баранов А.В. Этнополитические процессы в Крыму и Севастополе (на материалах социологических опросов)……14
Конышев В.Н. Воссоединение Крыма и Гибридная война……22
Чигрин В.А., Городецкая Е.Г. Воссоединение Крыма с Россией: пять лет вместе (по материалам мониторинга)……27
Ващенко А.В. Геополитические аспекты региональной безопасности России в конце XX – начале XXI вв.: южное направление (Россия, Украина, Грузия)……33
Броварь А.В. Историческое значение Донбасса и Крыма как фронтир русской цивилизации в XVII – XIX веках ……38
Съедин Н.А. Крымская война и «Крымская весна»: некоторые исторические параллели……...45
Дибас О.А. Образ Российской Федерации после присоединения Крыма в рамках исследований центра по изучению России (CRF)…….52
Stojadinović Miša. Geopolitical challenges for the Balkan countries: the prospects for establishing good international relations…….57

СЕКЦИЯ 1. ПРИЧЕРНОМОРЬЕ И РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ: ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ ИНТЕГРАЦИИ

Быковский Е.П., Шкрибитько Е.А. Заселение и хозяйственное освоение Юго-Западной России в XVI – XVIII вв.: советская историография...65
Рыбак И.В. Крым в геополитических планах России во второй половине XVIII в. ……71
Разумный В.В. Деятельность российского дипломата А.М. Обрескова в годы русско-турецкой войны 1768–1774 гг. ……...78
Вартанян Х.С. К оценке некоторых трактовок Н.Ф. Грабовским и В.Н. Кудашевым особенностей российско-кабардинских взаимоотношений после ликвидации Крымского ханства……83
Тур В.Г. Создание национальных военных формирований после присоединения Крыма к России (XVIII в.)……89
Степанова Л.Г. Земельный вопрос и генеральное межевание на Крымском полуострове в конце XVIII – начале XIX вв. ……...100
Манаков П.В. К проблеме влияния интеграции Северо-Восточного Причерноморья в состав России на ситуацию на Северо-Западном и Центральном Кавказе в период командования генерала П.Д. Цицианова (1802–1806 гг.)……104

Клочков О.Б. Л.М. Серебряков: ещё раз о спорных моментах жизни и деятельности прославленного адмирала……110
Бершадская О.В. Этапы истории Черноморской губернии (округа)……..115
Назарова В.С. Британский германский легион в Крымской войне……....119
Клочков В.В. Сардинский экспедиционный корпус в Крымской войне….125
Гуменюк А.Ю. Пропагандистская политика войск противника в Крыму во время Восточной войны 1853–1856 гг. ……...131
Шаповалов С.Н. Подготовка к снятию укреплений отделений Черноморской береговой линии в период Крымской войны……..136
Скорик А.П. Федина И.М. Социальный проект каперства азовских казаков в Причерноморье в первой половине 1860-х годов……144
Шендрикова С.П. Социокультурные аспекты повседневной жизни Севастополя в пореформенный период……153
Нагаева Г.А. Местные органы власти провинциального города (на примере г. Новороссийска периода 1867–1920 гг.)……156
Марков Е.А. Н.В. Верещагин: он научил Россию делать сыр и масло…...162
Назарова Т.П., Редькина О.Ю. Вклад меннонитов в развитие кооперации в Таврической губернии: на материалах Спатского общества взаимного кредита (1912–1916 гг.)……168
Разумная Н.Н. Деятельность контрразведки на территории Одесского военного округа в 1914–1917 гг. ……...175
Петров В.И. Аспекты комплектования и вооружения российской армии на кавказском фронте в ходе Первой Мировой войны……182
Басте Р.Ю. Из прошлого аула Панахес……189

СЕКЦИЯ 2. ПРИЧЕРНОМОРЬЕ В ИСТОРИИ РОССИИ XX ВЕКА

Туфанов Е.В. К проблеме становления советского управленца в эпоху «военного коммунизма»: по материалам Юга России……195
Сивков С.М. Политические и территориальные противоречия лимитрофных образований Северного Причерноморья в условиях Великой российской революции (1917–1919 гг.)…….202
Новиков А.С., Стадник В.А. Донские и кубанские казаки в составе добровольческой армии в Донбассе в период Гражданской войны (1917–1920 гг.)…….208
Яхутль Ю.А. Фонды архивов Ростовской области и Краснодарского края как источник по истории региона в 1920-х гг. ……214
Чупрынников С.А. Антирелигиозные партийно-государственные кампании на Кубани в 1930-х гг. ……..220
Стадник В.А. Роль территориальных КК-РКИ в развитиии пищевой промышленности Донбасса в 1932–1934 гг. ……....226

Кринко Е.Ф. Роль книг памяти в установлении сведений о потерях населения Юга России в годы Великой Отечественной войны……..232
Киселёв И.В. Борьба на Приморском фланге битвы за Кавказ 1942–1943 гг. В трудах современных российских историков…….239
Гаража Н.А. Образ родины в советской пропаганде и в восприятии граждан. 1941–1945 гг. ……...245
Полянская Е.С. Сочи в первые дни Великой Отечественной войны……..251
Жукова Ю.А., Киндяков С.А. Оккупационный режим в станице Апшеронской по воспоминаниям местных жителей и мемуарам солдат вермахта……...258
Пушкаревич О.А. Роль 229-й стрелковой дивизии в Сталинградской битве…….264
Юрина Т.И. К вопросу о роли 2-го ОБМП в остановке немецкого наступления на крайнем Южном фланге фронта, на рубеже новороссийских цемзаводов в сентябре 1942 г. ……..271
Григорьян Л.Г. Медицинское сопровождение обороны «Малой земли» в воспоминаниях участников……278
Селюнина Н.В. Материальная база морского и речного транспорта южного региона в период Великой Отечественной войны и воссоздание системы управления……283
Ананьева Е.П. Факторы формирования региональной идентичности жителей Крыма (на материалах о послевоенном восстановлении г. Севастополя)……287
Лохова Т.В. Финансово-кредитные и промышленно-образовательные ресурсы СССР в восстановлении разрушенного нацистскими оккупантами народного хозяйства Юга России в 1943–1947 гг. …...296
Васильев И.Ю. Послевоенная Кубанская станица: повседневность в условиях восстановления…….302
Попов А.Д. Международное сотрудничества социалистических стран Причерноморья в сфере туризма (1950–1980-е годы)…….308
Дмитриевский А.В. Товарный дефицит и его проявления в Донецкой области в 1985–1991 гг.: некоторые причины и социальные аспекты…….315
Савицкий И.В. Существует ли историография «Крымской весны»?.....319

СЕКЦИЯ 3. ПРИЧЕРНОМОРЬЕ В ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ СОВРЕМЕННОСТИ

Малышева Е.М. Причерноморье и Северный Кавказ начала XXI в. в контексте обеспечения национальной безопасности России……...323
Кислицын С.А. Северное Причерноморье – связующее пространство или геополитическое препятствие между Россией и новой Украиной….330

Таловић В., Милосављевић С. Украјинска кризе из перспективе руско-америчких односа.....334
Морозов И.Л. «Крымский прецедент» в геостратегии современной России……...341
Баранов А.В., Плащинский А.А. Межгосударственное взаимодействие Беларуси и России в контексте проектов интеграции евразийского пространства (геополитический аспект)……...349
Когут В.Г., Нурышев Г.Н. Севастополь в новой геополитике……....358
Анчев С.И. Румыния и Молдова после 2014 года……364
Бахтуридзе З.З. Организация Черноморского экономического сотрудничества: достижения и перспективы……369
Рябцев В.Н. Украина как типичная «страна – лимитроф»: история и современность……...375
Пашковский П.И. Соотношение фактов присоединения Крыма к России и периодов российской интеграционной активности……..385
Говорухина К.А., Телятник Т.Е. Геополитические вызовы истории Причерноморья: современное понимание проблемы……..389
Онопко О.В. Геополитический статус Азовского региона: историческая трансформация и современные характеристики……..394
Козик К.А. Политика США в отношении Турции: основные контуры взаимоотношений в начале 1990-х г. ……400
Лоншаков Д.А. Деятельность российской армии по обеспечению мирного характера воссоединения Крыма и Севастополя с Российской Федерацией……..408
Сенюшкин Е.А. Публичная дипломатия как элемент системы управления рисками в условиях международной блокады Крыма……414
Юрченко Н.Н. Интегационная политика России на Южном направлении: намерения и препятствия……420
Костенко Ю.В. Демографические и миграционные процессы в Краснодарском крае: политический аспект……...428
Харькова В.А., Чернявская К.А. Миграции с Юго-Востока Украины в южные районы Краснодарского края……435
Васюк С.В. Специфика освещения воссоединения Крыма с Россией в телевизионных новостных программах (на материалах программы «время» на «первом канале»)……441
Сичак Е.Н. Воссоединение Крыма с РФ в заявлениях российских оппозиционных политических партий……..446
Маслацева Е.В. Влияние геополитических угроз на военную безопасность Российской Федерации……...453
Галстян К.А. Россия и страны Причерноморья: развитие экономического сотрудничества и проблемы взаимодействия (конец XX – начало XXI века)……..458

СЕКЦИЯ 4. СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ПРИЧЕРНОМОРЬЯ И ВОСПИТАНИЕ РОССИЙСКОГО ПАТРИОТИЗМА

Беспалова Т.В. Формирование исторического самосознания молодежи как фактор укрепления государственного суверенитета России……..466
Боженко С.Н., Минц С.С. Коммеморативный аспект советской системы охраны античного наследия……....471
Матвеев О.В. У истоков Темрюкского краеведения……...478
Сивков М.С. Попытка возведения памятника герою Русско-Турецкой войны 1787–1791 гг. Генералу И.И. Герману……...484
Акоева Н.Б. Проекты организации работы музеев Кубани в годы Гражданской войны……488
Лютов Е.Е. Береговая батарея № 48 в Керчи. Использование полевых материалов в реконструкции событий Великой Отечественной войны……492
Скоробогатов С.Б. Увековечивание памяти летчиков – участников Великой Отечественной войны в названиях улиц г. Севастополя….497
Сенюшкина Т.А. Цивилизационная идентичность как фактор воссоединения Крыма с Россией……...504
Вакулова Т.В. Место Причерноморья в противостоянии российской и западной цивилизаций……510
Романович Н.А. Крым и Россия: различия оценок ситуации общественным мнением……514
Донцова М.В., Юрченко И.В. Гражданская идентичность как интеграционный фактор развития человеческого потенциала Причерноморья……521
Вахрамеева Д.В., Муха В.Н Присоединение Крыма в оценках разных поколений россиян……..528
Ситнова И.В. Поиск идентичностей жителями Севастополя как необходимое условие их встраивания в российскую социальную общность……..533
Татаринов И.Е., Герасимов А.В. Южнорусская идентичность на Донбассе: некоторые особенности бытования в XXI веке……....537
Гарас Л.Н. Специфика межправославных отношений в современной Украине……545
Щёголев Е.Н., Миловзорова М.Н. Идеология как фактор формирования политической инфраструктуры государства: потенциал воссоединения Крыма с Россией……..551
Парахина В.Ю. Роль региональной идентичности и символической политики в воссоединении Крыма с Российской Федерацией……...557

Геращенко И.Н. Воспитание российского патриотизма у кадетов и студентов посредством проектирования и реализации экскурсионных проектов…….561
Дрыгина Н.А. Нравственно-психологические установки призывников и военнослужащих срочной службы Юга России: патриотизм или экстремизм……....567

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Научное издание

ПРИЧЕРНОМОРЬЕ В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ: ИСТОРИЯ, ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА

Материалы Международной
научно-практической конференции

Печатается в авторской редакции

Подписано в печать 22.10.2019. Формат 60×84 1/16
Уч.-изд. л. 28,9. Тираж 500 экз. Заказ № 3941.
Кубанский государственный университет
350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149
Издательско-полиграфический центр КубГУ
350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149